

Учредитель
ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

ВЕСТНИК
БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Издается с 1997 г.

Выходит 15 раз в год

Выпуск 8/2015
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-36152 от 06 мая
2009 г. Федеральная служба
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Адрес редакции
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Смолина, 24а
E-mail: railia@mail.ru

Адрес издателя
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

Перевод на англ. яз. *Д. И. Бураев*,
С. В. Сазонова
Редакторы статей на китайском
языке *Э. К. Шохоев*,
Б.-Х. В. Дамдинова
Редактор статьи на корейском
языке *Д. С. Цыденова*

Редактор *А. Д. Танхаева*
Компьютерная верстка
Л. П. Бабкиной

Подписано в печать 29.05.15.
Формат 60 x 84 1/8.
Усл. печ. л. 26,27. Уч.-изд. л. 20,48.
Тираж 1000. Заказ 138.
Цена договорная.

Отпечатано в типографии
Издательства БГУ
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Сухэ-Батора, 3а

*Журнал включен Высшей аттестационной комиссией
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основ-
ные научные результаты диссертаций на соискание уче-
ных степеней доктора и кандидата наук*

Редакционный совет «Вестника БГУ»

Н. И. Мошкин, д-р техн. наук, проф., и. о. ректора Бурятского го-
сударственного университета (председатель); *А. В. Номоев*, д-р
физ.-мат. наук, доц., проректор по НИР БГУ (зам. председателя);
П. А. Минакир, д-р экон. наук, акад. РАН; *А. Л. Асеев*, акад.,
чл.-кор. РАН, вице-президент РАН, председатель Сибирского
отделения РАН; *М. Р. Бакланов*, д-р хим. наук, проф. (Бельгия);
П. Ю. Саух, д-р филос. наук, проф. (Украина); *С. Н. Васильев*,
д-р физ.-мат. наук, акад. РАН; *И. А. Тайманов*, д-р физ.-мат. наук,
акад. РАН; *К. Цецура*, д-р философии по коммуникации
и связям с общественностью, проф. Университета Оклахомы
(США); *Оде Сесилия*, проф. (Нидерланды); *Ван Яминь*, проф.,
декан факультета русского языка Института иностранных язы-
ков Восточно-Китайского педагогического университета (Ки-
тай); *Г. Ц. Дамбаев*, д-р мед. наук, проф., чл.-кор. РАН;
О. В. Матыцин, д-р пед. наук, проф., чл.-кор. РАО, президент
Российского студенческого союза, президент РГАФК

Редакционная коллегия выпуска

Д. И. Бураев, д-р ист. наук, проф. (гл. ред.); *Л. Е. Янгутов*, д-р
филос. наук, проф.; *Э. К. Шохоев*, канд. ист. наук, доцент;
Ж. Б. Бадагаров, канд. филол. наук; *Д. В. Дашибалова*, канд.
филол. наук; *В. В. Дашеева*, канд. филол. наук, доцент

GY

УДК 811.512.3:373

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-3-8

Имя числительное в дагурском и бурятском языках

© **Бадагаров Жаргал Баяндалаевич**

кандидат филологических наук, заведующий кафедрой филологии Центральной Азии Бурятского государственного университета.

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4

E-mail: bjargal@mail.ru

В рамках данного исследования производится комплексный диахронический анализ числительных в дагурском и бурятском языках с экскурсами в этимологию корневых и морфемных элементов, что позволяет сделать вывод об общности как исходного материала, так и моделей семантического развития разрядов имен числительных в обоих языках. Различия носят в основном фонетический характер и лежат в русле дагурско-бурятских звуковых соответствий. Некоторые слова в дагурском языке, обозначающие количество или часть, которые могут употребляться самостоятельно или с числительными, имеют параллели в западнобурятских говорах. Дагурские числительные во многих случаях дают возможность прояснить этимологию на общемонгольском уровне.

Ключевые слова: монгольские языки, дагурский язык, бурятский язык, диалекты, имя числительное, морфология, этимология.

Numerals in Dagur and Buryat

Jargal B. Badagarov

PhD, head, Department of Philology of Central Asia, Institute of Oriental Studies, Buryat State University
4, Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The paper presents a diachronic analysis of numerals in Dagur and Buryat along with some ideas on etymologies of stems and morphemes. The analysis reveals common features both in building blocks of Dagur and Buryat numerals and in semantic motivation underlying the surface forms. The variation is mostly phonetic, and lies within Dagur-Buryat regular sound correspondences. Dagur has some lexical items used in, as or with numerals common with Western Buryat. The linguistic material of Dagur numerals helps to shed some light on Common Mongolic etymologies.

Keywords: Mongolic languages, Dagur, Buryat, Buriat, dialects, numerals, morphology, etymology.

В статье рассматриваются числительные дагурского и бурятского языков, дается комментарий по поводу происхождения тех или иных форм числительных. В качестве материала для исследования использованы собственные полевые данные, полученные в ходе экспедиции 2002 и 2012 гг. (Мориндава и Мэйлисы), а также словари и грамматики дагурского, бурятского и других монгольских языков.

Числительные в монгольских языках как лексико-грамматический разряд характеризуются определенными грамматическими и лексическими особенностями, позволяющими выделить их в особый разряд слов монгольских языков. Числительные характеризуют предмет, действие или состояние с количественной стороны, а также определяют его место (порядок) в ряду однородных предметов. Количество может быть определенным или неопределенным, может осмысливаться как совокупное или дискретное множество. В бурятском языке выделяются следующие разряды числительных: 1) количественные; 2) собирательные; 3) порядковые; 4) распределительные; 5) приблизительные; 6) дробные [2, с. 126–136]. В дагурском языке Н. Н. Поппе находил такие разряды числительных, как 1) количественные; 2) порядковые; 3) разделительные; 4) собирательные; 5) множительные; 6) ограничительные (уменьшительные) [3, с. 143–145]. Б. Х. Тодаева выделяет 1) количественные; 2) собирательные; 3) порядковые; 4) разделительные и 5) дробные числительные [6, 1986, с. 57–59]. Хас-Эрдэни и Намцарай в своей сравнительной грамматике выделили 1) количественные; 2) порядковые; 3) собирательные; 4) распределительные; 5) множительные; 6) приблизительные; 7) дробные [8, с. 192–207].

Количественные числительные в дагурском и бурятском языках представлены одними и теми же лексическими единицами. Особенности обусловлены закономерными фонетическими процессами, характерными для обоих языков. Образование составных числительных также происходит по общемонгольским моделям. Ниже приводится сравнительная таблица бурятских и дагурских числительных.

Таблица 1

Количественные числительные дагурского и бурятского языков

Даг.	Бур.	Знач.	Даг.	Бур.	Знач.
<i>nək</i>	нэгэ(н)	1	<i>tabʹ</i>	таби(н)	50
<i>xojir</i>	хоёр	2	<i>tabin ta:w</i>	табин таба(н)	55
<i>guarba</i>	гурба(н)	3	<i>dʒarʹ</i>	жара(н)	60
<i>durbu</i>	дүрбэ(н)	4	<i>dʒarʹin dʒirgo:</i>	жаран зургаа(н)	66
<i>ta:w</i>	таба(н)	5	<i>dal</i>	дала(н)	70
<i>dʒirgo:</i>	зургаа(н); зап.-бур. жоргоо(н) йоргоо(н)	6	<i>dalan dolo:</i>	далан долоо(н)	77
<i>dolo:</i>	долоо(н)	7	<i>naji</i>	ная(н)	80
<i>naim</i>	найма(н)	8	<i>najin naim</i>	наян найма(н)	88
<i>jis</i>	юхэ(н)	9	<i>jir</i>	ерэ(н)	90
<i>xarba</i>	арба(н)	10	<i>jirən jis</i>	ерэн юхэ	99
<i>xarban nək</i>	арбан нэгэ(н)	11	<i>dʒau</i>	зуу(н)	100
<i>xorʹ</i>	хори(н)	20	<i>dʒaugofʹin ta:w</i>	зуун гушан таба(н)	135
<i>xorin xojir</i>	хорин хоёр	22	<i>xojirdʒau</i>	хоёр зуу(н)	200
<i>gofʹi</i>	гуша(н)	30	<i>mʹaŋga</i>	мянга	1000
<i>gofʹin guarba</i>	гушан гурба(н)	33	<i>mʹaŋga nək</i>	мянга нэгэ(н)	1001
<i>dufʹi</i>	дүшэ(н)	40	<i>mʹaŋgaxojirdʒau tabin xojir</i>	мянга хоёр зуун табин хоёр	1252
<i>dufʹin durbu</i>	дүшэн дүрбэ(н)	44	<i>guarban mʹaŋga</i>	гурбан мянга	3000

При образовании составных числительных основа простого числительного в бурятском языке, кроме *нэгэ* ‘один’, *хоёр* ‘два’ и *мянга* ‘тысяча’, приобретает конечный *-н*. В дагурском *-н* присоединяется не ко всем основам, а только к таким числительным, как *guarba*, *durbu*, *ta:w*, *naim*, *jis*. Например: даг. *гуарбан джэу* ‘триста’, *дурбун мянга* ‘четыре тысячи’, *тааван тум* ‘пятьдесят тысяч’; бур. *нэгэ мянга хоёр зуун дүшэн таба* ‘одна тысяча двести сорок пять’.

Вариант *jurən*, который Н. Н. Поппе [3, с. 143] был склонен считать подтверждением гипотезы Г. И. Рамстедта, возводившего монг. **yeren* к тур. *yüz*, на самом деле является фонетическим развитием, свойственным Хулун-Буирскому региону. Сравните, например, характерное для всего района произношение слова **šine* ‘новый’, как *сюн* ~ *сюнө*. Это слово в таком же виде встречается и у баргутов [9, 173], и у шэнэхэнских бурят. Эволюцию данного процесса можно представить следующим образом: **šine* > **šene* (*e* здесь огубленный гласный среднего ряда, который рядом с шипящим становится переднеязычным, т. е. *šöne*, этот гласный имеет тенденцию становиться более закрытым под влиянием палатального согласного) > *šüne*. Числительное *jurən* хайларского диалекта дагурского языка, по всей вероятности, прошло абсолютно идентичный путь развития, т. е. **yiren* > **yeren* > *yüren*.

Глухой гласный *k* в числительном *nək* обусловлен ауслатной позицией. Хотя это не чистый ауслат, т. к. в дагурском языке после любого согласного, кроме *ŋ*, часто произносится очень краткий гласный призвук. Долгий гласный в числительном *ta:w* ‘пять’ многие исследователи склонны возводить к долготе, характерной для праязыкового состояния, так называемой первичной долготе. Числительные бур. *жоргоо* и даг. *джиргоо* ‘шесть’ восходят к одинаковой праформе **jirγuγan*, которую можно считать составной и разбить на элементы **jir* два + *γu(r)* три + *γ(~b)an*. Корнем этих древних числительных можно считать **ji* и **yu*.

Интересно появление палатализованного *r* в числительном *dʒarʹ* ‘шестьдесят’. На наш взгляд, это обусловлено наличием в слове среднеязычного согласного *dʒ*, который оказывает палатализующее воздействие на все слово в целом.

Наши аудиозаписи показывают, что при счете дагурские числительные получают эмфатическое ударение на первом слоге. То же самое справедливо и в отношении бурятского языка, в котором при счете числительные получают ударение на первый слог. Однако данный факт не находит отражения в научной литературе. Подобное смещение ударения происходит и в башкирском языке. Вполне вероятно, что это общеалтайская особенность.

Что касается морфологического состава числительных и их этимологии, то можно отметить

следующее. Морфологический анализ возможных праформ показывает, что практически все числительные, включая числительные первого десятка, являются сложными: *ni-gen*, *qoy+a* (соед. глас.?)*+r*, *γu+r+ban*, *dö+r+ben*, *tab+un*, *ji+r+γu+γan*, *dolu+γan*, *nay+man*, *yis+ün*; *a+r+ban*, *qor+in*, *γu+č+in*, *dö+č+in*, *tab+in*, *ji+r+an*, **dol+an*, *nay+an*, *yer+en*.

Представленный выше разбор основан на следующем анализе. Корень **ni* (с учетом чередования *i~e* также **ne*) мы находим в таких словах, как **neyilekü* [4, с. 65], бур. *ниилэхэ*, халх. *нийлэх*, калм. *ниилх* 'соединяться', **neyislel*, бур. *ниислэл*, халх. *нийслэл* 'столица', **neyite*, бур. *ниитэ*, халх. *нийт*, калм. *ниит* 'общий', **niyta*, бур. *нягта*, халх. *нягт*, калм. *нигт* 'плотный; аккуратный'. К корню **ni* присоединен неясный нам формант *-gen*. Очевидна связь *-gen* с *-γan* в таких числительных, как *jiγu-γan* 'шесть', *dolu-γan* 'семь'. Поскольку в словоизменительных аффиксах распространено чередование *b~g*, то логичным будет предположить и тождественность *-ban/-ben* в *γur-ban* 'три', *dör-ben* 'четыре'. Еще одним довольно распространенным в монгольских языках чередованием является соответствие *b~m*, что позволяет нам включить в круг уже отождествленных морфем показатель *-man* в числительном *nay-man* 'восемь'. Корневые элементы суть следующие: 1 — **ni~*ne*, 3 — **γur*, 4 — **dör*, 6 — **ji+r+γu(r)*, 7 — **dol(u)*, 8 — **nay*. В числительном 'шесть' первый корень *ji+r* представлен в памятниках среднемонгольского периода и имеет значение 'два'. Этот же корень мы можем видеть в таких словах, как письм.-монг. *ji+r+müsün* 'беременная' из *ji+r* 'два' и *mösün* 'часть тела, орган, ответвление', *ji+či* < **ji+rč* 'во-вторых; еще; Post Scriptum' и т. п. Второй корень **γu(r)* показывает исчезновение **r* перед согласным, аналогичное тому, что мы наблюдаем в **ji+rči* > *ji+či*, такое же явление имеет место при образовании десятков: *γu+čin* 'тридцать'.

Итак, числительные 1, 3, 4, 6, 7, 8, как видно из вышеизложенного, состоят из некоего древнего корня или корней и аффикса *-(b/g/m)an*:

- 1 — **ni~ne + gen*
- 3 — **γu(r) + ban*
- 4 — **dör(r) + ben*
- 6 — *ji+r+γu(r) + ban*
- 7 — **dolu + γan*
- 8 — **nay + man*

Видно, что формант **ban~*γan~*man* сохраняет **b* в позиции после согласного, впоследствии исчезнувшего. В интервокальной позиции **b* > **g*. Развитие **b* > **m* в форманте **man*, на наш взгляд, неслучайно и может служить свидетельством особого качества предыдущего согласного **y*: видимо, это был назализованный **y̆*.

Формант **ban ~ *γan ~ *man ~ *ben ~ *gen* вполне мог быть самостоятельным словом, полностью грамматикализовавшимся в процессе длительной эволюции. Мы не исключаем того, что это могло быть некое счетное слово, некое существительное, типа таких слов, как *толгой* 'голова' (при счете крупного рогатого скота), *аяга* 'чашка' и т. д. Например: бур. *зуун толгой мал* 'сто голов скота', *хоёр аяга сай* 'две чашки чая' и т. п. Что касается исходной формы этого слова, на данный момент очень трудно делать какие-либо предположения. Укажем лишь, что один из аллофонов этого аффикса, а именно *-gen*, формально похож на счетное слово *↑ge* в китайском языке.

За рамками представленной модели остались числительные 2, 5 и 9. Числительное 6 и данные «Тайной истории монголов» показывают, что в значении 2 использовалось числительное **ji+r*, которое вполне соотносимо с тунгусо-маньчжурским *ji+r* 'два'. Что же представляет собой числительное *qoyar* 'два', которое мы находим в современных монгольских языках? Разложимо ли оно? Или является неразложимым целым? Данное слово, как большинство многосложных слов, скорее всего, может быть разложено на составные элементы: корень и аффикс — *qoy + ar*. Ауслатный **y* в корневом элементе здесь имеет другое качество и иную историю развития, нежели ауслатный **y* в корне **nay* 'восемь': данный звук восходит к фонемному комплексу **j~*š*, а сам корень может быть соотнесен со словом *хос* 'пара', который находится в группе корней с чередованием *с~ш* в ауслате типа *хас ~ хаиш* 'яшма', бур. *абьяас* 'талант' (< вероятно из халх. *авьяас*) ~ бур. *абааштай* 'шустрый; такой, что своего не упустит'. Этот же корень мы находим в распределительном числительном *qošiγad* 'по-два, около двух'.

Порядковые числительные в обоих сравниваемых языках имеют сходные модели образования. Как в бурятском, так и в дагурском языке наличествует аффикс, восходящий к **-duγar/-düger*: даг. *-daar/-deer*, бур. *-дугаар/-дүгээр*. Кроме этого, в бурятском порядковые числительные образуются при

помощи аффикса *-даху*³. Например: даг. *nekdeer, hoirdaar, yisdeer, durubdeer, taawudaar*, бур. *нэгэдүгээр / нэгэдэхи, хоёрдугаар / хоёрдоху, гурбадугаар / гурбадаху, дүрбэдүгээр / дүрбэдэхи, наймадугаар / наймадаху*. В дагурском известны формы, восходящие к письм.-монг. *yutayar, döteger, tabtayar* и, вероятно, представляющие собой заимствования из письм.-монг.: *gutaar, duteer, tabtaar* (вм. ожидаемого *taawtaar*).

Из перечисленных аффиксов в бурятском более широкое употребление имеет аффикс *-даху*³, тогда как *-дугаар*² является более книжной формой. Порядковые числительные могут склоняться и принимать аффиксы личного и безличного притяжания: бур. *хоёрдохуиень, табадахуда, зургаадахитайнь, нэгэдэхимни, нэгэдэхиеэ, арбадахияя, гушадахиини*, даг. *гочдаарии, хойирдаартиинь* и т. п.

К словам, выражающим порядок следования, можно отнести такие слова как, бур. *ууган*, даг. *ауган*, письм.-монг. *иууан* ‘первый’ < *абууан ‘id.’; бур. *жэиэ*, даг. *jeeq*, письм.-монг. *jiçi* ‘второй’ < **ji(r)çi* ‘id.’

Собирательные числительные в обоих сравниваемых языках также имеют сходные модели образования: бур. *-уулан* (*-үүлэн, -юулан, -луулан*) [2, с. 131], даг. *-aal, -eel, -ool, -iel, -l* (последний аффикс присоединяется к основам на долгий гласный), а также *-aalan, -eelen, -oolon, -ielan, -ielen, -lon*. Например: бур. *арбуулан*, даг. *harbaal ~ harbaalan* ‘вдесятером’; бур. *юүүлэн*, даг. *yiseel ~ yiseelen* ‘вдвештером’; бур. *хоюулан*, даг. *hoyool ~ hoyoolon* ‘вдвоем’; бур. *зургаалуулан*, даг. *jirwool ~ jirwoolon* ‘вшестером’; даг. *tawoolon* ‘впятером’, *horielan* ‘двадцать человек вместе (вдвдцатиром)’.

Собирательные числительные обладают всеми именными категориями. Склонение такое же, как и у существительных, например:

Таблица 4

Склонение собирательных числительных

Падежи	Даг.	Бур.
Им.п.	<i>гуарбоол</i>	<i>хоюулан</i>
Род.п.	<i>гуарбоол^ои</i>	<i>хоюуланай</i>
Дат.-местн.	<i>гуарбоолд</i>	<i>хоюуланда</i>
Вин.п.	<i>гуарбоол^ои</i>	<i>хоюуланише, хоюулайе</i>
Оруд.	<i>гуарбоолаар</i>	<i>хоюуланаар</i>
Совм.	<i>гуарбоолтии</i>	<i>хоюулантай</i>
Исх.	<i>гуарбоолаас(-р)</i>	<i>хоюуланһаа</i>

Примеры употребления аффиксов личного притяжания с собирательными числительными: бур. *хоюуланаймнай, хоюуландань, хоюуланһаатнай, хоюуландаа, хоюуланайнгаа*.

При присоединении аффикса безличного притяжания конечный *-н* отпадает: *хоюулан+аа — хоюулаа, юүүлэн + ээ — юүүлээ*.

Множительные числительные обозначают количество повторений действия. Синтаксически обычно выступают в роли обстоятельства. Обычные количественные числительные, употребленные при глаголе, также выражают значение множественности, количества повторений. Например: даг. *иин тэриш гуараб таркасан* ‘он ударил его три раза’, бур. *тэрээнтэй гурба уулзаа һэм* ‘я с ним виделся три раза’. В этом случае конечное *-н* у числительного отсутствует.

Множительные числительные образуются аффиксальным способом путем присоединения аффикса *-та*³ к полной основе количественного числительного в бурятском языке, а также лексически при помощи слов: даг. *мадан ~ мудаан* ‘раз’, *эрин* ‘раз; время’, *туртаан* ‘один раз’, *дагезгаар* ‘второй раз’, а также послелого *таан* ‘раз’; бур. *удаа, дахи(н)*. В отношении послелого даг. *таан* ‘раз’ Намцарай и Хас-Эрдэни считают, что он может иметь китайское происхождение [8, с. 204]. Даг. *мадан ~ мудаан* и *эрин* имеют именное происхождение, по крайней мере, в пользу этого говорит тот факт, что числительные при них имеют полную форму с *-н*. Однако даг. *мадан* может иметь глагольное происхождение и быть связанным с глаголом *мадбэй* ‘возрастать, нарастать, множиться’ по аналогии с бур. *дахин* от глагола *дахиха* ‘повторяться’. Впоследствии могла произойти контоминация *мадан* и *мудаан* по аналогии с другим словом *удаа* < *удаяа от глагола *удаха* ‘задерживаться’. Фонологическая, а затем и фонетическая нейтрализация кратких и долгих гласных в последнем слоге привела к фиксации двух вариантов с кратким и долгим гласным в последнем слоге. Слово бур. *удаа* ‘раз’ имеет именное происхождение и требует, чтобы числительное стояло в определительной форме с конечным *-н*. Даг. *эрин* ‘время’ также требует

числительное в полной форме. Бур. *дахин* ‘раз’, как уже было отмечено выше, имеет глагольное происхождение, а именно является формой слитного деепричастия от глагола *дахиха* ‘повторять’. Однако это слово развилось в счетное слово, в пользу этого говорит то, что перед глаголом он часто теряет конечный *-н*, например: бур. *хоёр дахи харааб* ‘я видел два раза’. В бурятском языке по аналогии с числительными конечное *-н* теряет слово *олон* ‘много’, например: *оло дахин бү хэлэ* ‘не повторяй (не говори) много раз’, ср. халх. *олон дахин битгий хэлээд бай* ‘не повторяй (говори) много раз’.

Примеры: даг. *Туртаан хиигүдээ шадтан увэйбии* ‘В первый раз я не смог сделать’; *гуарбан мадан* ‘три раза; трижды’, *джау мадан* ‘сто раз’, *тумун мадан* ‘десять тысяч раз’; *хойир таан* ‘дважды’, *тааван таан* ‘пять раз’; *нэк эрин* ‘один раз’, *гуарбан эрин* ‘три раза, трижды’, *джиргоо эрин* ‘шесть раз’; бур. *гурбанта* ‘трижды’; *гурбан удаа* ‘три раза’; *дүрбэ дахин* ‘четыре раза’.

Приблизительные числительные выражают приблизительное, примерное количество вокруг той основы, от которой образуются. Образование аффиксальным способом происходит при помощи аффиксов даг. *-аад*, *-ээд*, *-еэд*; бур. *-аад*⁴. Например: даг. *харбаад*, бур. *арбаад* ‘примерно десять; около десяти’; даг. *гочээд*, бур. *гушаад* ‘примерно тридцать; около тридцати’; даг. *ийсээд*, бур. *юһөөд* ‘примерно девять; около девяти’.

Приблизительные числительные можно образовать лексически при помощи слов даг. *хулуу*, бур. *үлүү* ‘более’, бур. *гара(н)* ‘более’; даг. *шакан* ‘почти’, бур. *шахам* ~ *шахуу* ‘id.’, бур. *оршом* ‘приблизительно, около’. Например: даг. *тааву хулуу* ‘более пяти’, бур. *табанһаа үлүү*, *табагара* ‘id.’; даг. *мянга хулуу гаджир* ‘более тысячи ли (более пятисот километров)’, бур. *мянга үлүү*, *мянга гаран модо* ‘id.’; даг. *хори шакан* ‘почти двадцать’, бур. *хори шахуу* ‘id.’; бур. *зуу оршом модо* ‘около ста километров’.

Приблизительность можно выразить и синтаксически путем употребления словосочетаний из двух числительных, второе из которых должно быть немного больше, чем первое, т. е. расстояние между ними не должно превышать один разряд. Например: даг. *таав джиргоо* ‘пять-шесть’, *долоо найм мянга* ‘семь-восемь тысяч’, *джау дучи таби* ‘сто сорок-пятьдесят’, бур. *зуу хоёр зуу* ‘сто-двести’, *арба арбан табан мянга* ‘десять пятнадцать тысяч’. Нельзя сказать: бур. *юһэ арбан нэгэ ‘девять-одиннадцать’, *гушан юһэ дүшэн нэгэ* ‘тридцать девять-сорок один’.

Распределительные числительные в бурятском образуются путем присоединения аффиксов *-аад*⁴ к основам на краткую гласную, кроме *и*, *-гаад*⁴ к основам на долгую и *-яад*³ к основам на краткую *и*. Например: *арба* — *арбаад*, *хори* — *хорёод*. От числительных *нэгэн* и *хоёр* образуются формы *нэжээд* ‘по одному’ и *хошоод* ‘по два’. В дагурском распределительные числительные образуются посредством аффиксов *-аагаар*, *-еегеер*, *-оогаар*, *-оогоор*, *-гаар*, *-геер*, например: *nikeegeer*, *hoiroogoor*, *guarbaagaar*, *durbeegeer*, *taawoogaar*, *doloogaar*, *horigaar*, *duqigeer*. От числительных один и два также образуются две особые формы: *nijeel* и *hooxiel*.

Распределительные числительные также образуются путем редупликации количественного числительного, например: бур. *нэгэ-нэгэ*, *гурба-гурба*, *зуу-зуу*, даг. *neknek*, *guarabguarab*. В определительной позиции второй числительный принимает *-н*. Распределительные числительные могут изменяться по падежам и принимать аффиксы личного и безличного притяжания.

Дробные числительные выражают дробное количество, часть от целого. Дробные числительные образуются в рамках особой синтаксической конструкции со словом даг. *оби* < *qubi (ср. калм. *хөв*), бур. *хуби* ‘часть’. Например: даг. *дурбун оби гуарбынь* ‘три четверти (досл.: от четырех частей три)’, *хойир оби нэкин* ‘одна вторая’; бур. *дүрбэнэй нэгэ хуби* ‘одна четвертая (досл.: от четырех одна часть)’, *гурбанай хоёр хуби* ‘две трети’. В бурятском языке допустимо опущение слова *хуби*. Например: *дүрбэнэй нэгэ* (одна четверть), *арбанай юһэ* (девять десятых) и т. п.

Кроме того, для этих же целей используются слова со значением части целого. Например: даг. *контого*, бур. *хахад* ‘половина’, даг. *кайтага* ~ *калтарбеэн* ‘половина’, даг. *джууруу* ‘пара’, бур. *хос* ‘id.’, даг. *чичуку* ‘нечетный, левый (ведомый из пары)’, бур. *һалгай* ‘id.’, даг. *сотоку* ‘один из пары’, бур. *үрөөһэн* ‘id.’.

Сравнительный анализ числительных в дагурском и бурятском языках показал, что в основной массе корневые и аффиксальные элементы, образующие различные разряды числительных, совпадают. Поскольку совпадения находятся в русле регулярных звуковых соответствий между рассматриваемыми языками, то очевидно, что они обусловлены генетическим родством. Отдельные лексические совпадения, в частности для слов, имеющих значение ‘половина’, между дагурским, с одной стороны, и западнобурятскими говорами — с другой, позволяют предполагать наличие более интенсивных связей, в том числе языковых, которые происходили в средневековье.

Список сокращений

- бур. — бурятский язык
 даг. — дагурский язык
 ст.-баргут. — язык старых баргутов
 зап.-бур. — западнобурятские говоры
 калм. — калмыцкий язык
 монг. — монгольский язык
 письм-монг. — язык монгольской письменности
 халх. — язык халха-монголов
 ГБЯ — [Грамматика бурятского языка, 1962]
 ВААÜ — Словник баргутского говора [Uuta nar, 1983]

Литература

1. Бадагаров Ж. Б. Грамматические категории имен существительных бурятского и дагурского языков // Мир Центральной Азии. Т. 4, ч. 1. Языки. Фольклор. Литература. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. — С. 11–14.
2. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. — М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. — 340 с.
3. Поппе Н. Н. Дагурское наречие. — М.;Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1930. — 178 с.
4. Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание: морфология. — М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. — 254 с.
5. Руднев А. Д. Хори-бурятский говор: опыт исслед., тексты, пер. и примеч. Вып. 1. Опыт исследования. — Пг, 1913. — С. 137.
6. Тодаева Б. Х. Дагурский язык. — М.: Наука, 1986. — 187+[2] с.
7. Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. — М.: Наука, 1979. — С. 148.
8. Namcarai Qaserdeni. *Dayur kele mongyul kelen-ü qaričayulul* [Сравнительная грамматика дагурского и монгольского языков]. — Kökeqota: Öbür Mongyul-un arad-un keblel-ün qoriy=a, 1983. — 8+655 с.
9. Uuta nar. *Barγu aman ayalyun-u üges* [Словник баргутского говора]. — Kökeqota: Öbür Mongyul-un arad-un keblel-ün qoriy=a, 1983. — 2+14+162 с.

References

1. Badagarov Zh. B. Grammaticheskie kategorii imen sushchestvitel'nykh buryatskogo i dagurskogo yazykov [Grammatical categories of nouns in the Buryat and the Dagur languages]. *Mir Tsentral'noi Azii. T. 4. Chast' I: Yazyki. Fol'klor. Literatura — World of Central Asia. Vol. 4. Part 1: Languages. Folklore. Literature.* Ulan-Ude: SB RAS BSC publ., 2002. Pp. 11–14.
2. *Grammatika buryatskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [The Buryat language grammar. Phonetics and morphology]. Moscow: Oriental literature publ., 1962. 340 p.
3. Poppe N. N. *Dagurskoe narechie* [Dagur speech]. Moscow–Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1930. 178 p.
4. Ramstedt G. I. *Vvedenie v altaiskoe yazykoznanie: Morfologiya* [Introduction to Altaic linguistics: morphology]. Moscow: Foreign Literature publ., 1957. 254 p.
5. Rudnev A. D. *Khori-buryatskii govor. Vyp. 1. Opyt issledovaniya* [Hori-Buryat dialect. Vol. 1. Research experience]. Petrograd, 1913. P. 137.
6. Todaeva B. Kh. *Dagurskii yazyk* [The Dagur language]. Moscow: Nauka, 1986. 187+[2] p.
7. Tsydendambaev Ts. B. *Grammaticheskie kategorii buryatskogo yazyka v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii* [Grammatical categories of the Buryat language in historical and comparative light]. Moscow: Nauka, 1979. P.148.
8. Namcarai, Qaserdeni. *Dayur kele mongyul kelen-ü qaričayulul* [Comparative Grammar of the Dagur and the Mongolian languages]. Kökeqota: Öbür Mongyul-un arad-un keblel-ün qoriy=a, 1983. 8+655 p.
9. Uuta nar. *Barγu aman ayalyun-u üges* [Dictionnaire of Bargut dialect]. Kökeqota: Öbür Mongyul-un arad-un keblel-ün qoriy=a, 1983. 2+14+162 p.

УДК 811.512.36

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-9-12

Категории модуса в монгольском языке

© **Бадмацыренова Надежда Бадмажаповна**

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологии Центральной Азии Бурятского государственного университета

Россия, 670000 г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4

E-mail: nadya_dambayeva@mail.ru

В статье рассматриваются актуализационные и квалифитативные категории монгольского модуса. Как известно, сущность метакатегорий модуса состоит в соотношении плана содержания сообщения с действительностью в системе координат «лицо — модальность — время — пространство», которые в сущности являются маркерами предикативности. В свою очередь, квалифитативность модуса в монгольском языке представлена авторизацией, достоверностью и оценочностью. Так, авторизация характеризует источник информации, квалифицируя данное высказывание в оппозиции «своя/чужая речь». Персуазивность как оценка полноты знаний о сообщаемом выражает степень уверенности говорящего в объективном содержании сообщения. Оценочность в тесной связи с эмоциональностью является показателем, выражающим позитивное или негативное отношение говорящего к ситуации в целом или к ее составляющим. Монгольский язык обладает широким инструментарием средств выражения представленных категорий модуса.

Ключевые слова: монгольский язык, семантический синтаксис, модус, диктум, метакатегории, квалифитативные категории.

Modus Categories in the Mongolian Language

Nadezhda B. Badmatsyrenova

PhD, Senior Lecturer of the Department of Philology of Central Asia, Buryat State University

4, Ranzhurova Str., 670000 Ulan-Ude, Russia

This article is devoted to actualisation and qualifitative category of Mongolian modus. It is known, the essence of metacategory modus is the ratio of plan content of the message with the reality in the coordinate system «person — modality — time — space», which, in essence, are markers of predication. In turn, qualifitative modus in the Mongolian language provided authorization, reliability and evaluation. So, authorization characterizes source of information qualifying this statement in opposition to «own / alien speech». Persuasiveness as assessing the completeness of knowledge about the reportedly expresses the degree of confidence in the objective content of the speaker's message. Evaluation is closely related to the emotion, is an indicator that expresses a positive or negative attitude of the speaker to the situation as a whole or to its components. The mongolian language has extensive tools of expression modus categories.

Keywords: the Mongolian language, semantic syntax, modus, dictum, metacategory, qualifitative category.

Актуализационные категории являются инструментом осмысления высказывания в отношении к реальной действительности. Функцией квалифитативных категорий является соотнесение предлагаемой информации с позицией автора. Если метакатегории модуса (актуализационные категории), являются по большому счету факультативными, то квалифитативные категории — облигативны (за исключением оценочности), они должны быть представлены в предложении, в котором выражаются при посредстве грамматических показателей. Для анализа данных категорий модуса в монгольском языке обратимся к понятиям пропозиции (диктума) и модуса.

Итак, пропозиция (диктум) представляет собой инвариантное значение, отражающее объективное положение. В пропозиции выражается суждение. В конкретном высказывании, фразе, предложении, пропозиция так или иначе подвергается интерпретации говорящего. В свою очередь, в модусе выражается отношение говорящего к данному суждению. Таким образом, в высказывании существует две стороны: объективное содержание и его интерпретация. При обозначении данных обязательных сторон семантической структуры высказывания используются термины *диктум* и *модус*, введенные Ш. Балли [2, с. 34]. Приведем пример.

Высказывание *Тэр хүн хэрэг зурдаг* «Он рисует портреты» содержит пропозицию, в центре которой находится предикат *зурах* «рисовать», имеющий два актанта — субъектный (*хэн — тэр хүн* «кто — он») и объектный (*юу — хэрэг* «что — портрет»). Помимо пропозитивного (диктумного) содержания высказывание характеризуется значением реальности данной ситуации и отнесенности к настоящему времени, а также значением субъекта ситуации — третьего лица. Представленный

диктум можно интерпретировать другим образом: *Чи хөрөг зурахсан* «Ты нарисовал бы портрет». В данной единице ситуация представляется не как реальная, а как желаемая, меняется субъект ситуации — это адресат, второе лицо. Можно ввести в высказывание показатели неуверенности говорящего: *Тэр хүн хөрөг зурдаг бололтой*. «Возможно, он рисует портреты». *Тэр хүн хөрөг зурдаг шиг байна*. «Кажется, он рисует портреты». *Миний бодоход тэр хүн хөрөг зурдаг*. «По моему мнению, он рисует портреты». Все представленные высказывания имеют различные модусные значения. При всем своем разнообразии модусные значения представляют собой четкую систему и делятся на три основные типа: актуализационные, квалификативные и социальные. Остановимся подробнее на первых двух категориях.

Актуализационные категории модуса выражают отношение сообщения (диктумного содержания) к реальной действительности. К данным категориям относятся модальность, персонализация, временная локализация и пространственная локализация.

Модальность является отношением пропозитивного (диктумного) содержания к действительности с позиции реальности / ирреальности. Например:

Би эрт харьна. «Я вернусь рано».

Өдөр болгон эрт харихсан гэж боддог ч ажил амждаггүй юм. «Хоть и думаю каждый день вернуться домой пораньше, но работа не позволяет».

Эрт хариарай. «Возвращайся пораньше».

Би эрт харих ёстой. «Я должен вернуться пораньше».

Одна и та же пропозиция «чей-то приход» представлена в первом случае как реальная, в остальных случаях как ирреальная: возможная, желательная, долженствующая.

Как правило, модальность выражается грамматическими и лексическими способами. К первым относятся формы глагольного наклонения (изъявительного, повелительного, сослагательного). Вторые представлены вспомогательными единицами с лексическим значением желания, возможности, долженствования и другими модальными значениями: *санах* «хотеть», *чадах* «мочь», *болох* «становиться», *ёстой* «долженствовать», *хэрэгтэй* «нуждаться».

Категория персонализации выражает отношение действия, признака к субъекту ситуации, которым может быть говорящий (1-е лицо), адресат (2-е лицо) и не участвующий в акте коммуникации (3-е лицо). Значения первого и второго лица передаются личным местоимением в соответствующих формах и финитными формами глагола (в повелительно-желательном наклонении), значение третьего лица выражается личным местоимением 3-го лица, существительным, финитными формами глагола (в повелительно-желательном наклонении). Например:

(Би) цонхоо нээе. «Давайте (я) открою окно» — субъект ситуации — говорящий.

(Та/чи) цонхоо нээгээрэй! «(Вы/ты) открой(те) окно» — субъект ситуации — адресат.

Эгч нь цонхоо нээг. «Пусть его (ее) старшая сестра откроет окно» — субъект ситуации — 3-е лицо.

Если в высказывании наблюдается наличие более одного диктума, то в каждом из них проявляется свое значение лица. Ср.: *Би эгчээ цонхоо нээхийг гуйв*. «Я попросил свою старшую сестру открыть окно». В первом диктуме (*Би эгчээ гуйв*. «Я попросил свою старшую сестру») — 1-е лицо, во второй пропозиции (*эгчээ цонхоо нээхийг «свою сестру открыть окно»*) — 3-е лицо. Для монгольского языка характерна персонализация, выраженная косвенным показателем — глагольной формой, которая предполагает лицо (первое, второе, третье): *Ус өгье*. «Давайте, я дам/ мы дадим воды»/ *Ус өгөөч*. «Дай, пожалуйста, воды»/ *Ус өгөг*. «Пусть (он /она) даст воды».

Следующей категорией модуса является категория временной локализации, то есть фиксации события на временной оси или отсутствия такой фиксации. Точкой отсчета при временной локализации является момент речи. Временная локализация проявляется в противопоставлении: сейчас — до — после и находит выражение во временных формах глагола и лексических единицах с временным значением. Например: *Би өчигдөр ирсэн*. «Я приехал вчера». В данном примере как глагольная форма, так и наречие времени өчигдөр «вчера» маркируют как ситуацию прошедшего времени.

Высказывание может иметь значение вневременности, это характерно для предложений обобщенно-личных, имеющих значение неизбежности: *Ам алдвал барьж болохгүй, агт алдвал барьж болно*. «Если проговоришься (упустишь слово) — не поймашь, если коня упустишь — поймашь». В высказываниях, имеющих значение ирреальной модальности, время не зафиксировано (временная неопределенность). Например: *Эндээс явах юмсан/явахсан!* «Вот бы уехать отсюда!»

В отличие от первых трех актуализационных категорий пространственная локализация является

факультативным значением. Пространственная локализация представляет собой фиксацию события в пространстве общения или за его пределами, которая выражается в оппозициях *энд/тэнд* «здесь/там», *наашаа/цаашаа* «туда/сюда», *эндээс/тэндээс* «отсюда/оттуда».

Так, в высказывании *Энд дулаан байна* «Здесь тепло» событие фиксируется в пространстве общения, в *Тэнд цас оржээ* «Там выпал снег» — за пределами пространства общения, а в высказывании *Улаанбаатар хотод дулаахан л байна* «В городе Улан-Батор все же тепло» такой фиксации нет (это может быть и «здесь», и «там»). Возможны косвенно-контекстуальные показатели пространственной локализации: *ороорой!* «заходи(те)!» (*наашаа* «сюда»), *гар!* «выходи(те)!» (*эндээс* «отсюда») [1, с. 193–194].

Кваликативные категории модуса выражают отношение говорящего к событиям и информации о них. К кваликативным категориям относятся авторизация, персуазивность, оценочность.

Авторизация представляет собой квалификацию информации в разрезе источников ее сообщения. Как правило, она проявляется в оппозиции «свое/чужое». Это значит, что источником информации является или сам говорящий («свое»), или кто-то другой, не говорящий («чужое»). В монгольском языке при выделении авторизации нужно проводить четкую грань между указанным явлением и категорией притяжения. Так, в первом случае специального показателя не требуется: *Тэр хүн сонирхолтой өгүүлэл бичжээ. Тэр өгүүлэл нь янзгүй байлаа.* «Он написал интересную статью. Статья не удалась». Однако, если говорящему важно подчеркнуть, что он выражает свое мнение, то используются слова и выражения типа *Би бодож байна/Би санаж байна.* «Я думаю». Ср.: *Тэр хүн сонирхолтой өгүүлэл бичсэн гэж би санаж байна.* «Я думаю, что он написал интересную статью». В случае, если источником информации является кто-то другой, необходимо указание на источник. Это выражения или целые предложения типа *эрдэмтдийн хэлснээр* «по мнению ученых», *мэргэжилтний судалснаар* «по исследованиям ученых», ... *гэж ярьдаг* «говорят». Существуют специальные вводно-модальные слова и конструкции, выражающие авторизацию и маркирующее сообщение как «чужое»: *цуурхалаар, мэдээж, ...-ы/-ий дагуу* «по слухам, известно, согласно...». Авторизация является обязательным значением, присутствующим в любом высказывании.

Персуазивность представляет собой квалификацию информации с позиции степени ее достоверности, проявляется в оппозиции «достоверно/недостоверно». В первом случае показатель достоверности не требуется: *Батэрдэнэ иржээ* «Батэрдэнэ приехал», но он может быть использован в том случае, когда говорящему субъекту необходимо подчеркнуть свою уверенность в достоверности: *мэдээжийн хэрэг, лав, магад, чухам* «конечно, разумеется, безусловно». Значение недостоверности обязательно должно быть выражено. Для этого монгольский язык располагает широким спектром модальных слов и частиц: *магадгүй, бололтой, байх аа* «может быть, возможно» и многие др. Значение недостоверности выражается при посредстве некоторых модальных частиц *шиг* «будто, вроде», разделительных союзов *юм уу, ...юм уу; уу (үү), ... уу (үү)* «то ли..., то ли...»; *нэг үе, ... нэг үе* «то ..., то...»: *Энэ нь үхэл үү, аврал уу.* «То ли это смерть, то ли спасение». *Залуучуудын дуу алсаас нэг үе тод, нэг үе намуухан сонсогдоно.* «Песня молодежи издали слышится то ясно, то слабо». В представленных примерах союзы показывают ситуацию коммуникативных затруднений: говорящий затрудняется в обозначении ситуации. Персуазивность, равно как и авторизация, является обязательным значением любого высказывания.

Оценочность является выражением положительного или отрицательного отношения говорящего к пропозитивному содержанию. В отличие от авторизации и персуазивности данное значение в высказывании факультативно. Оценочность характеризует ситуацию, лицо, предмет с точки зрения общей оценки по параметрам качественной и количественной оценки. Выражение оценки обладает богатым инструментарием способов.

Прежде всего это знаменательная лексика с качественным оттенком: *сайн* — *муу* «хорошо-плохо», *ариун шударга* — *жигшүүртэй* «благородно-подло», *цэцнээр* — *тэнэгээр* «мудро-глупо», *олон* — *цөөн* «много-мало», *ашигтай* — *ашиггүй* «выгодно-невыгодно» и т. д. Например: *Бүтцийн өөрчлөлт хийх гэж байгаа нь сайн.* «Хорошо, что планируются структурные изменения». *Сайн үйлд үгээр хөтлөх нь хэцүү.* «Трудно привести к хорошим деяниям только словами». Значение оценки также может выражаться модальными словами и выражениями: *зол болж* «к счастью», *харамсах нь* «к сожалению», *харамсалтай* «жаль» и другие.

Таким образом, корпус актуализационных категорий модуса представляет собой соотношение плана содержания сообщения с действительностью относительно координат лица — модальность —

время — пространство, которые, по сути, являются показателями предикативности. В свою очередь, квалификативность модуса в монгольском языке представлена авторизацией, достоверностью и оценочностью. Так, авторизация является характеристикой источника излагаемой информации, квалификацией данного высказывания в координатах «своя/чужая речь». Достоверность (персуазивность), будучи оценкой говорящего полноты своих знаний о сообщаемом, определяет степень уверенности говорящего в сообщаемом объективном содержании. За точку отсчета принято брать достоверность информации. Оценочность же, зачастую переплетаясь с эмоциональностью, является показателем, выражающим позитивное или негативное отношение говорящего к ситуации в целом или к ее элементам.

Литература

1. Бадмацыренова Н. Б. Актуализационные категории модуса в монгольском языке // Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики. — Элиста, 2014. — С. 193–194.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. — М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955. — 416 с.

References

1. Badmatsyrenova N. B. Aktualizatsionnye kategorii modusa v mongol'skom yazyke [Actualization categories of modus in the Mongolian language]. *Aktual'nye problemy sovremennogo mongolovedeniya i altaistiki — Actual problems of modern Mongolian and Altaic studies*. Elista, 2014. Pp. 193–194.
2. Bally Ch. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and the French language issues]. Moscow: Foreign Literature publ., 1955. 416 p. (transl. from Fr.)

УДК 811.512.36

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-13-15

Уступительное наклонение в монгольских языках

© **Бадмацыренова Надежда Бадмажаповна**

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологии Центральной Азии Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4

E-mail: nadya_dambayeva@mail.ru

В статье, основываясь на классификации В. И. Рассадина, автор доказывает существование уступительного наклонения в монгольских языках на конкретных примерах. Отмечено зависимое употребление грамматических форм уступительного наклонения. Они функционируют в составе уступительного периода сложного предложения. Закономерны различные связи и отношения показателя уступительного наклонения в монгольских языках с глагольными формами индикатива и императива. В представленном связанном употреблении формы уступительного наклонения выражают отношения обратной стимулирующей обусловленности: глагольная форма в форме уступительного наклонения сообщает обстоятельство, вопреки которому совершается действие, обозначенное аподозисом. Несмотря на дискуссионность вопроса о выделении данного наклонения и традицию соотнесения подобных аналитических форм к классу придаточных предложений, такие показатели, как субъективная модальность, грамматическая оформленность и наличие спрягаемости, позволяют говорить о сформировавшемся уступительном наклонении в монгольских языках.

Ключевые слова: монгольские языки, глагол, личные формы, обстоятельственное наклонение, уступительное наклонение, показатели, модальность.

Concessive Mood in the Mongolian Languages

Nadezhda B. Badmatsyrenova

PhD, Senior Lecturer of the Department of Philology of Central Asia, Buryat State University

4, Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

In this paper, based on the classification of V.I. Rassadin, the author proves the existence of concessive mood in the Mongolian languages with specific examples. The dependent use of concessive mood's grammatical forms is noted. They function as a part of a complex sentence concessive period. In the Mongolian languages different communication and relationship of concessive mood's indicator with indicative and imperative verb forms are regular. In the present use of the bound form concessive mood expresses the relationship stimulating feedback conditionality: the verb form in the form of concessive mood reports circumstance, in spite of the action indicated in apodosis. In spite of the discussional nature of the question of the allocation of this mood and the tradition of correlating these analytical forms to the class of subordinate clauses, such indicators as subjective modality, grammatical form and the presence of s conjugation, give an opportunity to talk about the formed concessive mood in the Mongolian languages.

Keywords: the Mongolian languages, the verb, personal forms, adverbial mood, concessive mood, indicators, modality.

Уступительная модальность не нашла своего должного решения в глагольной системе монгольских языков. Функционирование глагольных форм в монгольских языках, составляющих парадигму уступительного наклонения, в частности и вопрос выделения уступительного наклонения в целом не получили удовлетворительного освещения в исследованиях по современным монгольским языкам. Современные исследования по монгольским языкам также обходят уступительное наклонение глагола. Вопрос об уступительном наклонении в данных языках требует тщательного анализа. Тем не менее мы считаем возможным говорить об уступительном наклонении в монгольском языке как самостоятельной грамматической форме глагольной модальности, поскольку оно имеет свои оформившиеся морфологические показатели, которые служат для выражения определенных, закрепившихся за ними модальных значений.

В монголоведном языкознании сложилась традиция выделения лишь двух разновидностей наклонения: изъявительного и повелительно-желательного. Однако согласно последним исследованиям В. И. Рассадина «...сложилась следующие 4 наклонения со своими конкретными формами, выражающими различные виды отношений действия к действительности:

1. Темпоральное наклонение (изъявительное, индикатив, временное):

а) формы прошедшего времени;

б) формы настоящего времени;

в) формы будущего времени.

2. Модальное наклонение:

- а) формы повеления (императив);
  - б) формы увещевания;
  - в) формы призыва;
  - г) формы желания и воли;
  - д) формы опасения и предостережения.
3. Адвербиальное наклонение (обстоятельственное):
- а) условная форма (форма условия действия);
  - б) уступительная форма (форма уступки действия).
4. Ирреальное наклонение:
- а) сослагательная форма» [4, с. 103].

В данной работе изучение категории уступительности сфокусировано в рамках семантико-синтаксического подхода. Данный подход заключается в изучении формальных средств выражения уступительных отношений и, в частности, в синтаксической и семантической классификации уступительных союзов, описании способов их локализации в предложении и выявлении различий в их употреблении.

Рамки уступительности в монгольских языках принято было очерчивать придаточным уступительным предложением, уступительным деепричастием и уступительным союзом. В объективной действительности действия чаще всего происходят не в линейной последовательности, а при выполнении/невыполнении каких-либо дополнительных условий. В связи с этим в системе языка появились специальные формы глагола, отражающие данные условия. К таким условиям в монгольских языках относятся и форма уступки действия (по В. И. Рассадину). Так, вопрос об уступительном наклонении он считает безусловно решенным. «В бурятском языке оно образуется на базе условной формы, которая включает уступительную частицу *-шье*: *-аашье хаам*, *-аашье хааш* и т. д. Например: *Мүнөөдэр хура бороо ороошье хаа, бидэ дача руу ошохомнай* «Хотя сегодня и пойдет дождь, мы поедем на дачу». В халха-монгольском языках эти отношения выражены уступительным деепричастием *-вч*, в калмыцком — формой *болв чигн*, например, монг. *Чи өнөөдөр орой харьж ирэвч, би чамайг хүлээж байх юм* «Хотя ты сегодня поздно вернешься домой, я тебя буду ждать», калм. *Тер залху болв чигн, сурхулян сэгнэр сурдг билэ* «Учился он хорошо, хотя и был ленив» [4, с. 102]. Одним из показателей сформированности наклонения принято считать спрягаемость аффиксов, что и наблюдаем на материале бурятского языка.

- 1-е л. ед. ч. *-шье хаам*
- 1-е л. мн. ч. *-шье хаамнай*
- 2-е л. ед. ч. *-шье хааш*
- 2-е л. мн. ч. *-шье хаатнай*
- 3-е л. ед. ч. *-шье хаань*
- 3-е л. мн. ч. *-шье хаань.*

В разговорной речи произошло стяжение представленной аналитической формы, состоящей из настоящего (незаконченного) причастия на *-аа* (*-оо*, *-ээ*), уступительной частицы *-шье* и условной частицы *-хаа* до *-шхаам* в 1-м л. ед. ч.

В современном бурятском языке значение уступительности выражается не только при помощи указанной выше аналитической формы, но и посредством изъявительной формы прошедшего времени *-ба* (*-бо*, *-бэ*), уступительной частицы *-шье* и условной частицы *хаа*. Специфика этой формы заключается в том, что она, в отличие от разговорного варианта, не принимает лично-предикативных частиц:

(1) *Хуса үбгэн наһатай болобошье хаа, шадалтай, дорюун зандаа байгаа*. «Хоть старику Хуса и было немало лет, (но) он был силен и крепок».

В литературном бурятском языке согласно «Грамматике бурятского языка» было принято считать, что союз *шье хаа* образован посредством сочетания частицы *-шье* с *хаа* и, употребляясь для связи причастных оборотов и придаточных предложений с главным, имеет уступительное значение [2, с. 325].

Грамматические формы уступительного наклонения не употребляются в независимой позиции. Они функционируют только в составе сложного предложения, главным образом в составе уступительного периода, вступая в различные закономерные связи и отношения с глагольными формами индикатива и императива. В таком своем сопряженном употреблении формы уступительного наклонения выражают отношения обратной стимулирующей обусловленности: глагольная форма в данном наклонении сообщает факт, вопреки которому совершается действие, обозначенное аподозисом:

(2) *Сэмжээн ахатан ядажа тулижа ябадаг түрэл садандаа хододоо туһадагыше хаань, тэдэнь туһыень туһаш гэжэ ойлгодоггүй байгаа.* «Несмотря на то, что семья старшего брата Сэмжээнна всегда помогала его вечно страждущим родственникам, но они и за помощь — то это не считали».

В современном бурятском языке отношение обратной стимулирующей обусловленности, обозначенное в уступительном периоде, может быть точечным (однократным, разовым) или континуативно-итеративным (многократным, длительным). Грамматические формы уступительного наклонения имеют обычно фиксированное место в предложении: они употребляются в протазисе сложноподчиненных предложений, занимая препозитивное положение по отношению к глагольным формам аподозиса:

(3) *Машина зэмсэгүүдэй хэды элбэгжээшье хаань, адуунай хэрэг болихогүй юм.* «Несмотря широкое распространение (обилие) машин и оборудования, потребность в конях все же есть» [1, с. 140–142].

В современном монгольском языке вопрос об уступительном наклонении тесно связан с вопросом о статусе деепричастных оборотов и придаточных предложений. Однако не возникает никаких сомнений, что непосредственно аффикс уступительного деепричастия в монгольском языке имеет отглагольное происхождение. Более того, данный показатель представляет собой аффикс прошедшего времени изъявительного наклонения на *-в* в сочетании с уступительной частицей *-ч*. Несмотря на то, что аффикс уступительного деепричастия на *-вч* давно приобрел свой статус, при восприятии все же ощущается оттенок прошедшего времени:

(4) *Цас оровч, гадаа хүйтэн биш.* «Несмотря на то, что выпал снег, на улице не холодно».

В калмыцком языке значение уступительности выражается аффиксом *-вчн (-вч)*, образованным «от формы недавно прошедшего времени изъявительного наклонения на *-в* с уступительной частицей *чигн*, которая сократилась в виде *-чн, -ч: суравчн* (хоть и учился) от *сур-* (учиться), *орвчн* (хотя и вошел) от *ор-* (входить), *нуувчн* (хоть и скрывает) от *нуу-* (скрывать)» [3, с. 252].

(5) *Газа бээсн малын то хасгдвчн, герт бүшмүдин хавтх зузарх. Мөңгтэ кун кезэчн байн.* «Хотя до дворе и сократится количество скота, зато в доме карман бешмета наполнится. Человек с деньгами всегда богат». Однако в отличие от бурятского языка данный показатель не получает оформления лично-предикативными частицами, а в качестве отрицания употребляется препозитивная частица *эс* (не).

Таким образом, опираясь на понимание сути наклонения как грамматической формы, выражающей отношение действия к действительности, причем, принимая широкий спектр этих отношений, включая не только модальность, т. е. отношение говорящего к предмету высказывания, в данном случае к действию, но и отношение ко времени действия, к реальности действия, а также маркированность этой формы и ее спрягаемость, можно прийти к выводу что, что в современном бурятском и монгольском языках наряду с реальными наклонениями функционирует и система обстоятельственных наклонений, одной из форм которой является форма уступки действия. Несомненно, вопрос о данном наклонении все еще открыт и требует более детального анализа.

Принятые сокращения

ед. ч. — единственное число;

л. — лицо;

мн. ч. — множественное число;

монг. — монгольский язык;

калм. — калмыцкий язык.

Литература

1. Бадмацыренова Н. Б. Уступительное наклонение в бурятском языке (к постановке вопроса) // *Acta mongolica*. — 2013. — Vol. 14. — С. 140–142.
2. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология / под ред. Г. Д. Санжеева. — М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. — 341 с.
3. Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология / ред. Г. Д. Санжеев и др. — Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. — 335 с.
4. Рассадин В. И. Очерки по морфологии и словообразованию монгольских языков. — Элиста: Изд-во Калм. гос. ун-та, 2011. — 239 с.

References

1. Badmatsyrenova N. B. Ustupitel'noe naklonenie v buryatskomazykye (k postanovke voprosa) [Concessive mood in the Buryat language (to the problem formulation)]. *Acta mongolica*. 2013. Vol. 14. Pp. 140–142.
2. *Grammatika buryatskogoazyky. Fonetika i morfologiya* [The Buryat language grammar. Phonetics and morphology]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1962. 341 p.
3. *Grammatika kalmytskogoazyky. Fonetika i morfologiya* [The Kalmyk language Grammar. Phonetics and morphology]. Elista: Kalmyk book publ., 1983. 335 p.
4. Rassadin V. I. *Oчерki po morfologii i slovoobrazovaniyu mongol'skikhazykov* [Essays on morphology and word formation of Mongolian languages]. Elista: Kalmyk State University publ., 2011. 239 p.

УДК 811.512

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-15-22

Термины, обозначающие инструментарий дарханов, в монгольских языках

© **Бальжинимаева Баярма Дашидондоковна**

кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Центральной Азии Восточного института Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: bairka2002@list.ru

Статья посвящена сравнительному исследованию терминов, относящихся к инструментарию дарханов в монгольских языках. Дарханы располагали разнообразными инструментами и приспособлениями для изготовления изделий из черных и цветных металлов. Термины, обозначающие инструментарий, представлены в основном общемонгольскими словами, а также встречаются заимствования из китайского и русского языков. Что касается способов образования терминологической лексики монгольских языков по обработке металлов, то продуктивными являются лексико-семантический, морфологический и синтаксический способы. По нашим наблюдениям, самым распространенным способом образования является аффиксальный.

Ключевые слова: лексика, термины, монгольские языки, дарханы, инструментарий, металлообработка, способы словообразования.

Terms Denoting Darhan's Tools in Mongolic Languages

Bayarma D. Balzhinimaeva

PhD of philological sciences, A/Professor of department of philology of Central Asia, Oriental Institute, Buryat State University
4, Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

This article is devoted to the comparative studies of the terms applying to the darhan's tools in Mongolian languages. Darhans had different tools and facilities to produce wares of ferrous and non-ferrous metals. Terms with the meaning of tools are represented in general by pan-Mongol words. Besides, there are borrowings from the Chinese and Russian languages. As for the methods of formation of terminological vocabulary of Mongolian languages on metalworking, the most productive ways are considered to be lexical-semantic, morphological and syntactic ones. According to our observations, the most popular way of forming is affixal.

Keywords: vocabulary, terms, Mongolian languages, darhans, tools, metalworking, ways of word-building.

Обработка металлов имеет давние традиции у монголоязычных народов. Вопросам обработки металлов и изготовлению изделий из них в связи с изучением народно-прикладного искусства у монгольских народов посвящены работы Н. В. Кочешкова (1968, 1979), В. П. Дарбаковой (1968), монгольского искусствоведа Ням-Осорын Цултэма (1986), Л. Сономцэрэна (1972, 1989), в работах бурятских ученых А. В. Тумахани (1970), И. И. Соктоевой (1971) и других.

Монография А. А. Бадмаева «Ремесла агинских бурят» посвящена изучению и происхождению традиционных ремесел агинских бурят, таких как металлообработка, обработка дерева и кожи. В ней дана сравнительная таблица ремесленной терминологии агинского подговора, а также бурятского, современного монгольского, калмыцкого, старописьменного монгольского, древнетюркского и тунгусо-маньчжурского языков. Ценной для нас является приведенная терминология обработки черных и цветных металлов.

Как известно, обработкой черного металла испокон веков занимались кузнецы (ср. х.-монг. *төмрийн дархан/төмөрчин/тэ жан*, бур. *түмэрэй дархан/түмэршэ дархан*, шэн.-бур. *түмэрэй дархан*, баргут. *төмрийн дархан*, дагур. *te:dzin*). В рассматриваемых языках термины, обозначающие человека по роду деятельности, выражены в основном определительными словосочетаниями или одиночными словами, например, х.-монг. *төмрийн дархан*, баргут. *төмрийн дархан*, бур. *түмэрэй дархан*, шэн.-бур. *түмэрэй дархан* и образованы по известной в монгольских языках модели: *имя суц. в род. п. + суц.* Употребляющийся в современном монгольском языке термин *төмөрчин* «кузнец» образован от имени существительного *төмөр* «железо» при помощи суффикса *-чин*, обозначающего род деятельности, профессии людей. В бурятском языке термин *түмэршэн* не употребителен, вместо него широко применяют термин *түмэршэ дархан*, образованный из атрибутивного словосочетания по модели: *имя прил. + суц.* или же *түмэрэй дархан* (*суц. в род.п + суц.*).

В современном монгольском и дагурском языках наряду с исконно монгольскими *төмөрчин*, *төмрийн дархан* в значении «кузнец» употребляется заимствованное из китайского языка слово: ср. х.-монг. *тэ жан*, дагур. *te:dzin* < кит. *tie jiang* «кузнец» [Монгол хэлний харь үгийн толь — далее МХХҮТ, с. 217].

Судя по работам искусствоведов, в бурятском языке употреблялись термины хара дархад и сагаан дархад: «Черные кузнецы занимались производством самых важных и необходимых орудий труда из железа и стали, различных бытовых и хозяйственных предметов из железа, чугуна, цветных металлов и сплавов. Белые кузнецы являлись ювелирами-златокузнецами и серебряниками» [12, с. 54]

Определяющие слова в терминологических словосочетаниях *хара дархад* и *сагаан дархад* употреблены также в переносном значении. Прилагательное *хара* в данном случае имеет не только дословное значение «мастер по черному металлу», но и «мастер, выполняющий грубые работы». А слово *сагаан* «белый», являясь антонимом к слову *хара* «черный», выражает более отдаленное переносное значение. Слово *сагаан* «белый» в монгольских языках несет в себе символическое сакральное значение чистоты, добра и благородства.

Обработкой цветных металлов и изготовлением посуды, женских и мужских украшений, предметами буддийского культа занимались ювелиры (х.-монг. *алт мөнгөний дархан/алтач/мөнгөч/инжаан*, бур. *алташа/мүнгэиэ дархан*, шэн.-бур. *алташа/мүнгэиэ дархан*, баргут. *алт, мөнгөний дархан*, дагур. *алтанч*).

В современных монгольском и баргутском языках для выражения значения «ювелир» наряду с определительными словосочетаниями *алт мөнгөний дархан*, *алт, мөнгөнэй дархан* параллельно употребляются слова *алтач* «мастер золотых дел» и *мөнгөч* «серебряных дел мастер», производные от именных основ *алт* «золото», *мөнгө* «серебро» при помощи суффикса *-ч*, образующего имена существительные, обозначающие людей по роду деятельности, профессии. В бурятском языке и в языке шэнэхэнских бурят не характерно употребление однословных терминов *алтач, мөнгөч*.

В значении «ювелир» в современном монгольском языке употребляется слово *инжаан* «ювелир», которое заимствовано из китайского языка < кит. *yin jiang* [МХХҮТ, с. 135].

В современном монгольском языке употребляются два термина, обозначающие мастера по меди и латуни: *зэсч, тунжаан*. Термин *зэсч* образован аналогично словам *алтач, мөнгөч*. Что касается слова *тунжаан*, то оно заимствовано из китайского языка и зафиксировано в словаре О. Сухбаатара < кит. *tong jiang* «мастер по меди и латуни, кузнец» [МХХҮТ, с. 214]. В баргутском языке мастера по меди и латуни называют *зэсийн дархан*, данный термин образован из определительного словосочетания. В бурятском языке специальных терминов для обозначения мастера по обработке меди и латуни в источниках не зафиксировано.

Далее рассмотрим названия инструментов и приспособлений для изготовления изделий из черных и цветных металлов. Кузнецы располагали разнообразным инструментарием и приспособлениями для изготовления изделий из железа (ср. х.-монг. *багаж/зэмсэг*, бур. *зэмсэг*, шэн.-бур. *зэмсэг*, баргут. *түмэрэй багаж хэрэгсэл/жимсэг/дарханай зэмүү*), которые они изготавливали сами, либо эти инструменты переходили из поколения в поколение. Количество инструментов у кузнецов могло быть разным — это зависело от вида выполняемой ими работы. Итак, рассмотрим слово *багаж* со значением «орудие, инвентарь». Данное слово У-Ж. Ш. Дондуков определяет как заимствование из тюркских языков, «имя существительное, обозначающее орудие действия, образовано при помощи аффикса *-ж*: х.-монг. *багаж* от тюрк. *бага-*» [4, с. 244]. В современном монгольском, бурятском, баргутском языках и в языке шэнэхэнских бурят термины, обозначающие инструментарий по обработке черных металлов, выражены схожими словами, различающимися фонетически, и словосочетаниями, образованными синтаксическим способом по модели: *определяющее слово + определяемое*.

Кузнечные меха (ср. х.-монг. *хөөрөг*, бур. *хөөргэ*, шэн.-бур. *хөөргэ*, баргут. *хөөрэг*, дагур. *пүүрэнкү*) изготавливались из шкур животных. Как описано в специальных исследованиях В. П. Дарбаковой и С. И. Вайнштейна, наиболее древними кожаными мехами являются меха из шкур козы и косули. Известный ученый Н. В. Кочешков отмечает, что монголы чаще изготавливали меха из козьей брюшины (х.-монг. *ямаа хөөрөг*, баргут. *туламан хөөрэг*), которые были небольших размеров и не требовали больших затрат энергии [5, с. 107].

Были известны и другие виды изготовления мехов у монголов и баргутов (ср. х.-монг. *авдар хөөрөг*, *аахилуур хөөрөг*, баргут. *авдар хөөрэг*), которые представляли собой ящик из досок

с поршнем, при движении которого воздух выходил через боковую трубку [5, с. 107]. В данных терминах, образованных синтаксическим способом по модели: *определяющее слово + определяемое*, лексическая наполняемость определяющей части модели разная. Определяющее слово *ямаа* означает материал, из которого сделан мех и *туламан хөөрөг*, где покрытием служила шкура в виде мешка. Х.-монг. *авдар хөөрөг* состоит из определяющего слова — имени существительного *авдар* «сундук, ларь, ящик», которое обозначает форму предмета. Другое халха-монгольское название также образовано по вышеупомянутой модели, где определяющее слово *аахилуур* (досл.: «пыхтеть, кряхтеть») указывает на принцип работы данного инструмента.

Таким образом, в монгольских языках термины — видовые названия мехов — по структуре являются составными, образованными на отношениях сходства формы, материала, из которого они изготовлены и по принципу работы.

С. И. Вайнштейн в работе «Историческая этнография тувинцев» отмечает, что «название кузнечных мехов «*хбрук*» является общим для тюркских и монгольских языков и известно всем этим языкам с небольшими фонетическими отклонениями» [2, с. 241].

Г. Ц. Пюрбеев, рассматривая модели образования терминов: *основа глагола + суффикс -г*, считает, что слово «*хөөрөг* — I насос, II кузнечный мех» образовано от глагола *хөөрөх* «подниматься вверх, пениться» при помощи суффикса с предметным значением» [6, с. 50].

Подробнее остановимся на терминах, обозначающих части меха. Так, ямка под горном для золы и углей в современном монгольском языке называется *хөөргийн хонгорцог*. Данный составной термин образован по модели: *имя сущ. в род. п. + сущ.* с суффиксом уменьшительности *-цог*, аналогичным способом образовано бурятское *оёорсог* со значением «небольшая деревянная посуда».

Суженая часть меха, откуда выдувается воздух, выражена термином-словосочетанием *хөөргийн хошуу*, образованным по известной модели: *имя сущ. в род. п. + сущ.*, где слово *хошуу* имеет значение «выступ, заостренная часть чего-л.».

Основным местом для плавки или нагревания металла был кузнечный горн (ср. х.-монг. *хясаа/хярс/хярс*, бур. *хяһа*, тунк.-бур. *горноо*, шэн.-бур. *хяһа*, баргут. *хясаа*, дагур. *гал*). Слово *хясаа* в «Mongyol kelen=ü toli» имеет значение: 1) *уран дархны төмөрлиг хайлуулах бага зуух* — «малая печь кузнеца для плавки металла»; 2) *гэр дулаалах буюу хоол будаа чанахад бичихэн зуух* — «маленькая печь для обогрева дома или приготовления пищи»; в словаре «Монгол хэлний товч тайлбар толь» данное слово трактуется следующим образом: *мөнгө төмөрлөгийн зэрэг юмыг хайлахад нүүрс шатаах хэрэглэлийн нэр, хөөрэг тавьж шатаах салхин хийгээр шатаах хоёр зүйл байдаг, хярс ч гэдэг* — «приспособление для плавки металлов при помощи мехов или воздуха» [МХТТТ, 1966]. Таким образом, в словарных статьях значение слова «кузнечный горн» в основном одинаковое, кроме заимствованного из русского языка в тункинском говоре слова *горноо*.

Неотъемлемой частью инвентаря кузнеца была наковальня (ср. х.-монг. *дөш*, бур. *дүшэ*, шэн.-бур. *дүшэ*, баргут. *дүш*, дагур. *dišэ: id*). В словаре «Монгол хэлний харь үгийн толь» [1999, с. 101] О. Сухбаатар считает, что слово *дөш* заимствовано из тибетского языка *gru bzi* в значении *төмөрлөгийн зүйл тавьж нимгэлэх, өнгөлөх, давтан цохих төмөр хэрэгсэл* — «приспособление, на котором утончают, шлифуют, куют железо». Этнограф С. И. Вайнштейн также отмечает, что «название наковальни «*дбжу*» встречается как в тюркских, так и в монгольских языках — хакасское *тбс*, алтайское *дббжи*, казахское *тбс*, монгольское *дбши*» [2, с. 241]. Как видно из примеров, данное слово широко бытует у народов Центральной Азии.

Наковальни различались по размеру и форме и имели соответствующие названия (ср. х.-монг. *том*, *бага дөш*, бур. *томо*, *бага дүшэ*). Наковальня с выпуклой поверхностью в современном монгольском языке называется: *азарган дөш*. Термины х.-монг. *том*, *бага дөш*, бур. *томо*, *бага дүшэ* образованы синтаксическим способом — атрибутивным словосочетанием, где определяющим словом является имя прилагательное в прямом значении. А терминологическое словосочетание *азарган дөш* в значении «наковальня» образовано по модели: *имя существительное в притяжательной форме + существительное*. В монгольских языках *буха* «бык», *азарган* «жеребец», *адуун* «табун» и другие могут употребляться в переносном значении, называть предметы и объекты природы по размеру, например, бур. *буха тэргэ* (досл.: «бык-производитель + телега») в значении «большая телега для перевозки груза, арба», бур. *Адуун-шулуун* (досл.: «табун + камень») в названии каменистых сопок в Ононском районе Читинской области, х.-монг. *азарган бороо* (досл.: «жеребец + дождь») для обозначения быстро проходящего проливного дождя с крупными каплями.

Верхняя поверхность наковальни с двумя отверстиями: квадратным и круглым выражена терминами (ср. х.-монг. *дөшийн нуур*, бур. *дүшын нюур*, баргут. *дүшын нюур id*), где отношение атрибутивного и стержневого слова квалифицируется как часть целого и определяемый компонент употреблен в переносном значении *нуур*, *нюур* (досл.: «лицо»).

В современном монгольском языке наковальня, используемая для пробивания дыр в железе, серебре и прибавания заклепки, шляпки, называется *тагилтай дөш*. Определяющее имя существительное в совместном падеже *тагилтай* употреблено в переносном значении (досл.: «с чашечкой») со значением «углубление». Углубления на поверхности наковальни в других сравниваемых языках выражаются определительными словосочетаниями с атрибутивным компонентом — именем существительным в родительном падеже: ср. бур. *дүшын нүхэн*, баргут. *дүшын нүх*.

В качестве ударных инструментов кузнецы применяли кувалду (ср. х.-монг. *балт/лантуу* бур. *балта*, шэн.-бур. *балта*, баргут. *давтах сүх*, дагур. *балт/сүгэ*). Слово *балт*, по мнению О. Сухбаатара, заимствовано из тюркских языков: *балта* < тюрк. *palta* «секира, топор» [МХХҮТ, с. 38]. Слово *лантуу* «кувалда, молот» употребительно в основном в современных монгольском и баргутском языках. О. Сухбаатар, например, возводит данное слово к китайскому: *lantou/lang-tou* и толкует следующим образом: *цохиж балбахад хэрээлэх лантгар толгойтой зэвсэг. Модон лантуу, төмөр лантуу гэж ялгана* — «ударный (досл.: «разбивающий») инструмент с большой головкой. Различают деревянные и железные кувалды» (пер. наш. — Б. Б.) [МХХҮТ, с. 141].

Молот, т. е. большой молоток, предназначался для нанесения легких, ритмичных ударов одной рукой (ср. х.-монг. *том алх*, бур. *томо алха*, баргут. *алха*, дагур. *малдух*).

Молоток, т. е. меньший по размеру, чем молот, ударный инструмент, применялся для нанесения легких ударов при изготовлении небольших изделий из черного металла (ср. х.-монг. *алх*, бур. *алха*, баргут. *ш'онтох/тончуур*, дагур. *тогшоор*). В баргутском языке в слове *ш'онтох* произошла метатеза, т. е. взаимное перемещение звуков или слогов от глагола *тонших*. Бурятские ювелиры пользовались молотком для насечки бороздок *борной алха*. Определяющий компонент *борной* выражен заимствованным словом, употребленным не в прямом значении.

У кузнеца в наличии было много вспомогательных инструментов. Зубила использовались для разрубки и подрубки тонкого железа (ср. х.-монг. *цавчуур/хасуур*, бур. *сабишуур*, тунк.-бур. *савсуур*, шэн.-бур. *сабишуур*, баргут. *сабишуур id*). Слово *цавчуур* с его фонетическими вариантами в сравниваемых языках образовано от глагольной основы *цавчи-*, *сабша-* «рубить» при помощи суффикса *-уур*, образующего названия орудий действия. А слово *хасуур* образовано аналогичным образом от глагольной основы *хаса-* со значением «отрезать, обрезать, отрубать, отсекаль».

Пробойники разной толщины применялись для пробивки сквозных отверстий на металле (ср. х.-монг. *цоолтуур*, бур. *соолуур*, шэн.-бур. *соолуур*, баргут. *цоолуур/соолуур*, дагур. *черил/түйбэр*). Они имели форму конусообразного шпиля и ударную площадку по толщине инструмента с другого конца и были сделаны из стали. Слова *цоолтуур*, *соолуур*, *цоолуур* в современном монгольском, бурятском, баргутском и в языке шэнэхэнских бурят образованы от глагольных основ *цоол-*, *сооло-* «прокалывать, пробивать» при помощи суффиксов *-уур*, *-туур*, образующих названия орудий действия.

Клещи применялись для захвата раскаленного металла (ср. х.-монг. *төмрийн өрөлбө/бахь*, бур. *үлирбэ/абарга*, шэн.-бур. *үлирбэ*, баргут. *хавишуур өрөлбө/бахь*, дагур. *хаченку/харча:нку/үйлэг(ү)*). Названия кузнечных клещей в современном монгольском, бурятском и баргутском языках одинаковы с небольшими фонетическими вариантами. В бурятском языке ювелирные клещи с круглыми клещевинами называются *түхэрээн уралта*, что дословно означает «имеющие круглые губы». В данном случае слово *урал*, употребляясь в переносном значении, расширило свою семантику. В современном монгольском языке они называются *бөөрөнхий бахь*. В дагурском слове *үйлэг(ү)* в корне просматривается значение действия. Ср. х.-монг. *үйл* «деяние, дело, работа; действие, поступок; деятельность». Установить происхождение слова *хаченку* пока не удалось.

Тиски (ср. х.-монг. *зуудаг*, бур. *хабишуур/тэшихэ/зуудаг*, шэн.-бур. *хабишуур*, баргут. *хавишуур*). Инструмент *хабишуур* в значении «тиски» в бурятском, баргутском, дагурском языках и в языке шэнэхэнских бурят выражен общемонгольским словом, которое образовано от глагольной основы с фонетическими различиями *хабша-* «зажимать между чем-л., сжимать, сдавливать» при помощи продуктивного суффикса *-уур*. Термин *зуудаг* в современном монгольском языке выражен формой многократного причастия с суффиксом *-даг*, которое впоследствии субстантивировалось. Название *тэшихэ* в бурятском языке, как полагаем, заимствовано из русского языка «тиски».

Для резки листового металла предназначались ножницы (ср. х.-монг. *төмрийн хайч*, бур. *түмэрэй хайша*, шэн.-бур. *түмэрэй хайша*, баргут. *хавшан хайша/төмрийн хайча*, дагур. *kait* id). Терминологическое сочетание, обозначающее инструмент для резки металла, в современном монгольском, бурятском и баргутском языках образовано по модели: *имя суц.* + *суц.* со значением назначения. Разные части ножниц по металлу также имели свои определенные терминологические названия. Ручки ножниц: ср. х.-монг. *хайчны барюул*, бур. *хайшын барюул*, шэн.-бур. *хайшын барюул*, баргут. *хайшын барюул*, дагур. *барез* id. Металлическая клепка, соединяющая лезвия ножниц, выражена словами: ср. х.-монг. *хайчны тээг*, бур. *хайшын тээли*, шэн.-бур. *хайшын тээли*, баргут. *хадаас/таб/тээг*, дагур. *тэнгэл*. Как пишет А. М. Щербак, «слово *тээг* имеет тюркское происхождение: *tegeg* «крючок, зацепка» (алт. *tekēk* «крюк для ловли рыбы» «багор», тув. *dēk* «крючок двери», др.-тюрк. *deg~teg-* «достигать, касаться»)» [14, с. 26]. Исконно монгольскими словами являются *хадаас*, *таб*, употребляющиеся в баргутском языке.

Для шлифовки неровных поверхностей использовались напильники разной толщины и формы: ср. х.-монг. *хуурай*, бур. *хуурай*, шэн.-бур. *хуурай*, баргут. *хуурай*, дагур. *хaur* id. Данные примеры показывают, что в современном монгольском, бурятском и баргутском языках употребляются одинаковые слова. В дагурском языке в слове *хaur* сохранился дифтонг *au* в отличие от других монгольских языков. Как отмечает В. И. Рассадин, «дагурский язык в заметном количестве словоформ сохраняет средневековые монгольские дифтонги *au* и *эу*, еще не перешедшие в долгие *уу* и *үү*. Например, бур. *уула*, монг. *уул*, стп.-монг. *агула*, ср.-монг. *аула*, даг. *аула* «гора»» [7, с. 14].

Ювелиры имели набор чеканов, которые представляли собой стальные стержни разных размеров (ср. х.-монг. *цохиур/цохилуур*, бур. *дүрхэ/дүрэ гаргаха тоног*, шэн.-бур. *дүрхэ*, баргут. *цохилуур*).

Для работы мастеров-ювелиров обязательной была доска со смолой для закрепления обрабатываемого материала: ср. х.-монг. *лав*, бур. *лаб*, шэн.-бур. *лаб*, баргут. *лас/лав* id. На этой доске закреплялись мелкие изделия при выполнении на них чеканных работ. Слово *лав* в «Монгол хэлний харь үгийн толь» зафиксировано как: < кит. *lab* (<*la*) «свеча, воск» [МХХҮТ, с. 137].

Для отделки вещей филигранью требовалась тонкая проволока, которую получали при помощи инструмента для волочения проволоки (ср. х.-монг. *шаван*, бур. *шаба*, шэн.-бур. *шаба*, баргут. *зээгийн багаж*). Данный инструмент представляет собой металлическую пластину с отверстиями разной величины. Тонкие серебряные пластины разрезают на ленты шириной в 2–3 мм, затем протягивают через самое большое отверстие плоскогубцами. После многократного протягивания проволоки через разные отверстия можно было получить тонкую проволоку. О. Сухбаатар также возводит данное слово к китайскому < кит. *sha wen*: *дархан хүн алт мөнгийг цувих хэв* — «форма дархана для прокатки золота и серебра» [МХХҮТ, с. 253]. В бурятском языке, видимо, существовало название *сар* в значении «приспособление для вытягивания проволоки», приведенное А. В. Тумахани из сочинений М. Н. Хангалова [12, с. 8]. В словарях современного монгольского языка данное слово не встречается.

Для разрезания металла ювелирами широко использовались клещи-кусачки с поперечным и продольным рабочими клещевинами. В современном монгольском языке словосочетанием *таслуур бахь* обозначаются клещи-кусачки с продольным отрезающим краем. Определяющее слово образовано от глагольной основы *тасла-* «отделять, разбивать, разделять (на части)» при помощи суффикса *-уур*. Клещи-кусачки с поперечным отрезающим краем в современном монгольском языке называются *хазуур бахь*, а в бурятском — *хазуур*.

Бурав использовали для сверления в железе отверстий с ровными краями (ср. х.-монг. *нарийн өрөм/тулбар*, бур. *үрэм*, шэн.-бур. *үрэм*, баргут. *өрөм*). Данные слова образованы посредством суффикса *-м* от глагольной основы *үрэ-*, *өрө-* «точить».

К вспомогательным инструментам ювелира относятся щипчики для протягивания проволоки через *шаван*: ср. х.-монг. *хавчуур*, бур. *хабишуур*, шэн.-бур. *хабишуур*, баргут. *хавишуур*, дагур. *хавчуур* id. Данное название образовано от глагольной основы *хабша-*, *хавча-* «сжимать с боков» при помощи суффикса *-уур*.

Ювелиры использовали щипчики разных размеров для захвата мелких деталей: ср. х.-монг. *чимхүүр/хямсаа*, бур. *шэмхүүргэ*, шэн.-бур. *шэмхүүргэ*, баргут. *хямсаа*. В современном монгольском и баргутском языках употребляется слово *хямсаа*, которое заимствовано из китайского языка < кит. *qian zi*: *жижигхэн юмыг хавчих, авах бяцхан хавчуур* — «щипчики для захвата мелких вещей» [МХХҮТ, с. 237]. Слова *чимхүүр*, *шэмхүүргэ* образованы от глагольных основ *чимхэ-*, *шэмхэ-* «щипать, вынимать, защемлять» при помощи суффиксов *-үүр*, *-үүргэ*.

Дарханами использовались четырех-, пятигранные шилья (ср. х.-монг. *шөвөг*, бур. *шүбгэ*, шэн.-бур. *шүбгэ*, баргут. *шүвэг*, дагур. *шбүгэ* id). Слово «шило» носит общемонгольский характер с фонетическими различиями.

Кроме напильников для устранения неровной поверхности применяли наждачную бумагу (ср. х.-монг. *зүлгүүр цаас*, бур. *хайр саархан*). В бурятском термине *хайр саархан* определяющее слово означает «галечник, галька».

В инструментарий дарханов входили такие измерительные приборы, как циркуль (ср. х.-монг. *гортиг*, бур. *гортиг*, шэн.-бур. *гортиг*, баргут. *гортиг*, дагур. *горьтог* id), весы для взвешивания драгоценных металлов (ср. х.-монг. *дэнс*, бур. *шэгнүүр*, шэн.-бур. *шэгнүүр*, баргут. *дэнс*, дагур. *джигнүүр*). В словаре «Монгол хэлний харь үгийн толь» отмечается, что слово *дэнс* заимствовано из китайского языка: < кит. *deng zi* «малые весы» [МХХҮТ, с. 109]. Названия весов в бурятском, дагурском языках и в языке шэнэхэнских бурят образованы от глагольной основы *шэгнэ* «взвешивать» + суффикс *-үүр* со значением орудия действия.

Таким образом, нами рассмотрена терминологическая лексика, отражающая инструментарий дарханов в монгольских языках. Изложенный выше материал показал, что лексика, относящаяся к обработке металлов, богата и разнообразна. Данный пласт лексики представлен преимущественно общемонгольскими словами, а также ранними заимствованиями из тюркских языков. В современных монгольских языках тюркские по происхождению термины в настоящее время воспринимаются уже как слова монгольских языков. Кроме того, среди рассматриваемых терминов в сравниваемых языках встречаются более поздние заимствования из тибетского, китайского и русского языков. Что касается способов образования терминологической лексики монгольских языков по обработке металлов, то продуктивными способами являются лексико-семантический, морфологический и синтаксический способы. По нашим наблюдениям, самым распространенным способом образования является аффиксальный способ.

В образовании терминологических значений морфологическим способом огромное место занимают имена существительные, основы глагола и имена прилагательные. При образовании терминов инструментария кузнецов и ювелиров продуктивными считаются суффиксы со значением орудия действия: *-уур* (*-юур*, *-үүр*), *-уул* (*-юул*, *-үүл*), *-бтар* (*-бтэр*), *-лга* (*-лгэ*, *-лго*), *-аа* (*-ээ*, *-оо*), *-м*, *-үүргэ* и другие.

При синтаксическом способе образования терминологических сочетаний продуктивными моделями оказались атрибутивные словосочетания, выражающие определительные отношения как части целого. В сравниваемых языках огромное значение имеет расширение значения слов в образовании терминов, терминологических сочетаний.

Если в целом в терминологии исключаются такие явления, как образность и эмоциональность, то в терминологии, относящейся к обработке металлов, имеет место образность в виде изобразительных слов в составных терминах, а также перенос значений слов в терминах, отражающих названия частей инструментов.

Литература

1. Бадмаев А. А. Ремесла агинских бурят (к проблеме этнокультурных контактов). — Новосибирск, 1997. — 160 с.
2. Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. — М., 1972. — 312 с.
3. Дарбакова В. П. Традиционные домашние промыслы и ремесла монгольских народов МНР: дис. ... канд. ист. наук. — М., 1968. — 24 с.
4. Дондуков У-Ж. Ш. Развитие лексики монгольских языков. — Улан-Удэ, 2004. — 288 с.
5. Кочешков Н. В. Декоративное искусство монголоязычных народов XIX — середины XX века. — М., 1979. — 206 с.
6. Пюрбеев Г. Ц. Современная монгольская терминология. — М., 1984. — 119 с.
7. Рассадин В. И. Особенности дагурского языка в сопоставлении с бурятским и монгольскими языками // История и внешние связи бурятского языка. — Улан-Удэ, 2004. — С. 13–17.
8. Соктоева И. И., Бадмаева Р. Д. Бурятский художественный металл. — Улан-Удэ, 1971. — 81 с.
9. Сономцэрэн Л. Монгол дархны урлаг. — Улаанбаатар, 1972. — 54 с.
10. Сономцэрэн Л. Монгол ардын уламжлалт урлагийн дурсгал. — Улаанбаатар, 1989. — 90 с.
11. Сухбаатар О. Монгол хэлний харь үгийн толь. — Улаанбаатар, 1999. — 160 с.
12. Тумахани А. В. Бурятское народное искусство. — Улан-Удэ, 1970. — 110 с.
13. Пултэм Н.-О. Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века. — М., 1986. — 228 с.
14. Щербак А. М. Ранние тюрко-монгольские связи (VIII–XIV вв.). — СПб., 1997. — 291 с.

References

1. Badmaev A. A. *Remesla aginskikh buryat (k probleme etnokul'turnykh kontaktov)* [Crafts of Aga Buryats (to the problem of ethnic and cultural contacts)]. Novosibirsk, 1997. P. 160.
2. Vainshtein S. I. *Istoricheskaya etnografiya tuvintsev* [Historical ethnography of Tuvinians]. Moscow, 1972. 312 p.
3. Darbakova V. P. *Traditsionnye domashnie promysly i remesla mongol'skikh narodov MNR. Diss....kand. ist. nauk* [Traditional home trade and crafts of MPR Mongolian peoples. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 1968. 24 p.
4. Dondukov U.-Zh. Sh. *Razvitie leksiki mongol'skikh yazykov* [Development of the Mongolian languages lexis]. Ulan-Ude, 2004. 288 p.
5. Kocheshkov N. V. *Dekorativnoe iskusstvo mongoloyazychnykh narodov XIX–XX veka* [Decorative Arts of the Mongolian peoples in 19th–20th century]. Moscow, 1979. 205 p.
6. Pyurbeev G. Ts. *Sovremennaya mongol'skaya terminologiya* [Modern Mongolian terminology]. Moscow, 1984. 119 p.
7. Rassadin V. I. Osobennosti dagurskogo yazyka v sopostavlenii s buryatskim i mongol'skimi yazykami [Features of the Dagur language in comparison with the Buryat and the Mongolian languages]. *Istoriya i vneshnie svyazi buryatskogo yazyka — History and foreign relations of Buryat language*. Ulan-Ude, 2004. Pp. 13–17.
8. Soktoeva I. I. *Buryatskii khudozhestvennyi metall* [Buryat art metal]. Ulan-Ude, 1971. 81 p.
9. Sonomtseren L. *Mongol darkhnyurlag*. Ulaanbaatar, 1972. 54 p. (Mong.)
10. Sonomtseren L. *Mongol ardynulamzhalturlagiindursgal*. Ulaanbaatar, 1989. 90 p. (Mong.)
11. Sukhbaatar O. *Mongol khelniikhar'gyiin tol'*. Ulaanbaatar, 1999. 160 p. (Mong.)
12. Tumakhani A. V. *Buryatskoe narodnoe iskusstvo* [Buryat folk art]. Ulan-Ude, 1970. 110 p.
13. Tsultem N.-O. *Iskusstvo Mongolii s drevneishikh vremen do nachala XX veka* [Art of Mongolia from ancient times to the beginning of the 20th century]. Moscow, 1986. 228 p.
14. Shcherbak A. M. *Rannie tyurko-mongol'skie svyazi (VIII–XIV vv.)* [Early Turkic-Mongolian ties (13th–14th centuries.)]. St Petersburg, 1997. 291 p.

УДК 81'37

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-23-25

**Характеристика разносистемных языков с позиций типологии
моделей лексикализации Л. Талми**
(на примере бурятского, китайского и турецкого языков)

© **Биликова Маргарита Зориктуевна**

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологии Центральной Азии Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4

E-mail: mgdaisy9703@mail.ru.

© **Шахаева Александра Альбертовна**

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологии стран Дальнего Востока Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4

E-mail: sashash@yandex.ru.

В статье рассматривается типология бурятского, китайского и турецкого языков с позиции концепции Л. Талми, одного из родоначальников когнитивной лингвистики. Согласно его концепции исследования в области типологии языков можно проводить в двух направлениях: первое основывается на рассмотрении семантики конкретного морфологического показателя (глагольного корня, элементов, находящихся за его пределами), второе же берет за основу способ выражения смы «маршрут движения» в глаголе. В статье анализируются глаголы направления движения в разносистемных языках (бурятском, китайском и турецком), и на основе анализа выявляется место данных языков в типологии моделей лексикализации Л. Талми.

Ключевые слова: типология, семантика, когнитивная лингвистика, бурятский, китайский, турецкий языки.

**Characteristics of Different System Languages
in Lexicalization Patterns of Talmy's Typology**
(Buryat, Chinese, Turkish languages)

Margarita Z. Bilikova

PhD, Senior Lecturer of the department of philology of Central Asia, Buryat State University

4, Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

Aleksandra A. Shakhaeva

PhD, Senior Lecturer of the department of philology of Far East countries, Buryat State University

4, Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

This article is devoted to the Buryat, Chinese and Turkish languages in Talmy's typology. According to his conception typology researches have two fields: the first one is based on consideration of particular morphological element's semantics, the second is based on manner of expression the path in the verb.

In this article analyzing the motion verbs in the Buryat, Chinese and Turkish, authors determine the place of these languages in Talmy's typology.

Keywords: typology, semantics, cognitive linguistics, the Buryat languages, the Chinese language, the Turkish language.

Одним из актуальных направлений современной когнитивной лингвистики являются исследования семантической типологии языков и универсалий. Как отмечает Л. Талми, исследуя когнитивную семантику в общем и семантику движения в частности, типологические исследования можно проводить в двух направлениях.

Первое направление характеризуется тем, что за основу типологического исследования языков принимается *конкретный формально-поверхностный элемент* (например, глагольный корень или элементы, располагающиеся за пределами глагольного корня) и рассматривается, какие значения выражает данный формально-поверхностный элемент.

Рассматривая главным образом глагольный корень, исследователь пишет о том, что существует только три типа корней глаголов движения, которые и составляют исчерпывающую типологию. «Любой язык использует только один из типов глаголов для выражения движения» [2, с. 62].

I тип — это тип, где в корне глагола наряду со значением движения выражен и способ движения или причина (motion +manner/cause). По мнению Л. Талми, к этому типу относится китайский язык и все ветви индоевропейской семьи (исключая романские).

II тип — это тип, где в корне глагола наряду со значением движения указана траектория движения (путь) (motion + path). К языкам с данным типом глаголов Л. Талми относит полинезийские, романские и семитские языки.

III тип — в корне заложено значение движения и тип субъекта данного движения (motion + figure). Данная структура уникальна, в качестве примера из языка средневропейского стандарта автор приводит английский глагол *rain* — идти (о дожде), в котором закодирован субъект, осуществляющий движение. Глаголы данного типа распространены в ряде языков Северной Америки.

Соотнося значения корней глаголов направления движения бурятского, китайского и турецкого языков с теорией Л. Талми, можно выделить совпадающие черты двух типов глагольных корней:

I тип — это тип, где в корне глагола наряду со значением движения выражен и способ движения или причина (motion +manner/ cause). Например:

бур. *Үдэиэ бүри голой эрье руу гүйдээ юм.* Он каждый вечер бегает к берегу реки;

кит. *他每天跑到河边 [ta mei tian paodao hebian].* Он каждый вечер бегает к берегу реки;

тур. *her akşam irkağa koşuyor.* Каждый вечер бегае^т к берегу реки.

В данных примерах глаголы движения *бур.* *гүйхэ* и *кит.* *跑 [pao]* (бегать) и *тур.* *koşmak* отражают в своем корне движение + способ движения (бегом), т. е. ярко демонстрируют первый тип глагольных корней.

II тип — это тип, где в корне глагола наряду со значением движения указана траектория движения (путь) (motion + path). Например:

бур. *Би орооб.* Я вошел;

кит. *我进了 [wo jinle].* Я вошел;

тур. *ben girdim.* Я вошел.

Глаголы со значением движения внутрь фона, используемые в данных примерах, *бур.* *орохо*, *кит.* *进 [jin]* *тур.* *girmek* демонстрируют второй тип корней, т. е. в глагольном корне содержится траектория движения.

Кроме отмеченного деления языков на типы Л. Талми произвел классификацию языков мира по признаку *конкретный семантический элемент* (маршрут движения). Взяв за основу способ выражения семы «маршрут движения», он предлагает все языки разделить на два типа:

а) «языки глагольного типа» (verb-framed), в которых траектория перемещения заложена в глагольном корне (verb root), т. е. в глагольном корне выражено значение пути (романские, семитские, японский, коддоанские и т. д.);

б) «языки сателлитного типа» (satellite-framed), в которых траектория перемещения выражается в сателлитах (большая часть индоевропейских, русский, финноугорские, валбири, китайский и т. д.).

Однако, по мнению Д. И. Слобина, типология, предложенная Л. Талми, не совсем полно отражает способы выражения траектории перемещения глаголами. Поэтому Д. И. Слобин расширил типологию Л. Талми, введя третий тип языков — языки эквиполентного типа (equipollently-framed), которые он охарактеризовал как языки, где при описании ситуации движения направление движения и способ передвижения выражаются отдельными самостоятельными глаголами, т. е. «серийной конструкцией».

В представлении Д. И. Слобина серийная конструкция состоит из отдельных самостоятельных глаголов, в которых один из глаголов выражает направление движения, а другой — способ передвижения. В качестве примера языка эквиполентного типа автор приводит тайский язык.

Обобщая точки зрения вышеуказанных авторов на типологию языков с позиций выражения глаголами семантики движения, направления движения и способа движения, Т. А. Майсак рассматривает типологию Л. Талми следующим образом.

Первый тип — языки «глагольного типа», где предпочтительным средством выражения маршрута является глагол, а способ движения выражается синтаксически («глагол, обозначающий маршрут + подчиненный глагол, обозначающий способ движения»). К языкам глагольного типа Т. А. Майсак относит романские, семитские, корейский, японский и другие языки.

Второй тип — языки «эквиполентного типа», в которых маршрут и способ выражаются эквивалентными грамматическими формами («глагол, обозначающий способ движения + глагол, обозначающий маршрут движения», «аффикс маршрута + аффикс способа + глагол» и пр.). К языкам эквиполентного типа Т. А. Майсак относит ряд языков Западной Африки, Юго-Восточной Азии, австронезийские, алгские и пр.

Третий тип — языки «сателлитного типа», где предпочтительным средством выражения маршрута является элемент, присоединяемый к глаголу («глагол, выражающий способ движения + сателлит, выражающий маршрут движения»). К ним автор относит германские, славянские, финно-угорские и другие языки.

Как показали наши наблюдения, рассматриваемые нами бурятский, китайский и турецкий языки имеют типологически общие черты:

- глагольного типа (глагол направления движения отражает маршрут движения), например: бур. *Ши гарана гүи? Ты выходишь?*; кит. *你出吗? [ni chu ma] Ты выходишь?*; тур. *Sen çıkıyor musun? Ты выходишь?*;

- сателлитного типа (глагол направления движения выступает в качестве сателлита, передавая направление движения, выраженного основным глаголом), например: бур. *Орожо ерэбэ. Зашел*; кит. *我走来了 [wo zou laile]. Я пришел* (букв. придя вошел); тур. *Gelerek girdi. Пришел* (букв. придя зашел).

- эквиполентного типа (глагол направления движения входит в сериальную конструкцию: передача направления движения + способ движения), например, бур. *мори унаад ерээ. Он приехал* (букв. приехал, сев на лошадь); кит. *我坐飞机来的! [wo zuo feiji lai de!] прилетел на самолете* (букв. сидя на самолете, пришел); тур. *otobüse binerek gitti. Сев на автобус, уехал*.

Подводя итог анализа рассматриваемых языков с позиций теории моделей лексикализации Л. Талми, можно заключить следующее:

1. Бурятский, китайский и турецкий языки для описания направленного движения в пространстве одинаково используют как глагол, так и сочетание глагола с сателлитом. Таким образом, языковой материал бурятского и китайского языков подтвердил справедливость точки зрения Т. А. Майсака (2005), обозначившего необходимость дополнения типологической классификации языков Л. Талми на основе семантики глагольных корней глаголов движения.

2. Бурятский, китайский и турецкий языки характеризуются тождественными параметрами и с точки зрения глагольной семантики движения. В семантике глаголов направления движения бурятского и китайского языков заложен маршрут движения (глагольный тип); данные глаголы могут входить в сериальные конструкции [эквиполентный тип (передача направления движения + способ передвижения)] и являться сателлитами, передавая направление совершаемого движения, выраженного основным глаголом (сателлитный тип). То же можно сказать и о турецком языке, который является языком глагольного типа, тем самым приближаясь к бурятскому языку.

Литература

1. Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. — М.: Языки славянских культур, 2005. — 480 с.

2. Talmy Leonard Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms // Timothy Shopen, ed. Language typology and syntactic description, second edition. Vol III. Grammatical categories and the lexicon. — Cambridge: Cambridge University press, 1985. — P. 57–149.

3. Talmy Leonard Toward a Cognitive Semantics. Vol. 2. Typology and process in concept structuring. — Cambridge: MIT Press, 2000. — 495 p.

References

1. Maisak T. A. *Tipologiya grammatikalizatsii konstruksii s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii* [Typology of grammaticalisation constructions with verbs of motion and verbs of position]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2005. 480 p.

2. Talmy L. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms. *Language typology and syntactic description, second edition*. Vol 3. Grammatical categories and the lexicon. Cambridge: Cambridge University press 1985. Pp. 57–149.

3. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics*. Vol. 2. Typology and process in concept structuring. Cambridge: MIT Press, 2000. 495 p.

УДК 811 (=581)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-26-29

Языковой сдвиг и современная языковая ситуация у новых баргутов КНР

© Бухоголова Саяна Батуевна

Старший преподаватель кафедры филологии Центральной Азии Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: sayana050379@yandex.ru

В статье рассматриваются факторы и условия языкового сдвига у новых баргутов КНР, представляющих согласно мнению некоторых ученых, отколовшуюся некогда часть хоринских бурят. Экспедиционные материалы 2002–2004 гг., по двум новобаргутским хошунам, включающие беседы с информантами разного возраста и социального положения, а также наши личные наблюдения, подтверждают данную гипотезу. В настоящее время язык новых баргутов находится на сложном этапе развития: родной хоринский диалект забыт представителями среднего, молодого возраста, только лишь представители преклонного возраста помнят употребление спиранта «h», характерного для хоринского диалекта и бурятского языка в целом. Кроме того, в связи с переселением из Халхи в Китай у новых баргутов произошел языковой сдвиг в пользу языка, названного нами общемонгольским диалектом Китая. На современном этапе наблюдается тенденция медленной утраты и этого языка в пользу более престижного китайского языка.

Ключевые слова: новые баргуты, языковой сдвиг, хоринский диалект, факторы языкового сдвига, языковая смерть, баргу-бурятская языковая общность.

Language Shift and Modern Language Situation at the New Barguts of China

Sayana B. Buchogolova

Senior Lecturer, Inner Asia Countries Philology Chair, Buryat State University
4, Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

This article discusses the factors and conditions of language shift in China's new Barguts representing breakaway once part Hori Buryat. Forwarding materials from 2002-2004 the results of our expeditions for two new barguts hoshun, including interviews with informants of different ages and social status, as well as our own observations confirm this hypothesis. At the moment, the new language Barguts is a complicated stage of development: native dialect Hori forgotten representatives of average young age, only representatives of the elderly remember eating spirant «h», characteristic hori dialect and the Buryat language as a whole. In addition, in connection with the relocation of the Khalkha in China have occurred Barguts new language shift in favor of the language, which we call a pan-Mongol dialect of China. At the present stage there is a trend of slow and loss of language in favor of a more prestigious Chinese.

Keywords: new Barguts, language shift, dialect of Hori, language shift factors, language death, language commonality of Barga-Buryat.

Этническая общность новых баргутов («шинэ барга») Хулун-Буирского аймака занимает северовосточную окраину АРВМ КНР — это Западный хошун новых баргутов (Шинэ баргын Баруун хошуу) с административным центром в поселке городского типа Алтан-эмээл балгас¹, а также Восточный хошун новых баргутов (Шинэ баргын Зүүн хошуу) с административным центром в поселке городского типа Амгалан балгас. С ними соседствуют старые баргуты («хуушан барга»), которые являются потомками племени баргутов, населявших в XIII в. Баргуджин-Токум [2, 2013]. Новые баргуты — это племенная группа хоринских бурят, перекочевавшая из Монголии, аймака Цэцэн-хана, двумя годами позже старых баргутов (1732) и получившая данное название от маньчжурской администрации в 1734 г. Об этом свидетельствует перечень хоринских родов и их ветвей кукуров, в котором нет ни одного названия из старобаргутской этнонимии. В состав хоринцев, как известно, входит одиннадцать родов: галзут, шарайт, гучит, хуасай, хубдут, харгана, худай, халбин, бодонгут, батнай, цаганут [7, с. 37].

Следует отметить, что язык новых баргутов не подвергался специальному изучению ни отечественных, ни китайских исследователей. Работа Э. В. Афанасьевой «Исторические связи бурятского и

¹ Внутр.-монг. балгас = кит. 镇 ‘поселок’ — населенный пункт меньше города, но больше села, районный центр. Тем не менее количество населения этих “поселков” может достигать нескольких сотен тысяч, они имеют довольно развитую инфраструктуру, поэтому мы предпочитаем термин поселок городского типа, хотя фактически это небольшие (для Китая) города, включающие сельские районы.

баргутского языков» посвящена сравнительно-сопоставительному исследованию связи языка старых баргутов с баргузинским, байкало-кударинским говорами, новых баргутов с хоринским говором бурятского языка. Автор приходит к выводу о реальности существования баргу-бурятской языковой общности, которую в свое время определили А. Д. Руднев, Н. Н. Поппе, Г. Д. Санжеев, Б. Х. Тодаева, Б. Я. Владимирцов.

К этому же выводу приходит именитый китайский монголовед Чингэлтэй, выделяющий баргу-бурятский диалект, носителями которого являются новые баргуты Западного, Восточного хошунов, старые баргуты и буряты Эвенкийского хошуна [11].

В целом работы китайских ученых посвящены сравнительно-сопоставительному анализу баргутского и старописьменного монгольского языков. В исследованиях Баосяна (1981, 1996), Жираннигэ (1996, 2002) дается классификация монгольских диалектов Китая с разделением их на центральный, западный и восточный диалекты. Именно восточный диалект включает языки и старых, и новых баргутов, а также язык шэнхэнских бурят, проживающих в поселке Наньтун Эвенкийского автономного хошуна. Научную значимость в области выявления общих черт и особенностей старобаргутского и старописьменного монгольского языков представляют также труды Уута (1984, 2002), Баосяна, Жираннигэ.

Наряду с перечисленными работами необходимо особо подчеркнуть исследования Пурбу, который довольно подробно рассматривает фонетику, морфологию, лексику новых баргутов, что представляет для нас несомненный интерес [13, 2002].

В статье мы рассматриваем язык новых баргутов, основываясь на полевых сборах, которые проводились в ходе научной экспедиции в 2002–2004 гг. Следует отметить, что в языке новых баргутов наблюдается определенный языковой сдвиг — язык новых баргутов, некогда являвшийся хоринским говором бурятского языка, подвергся сначала влиянию халхаского наречия, когда носители находились в Халхе, затем в Китае при смене этнического самоназвания хоринские буряты на новые баргуты видоизменился в результате смешения с китайцами, с монгольскими народами Китая. Хоринский диалект еще помнят старожилы. Например, сравним слова, которые употребляют пожилые информанты: *бэшэг* (письмо), *сэсэг* (цветок), *хуга* (подмышки), *хүхэ* (топор), *һара* (луна), *һэрэхэ* (просыпаться), *ниидэхэ* (летать) и молодые информанты: *бичиг* (письмо), *цэцэг* (цветок), *суга* (подмышки), *сүх* (топор), *сар* (луна), *сэрэх* (просыпаться), *нисэх* (летать) и т. д. Данные примеры еще раз подтверждают, что новые баргуты — это часть хоринских бурят, волею судеб оказавшихся в Хулун-Буире.

В первые годы переселения в Китай новые баргуты, скорее всего, являлись билингвами, т. е. владели своим исконным родным хоринским диалектом и халхаским наречием. Затем в китайязычной и монгольязычной среде, они некоторое время являлись и трилингвами, т. е. владели и хоринским диалектом, и халхаским наречием, и китайским языком. Однако окружающая обстановка вынудила их забыть родной хоринский диалект, на котором попросту невозможно было изъясняться с представителями других народностей помимо сородичей. Данный язык мы назвали бы общемонгольским диалектом Китая. Необходимо отметить, что на сегодняшний день наряду с монгольским они владеют и китайским языком. А «свой» язык употребляют лишь внутри общности, и то весьма в редких случаях.

Как и любой другой язык, язык новых баргутов делится на говоры: 1) *узи* («сакающие») наиболее отчетливый, близок халхаскому наречию, представители данного говора характеризуются, по мнению других групп новобаргутской общности, красноречием, их местообитание расположено к югу от устья реки Керулен; 2) *гүлчэр* («һакающие») сопоставим с бурятским языком, хотя внутри еще делятся на «сакающие» и «һакающие», между собой новые баргуты их называют пустословами, живут к северу от устья реки Керулен; 3) *гуллан* — это смесь «сакающих» и «һакающих», распространен повсеместно.

Устойчивые факторы, приводящие к языковому сдвигу, отсутствуют, хотя некоторые ученые в недоумении от того, что эти же самые факторы иногда дают обратный эффект [2, с. 11–16].

В. Дресслер выделяет масштабные факторы, например: *политические* (распространение единого языка, сокращение функций малых языков, ведущее впоследствии к языковому сдвигу); *социологические и социально-психологические* (конфликты identity, негативные стереотипы, предрассудки, комплекс неполноценности из-за принадлежности к не престижной группе); *собственно лингвистические* (утрата грамматических категорий, изменения языка под действием сдвига) [9].

На наш взгляд, наиболее точно, конкретно обосновал данную проблему британский и австралийский лингвист Р. Диксон. Он определил факторы, повлиявшие на процесс исчезновения аборигенных языков Австралии:

Выбор аборигенов: многие аборигены решили как можно больше получить от новой ситуации — то есть ситуации меньшинства в обществе европейского типа; родители, желавшие своим детям успеха, говорили с ними только по-английски.

Сдвиг культурных акцентов: люди, говорящие на двух языках, обычно используют их в разных обстоятельствах: аборигенные языки — на охоте, в быту среди своих; английских — в общественной сфере и с чужими. Однако сравнительная роль этих двух сфер постепенно меняется: все меньше времени отводится охоте и общению со своими и аборигенные языки, соответственно, используются все реже.

Давление СМИ: на радио, телевидении, в газетах, журналах, книгах, школьном обучении используется главным образом английский, таким образом поощряя ребенка говорить по-английски [10, с. 236].

В случае языкового сдвига или потери своего языка новыми баргутами, на наш взгляд, повлияли вышеперечисленные факторы, кроме первого, с разницей, что данная общность имеет свое местоположение в КНР.

Языковой сдвиг (смена языка) — это процесс и результат утраты этнического языка. Формальными показателями языкового сдвига являются выбор какого-то определенного языка в качестве родного. Различаются два типа языкового сдвига: первый — с сохранением знания языка своей национальности, второй — с полной потерей знания языка своей национальности [5].

По предположению Н. Б. Вахтина, впервые термин «языковая смерть» употребил Joseph Vendryes (1934), однако приоритет в постановке этой проблемы принадлежит, по-видимому, Моррису Сводешу (1948).

Работы западных мыслителей Вольфганга Дресслера, Нанси Дориан, Джейн Хилл, Сьюзен Гал и других побудили интерес к языковому сдвигу [Dressler, 1972; Dorian, 1973, 1981; Kieffer, 1977; Hill, 1977, 1978; Gal 1979 и др.]. Среди отечественных исследователей тему языковой смерти в разные периоды рассматривали В. И. Васильев (1985), А. Е. Кибрик (1991), М. С. Высоков (1995), И. В. Кормушин (1998), А. А. Бурькин (1997), Н. Б. Вахтин (2001), Д. М. Буланин (2001).

К условиям языкового сдвига у новых баргутов наряду с вышеупомянутыми основными факторами мы относим, прежде всего, малочисленность этнической общности, изначальное отсутствие собственного письменного языка (хотя существуют монгольские школы с преподаванием на старописьменном монгольском языке, который не отражает весь фонетический состав языка), смешанный состав населения хошунов, политика укрупнения хошунов, деление школ на китайские и монгольские (безусловно, первые из них престижнее второго), распад традиционного хозяйства, рост числа межнациональных браков и т. д.

Н. В. Вахтин, перечисляя факторы, приводящие к языковой смерти или к языковому сдвигу, не останавливается на этом: «Анализируя причины языкового сдвига, нельзя сбрасывать со счета ситуации, когда язык умирает в результате простого и грубого принуждения. Прямое насилие может привести и приводит к языковому сдвигу, но это основная и главная причина. Языки умирают и без прямого насилия в результате добровольного выбора говорящих на них людей. Это приводит нас к проблеме мотивации, к снижению социально-психологической характеристики, получившей в английском названии «*language loyalty*» (приверженность, преданность конкретному языку). Принуждение и выбор — вот две «конечные причины», два основных фактора, которые способны вызвать “языковой сдвиг”» [1, с. 11–16].

Причины сдвига видят и в отсутствии мотивации к изучению или к сохранению титульного языка [4, с. 57]. Это часто объясняют тем, что существует устойчивый негативный стереотип титульного языка: уровень и качество жизни в семьях, занятых традиционными промыслами (что, как правило, является существенной предпосылкой сохранения родного языка), заметно ниже, чем у «более русифицированных» [4, с. 31–32]. В нашем случае престижным считается знание китайского языка. Отсюда, следует сделать неутешительный вывод, что новые баргуты, в целом и монгольские народы КНР сделают выбор в пользу доминантного китайского языка. Это означает, что у новых баргутов вслед за хоринским диалектом на современном этапе начинается процесс языкового сдвига даже в отношении названного нами общемонгольского диалекта. Данная проблема требует дальнейшего исследования.

Литература

1. Афанасьева Э. В. Исторические связи бурятского и баргутского языков (на примере фонетики и грамматики). — Улан-Удэ, 2006.
2. Вахтин Н. Б. Условия языкового сдвига (К описанию современной языковой ситуации на Крайнем Севере) // Вестник молодых ученых. Сер. Филологические науки. — СПб., 2001. — № 1. — С. 11–16.
3. Зориктуев Б. Р. Загадки истории старых баргутов Китая // Новые исследования Тувы [Электронный ресурс]. — 2013. — № 3. — С. 3–4. — URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_19/6482-zoriktuiev.html
4. Красная книга языков народов России: энциклопедический словарь-справочник. — М.: Academia, 1994. — С. 57.
5. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. — М., 2006. — С. 234.
6. Тодаева Б. Х. Язык монголов Внутренней Монголии. — М., 1985. — 134 с.
7. Юмсунов В. История происхождения одиннадцати хоринских родов // Бурятские летописи. — М.: Улан-Удэ, 1995. — С. 37.
8. Bousiyang, Jirannige B. *Barγu aman ayalγu*. — *Öbür mongγul-un yeke surγayuli-yin keblel-ün qoriy-a*. — 1996. niγur 2.
9. Wolfgang Dressler, R. Wodak-Leodater. Language preservation and language death in Brittany // *IJSL*. — 1977. — Vol. 12.
10. R. M. W. Dixon. The Endangered languages of Australia, Indonesia and Oceania // Robins, Uhlenbeck 1991: *Endangered languages* / Ed. by R. H. Robins and E. M. Uhlenbeck. — Oxford; N. Y.: Berg, 1991.
11. Činggeltei. *Barγu buriyad aman ayalγun-u tuqai* // *Kele bičig-ün erdem šinjilegen-ü ögülel-ün tegüberi*. *Öbür mongγul-un yeke surγayuli-yin mongγul kele bičig sudulqu γajar*. — 1986. — niγur 267–275.
12. Činggeltei. *Barγu buriyad nutuγ-un ayalγun-u üges-ün sang-un tala-bar ki öbermiče ončaliγ* // *Mongγul kelen-ü üges-ün sang-un sudulγan*. *Öbür mongγul-un yeke surγayuli-yin mongγul kele bičig sudulqu γajar*. — 1991.
13. Pürbü Z. *Orčün čay-un mongγul bičig-ün kele-tei qaričayuluγsan šin-e barγu ayalγun-u material* // *Pürbü-yin mongγul bičig-ün kelen-ü teüke tuqai šinjilege*. *Öbür mongγul-un arad-un keblel-ün qoriy-a*. — 1997. — niγur 90.

References

1. Afanas'eva E. V. *Istoricheskie svyazi buryatskogo i bargut'skogoazykov (na primere fonetiki i grammatiki)* [Historical relations of the Buryat and the Bargut languages (on the example of phonetics and grammar)]. Ulan-Ude, 2006.
2. Vakhtin N. B. *Usloviya yazykovogo sdviga (K opisaniyu sovremennoi yazykovoi situatsii na Krainem Severe)* [Terms and conditions of language shift (The description of the current language situation in the Far North)]. *Vestnik molodykh uchenykh. Seriya: Filologicheskie nauki — Bulletin of young scientists. Series: Philology*. No. 1. St Petersburg, 2001. Pp. 11–16.
3. Zoriktuiev B. R. *Zagadki istorii starykh bargutov Kitaya* [Mysteries of China old Barguts' History]. *Novye issledovaniya Tuvy — New Research of Tuva*. 2013. No. 3. Pp. 3–4. Available at: http://www.tuva.asia/journal/issue_19/6482-zoriktuiev.html.
4. *Krasnaya kniga yazykov narodov Rossii* [The red book of the Russian peoples' languages]. Moscow: Academia, 1994. P. 57.
5. *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* [Glossary of sociolinguistic terms]. Moscow: 2006. P. 234.
6. Todaeva B. Kh. *Yazyk mongolov Vnutrennei Mongolii* [Language of the Mongols from Inner Mongolia]. Moscow, 1985.
7. Yumsunov V. *Istoriya proiskhozhdeniya odinnadtsati khorinskikh rodov* [Provenance of eleven Horinsk bloodlines]. *Buryatskie letopisi — Buryat chronicles*. Ulan-Ude, 1995. P. 37.
8. Bousiyang, Jirannige B. *Barγu aman ayalγu*. *Öbür mongγul-un yeke surγayuli-yin keblel-ün qoriy-a*, 1996. P. 2.
9. Dressler W. Wodak-Leodater R. Language preservation and language death in Brittany. *IJSL*. 1977. V. 12.
10. Dixon R. M. W. The Endangered languages of Australia, Indonesia and Oceania. *Endangered languages* / Ed. by R. H. Robins and E. M. Uhlenbeck. Oxford; N. Y.: Berg, 1991.
11. Činggeltei. *Barγu buriyad aman ayalγun-u tuqai*. *Kele bičig-ün erdem šinjilegen-ü ögülel-ün tegüberi*. *Öbür mongγul-un yeke surγayuli-yin mongγul kele bičig sudulqu γajar*, 1986. Pp. 267–275.
12. Činggeltei. *Barγu buriyad nutuγ-un ayalγun-u üges-ün sang-un tala-bar ki öbermiče ončaliγ*. *Mongγul kelen-ü üges-ün sang-un sudulγan*. *Öbür mongγul-un yeke surγayuli-yin mongγul kele bičig sudulqu γajar*, 1991.
13. Pürbü Z. *Orčün čay-un mongγul bičig-ün kele-tei qaričayuluγsan šin-e barγu ayalγun-u material*. *Pürbü-yin mongγul bičig-ün kelen-ü teüke tuqai šinjilege*. *Öbür mongγul-un arad-un keblel-ün qoriy-a*, 1997. P. 90.

УДК 811.512,374

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-30-34

Личные имена монголов и бурят

© Васильева Дугвэма Натар-Доржиевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Центральной Азии Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4

E-mail: dug-vema@mail.ru

© Батодариева Сарюна Солбоновна

студентка IV курса Восточного института Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4

E-mail: sara4ka14@mail.ru

Статья посвящена сравнительному анализу монгольских и бурятских онимов, носители которых ученики средних школ Монголии и Республики Бурятия. Данные респонденты (школьники, рожденные в 2000-е гг.) были выбраны с целью изучения современных тенденций имянаречения. В работе представлен небольшой обзор научных трудов бурятских и монгольских ученых, посвященных ономастическим исследованиям. Авторы подводят к мысли, что и в настоящее время имянаречение новорожденного является важным и серьезным шагом, подтверждающим некую «сакральность» личного имени. В ходе исследования выявляются основные тенденции номинации в среде монголов и бурят, в процентном соотношении выводится частотность употребления определенных онимов из представленного списка имен. Также анализируются собственно монгольские, буддийские и заимствованные личные имена с точки зрения их семантики и морфологии.

Ключевые слова: ономастика, именник монголоязычных народов, антропонимы, бурятские и монгольские онимы, личные имена тибетского и санскритского происхождения.

Personal Names of the Mongols and Buryats

Dugvema N.-D. Vasilieva PhD of Philology, A/Professor of Department of Philology Central Asia, Oriental Institute, Buryat State University
4, Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia**Saryuna S. Batodarieva**4th year student of Department of Philology Central Asia, Oriental Institute, Buryat State University
4, Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The article is devoted to the comparative analysis of Mongolian and Buryat personal names collected from high school students in Mongolia and the Republic of Buryatia. The students (born in the 2000s) had participated in our study of contemporary naming trends as respondents. A short review of scholarly publications on onomastics published in Mongolia and Buryatia is presented. The authors are led to believe that the naming of a newborn child in a contemporary society is still viewed as a very important step in one's life, which confirms a "sacredness" of a personal name. The study identifies major trends in onomastic repertoire among the Mongols and the Buryats and presents the use frequency of certain personal names in the analysed onomastic lexicon. Additionally original, Buddhist and borrowed personal names in Mongolic onomastic lexicon are analysed from the semantic and morphological point of view.

Keywords: onomastics, Mongolic onomastic repertoire, anthroponyms, Buryat and Mongolian personal names, personal names of Tibetan and Sanskrit origin.

Имена собственные с давних пор привлекают внимание исследователей. Они служат для наименования как людей, городов, рек, созвездий и т. п., так предметов и явлений, созданных фантазией человека: богов, демонов, имена персонажей художественной литературы и фольклора.

Функциональное и языковое своеобразие имен собственных привело к тому, что их стали изучать в особой отрасли языкознания — ономастике (с греч. «искусство давать имена»). Ученых интересовали история их возникновения, значение и смысл, связь с историей общества, с мировоззрением и верованиями людей, с окружающей природой. В настоящее время интерес к ономастике значительно возрос, издаются книги, посвященные тайнам имени собственного, многочисленные словари личных имен и фамилий. Первые наблюдения над именами собственными в бурятском языке датируются 1950-ми годами в работах Б. Р. Буянтуева, В. Ф. Балабанова и В. О. Куликова. Весомый вклад в изучение мотивов и особенностей номинации, семантики и словообразования онимов бурятского языка внесли публикации Н. Б. Алдаровой, А. Г. Митрошкиной и Л. В. Шулуновой [2, с. 7, 8].

Начало исследований монгольской антропонимии датируется 1960-ми годами. Ученые И. Шуберт (1960), Ж. Крюгер (1962), Ч. Содном (1963), Б. Сумьяабаатар, Н. Жамбалсурэн (1970), Ж. Тумэрцэрэн (1974), Д. Энхбат (1996) осветили основные аспекты генезиса антропонимии. В своих статьях они выделили древнемонгольский, ламаистский и современный пласты личных имен монголов.

Научные данные по антропонимике располагают двумя словарями монгольских личных имен: «Словарь монгольских личных имен» А. Дариймаа (1986) и «Справочник монгольских личных имен» Ж. Сэржээ (1991). В этих изданиях авторы дают общее представление о монгольском ономастиконе, а также описывают основные правила написания личных имен. Первым опытом описания антропонимической системы явилась монография Ж. Сэржээ «Монгольские личные имена» (1992). Работа, несомненно, представляет интерес в плане разработки классификации личных имен по мотивации, структуре и способу образования. Автор делит имена на простые (производные и производные) и сложные.

Имена собственные издавна считаются неким «хранилищем» истории, культуры, языка и религиозных верований конкретного народа. Через именной любой народ можно открыть все тайны народов. Вспомним, в «Монголын нууц товчоо» есть отрывок, где Есугей-батор, победив Татарского Темучжин-Уге, дает его имя своему новорожденному сыну. У многих народов издавна считалось, что знать чужое имя означало иметь какую-то власть над тем человеком, следовательно, личное имя имело сакральный смысл и особое значение и до сих пор имянаречение — особая церемония.

Современные личные имена монголов и бурят (начиная с 2000 г. р.) представляют интерес для исследования влияния экстралингвистических факторов на именной монгоязычных народов. Материалом исследования послужили имена учеников школы №1 г. Улан-Батор (Монголия) и школьников Кижингинской школы №1 (Республика Бурятия). Общий объем зафиксированного материала составляет свыше 2 000 имен.

В последние годы в Монголии отмечена тенденция к возрождению собственно монгольских и даже древнемонгольских имен типа *Тэргүүн, Мэргэн, Баатар, Азжаргал, Амаржаргал, Амгалан, Азаяа, Арслан, Алтанцэцэг, Ариунжаргал, Баяр, Бат, Батмөнх, Баясгалан, Бэхбат, Баярсайхан, Билгүүн, Болор, Гантулга, Гэрэл, Жавхлан, Жаргал, Золбоо, Баянжаргал, Бишрэлт, Зоригт, Хүүчитбаатар, Чулуун, Тайван, Төгөлдөр, Төмөр, Ганболд, Ширмэн, Заан, Уртнасан, Маргад-эрдэнэ, Мишээл, Мандухай, Мөнхжаргал, Намуун, Номин, Цэцэг, Хулан, Чимэг, Навч, Тэмүүлэн, Туяа, Наран, Саруул, Сувд, Оюун, Номин, Энх, Энхтайван, Энхцэцэг, Элбэг, Элбэгзаяа.*

Остаются популярными имена, которые состоят из двух основ, например, где одна из основ *эрдэнэ* «драгоценность» (*Алтан-Эрдэнэ, Амин-Эрдэнэ, Анар-Эрдэнэ, Бат-Эрдэнэ, Болд-Эрдэнэ, Болор-Эрдэнэ, Ган-Эрдэнэ, Маргад-Эрдэнэ, Молор-Эрдэнэ, Мөнгөн-Эрдэнэ, Мөнх-Эрдэнэ, Нандин-Эрдэнэ, Номин-Эрдэнэ, Эрдэнэ-Очир, Эрдэнэбаяр*), также основа *энх* «спокойствие, мир» (*Бат-Энх, Энх-Амгалан, Энхбаясгалан, Энхбаяр, Энхбилэг, Энхболор, Энхжаргал, Энхжин, Энхнаран, Энххүслэн, Энхцолмон*), *мөнх* «вечный» (*Батмөнх, Мөнх-Амгалан, Мөнхбат, Мөнхбилэг, Мөнхжаргал, Мөнхжин, Мөнхнаран, Мөнх-Оргил, Мөнх-Усх, Мөнхтулга*).

Встречаются много имен, обозначающих счастье, радость, веселье: *Азжаргал, Амарбаясгалан, Ариунжаргал, Батжаргал, Баярбаясгалан, Буянжаргал, Магнайбаяр, Намуунбаяр, Одбаяр, Өсөхбаяр, Ууганбаяр, Чинбаяр, Эрхэмбаяр, Энхбаясгалан.*

В списке учащихся также зафиксированы имена-меморативы: *Есүгей* — имя отца Чингисхана; *Оэлүн* — имя матери Чингисхана; *Хубилай* — в честь Хубилай-хана, внука Чингисхана — основоположника династии Юань; *Дамдинсүрэн* — имя известного монгольского писателя и ученого Цэндийн Дамдинсүрэна; *Тэмүүлэн* «устремляющаяся вперед, стремительная», имя дочери Чингисхана; *Хулан* «дикая лошадь», имя одной из жен Чингисхана; *Тэмүүжин* — первое имя Чингисхана, данное ему отцом в честь побежденного им татарского Тэмүүжин-үгэ. Также имена в честь жены Джунгарского хана Ану-хатун, прославившаяся своей храбростью: *Ану, Анударь, Анужин, Анунгоо, Ану-үжин*, где «үжин» от кит. 夫人 — госпожа, супруга.

Можно отметить онимы с основой *-гоо* «красота, прекрасный красивый»: *Гоомарал, Намуунгоо, Нарангоо, Урангоо, Цэцэнгоо*. Также много имен с аффиксом *-жин*: *Анужин, Ивээлжин, Минжин*; в имени *Монголжингоо* мы видим присоединение к слову *монгол* аффикса *-жин* и основы *-гоо*; *Мөнхжин, Эмүжин, Энхжин*. Обычно имена с основой *-гоо* и аффиксом *-жин* даются девочкам.

Следует отметить, что имена, обозначающие добро, гуманность, милосердие, представлены в большом объеме: *Дөлгөөн* «тихий, спокойный», *Энэрэл* «сострадание, милосердие», *Нандин*

«священный», *Саруул* «светлый».

К новым именам можно отнести: *Мишээл* «улыбка», *Агиймаа*, где *-гий* используется для сокращения имен у монголов + *маа* «мать», *Амина* — от слова амин «жизненный», *Эгшиглэн* «звук, мелодия», *Ивээл* «забота», *Хабул* — имя монгольского хана. Также можно отметить необычные имена в списке учеников: *Өөдөө* «уверенный», *Хаш* «нефрит», *Цацралт* «сияние, распространение», *Шижир* «чистый», *Шур* «коралл».

Также есть несколько имен, заимствованных из тибетского языка и санскрита: *Ананда* — имя ученика Будды Шакьямуни, *Ангараг* — планета Марс, *Анударь* — Ану от имени Ануужинхатан + *Дарь* (имя богини буддийского пантеона), *Удвал* «одуванчик» (лат. водосбор зеленолиственный), *Нямдаваа* «солнце» + «луна», *Биндэрьяа* «берилл», *Дагвадорж* — Дагва с тиб. «слава», дорж с тиб. «алмаз», *Лувсан* «умный», *Осор* «свет», *Бадам* «лотос», *Балжинням* — Балжин с тиб. «дающий величие» + *ням* с тиб. «солнце», *Бархас* «величие», *Самбуу* «хороший», *Дэмчигсэлмаа* «спокойствие». Необходимо назвать онимы, которые состоят из монгольской и тибетской основы *-маа* «мать» (*Жаргалмаа* — монг. жаргал «счастье» + *маа* «мать», *Мандалмаа* — монг. Мандал «возрождение, рассвет» + *маа* «мать», *Нандиймаа* — монг. нандий «священный» + *маа* «мать», *Сугармаа* — санскр. сугар «Венера» + *маа* «мать».

Проанализировав монгольский именник, мы пришли к выводу, что в списке личных имен всех монгольских учеников 95 % составляет собственно монгольские онимы. Например, количество повторов имен: Номин — 21, Хулан — 32, Билгүүн — 38, Төгөлдөр — 35, Тэмүүлэн — 38 (цифра обозначает частоту имени). Остальные 5 % относятся к заимствованиям из тибетского языка и санскрита (Ананда — 11, Анударь — 16). Антропонимы собственно монгольского происхождения можно условно разделить на 5 подгрупп: имена с основой «эрдэнэ», «энх» и «мөнх»; имена со значением «радость» и «счастье»; имена-меморативы; имена с аффиксами *-гоо*, *-жин*; имена-неологизмы. Из 100 % собственных имен 48 % — онимы с основой эрдэнэ, энх и мөнх (Бат-Эрдэнэ — 137, Энхжин — 108, Мөнхжин — 80), 23 % занимают имена со значением радость, веселье и счастье (Баяр — 70, Жаргал — 60), 12 % относятся к именам с аффиксами *-гоо*, *-жин* (Маралгоо — 10, Энхжин — 100), 9 % — к именам-неологизмам (Мишээл — 36, Ивээл — 7) и 8 % является именами-меморативами (Тэмүүжин — 18, Тэмүүлэн — 38).

Далее мы проанализировали личные имена учеников Кижингинской школы № 1. Важнейшим экстралингвистическим фактором, влияющим на становление или изменение именника, стали религиозные воззрения. В XVII в. началось повсеместное распространение буддизма в Бурятии, что сыграло огромную роль в становлении именника бурят. Интенсивно стали проникать имена тибетского и санскритского происхождения.

Тибетскими по происхождению являются такие имена, как *Аюша* — «долгая жизнь, долголетие», имя божества долголетия, *Бадма* — тиб. падма «цветок», *Галсан* — «счастье», *Дамба* — «высший», *Доржо* — тиб. Дорджи «драгоценный камень, алмаз», *Дугар* — в буддизме «белый зонт», *Дондок* — «попадающий в цель», *Еши* — «разум», *Дулма* — «спасительница», *Дэжид* — «счастье», *Ринчин* — «драгоценный камень», *Ханда* — «шестствующая по небу», *Янжима* — «владычица мелодии», «обладающая мелодичным голосом». К именам санскритского происхождения относятся *Арья* — «святой», *Аюр* — «лекарь», *Базар* — «алмаз», *Буда* — санскр. буд «умный», *Гарма* — санскр. гарам «звезда», *Зана* — «разум», *Зандан* — «сандаловое дерево», *Радна* — санскр. раднаа «сокровище».

В списке имен кижингинских школьников преобладают антропонимы собственно монгольского происхождения: *Адиса* — благословение, *Соёлма* — культура, *Алдар* — известность, слава, *Эржэна* — жемчуг, *Сэлмэг* — ясный, безоблачный, *Батор* — богатырь, *Оюна* — ум, *Туяна* — луч, *Бэлик* — мудрость, *Саяна* — в честь гор Саян, *Арсалан* — лев, *Эрдэм* — наука.

Для женских бурятских имен характерно прибавление в конце слова суффикса *-а*, *-ма*: *Алтана*, *Соёлма*, *Аяна*, *Ринчима*, *Бэлигма*, *Номина*, *Сарюна*, *Цырегма*, *Дарима*, *Эржена*, *Арюна*, *Зоригма*, *Долгорма*, *Мэдэгма*, *Жаргалма*, *Саяна*, *Юмжана*.

За последние годы в бурятском именнике появляются необычные, редкие имена: *Сайжина* «подающая милостыню», *Сойжина* «дарующая исцеление», *Айлана* — тюрк. «лунный свет», *Дамира* — тюрк. «железо, железный», *Жанчиб* — тиб. «просветленный», *Этигэл* «вера», *Вандан* — от тиб. «обладающий властью», *Саран-туяа* — монг.-бур. «лучи солнца», *Гунга* от тиб. «радость, веселье», *Сахьяна* — санскр. «мир» + афф. *-на* показатель женского рода, *Ганжур* — название буддийского канона, состоящего из 108 томов, перевод наставлений Будды, *Ринчима* — тиб. ринчин «драгоценный

камень», *Ая* — монг. «мелодия», *Максар* — санскр. *магсар* «наделенный огромным войском, полководец», *Майдар* — санскр. «милосердный», *Саран-гуа* — монг. сар «солнце» + гуа (гоа) «почетное прозвище со значением красивый, прекрасный», *Зундыма* — от тиб. зундуй «старательный», *Палам* — тиб. «алмаз», *Донид* — тиб. «сущность пустоты», *Хэшиэгтэ* — тиб. хэшэг «счастье», *Санжай* — тиб. «распространяющий чистоту», *Номто* — «с хорошей судьбой».

Также есть несколько двусоставных имен: *Бадма-Цырен* — тиб. Бадма «лотос» + Цэрэн «долгожитель», *Дамба-Доржо* — Дамба «высший» + Доржо «драгоценность», *Даши-Нима* — тиб. Даши «счастье, процветание» + Нима тиб. «солнце, день», *Дугар-Цырен* — Дугар «белый зонт» + Цэрэн «долгожитель», *Чой-Доржо* — Чой тиб. «книга» + Доржо «алмаз», *Дыжит-Ханда* — тиб. Дэжид «счастье» + Ханда «шествующая по небу», *Данзан-Даши* — тиб. Данзан «держатель Учения» + Даши тиб. «счастье».

В бурятском именнике кижингинских школьников русские имена занимают небольшую часть. Например: *Виктория, Татьяна, Надежда, Руслан, Юля, Михаил, Светлана, Артем, Максим, Владимир, Александр*.

Популярные имена: *Намгар* — от тиб. намгур «молиться», *Батор, Адиса, Саяна, Аюр, Дарья, Мэргэн, Буянто, Радна, Бато, Алина, Доржо, Дарима, Сарана, Арюна*.

Из вышеизложенного можно констатировать тот факт, что из 100 % бурятских имен к собственно монгольским относятся 60 % антропонимов (Бато — 5, Алдар — 5, Арюна — 10), к заимствованным именам — 40 % (Доржо — 8, Янжима — 10, Ринчин — 4). Если рассмотреть отдельно собственно монгольские имена, то данную группу имен можно разделить на 4 подгруппы: имена с суф. *-а, -на, -ма*. Данная группа составляет 56 % онимов (Дарима — 5, Алтана — 15, Нарана — 5), 40 % принадлежит именам собственным с разными значениями (Адиса — 5, Эрдэм — 4, Мэргэн 6), 4 % составляют редкие и новые онимы (Айлана — 2, Максар — 2), еще 4 % представлены двусоставными именами (Даши-Доржо, Дугар-Цырен).

Группу заимствованных имен делим на 2 подгруппы: имена тибетского и санскритского происхождения, которые составляют 66 % всех имен (Янжима — 10, Аюр — 9, Аюша — 6), и остальные 34 % — русские имена (Виктория — 10, Александр — 7, Надежда — 5).

В ходе проведенного анализа выясняется, что с 2000-х гг. традиции имянаречения меняются как в монгольском, так и в бурятском именниках. В обоих случаях наблюдается увеличение односоставных имен с благозвучной семантикой. Также есть схожесть в том, что многие имена оканчиваются на аффиксы *-а, -ма, -на* (*Амина, Сарана, Номина, Жаргалма*). Появляются новые имена, заимствованные из других языков. Например, в бурятском именнике *Сахьяна* — санскр. «мир» + *-на* — показатель женского рода, *Зундыма* — тиб. зундуй «старательный». В монгольском именнике популярными стали имена *Мишээл* — улыбка, *Ивээл* — забота, *Эгшиглэн* — звук, мелодия.

Личные имена монголов в виду изолированности сохранили свою индивидуальность и неповторимость в отличие от бурятских, которые подвергнуты большому влиянию со стороны русского, тибетского языков и санскрита. Несмотря на это, бурятский народ все еще сохраняет свой язык, национальные обычаи и традиции в современной жизни. Большинство молодых семей обращаются в дацан для того, чтобы лама дал имя ребенку. Многие люди до сих пор верят, что судьба человека зависит от имени. Таким образом, имянаречение является одним из основополагающих элементов монгольской и бурятской культуры. Как гласит монгольская народная пословица: *Муу нэрийг хусавч арилахгүй, сайн нэрийг хүсэвч олдохгүй* (Хорошее имя обрести трудно, а плохое — сколько не скобли, не очистишь).

Литература

1. Денисова В. В. Универсалии монгольских антропонимов. — Улан-Удэ, 2004. — 158 с.
2. Жапова Д. Н-Д. Функциональная эволюция монгольских антропонимов. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. — 154 с.
3. Монхтувшин С. Имена исторических личностей в современном именнике монголов // Языковое пространство города: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 18 ноября 2010 г.). — Улан-Удэ, 2010. — С. 135–138.
4. Сэржээ Ж. Монгол хүний нэрийн лавлах толь. — Улаанбаатар, 1991. — 52 х.

References

1. Denisova V. V. *Universalii mongol'skikh antroponimov* [Universals of Mongolian personal names]. Ulan-Ude, 2004. 158 p.
2. Zhapova D. N-D. *Funktsional'naya evolyutsiya mongol'skikh antroponimov* [Functional evolution of Mongolian personal names]. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 2005. 154 p.
3. Monkhtuvshin S. *Imena istoricheskikh lichnostei v sovremennom imennike mongolov* [Names of historical figures in Mongols' modern list of names]. *Yazykovoe prostranstvo goroda — Linguistic space of a city*. Proc. All-Russ. sci. and pract. conf. (November 18, 2010). Ulan-Ude, 2010. Pp. 135–138.
4. Serzhee Zh. *Mongol khynii neriin lavlakh tol'*. Ulaanbaatar, 1991. 52 p. (Mong.)

УДК 811.512'37

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-35-39

Развитие семантики слов монгольского языка на материале имен прилагательных из романа Ш. Нацагдоржа «Болор толь»

© **Васильева Дугвэма Натар-Доржиевна**

кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Центральной Азии Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4

E-mail: dug-vema@mail.ru

© **Токтохоева Арюна Бадмажаповна**

студентка IV курса Восточного института Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4

E-mail: a_toktokhoeva@mail.ru

Статья посвящена вопросам развития семантики имен прилагательных монгольского языка, рассматриваются семантические процессы, происходящие в языке, определяется термин «лингвистическая семантика». Объектом изучения стали имена прилагательные в монгольском языке. Предметом исследования послужили семантические процессы имени прилагательного, которые находятся в состоянии почти непрерывного движения и характеризуются наибольшей изменчивостью и непостоянством. Анализ осуществляется на примере адъективной лексики, выбранной путем текстологического анализа романа известного монгольского писателя Ш. Нацагдоржа «Болор толь» (Хрустальное зеркало) на языке оригинала. Подробно рассматриваются процессы, связанные с изменением семантического объема слов: расширение, сужение и перенос значения слов, а также выделяются лексикологические категории, представляющие совокупность отношений между словами в языке: синонимы, антонимы и омонимы.

Ключевые слова: монгольский язык, художественный текст, семантика, имя прилагательное, расширение, сужение и перенос значения слов, метафора, метонимия, синекдоха.

Study of Development of the Word's Semantics in Mongolian Based on Adjectives in Sh. Natsagdorj's Novel «Bolor Toli»

Dugvema N.-D. Vasilieva

PhD of Philology, A/Professor of Department of Philology Central Asia, Oriental Institute, Buryat State University
4, Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

Aryuna B. Toktokhoeva

4th year student of Department of Philology Central Asia, Oriental Institute, Buryat State University
4, Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The article focuses on the questions of semantic development of Mongolian adjectives and semantic processes undergoing in the language. The term "linguistic semantics" is defined. The object of study are the adjectives in the Mongolian language. The subject of the study is based on semantic processes of the adjectives that are in a state of almost continuous movement, which characterized by the greatest variability and impermanence. The adjectives under study are carefully selected in the course of textual analysis of "Bolor toli" (a novel by Sh. Natsagdorj, a prominent mongolian writer) in the original language. A specific attention is paid to the processes leading to changes in the scope of word semantic — enlargement, contraction and transference of meaning of the words, as well as to classifying into lexical categories denoting relations between the words in the language, namely synonyms, antonyms, and homonyms.

Keywords: Mongolian language; fiction text; semantics; adjective; enlargement, contraction and transference of meaning of words; metaphor; metonymy; synecdoche.

На протяжении всей истории человеческого общества язык играет очень важную роль. Язык — это не просто средство общения и мышления, состоящее из беспорядочного набора букв и слов, но и сложнейшая система элементов языка и отношений между ними. Весь окружающий нас мир предстает перед нами в виде взаимосвязанных понятий, которые отражаются в нашем сознании. А то, что отражается в сознании, отражается и в языке. И именно такая единица языка, как слово, служит для называния предметов и явлений и для формирования соответствующих понятий. Так, каким же образом человек, зная слова и грамматические правила какого-либо языка, оказывается способным передать с их помощью самую разнообразную информацию о мире, и понимать, какую информацию о мире заключает в себе любое обращенное к нему высказывание? На этот вопрос отвечает семантика.

Лингвистическая семантика как раздел языкознания исследует отношения между выражениями естественного языка и окружающей нас действительности. В широком значении слова, семантика — это анализ отношения между языковыми выражениями и миром, реальным или воображаемым, а также само это отношение (семантика слова) и совокупность таких отношений (семантика некоторого языка). Данное отношение состоит в том, что языковые выражения (слова, словосочетания, предложения, тексты) обозначают то, что есть в мире, — предметы, качества (или свойства), действия, способы совершения действий, отношения, ситуации и их последовательности. Изучение семантики слов привлекает внимание многих лингвистов. Это объясняется тем, что лексический состав любого языка, в том числе и монгольского, в отличие от других уровней языка находится в состоянии почти непрерывного движения и характеризуется наибольшей изменчивостью и непостоянством.

Термин «семантика» (от греч. *σημαντικός* — обозначающий) был введен известным французским ученым Бреалем. Он выделил значения в отдельную науку, назначением которой было выявление причин и изучение процессов изменений значений высказываний: расширения, сужения и переноса значений, а также повышения и снижения их ценности, одним словом развития семантики слов. Развитие семантики слова отражает познание окружающего мира (открытие дифференциальных признаков в предметах или явлениях, создание новых артефактов и т. д.), трансформацию образного мышления в абстрактное и последующие стадии в эволюции абстрактного мышления.

Анализ развития семантики монгольского языка играет важную роль в изучении его современного состояния и позволяет нам получить целостную картину процесса обогащения лексики и формирования новой смысловой системы монгольского языка. Для более широкого и наглядного изучения истории семантической эволюции слов целесообразнее всего взять за основу какое-либо художественное произведение.

Исторический роман монгольского писателя Шагдаржавын Нацагдоржа «Болор толь» в качестве источника исследования позволит нам проследить эволюцию семантической «картины» монгольских имен прилагательных. Роман «Болор толь» представляет интерес по нескольким причинам: прежде всего, на него можно смотреть как на типический образец классического исторического романа, в котором с необычайной ясностью раскрываются все основные стилистические черты, присущие этому жанру. Роман насыщен событиями, по своим художественным достоинствам он принадлежит, вероятно, к одним из лучших произведений, созданных в эпистолярном жанре монголами. Важнейшим достоинством романа «Болор толь» является то, что он еще не подвергся сильной общественной рационализации, то есть шаблонному истолкованию, с которым приходится бороться при изучении всеми знакомого текста.

Мы посчитали чрезвычайно важным исследовать такое художественное произведение, впечатление от которого не было бы predetermined предвзятыми и заранее затверженными рассуждениями, и нам удалось найти такой литературный раздражитель свежего порядка, который не успел стать привычным. Роман замечателен тем, что, несмотря на простой и доступный язык, которым он написан, отличается богатством лексики, представляющей интерес в исследовании семантической структуры и эволюции семантики слов монгольского языка.

Шагдаржавын Нацагдорж — известный писатель, историк и педагог Монголии XX в. Будучи ученым историком, он внес большой вклад в развитие науки Монголии, его перу принадлежат фундаментальные работы по новой и новейшей истории Монголии, также он написал несколько исторических романов, в число которых входит взятый нами в качестве примера исторический роман «Болор толь». Ш. Нацагдорж создал научный исторический труд в форме литературного произведения, материалом для которого послужили исторические события в Монголии середины XVIII в., когда было создано национально-освободительное движение, выступившее против маньчжурских завоевателей во главе с Амарсаной Чингунжавом. Ш. Нацагдорж искусно воссоздал в своем романе исторический облик монгольского народа того времени, воспел подвиги предков и раскрыл для читателя истинную историческую картину событий в Монголии того периода.

Являясь историческим романом, повествование которого заключено в жесткие рамки описания реальных событий, он не растерял своей художественной ценности за счет богатого и многогранного лексического материала. Для осуществления семантического анализа лексического состава слов данного произведения нами была отобрана конкретная лексико-грамматическая группа слов — имена прилагательные монгольского языка.

Теперь мы можем приступить к конкретному изучению типов изменения семантики слов и особенностей семантических отношений между словами в монгольском языке на примере имен прилагательных из романа «Болор толь». К типам изменения семантики слов относятся такие процессы, как расширение, сужение и перенос значения слов.

Расширение значения слова — это процесс увеличения объема обозначаемого понятия, т. е. количества предметов и явлений, в результате чего возникает новое значение слова. Оно выступает в тех случаях, когда в новом функционировании слово охватывает больший круг предметов и может быть употреблено как средство названия шире, чем раньше.

При описании внешности и поведения героев автор использует имена прилагательные в их расширенном значении. Например, говоря о взгляде, он применяет слово *шируун* (харц шируун), что в данном контексте имеет значение «строгий взгляд». В монгольском языке данное слово имеет такие значения: 1) шершавый, шероховатый, жесткий, негладкий, необделанный: *шируун арьс* — «шершавая кожа»; 2) грубый, жесткий, щетинистый: *шируун үс* — «жесткие волосы»; 3) грубый, жесткий, ожесточенный, суровый, строгий, грозный, дерзкий, сильный: *шируун зан* — «жестокий характер», *шируун хун* — «грозный человек» [1. Т. 4, с. 363].

Следующим типом изменения семантики слова является процесс *сужения значения слова*. Он подразумевает под собой уменьшение семантического объема понятия в процессе исторического развития или в контексте речевого употребления. Этот процесс является обратным расширению значения слова. В процессе сужения значения слово с широкой семантикой приобретает узкое, специальное понятие. Другими словами, первоначально различные предметы и явления назывались одним словом, а с течением времени этим словом стал называться только один предмет или явление.

Сужение значения слова в монгольском языке встречается не так часто. Монгольскому языку в большей мере присуще частичное сужение слов. Например, автор, желая выразить аккуратность девушки, использует слово *нягт* (нягт нямбай бүсгүй). Изначально слово *нягт* имело широкий диапазон значений: 1) тесно, плотно, часто, сжато, близко друг к другу; 2) частый, плотный, густой; 3) аккуратный, бережливый, тщательный; 4) почтенный, степенный (о человеке). Теперь же, подвергшись процессу сужения семантики, это слово используется в значениях «плотный, густой»: *нягт нэхмэл* — «плотная ткань», *нягт сормуус* — «густые ресницы»; и в значении «аккуратный, тщательный»: *нягт ажил* — «тщательная, кропотливая работа» [1. Т. 2, с. 448].

При употреблении какого-то слова происходит некий «спор» составляющих его значений, компонентов этого значения и «побеждает» то, которое несет главный на данный момент смысл. Этим характеризуются оба процесса, расширение и сужение семантики слова. Сужение, которое является результатом перехода употребления слова из широкой общественной среды в более узкую, встречается реже, нежели расширение.

Третьим типом изменения семантики слов является процесс переноса значения. Как известно, каждое слово имеет лексическое значение, т. е. семантику. В лексикологии его принято делить на прямое и переносное. Прямое значение слова — это такое значение, которое непосредственно соотносится с явлениями действительности. «Помимо прямых значений слова могут приобретать еще и переносные значения. В этом процессе слова, как названия, переходят с одного предмета на другой по сходству или на какой-либо его признак или часть по наличию устойчивых связей между ними, т. е. по смежности» [6, с. 47].

В зависимости от того, на каком основании и по какому признаку название одного предмета переносится на другой, различают три типа переноса значений слов: метафору, метонимию и синекдоху.

Метафора — это перенос названия одного предмета или явления на другой по сходству внешних признаков, выполняемых функций, формы предметов, цвета, характеру движения, который происходит в результате возникновения сходных образных ассоциаций.

Метафорическое значение в монгольском языке выполняет номинативную функцию, определяя и называя новое понятие уже существующим, знакомым словом. Метафора в монгольском языке считается самым типичным и распространенным способом обогащения словарного состава новыми значениями. Например, в описании внешности героя Ш. Нацагдорж использует слово *халзан* [5, с. 20], который в тексте представлен в своем прямом значении — «лысый, плешивый». Однако данное слово интересно тем, что в процессе метафорического переноса приобрел такие значения, как «звездочка на лбу (у лошади)»; к тому же словом *халзан* обозначают открытые места, прогалины, городские площади. Например, *эрх чөлөөний халзан* — «площадь свободы» [1. Т. 4, с. 26].

Метонимия — это перенос наименования одного предмета (действия) на другой по смежности. При метонимическом переносе возникают вторичные значения, которые основаны на ассоциативной связи между предметами и выражаются общим наименованием самого предмета и материала, из которого он сделан; действия и результата, получаемого из этого действия. Таким образом, можно сказать, что в основе метонимии лежит объективная причинная, временная или пространственная связь.

Среди имен прилагательных монгольского языка примеры метонимического переноса встречаются довольно часто. Например, при описании характера человека автор использует слово *хатуу* (хатуу болох). В данном контексте оно фигурирует в переносном значении «сильный, стойкий». В своем прямом значении прилагательное *хатуу* применяется при описании чего-то твердого, жесткого, прочного, например, *хатуу мах* — «жесткое мясо». В целом семантический диапазон этого слова очень широк и представлен в ряде таких значений: «твердый, непоколебимый, решительный»: *хатуу зориг* — «непоколебимая воля»; «тугой»: *чих хатуу* — «тугой на ухо»; «крепкий, острый, сильнодействующий, высокоградусный (о напитках)»: *хатуу архи* — «крепкое вино»; «крепкий, здоровый, выносливый»: *хатуу биетэй хүн* — а) «выносливый человек»; б) «человек с крепким здоровьем»; в) «волевой человек»; г) «скупой человек»; «ценный»: *хатуу эдлэл* — «драгоценности» [1. Т. 4, с. 70].

Среди типов переноса значения слова существует такой, при котором наименование целого заменено названием отдельной его части или наоборот. Такой тип называется синекдохой. Некоторые лингвисты причисляют синекдоху к одному из видов метонимии, однако она отличается от метонимии своим количественным признаком соотношения того, с чего переходит название, и того, на что оно переходит, при этом один член такого соотношения будет более широким и общим [4, с. 128]. В именах прилагательных монгольского языка это явление очень редкое. В основном явление синекдохы представлено в названиях животных, переносные значения которых употребляются для характеристики людей, их действий, а также признаков предметов. Например, *хурга(н)* — «ягненок, барашек» в монгольском языке находит применение при описании чего-то маленького. При описании характера человека часто используется слово *хонин* (прямое значение — «овца, баран») — «смирный, безобидный, добродушный»: *хонин хүн* — «добродушный человек». К тому же в процессе переноса значения оно приобрело такие смысловые варианты: 1) низкий, лежачий: *хонин хашаа* — «изгородь из жердей, расположенных горизонтально»; 2) тихий: *хонин жороо* — «тихая иноходь» [6, с. 83].

Необходимо отметить, что в романе достаточно широко представлены имена прилагательные, отражающие особенности семантических отношений между словами. Если рассматривать лексику как систему, в ней можно выделить несколько лексикологических категорий, которые подразумевают под собой отношения между словами в языке. Данные отношения своего рода микросистемы семантического характера, которые являются составляющими структуры лексической системы. К ним относятся такие типы отношений, как синонимы, антонимы и омонимы.

Синонимия — это тип семантических отношений языковых единиц, основанных на полном или частичном сходстве их значений. Автор использовал такие синонимы, как *баахан* — *очүүхэн* в значении «малый, маленький, незначительный», *туранхай* — *хатангир* — «худой, исхудалый, тощий». При описании внешности героини он прибег к использованию антонимов (словам, имеющим противоположные значения внутри одной сущности) *өндөр* — *намхан* — «высокий» — «низкий», для обозначения ее роста: *өндөр ч үгүй, намхан ч үгүй* — «не высокая, не низкая; среднего роста» [5, с. 19].

Редким в монгольском языке является такой тип семантических отношений, как омонимия, при котором языковые единицы имеют звуковое совпадение, но их значения ассоциативно не связаны друг с другом. Чаще всего причина этого явления заключается в существовании множества диалектных и заимствованных слов в монгольском языке. Примером могут служить такое слово, как *яндан* — «тощий, немощный». В ходе заимствования из китайского языка, где созвучным словом обозначают дымоходную трубу, в монгольском языке возникло слово *яндан* в значении «гудок, свисток» [6, с. 118].

Такого рода анализ развития семантики монгольского языка играет важную роль в изучении его современного состояния, что позволяет понять особенности и специфику исследуемого языка.

По причине того, что все сферы нашей жизни находятся в состоянии непрерывного движения, язык также претерпевает значительные изменения. Прежде всего, это касается семантики языка.

Слова могут приобретать новое семантическое содержание в процессе расширения, переноса значений, также могут утрачивать их в результате сужения. Процессы расширения и переноса значения слова встречаются наиболее часто, и это естественно, т. к. именно эти процессы стимулируют дальнейшее обогащение семантики, и, следовательно, развитие языка в целом.

Современный монгольский язык обладает развитой лексической системой, что подразумевает под собой наличие таких типов семантических отношений между языковыми единицами, как синонимия, антонимия и омонимия. Данные типы отношений являются языковыми средствами, которые позволяют более точно выражать свои мысли, красочно и эмоционально описывать события и явления, делают нашу речь контрастной.

Литература

1. Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. — М.: Academia, 2001–2002. — 207 с.
2. Бертагаев Т. А. Лексика современных монгольских литературных языков. — М., 1974. — 382 с.
3. Дондуков У.-Ж. Ш. Развитие лексики монгольских языков в сравнительном освещении с тюркскими языками: в 2 ч. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. — 248 с.
4. Рассадин В. И. Проблемы исторического словообразования монгольских языков // Историко-сравнительное изучение монгольских языков. — Улан-Удэ, 1995. — С. 120–132.
5. Нацагдорж Ш. Болор толь. Түүхэн роман / ред. С. Эрдэнэ. — Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1986. — 335 с.
6. Цыбикова И. А. Типология семантического развития слов в монгольском и бурятском языках: дис. ... канд. филол. наук. — Улан-Удэ, 2003. — 197 с.

References

1. *Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar'* [Great Academic Mongolian-Russian dictionary]. In 4 v. Moscow: Academia, 2001–2002. 207 p.
2. Bertagaev T. A. *Leksika sovremennykh mongol'skikh literaturnykh yazykov* [The vocabulary of modern Mongolian language]. Moscow, 1974. 382 p.
3. Dondukov U.-Zh. Sh. *Razvitie leksiki mongol'skikh yazykov v sravnitel'nom osveshchenii s tyurkskimi yazykami* [Development of the Mongolian languages lexis in comparative coverage with the Turkic languages]. In 2 parts. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 2007. 248 p.
4. Rassadin V. I. Problemy istoricheskogo slovoobrazovaniya mongol'skikh yazykov [Problems of Mongolian languages historical derivation]. *Istoriko-sravnitel'noe izuchenie mongol'skikh yazykov — Historical and comparative study of the Mongolian languages*. Ulan-Ude, 1995. Pp. 120–132.
5. Natsagdorzh Sh. *Bolor tol'. Tyykhen roman*. Ulaanbaatar: Ulsyn khevleliin gazar, 1986. 335 p. (Mong.)
6. Tsybikova I. A. *Tipologiya semanticheskogo razvitiya slov v mongol'skom i buryatskom yazykakh*. Dis. ... kand. filol. nauk [Typology of words semantic development in the Mongolian and the Buryat languages. Cand. philol. sci. diss.]. Ulan-Ude, 2003. 197 p.

УДК 811.581:378.8

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-40-44

Практическое исследование по подготовке к экзамену HSKK за рубежом

© Ван Чуньюэ

доцент института литературы Чанчуньского политехнического университета
Китай, 130022, Чанчунь, 7089, Weixing Rd
E-mail: ggxxwcy2007@163.com

Вслед за постепенным увеличением количества заявителей на стипендию Института Конфуция экзамен HSKK (стандартизированный квалификационный устный экзамен по китайскому языку для лиц, не являющихся носителями китайского языка, результат которого признается во всем мире) за рубежом получил широкую популярность. Курсы по подготовке к экзамену HSKK благодаря эффективной программе оказали большую помощь экзаменуемым при сдаче устного экзамена по китайскому языку. Однако курсы по подготовке к экзамену HSKK — многогранный и комплексный учебный процесс. Факторами, влияющими на результат подготовительных курсов, является наличие у иностранных преподавателей китайского языка богатого опыта преподавания, нахождение экзаменуемых в языковой среде и др. При недостаточном количестве комплексных материалов по подготовке к экзамену HSKK за рубежом преподаватель курсов не только должен владеть языком на высоком уровне, но и сам заниматься поиском и подбором учебных материалов. Кроме того, преподавателю необходимо в полном объеме выполнить подготовительную работу перед курсами, включая всестороннее ознакомление и понимание содержания, видов заданий экзамена HSKK. Важно выявить трудности обучения, определить эффективные научные методы обучения, составить комплексную эффективную программу обучения с индивидуальным подходом, учитывающую региональные особенности. Только в этом случае можно добиться хорошего качества и положительных результатов обучения.

Ключевые слова: зарубежный, HSKK, китайский язык, устный экзамен, подготовка к экзамену, обучение.

Practice Research of HSKK Training Abroad

Wang Chunyue

A/Professor of the literature institute of CUST of China
7089 Weixing Rd, Chaoyang, Changchun, Jilin, 130022

With the recent Confucius Institute Scholarship applicants gradually increased, HSKK abroad has been widely welcomed. HSKK attend prep courses to candidates who provide a lot of direct assistance is also more direct and effective exam options. However, HSKK prep is a multi-dimensional, multi-space of the training process, whether overseas Chinese teachers with extensive experience in counseling and training, the candidate is in the Chinese language environment, and other factors will affect the effectiveness of training. HSKK absence of systematic guidance and training materials abroad, the tutor must not only have a higher language professionalism, but also self-examination materials, self-teaching materials, as all the preparatory work done before counseling training, including HSKK comprehensive knowledge and understanding of the content and form, a clear focus on training, the development of scientific and effective counseling methods to determine the training of precautions, which also includes the actual situation within the country according to local conditions vary to develop effective training programs, and thus can be achieved relatively good quality and effectiveness of training. HSKK counseling is a multi-dimensional, multi-space of the training process, whether abroad Chinese teachers with extensive experience in counseling and training, the candidate is in the Chinese language environment will affect their training effectiveness. Abroad in HSKK counseling and training of Chinese teachers should not only have a higher language professionalism, but also with the actual situation in the country in line with local conditions vary to develop effective science training programs in order to achieve relatively good quality of training and effects.

Keywords: Abroad, HSKK, Chinese, Oral exam, Coach, Training.

海外HSKK考前培训实践研究

王春月, 中国长春理工大学文学院副教授, 主要从事对外汉语教学、广告传播学的教学与研究工作, 现任教于俄罗斯布里亚特国立大学孔子学院。地址: 中国吉林省长春市卫星路7989号 (130021)

E-mail: ggxxwcy2007@163.com

随着近年来孔子学院奖学金申请者的逐渐增多, HSKK在海外受到了广泛的欢迎。参加HSKK考前辅导培训班, 给考生们提供了很多直接的帮助, 亦是较为直接有效的考前应试选择方案。然而, HSKK考前辅导是一个多维度、多空间的培训过程, 海外汉语教师是否具有丰富的辅导与培训经验, 考生是否处于汉语语言环境等因素都会影响其培训效果。在海外缺乏比较系统的HSKK辅导与培训教材的情况下, 辅导教师不仅要具备较高的语言专业素养, 还要自查资料、自编教材, 尽可能做足辅导培训前的所有准备工作, 包括全面认识和了解HSKK的内容与形式, 明确培训重点, 制定科学有效的辅导方法, 确定培训中的注意事项等, 其中, 亦包括结合所在国的实际情况因地制宜、因人而异地制定行之有效的培训方案, 进而才能取得相对理想的培训质量和效果。

关键词: 海外 HSKK 汉语 口语考试 辅导 培训

近年来，为了与孔子学院奖学金招生条件接轨，HSKK在海外受到了广泛的欢迎。如何在考前的有限时间内，经过强化训练，提高考试能力，使自己现有的汉语口语水平充分发挥出来，取得理想的考试成绩，这是海外许多HSKK考生面临的共同问题。于是，考生们纷纷向举办HSKK的考点机构提出了考前辅导与培训的申请和要求，于是HSKK考前辅导班便应运而生。参加HSKK考前辅导培训班，这的确给了考生们很多直接的帮助，是较为直接有效的应试选择方案。同时，在不同文化环境下探寻行之有效的教学方法对在海外从事HSKK辅导与培训的汉语教师亦提出了更高的要求 and 更大的挑战，并成为其迫切关注和亟待解决的问题。笔者试图通过在俄罗斯对俄考生HSKK（中级）考前辅导实践教学的亲身经历做一些抛砖引玉式的分析与总结，以期为海外从事HSKK考前辅导教师提供一定的选择性参考。

一、全面认识和了解HSKK的内容与形式

对于HSKK研究不是很多的海外汉语教师来说，首先面临的挑战就是目前海外缺乏比较系统的HSKK辅导与培训教材，难以抓住辅导重点，无从下手成为首要难题。因此，辅导教师首要做的就是做足辅导前的备课工作，即查资料、找材料，全面认识和了解HSKK的内容与形式。

根据国家汉办/孔子学院总部编制的《新汉语水平考试大纲HSK口试》的说明可知，新HSK是一项国际汉语能力标准化考试，重点考查汉语非第一语言的考生在生活、学习和工作中运用汉语进行交际的能力。新HSK分为笔试和口试两部分，笔试和口试是相互独立的。笔试包括HSK（一级）、HSK（二级）、HSK（三级）、HSK（四级）、HSK（五级）和HSK（六级）六个等级；新HSK口试即汉语水平口语考试，简称HSKK，包括HSKK（初级）、HSKK（中级）和HSKK（高级）三个等级，口试采用录音的形式。由此可知，HSKK是一种区别于新HSK笔试而采用录音形式独立进行的汉语水平口语考试。

了解HSKK分为初级、中级、高级三个等级，辅导教师就应掌握不同等级对考生汉语口语水平的要求，即对考生汉语词汇量与汉语口语交际能力的要求，详见下表^[1]：

HSKK等级	词汇量	能力要求
HSKK（初级）	约200词	要求考生可以听懂并用汉语口头表达较为熟悉的日常话题，满足基本交际需求。
HSKK（中级）	约900词	要求考生可以听懂并用汉语较为流利地与汉语为母语者进行口头交流。
HSKK（高级）	约3000词	要求考生可以听懂并用汉语流利地口头表达自己的见解。

除此之外，辅导教师还应了解HSKK包含的题型，其适用试题等级以及答题形式要求等，详见下表：

	题型	适用试题	答题要求
1	听后重复	HSKK（初级）第1-15题 HSKK（中级）第1-10题	每题播放一个句子，要求考生听后重复。
2	听后回答	HSKK（初级）第16-25题	每题播放一个问题，要求考生听后做简短回答。
3	听后复述	HSKK（高级）第1-3题	每题播放一段话，要求考生听后复述。
4	朗读	HSKK（高级）第4题	试卷上提供一段文字，要求考生朗读。
5	看图说话	HSKK（中级）第11-12题	每题提供一张图片，要求考生结合图片说一段话。
6	回答问题	HSKK（初级）第26-27题 HSKK（中级）第13-14题 HSKK（高级）第5-6题	试卷上提供两个问题，要求考生回答问题。

了解了HSKK不同等级的考试内容与要求，还要了解其考试形式，即不同等级考试内容的试题数量，考试时间、考试答题指导以及考试过程，可参考汉考国际印发的2014年版《汉语考试管理手册》和《考务工作流程与指导语汇编》详细而明确的介绍说明。

二、明确HSKK各等级辅导重点与培训方案

全面认识与了解HSKK的内容与形式是为了帮助海外辅导教师能够明确HSKK各等级辅导与培训的重点，以便制定行之有效的辅导教学大纲及具体培训方案。笔者以对俄考生HSKK（中级）的辅导实践教学过程（6课时）为例，进行了分析、归纳与总结。

笔者通过多方面的调研，首先了解到了HSKK（中级）对考生汉语词汇量与汉语口语交际能力的要求，以及考试题型和答题形式要求。此外，笔者还根据《新汉语水平考试大纲HSK口试》了解到HSKK（中级）一共14道题，包括听后重复、看图说话和回答问题三个部分，具体考试内容与形式和时间详见下表：

考试内容		试题数量(个)	考试形式	考试时间(分钟)
第一部分	听后重复	10	每题播放一个句子(播放一次),考生听后重复一次。每题空约10秒。	5
第二部分	看图说话	2	每题提供一张图片,考生结合图片说一段话。每题说2分钟。	4
第三部分	回答问题	3	试卷上提供两个问题(句子上加拼音),考生回答问题。每题说2分钟。	4
共计		14	重点:口语成段表达	13

通过对HSKK(中级)的全面调研,笔者根据培训课时制定了针对俄罗斯考生的HSKK辅导大纲,确定了辅导教学重点、具体培训内容、教学形式与方法。针对HSKK(中级)的考试内容,笔者将培训重点放在第二部分“看图说话”和第三部分“回答问题”上面。之所以将辅导重点定在这两部分原因有二;一是虽然两部分在测试任务上各有侧重,但是两部分亦有共同之处,即均属于汉语口语成段表达内容,对母语为非汉语的俄罗斯考生来说,是难点中的难点;二是因为从第二部分“看图说话”开始,考试便正式进入直接测试考生口语表达能力阶段。HSKK(中级)将通过这两部分测试考生能否完成中级口头表达任务来判断考生的口头表达能力是否达到中级水平。看似较短的2分钟时间,要能做到连续不间断且能较为流利的进行汉语口语表达并非易事。尤其是受母语负迁移现象的影响,对俄罗斯考生更要有针对性的进行强化训练,因此训练考生能熟练运用较为复杂句式,提高考生口语表达的正确性和连贯性则成为这两部分的辅导重点。当然,对于第一部分听后重复的培训亦应确定相应辅导重点,即为熟练掌握HSK(三级)和HSK(四级)中常用和重点口语词汇,熟练运用与表达复杂单句句式。同时,在分项重点培训的过程中,还要注意根据考生的实际汉语水平,在保证考生理解能力的基础上采用科学有效、多元化的教学方法提高其口语表达能力。此外,还要制定每课时详细的培训方案。

培训方案是指针对不同部分的考试内容制定详细的培训实施过程,包括介绍题型及其特点、说明考生常犯的错误类型、确定考点及难点、制定应试策略与技巧、培训具体方法等等。如对“看图说话”的培训,笔者安排为两个课时的辅导培训方案,按照循序渐进的原则分为两方面考点难点进行培训,即“看图过程中的准备工作”和“高水平口语具体表达”两方面的依次训练。辅导时只需要在第一个课时介绍该部分题型与特点即可。但在分别讲解不同考点难点时都要分别举例说明考生在该部分常犯的错误情况,如前者中考生常常忽略图片的重要细节,或者表述过于简单,不记录想到的要点等,后者中考生常常对事件描述缺乏重要要素,或者表述不能形成段落,或者词汇贫乏、句式单调等,然后再针对考生常犯错误一一对应重点讲解应试策略与技巧,并通过“讲”“练”结合的方式进行强化训练,力图让考生做到考试中遇到类似考题能够比较从容自信地应对。

三、采用科学有效的培训方法提高考生口语表达能力

口语训练是语言专项技能训练,其最终目的是培养和提高考生的“说”的能力。而“说”的培养是在理解输入信息“听”或“读”的基础上的口头反馈能力。就“说”的技能来讲,能正确解读他人的话语并能恰当地、正确地、连贯地、流利地口头表达自己的意图或想法,是汉语口语考试的具体培训目标。那么,如何在考前的有限时间内,经过短期强化训练,使自己现有的汉语口语水平充分发挥出来,取得理想的考试成绩呢?笔者在HSKK(中级)辅导实践过程中运用了几种培训方法,对考生口语应试能力的提高起到了一定帮助与促进作用。

1. 示范式辅导法

口语示范法是口语教学中最常用、最直接的教学方法。即教师直接采用规范用语、标准语法句式和语气进行口语示范表达,以作为考生模仿的标准。这就要求教师的示范用语要保证质量,从汉语语音的发音、词汇的选用、语法的语序、语气的轻重、语速的快慢等都要严格把握,做到准确无误。比如说对于平时自身平翘舌发音不太标准的汉语教师来说,口语示范时更要对自己严格把关。实际上,在每节汉语口语培训课中,辅导教师就都应时时刻刻做到汉语口语发音正确、用词准确、语法精确、逻辑明确,进而使考生在潜移默化中通过模仿、重复、复述来掌握口语表达技巧、提高口语表达能力。

2. 启发式训练法

启发式训练是为了激发考生的思考能力、培养考生思维方式而鼓励考生通过自己分析、归纳和总结出正确答案的培训方法。这种方法不仅能给考生留下深刻印象,亦能使考生获得成就感,进而增强其口语表达的主观能动性和自信心。比如,笔者在讲解“看图说话”第二难点“具体表达”的应试策略与技巧时,我先只是告诉考生可以按照“六要素”原则完整叙述事件。然后我在黑板上写出了“六要素”中的三个要素,即“1-?、2-人物、3-?、4-事件的起因、5-事件的经过、6-?、?”,然后让考生说出其他的三个要素。在“六要素”原则的启发下,考生通过观察与思考,很快便会分析出另外三个要素依次分别为“1-时间”、“3-地点”和“6-事件的结果”。然后在“六要素”都确定下来的情况下,再经过辅导教师的启发,按照“六要素”原则与格式,考

生便可以逐渐有条理的叙述图片内容。

3. 听说互动法

口语考试是“听”与“说”的互动过程，口语交际能力的培养要在双向互动的动态语言实践中进行。听说互动法包括师生互动与生生互动两种形式。师生互动主要表现为教师提问，考生回答，或者考生提问，教师回答。生生互动主要表现为考生之间反复做听后重复或会话练习。如果考生说的技能较高，听力一般也不错，同时，听力的提高又会促进说的技能的提高。“说”是“输出”，“听”是“输入”，是“接收”，在接收的同时要分辨、识别和判断，然后“输出”。而无论是师生互动还是生生互动过程中，辅导教师应随时关注考生口语表达的内容，及时进行反馈，特别是对于考生都容易犯的同类错误，更要及时归纳和总结。尤其是由于受母语思维习惯负迁移现象的影响，考生口语表达时常会出现的语用偏误。比如，俄罗斯考生普遍会常常按照俄语语法语序将汉语中表示地点的状语放在句尾、动词之后。这时，辅导教师引起重视，及时指出，注意纠正，提示学生要重点注意这个问题，并反复强化训练。

4. 角色演绎法

HSKK（中级）“看图说话”部分，俄罗斯考生常常不知道该如何恰当地表达图片中的人物称谓，经常用“女人”、“男人”、“老人”、“孩子”等类别名称来称谓图片中人。而这恰恰是成为评分员判定考生口语表达能力欠缺的一个指标。因此，笔者特别向考生强调在对人物称谓的选择上第一原则就是采用“角色演绎法”，让自己、朋友、家人、亲人等成为图片中的主人公，这样就很容易解决了称谓的问题。同时，当将图片中的人物定位为自己熟悉的人后，考生的紧张情绪与心理压力也会随之有所减缓，进而对人物的身份、情境的叙述，语用、语气、语调表达等也变得更加合理、恰当、准确和有条理。

5. 多媒体辅助法

多媒体课件具有图、文、声、像并茂的特点，能够动静结合，清晰、直观、生动、形象地展示图片、话题中的真实情境。根据教学内容，可将图像、动画、音频和视频等设计于多媒体课件之中，使培训内容变得更为直观、生动、形象，使考试内容的真实性和交互性大大提高。这不仅对提高考生学习兴趣和起到事半功倍的效果，同时也能减轻考生对汉语口语表达的畏惧心理和抵触情绪，对汉语口语考试更有信心，进而更加自信和努力。同时，运用多媒体技术教学还能最大化充分利用有限的课堂教学时间，通过丰富的教学内容与资源，满足学生们“听”、“说”和“读”各方面的汉语专项技能培训需求。充分运用现代化多媒体教学手段和技术，积极发挥多媒体课件的教学优势，变教师的口述描述介绍和抽象理论解说为具体可感的直观形象和情境，进而营造了耳目一新的教学情境和互动活跃的课堂培训氛围。

针对HSKK不同等级的考试内容和重点，运用的方法也是多种多样。无论采用哪种训练方法与形式，都应本着“关注考生的现有水平，而且重视鼓励考生的策略，重视怎样进一步提高、发展考生的汉语能力”^[2]的目的，培养考生想说、敢说、敢说的心理素质，鼓励考生形成多说、常说的学习习惯，循序渐进、坚持不懈，进而越说越好、越说越快。

四、HSKK考前培训实践中的注意事项

HSKK考前辅导中，辅导教师在培训考生的口语表达能力的同时，亦要注意以下几方面的问题。

1. 考前应提醒考生考试中口语表达音量要放大

在HSKK考试中，由于同一考场上是多人同时进行口语表达并录音，因此，考生彼此之间的口语表达音量会产生一定程度的相互干扰与影响。这就需要每个考生面不仅要调整好自己嘴与麦克风的距离、对准麦克风进行口语表述，同时亦要增大自己口语表述的音量。否则在录音过程中，很有可能会将自己的声音淹没于考场的其他考生声音之中，而无法辨别考生的口语表达，以致影响口语考试成绩分数的评定。

2. 考前应提示考生严格遵照口语考试指导语进行

HSKK考生考试时往往由于过度紧张，而忘记或忽略了考试指导语，没有严格遵照其时间要求进行口语表达录音，或者表述提前了，或者表述延后了，又或者错过了规定的表述时间，这不仅会影响到考生自身的考试情绪，增加心理压力，更将影响评分员对考生考试成绩的评定。因此，辅导教师一定要提示考生在考试过程中一定要严格按照考试指导语中的规定时间进行口语表达。

3. 考前应帮助考生减压和树立信心

是否可以流利地口头表达是鉴定考生口语实践交流与表达能力的重要指标。因此，考生往往对自己的期望过高而导致形成很大的心理压力，害怕在考场上众位考生和监考老师面前说不好而出丑，羞于开口。这将直接影响到考生的考试成绩。因此，辅导教师在考前培训过程中，就要时常注意安抚考生紧张情绪，帮助考生适当减压和树立信心。让考生充分明白与意识到说不好汉语是每个汉语学习者必然经历的过程，不代表出丑。同时，考前辅导中亦要对考生多加肯定和鼓励，让考生信心满满地走进考场，自信从容地应对HSKK。

4. 考前辅导实践培训中要注意文化差异

由于不同国家文化背景和生活习惯的不同，辅导教师在考前辅导实践中尤为要注意与所在国本土文化之间的差异、民族之间的冲突与融合问题。特别是辅导教师现场发挥过程中经常按中国思维脱口而出，无意间与考生本土文化发生了冲突。因此，辅导教师应结合考生所在国的实际情况因地制宜、因人而异地选择行之有效的

培训方法,进而避免由于教师对考生本国文化缺乏了解而出现的尴尬局面。

5. 考前应注意考生的扩展思维训练

HSKK辅导过程中,应注意训练考生的扩展思维,培养考生如何用学过的语法和词语来表达自己的所见所闻所感。比如“看图说话”和“回答问题”这两部分,除了用“六要素”原则与格式进行口语表述之外,还要训练考生要扩展表述,充实口语表达内容,充分运用每题答题2分钟的时间。扩展思维训练可采用提问法训练,如“你和谁去的?”“那个地方怎么样?”“你们都做了什么?”……最后把回答问题的所有答案按照逻辑关系进行重新梳理并再次进行口语成段表达就更加具体生动了。

6. 考前应安排考生参加模拟考试

此外,模拟考试也是不可忽略的注意事项。HSKK辅导全部结束后,辅导教师应在考前为考生安排一次模拟考试,指导考生亲身体验和经历一下HSKK实战模拟考试的全过程,不仅可以让考生测试一下自己的存在的不足和欠缺,亦有助于考生充分做好考前各方面的准备工作。同时,通过模拟考试,辅导教师也可以检测一下本次HSKK的培训效果,分析、归纳和总结辅导培训中的不足,进而改进辅导培训方案和方法。

对外汉语口语教学的主要目标是培养学生运用汉语的口语表达能力,而这一目标主要是通过汉语口语考试进行测试的。因此,对外汉语教师在HSKK辅导培训中应该把知识转化为口才技能,注重师生之间和生生之间的交流与互动,使学生在“说”中理解语言知识,巩固和熟练掌握语言知识,进而提高学生汉语口语实践交际的能力。HSKK辅导是一个多维度、多空间的培训过程,海外汉语教师是否具有丰富的辅导与培训经验,考生是否处于汉语语言环境都会影响其培训效果。因此,在海外从事HSKK辅导与培训的汉语教师不仅要具备较高的语言专业素养,还要结合所在国的实际情况因地制宜、因人而异地制定行之有效的培训方案,采用多元化的培训方法,这样才能取得相对理想的培训质量和效果。

参考文献:

1. 赵延风. 新HSKK速成钱花教程 口试. 中级[M]. 北京: 北京语言大学出版社, 2014年, 第2页
2. 国家汉办/孔子学院总部. 新汉语水平考试大纲[R]. 北京: 商务印书馆, 2009
3. 国家汉办/孔子学院总部. HSKK真题集: 2014版[M]. 北京: 高等教育出版社, 2014
4. 霍静. 浅析提高汉语口语课堂教学效果的方法[J]. 和田师范专科学校学报, 2013 (4)
5. 孙蕾. 互动教学模式在汉语口语教学中的应用研究[J]. 现代语文, 2010 (10)
6. 邹燕平. 浅谈汉语教学与新HSK辅导相结合的课堂设计[J]. 首都师范大学学报, 2013
7. 李萍. 新汉语水平考试HSK的变革与汉语国际传播[J]. 国际汉语教育, 2012 (3)
8. 刘权, 吴修奎. 孟加拉国南北大学孔子学院汉语水平考试调查分析[J]. 楚雄师范学院学报, 2013 (12)
9. 王玉茹, 叶舫, 毛志伟, 陈丽莎. 基于计算机网络的大规模口语考试实施初探[J]. 课程教育研究, 2015 (2)

УДК 811.581

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-45-49

Экспериментальное исследование тонов односложных иероглифов в чанчуньском наречии

© Гуань Ичунь

преподаватель Чанчуньского политехнического университета
Китай, 130022, Чанчунь, 7089, Weixing Rd
E-mail: waishi@cust.edu.cn

© Гуань Яньцин

преподаватель Чанчуньского политехнического университета
Китай, 130022, Чанчунь, 7089, Weixing Rd
E-mail: waishi@cust.edu.cn

Статья посвящена изучению тонов односложных иероглифов посредством сопоставления, а также при помощи методов исследования экспериментального языкознания. Отбор фонетического материала проводился по возрасту информантов, которые были разбиты на группу молодых людей и группу людей среднего и пожилого возраста. С помощью программы анализа речи Praat было проведено исследование основной частоты слога, после — упорядочение звуков, в итоге была получена T-величина основных частот обеих групп, что дало основание сравнить их с данными квинт, полученными путем традиционных методов исследования. Анализ данных осуществлен на основании теории фонетики, основной теории экспериментального языкознания и теории различий особенностей фонетики.

В результате исследования были сделаны следующие выводы: основные особенности тонов у группы молодых людей и группы людей среднего и пожилого возраста почти одинаковы; изменение квинты у обеих групп невелико; у группы молодых людей зона тона более широкая; главными особенностями наречия является модель изменения тона, подтверждающая незначительное влияние изучения путунха на чанчуньское наречие.

Ключевые слова: чанчуньское наречие, тон односложных иероглифов, сравнение, экспериментальное языкознание.

Phonetic Experiment on the Changchun Dialect Pronunciation of Individual Words

Guan Yichun

Lecturer of the Changchun University of Science and Technology, Changchun, China
7089 Weixing Rd, Chaoyang, Changchun, Jilin, 130022

Guan Yanqing

Lecturer of the Changchun University of Science and Technology, Changchun, China
7089 Weixing Rd, Chaoyang, Changchun, Jilin, 130022

This is a study of the dialect pronunciation of individual words among the residents of Changchun using the methods of experimental phonology and comparative studies. The subjects are divided into two age groups, the young and the middle- and old-aged. The basebands of the recordings are analysed using PRAAT software and after follow-up process the T-value of each group is placed in comparison with the 5-tier result of conventional study on the same subjects. The analyses of the experimental results are based on the theories in the phoneme, experimental phonology and differentiating phonetics. The conclusions are: the basic characters of the tones in the two age groups are the same, the 5-tier values of the two age groups very slightly, the young group has a bigger range of tones than the middle- and old- age group, and the changing mode of tones is the core of dialects and in Changchun this mode has very little influence on the learning of Putonghua.

Keywords: Changchun dialect, tone of individual words, comparison, experimental phonology.

长春方言单字调的实验研究

关亦淳，黑龙江哈尔滨市人，长春理工大学在校学生。

关彦庆，长春理工大学文学院教授，布里亚特国立大学孔子学院教师。

研究方向，语言学及应用语言学。

本文用实验语音学的研究手段、对比的研究方法，研究了长春方言的单字调。按照年龄段，把发音人分为青年组和中老年组进行语音采样，用Praat语音分析软件查看音节的基频，然后进行语音归一化处理，最后得到两个组别的基频T值，并与传统研究方法得出的五度值数据进行比较。分析数据运用了音位学理论、实验语音学基本理论和语音的区别特征理论。得出四点结论：1. 青年组和中老年组声调的基本特征相同。2. 两个组别的五度值变化不大。3. 青年组的调域更宽。4. 声调的变化模式是方言的核心特征，推广普通话对长春方言的影响小。

关键词: 长春方言; 单字调; 对比; 实验语音学

一、前言

长春位于中国吉林省中部，是吉林省的省会，其中主城区位于松辽平原腹地的伊通河台地之上。西北与松原市毗邻，西南和四平市相连，东南与吉林市相依，东北同黑龙江省接壤。截至2012年末，长春市户籍总人口为756.9万人。

长春方言属于东北官话吉长方言长哈小片，起源于大量的河北、山东移民与原关外汉人和满族人语言的混合。建国后，由于各地大量移民的融入，又形成了口音比东北其他地区轻的更接近普通话的语言特点。在全国范围来看，长春的普通话普及程度排名前列。

目前关于长春方言语音研究的文献很少，对声调的专题研究文献未见到。孙维张、路野、李丽君（1986：42）认为，长春的声调分为阴平、阳平、上声、去声四个调类，具体的调值格局如下：

长春方言 声调格局	阴平	阳平	上声	去声
	44/33	35/24	214/213	51/53

以上关于长春方言的调值描述是运用传统听辨的方法（即耳听手记的方法）得出的，属于定性分析。我们从声学特征的角度，运用实验语音学定量分析的方法，对长春方言单字调的调值进行研究，与传统的研究成果进行对比。我们把研究对象分成两个组，青年组和中老年组。从时间范畴看，这个研究属于历时对比研究，从研究方法看，属于定性与定量的对比研究。研究重点是考察这两个年龄段的语音是否有变化，变化是什么。

普通话水平测试是由国家语言文字工作委员会、国家教育委员会、广播电影电视部三部委于1994年10月发布的一项语言考试制度。该项制度对推进推广普通话工作发挥了重要作用。2014年是这个语言考试制度实施20周年。我试图通过本次专题研究，考察普通话水平测试全面实施以来，长春不同年龄段人群的语言状况。也就是考察国家的这项重大的语言政策对方言的影响程度。

二、实验简介

1.实验字表及要求：第一，选择常见字、常用字。第二，声母是塞音，韵母是单韵母。

调类	例字									
阴平	八	搭	低	姑	哥	科	巴	哭	他	踢
阳平	拔	德	敌	达	读	爬	皮	笛	题	啤
上声	把	打	底	笔	卡	可	古	土	谷	苦
去声	杜	步	大	地	故	第	客	爸	库	固

2.录音设备：录音软件为Cool Edit Pro2.0，采样率为11025Hz，16位，单声道。

3.发音合作人：为了避免个人发音的差异对实验结论产生影响，我们选择发音人的要求是：第一，本地出生的、没有外出或少有外出经历的口齿清晰的人；第二，是汉族人；第三，为了保证语音样本的质量和数量，我们在中老年组选择年龄在40岁以上，男性5人，女性5人。青年组选择长春理工大学的在校学生（1994年以后出生），男性5人，女性5人，两个组别共计20。实际采用的语音样本是，中老年组和青年组的男性、女性各2人，两个组的测试对象共计8人。

4.分析软件：荷兰阿姆斯特丹大学开发研究的Praat语音分析软件和Excel软件。

三、实验过程

(一) 具体研究步骤

1.语音采样

20个发音人分别按照声调调查表“从左至右”的调类组别顺序和“从上至下”的“阴阳上去”字组顺序读完调查字表的40个音节，每人共计得到80个音节，每人一个声音文件，共计录制成20份声音文件，并以wav格式保存在电脑中。

2.优选语音样本

对两个组的语音样本进行优化选择。选择标准是语音更清晰，基频质量更高的样本，声调完全是正确的样本，除去不符合要求的样本。最终我们在每一组里分别选择2男、2女进行分析。两个组别最后实际需要分析的语音样本为8个（2个组×4每个组的发音人数）。每个年龄组语音样本的数量都符合语音分析统计学上的要求。

3.语音样本深加工

用Cool Edit Pro2.0

录音软件，对每位发音人的语音样本以音节为单位进一步切分。这样每位发音人名下有4（阴平、阳平、上

声、去声)个声音文件,每个文件又分离出个10个单音节的声文件,每个人共计分离出有效声音文件40个。每个年龄组4个发音人就得到有效声音文件160个。中老年和青年两组共计得到320个语音文件。文件按照组别保存到电脑中。

4. 语音分析及基频归一化

用Praat语音分析软件对切分好的声音文件进行分析,提取基频F0具体数据。具体做法是:

(1) 打开语音分析软件praat,在语图上进行数据的测量和计算,得到每个声音文件基频线的10个基频点的基频值,2个年龄组共计得到3200个基频值。

(2) 基频归一化处理

基频值是物理量,人们对音高的主观听感和音高的物理表现并不是线性的正比例关系。基频归一化是把声学实验所得到的基频数据转换成与人耳听感相匹配的音高感知量。因此需要把我们得到的3200个基频数据进行归一化处理。石锋(1990:49)认为“把声调曲线起点、中点和止点的平均频率值都换算为对数标度,然后根据发音人的调域进行归一整理,可以得到五度制的参考数值。为了简便,使用常用对数。具体的方法用公式表达为: $T=(\lg x-\lg b/\lg a-\lg b)*5$

其中, a为调域上限频率, b为调域下限频率, x为测量点频率。所以得到的T值就是x点的五度值参考标度。”我们采用了石锋的算法,具体如下:

第一,计算T值。以每一个发音人为一个单位,按照阴、阳、上、去的顺序计算出每个人10个基频点的基频平均值,然后按照“从左至右”的调类组别顺序进行排序,按照“从左至右”的调类组别顺序将基频平均值依次带入声调T值公式中,计算出各个声调的T值。每个声调有10个数据,那么每个人就有40个T值数据。

第二,计算T值的平均值。将2个组的T值分别按照声调类别汇总,计算出每个组的该调类的T值平均值。每一组得到的T值数量是,阴平10个,阳平10个,上声10个,去声10个。每个组别的T值平均值是40个,两个年龄组共有80个T值的平均值。

第三,画出声调格局折线图。T值就是五度值,五度值是赵元任(1979)创制的声调的五度标记法,为声调的测定、描写和研究奠定了基础。我们把得到的T值数据导入Excel表格中,运用其图表功能,将T值以数据点折线图的形式显示出来。

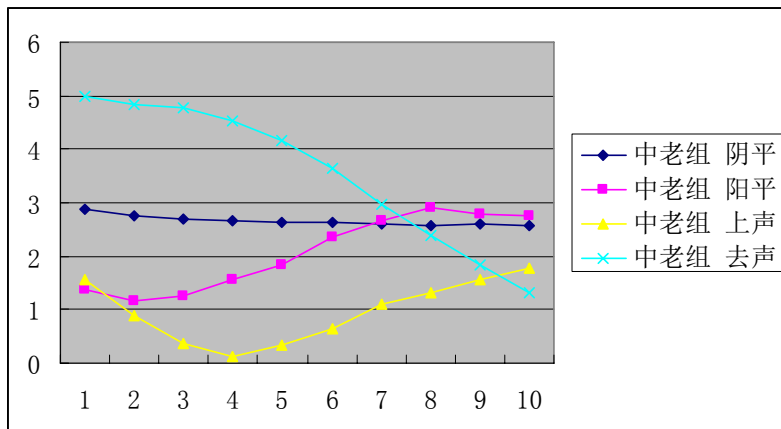
(二) 具体的数据统计结果

1. 中老年组的基频数据

(1) 中老年组T值的平均值

阴	2.87	2.74	2.7	2.66	2.64	2.62	2.59	2.57	2.61	2.58
阳	1.39	1.15	1.25	1.55	1.84	2.35	2.65	2.9	2.79	2.74
上	1.55	0.9	0.37	0.11	0.35	0.65	1.11	1.31	1.57	1.78
去	4.99	4.84	4.77	4.52	4.16	3.64	2.98	2.38	1.84	1.33

(2) 中老年组T值平均值曲线图

上图的横坐标为每个声调的10个基频点，纵坐标为T值。

(3) 实验语音学方法得到的中老年组的五度值数据

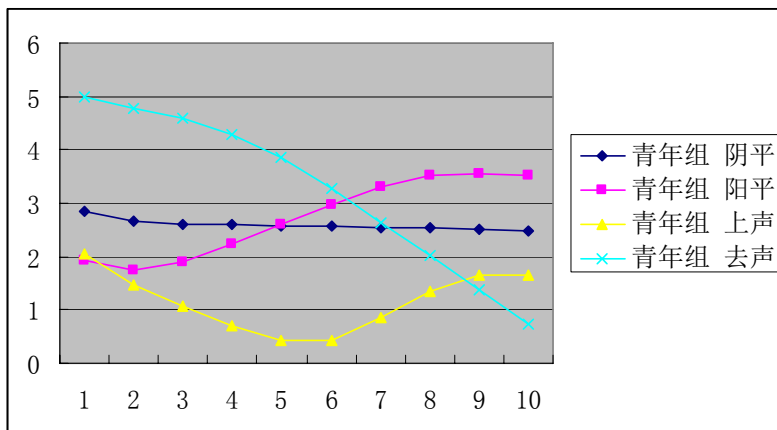
中老年组的声调格局	阴平	阳平	上声	去声
	33	23	212	52

2. 青年组的基频数据

(1) 青年组T值的平均值

阴	2.86	2.66	2.61	2.59	2.58	2.57	2.54	2.53	2.51	2.47
阳	1.94	1.75	1.91	2.22	2.59	2.96	3.31	3.52	3.55	3.51
上	2.04	1.48	1.07	0.71	0.43	0.44	0.87	1.35	1.66	1.65
去	5	4.79	4.6	4.29	3.86	3.28	2.62	2.01	1.38	0.73

(2) 青年组T值平均值曲线图

上图的横坐标为每个声调的10个基频点，纵坐标为T值。

(3) 实验语音学方法得到的青年组的五度值结果

青年组的声调格局	阴平	阳平	上声	去声
	33	24	212	51

四、数据统计结果的分析与解释

1.用音位学理论得出定性判断

“音位是一个语音系统中能够区别意义的最小语音单位。”(黄伯荣、廖学东2002:114)声调也是具体语言中能够区别意义的单位,叫做调位。在汉语中,声调的音位学意义不亚于声母(辅音)和韵母(元音)。调位和音位一样,是在特定的具体语言中分析得到的。每一种声调语言的声调都有自己特有的声调格局,调位只是在它本身所在的声调格局中才有意义的。汉语的声调可以从调值和调类两个方面来分析。调值是声调的实际读法,可以通过传统的听辨方法和语音实验的方法得出数据。调类是声调的种类,是对单字调类别归属的定性判断。我们的研究就是通过实验获得长春方言单字调的调值数据,判断其调类归属。根据得到的T值数据,我们发现,长春中老年组和青年组都是有四个调类—阴平、阳平、上声和去声。

2.用区别特征理论解释定量差异

区别特征理论的提出源于语音的声学分析,通过语音的声学表现,考察其声学特征。区别特征的功能主要是寻找同中的小异,目的在于区别。声调调值的声学特征表现在频率上。能够发出声音的物体都有固定的频率,不同的物体,频率也不同。不同物体振动发出的千差万别的声音大多数不是纯音,它们是由很多不同的纯音组成的复音。“组成复音的各个纯音的振幅不同,频率也不同,其中频率最低,振幅最大的叫基音,基音的频率称为基频。”(林焘,王理嘉1992:13)由基频点形成的线条叫基频线,基频线又称F₀曲线。我们分析的对象是基频线上基频点的T值数据折线图。从语图看,每个声调都有型,它们都占有一定空间,都有一个变化的度,这个空间/度就是值域。值域范畴与五度值对应,五度值分别是1、2、3、4、5,对应的值域范畴是(0-

1)、(1.01-2)、(2.01-3)、(3.01-4)、(4.01-

5)。值域范畴的值最大不超过5，最小不小于0。我们认为五度值是对声调归属的常规的定性判读的依据，值域范畴是分析声调声学特征的依据。石锋（1990:46）认为：“把区分标准定为五度，这只是表明一种最大限制的可能性，并不意味着任何声调格局都一定要用五度来区分。”单字调的声学特征数据展示了其值域范畴，值域范畴蕴含两个组别的区别特征，我们通过这个值域范畴来观察、分析、解释两个组别的语图差异。

五、结论

（一）青年组与中老年组声调的基本特征相同

从我们得到的两个组的T值折线图看，它们的声调格局非常相似。阴平调值都是33，上声调值都是212。差别主要体现在去声，中老组去声的调值是52，青年组去声的调值是51。具体分析如下：

1.调域偏低。调域是调值的跨度，跨度的大小决定调域的宽窄。普通话阴平的调域是五度，长春方言阴平的调域是三度。从调值的角度看，普通话的阴平是55，长春方言的阴平是33。这种差别在听觉中并不明显，但是在图谱中表现显著，长春方言的调域相对狭窄。

2.声调曲线走向相似。整体来看，我们发现，青年组和中老年组的图谱非常相似。查看调值，虽然普通话对长春地区青年人的发音有影响，但是影响未触及长春方言特征，青年人在发音上具有显著的长春方言的特征。

（二）五度值变化不大

结合孙维张等先生（1986）的结论，我们纵向比较长春方言声调调值的情况。

声调格局	阴平	阳平	上声	去声
孙维张等（1986年）	44/33	35/24	214/213	51/53
中老年组（2014年）	33	24	212	52
青年人组（2014年）	33	24	212	51

孙维张等论文统计结果距今近30年，中老年组与青年组的年龄差距至少20年，所以我们统计的结果能够体现长春方言历时发展的特点。从历时发展的角度看，长春方言调类的定性归属判断没有发生变化。但是我们用实验语音学的定量研究方法得出的结论与孙维张等的定性研究方法得出的结论还是有量上的不同。

（三）青年组的调域更宽

从五度值的角度看，这两组基本相同。但是对比T值折线图，从区别特征的角度看，中老年组与青年组还是表现出来很多的不同。

1.青年组阳平T值的值域范围更宽。中老年组阳平折线的最高点刚好是3，青年组的阳平折线的最高点已经快接近4了。从他们的值域范围看，青年组阳平的值域范围更宽，更接近普通话的值域范围。

2.青年组去声T值的值域范围更宽。两个组别去声折线的高点都是5，中老年组去声折线的最低点是2，青年组去声折线的最低点是1。从这里我们可以看出，青年组的去声相较于老年组来说更加接近普通话的值域范围。

从整体来看，我们发现青年组普遍比中老年组的值域范围宽。青年组的发音更加趋近于普通话，虽然五度值变化不大，但是从语图的区别特征上看，变化还是很明显的。

（四）声调的变化模式是方言的核心特征

从声调特征上看，尤其是从长春方言的声调模式上看，推广普通话对长春方言的影响很小。比如，阴平T值的走向虽然是低平的，但是两个组都表现出了左高右低的缓降特征。阳平调型是低升，两个组别阳平的调尾都是轻度下沉的。上声的调型特征是降升，两个组别的共同特征是都升得不高，高点都是2。去声的全降调的高点都是5。因此，长春方言单字调的变化模式是四个调类的单字调的尾音都具有下沉特征。有一种观点认为北京话的调值高，长春方言的调值低。从声调格局分析，长春方言调域偏窄指的是阴平、阳平和上声的调域偏窄。认为长春方言调值低是因为长春方言四个声调的调域总值偏低，而不是因为北京话的阴平调值是55，长春的调值是33。北京话与长春话不是同一个语音系统，不能进行简单的互相比较。

从五度值统计结果看，推广普通话对长春方言有一定影响。青年人声调的值域范围更接近普通话了。那么是什么发生了变化了，什么没发生变化呢？

根据我们的实验分析，我们认为，推广普通话可以影响或者改变长春方言某个声调的调值，但是不能改变这个声调的变化模式。声调的变化模式是方言的核心特征或者叫典型性特征。一个方言的声调特色不仅在于调值的高低，更重要的是其变化模式。声调模式特征是长春方言的DNA，国家推广普通话的政策没有改变长春方言的核心特征。

参考文献：

1. 黄伯荣、廖旭东[M]. 北京：高等教育出版社, 2002.
2. 林焘, 王理嘉著. 语音学教程[M]. 北京：北京大学出版社, 1992.
3. 石锋. 语音学探微[M]. 北京：北京大学出版社, 1990.
4. 孙维张, 路野, 李丽君. 吉林方言分区说略[J]. 方言, 1986.

УДК 811.512.3'36+811.58

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-50-53

Китаизмы в морфологическом способе образования слов в монгольских языках

© Дамдинова Буда-Ханда Владимировна

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологии стран Дальнего Востока Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: damdin-bhv@mail.ru

Для полного освоения заимствованного слова в новой языковой среде требуется не только его семантическая адаптация, но и грамматическая. В статье рассматривается участие китайских (сокр. кит.) заимствованных слов в образовании имен прилагательных современного монгольского (сокр. монг.) и бурятского (сокр. бур.) языков посредством морфологических элементов от глагольных и неглагольных основ.

Важным показателем степени освоенности заимствованного слова являются его словообразовательные возможности. В монгольских языках словообразование осуществляется морфологическим и синтаксическим путем. Главный морфологический способ — суффиксальный, применяемый всеми изменяемыми частями речи.

Почти все китайские заимствованные слова являются именами существительными. От основ этих имен существительных посредством морфологических элементов заимствующего языка образованы не только глаголы и наречия, но и имена прилагательные. Также при помощи отыменных аффиксов монгольских языков созданы производные имена существительные. Новые слова с участием китайских заимствований образованы следующими наиболее продуктивными способами: присоединением к китаизмам словообразовательных аффиксов и образованием сложных слов, в составе которых имеется китайское заимствованное слово.

Ключевые слова: китаизмы, заимствование, аффиксальный способ, неглагольная основа, глагольная основа.

Sinoisms in Morphological Method for Word Formation in the Mongol Languages

Buda-Khanda V. Damdinova

PhD, Senior Lecturer the Department of Philology of Far East Countries, Buryat State University
4, Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

To adapt borrowings to a new language environment not only semantic but also grammatical adaption is required. The article considers participation of Chinese borrowings in adjectives formation in Mongolian and Buryat languages by morphological elements of verb and non-verb basis.

An important factor of its adaptation is its word formation abilities. In Mongolian languages word formation is made by morphological and syntactic methods. The most important morphological method is suffixal which is used by all changeable parts of speech.

Almost all Chinese borrowings are nouns. From the basis of nouns by morphological elements of borrowing language not only verbs and adverbs, but also adjectives were formed. Also by denominative affixes of Mongolian languages denominatives were made. New words with Chinese borrowings were formed by the following most productive ways: addition affixes to Chinese borrowings and compound words containing Chinese borrowed words.

Keywords: sinoisms, borrowings, affixal method, verb basis, nonverb basis.

Китайские заимствования в монгольских языках проявляют большую словообразовательную активность, что определяет степень их морфологической адаптации в языке-реципиенте. Словообразовательные аффиксы, посредством которых от китайских заимствованных основ образованы новые слова в монгольских языках, классифицируются на именные и глагольные. Данные форманты, в свою очередь, подразделяются на группы в зависимости от мотивирующей (производящей) основы.

Образование имен прилагательных от неглагольных основ:

1. Модель на аффикс монг./бур. -гүй

Аффикс *-гүй* этимологически восходит к отрицанию *үгэ* (нет). Посредством данного аффикса образуются имена прилагательные как от именных, так и от глагольных основ со значением, противоположным значению прилагательных с аффиксом *-тай* или противопоставляемым с какой-либо точки зрения значению основного прилагательного, не имеющего аффикса *-гүй*. Например: монг. *бааигүй* «непритворный, искренний, лишенный искусственности» от *бааи* «притворство, симуляция; хитрость, лукавство» (< кит. 把戏 *bǎxì* «фокус, трюк, проделка, уловка, маневр»); монг. *бэнчингүй* «несостоятельный» от *бэнчин* «фонд, состояние, капитал, средства» (< кит. 本钱 *běncián* «капитал,

деньги»); монг. *дансгүй* «незарегистрированный, незначущийся в списках, неоприходованный» от *данс* «ведомость, список, реестр; счет» (< кит. 单子 *dānzi* «список; перечень; документ; ордер; расписка»); монг. *маапаангүй* «незапутанный, ясный, отчетливый, не вызывающий сомнений, вне всяких сомнений» от *маапаан* «путаница, неразбериха; сомнительность; что-нибудь запутанное, неясное» (< кит. 麻烦 *máfan* 1) «хлопотливый, беспокойный»; 2) «хлопоты, возня, беспокойство»; 3) «беспокоить»); монг. *пиугүй* «безбилетный; беспаспортный» от *пиу* «билет; паспорт» (< кит. 票 *piào* «билет; лицензия; письменное свидетельство на право чего-либо; талон»); монг. *тайвангүй* «беспокойный» от *тайван* «мир, спокойствие; мирный, спокойный» (< кит. 太平 *tàipíng* «спокойствие (спокойный), мир (мирный)»); монг. *хуудуугүй* «мирный, спокойный (о характере человека)» (*хуудуугүй зан* «мирный характер») от *хуудуу* «дурное поведение» (< кит. 糊涂 *hútu* «глупый, нелепый, бестолковый»); монг. *шинжгүй* «подлый, бесчестный; никчемный; презренный» от *шинж* «форма, вид, признак, примета, свойство» (< кит. 性质 *xìngzhì* «характер»); монг. *янзгүй* «бесформенный; аморфный; безобразный; некрасивый» (*хэв янзгүй* «некрасивый») от *янз* «вид, форма, тип, стиль» (< кит. 样子 *yàngzi* «вид, фасон, образец, модель»).

2. Модель на аффикс монг./бур. **-тай**

Данный аффикс является продуктивным аффиксом образования имен прилагательных. Производные прилагательные имеют значение обладания чем-либо или отношения к тому, что выражено в производящей основе. Например: монг. *баашитай* «притворный, лицемерный; хитрый, лукавый» от *бааш* «притворство, симуляция; хитрость, лукавство» (< кит. 把戏 *bǎxì* «фокус, трюк, проделка, уловка, маневр»); монг. *бэнчинтэй* «зажиточный, состоятельный, богатый» от *бэнчин* «фонд, состояние, капитал, средства» (< кит. 本钱 *běnjián* «капитал, деньги»); монг. *вандуйтай* «гороховый; чечевичный, фасолевый» (*вандуйтай шөл а* «гороховый суп, гороховая похлебка»; б) «чечевичный суп; фасолевый суп») от *вандуй* «горох, горошек» (< кит. 豌豆 *wāndòu* «горошек зеленый; горох огородный; горох»); монг. *данстай* «зарегистрированный, состоящий на учете, состоящий, числящийся в списках; внесенный в списки» (*данстай хогшил* «инвентаризованное имущество») от *данс* «ведомость, список, реестр; счет» (< кит. 单子 *dānzi* «список; перечень; документ; ордер; расписка»); монг. *маапаантай* «вызывающий сомнения, сомнительный; запутанный, неясный, подозрительный» (*энэ маапаантай хэрэгт намайг битгий холбогдуулаач* «не впутывайте меня в это грязное дело») от *маапаан* «путаница, неразбериха; сомнительность; что-нибудь запутанное, неясное» (< кит. 麻烦 *máfan* 1) «хлопотливый, беспокойный»; 2) «хлопоты, возня, беспокойство»; 3) «беспокоить»); монг. *мөөгтэй* «грибной» (*мөөгтэй газар* «грибное место») от *мөөг* «гриб» (< кит. 蘑菇 *mógū* «гриб»); монг. *паалантай* «эмалевый, эмалированный» (*паалантай сав* «эмалированная посуда, эмалированная кастрюля») от *паалан* «эмаль, глазурь» (< кит. 珐琅 *fàláng* «эмаль; клуазоне»); монг. *хуудуутай* «неважный, сомнительный» от *хуудуу* «дурное поведение» (< кит. 糊涂 *hútu* «глупый, нелепый, бестолковый»); монг. *цоожтой* «закрытый; под замком, на замке» от *цоож* «замок» (< кит. 锁 *suǒ* «замок»); монг. *шанзтай* «фаршированный, начиненный» (*шанзтай өндөг* «фаршированные яйца») от *шанз* «фарш» (< кит. 馅子 *xiànzǐ* «фарш; начинка»); монг. *янзтай* 1) «причудливый»; 2) «красивый, нарядный, пригожий, видный, приятный»; 3) «имеющий вид, форму, образ чего-либо» от *янз* «вид, форма, тип, стиль» (< кит. 样子 *yàngzi* «вид, фасон, образец, модель»); бур. *гандасатай* «засушливый» от *гандаса* «засушливость» (*гандаса* < *гандаха* < *ган* < кит. 干 *gān* «сухость, сухота, сушка»).

3. Модель на аффикс монг./бур. **-рхуу/-рхүү**

По данной модели образуются имена прилагательные, имеющие значение подобия чего-либо или обладания чем-либо: монг. *вандуйрхуу* «похожий на горох, напоминающий горох» от *вандуй* «горох, горошек» (< кит. 豌豆 *wāndòu* «горошек зеленый; горох огородный; горох»); монг. *гуархуу* «похожий на тыкву, напоминающий по форме тыкву, круглый» от *гуа* «тыква; бахчевые культуры» (< кит. 瓜 *guā* «бахчевые культуры»); монг. *даалимбархуу* «похожий на далембу» (*даалимбархуу эд* «материал вроде далембы») от *даалимба* «далемба — род хлопчатобумажной ткани обычно синего цвета» (< кит. 搭裪布 *dālíanbù* «тик (ткань), синий холст; далемба; тонкая диагональ (сорт ткани)»); монг. *ембүүрхүү* «в форме ембу» от *ембүү* «слиток серебра стоимостью в пятьдесят лан в форме башмачка» (< кит. 元宝 *yuánbǎo* «серебряный слиток в пятьдесят лян или золотой слиток в пять, десять лян»);

монг. *жанжирхуу* «любящий властвовать над кем-либо» от *жанжин* «генерал, главнокомандующий» (< кит. 将军 jiāngjūn «генерал»); монг. *жонхуурхуу* «кашеобразный» от *жонхуу* «клейстер, замазка» (< кит. 糨糊 jiàngū «клейстер крахмальный»); монг. *мөөгөрхүү* «грибовидный» от *мөөг* «гриб» (< кит. 蘑菇 mógu «гриб»); бур. *наймаархуу* «торгашеский, любящий торговаться» от *наймаа* «торговля; коммерция» (< кит. 买卖 mǎimài «купля-продажа; торговля; коммерция»); бур. *янзархуу* «имеющий какой-либо вид; подобный чему-либо» от *янза* «вид, форма, тип, стиль» (< кит. 样子 yàngzi «вид, фасон, образец, модель»).

4. Модель на аффикс монг./бур. -дуу

Данный аффикс образует прилагательные, обозначающие наличие качества с оттенком некоторого смягчения: монг./бур. *гандуу* «засушливый, аридный, сухой, безводный» (бур. *уһаар гандуу бэлшээриин газарнууд* «пастбищные земли с недостатком воды»; монг. *гандуу нутаг* «засушливая местность») от *ган* «засуха» (< кит. 干 gān «сухость, сухота, сушка»).

5. Модель на аффикс монг. -т

Аффикс -т является одним из продуктивных аффиксов образования имен прилагательных от именных основ. Прилагательные, образованные по данной модели, имеют значение обладания свойством или отношения к предмету или явлению, названному в производящей основе. Например: монг. *дүүжинт* «маятниковый, с маятником» от *дүүжин* «качели; что-либо качающееся» (< кит. 秋千 qiūqiān «качели»); монг. *жаазат* «рамный, рамочный» (*жаазат бэхлүүр* «спец. рамочный держатель») от *жааз* «рама, рамка» (< кит. 架子 jiàzi «подставка, подпорка, штатив, рама, остов, скелет, костяк, каркас, этажерка, полка»); монг. *зост* «окрашенный земляными красками» от *зос* «земляные краски» (< кит. 赭色 zhèsè «красно-бурый цвет», 赭石 zhèshí «охра»); монг. *пуужинт* «ракетный» (*пуужинт зэвсэг* «ракетное оружие») от *пуужин* «ракета» (< кит. 炮仗 pàozhang «хлопушка; ракета»); монг. *пянат* «пластиночный» от *пянз* «граммофонная пластинка» (< кит. 片子 piànzi «патефонная, граммофонная пластинка»); монг. *шинжит* «видный, заметный, красивый; имеющий приметы, вид» от *шинж* «форма, вид, признак, примета, свойство» (< кит. 性质 xìngzhì «характер»).

6. Модель на аффикс монг./бур. -лаг

Данный аффикс помимо того, что активно производит от разных именных основ имена существительные, является и словообразующим аффиксом имен прилагательных. Например, монг. *шохойлог* «известковый» (*шохойлог хөвөн биетэн* «амьт. губки известковые») от *шохой* «известь» (< кит. 石灰 shíhuī «известь»); монг. *янзлаг* «красивый, пригожий, нарядный, щеголеватый; причудливый; жеманный» от *янз* «вид, форма, тип, стиль» (< кит. 样子 yàngzi «вид, фасон, образец, модель»).

7. Модель на аффикс монг. -рхаг

Посредством данного аффикса от именных основ существительных образуются имена прилагательные со значением обилия чего-нибудь, склонности к чему-либо, приобретения качества, признака, выраженного в производящей основе. Например, монг. *жанжирхаг* «властный, господствующий» от *жанжин* «генерал, главнокомандующий» (< кит. 将军 jiāngjūn «генерал»); монг. *шохойрхог* «известковый» от *шохой* «известь» (< кит. 石灰 shíhuī «известь»).

8. Модель на аффикс монг. -саг

Имена прилагательные, образованные при помощи данного аффикса, имеют значение пристрастия к чему-либо. Например, монг. *ваадансаг* «предпочитающий узлы и свертки» (*ваадансаг хүн* «человек, отдающий предпочтение узлам, сверткам и тюкам») от *ваадан* «оберточная материя; пленка, узел; сверток» (< кит. 包单 bāodān «обертка, простыня, платок для узла»); монг. *цайсаг* «любящий пить чай; жаждущий пить чай» от *цай* «чай» (< кит. 茶 chá «чай»); монг. *гоймонсог* «любящий макаронные изделия, блюда из макарон и вермишели» от *гоймон* «вермишель, итальянская сухая лапша; макароны, трубчатая лапша» (< кит. 挂面 guàmiàn «вермишель»); монг. *гуанзсаг* «любящий поесть в столовой» от *гуанз* «ресторан, столовая» (< кит. 馆子 guǎnzi «ресторан; закусочная»); монг. *ембүүсэг* «любящий ямбу (серебряные слитки в форме башмачка)» от *ембүү* «слиток серебра стоимостью в пятьдесят лан» (< кит. 元宝 yuánbǎo «серебряный слиток в пятьдесят лян или золотой слиток в пять, десять лян»).

Образование имен прилагательных от глагольных основ

Нами найдены два прилагательных, образованные от глагольных основ, которые, в свою очередь,

являются производными китайских заимствованных слов: 1) монг. *заазлагдсан* «бракованный» от *заазлагдах* (страдат. от *заазлах* «браковать») «быть забракованным» (*зааз* 1) «брак»; 2) «бракованный, неполноценный» [< кит. 瑕疵 *xiácī* «недостаток, дефект, изъян, порок»]; 2) монг. *наймааламтгай* «любящий торговать» от *наймаалах* «торговать, продавать; заниматься торговлей» (маймаа [наймаа] / бур. *наймаа* «торговля, торгашество, коммерция» [< кит. 买卖 *mǎimài* «купля-продажа, торговля, коммерция»]).

С момента вхождения многие слова включаются в активный словарный состав и продолжают функционировать в нем как единицы общенародной лексики. К наиболее продуктивным в создании имен прилагательных в лексике монгольских языков относятся монг./бур. *ган* «засуха, бездождие, сушь» (< кит. 干 *gān* «сухость, сухота, сушка»); монг. *шинж* / бур. *шэнжэ* «форма, вид, признак, примета, свойство» < кит. 性质 *xìngzhì* «характер»; монг. *янз* / бур. *янза* 1) «вид, форма, тип, стиль»; 2) «характер, поведение, нрав» < кит. 样子 *yàngzi* «вид, фасон, образец, модель».

Литература

1. Большой китайско-русский словарь: в 4 т. / под ред. И. М. Ошанина. — М., 1983–1984. — 7947 с.
2. Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. — М., 2002–2003. — 2000 с.
3. Сүхбаатар О. Словарь иностранных слов монгольского языка. — Улан-Батор, 1999. — 273 с.
4. Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. — М., 1973. — 804 с.
5. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь: в 2 т. — Улан-Удэ, 2006. — Т. 1. — 636 с.

References

1. *Bol'shoi kitaisko-russkii slovar' v 4-kh tomakh* [Great Sino-Russian dictionary in 4 volumes]. Moscow, 1983–1984. 7947 p.
2. *Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' v 4-kh tomakh* [Great academic Mongolian-Russian dictionary in 4 volumes]. Moscow, 2002–2003. 2000 p.
3. Sykhbaatar O. *Slovar' inostrannykh slov mongol'skogo yazyka* [Dictionary of Mongolian language foreign words]. Ulaanbaatar, 1999. 273 p.
4. Cheremisov K. M. *Buryatsko-russkii slovar'* [Buryat-Russian dictionary]. Moscow, 1973. 804 p.
5. Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Buryatsko-russkii slovar' v 2 tomakh* [Buryat-Russian dictionary in 2 volumes]. Ulan-Ude, 2006. V. 1. 636 p.

УДК 81'373.23

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-54-59

Явление табуизации в некоторых традиционных антропонимиконах восточных народов

© Дашеева Вера Витальевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии стран Дальнего Востока Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4

E-mail: denisova.v@mail.ru

Статья посвящена явлению табуизации в ономастике. Табу — запрет, налагаемый на употребление определенных слов, выражений или собственных имен. Имена некоторых лиц очень ограничены в использовании: они не должны произноситься вообще или могут произноситься, но определенными людьми в определенных ситуациях. Так как слова в сознании человека часто сливаются с обозначаемыми предметами, то некоторым из них, в том числе и личным именам, придается почти магическое значение. Такие ограничения, касающиеся не только нарицательных, но и личных имен, очень часто наблюдаются у восточных народов, причем проявляются они в различных коммуникативных ситуациях. Табуировались имена мужчин и женщин, а также имена детей. Так, имена женщин Средневекового Китая могли использоваться исключительно в пределах женской половины дома и никогда не «выносились» за его стены.

Ключевые слова: ономастика, имя собственное, антропоним, табу, охранное имя, эвфемизм, лингвокультурология, этнолингвистика, психоллингвистика.

«TABOO» in Some Eastern Nations' Traditional Anthroponimical Systems

Vera V. Dasheeva

PhD, A/Professor of the department of philology of Far East countries, Buryat State University

4, Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The paper is devoted to the “Taboo” phenomenon of onomastics. Taboo — the prohibition which imposed on the use of certain words, phrases or proper names. The names of some individuals sometimes should not be pronounced at all, or may be used by certain people in certain situations. Since the word in the human mind often merges with the subject it designates, some of them, including personal names are considered to have magical significance. Such restrictions concerning not only common nouns, but personal names. They are very common in the eastern nations, and they are manifested in different communicative situations. Both adults (males and females) and children could have special Taboo names. Thus, the names of the women of Medieval China could be used exclusively in the so-called “female half” of the house, and they are never used outdoors.

Keywords: onomastics, proper name, anthroponym, taboo, security name, euphemism, cultural linguistics, ethnoinguistics, psycholinguistics.

Для антропонимиконов большинства народов мира характерны следующие ономастические универсалии:

– сознательное или бессознательное восприятие имени как некоего сакрального знака, способного оказывать то или иное влияние на судьбу и характер человека;

– существование большого пласта охранных имен, характерное для национального антропонимикона любого народа на определенном этапе исторического развития.

Приведем несколько примеров охранных имен разных народов: *Архси* (калм.) ‘кизяк’, *Бааст* (монг.), *Бааһта* (бур.) ‘с калом’, *Бааһан* (бур.) ‘кал’, *Бухур* (бур.) ‘женский половой орган’, *Гахай* (бур.) ‘свинья’, *狗蛋* *Годань* ‘собачьи яйца’, *Мекля* (калм.) ‘лягушка’, *Муу Ухин* (монг.) ‘плохая девочка’, *Муухүү* (монг.) ‘плохой сын’, мужское имя *Муу изи* (бур.) ‘скверная женщина’, *Насраанха* (бур., образовано от русского слова), *Нохой* (монг., бур.) ‘собака’, *Энэ бэиэ* (бур.) ‘не тот’, ср.: *Жуындыбай* (казах.) ‘помои’, у туркмен, башкир и других тюркоязычных народов распространено имя *Ительмес* ‘собака не возьмет’. Сюда же, а не к дескриптивам, скорее всего, следует относить имена типа *Мууцарайт* (монг.) ‘с плохим лицом’, *Мууцрия* (калм.) ‘плохое лицо’, *Халзан* (бур.), *Ходжгр* (калм.) ‘лысый’, *Цявдр* (калм.) ‘блеклый, невзрачный’. Ср.: *Йамут* (араб.) ‘он умрет’, *Кабиха* (араб.) ‘безобразная’, *Ительмес* (узбек. и др. тюрк. яз.) ‘и собака не возьмет’ и др. [6; 8].

Относительно древнего обычая в Народном уложении Монголии сказано: «Кроме наречения детей оберегающими именами, в семьях, в которых не оставались жить дети, намеренно называли мальчиков именем *Хүүхэн* ‘девочка’. Также существовал обычай наряжать мальчиков, украшать

браслетами, серьгами, выдавая их за девочек» [2, с. 290]. Подобный обычай существовал у многих народов. Так, у чукчей с целью обмануть духов «меняют внешний вид (надевая, например, одежду другого пола) или меняют имя человека во время его болезни» [3, с. 47]. «В бурятской антропонимии встречаются мужские имена Басагаадай, Басагаашка, Басагай (от *басаган* ‘девушка’), Изии, Изиихэ, Изыхэн, Изышкэ и Зиимон (от *изии, изы* (зап.-бур.) — женщина, последнее имя — с выпадением начального -и), Гэргэн, Хамаган, Намгашаал ‘жена’, Мааман, Маамха (от *маама* (зап.-бур.) ‘мама’), Эмэ, Эээшхэ, Эмэгшэн ‘женщина, самка’» [13, с. 180–182]. Такие имена условно называют обманными. Они также выполняют охранную функцию, при этом могут одновременно быть наделены отрицательной семантикой, например, *Муу Изии* (бур.) ‘дурная баба’ — как мужское имя.

В Древнем Китае (как, впрочем, и сейчас), мальчики ценились гораздо выше девочек (участь жены, которая так и не смогла родить мужу наследника, была в китайской семье периода феодализма поистине незавидной). Поэтому мальчиков часто называли традиционно женскими именами, а то и просто давали им клички животных, тем самым родители показывали всем, обманывая злых духов, что они вовсе не дорожат сыном.

По словам А. Г. Митрошкиной, «имена с семами типа “собака”, “волк”, “лев”, “камень”, “железо”, “вонючий”, “гнилой” и т. п. являются универсальными. Они призваны выполнять охранную функцию. Таких примеров в антропонимической литературе достаточно много» [6, с. 28].

В некоторых случаях охранные имена давались не только новорожденным с целью защитить их от болезней и злых духов, но и подросткам, и даже взрослым людям, например, в случае тяжелой и продолжительной болезни. При этом на прежнее их имя накладывается табу. Согласно определению, принятому в лингвистике, табу — запрет, налагаемый на употребление определенных слов, выражений или собственных имен. Традиционно табуировались некоторые антропонимы, например, названия ряда животных. Считалось, что их произнесение «способно повлечь за собой гнев или присутствие называемого, поэтому необходимо было употреблять вместо них соответствующие эвфемизмы, например, вместо *могой* (монг., бур.) ‘змея’ — *урт хорхой* (монг.) и *ута хорхой* (бур.) ‘длинный червь’; вместо *чоно* (монг.), *шоно* (бур.), *чон* (калм.) — многочисленные эвфемизмы: *хээрийн нохой* (монг.), *хээрын нохой* (бур.), *кеерин ноха* (калм.) ‘степная собака’, *хангайн нохой* (монг.) ‘хангайская собака’, *хөдөөний өвгөн* (монг.) ‘сельский старик’, *арзагар шүдэтэй* (бур.) ‘с оскаленными зубами’, *ута һүүлтэй* (бур.) ‘с длинным хвостом’» [10, с. 155]. Причем некоторые из подобных названий животных, игравших важную роль в охотничьем промысле и культовых представлениях (например, названия животных, являющихся тотемами племен), подвергшиеся предками монгольских народов табуированию на определенном этапе общественного развития, сохраняются в языке до сих пор, хотя и утратили свою прежнюю функцию (ср.: русское название *медведь* ‘тот, кто знает (ведает), где находится мед’ тоже когда-то было эвфемизмом).

Табуировались также названия болезней, сообщения о состоянии здоровья, о беременности, родах — из опасения навлечь на человека беду. «Монгольские языки особенно богаты эвфемизмами, употребляемыми вместо слово “умереть” — их использование вызвано той же причиной: словесные запреты способствуют тайне события, помогая скрывать их от людей и от злых духов» [4, с. 30].

Аналогично табуировались и имена собственные, так как считалось, что знание и произнесение имени человека способно дать возможность манипулировать им. Охранные имена в таких случаях употреблялись не как основное имя, а в качестве эвфемизмов, то есть заменных, разрешенных слов, которые используют вместо табуированных. Наряду с вышеупомянутыми примерами охранных имен, эвфемизмами могли служить названия различных предметов домашнего обихода, например, *Тогоон* (монг., бур.) ‘котел’, *Тогоной* ‘принадлежащий котлу’, оружия (они могли быть и отпугивающими): *Мадага* (бур.) ‘большой нож’, животных: *Алгана* ‘окунь’, *Хоца* ‘баран’. С их помощью также вводили в заблуждение злые силы, способные причинить вред человеку: они, скорее всего, должны были отступить от детеныша животного или неживого предмета. Сравним, например, с традицией нганасан присваивать «защитные имена, нарицательное значение которых противоположно внешнему виду ребенка, например, *Сырайкуо* ‘белый’ — для ребенка с темным цветом кожи и волос» [9, с. 42].

Кроме того, существовали имена-обозначения различных национальностей, которые могли быть связаны с обрядом «продажи» или «отдачи» на сторону, выполняющим функцию охраны. С помощью таких имен обманывали злых духов относительно новорожденного или заболевшего человека, или же они являлись результатом «продажи» носителя имени представителям другой

национальности. Таковы мужские имена *Мангад 'русский', Мангадай 'принадлежащий русскому'* и даже *Мангадзы, Мангад изии, Мангад эмэ, Ород изии 'русская баба'*. В последних примерах объединяется функция обмана по национальному и гендерному признакам.

В некоторых случаях в качестве охранного человеку присваивалось второе имя, обычно иноязычное, «чаще всего заимствованное из русского антропонимикона. Например, *Варваара — Дулгар, Игнаати — Елүүсэ, Семеон — Сагаадар*. Кроме охранной, они выполняли еще и функцию социальной легализации денотата, являясь официальным, паспортным именем» [5, с. 185].

Кроме того, эвфемизмами могли служить и другие слова, в том числе термины родства. Так, в монгольском обществе особенно ревностно охранялись мужчины, в первую очередь, от представителей чужих родов. Вот, например, что по поводу табуирования имен в бурятской традиции пишет знаменитый историк и этнолог К. Д. Басаева: «Институт табуации и избегания имен восходящих родственников мужа в быту бурятской семьи предполагал, в частности, запрещение для невестки называть свекра и других мужчин из рода мужа по имени, причем обычай этот сохранялся очень долго, вплоть до социалистического переустройства бурятского общества. Нарушение этих норм считалось недопустимым» [1, с. 50]. Невестки должны были употреблять родственные термины «*хадам*», «*хадам баабай*», «*хадам эсэгэ*» и т. п., заменяющие имя свекра.

Интересно, что в традиционном Китае повсеместному запрещению подвергались и женские имена. Но причиной этого являлось, скорее всего, не стремление защитить женщину от дурных влияний, а отсутствие у нее высокого социального статуса и демонстрация отношения к женщине как к неполноценному члену социума. Несколько тысяч лет назад женщина имела в китайском обществе статус приниженного, подавляемого человека, принцип *男尊女卑 наньцзунь ньюбэй* 'уважение к мужчине и презрение к женщине; превосходство мужчины над женщиной' был основополагающим в содержании традиционной китайской культуры. Известно высказывание Конфуция: «*Трудно иметь дело с женщинами и низкими людьми. Если с ними сближаешься, то они перестают слушаться. Если же от них удаляешься, то неизбежно испытываешь с их стороны ненависть*». Тем самым женщина приравнивается к понятию «низкий, подлый человек», что в очередной раз подчеркивает презрение к женщине. В период феодализма это высказывание считалось непреложной истиной, мало кто ставил под сомнение это абсурдное и нелепое утверждение. Общество предписывает женщине традиционные буддийские заповеди «тройкой покорности»: «*В юности покорна отцу, в замужестве покорна мужу, после смерти мужа покорна сыну*», что фактически делает ее абсолютной рабой представителей мужского пола. В феодальном государстве самыми важными считались этические принципы «трех устоев», которые предполагали абсолютную власть государя над подданным, отца над сыном, мужа над женой; постановка знака равенства между отношениями мужа и жены и властью господина над слугой — не подлежащая сомнению социальная основа жизни феодального Китая. То, что положение женщин было столь печальным, не могло не найти отражения в женских именах того времени.

Низкое положение женщин в обществе Средневекового Китая проявляется в многочисленных запретах. Вследствие того, что «активное» пространство женщин сужено, их имена также используются в крайне узких пределах. Так, имена женщин носят название *閨名 гуймин* или *閨名 куньмин* 'женское имя, имя женской половины дома', могут использоваться исключительно в пределах женской половины дома и никогда не выносятся за его стены. В Древнем Китае женщин могли называть словом *閨 гуй* 'девушка, женщина, дочь'. Это «имя» применялось только в семье. Когда женщины переступали порог своего родительского дома, их имена подвергались ограничениям, то есть никто, кроме близких родственников, не должен был знать имя девушки. Даже когда речь шла о замужестве, семья жениха могла спрашивать имя невесты только после того, как сообщала о своем намерении и преподносила подарки невесте. После сообщения имени обе семьи переходили к обсуждению брачных дел, а также обращались к астрологу.

Согласно конфуцианскому этическому учению, есть два очень важных пункта, касающихся отношения к женщинам: «*между мужчиной и женщиной есть различие*» и «*между внутренним и внешним есть различие*». Второй принцип подчеркивает необходимость скрывать некоторую «внутреннюю» информацию от посторонних. В одной из книг «Пятикнижия» — «Лицзи» («Записки о совершенном порядке вещей, правления и обрядов») записан кодекс поведения женщин по нормам раннего конфуцианства. Так, женщинам запрещается сидеть дома вместе с мужчинами свободно, по-домашнему, в неформальной обстановке, без соблюдения определенных церемоний; не разрешается

вешать женскую одежду на одну вешалку с мужской; нельзя пользоваться теми же салфетками, щетками, гребнями, что и мужчины; запрещено передавать вещи из рук в руки. Нельзя невестке общаться с братьями ее мужа. Если мужчина занят делами вне дома, возвращаясь домой, он не разговаривает о них с женщинами, ни мать, ни жена, ни дочь не должны его о них расспрашивать: «То, о чем говорится снаружи, не входит в женскую половину дома, а то, что происходит на женской половине — не выходит из нее».

Все, что касается женской половины дома, связано с мерами строжайшего ограничения, есть понятие так называемой границы дома, или порога. Все, что происходит как вне дома, так и внутри него, должно быть изолированно друг от друга, внутренний и внешний мир — два различных мира, и жизнь мира женщин протекает только внутри дома. Женское поведение регламентируется определенными правилами: «Покидая дом, женщина должна скрывать лицо». Выходя из дома, женщина обязана была прятать свое лицо, можно было только глаза оставить открытыми, чтобы видеть дорогу, это правило сходно с современными обычаями в арабских странах. Так же, как и лицо, обязана она была скрывать свое имя. Эти традиции раннего конфуцианства не всегда соблюдались так строго: в эпоху династии Тан, когда общественные нравы стали более свободными, женщины тоже обрели определенную свободу.

И все же, проанализировав положение женщин в традиционном Китае, мы можем получить более полное представление о формах ограничений в употреблении женских имен. «Когда женщины выходили замуж и поселялись в доме супруга, их имена выходили из широкой сферы употребления. Женщина, вышедшая замуж, обычно именовалась только по ее девичьей фамилии, фамилии семьи мужа или словом, аналогичным русским понятиям “некая”, “имярек”, “такая-то”. Некоторые просто нарекались “жена такого-то”, превращаясь тем самым в собственность, придаток своего мужа. В повседневной жизни женщина зачастую именовалась произвольным именем, которым нарекала ее в том числе и семья мужа, например, в романах Лу Синя есть героини 豆腐西施 Доуфусиши ‘торговка соевым творогом доуфу’, 杨二嫂 Ян-эрсюэ ‘вторая невестка Ян’ и т. п., у них совершенно нет личных имен, и это совершенно правдивое изображение нравов того времени. Так, в истории есть крайне небольшое число выдающихся женщин, которые оставили нам свои имена. Даже знаменитую женщину-историка Бань Чжао, младшую сестру автора исторической хроники династии Хань “Ханьшу”, которого звали Бань Гу, очень многие не желали называть ее собственным именем. Ее предпочитали называть Цао Дацзя, так как она вышла замуж в семейство Цао» [12, с. 100].

У нганасанов, как пишет Н. М. Терещенко, «личные имена употреблялись в быту с довольно большими ограничениями. Так, нельзя было называть по имени человека, который старше говорящего. Называли его обычно по имени детей при том условии, что они моложе говорящего, или словами, обозначающими отношения родства. Аналогичное явление наблюдалось и у ненцев. Б. О. Долгих на основании собственных наблюдений и сведений других исследователей пришел к выводу, что у народов Сибири широко распространен обычай называть отца и мать по имени старшего ребенка. Категорически запрещалось не только обращаться по имени, но и вообще разговаривать с родителями мужа или жены» [9, с. 44].

«У тофаларов раньше каждый человек был известен под кличкой, которая называлась *шола*. Поскольку существовал особый обычай, согласно которому взрослого человека нельзя было называть прямо по его имени, то называть приходилось или по какой-либо кличке, закрепившейся за человеком (например, *Николая Алексеевича Баканаева* называют обычно *høøрук (тоф.) ‘бурундук’* — он получил свое прозвище с детства, когда его поцарапал бурундук), или по имени предка, основателя его фамилии (патронимии) (например, мужчину по имени *Бабейчжанг* из фамилии *Киштыевых* из-за обычая запрета на имя называли *Киштей*). Настоящее личное имя человека по-тофаларски называется *чаһит ат (тоф.) ‘тайное, скрытое имя’*. Это прямо указывает на явление табуирования имени. Если общение происходит между родственниками, то здесь применяется не *шола*, а соответствующие термины родства. Аналогичное явление наблюдается у многих народов, например, у тувинцев...» [7, с. 116–118]. Хакасскими этнографами описаны также обычаи внеантропонимических табу на употребление в быту женами слов однокоренных с именем мужа. Так, если мужа зовут *Малта (хакас.) ‘топор’*, то жена топор называет «острый» и пр.

Явление табуирования возникает потому, что часто слово в сознании человека сливается с обозначаемым им предметом, и некоторым из них, в том числе и личному имени человека,

традиционно придается почти магическое значение. Действительно, имя отождествляется с самим человеком, через него он осознает себя и общается с другими людьми, следовательно, и он сам, и окружающие будут невольно воспринимать его через его имя, порой, на подсознательном уровне. Отношение же человека к себе (например, уверенность или неуверенность в своих силах) и отношение к нему окружающих (доверие и недоверие, ожидание от него определенных действий и наличия у него определенных качеств) может и даже должно повлиять на формирование его характера и, как следствие, на судьбу носителя имени.

Процессы табуирования и эвфемизации частично сохраняются и в современном обществе. Они представляют собой одну из разновидностей стилистических средств языка, помогают говорящим при необходимости скрывать или вуалировать свои намерения, позволяют варьировать речевые средства в зависимости от коммуникативных условий и тем самым избегать конфликтов в общении. Что же касается табуирования имен собственных, этот процесс, в отличие от его повсеместного распространения в традиционных обществах, у современных восточных народов проявляется спорадически, и в большей степени — на бытовом уровне. Например, сохраняется обычай именовать родных в семье, избегая употребления личных имен, особенно при посторонних, так как знание личного имени, согласно традиционным представлениям, способно дать власть над его носителем. Вместо личных имен при обращении и при разговоре о третьих лицах употребляют различные формы терминов родства (в том числе и уменьшительно-ласкательные), например, *ах* (монг.), *аха* (бур.), под влиянием русского языка — *ахашка*, *ах* (калм.), ср.: *ага* (туркм.), *аби* (тур.), *ака* или *ахи* (эвенк.) 'старший брат'.

Этот вопрос требует дальнейших исследований, привлечения данных психологии, психолингвистики, лингвокультурологии, социолингвистики, этнолингвистики и других областей знания. Все научно обоснованные факты, связанные с вопросами потенциального влияния имени на судьбу, являются результатами новейших разработок в указанных отраслях науки. Но это не значит, что вопрос о влиянии имени на жизнь человека обозначился в наше время. Традиционно у многих народов Востока, например, у монгольских «с именем ребенка связывалась его дальнейшая судьба. Существовало поверье, что имя человека влияет на его будущие качества и благополучие» [1, с. 77]. Но если от охранных имен в данное время практически отказались в связи с низким уровнем детской смертности и, в первую очередь, по эстетическим соображениям, то вера в силу имени вновь возвращается.

Таким образом, лингвистическое табуирование, понимаемое как ограничение или абсолютный запрет словоупотребления, определяемый экстралингвистическими факторами: религиозные традиции, суеверия, цензурные и социальные запреты, страх перед болезнями и влиянием потусторонних сил и т. п., было широко распространено в традиционных восточных обществах, особенно на ранних этапах развития и в период Средневековья. Причем табу накладывалось не только на апеллятивы — наименования различных предметов, событий и понятий, но и на имена собственные в первую очередь антропонимы, так как именно личные имена у многих народов мира наделяются сакральным значением.

Литература

1. Басаева К. Д. Семья и брак у бурят. — Улан-Удэ, 1991. — 192 с.
2. БНМАУ-ын угсаатны зүй 1 боть. — Улаанбаатар, 1987. — 432 с.
3. Жукова А. Н. Этимология некоторых личных имен чукчей // Этнография имен. — М.: Наука, 1971. — С. 44–53.
4. Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. — М., 1929. — Т. 1. — 164 с.
5. Ламожанова И. А. Семантика личных имен предков А. Вампилова // Актуальные проблемы востоковедения. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. — Ч. 2. — С. 183–186.
6. Митрошкина А. Г. Личные имена бурят. — Иркутск, 1995. — 377 с.
7. Рассадин В. И. Антропонимы у тофаларов // Ономастика Бурятии. — Улан-Удэ, 1976. — С. 111–141.
8. Системы личных имен у народов мира. — М.: Наука, 1986. — 383 с.
9. Терещенко Н. М. Личные имена у нганасанов // Этнография имен. — М.: Наука, 1971. — С. 40–44.
10. Цыбикова В. М. Имена персонажей сатирических рассказов бурятских писателей // Бурятские антропонимы. — Улан-Удэ, 1981. — С. 49–53.
11. 萧遥天· 中国人名的研究. Сяо Яотьянь. Исследование китайских антропонимов. — Пекин: Синьшицзе, 2007. — 303 с.
12. 赵瑞民· 姓名与中国文化 Чжао Жуйминь. Имена и культура Китая. — Пекин: Изд-во Китайского народного университета, 2008. — 218 с.
13. Семенова В. И. Термины родства в бурятском языке и их онимизация // Актуальные проблемы востоковедения: материалы конф., посвящ. 70-летию со дня рождения Б.-Д. Бадараева. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. — Ч. 2. — С. 177–183.

References

1. Basaeva K. D. *Sem'ya i brak u buryat* [Family and marriage of Buryats]. Ulan-Ude, 1991. 192 p.
2. *BNMAU-yn ugsaatny zyi 1 bot'*. Ulaanbaatar, 1987. 432 p. (Mong.)
3. Zhukova A. N. Etimologiya nekotorykh lichnykh imen chukchei [The etymology of some Chukchi personal names]. *Etnografiya imen – Ethnography of names*. Moscow: Nauka, 1971. Pp. 44–53.
4. Zelenin D. K. *Tabu slov u narodov Vostochnoi Evropy i Severnoi Azii* [Taboo of words among the peoples of Eastern Europe and Northern Asia]. Moscow, 1929. V. 1. 164 p.
5. Lamožhapova I. A. Semantika lichnykh imen predkov A. Vampilova [The semantics of personal names of A. Vampilov's ancestors]. *Aktual'nye problemy vostokovedeniya – Actual problems of Oriental studies*. Ulan-Ude: BSC SB RAS publ., 2001. Part 2. Pp.183–186.
6. Mitroshkina A. G. *Lichnye imena buryat* [Personal names of the Buryats]. Irkutsk, 1995. 377 p.
7. Rassadin V. I. Antroponimy u tofalarov [Tofalars' anthroponyms]. *Onomastika Buryatii – Onomastics of Buryatia*. Ulan-Ude, 1976. Pp.111–141.
8. *Sistemy lichnykh imen u narodov mira* [Systems of personal names among peoples of the world]. Moscow: Nauka, 1986. 383 p.
9. Tereshchenko N. M. Lichnye imena u nganasanov [Personal names of the Nganasans]. *Etnografiya imen – Ethnography of names*. Moscow, 1965. V. 3. Pp. 40–44.
10. Tsybikova V. M. Imena personazhei satiricheskikh rasskazov buryatskikh pisatelei [The names of characters in Buryat writers' satirical stories]. *Buryatskie antroponimy – Buryat anthroponyms*. Ulan-Ude, 1981. Pp. 49–53.
11. Syao Yaotyan'. *中国人名的研究* [Study of Chinese anthroponyms]. Beijing: Sin'shitsze, 2007. 303 p. (Chinese)
12. Chzhao Zhuimin'. *姓名与中国文化* [Names and culture of China]. Beijing: Renmin University of China publ., 2008. 218 p. (Chinese).
13. Semenova V. I. Terminy rodstva v buryatskom yazyke i ikh omonimizatsiya [Kindership terms in the Buryat language and homonymization]. *Aktual'nye problemy vostokovedeniya - Actual problems of Oriental Studies*. Proc. Conf., dedicated to B.-D. Badaraev's.70th ann. Ulan-Ude: SB RAS BSC publ., 2001. Part 2. Pp. 177-183.

УДК 821.521

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-60-63

Буддийские мотивы в творчестве Кобаяси Иссы (1763–1827)

© **Жанцанова Марина Георгиевна**

кандидат культурологии, доцент кафедры филологии стран Дальнего Востока Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4

E-mail: dari9@yandex.ru

© **Карнапольцева Алена Петровна**

магистрант Восточного института Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4

E-mail: alena.karnap@mail.ru

Среди западных исследователей является устоявшейся точкой зрения о том, что главным направлением буддизма, которое оказало решающее влияние на японскую культуру, является дзэн-буддизм. Между тем самой распространенной школой японского буддизма является амидаизм, и именно он оказал гораздо большее влияние на японскую культуру в отличие от дзен-буддизма. В статье рассмотрены особенности амидаизма как главного направления японского буддизма и подчеркнута его роль на средневековую литературу. В частности, выявлена та роль, которую оказал амидаизм на жизнь и творчество выдающегося мастера хайку и приверженца этой школы Кобаяси Иссы, а также рассмотрены его хайку и принадлежащее его перу дзуйхицу «Ора га хару». Буддийские мотивы обусловили лучшие черты поэзии Иссы: особый пронзительный гуманизм, любовь и сострадание ко всему живому, добродушный юмор, умение найти красоту в обыденном.

Ключевые слова: буддизм, амидаизм, дзёдо-синсю, японская литература, хайку, Кобаяси Исса, Япония.

Buddhist Motifs in the Haiku-poems of Issa Kobayashi (1763–1827)

Marina G. Zhantsanova

PhD, A/Professor of the department of philology of Far East countries, Buryat State University

4, Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

Alyona P. Karnapoltseva

Assistant Professor, Buryat State University

4, Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The general view of many researchers in the West is that Zen is the principal Buddhist expression in Japan, which had a decisive influence on Japanese culture. Meanwhile the most popular form of Buddhism in Japan is Amida Buddhism, which had greater influence on Japanese culture than Zen. The goal of this short article is to introduce the Amida-buddhism as a general form of Japanese Buddhism and emphasize its influence on the Japanese medieval literature, especially on the outstanding haiku poet Kobayashi Issa, who was the strong believer of Amida-buddhism. His haiku-poems are full of animal images and humor and his poems and text Ora haru are the representative pieces of his insight to Amida-buddhism.

The Buddhist motifs determine the best features of Issa's poetry such as humanism, love and compassion to all beings, humor and the ability to find beauty in the trivial things.

Keywords: Buddhism, Amida Buddhism, Jodo-shinshyu, Japanese literature, haiku, Issa Kobayashi, animal images, Japan.

Если говорить о влиянии буддизма на японскую литературу и культуру в целом, то подавляющая часть исследований в этой области посвящена дзэн-буддизму. Между тем существует еще одно направление, которое, являясь самым распространенным в Японии, сыграло едва ли не большую роль в религиозной жизни страны, и чье влияние, как и влияние буддизма в целом на японскую культуру (в том числе и литературу), трудно переоценить. Об этом, в частности, пишет шведский исследователь Эсбен Андреасен, который пытается опровергнуть устоявшуюся среди западных востоковедов точку зрения о том, что главной школой японского буддизма, оказавшей решающее влияние на японскую культуру, является Дзэн [1].

Основные идеи этого, другого направления, «Буддизма Чистой Земли», зародившегося в Китае, были взяты из индийских, почти одноименных сутр, которые были составлены примерно через триста лет после смерти Будды и назывались «Сутрами Чистой Земли». Учение Будды в истолковании

школы Чистой Земли постепенно распространилось и в другие китайские школы, а позже, будучи переработанным монахом Хонэнном (1133–1212), попало в Японию.

Школа Чистой Земли признавала возможность достичь просветления со значительно меньшими усилиями, нежели предлагали другие школы. Тот же Хонэн (посмертное имя — Гэнку) считал, что изучать наставления, познавать себя и медитировать одновременно — довольно-таки сложное занятие, поэтому тексты школы Чистой Земли, объясняющие пользу чтения мантр, его очень обрадовали. Последователи учения Чистой Земли верили, что просветление Будды пребывает вне времени и пространства, вне границ его земной жизни, что оно персонифицировано во множестве будд и бодхисатв: они зачастую возлагали свои надежды на силу Амитабхи. У некоторых последователей вера в «другую силу» (taiki) преобладала над верой в «собственную силу» (jiki) и заменяла усилия, которые требовалось приложить для достижения просветления.

Один из учеников Хонэна — Синран (1173–1262) — основал собственную школу, известную как дзёдо-синсю, или син-буддизм. А один из учеников Синрана развил учение Чистой Земли, превратив его в еще более сильную и самодостаточную практику, гарантировавшую достижение просветления, даже если ее выполнить всего один раз, но только от всего сердца. Путь Чистой Земли — это легкий путь достижения мира и просветления, открытый каждому; никому не будет отказано, несмотря ни на какие прошлые ошибки, слабости и недостатки, если он с искренней верой практикует обращение к Амитабхе.

Влияние амидаизма прослеживается в литературе эпохи Хэйан (например, в известном романе Мурасаки Сикибу «Гэндзи моногатари», поэзии Оно-но Комати, дневниках), но настоящую популярность и вместе с тем влияние на литературу это течение обретает в эпоху Камакура (поэзия Сайгё, дзуйхицу Камо-но Тэмэя и Кэнко-хоси).

Представителем амидаистской ветви буддизма в более поздний период стал крупнейший мастер хайку Кобаяси Исса. Он не был монахом в полном смысле этого слова, не принимал сан и не проходил обучение, однако был приверженцем школы дзёдо-синсю, Истинной школы Чистой Земли. Исса очень быстро проникся духом учения Амиды Будды, в частности, его главными направлениями — реинкарнацией, быстротечностью, состраданием и празднованием обыденного. Подобные воззрения оказались близки поэту, чье творчество пронизывают самые разнообразные буддийские мотивы.

Прежде всего можно выделить одну явную особенность стихов Иссы — животные, насекомые, растения играют в них такую же роль, как и сам поэт. Он относится к ним как к равным себе, наглядно воплощая буддийский принцип равенства всего живого.

Исса признает извечное право на жизнь вообще за любым существом, видя частицу Будды даже в тех созданиях, которые вызывают чувство гадливости даже простых людей, не говоря уже о поэтах хайку:

我宿は蠅もとしとる浦辺哉	古犬や蚯蚓の唄にかんじ顔
Вот в доме моем	Старый пес застыл,
И мухи годом старше...	Словно песнь услышал вдруг
Берег залива.	Дождевых червей.
	(пер. А. Карнапольцевой)

Кроме того, в стихах Иссы про животных встречается мысль о том, что одни и те же ценности подходят как для людей, так и для животных. В своих хайку он неоднократно это подчеркивает:

鶯の親子仕へる梅の花
Слива зацвела
Для соловьиной семьи —
Пустьлюбуются!

(пер. А. Карнапольцевой)

Поэт верит, что красота природы едина для всех живых существ, и все могут наслаждаться ею. Ту же мысль поэт высказывает в своих дневниковых записях:

«Все существа едины по своей природе — так учит нас Будда. Стало быть, если это верно, то взаимная любовь между детьми и родителями также едина для людей и животных, и в этом между ними не может быть никаких различий» [2, ч. 13].

Поэтому гуманизм — еще одно отличительное качество его хайку, где животные, особенно маленькие и слабые, описаны с исключительной теплотой и добродушием. Один из излюбленных образов в поэзии Иссы — образ воробья.

雀らもおや子連にて善光寺

К храму Дзэнкодзи

И воробьи привели

Птенчиков своих.

(пер. А. Карнапольцевой)

Воробьи привели своих птенцов вслед за паломниками в Дзэнкодзи — главный буддийский храм школы Чистой Земли провинции Синано, откуда родом сам Исса. Там находится изображение Будды Амиды, которое славится тем, что способно обеспечить тебе перерождение в известной Чистой Земле — подлинном рае Будды. И Исса, увидев птиц, прилетевших в Дзэнкодзи, полагает, что даже воробьи желают своим детям высшего счастья — перерождения там, где любое существо обретет блаженство, потому и привели их в это благодатное место. Приведенное выше хайку иллюстрирует: поэт искренне уверен, что животные тоже способны обрести спасение в том смысле, в каком его понимает буддизм.

Исса считает, что каждое проявление Жизни достойно любви, и эту самую любовь и нежность ко всему живому он щедро выражает в своих стихах. «Не убей живого», — предписывал Будда, и Исса с радостью поддерживает данный принцип. Хотя в целом его вряд ли можно назвать фанатично верующим человеком, поскольку среди хайку Иссы встречаются и такие, где он откровенно подшучивает над монахами или религиозными атрибутами. Юмор, не злободневно-сатирический, а добродушный и ироничный — еще одна особенность поэзии Иссы.

人ならば仏性なるなまこ哉   大仏の鼻で鳴也雀の子

Были бы людьми —

В огромном носу

Точь-в-точь как Будда стали б

Статуи Будды пищат

Эти трепанги!

Птенцы воробья.

(пер. А. Карнапольцевой)

Более того, Исса порой не прочь и откровенно шокировать читателя, привыкшего к классической «поэзии ветра и луны». Он словно подчеркивает, что можно сколько угодно воспевать, без сомнения, прекрасные традиционные, излюбленные виды и картины, но есть обыденные нужды, которые и у бедняков, и у изящных аристократов абсолютно одинаковы.

僧正が野糞遊ばす日傘哉

亭坊が空上戸でも梅の花

В поле епископ

Будь настоятель

Изволит нужду справлять,

Хоть в стельку пьян — держится!

Скрывшись за зонтом.

Бутоны сливы.

(пер. А. Карнапольцевой)

Важное место в поэзии Иссы занимают дети. Отчасти это связано с трагедией, которую пережил сам поэт. Его поздние и горячо любимые дети ушли из жизни очень рано. Стихотворение, приведенное ниже, было написано через два года после смерти первенца Иссы, Сэнтаро, на Новый год. Хайку выступает как своеобразная молитва-пожелание — его жена Кику вновь беременна, и Исса просит у богов двух детей.

神々やことしも拝む子二人

Боги, прошу вас

И в этом году — мне двух

Детей даровать!

(пер. А. Карнапольцевой)

Его молитва была удовлетворена наполовину — родилась девочка, получившая имя Сато. Счастливый отец делает очень трогательные записи в своем дневнике: «Это дитя оберегает сам Будда. В тот вечер, когда принято вспоминать умерших, я зажигаю фонари на семейном алтаре, ударяю в церемониальный колокол, и она тут же приползает откуда-то, складывает свои крохотные, как росточки папоротника, ладошки в молитвенном жесте и произносит свои прошения тоненьким голоском — насколько это очаровательно и похвально! Я же... я уже стар настолько, что седина серебрится в моих волосах, и каждый прожитый год добавляет морщин на мой лоб, но, несмотря на это, стоит мне отойти от алтаря, как тут же падают на землю семена моих будущих мучений. Благодать Будды, о которой молю, неведома мне, и я проживаю день за днем абсолютно бесцельно — поистине стыдно, что мое дитя куда ближе к истине, чем я... Я сверлю ненавидящим взглядом мух, роящихся у моих колен, ругаю последними словами комаров, что тучами кружат возле обеденного стола, и сверх того — я пью вино, которое Будда запрещает употреблять» [2, ч. 12].

Дочь Иссы прожила всего 2,5 года, скончавшись от оспы. На ее смерть Исса пишет:

露の世は得心ながらさりながら
Жизнь — лишь росинка.
Капля росы — вот наш мир,
Истинно так, но...
(пер. А. Карнапольцевой)

Это стихотворение Иссы можно считать иллюстрацией буддийской сутры «Цюю-но ё», сравнивающей человеческую жизнь с росинкой, готовой упасть в любую минуту. Однако Исса, от которого один за другим уходят дорогие люди, явно не может согласиться с буддийским постулатом. «Но...» в конце его знаменитого хайку он говорит о том, поэт не может смириться со смертью своих детей и не находит утешения в этой мысли.

В минуты отчаяния Исса винит себя за те невзгоды, которые ему пришлось пережить и интерпретирует их с точки зрения буддиста: «Согласно учению Будды, для всего, что происходит в мире, существует своя причина. Если это правда, то мои страдания не могут быть незаслуженными, и я должен хорошенько помнить об этом...» [2, ч. 8].

Таким образом, амидаизм, который являлся моральным прибежищем Иссы в личной жизни, обусловил и лучшие черты его поэзии — особый пронзительный гуманизм, любовь и сострадание ко всему живому, добродушный юмор, умение найти красоту в обыденном.

Литература

На английском языке

1. Andreasen Esben *Popular Buddhism in Japan: Shin Buddhist Religion*. — Culture Taylor & Francis, 1998. — P. 199.
2. Haiku of Kobayashi Issa [Электронный ресурс] — URL: <http://haikuguy.com/issa/index.html> (дата обращения: 05.03.15).

На японском языке

3. おらが春 [Электронный ресурс]. — URL: <http://etext.lib.virginia.edu/japanese/issa/KobOrag.html> (дата обращения: 01.03.15).
4. 一茶発句全集 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.janis.or.jp/users/kyodoshi/issaku.htm> (дата обращения: 29.02.15).
5. 一茶の俳句データベース (一茶俳句全集V1.30) [Электронный ресурс]. — URL: http://ohh.sisos.co.jp/cgi-bin/openhh/search.cgi?qid=20140505_114219 (дата обращения: 21.04.15).
6. 一茶のふる里 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kobayashi-issa.jp/> (дата обращения: 01.03.15).

References

1. Andreasen Esben. *Popular Buddhism in Japan*. Shin Buddhist Religion & Culture Taylor & Francis, 1998. 199 p.
2. Haiku of Kobayashi Issa. Available at: <http://haikuguy.com/issa/index.html> (accessed 5 March 2015).
3. おらが春. Available at: <http://etext.lib.virginia.edu/japanese/issa/KobOrag.html> (accessed 1 March 2015). (Japanese).
4. 一茶発句全集. Available at: <http://www.janis.or.jp/users/kyodoshi/issaku.htm> (accessed 29 February 2015). (Japanese).
5. 一茶の俳句データベース (一茶俳句全集V1.30). Available at: http://ohh.sisos.co.jp/cgi-bin/openhh/search.cgi?qid=20140505_114219 (accessed 21 April 2015). (Japanese).
6. 一茶のふる里. Available at: <http://www.kobayashi-issa.jp/> (accessed 1 March 2015). (Japanese).

УДК 811.512.31+811.512.161

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-64-66

Компаративные послелогои в бурятском и турецком языках

© Кулач Эртугрул

доцент кафедры филологии Центральной Азии Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4

E-mail: ert2020@gmail.com

Статья посвящена одному из способов выражения категории компаративности в бурятском и турецком языках, послелогоам, в сравнительном освещении. Несмотря на то, что исследования данной категории предполагают обращение ко всему комплексу языковых средств и функций, используемых для выражения компаративных отношений, в предлагаемой статье рассматривается лишь один способ репрезентации этой категории — послелогои в рассматриваемых языках. Сравнительный характер проведенного анализа позволяет выявить функциональную эквивалентность двух языков на том уровне языка, который берется во внимание, в данном случае относительно послелогов, послеложных конструкций. В статье не рассматриваются конструкции степеней сравнения прилагательных, которые также являются одним из способов выражения категории компаративности, так как послелогои в образовании данных конструкций практически не используются.

Ключевые слова: бурятский язык, турецкий язык, послелогои, служебные слова, монголоведение, тюркология

Comarative Postpositions in Modern Buryat and Turkish Languages

Kulach Ertugrul

A/Professor of Department of Philology Central Asia, Buryat State University

4, Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The article is devoted to postpositions as one of the methods to express a comparativity category in the Buryat and Turkish. Researches on this category have to include the whole complex of language tools and functions that are used to express comparative relations, but in this article only one method of representing this category is studied. Comparative analysis made in the article let us to figure out a functional equality in two languages on that language level which was taken into account, it means postpositions and postposition structure. There is no analysis of the degrees of comparison of adjectives in the article, because actually in these languages postpositions don't participate in such structures.

Keywords: the Buryat language, Turkish, postpositions, function words, Mongolistics, Turkology.

Одним из главных способов познания мира можно назвать сравнение, процесс которого происходит в сознании человека повсеместно. Человек сравнивает предметы, цвета, ощущения и т. п. по сходству и различию и по всевозможным параметрам: внешнему облику, размеру, различным качествам и т. д. Совершенно естественно, что результаты подобных сравнений, сопоставлений находят свое отражение в словах, в речи.

Категория компаративности представляет собой целый комплекс языковых средств со значением сравнения, образующий так называемое функционально-семантическое поле. Понятие функционально-семантическое поле, в свою очередь, связано с представлением об условном пространстве языковых средств и функций, требующем выявления его центральных и периферийных компонентов [3, с. 46]. Несомненно, компаративность в разных языках отражается по-разному, имеет свои особенности грамматических и семантических признаков, в частности в средствах репрезентации данной категории в языке. В статье рассматриваются послелогои в бурятском и турецком языках, используемые для выражения компаративных отношений.

По семантическим признакам послелогои бурятского и турецкого языков можно условно разделить на следующие группы:

- а) послелогои, выражающие сравнение;
- б) послелогои, выражающие сопоставление;
- в) послелогои, выражающие тождество.

Итак, послелогои группы «а» в бурятском и турецком языках выражают значение сравнения предмета или лица с другим предметом или лицом в качественном и количественном отношении. Например, бур. *һомон мэтэ түргэн* «быстрый как пуля», *намда адли үндэр* «высокий как я», тур. *ay*

gibi güzel «прекрасная, словно луна». Данные послелогои употребляются в обоих языках для выражения сравнения как по внешним признакам (форме, размеру, скорости и т. п.), так и ментальным, психологическим характеристикам, например, бур. *шамда адли сухалтай* «такой же, как ты сердитый», тур. *onun babası gibi akıllı* «такой же умный, как и его отец».

В отличие от данной группы послелогов, послелогои группы «б» выражают значение сопоставления двух лиц или предметов, к примеру, бур. *намда ороходоо шуран байнаш* «ты шустрей, по сравнению со мной». В турецком языке значение сопоставления/противопоставления передается посредством послелога *kadar*, например, тур. *benim hayattam sizin kadar tecübem yok* «у меня нет такого опыта в жизни, как у вас» [2, с. 320].

Третья группа послелогов, выражающая тождество между сравниваемыми лицами и/или предметами, в сущности своей не имеет принципиально отличающихся от послелогов предыдущих групп семантических оттенков: бур. *шинии гутал минихитэй адли гоё байна* «твоя обувь такая же красивая, как и моя», тур. *senin çantan benimki gibi kırmızı* «твоя сумка такая же красная, как и моя». Как видно из примеров, коннотация, выражаемая данными послелогоми, состоит в появлении значения «же», «такой(ая) же, как и...».

Несомненно, представленное выше разделение компаративных послелогов в рассматриваемых языках весьма условно. Прежде всего потому, что все компаративные послелогои в данных языках так или иначе выражают значение сравнения, сопоставления и тождества, причем одни и те же послелогои и послеложные слова в падежно-послеложных конструкциях с разными падежными формами имен и субстантивированными частями речи могут выражать и сравнение, и сопоставление, и тождество. Приведем примеры: бур. *эгшэдээ адли* «похож(а) на свою старшую сестру», *эгшэтэй адли* «как сестра» (в значении «одновременно, вместе с сестрой»), *halхи шуурган шэнги* «подобен ветру урагану», *оройдо шэнги* «как на крыше»; тур. *öğretmen gibi* «как преподаватель», *kendi evladı kadar* «как собственного ребенка», *sizin gibi* «как вы». Как видно из примеров, в отличие от падежно-послеложных конструкций с участием компаративных послелогов бурятского языка, где используются именительный падеж с нулевым окончанием, дательный падеж на *-da/-de* и совместный падеж на *-тай/-тэй*, в турецком языке в подобных конструкциях с компаративными послелогоми *gibi* «как» и *kadar* «как, настолько» встречается только именительный (основной) падеж с нулевым окончанием, и только в случае, если речь идет о личных местоимениях, данные местоимения принимают аффиксы родительного падежа на *-in/-nin* и т. д.

Редко компаративные послелогои бурятского и турецкого языков встречаются в причастно-послеложных конструкциях, и в этом случае сравнение и уподобление проводится в отношении действия. Например, бур. *ерэн шэнги байба* «словно, как будто пришел», *дуулахан мэтэ хүржэ бодошобо* «он вскочил, словно услышал»; тур. *bilmemiş gibi* «словно не знал», *donmuş kadar hareketsiz* «неподвижен, словно застыл». В данных примерах причастия представлены в нулевой форме именительного, основного падежей. Интересен факт, что бурятская причастно-падежная конструкция с участием причастия в совместном падеже и компаративного послелога *адли* выражает уже обстоятельственное значение мгновенной последовательности действий: *орохонтойнь адли үйлашаба* «заплакала, как только [он] вошел». В турецком языке компаративные послелогои если и выражают обстоятельственные значения, то это значение обстоятельства образа действия — *İnsanları, kendi cinslerinden biri üzerinde kudret ve salâhiyetlerini denemek kadar tatlı sarhoş eden ne var?* «Что еще, так сладко опьяняет людей, как испытание своей силы и власти одним из себе подобных?» [2].

Бурятские компаративные послелогои могут встречаться сами в падежных формах, например, *адляар* — орудный падеж от *адли*, *шэнгээр* — орудный падеж от *шэнги*, *мэтын* — родительный падеж от *мэтэ*, *зэргын* — родительный падеж от *зэргэ*. Приведем примеры: *Арюнада адляар шангаар дуула!* «Пой, как Арюна громко!», *нохой шэнгээр гангинажал байха* «скулит [все время] как собака», *эдэ мэтын зон энээгүүр ябажал байха* «здесь и будут ходить люди, подобные им», *үхибүүнэй зэргын үндэртэй* «ростом с ребенка». Турецкие компаративные послелогои, в отличие от бурятских, не принимают аффиксы падежей.

Итак, сравнение разных языков позволяет, как отмечает А. В. Широкова, «изучать сходства и различия в выражении одних и тех же содержательных категорий... глубже вскрыть функциональную эквивалентность языков на различных языковых уровнях при сопоставлении как системном, так и функциональном» [5, с. 10]. Рассмотренные в данной статье послелогои бурятского и турецкого языков, представляющие собой группу компаративных послелогов и послеложных слов, в

обоих сравниваемых языках имеют одинаковые семантические характеристики. Однако если в бурятском языке данная группа послелогов включает несколько разных послелогов и послеложных слов (*адли, шэнги, мэтэ, зэргэ, ороходоо*) и их производные от преимущественно орудного падежа (*адляр, шэнгээр, зэргээр*), то в турецком языке в качестве послелогов, выражающих значение сравнения, сопоставления, тождества, употребляется в основном аффикс *gibi*, реже *kadar*. При этом аффикс *gibi* используется для выражения прямого значения сравнения, сопоставления и тождества по качеству, признаку и т. д., тогда как второй послелог употребителен чаще для выражения значения сравнения в количественном, предельном плане. Таким образом, налицо количественное преимущество компаративных послелогов в бурятском языке, что может быть признаком того, что в бурятском языке процесс формирования послелогов происходит несколько интенсивней, нежели в турецком языке.

Литература

1. Болгарова Р. М., Мирзагитов Р. Х. Компаративность в русском и татарском языках: семантико-функциональный аспект // *Филология и культура*. — 2013. — № 1(31). — С. 23–29.
2. Кононов А. Н. *Грамматика современного турецкого литературного языка*. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. — 571 с.
3. Петроченко Л. А., Федеряева Н. О. О способах выражения категории компаративности // *Вестник ТГПУ. Сер.: Гуманитарные науки (Филология)*. — 2006. — Вып. 9(60). — С. 45–51.
4. Санжеев Г. Д. *Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология*. — М., 1962. — 186 с.
5. Широкова А. В. *Сопоставительная типология разноструктурных языков*. — М., 1988. — 196 с.
6. Щека Ю. В. *Практическая грамматика турецкого языка*. — М.: Восток — Запад, 2007.

References

1. Bolgarova R. M., Mirzagitov R. Kh. Komparativnost' v russkom i tatarskom yazykakh: semantiko-funktsional'nyi aspekt [Comparativeness in the Russian and the Tatar languages: semantic-functional aspect]. *Filologiya i kul'tura — Philology and Culture*. 2013. No. 1(31). Pp. 23–29.
2. Kononov A. N. *Grammatika sovremennogo turetskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Turkish literary language]. Moscow–Leningrad: USSR Academy of Sciences publ., 1956. 571 p.
3. Petrochenko L. A., Federyaeva N. O. O sposobakh vyrazheniya kategorii komparativnosti [On the ways of expressing the comparativeness category]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki (Filologiya) — Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. Series: Humanities (Philology)*. 2006. V. 9(60). Pp. 45–51.
4. Sanzheev G. D. *Grammatika buryatskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [The Buryat language Grammar. Phonetics and morphology]. Moscow, 1962. 186 p.
5. Shirokova A. V. *Sopostavitel'naya tipologiya raznostrukturnykh yazykov* [Comparative typology of languages with different structures]. Moscow, 1988. 196 p.
6. Shcheka Yu. V. *Prakticheskaya grammatika turetskogo yazyka* [Practical grammar of the Turkish language]. Moscow: Vostok–Zapad, 2007.

УДК 811.531'36

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-67-72

Грамматические средства выражения видовых значений в современном корейском языке

© Мункуева Надежда Сергеевна

преподаватель кафедры филологии стран Дальнего Востока Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4

E-mail: nadya1052@yandex.ru

В статье автор рассматривает выделенные в трудах российских и корейских ученых семантические особенности аналитических конструкций, имеющих видовое значение длящегося и завершенного видов. Исследования глагольного вида в современном корейском языке начались с середины XX в. и продолжаются до настоящего времени. Дискуссии ведутся как относительно количественного состава аналитических конструкций, так и их семантики, что обусловлено влиянием лексического значения вспомогательных глаголов, входящих в их состав. Кроме того, автор ставит вопрос о правомерности выделения всех глагольных приставок в качестве грамматических средств, выражающих видовое значение. Однако данная проблема требует более детального всестороннего исследования.

Ключевые слова: современный корейский язык, глагольный вид, аспектуальность, длительный вид, завершенный вид, многократный вид, глагольные приставки.

Grammatical Forms Expressing Aspectual Meanings in Modern Korean

Nadezhda S. Munkueva

Lecturer of the department of philology of Far East countries, Buryat State University

4, Ranzhurova Str., Ulan-Ude, 670000, Russia

In this paper, the author researches the semantic features of analytical structures belonging to durative and perfective aspects allocated in the works of Russian and Korean scientists. Research works devoted to verbal aspect in modern Korean language began to appear in the middle of the last century, and continues today. Discussions are underway with respect to the number of analytical constructs and their semantics, which is due to the influence of lexical meaning of auxiliary verbs within them. Furthermore, the author raises the question of the relevance all verbal prefixes as grammatical forms expressing the aspectual meanings. However, this problem requires a more detailed comprehensive study.

Keywords: modern Korean language, aspect, aspectuality, durative, perfective, iterative, verb prefixes.

Исследования, посвященные выявлению и выделению грамматической категории вида (в международной терминологии «аспект») в неславянских языках, начались в первой половине XIX в. Зарубежные лингвисты, уловив понимание вида как характеристики протекания действия, расширили и применили эту идею к остальным языкам. Оказалось, что, с одной стороны, значения протекания и распределения во времени глагольного действия выражаются в любом языке, с другой — в разных языках категория вида различна не только по составу коррелирующих значений, но и по внешним формам их выражения. Были обнаружены и двучленные, и трехчленные грамматические корреляции видовых форм.

Исследования категории вида в современном корейском языке начались во второй половине XX в., однако видовые формы были отмечены в работах Г. Й. Рамстедта, Цой Хён Бэ и рассматривались с формами категории модальности и залога. В корейском языке впервые наличие грамматической категории вида было признано в «Грамматике корейского языка» (1949), в которой было выделено две категории со следующими конструкциями: длительный вид (-고있다; -아/어/여 쌓다; -아/어/여 오다; -아/어/여 가다; -군 하다) и завершенный вид (-아/어/여 버리다; -고 말다; -아/어/여 나다; -아/어/여 내다; -아/어/여 놓다, -아/어/여 두다, -아/어/여 가지다). В российском корееведении Ю. Н. Мазуром в «Кратком очерке грамматики современного корейского языка» (1954) к формам категории длительного вида была добавлена конструкция -는중이다, а также выделен многократный вид с одной конструкцией -군하다.

Таблица 1

Аналитические конструкции длительного вида

Грамматика корейского языка (1949)	Ким Су Гён «Грамматика корейского языка» (1954)	А. А. Холодович «Очерк грамматики корейского языка» (1954)	Ю. Н. Мазур «Краткий очерк грамматики современного корейского языка» (1954)
-고있다	+	+	+
-아/어있다	+	+	+
-아/어쌀다	+	-	-는중이다
-아/어오다	+	+	+
-아/어가다	+	+	+
-군하다	+	-	Выделил как конструкцию многократного вида

Таблица 2

Аналитические конструкции завершённого вида

Грамматика корейского языка	Ким Су Гён	А. А. Холодович	Ю. Н. Мазур
-아/어버리다	+	+	+
-고말다	+	+	+
-아/어/고나다	+	+	-
-아/어놓다	+	+	+
-아/어두다	+	+	+
-아/어가시다	+	+	+

В 1954 г. вышел учебник корейского языка, авторами которого были Ким Бён Ха и Хван Юн Чжуна. Они выделили категорию длительного вида, представленную конструкциями (-고있다; -는중이다; -는길이다). Завершённый вид представлен тремя подвидами: завершённый (-아/어버리다; -아/어먹다; -고말다), постепенно завершающийся (-아/어지다; -아/어나다), абсолютно завершённый (-아/어내다).

Следующей работой, посвященной категории глагольного вида, в российском корееведении стало исследование Е. К. Гусевой, в котором разграничены собственно виды и способы действия. К способам действия она относит лексические разряды глаголов и спрягаемых прилагательных, участвующих в образовании видовых форм. Способы действия включают: 1) эволютивный способ действия, куда включена группа глаголов эволютивного типа, т. е. глаголов, не имеющих временных ограничений и не содержащих указания на достижение определенного результата (읽다, 살다, 하다, 가다); 2) стательный способ действия, включающий три группы глаголов: а) глаголы состояния, обозначающие положение человеческого тела (서다, 눕다, 앉다); б) предикативные прилагательные (잡다, 많다, 기쁘다); в) глаголы, стательного пассива, обозначающие состояние, наступившее в прошлом и воспринимающееся в настоящий момент как признак (쫓기다, 덮이다, 확장되다); 3) инхоативный способ действия, который охватывает глаголы, указывающие на переход от одного состояния в другое, либо становление одного состояния (어두워지다, 약해지다). При этом Е. К. Гусева отмечает, что эти способы действия не являются чем-то неизменным, в определенных условиях они способны выступать в значении другого способа действия. Например, 피고있다 выступает в роли инхоативного способа действия, а 피어있다 — стательного пассива.

Выделяя собственно виды, Е. К. Гусева опирается на работы предыдущих исследователей и выделяет длительный вид с аналитическими конструкциями (-아/어있다, -고있다, -아/어가다, -아/어오다) (выделенные А. А. Холодовичем), к которым относит форму -아/어대다. С опорой на исследование А. А. Холодовича Е. К. Гусева выделяет завершённый и многократный виды в современном корейском языке.

Кроме аналитических форм образования вида, она говорит о выделении ряда приставок, имеющих видовое значение, однако другая сторона корейских исследователей (в частности, Ким Сон Хва. *국어의상연구*, 2003) считает, что это неверно, аргументируя свою точку зрения тем, что эти приставки образуют глаголы, лексически отстоящие от мотивирующего глагола. Некоторые корейские лингвисты считают часть приставок мутационными (изменяющими денотативный смысл глаголов). Е. К. Гусева в статье «Заметки о способах выражения видовых значений в современном корейском языке» пишет о наличии словообразовательных формантов (짓-, 처-, 되-, 뛰-, 등-, 도-, 열-), которые условно она называет префиксами, имеющими видовое значение и привносящими дополнительный оттенок, а также ряд суффиксов-слов или изменяемых суффиксов (치다, 뜨리다, 떠리다, 대다, 거리다, 하다, 이다, 아/어지다), отмечая их непродуктивность.

В русском языке таковыми является ряд бесприставочных глаголов, в морфемной структуре которых есть аффикс или аффиксы, выражающие значение вида. При этом приставки, не изменяющие референтное (денотативное) значение, образуют модифицирующие словообразовательные типы. Приставки, образующие глаголы совершенного вида, объединяются в видовые пары, например, писать и написать. Чаще всего эти пары имеют значение окончания (завершённости) или результата действия. Однако четкие границы между модифицирующими и видовыми приставками установить сложно, поскольку одна и та же приставка может функционировать и как модифицирующая, и как видовая. Однако мы вслед за Ю. С. Масловым под способами действия понимаем общие особенности лексического значения глаголов, характеризующие протекание действия во времени.

Южнокорейские исследователи до 70-х гг. XX в. изучали категорию вида, касаясь в основном семантики и употребления аналитических форм. После 1970-х гг. корейские лингвисты сосредоточились на выделении и анализе видовых значений, имеющихся у деепричастных окончаний. С начала 2000-х гг. и по настоящее время все исследователи признают существование категории вида, споры ведутся относительно количества видов, признания в качестве видовых тех или иных грамматических формантов и терминологии. Связано это в первую очередь с пониманием категории глагольного вида как характеристики, которая указывает на то, «как протекает или как распределяется во времени обозначенное глаголом действие» [5, с. 105]. Однако под данное определение попадают не только собственно видовые значения, но и другие имеющиеся в языке аспектуальные явления языков, для которых не характерно наличие бинарной оппозиции совершенного и несовершенного видов славянских языков. Широкое понимание вида как характера протекания глагольного действия для корейского языка приводит к выявлению и описанию аспектуальных значений, поэтому альтернативу мы вслед за А. В. Бондарко видим в изучении глагольного вида в русле функционально-семантического поля аспектуальности, поскольку, в отличие от категории глагольного вида, категория аспектуальности гораздо шире как в семантико-функциональном, так и содержательном плане. Под аспектуальностью принято понимать совокупность или систему различных (морфологических, словообразовательных, синтаксических, лексических, лексико-грамматических и др.) средств, которые служат для выражения характера протекания и распределения действия во времени.

Категория глагольного вида является ядром функционально-семантического поля аспектуальности в русском языке, основанного на двухкомпонентной корреляции совершенного и несовершенного видов. Если говорить о категории вида как о функционально-семантическом поле, то его ядром в корейском языке, как и в русском, является вид, его оппозиционные категории прогрессива (длительный вид), перфект (завершённый вид) и многократный вид. Как уже было отмечено, во многих языках существует многочисленные оппозиции. Исследователи глагольного вида корейского языка, говоря о грамматических средствах выражения видовых значений в корейском языке, в основном подразумевают аналитический способ образования видовых значений, т. е. аналитические конструкции, состоящие из основного смыслового глагола в форме деепричастия и вспомогательного глагола.

Практически все современные исследования, касающиеся определения и выделения в корейском языке определенной системы форм, говорят о трех видах — длительный, завершённый и многократный. Длительный вид обозначает действие, которое находится в процессе осуществления в конкретный момент времени, а также указывает на длящееся состояние. В корейском языке насчитывают семь аналитических конструкций, относящихся к данному виду, каждая из которых имеет, помимо основного значения длительности, еще и дополнительные оттенки: может обозначать действия, которые протекают в определенный момент времени, находятся в динамичном процессе совершения, характеризующееся поступательностью движения (-고있다, -아/어있다, -아/어오다, -아/어가다, -아/어대다, -는중이다, — 는길이다).

Конструкция -고있다 имеет значение действия, которое началось и длится в момент речи или может охватывать промежуток времени. Конструкция длящегося состояния -아/어있다 обозначает пребывание субъекта в определенном состоянии, употребляется со стательными глаголами и спрягаемыми прилагательными. В семантическом плане обе конструкции объединены значением длительности совершения или пребывания действия (состояния). Однако если первая может обозначать действие или состояние, совершающееся в настоящий момент, а также длящееся действие или состояние, которое уже началось до момента речи, то вторая конструкция имеет только значение пребывания результата совершенного состояния.

1) 가족들이밥을먹고있다. — *Семья ест* (действие, находящееся в процессе совершения).

2) 친구가병원에입원해있어요. — *Друг лежит в больнице* (длдящееся состояние результата совершившегося действия).

Конструкции -는중이다 и -는길이다 обозначают наравне с конструкцией -고있다 значение длящегося действия. -는길이다 выражает действие, совершающееся в процессе движения. В отличие от конструкции -고있다, действие которой можно интерпретировать как действие, находящееся в процессе совершения в момент речи, и как действие, длящееся в определенный промежуток времени, конструкция -는중이다 может обозначать только действие, находящееся в процессе совершения в момент речи.

Конструкции -아/어오다 и -아/어가다 обозначают длящееся действие или состояние, тесно связанное с моментом речи. Первая форма выражает длительность процесса, начавшегося в определенный момент в прошлом и продолжающегося до настоящего момента, т. е. указывает на действие, происходящее по нарастающей. Употребляется с эволютивными глаголами, спрягаемыми прилагательными. Вторая обозначает действие или состояние, начавшееся в какой-то период и направленное в будущее.

Конструкция -아/어대다, кроме значения длящегося действия с оттенком его усиления (учащения), обозначенного Е. К. Гусевой, также имеет оттенок нежелательного повтора протекания действия, если в предложении упоминается результат данного действия, то он всегда является отрицательным. Употребляется с глаголами эволютивного действия.

3) 친구가자꾸거짓말을해대서아무도믿지않게되었다. — *Друг так часто врал, что никто теперь ему не верит* (повторяемость действия).

4) 아이가엄마에게아이스크림을사달라고졸라대요. — *Ребенок клянчит и клянчит у мамы мороженое* (учащательность действия).

Завершённый вид корейского языка включает восемь конструкций и делится на два типа: собственно завершённый и результативно завершённый. Общая семантика завершённого вида связана со значением завершенности процесса совершения действия независимо от времени его осуществления. К завершённому виду, обозначающему абсолютную завершенность, относятся следующие аналитические конструкции: -아/어버리다, -아/어내다, -아/어나다, -고말다.

Каждая форма при общем значении абсолютной завершенности имеет свою отличительную семантику. Конструкция -아/어버리다 обозначает общую исполненность действия или состояния,

имеет оттенок результата действия, которое вызвало сожаление или, наоборот, чувство облегчения. В отличие от первой конструкции, форма **-고말다** обозначает действие абсолютно завершённое в конечный момент своего развития, но при этом имеет оттенок сожаления, неудовлетворенности. Эти формы могут объединяться в одну.

5) **돈을다써버리고말았다.** — *Потратил все деньги* (общая исполненность с оттенком сожаления «не стоило этого делать»).

При этом существование объединенной формы **-아/어버리고말다**, в отличие от формы **-고말아버리다**, фиксируется в языке.

Конструкция **-아/어나다**, как и форма **-아/어버리다**, имеет значение абсолютной исполненности предварительного и заключительного действия, в которой вспомогательный глагол имеет значение «появляться, возникать». Кроме того, глагол **나다** может употребляться и с окончанием **-고**, ограничиваясь только значением предварительного действия. Конструкция **-아/어내다** также имеет значение абсолютно завершённого действия, выступающее как единое целое. Имеет специфичное значение действия, которое осуществляется само по себе, своими силами. Часто используется и в тех случаях, когда говорящий хочет указать на то, что действие выполнялось с трудом.

Вид результативно завершённого действия имеет следующие аналитические конструкции: **-아/어놓다**, **-아/어두다**, **-아/어널다**, **-아/어가지다**.

Конструкция **-아/어놓다** имеет значение результативной исполненности действия с устойчивым результатом. Употребляется с глаголами, спрягаемыми прилагательными и с глаголом-связкой, с которыми подчеркивает длительность состояния.

Конструкция **-아/어두다** обозначает результативную завершённость действия, результат которого предназначен для другого действия. Употребляется с глаголами.

6) **내일경기를위해잘먹고쉬어둬라.** — *Хорошенько поешь и отдыхай для завтрашнего соревнования.*

7) **불을켜두고잠이들었다.** — *Уснул, после того как выключил свет.*

Семантическое различие этих конструкций лежит в значении вспомогательных глаголов. Глагол **두다** акцентирует внимание на поведении самого субъекта (человека), в то время как глагол **놓다** акцентирует внимание на состоянии объекта (предмета).

8) **예매를해뒀습니다.** — *Я выкупил заранее.*

9) **예매를해놨습니다.** — *Я выкупил заранее.*

В примере 8 акцент действия смещен в сторону действий самого субъекта (человека), а в примере 9 подчеркивается состояние объекта (он выкуплен).

Кроме того, в побудительных предложениях выбор вспомогательного глагола зависит от статуса собеседника. Поскольку, как было замечено выше, глагол **두다** акцентирует внимание на самом деятеле, его чаще используют люди старшие по возрасту или по статусу, а глагол **놓다**, акцентируя субъект, в разговоре чаще используется людьми моложе собеседника по возрасту или статусу.

Конструкция **-아/어널다** указывает на завершённое действие, результат которого сохраняется и направлено внутрь. Конструкция **-아/어가지다** обозначает исполненность предварительного действия, выраженного переходными глаголами корейского происхождения. Данная форма указывает на завершение действия основного глагола, за которым следует другое действие, для которого форма становится причиной или источником.

Многократный вид представлен единственной конструкцией **-곤하다**, обозначающей неоднократную повторяемость данного действия.

Таким образом, ядром функционально-семантического поля аспектуальности в корейском языке является категория вида. Особенность грамматического выражения глагольного вида заключается в аналитическом способе образования видовых конструкций. Вспомогательный глагол, находящийся в

составе данных конструкций, привносит дополнительные значения к общему значению длительности или завершенности. Семантика вспомогательных глаголов в корейском языке требует более глубокого изучения.

Литература

1. Бондарко А. В. Инварианты и прототипы в системе функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики: семантическая инвариантность/вариативность. — СПб., 2003. — С. 5–36.
2. Гусева Е. К. Заметки о способах выражения видовых значений в современном корейском языке // Корейский язык. — М., 1961. — С. 79–93.
3. Мазур Ю. Н. Грамматика корейского языка. Морфология. Словообразование. Теоретический курс. — М.: Муравей-Гайд, 2004. — 310 с.
4. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. — Л., 1984. — С. 48–65.
5. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1956. — 434 с.

References

1. Bondarko A. V. Invarianty i prototipy v sisteme funktsional'noi grammatiki [Invariants and prototypes in the system of functional grammar]. *Problemy funktsional'noi grammatiki: Semanticheskaya invariantnost' / variativnost'* — *Problems of functional grammar: Semantic invariance / variability*. St Petersburg, 2003. Pp. 5–36.
2. Guseva E. K. Zametki o sposobakh vyrazheniya vidovykh znachenii v sovremennom koreiskom yazyke [Notes on the methods of specific meanings expression in the modern Korean language]. *Koreiskii yazyk — The Korean language*. Moscow, 1961. Pp. 79–93.
3. Mazur Yu. N. *Grammatika koreiskogo yazyka (Morfologiya. Slovoobrazovanie): Teoreticheskii kurs* [Grammar of the Korean language (Morphology. Word formation): Theoretical course]. Moscow: Muravei, 2004. 310 p.
4. Maslov Yu. S. *Ocherki po aspektologii* [Essays on aspectology]. Leningrad, 1984. Pp. 48–65.
5. Peshkovskii A. M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in a scientific light]. Moscow, 1956. 434 p.

УДК (811.512.36 + 811.531)³36
doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-73-79

Словообразование образных и подражательных слов в корейском и монгольском языках

© Отгонтуул Тогтох

старший преподаватель, кафедры монгольского языка и лингвистики Гуманитарного факультета Института искусств и науки Монгольского государственного университета
Монголия, г. Улан-Батор, 14200
E-mail: totgontuul@yahoo.com

© Ха Ин Хва

преподаватель кафедры азиатских исследований Гуманитарного факультета Института искусств и науки Монгольского государственного университета
Монголия, г. Улан-Батор, 14200
E-mail: inhwa@num.edu.mn

Ранние работы, посвященные сравнительному изучению образных и подражательных слов в корейском и монгольском языках, в основном фокусировались на фонематическом аспекте. Морфемному анализу посвящено лишь небольшое количество исследований. Образные и подражательные слова в монгольском языке на данный момент практически не изучаются. Одной из немногих работ, которые посвящены образным и подражательным словам в современном монгольском языке, является исследование монгольского ученого М. Базаррагчи. Большинство ученых, занимавшихся образными и подражательными словами, рассматривают их с точки зрения места этих слов в системе частей речи, в основном относя к наречиям. Данная работа нацелена на изучение морфемных характеристик образных и подражательных слов в корейском и монгольском языках, а также на анализ их структуры и способов словообразования с точки зрения морфемики.

Ключевые слова: образные слова, подражательные слова, корни, суффиксы, сложные слова, производные слова.

Word Formation of Onomatopoeia and Mimetic Words in Korean and Mongolian

Otgontuul Togtoh

Senior Lecturer, National University of Mongolia
14200, Ulan-Bator, Mongolia,

Ha In Hua

Lecturer, National University of Mongolia
14200, Ulan-Bator, Mongolia,

Previous comparative studies about Korean-Mongolian onomatopoeic and mimetic words have focused on phonemics. There are few on morphemics. Also researches on Mongolian onomatopoeic and mimetic words are not currently active. Dr. M. Bazarragchaa's research is the one which is mainly focused and studied on modern Mongolian onomatopoeic and mimetic words. Many other scholars have studied onomatopoeic words and mimetic, however their studies mostly have dealt with parts of speech, especially adverbs. Therefore this study aims to investigate morphemic distinction of Korean and Mongolian onomatopoeic and mimetic words, to examine structure and formation of Korean-Mongolian onomatopoeic and mimetic words in terms of morphemics.

Keywords: onomatopoeia, mimetic word, root, suffix, compound word, derivative word

한-몽 의성어와 의태어의 단어형성

인간의 언어 중 의성어와 의태어는 언어생활을 더욱 풍부하게 해주며, 단어 하나로 자연을 느끼기도 하고, 모습이나 상태를 연상할 수 있게도 한다. 지금까지 한국어와 몽골어의 의성어와 의태어를 비교 연구한 자료는 음운론에 대한 연구가 많으며, 형태론의 연구는 미미한 편이다. 또한 몽골어의 의성어와 의태어에 대한 연구도 아직 그리 활발하지 못한 편이다. 현대 몽골어에서 의성어와 의태어에 집중하여 연구된 것은 M. Bazarragchaa¹의 연구를 들 수 있으며, 그 밖의 많은 학자들이 의성어와 의태어에 대해 다루고는 있지만 이들의 연구는 대부분 품사, 특히 부사 연구에서 부분적으로 다루어져 오고 있는 것이 현실이다. 따라서 이 연구는 형태론적인 면에서 한국어와 몽골어의 의성어와 의태어의 단어 형성에 대해 살펴보고 양국의 의성어와 의태어의 형태론적 특징을 규명하고자 하는 것을 목표로 한다. 이에 본 연구는 한국어와 몽골어의 의성어와 의태어의 단어 형성이 어떻게 이루어지는지, 특히 복합법과 파생법에 의해 새로운 단어가 형성되는 것과 접사에 대해 다루어 그것들의

공통점과 차이점을 규명하고자 한다. 한국어와 몽골어의 의성어와 의태어의 정의에 대해서는 선행 연구가 많이 되어 있는 관계로 논하지 않기로 한다.ⁱⁱ

2. 한-몽 의성어와 의태어의 단어 형성

2.1 한국어 의성어와 의태어의 단어 형성

한국어의 의성어 의태어는 단일 형태소로 이루어진 단일어 형과 둘 이상의 형태소로 이루어진 합성어 형이 있다. 둘 이상의 형태소로 이루어진 합성어 형 의성어와 의태어는 어근을 반복하여 ‘중얼중얼’, ‘졸졸’ 등과 같이 반복 복합어를 형성한다. 또한 어근의 단독형 또는 반복형에 ‘-하다, -대다, -거리다, -이다’ 같은 접미사를 결합하여 형용사 또는 동사를 파생시키거나 명사 파생 접미사 ‘-이, -기, -리’ 등과 결합하여 파생명사를 만든다.

2.1.1 복합어

채완(2003:47)에서는 의성어 의태어가 어근 상태로 복합어를 형성하면 비통사적 복합어가 되는 점이 주목된다고 하였다. 비통사적 복합어란 자립성 없는 구성 요소로 형성되거나, 구성 요소에 자립성이 있더라도 구를 이루는 통사 규칙으로 설명할 수 없는 복합어를 가리킨다고 하였고ⁱⁱⁱ, 신중진(1999:70)에서는 의성어나 그 구성요소가 관여하는 복합어^{iv}에서 예외 없이 명사 어근의 좌측에 부착되기 때문에 의성어나 그 구성요소가 관여하는 복합어는 항상 복합명사라고 하였다.

그러나 복합어에는 앞의 (2)에서도 나타나듯 복합동사나 복합형용사 복합부사로도 표현이 가능하므로 의성어나 그 구성요소가 복합명사만으로 표현되는 것은 아니다. 예를 들어, 졸졸 흐르다, 영영 울다, 펄쩍 뛰다, 쿡쿡 쑤시다, 짹 갈라지다 등과 같이 ‘졸졸’, ‘영영’, ‘펄쩍’, ‘쿡쿡’, ‘짹’ 등의 의성어나 의태어에 ‘흐르다’, ‘울다’, ‘뛰다’, ‘쑤시다’, ‘갈라지다’의 동사가 결합하여 ‘(의성 또는 의태) 어근 + 동사’의 결합 형태를 보여주는 복합동사를, 후끈후끈하다, 까칠하다, 등과 같이 ‘후끈후끈’, ‘까칠’의 의태어에 ‘하다’ 등의 형용사를 결합하여 ‘(의성 또는 의태) 어근 + 형용사’의 결합 형태를 보여주는 복합형용사를 만들고 있다. 또한, 앞에 언급한 (예2. ㄱ)처럼 ‘(의성 또는 의태) 어근 + 어근’을 결합하여 복합부사를 만들기도 한다.

2.1.2 파생어

파생어의 경우 의성어나 의태어의 어근에 접미사 ‘-거리-, -대-, -하-, -이-’를 결합하여 파생동사나 파생형용사를 만들고, 명사를 결합하여 파생명사를 만든다. 그 예들은 다음과 같다.

(4) 파생동사

- ㄱ. 짤랑거리다, 흔들거리다, 수군거리다, 깔깔거리다, 웅성거리다,
- ㄴ. 짤랑대다, 흔들대다, 수군대다, 깔깔대다, 웅성대다, 휘청대다, 쿵쿵대다,
- ㄷ. 철렁하다, 휘청하다, 우쭐하다, 주춤하다
- ㄹ. 간죽이다, 깜박이다, 출렁이다, 펄럭이다, 훌쩍이다, 끄덕이다

접미사 ‘-거리-, -대-, -하-’는 단독형이나 반복형 모두에 결합되어 동사를 만든다. 그러나 접미사 ‘-이-’는 단독형에만 결합되는 것을 보여준다.

(5) 파생형용사

- ㄱ. 물컹하다, 미끈하다, 매끈하다
- ㄴ. 간지럽다, 부드럽다, 미끄럽다, 시끄럽다, 어지럽다 <채완 (2003:52)

(5ㄱ)은 의태어에 접미사 ‘-하-’가 결합하여 형용사가 된 예들이다. 채완(2003)에서는 파생형용사에 대한 예를 들며 ‘의성어 + -하-’가 형용사가 된 예는 잘 찾아지지 않으며, 의성어에 ‘-하-’가 붙으면 모두 동사가 되는 듯하다고 하였다. (5ㄴ)은 ‘간질-, 부들-, 미끌-, 시끌-, 어질-’ 등 ‘-르’로 끝나는 어근에 형용사화 접미사 ‘-업-’이 붙은 예이다. 이 밖에 파생동사와 마찬가지로 ‘-거리-, -대-’와도 결합할 수 있다.

(6) 파생명사

- ㄱ. 재잘이, 반짝이, 끈끈이, 덜렁이, 훌쩍이, 뚱뚱이, 멍멍이, 야옹이
- ㄴ. 꺾떡쇠, 덜렁쇠, 알랑쇠
- ㄷ. 딸꾹질, 속닥질
- ㄹ. 딸각발이, 배불뚝이, 절뚝발이, 절름발이

(6ㄱ)은 의성어나 의태어에 접미사 ‘-이’가 결합하여 ‘그러한 성질의 사람이나 동물, 사물’을 나타내는 파생명사가 된 경우이며, (6ㄴ)은 접미사 ‘-쇠’를 결합하여 ‘그러한 속성을 지닌 사람’을 가리키는 파생어, (6ㄷ)은 접미사 ‘-질’이 결합하여 ‘되풀이되는 동작이나 행위’를 나타내는 파생명사이다. 그러나 위의 예문에서 보듯이 의성어나 의태어에서 파생된 명사들에서 나타나는 공통점이 있는데 그것은 사람, 사람의 성격이나 의모를 알잡는 뜻이 있다. 이것에 대해서 채완(2003)은 의성어 의태어의 의미에 경멸적 의미가 함축되어 있음을 확인할 수 있다고 했는데, 그것은 의성어와 의태어에 내포된 의미보다는 ‘-쇠’, ‘-질’ 등의 접미사가 가지고 있는 의미와도 전혀 무관하지 않다고 생각된다.

2.2 몽골 의성어와 의태어의 단어 형성

몽골어의 의성어와 의태어가 실질적으로 사용 되는 형태도 한국어와 같이 단일어와 복합어로 나뉘며 단일어는 다시 단독형과 반복형으로, 복합어는 합성어와 파생어로 나누어 볼 수 있다.

M. Haltod (1973) 은 «몽골어의 동사 어근과 어간에 나타나는 의성어 음운» 이라는 논문에서 몽골어 동사 어근과 어간에 나타나는 의성어 음운들은 V, VC, CV, CVC 등과 같이 1음절로 형성 된다 '고 하였고, M. Bazarragchaa (1987:158) 에서는 의성어, 의태어를 'CVC, CVCCV, CVCV, CVCCVC'라고 공식적 측면에서 보고 있다면, 통시적 측면에서는 'CV, V'라는 음절을 가진다고 본다 고 하였으며, 또한 “몽골어의 의성어와 의태어는 음운변동 이외에 어근 반복, 어근 합성의 방법으로 파생된다 고 했다. 또한 “의성어와 의태어는 통시적 측면에서 각각 독립된 어근을 형성한다. 예를 들어, 'davch (중요한, 짝 끼는, 촉박한), tsavch (깜빡이다, 파헤치다), havch (압박하다, 끼다), hovch (힘담하는, 고자질하는), navch (나뭇잎, 넓적하다, 납작하다), guvch (마르다), tovch (단추, 간략한)' 라는 단어를 살펴보면, 'dav duv (놀라 아주 재빨리 움직이다), tsav hiih (쿵 소리가 나다), hav yav hiih (아주 정확하게 하다), hovshih(힘담하는), navtaih (내려다 볼 때 분명치 않게 가려보이다), navchihih (넓적하게 하다), guvchihih (마르다), tovhihih (엮다, 제본하다)'라는 의성어와 의태어에서 파생되었다(1987:140) 고 했다. 또한 의성어를 파생어와 비파생어로 나누었고, 그밖에 'sag sag, yr yr, shuur shuur' 등과 같이 어근의 반복이나 'tab yab, har yar, iin uun' 등과 같이 어근을 결합하여 계속, 다시 반복되는 의미를 표현한다고 했다. 의태어는 사람의 인지 단계와 관련하여 형성되었으며 사물의 외형을 나타내지만, 실제적으로는 사물의 내적 특성을 나타내고 있다'고 하였다 (1987:87).

몽골어의 의성어와 의태어가 단독 사용되거나 반복 사용되는 형태와 그 의미의 변화를 살펴보면,

(7) ᠮ. Ширэн дээр юмс түн хийн унав.

Shiren deer yms tunhiin unav.

책상 위에 무언가 쿵 떨어졌다.

ᠯ. Халга түн таг гээд цохих дуу сонсогдов.

Halga tuntag geed tsohikh duu sonsogdov.

쿵광거리며 문을 두들기는 소리가 들렸다.

ᠮ. Би гайхаж цээж нь түнтаг (*түн таг түн таг) цохив.

Bi gaihaj tseej ni tun tag (*tun tag tun tag) tsohiv.

나는 놀라 가슴이 쿵광(*쿵광쿵광) 뛰었다.

(7ᠮ-ᠮ)은 사물이 떨어지거나 부딪쳤을 때 나는 소리를 나타내는 'түн(쿵)', 'таг(탁, 광)'이 단일어(7ᠮ)와 복합어(7ᠯ)로 사용된 예이다. 그것들을 한국어로 번역하였을 경우 'түн(tun)', 'таг(tag)'이라는 단어는 한국어 번역문에서도 단일어(7ᠮ)와 복합어(7ᠯ)로 사용되었으며 (7ᠮ)의 경우 반복복합어로 나타난다. 그러나 몽골어의 일반 문장에서는 단어의 반복 사용이 많은 편이며 특히 의성어와 의태어의 경우 반복 사용 시 연어나 복합어를 사용하여 1회 반복하는 것이 보편적이고 (7ᠮ*)의 경우처럼 복합어가 다시 반복되지 않는다.

[1] 의성어와 의태어를 이루는 비활동성 어근

현대몽골어에서 단어형성 접미사와 어근 파생 접미사 앞에 오면서 외형적으로 파생어가 아닌 단어 또는 어간에 해당하는 어근을 활동성 어근이라 하며, 단어의 형성이 단어를 만들기 위해 접미사 앞에 오는 경우의 어근을 비활동성 어근이라고 한다. 이러한 어근들은 일반적인 의미를 지니며 어떤 단어 형성 접미사를 취하지 않고서는 명사(체언)나 동사(용언)의 어근이 될 수 없으며, 접속사를 취하거나 반복, 합성되거나(연어로 사용되거나, 관형적으로 사용되거나) 아니면 용언의 앞에 연결됨으로써 분명한 의미를 갖게 되며 언어체계에서의 수행하는 의무를 표현하게 된다. 또한, 그것들은 행동이나 상태를 묘사하는 어근, 사람이나 동물, 사물의 외형을 묘사하는 어근, 사람이나 동물, 사물의 소리를 흉내 내는 어근, 시간과 공간의 의미를 가지는 어근, 지시 의미를 가지는 어근 등으로 특징지어 나눌 수 있다.^{vii}

(8) ᠮ. хагар- (hagar- 깨지다, 갈라지다, 찢어지다),

бяцар- (byatsar- 조각나다, 부서지다)

ᠯ. гэдий- (gedii- 머리를 들고 몸을 뒤로 젓히다),

саргалз- (sartalj- 코를 벌름거리다)

ᠮ. хангина- (hangina- 쟁그랑거리다, 잔소리하다),

палхи- (palhi- 침병거리다, 철렁하다, 놀라다)

ᠮ. наагуур (naaguur 이쪽 편으로, 경솔한),

дээшлэ- (deeshle- 올라가다, 향상되다)

(8ᠮ)은 행동이나 상태를 묘사하는 어근에 '-ra'를 접속하여 상태를 표현하고 있으며, (8ᠯ)은 사람의 외형을 묘사하는 어근에 '-i, -iz'를 접속하여 모습을 표현하고 있다. (8ᠮ)은 사람이나 사물의 소리를 흉내 낸 어근에 '-gina, -hi'를 접속하여 '쟁그랑' 거리는 소리가 잔소리로 이어지고, '침병'거리는 소리가 놀라서 가슴이 철렁하는 의미의 단어로 이어지는 것을 표현해주고 있다. (8ᠮ)은 공간을 의미하는 어간에 '-guur, sh+le'를 접속하여 방향을 나타내고 있으며, 가까이 있는 것은 경솔하다는 의미로, 올라가는 것은 향상되는 것으로 의미가

확장되는 것을 볼 수 있다. 이 예문들의 어근은 모두 비활동성 어근이며 특히 (8ㄴ)은 의태어 표현을 (8ㄷ)은 의성어 표현을 만드는 어근임을 확인할 수 있다. 그러나 의성어와 의태어가 비활동성 어근이지만 비활동성 어근 모두가 의성어와 의태어를 이루는 것은 아님을 위의 예로 알 수 있다.

[2] 비활동성 어근의 단어파생 접미사

몽골어의 어근에서 새로운 단어가 만들어지기 위해서는 단어의 품사를 결정짓는 접미사를 결합하여 새로운 단어를 만든다. 그것은 의성어와 의태어도 예외는 아니다. 의성어와 의태어는 비활동성 어근에 속하며 특정 접미사를 결합해 명사형, 동사형, 형용사형의 형태를 갖는다. 한국어 의성어와 의태어가 ‘-거리-’, ‘-대-’, ‘-하-’, ‘-이-’를 접속시켜 동사나 형용사를 만드는 것과는 다르게 몽골어에는 특정 접미사를 지정하여 각각의 접미사에 의해 품사가 결정지어진다. 비활동성 어근에서 명사, 동사, 형용사를 만드는 접미사는 다음과 같다.

[3] 비활동성 어근에서 명사와 형용사 형성 접미사

⊖ 비활동성 어근에 ‘-n, -na, -nu, -s, -aa, -ee, -oo, -uu’ 접미사를 결합하여 새로운 명사를 만든다.

(9) ㄱ. Овои товои ихтэй зам.

Ovon tovon ihteı zam. (많이 울퉁불퉁한 길)

ㄴ. Урд уулын бэлд хоёр овоо аргал байна.

Urd uulin beld hoıg ovoo argal baina.

(앞 산기슭에 두 무더기의 소똥이 있다.)

⊖ 비활동성 어근에 ‘-gar, -ger, -gor, -gur, -r, -gai, -gii, -goi, n, bar, var, -s’ 접미사를 결합하여 형용사를 만든다.

(10) ㄱ. Бандгар сүүлтэй хонь.

Bandgar sultei honi. (꼬리가 토실토실한 양)

ㄴ. Түүний өрөөсөн нүд нь солир байх.

Tuunii ırıusun nud ni solir baih. (그의 한쪽 눈은 사팔이다.)

ㄷ. Нүүр нь гонзгор хэлбэртэй, нүд нь тас хар.

Nuur ni gonzgor helbertei, nud ni tas har.

(얼굴은 가름하고, 눈은 새까맣다.)

그러나 위의 (9ㄴ)과 (10ㄴ, ㄷ)은 의성어나 의태어를 표현하는 것이 아님을 보여주고 있다.

[4] 비활동성 어근에서 동사 형성 접미사

명사, 형용사의 형성에서와 다르게 동사를 만드는 접미사는 비활동성 어근에서 분명하게 의성어와 의태어를 분류하며 이들이 취하는 접미사를 각각 표시하고 있다.

⊖ 의태 어근에서 동사 형성

먼저 의태 어근과 결합하여 동사를 만드는 접미사에는 ‘-l, -ch, -r, -ai, -ii, -oi, -shii, vhii, -lz, -gana, -gene, -gono, -gunu’ 등이 있다.

(11) -l: хагал (hagal /부수다, 깨다, 베다), дэлбэл (delbel /폭발하게 하다)

-ch: задач (zadach /풀어대다, 열어대다), сугач (sugach /뽑아대다, 자꾸 뽑다)

-r: цөмөр (tsumur /무너져 떨어지다), шазар (shazar /폭 익다, 찰과상을 입다)

-ai: халхай (halhai /앗! 뜨거워), гялай (gyalai /반짝이다, 고마워하다)

-oi: годой (godoi /짧고 가늘다)

-ii: гэдий (gedii /머리를 들고 몸을 뒤로 젖히다)

-shii: гялсхий (gyalshii /빛나다, 쪼르르 지나가다)

-vhii: гялавхий (gyalavhii /희미하게 번쩍이다)

-lz: сарвалз (sarvalz /버둥거리다)

-gana: арвагана (arvagana /어수선하다)

-gene: бүлтгэнэ (bultgene /휘둥그레지다)

-gono: годгоно (godgono /짧고 가는 것이 자꾸 움직이다)

-gunu: дөнгөнө (dungunu /그럭저럭 하다, 간신히 하다)

⊖ 의성 어근에서 동사 형성

의성 어근과 결합하여 동사를 만드는 접미사에는 ‘-hii, -gi, -ge, -g, -gina, -gene, -gino, -hir, -her, -bir, -ger, -jigna, -jigne, -chigna, -chigne, -sh, -l, -r, -tna, -tne, -tno, -tnu’ 등이 있다.

(12) -hii: данхий (danhii /거대해지다, 훌쩍하다), палхий (palhii /침땡거리다)

-gi: дорги (dorgi /흔들리다, 진동하다, 덜컹거리다)

- gi: шууги (shuugi /시끄럽게 하다, 범석을 떨다, 떠들다)
- ge: жиргэ (jirge /지저귀다, 울다)
- gina: цангина (tsangina /텡그렁 소리가 나다, 울려 퍼지다), янгина (yangina 쟁그랑 거리다, 쭈시다),
- gene: дүнгэнэ (dungene /윙윙거리다), гингинэ (gingine /흥얼거리다)
- gino: гонгино (gongino /콧소리를 내다, 잔소리 하다)
- hir: бархир (barhir /소리치다, 외치다)
- her: хүрхэр (hurher /포효하다, 으르렁거리다)
- her: хашгир (hashgir /큰소리로 외치다, 소리치다)
- ger: исгэр (isger /휘파람을 불다)
- chigna(-jigna): тарчигна (tarchigna /덜그럭 소리가 나다)
- chigne(-jigne): түрчигнэ (turchigne /덜컹덜컹 소리가 나다),
ниржигнэ(nirjigne /우르르 울리다, 우레 같은 소리가 나다)
- chigno(-jigno): хоржигно (qorjigno 줄줄 흐르다)
- sh: тогш (togsh /두드러다, 치다), дунш (dunsh /주저하다, 망설이다)
- l: буйл (buil /낙타가) 울다, 길들이다, 부풀다)
- r: хяхар (hyahar /뺨격거리다), мөөр (muur /소가 울다, 음매 하다),
- tna: шухтна (shuhtna /울리다, 시끄러워지다)
- tne: бүвтнэ (buvtne /중얼거리다), гүвтнэ(guvtne /소곤거리다)
- tnu: бөвтнэ (buvtnu /중얼거리다, 들리지 않을 정도로 얘기하다)

의성 어근에서 동사를 만드는 접미사인 ‘-tno’에 대한 예는 찾을 수가 없었다. 또한, 위의 (10, 11)을 비교하여 의성어와 의태어의 어근에서 동사를 만들기 위해서는 ‘-l, -r’을 제외하고는 각기 다른 접미사를 취한다는 것을 알 수 있었다.

4. 의성어와 의태어의 어근 반복

의성어와 의태어의 특징 중 하나는 반복형으로 쓰이는 예가 많다는 것이다. 반복은 반복성, 계속성, 복수성 등을 나타낸다. 의성어와 의태어는 어근 전체가 반복되는 형태와 어근의 일부가 반복되는 형태가 있으며 어근의 일부가 반복되는 경우 자음이나 모음이 반복되거나 음절을 교체하여 반복하는 형태를 갖는다. 박창원(1993)은 한국어의 의성어와 의태어의 반복형태에 대하여 분류의 기준점을 파생접사의 개입 여부와 어근의 종류에 의한 분류 등으로 나눌 수 있다고 하였다.^{viii}

채완(2003)이 제시한 반복의 유형 중 몇 가지를 살펴보면 다음과 같다.

(13) 동음반복형

- ㄱ. 일 음절 반복형 : 감감, 곰곰, 꿀꿀, 달달, 둥둥, 들들, 맴맴, 멍멍
- ㄴ. 이 음절 반복형 : 가물가물, 가뭇가뭇, 개굴개굴, 건동건동, 고래고래
- ㄷ. 삼 음절 반복형 : 간드랑간드랑, 거드럭거드럭, 구시렁구시렁

(14) 유음반복형

- ㄱ. 모음 교체형 : 는실난실, 뒤승대승, 물끄림말끄림, 비들배들, 뺨뿔뺨뿔,
- ㄴ. 자음 교체형 : 아기자기, 아득바득, 알뜰살뜰, 애동대동, 어금버금
- ㄷ. 음절 교체형 : 갈팡질팡, 곤드레만드레, 다짜고짜, 밀치락달치락

(15) 부분반복형

탁다그르르, 데구르르, 두둥실, 드르륵, 따르릉, 바지직, 번지르르, 사르르

현대 몽골어에도 소리를 흉내 내거나 해당 상황을 흉내 낸 단어의 어근을 그대로 반복(repetition)하여 사용하는 예가 빈번하다. 이러한 단어들은 어근을 반복함으로써 그 의미를 뚜렷하게 하는 특징이 있으며, 의성 어근이나 의태 어근을 반복하므로 소리나 행동이 여러 번 계속해서 나타나는 것을 표현한다. 이것은 한국어의 의성어와 의태어가 ‘영영, 줄줄, 쿵쿵’ 등과 같이 반복 사용으로 소리나 모양의 계속 된 상황을 표현하는 것과 같다고 볼 수 있다. 그러나 몽골어의 의성어와 의태어가 한국어의 ‘줄줄줄, 짹짹’처럼 세 번 반복하는 경우는 웃는 소리를 나타내는 의성어 ‘hi hi hi (хи хи хи)’ 외에는 찾을 수 없었고, ‘nams nams (намс намс), mag mag (маг маг)’처럼 같은 단어의 반복이나 ‘tug tag (түг таг), budeg badag (бүдэг бадар)’처럼 반복 시 음운을 교체하는 형태가 주로 사용되고 있다. 특히 동사 형태로 사용될 때는 ‘hiih (хийх)’를 연결하는 경우가 매우 많이 쓰인다. 그것에 대한 예문은 다음과 같다.

(16) 의성어와 의태어의 반복사용 예

- ㄱ. 같은 어근 반복 :

намс намс (nams nams), түг түг (tug tug), маг маг (mag mag)

ㄴ. 모음교체 반복 :

пид пад (pid pad), түн таг (tun tag), дүнгэр дангар (dunger danger)

ㄷ. 자음교체 반복 :

хангар жингэр (hangar jinger), ян хан (yan han), тар няр (tar nyar)

(17) 의성어와 의태어에 ‘hiih (хийх)’ 동사 결합의 예

ㄱ. гялс (gyals 반짝) + хийх (hiih /하다) = 빨리하다

ㄴ. пад (pad 털썩, 철썩) + хийх (hiih /하다) = 털썩(철썩) 소리가 나다

ㄷ. пул (pul 풍덩) + хийх (hiih /하다) = 풍덩 소리가 나다

(17ㄱ)은 ‘반짝’하는 것 같이 짧은 시간에 무언가를 ‘하다’라는 의미로 ‘빨리하다’ 또는 ‘서두르다’라는 뜻으로도 사용된다. (17ㄴ)과 (17ㄷ)은 의성어에 ‘하다’의 의미를 가진 단어를 결합하여 ‘그러한 소리가 나다’라는 뜻으로 사용되었다. 이렇게 몽골어의 동사 ‘хийх (hiih)’를 의성어나 의태어의 어근과 같이 사용하여 다양한 의미를 표현한다. 이러한 사용의 예는 어근이 단독으로 사용될 때 뿐 아니라 음운교체 형식의 복합어로 사용될 때에도 연결하여 관형 표현을 하기도 한다. 이것은 몽골어의 의성어와 의태어가 가진 특징이라 할 수 있다. 그러나 (17)의 단어들을 한국어로 번역할 때 위에서 제시한 ‘하다’나 ‘소리가 나다’가 아닌 ‘거리다’로 표현하는 것이 한국어 표현에 맞다. 그렇다면 (17ㄴ)과 (17ㄷ)의 의성 표현은 의태 표현이 된다.

5. 결론

의성어와 의태어는 그 나라의 언어적 특성을 가장 잘 나타내는 언어라 할 수 있다. 이는 의성어와 의태어가 대부분 고유어로 이루어져 있기 때문이다. 위에서 살펴본 한국어와 몽골어의 의성어와 의태어에서도 이러한 특징이 잘 나타나고 있으며, 그것이 양국 언어를 더욱 풍부하게 만들어 주고 있다. 이러한 특징을 바탕으로 한국어와 몽골어의 의성어와 의태어에 대해 다음과 같은 공통점을 찾을 수 있었다.

첫째, 한국어와 몽골어의 의성어와 의태어는 단일어와 합성어로 나눌 수 있으며, 합성어는 다시 복합어와 파생어로 나눌 수 있다는 점이 같다.

둘째, 의성어와 의태어의 어근에 접미사를 결합하여 단어를 파생하는 점이 같다.

셋째, 의성어와 의태어의 품사를 한정할 수 없으나 대부분 부사어에서 다루어지고 있다는 점이 같다. 일반적으로 상징부사로 다루고 있는 한국어의 의성어와 의태어를 특정 품사로 한정할 수 없다는 채완(2003)의 논의처럼 몽골에서도 부사, 수식어, 호명첨사, 첨사, 불변화사 등 다양하게 다루고 있었다.

넷째, 단어의 유형에서도 어근의 반복, 모음교체 반복, 자음교체 반복 등의 형태가 같았다.

위와 같이 한국어와 몽골어의 의성어와 의태어는 형태적으로 유사한 점이 많으나 세부적인 면을 살펴보면 차이점도 많이 나타난다.

첫째, 단어의 분류법에서 차이가 나타난다. 한국어의 경우 어근끼리 결합하여 새 단어를 만드는 복합법에 의한 복합어와 어근에 접사를 결합하여 만드는 파생법에 의한 파생어로 분류한다. 그러나 몽골어는 일반적 방법과 보조적 방법으로 나뉘고, 일반적 방법에는 접미사에 의한 파생어 형성법과 단어의 결합에 의한 복합어 형성법으로 나눌 수 있으며, 파생어 형성법에는 활성동 어근과 비활동성 어근으로 나누어 파생된다고 보고 의성어와 의태어는 비활동성 어근에 접미사를 붙여 형성된다.

둘째, 어근에 결합하는 접미사의 경우 한국어는 의성어와 의태어에 공통으로 ‘-거리-, -대-, -하-, -이’ 등을 붙여 단어를 형성하였으면, 몽골어에서는 의성어와 의태어에 붙이는 접미사가 정해져 있는 것이 특징이었고, 특히 동사형성의 경우 접미사 ‘-л, -р’를 제외하고는 각기 다른 접미사를 취하는 것이 한국어와 다른 점이었다.

셋째, 몽골어의 의성어와 의태어는 어근에 동사 ‘хийх (hiih)’를 결합하여 사용하는 예가 많았으며, 한국어의 ‘졸졸졸, 짹짹’ 등과 같이 세 번 반복하는 경우는 없었다.

이상과 같이 한국어와 몽골어의 의성어와 의태어를 형태적인 면에서 그 구조와 단어 형성에 관하여 살펴보았다. 그러나 몽골어의 구조 전체를 다루기에는 미력하여 의성어와 의태어에 한정하였다. 이 작은 연구를 바탕으로 몽골어의 형태 연구와 더 나아가 통사 연구가 깊이 이루어지기를 바라는 바이다.

참고문헌

1. 박창원. 현대 국어 의성 의태어의 형태와 음운 // 새국어 생활. — 1993. — 제 3권, 제 2호. — 16-53쪽.
2. 신중진. 의성어의 조어원리와 단어형성 참여 양상 // 형태론. — 1999. — 1권, 1호. — 61-73쪽.
3. 이익섭, 채완. 국어 문법론 강의. 학연사, 1997.
4. 이익섭. 한국어 문법. — 서울대학교 출판부, 2005.
5. 채완. 한국어의 의성어와 의태어, 서울대학교 출판부, 2003.
6. Basaггагчаа М. Монгол хэлний дүрс дуурайх үг. — Улаанбаатар, 2011.
7. Luvsanvandan Sh. Монгол хэлний зүй-Авиа ба үгийн зүй // Ш.Лувсанванданы мэндэлсний 100 жилийн ойд зориулан гарсан бүтээлийн чуулган(2010)-аас. — Улаанбаатар, 1951.
8. Unurbayan Ts. Орчин цагийн монгол хэлний үгзүй. — Улаанбаатар, 2004.
9. Serjee J. Орчин цагийн монгол хэлний үгзүйн байгуулал // ШУАХЗХ. — Улаанбаатар, 1987. — 96-108.

10. Haltod M. Монгол хэлний үйл үгийн язгуур үндэс дэх авиа дуурайх авиа // *Олон улсын монголч эрдэмтний II их хурал*. — 1973. — 2 боть. — 196 тал.
11. Шагдаров Л. Ш. Изобразительные слова в современном бурятском языке. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962.
12. Ha In-Hwa. Солонгос-Монгол хэлний авиа дуурайх үгийн харьцуулсан судалгаа: *몽골국립대학교 석사학위 논문*.
13. Орчин цагийн монгол хэл // ШУАХЗХ. — Улаанбаатар, 1997.

Примечания

- ¹ M. Bazarragchaa (1987)는 그의 저서 『음운교체법』에서 모음조화에 대해 논하면서 의성어와 의태어를 다루었으며, 『몽골 의태어』(2011)에서는 몽골어 의태어의 형태와 변화, 의태어근에서 파생된 단어들의 설명, 의성어와 의태어에 연결되는 접사 등에 대해 다루었다.
- ² 한국어의 의성어와 의태어에 대한 정의는 채완 (2003) 『한국어의 의성어와 의태어』, 서울:서울 대학교 출판부 17-22쪽, 몽골어의 의성어와 의태어에 대한 정의는 Ha In-hwa (2010). 「한-몽 의성어 비교 연구」, 울란바타르:몽골 국립대학교 석사학위논문 10-11쪽 참조할 것.
- ³ 비통사적 복합어란 예를 들어 ‘몽계구름’은 ‘몽계몽계 피어오르는 구름’이고, ‘덜컹수’는 ‘덜컹 잘못 놓은 수’이다. ‘몽계구름’은 한 쪽이 어근이라서 구성 요소로 다시 분석하여 띄어 쓸 수 없으며 ‘덜컹수’는 ‘덜컹’이 자립성이 있어서 띄어 쓸 수 있지만 ‘덜컹’이라는 부사가 명사를 수식할 수 없으므로 통사 구조로 환원할 수 없는 비통사적 복합어인 것이다. 그에 비해 통사적 복합어란 구와 같은 방식으로 구성된 복합어를 가리킨다고 하였으며, 그 예로 ‘꿀꿀이죽’(꿀꿀이의 죽: ‘여러 가지 먹다 남은 음식을 섞어 끓인 죽’으로서, 은유적 의미로 꿀꿀이나 먹을 정도로 형편없는 음식을 가리킨다)을 들었다. (채완, 2003:47)
- ⁴ 원문에서는 합성어로 되어 있으나 문맥을 위해 복합어로 바꾸어 썼다. (각주3 참조할 것)
- ⁵ M. Haltod (1973) 「몽골어 동사어근에 나타나는 의성 음운」, 『국제 몽골학자 2차 학술회의』 vol. 2, 울란바타르, 196 쪽 (재인용)
- ⁶ L. Sh. Shagdarov은 이것을 “гунхайх (gunhaih: 우아하다)” 라는 최초 의미로는 외형을 가르키지만 실제 의미로는 “гуних (gunih: 절망하다)” 라는 뜻을 가르킨다고 했다.(『Изобразительные слова в современном бурятском языке』 Бурятское книжное издательство, Улан-Удэ, 1962 : M. Bazarragchaa 1987:87에서 재인용)
- ⁷ 몽골국립교대 몽골학과 교수진. 『현대몽골어』, 울란바타르: 몽골국립교대 2004: 107-108 쪽 참조
- ⁸ 박창원(1993:18)에서 이들의 형태론적인 구성은 분류의 기준점을 무엇으로 설정하느냐에 따라 여러 가지로 나누어 볼 수 있겠다. 즉 파생 접사의 개입 여부에 의해 파생 접사가 결합한 것과 그렇지 아니한 것으로 분류할 수 있다. 반복의 유형에 의해 반복이 되지 아니한 것, 부분 반복에 의해 형성된 것, 완전 반복에 의해 형성된 것, 그리고 부분 반복 후에 다시 완전 반복되어 형성된 것 등으로 나누어 볼 수 있다. 또한, 어근의 종류에 의해 분류해 볼 수도 있는데 이 경우 어근이 하나인 것과 유사한 어근이 반복되는 것, 그리고 상이한 어근이 결합한 것 등으로 나누어 볼 수 있다. 고 하였다.

References

1. 박창원 “현대 국어 의성 의태어의 형태와 음운”, 『새국어 생활』 1993. 제 3권 제 2호, 16-53쪽 (Korean)
2. 신중진 “의성어의 조어원리와 단어형성 참여 양상”, 『형태론』 1999. 1권1호, 61-73쪽 (Korean)
3. 이익섭, 채완. 『국어 문법론 강의』, 학연사. 1997. (Korean)
4. 이익섭. 『한국어 문법』, 서울대학교 출판부. 2005. (Korean)
5. 채완. 『한국어의 의성어와 의태어』, 서울대학교 출판부. 2003. (Korean)
6. Basarragchaa M. *Mongol khelnii dyrs duuraikh yg*. Ulaanbaatar, 2011. (Mong.)
7. Luvsanvandan Sh. *Mongol khelnii zyi - Avia ba ygiin zyi*. Ulaanbaatar, 1951. (Mong.)
8. Unurbayan Ts. *Orchin tsagiin mongol khelnii ygzyi*. Ulaanbaatar, 2004. (Mong.)
9. Serjee J. *Orchin tsagiin mongol khelnii ygzyin baiguulal*. *ShUAKhZKh*. 1987. 96-108. (Mong.)
10. Haltod M. *Mongol khelnii yil ygiin yazguur yndes dekh avia duuraikh avia*. *Olon ulsyn mongolch erdemtnii II ikh khural*. 1973. V. 2. 196 p. (Mong.)
11. Shagdarov L. Sh. *Izobrazitel'nye slova v sovremennom buryatskom yazyke* [Figurative words in the modern Buryat language]. Ulan-Ude: Buryat book publ., 1962.
12. In-Hwa Ha. *Solongos-Mongol khelnii avia duuraikh ygiin khartsuulsan sudalgaa*. *몽골국립대학교 석사학위 논문*. 2010. (Mong.)
13. Orchin tsagiin mongol khel. *ShUAKhZKh*. 1997. (Mong.)

УДК 82-343, 82-344, 294.3, 398.44
doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-80-84

Драконья дева в китайских верованиях и литературных описаниях

© **Сторожук Александр Георгиевич**

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии Санкт-Петербургского государственного университета
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
E-mail: alexandre.storozhuk@gmail.com

В статье рассматривается развитие представлений о Драконьей деве, дочери Царя Драконов (Лун-вана), в ортодоксальных и протонародных религиозных системах Китая. Проследить этот генезис возможно путем анализа текстов классических сутр (например, «Алмазной сутры»), а также светских литературных произведений Танского времени и позже. Драконья дева, или Дочь Дракона, восходящая к ортодоксальным махаянским концептам буддизма, со временем трансформировалась в самостоятельный и весьма специфический объект поклонения, соединяющий в себе разнообразные черты буддийских, даосских и протонародных верований. Главным сюжетом светских литературных произведений о ней является рассказ о браке с простым смертным. Традиция подобных произведений восходит к эпохе Тан, но вариации того же сюжета встречаются и позже, вплоть до цинской литературы.

Драконья дева имеет четкую иконографическую традицию, связанную с культом Бодхисаттвы Авалокитешвары (Гуань-инь), при этом специфическая даосская или протонародная иконография отсутствует. Это может быть вызвано общей чертой данного образа, прослеживающейся во всех возможных воплощениях и позволяющей обращаться к ней с молениями в ортодоксальной буддийской ипостаси: Лун-ной представляет собой воплощение веры в благое преобразование и в негаданную удачу.

Ключевые слова: дракон, буддизм, даосизм, верования, литература, история, религия, Драконья дева, Дочь Дракона.

Dragon Lady in Chinese Beliefs and Literary Descriptions

Alexander G. Storozhuk

DSc, Professor, head of the Chinese Philology department of the St. Petersburg State University
7-9, Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg 199034, Russia

The paper covers the genesis of beliefs in “Dragon Lady” — the daughter of the Dragon King (Long Wang) in Chinese orthodox and folksy religions. This genesis can be traced by the analysis of classical sutras (such as “The Lotus Sutra”) as well as secular writings starting from Tang period. “Dragon Lady” or “Dragon’s Daughter”, emerging from the mainstream Buddhist Mahayana concepts in time has transformed into an independent and very special object of ritual, comprising Buddhist, Taoist and folksy features in a great variety of forms. The main plots of secular writings about “Dragon Lady” are stories of her marriage with a human and unparalleled luck it brings to the chosen one. The tradition of these stories date back to Tang period, but their variations can be found in later writings up to Qing literary heritage. “Dragon Lady” has a very strict iconographic tradition associated with worship of Bodhisattva Avalokiteshvara (Guan-yin) but lacks a special Taoist or Folksy iconography. This may be caused by the common principle in all religious forms of “Dragon Lady”, giving a way of worshiping all embodiments of the deity in its orthodox Buddhist presentation: this character personifies the faith in a beneficial transformation and in an unexpected happiness.

Keywords: Dragon, Buddhism, Taoism, beliefs, literature, history, religion

Дракон и разнообразнейшие его родственники, принадлежащие к единому чрезвычайно многочисленному семейству, не только стали своеобразной «визитной карточкой» традиционной китайской культуры, но и входят в пантеон всех ортодоксальных философско-религиозных систем Китая, равно как и протонародных верований. Лун-ной (龍女) — Дочь Дракона, Драконья дева — играет здесь отнюдь не последнюю роль. В сущности, тут следует говорить не об отдельном божестве или мифическом персонаже, а о целом ряде божеств протонародной религии Китая, непосредственно связанных с культом Дракона (или Царя Драконов), а также с собственно буддийским и протонародным культурами Бодхисаттвы Авалокитешвары (кит. Гуань-ши-инь, 觀世音).

Возникновение буддийских представлений о Лун-ной связано с распространением в Китае «Саддхармапундарика-сутры» (кит. «Мяофа лянхуа цзин», 妙法蓮花經), в которой, в частности, рассказывается об обретении Просветления Дочерью Царя Драконов Сагара-Нагараджи (娑竭羅龍王), однажды услышавшей проповедь Бодхисаттвы Манджушри (кит. Вэньшу-пуса, 文書菩薩). Несмотря на юный возраст (дочери дракона было на тот момент 8 лет), она сразу познала

суть Учения и отправилась на гору Гридхракута (кит. Лунцзюшань, 靈鷲山) молить Будду, чтобы он разрешил ей следовать пути спасения. В это время как раз разыгрался спор между Бодхисаттвами Манчжушри и Праджнякутой (кит. Чжицзи-пуса, 智積菩薩) насчет того, может ли женщина стать Буддой. Манчжушри утверждал, что Дочь Царя Драконов в мгновение достигла Просветления, и поэтому может стать Буддой, а Праджнякута не верил, поскольку Шакьямуни пришлось в течение многих калп жить в страдании, чтобы достигнуть состояния Будды. Тут перед ними предстала Дочь Царя Драконов, и архат Шарипутра (кит. Шэлифу, 舍利弗) заявил о своих сомнениях в том, что она смогла достичь Просветления, а также добавил, что женское воплощение вообще не годится для обретения состояния Будды. Тогда Лун-ной вынула из-за пазухи драгоценную жемчужину стоимостью в 3-тысячный мир и протянула Будде, который тут же жемчужину принял, после чего объяснила, что так же быстро, как Будда взял жемчужину, можно обрести и Просветление. Затем Дочь Дракона преобразилась в юношу и отправилась в южный «мир без замутнений» (кит. Акалмасалока, 無垢世界) [«Саддхармапундарика-сутра» («Мяофа лянхуа цзин», 妙法蓮花經), цзюань 5, глава 12 «Девадатта» (提婆達多品), — 19, Т. 9, N 0262. С. 35b—35c].

В храмах изображение Дочери Царя Драконов весьма многочисленны; это божество входит в окружение Бодхисаттвы Милосердия — Авалокитешвары (в том случае, когда Авалокитешвара — китайская Гуань-инь — изображается в женской ипостаси). Дочь Царя Драконов и юноша Судхана (кит. Пуцай-тунцзы, 善財童子), прошедший ученичество у множества наставников и, наконец, обретший подлинное понимание взаимопроникновения вещей, — это два ближайших помощника Гуань-инь, стоящие по ее бокам. Лун-ной всегда стоит по правую руку от Гуань-инь; она изображается в виде девочки-подростка или прекрасной девушки, драконье происхождение в облике божества никак не отражено.

Несмотря на преобразования, описанные в сутре, не только в храмовой практике, но и в последующих легендах Дочь Царя Драконов предстает не в мужской, а в своей изначальной женской ипостаси, что говорит о синтезе представлений о дочери Сагары-Нагараджи и многочисленных преданий о женских водных божествах, также родственных местным покровителям воды Лун-ванам (龍王). Образ Лун-вана как покровителя водной стихии восходит к легендам о Царях Нагов, но претерпевает трансформацию в даосских культах [9, с. 494—501] и прочно утверждается в простонародных верованиях. К танскому времени описания Лун-вана в светской литературе очень многочисленны и затрагивают не только его самого, но и членов его семьи, в первую очередь Лун-ной. Среди них на первое место выходят сюжеты, повествующие о браке Дочери Лун-вана с простым смертным. Обычно в подобных историях не содержится специальной мотивации такого исхода; иногда это воздаяние за незначительную услугу, как, например, в новелле Ли Чао-вэя (李朝威, VIII–IX вв.) под названием «Лю И» (柳毅)¹, где главный герой передает письмо от дочери Царю Драконов озера Дунтинху, за что получает ее в жены; вскоре Дочь Дракона забирает супруга в страну бессмертных, а его двоюродному брату Сюэ Гу (薛嘏) дарят пилюли долголетия [новелла входила в несохранившийся сборник Чэнь Ханя (陳翰, IX–X вв.) «И вэнь цзи» (異聞集, «Собрание удивительных рассказов»); «Тайпин гуан цзи» (太平廣記, «Обширные записи годов Тайпин»), — 14, цзюань 419, Т. 5. С. 3410–3417]. Иногда же и столь незамысловатое обоснование отсутствует: к Лю Цзы-хуа (柳子華), герою одноименного произведения из сборника Кан Пяня (康駢, IX в.) «Цзюй тань лу» (劇談錄, «Записи оживленных бесед»), вдруг является прекрасная дева в роскошных одеяниях и сообщает, что она — Дочь Царя Драконов и судьбой им предначертано стать мужем и женой. После свадьбы супруга часто уезжает, затем возвращается, а когда Лю Цзы-хуа уходит в отставку, забирает мужа в Драконий дворец, где он становится Водным Бессмертным [«Тайпин гуан цзи» (太平廣記, «Обширные записи годов Тайпин»), — 14, цзюань 424, Т. 5. С. 3450–3451].

Дочь Царя Драконов может являться в мир людей не только в облики прекрасной девушки, но и как небывалого вида и качеств змея, цветная и пестрая, способная самопроизвольно вырастать до колоссальных размеров. Причинить вред подобной змее — непростительная провинность, за которую Небо неминуемо карает смертью: убившие такую змею монахи из новеллы «Наставник Фэй Цзи»

¹ В русском переводе новелла известна под названием «Дочь дракона» [перевод И. Соколовой, 5, с. 52–72].

(費雞師) на следующий день увидели чудесное знамение — раду, низошедшую в полдень прямо во двор монастыря. Мудрый толкователь предрекает, что этот знак сулит гибель всем, кто участвовал в убийстве, и вскоре слова его в точности сбываются [новелла входила в сборник «Жунму сянтань» (戎幕閒談, «Праздные беседы из ставки командующего») танского литератора Вэй Сюаня (韋絢, IX в.); «Тайпин гуан цзи» (太平廣記, «Обширные записи годов Тайпин»), — 14, цзюань 424, Т. 5. С. 3452–3453].

В ряде произведений Дочь Царя Драконов описывается и во вполне ожидаемом контексте буддийского подвижничества: она отказывается от собственных чудесных возможностей, изнуряет себя постом, не причиняет вред напавшему на нее охотнику и мечтает переродиться в человеческой ипостаси, чтобы как Шакьямуни уйти от мира и постигать Истинный путь [новелла «Цзюйминго» (俱名國) из собрания «Фаюнь чжулинь» (法苑珠林, «Жемчужный лес Дхармы») VII в.; «Тайпин гуан цзи» (太平廣記, «Обширные записи годов Тайпин»), — 14, цзюань 420, Т. 5. С. 3418–3419].

С другой стороны, как и свойственно божеству из иерархической системы Небесных Департаментов, Дочь Дракона чтит ритуал — и государственный, и космический. Явившись во сне танскому императору Сюань-цзуну (玄宗)¹, она совершает предписанные церемонии и просит у государя, чтобы он осчастливил ее и ее народ божественной музыкой, в которой Сын Неба столь искусен. Сюань-цзун придумывает для нее новую мелодию — «Песнь Линбо» (凌波曲) в честь пруда Линбо, на берегу которого располагается дворец, и в водах которого проживает Дочь Дракона. Пробудившись ото сна, император всеми силами пробует восстановить приснившуюся музыку и, наконец, воспроизводит ее в точности. Во время торжественного исполнения этой пьесы на берегу пруда Линбо Дочь Дракона является императору и свитским, на сей раз въяве, и в честь этого события воздвигается храм [новелла «Линбо нью» (凌波女, «Девушка [из пруда] Линбо») из сборника Лу Чжао (盧肇, 818[?]- [?]) «И ши» (逸史, «История отшельников»); «Тайпин гуан цзи» (太平廣記, «Обширные записи годов Тайпин»), — 14, цзюань 420, Т. 5. С. 3421].

Дочь Дракона не только прекрасна внешне, но и хозяйственна, а также способна оказать грозный отпор любому внешнему посягательству; неслучайно именно седьмая дочь Лун-вана Восточного моря ведает всеми неисчислимыми сокровищами, собранными во дворце [новелла «Чжэньцзэ дун» (震澤洞, «Пещера [на озере] Тайху») из сборника Чжан Юэ (張說, 667—730) «Лян сы гун цзи» (梁四公記), «Записи о четырех Лянских мужах»; «Тайпин гуан цзи» (太平廣記, «Обширные записи годов Тайпин»), — 14, цзюань 418, Т. 5. С. 3404—3406].

Ведают сокровищами и другие дочери Дракона, однако не всегда эта задача оказывается им полностью под силу; так, за любой ходящей в мире драгоценностью (например, чудесной жемчужиной) приглядывают как минимум две Лун-нью, и если жемчужиной завладел некто, замышляющий причинить ей вред, Дракон может послать щедрые дары, чтобы выкупить ее и помочь тем самым своим дочерям [новелла «Бао чжу» (寶珠, «Драгоценная жемчужина») из сборника Дай Фу (戴孚, VIII в.) «Гуан и цзи» (廣異記, «Обширные записи об удивительном»); «Тайпин гуан цзи» (太平廣記, «Обширные записи годов Тайпин»), — 14, цзюань 402, Т. 5. С. 3238].

Следует заметить, что в литературе могут встречаться и отдельные произведения, в которых предпринимается попытка развенчать мифы о драконах и их дочерях; так, в новелле «Сяо Куан» (蕭曠) из сборника «Чуань ци» (傳奇, «Рассказы о необычайном») Пэй Сина (裴鉶, IX в.) дочь Лун-вана реки Ло опровергает все представления о драконах, узаконенные как в танской литературе, так и в более ранних источниках [«Тайпин гуан цзи» (太平廣記, «Обширные записи годов Тайпин»), — 14, цзюань 311, Т. 4. С. 2459—2461], но подобные примеры неизменно оставались лишь личностной позицией писателя, едва ли имеющей влияние на верования в дракона и на многочисленные отражения этих верований в литературе.

Важнейшим же сюжетом, связанным с Лун-нью, неизменно является рассказ о женитьбе на ней простого смертного, восходящий к уже упоминавшейся новелле Ли Чао-вэя (李朝威, VIII–IX вв.) под

¹ Сюань-цзун (685–762) — седьмой император династии Тан. Годы правления 712–756.

названием «Лю И» (柳毅)). Таковы и танская «Лин-ин чжуань» (靈應傳, «Предание о чудесно сбывшемся»), приписываемой литератору VIII в. Юй Ти (于逖) [текст новеллы «Тайпин гуан цзи» (太平廣記, «Обширные записи годов Тайпин»), — 14, цзюань 492, Т. 5. С. 4037—4044], и произведения различных жанров XIII—XV вв. Новелла Ли Чао-вэя упоминается и в цинской прозе, в частности в рассказах Пу Сун-лина (蒲松齡, 1640–1715), например, в «Чжи чэн» (織成, «Тканый шелк») [«Ляо-чжай чжи и» (聊齋誌異, «Странные истории из кабинета неудачника»), цзюань 11—15, Т. 2, 1180—1184]. Также этот сюжет служит основой для парафраза — брак с Дочерью Царя Драконов и пожалованных ею драгоценных дарах описывается в новелле «Еча хайши» (羅刹海市, «Морской рынок демонов») [«Ляо-чжай чжи и» (聊齋誌異, «Странные истории из кабинета неудачника»), цзюань 4—15, Т. 1, с. 337—346].

Несмотря на то, что в простонародных представлениях Лун-ной неразрывно связана с Царем Драконов одного из морей, или Лун-ваном данной местности, в святилищах эти божества не составляют пару и не помещаются рядом. Также при огромной популярности буддийских изображений Лун-ной даосские статуи Дочери Дракона (кроме входящих в окружение Гуань-инь, представленных и в даосских молельнях) невозможно найти не только в многопрофильных храмовых комплексах, но и в специальных кумирнях, посвященных Лун-вану.

Очевидно, во-первых, наличие в храмах статуй Лун-ной позволяет совершать ей моления, подразумеваемая под имеющимся воплощением любую ипостась — буддийскую, даосскую или простонародную. Во-вторых, несмотря на непохожесть сюжетов о Дочери Дракона в буддийской и простонародной традициях, эти различия представляются мнимыми. Как в буддийской, так и в других религиозных системах, Лун-ной представляет собой воплощение веры в благое преобразование, в нежданную удачу, готовую посетить любого адепта, поэтому и культовая, и светская популярность Дочери Дракона не ослабевает.

Литература

На русском языке

1. Алимов И. А. Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая. — СПб., 2008.
2. Баранов И. Г. Верования и обычаи китайцев. — М., 1999.
3. Вэнь Цзянь. Даосские кумиры: История и современность // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: материалы междунар. конф. — Благовещенск, 2001. — Вып. 2. — С. 287—289.
4. Гроот Я. Я. М., де. Демонология древнего Китая: пер. с англ. — СПб., 2000.
5. Гуляка и волшебник: Танские новеллы (VII–IX вв.) / пер. с кит. И. Соколовой, О. Фишман. — М., 1970.
6. Духовная культура Китая. Энциклопедия: в 5 т. + доп. том. — М., 2006–2010.
7. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. — М., 1982.
8. Сторожук А. Г., Корнильева Т. И., Завидовская Е. А. Духи и божества китайской преисподней. — СПб., 2012.
9. Сторожук А. Г. Лун-ван в китайских верованиях и новеллистике // Россия — Китай: история и культура: сб. ст. и докл. участников VI Междунар. науч.-практ. конф. — Казань, 2014. — С. 494–502.
10. Сутра о Бесчисленных Значениях. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о Постижении Деяний и Дхармы Бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость / пер. с кит. А. Н. Игнатова. — М., 1998.
11. Фиссер М. В. Драконы в мифологии Китая и Японии / пер. с англ. А. Г. Фесюн. — М., 2008

На китайском языке

12. Дун Фан-юань. Тайвань жэнь дэ шэньмин (Духи тайваньцев) 董芳苑. 臺灣人的神明. — Тайбэй, 2008.
13. Ма Шу-тянь. Тушо чжунго саньбай шэнь (Иллюстрированный [справочник] трехсот китайских божеств). 圖說中國三百神. — Пекин, 2007.
14. Тайпин гуан цзи (Обширные записи годов Тайпин). 太平廣記. — Пекин, 1959. — Т. 1–5.
15. Пу Сун-лин. Ляо Чжай чжи и (Странные истории из кабинета неудачника). п/р. Ван Цзяо-и. 蒲松齡. 聊齋誌異. 王岐譯著. — Харбин, 2013. — Т. 1–2.
16. У Чэн-энь. Си ю цзи (Путешествие на Запад). 吳承恩. 西遊記. — Тяньцзинь, 2004. — Т. 1–2.
17. Фо, пуса, лохань, хуфа тушо. (Иллюстрированные пояснения к [изображениям] Будд, Бодхисаттв, архатов, дхармапал). П/ред. Хэ Сань-цянь, У Цяо. 佛菩薩羅漢圖說. 禾三千, 吳喬編著. — Харбин, 2005.
18. Юань Мэй. Цзы бу юй цюань цзи (Полное собрание «О чем не говорил Конфуций»). 袁枚. 子不語全集. — Шицзячжуан, 1987.

На японском языке

19. Тайсё синсю дайдокоё (Заново отредактированное великое собрание сутр годов «Тайсё»). 大正新修大藏經. Токио, 1924–1932. — Т. 1–100.

References

1. Alimov I. A. *Besy, lisy, dukhi v tekstakh sunskogo Kitaya* [Demons, foxes and spirits in the texts of Sung China]. St Petersburg, 2008.
2. Baranov I. G. *Verovaniya i obychai kitaitsev* [Beliefs and customs of the Chinese]. Moscow, 1999.
3. Wen Jian. Daosskie kumiry: Istoriya i sovremennost' [Taoist idols: Past and Present]. *Rossiya i Kitai na dal'nevostochnykh rubezhakh — Russia and China on the Far Eastern borders*. Blagoveshchensk, 2001. Vol. 2. Pp. 287–289.
4. Groot J. J. M., de. *The religion of the Chinese*. New York : Macmillan, 1910.
5. *Gulyaka i volshebnik: Tanskije novelly (VII–IX vv.)* [A reveler and a wizard: Tang Novels (7th–9th centuries.)]. Moscow, 1970. (transl. from Chinese)
6. *Dukhovnaya kul'tura Kitaya* [Spiritual Culture of China]. V. 1–6. Moscow, 2006–2010.
7. *Mify narodov mira* [Myths of the World]. Moscow, 1982. V. 1–2.
8. Storozhuk A. G., Kornil'eva T. I., Zavidovskaya E. A. *Dukhi i bozhestva kitaiskoi preispodnei* [Spirits and deities of the Chinese underworld]. St Petersburg, 2012.
9. Storozhuk A. G. Lun-van v kitaiskikh verovaniyakh i novellistike [Dragon King in the Chinese beliefs and novellas]. *Rossiya–Kitai: istoriya i kul'tura — Russia–China: history and culture*. Proc. 6th Int. sci. and pract. conf. Kazan, 2014. Pp. 494–502.
10. *Sutra o Beschislennykh Znacheniyakh. Sutra o Tsvetke Lotosa Chudesnoi Dkharmy. Sutra o Postizhenii Deyanii i Dkharmy Bodhisattvy Vseob"emlyushchaya Mudrost'* [Sutra of Innumerable Meanings. Sutra of the Wonderful Dharma Lotus Flower. Sutra on comprehension of Acts and Comprehensive Wisdom Bodhisattva's Dharma]. Moscow, 1998. (transl. from Chinese)
11. Visser M. W., de. *The dragon in China and Japan*. Amsterdam, J. Müller, 1913.
12. Dong Fang-yuan. *董芳苑. 臺灣人的神明* [Taiwanese Spirits]. Taipei, 2008. (Chinese)
13. Ma Shu-tien. *圖說中國三百神* [Illustrated (handbook) of three hundred Chinese deities]. Beijing, 2007. (Chinese)
14. *太平廣記* [Extensive records of Taiping years]. Beijing, 1959. V. 1–5. (Chinese)
15. Pu Song-ling. *蒲松齡. 聊齋誌異. 王皎譯著* [Strange stories from a failure's office]. Harbin, 2013. V. 1–2. (Chinese)
16. Wu Cheng-en. *吳承恩. 西遊記* [Journey to the West]. Tianjin, 2004. V. 1–2. (Chinese)
17. *佛菩薩羅漢圖說. 禾三千, 吳喬編著* [Illustrated explanation of Buddhas, Bodhisattvas, Arhats, Dharmapalas (images)]. Harbin, 2005. (Chinese)
18. Yuan Mei. *袁枚. 子不語全集* [Complete Collection «What Confucius did not say»] Shijiazhuang, 1987. (Chinese)
19. *大正新修大藏經* [Re-edited Great sutras collection of «Taisho» years]. Tokyo, 1924–1932. V. 1–100. (Japanese)

ИСТОРИЯ. ФИЛОСОФИЯ

УДК 32.019.52

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-85-88

Монгольская молодежь и политика: виртуальное измерение национальной безопасности*

*Статья выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект № 3433 «Сравнительные исследования социальных эффектов развития горнорудной промышленности трансграничных регионов России, Монголии, КНР»

© Актамов Иннокентий Галималаевич

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, директор центра Азиатских исследований Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: aktamov13@gmail.com

© Бадмацыренов Тимур Баторович

кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и социологии, директор центра социально-политических исследований «Альтернатива», докторант Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: batorovitch@mail.ru

В статье рассматриваются особенности использования интернет-пространства современной монгольской молодежью для выражения своей позиции относительно угроз национальной безопасности Монголии. Исследование было проведено на материале наиболее популярной социальной сети Facebook. Она используется в качестве инструмента привлечения сторонников разных политических позиций, революционных настроений в странах Ближнего Востока, Средней Азии, Восточной Европы и др. Материал статьи основан на данных, полученных в августе 2014 г. в монголоязычном сегменте Facebook, которые позволили выделить ряд значимых общественно-политических дискурсов. В указанный период в монгольском обществе бурно обсуждались вопросы, связанные с выбором стандарта колеи новой железной дороги, принятием «Закона о земле», а также перспективами развития взаимоотношений со своими двумя соседями — Россией и КНР. Именно в этот период готовились визиты лидеров двух стран — Владимира Путина и Си Цзиньпина.

Ключевые слова: монгольская молодежь, политика, национальная безопасность, Монголия, Россия, КНР.

Mongolian Youth and Politics: the Virtual Dimension of the National Security

Innokentii G. Aktamov

PhD, A/Professor, Asian Studies Centre of Buryat State University, Director
24a, Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia

Timur B. Badmatsyrenov

PhD, A/Professor, Social and Political Studies Centre of Buryat State University «Alternativa», Director, doctoral student of Buryat State University
24a, Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia

This article is devoted to the issue of features of the internet space using by Mongolian youth and how its political position explicit through the vision of the threats to the Mongolia national security. The issue is based on the data of the popular social network «Facebook». This social network has been used as an instrument to involve supporters of different political ideas and discourses in the revolution process in the Middle East, Central Asia, East Europe etc. This article is based on the data obtained in August 2014 in Mongolian sector of «Facebook». These data allowed to identify a certain number of specific socio-political discourses. In this period in Mongolian society was vigorously debated the questions connected with the choice of railways gauge standard, the legislation of the «Land law» and development prospects of the international relations with the two neighbors — Russian Federation and People's Republic of China. In this period Mongolia was preparing to the visits of the leaders of two neighbor countries — Vladimir Putin and Xi Jinping.

Keywords: Mongolian youth, policy, national security, Mongolia, Russia, China.

Все большее количество людей активно использует Интернет в поиске и передаче политической информации. В этой специфической социально-информационной среде происходит развитие новых форм политической деятельности, а образы становятся все более значимыми участниками процесса конструирования социальной виртуальной идентичности [6, с. 152–155]. Интернет формирует среду для «слабой», «игровой» религиозной идентичности. Он позволяет создать внепространственную организацию политического взаимодействия, построить информационный обмен, координацию поли-

тической деятельности и даже управление ею в глобальном охвате при существенной экономии сил и средств. Через Интернет происходит трансляция политических идей, создание позитивного образа государства, политических организаций и групп, вовлекаются новые последователи. До появления современных технических средств сетевого общения удаленная коммуникация по принципу «многих со многими» была крайне затруднена и практически невозможна. Технологии Веб 2.0 позволили организовывать массовые обсуждения с множеством независимых участников, территориально отдаленных друг от друга, в режиме реального времени, организующиеся на специализированных интернет-ресурсах (форумы, интернет-конференции, вебинары, скайп-сессии и т. п.), на площадке практически любой социальной сети, а также в блогах. Коллективное обсуждение социально значимых проблем, формирование консолидированных позиций часто способствуют тому, что в интернет-среде начинают складываться так называемые сетевые сообщества. В ряде случаев такая форма общения может выступать своеобразным аналогом объединений и собраний граждан, уличных пикетов, митингов, шествий или демонстраций. Интернет-сообщества также используются их участниками как удобное средство планирования и организации реальных мероприятий. Большую популярность получили так называемые флэшмобы, а также акции протеста [4, с. 95]. Активное использование Интернета в координации массовых выступлений во время «арабской весны» даже повлекли за собой возникновение термина «Facebook-революций».

Социальные сети как системы, включающие взаимодействия между людьми, социальными группами и организациями, в широком смысле могут рассматриваться как неотъемлемая часть человеческого общества. Они существуют во множестве исторически сложившихся форм информационной коммуникации, но в настоящее время уже прочно закрепилась связь этого термина со сравнительно недавно возникшими системами интернет-коммуникации, базирующимися на платформе, онлайн-сервисе или веб-сайте, созданными для социальной коммуникации посредством технических средств сети Интернет. Такие системы и средства обмена информацией и общения между людьми посредством Интернета в последнее время все чаще стали обозначать термином «социальные медиа», к которым причисляют социальные сети, блоги, виртуальные игры, геосоциальные сервисы, интернет-сообщества и прочие онлайн-технологии, позволяющие пользователям общаться между собой. Главная особенность социальных медиа — создание и размещение контента самими пользователями, которые могут обмениваться своими мнениями, опытом и знаниями, делиться новостями, информацией, видео, фото и музыкой, взаимодействовать друг с другом, налаживать контакты, причем используя преимущественно бесплатный доступ к услуге [4, с. 51]. Более того, возможность комментирования породила даже целый жанр — «сетевой троллинг». Это намеренное провоцирование виртуального собеседника или аудитории на негативную эмоциональную реакцию и соответствующие действия [3, с. 48–51]. Изучение комментариев, «лайков» и «репостов» может быть направлено на выявление особенностей сетевого взаимодействия, его структуры и направленности.

Социальные сети уже давно перестали быть местом исключительно для виртуального самовыражения и простого обмена информацией. Зачастую они выполняют функцию мобилизации широких масс для решения конкретных общественно-политических задач. Как правило, целевой аудиторией для подобного рода мобилизации выступает молодежь, составляющая значительный и политически самый активный сегмент социальных сетей [8, с. 59–68]. В этом плане показателен пример использования в политических целях социальной сети Facebook в период «арабской весны» в странах Ближнего Востока, на пространстве бывшего Советского Союза. Катализаторами массовых протестных движений, нередко перераставших в открытое противостояние с властью и государственные перевороты, в указанных случаях становились записи с соответствующим смысловым наполнением на личных страницах и в тематических группах пользователей сети. Данные записи были призваны побуждать и одновременно с этим формировать настроения масс. Путем создания вербальных и визуальных образов с приданием максимально эмоциональной окраски для сопереживания и восприятия ситуации как угрозы личной безопасности и ущемление прав, жизненно важных для каждой отдельной личности, происходила манипуляция общим настроением и отношением к определенным вопросам наиболее социально активной группы населения.

Подобные явления характерны и для монгольского сегмента Facebook. Обзор тематических групп и страниц отдельных пользователей сети, произведенный в августе 2014 г., позволил выделить ряд значимых общественно-политических дискурсов. Напомним, что в этот период времени в монгольском обществе особо остро обсуждались вопросы, связанные с выбором стандарта новых железных дорог, проектом так называемого «Закона о земле», а также перспективами взаимоотношений с сосе-

дями — Россией и Китаем, в т. ч. на фоне развивавшегося «украинского кризиса» и готовившихся визитов Владимира Путина и Си Цзиньпина.

На основании проведенного анализа можно выделить ряд следующих особенностей:

1. Монгольская молодежь создает группы и сообщества для выражения своего несогласия с позицией премьер-министра и проводимой им политики в отношении сотрудничества с КНР. Формы выражения протеста носят различный характер. Часть пользователей в качестве фотографии личного профиля использует запрещающий знак и надпись — «Не поддерживаю закон о земле!»¹.

2. Одно из направлений деятельности активистов носит ярко выраженный националистический, персонифицированный характер. В данном случае объектом нападок являются монгольские политики, относимые к так называемым эрлиз — люди, родившиеся в смешанном браке от этнического китайца и монголки или наоборот. Создаются коллажи с их фотографией с отметиной на лбу в виде китайского флага и лозунгом: «Выселим поколения эрлиз из Монголии» и «Где бы вы ни находились, ни один монгол не забудет [о вашем происхождении]!!!».

Примечательно, что все политики, которые изображены в коллажах, выступали сторонниками узкоколейной железной дороги, соответствующей стандарту железных дорог КНР. Таким образом, по замыслу авторов данных коллажей, личные предпочтения человека напрямую увязываются с этническим происхождением.

3. Еще одна характерная особенность проявления беспокойства относительно будущего Монголии связана с Россией. Небольшой сегмент пользователей выражает тревогу возможностью подписания безвизового режима между Россией и Монголией. Дается ссылка на статью в «Российской Газете» [7], которую сопровождают комментарии, отражающие обеспокоенность наплывом российских граждан в Монголию. Но мы можем отметить, что опасения монгольских граждан не оправдались. Более того, с конца 2014 г. до настоящего времени мы являемся свидетелями обратной ситуации.

4. Проявление тревоги относительно обоих соседей также находит отражение среди пользователей. Например, коллаж о разделе Монголии Россией и Китаем. Картинка, на которой Монголия изображена в виде омлета и два ее соседа со столовыми приборами, готовые к трапезе, сопровождается (что характерно!) надписью на английском языке «NO!».

Проведенный анализ монгольского сегмента социальной сети Facebook свидетельствует о том, что наиболее актуальные вопросы общественной жизни страны в той или иной степени сводятся к «китайской угрозе». Представленные сюжеты наполнены крайней обеспокоенностью по поводу возможной утраты Монголией политической воли и даже независимости во взаимоотношениях с КНР. Наряду с этим, есть попытки придания российско-монгольским взаимоотношениям такой же тревожной тональности. Не исключено, что это обусловлено лоббированием интересов различных политических сил и групп, заинтересованных в конструировании соответствующих настроений и убеждений молодежи как наиболее активной части электората.

Литература

1. Бадараев Д. Д., Винокурова А. В., Батжаргал Ж. Основные тенденции развития ценностных ориентаций в контексте трансформационных процессов в современном монгольском обществе // Теория и практика общественного развития. — 2012. — № 5. — С. 75–83.
2. Бадмацыренов Т. Б., Бадмацыренова Е. Л., Доржиева И. Ц. Образовательные стратегии школьников и профессиональные намерения студентов вузов // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 14(2): Философия, социология, политология, культурология. — 2014. — С. 64–70.
3. Внебрачных Р. А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмуртского университета. Вып. 1. Философия. Социология. Психология. Педагогика. — 2012. — С. 48–51.
4. Интернет в России. Состояние, тенденции и перспективы развития: отрасл. докл. — М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2014 — С. 95.
5. Родионов В. А. Национальная безопасность Монголии: представления и реалии // Россия — Монголия. 100 лет дипломатического сотрудничества: материалы междунар. науч. конф. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2013. — С. 321–328.
6. Родионов В. А. Политические образы России в дискурсивных практиках СМИ Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 8. Востоковедение. — 2014. — С. 152–155.
7. Соглашение о безвизовом режиме с Монголией будет подписано в августе [Электронный ресурс] // Российская газета. — URL: <http://www.rg.ru/2014/06/23/rejim-anons.html> (дата обращения: 19.11.2014).
8. Kaplan A. M., Haenlein M. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of Social Media, Business Horizons. — 2010. — № 53(1). — P. 59–68.

¹ Здесь и далее использованы материалы монгольского сегмента Facebook — И. А., Т. Б.

References

1. Badaraev D. D., Vinokurova A. V., Batzhargal Zh. Osnovnye tendentsii razvitiya tsennostnykh orientatsii v kontekste transformatsionnykh protsessov v sovremennom mongol'skom obshchestve [Major trends of value orientations development in the context of transformation processes in contemporary Mongolian society]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya — Theory and practice of social development*. Krasnodar, 2012. No. 5. Pp. 75–83.
2. Badmatsyrenov T. B., Badmatsyrenova E. L., Dorzhieva I. Ts. Obrazovatel'nye strategii shkol'nikov i professional'nye namereniya studentov vuzov [Educational strategies of schoolchildren and professional intentions of university students]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Buryat State University*. 2014. V. 14 (2). Pp. 64–70.
3. Vnebrachnykh R. A. Trolling kak forma sotsial'noi agressii v virtual'nykh soobshchestvakh [Trolling as a form of social aggression in virtual communities]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Psikhologiya. Pedagogika — Bulletin of Udmurt University. Philosophy. Sociology. Psychology. Pedagogy*. 2012. V. 1. Pp. 48–51.
4. *Internet v Rossii. Sostoyanie, tendentsii i perspektivy razvitiya* [The Internet in Russia. Status, trends and prospects]. Moscow: Federal Agency for Press and Mass Communications, 2014. P. 95.
5. Rodionov V. A. Natsional'naya bezopasnost' Mongolii: predstavleniya i realii [National Security of Mongolia: Perceptions and Realities]. *Rossiia–Mongoliya. 100 let diplomaticheskogo sotrudnichestva Rossiia–Mongolia — 100 years of diplomatic cooperation*. Proc. Int. sci. conf. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 2013. Pp. 321–328.
6. Rodionov V. A. Politicheskie obrazy Rossii v diskursivnykh praktikakh SMI Mongolii [Political image of Russia in the discursive practices of Mongolian media]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Buryat State University*. V. 8. 2014. Pp.152–155.
7. Soglashenie o bezvizovom rezhime s Mongoliei budet podpisano v avguste [Agreement on visa-free regime with Mongolia will be signed in August]. *Rossiiskaya gazeta — The Russian newspaper*. Available at: <http://www.rg.ru/2014/06/23/rejim-anons.html> (accessed November 19, 2014)
8. Kaplan A. M., Haenlein M. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of Social Media. *Business Horizons*. 2010. No. 53 (1). Pp. 59–68.

УДК 796.81(=512.31)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-89-94

Единоборство как феномен этнокультуры монгольских народов

© Бадманямбугийн Бат-Эрдэнэ

член президиума Федерации монгольской национальной борьбы, член исполкома Национального олимпийского комитета Монголии, Герой труда Монголии, заслуженный мастер спорта Монголии
Монголия, 15140, г. Улан-Батор, площадь Сухэ-Батора, Дворец правительства
E-mail: b@parlament.mn

© Рэгжийбуугийн Ням-Дорж

президент Федерации монгольской национальной борьбы, заслуженный деятель культуры Монголии, почетный деятель спорта XX века Монголии
Монголия, г. Улан-Батор, площадь Сухэ-Батора, Дворец правительства
E-mail: niamd@mail.ru

© Сагалеев Андрей Сергеевич

доктор педагогических наук, профессор кафедры спортивных дисциплин Бурятского государственного университета
Россия, 15140, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: sagands@mail.ru

В статье единоборство рассматривается как феномен культуры монгольских народов, частью которых считаются многие из бурят. Раскрыты религиозные, философские, культурные аспекты этого состязания. Представлены сведения о древнейшем происхождении единоборства на основании сохранившихся до наших дней петроглифов. Показано, что у забайкальских бурят танец орла-победителя в борьбе появился под влиянием южных соседей — монголов. Отмечается, что борьба разных групп монголов имела значительные отличия в технике, а также в костюмах состязающихся. Авторами говорится о том, что в развитии борьбы существуют культурно-исторические этапы, и имеются факторы, влияющие на этот процесс. В целом констатируется, что для спортсменов Бурятии и Монголии характерно весьма бесстрастное, сдержанное отношение к результатам поединка, соревнования. Но это не свидетельствует о недостаточной мотивации деятельности, а подчеркивает, что деятельность, действия, поступки определяются не сиюминутным реагированием на успех или неуспех, а более глубокими этнокультурными, этногенетическими основаниями.

Ключевые слова: древнее происхождение единоборства, религиозные, культурные истоки единоборства, национальная борьба, различия в традиционных видах борьбы, единоборство, этнокультура, Монголия.

Single Combat as a Mongolian Nations Ethnic Culture Phenomenon

Badmanyambuugiin Bat-Erdene

member of the Federation Presidium of the Mongolian National Wrestling, member of the Executive Committee of the Mongolian Olympic Committee, Hero of Labor of Mongolia, Merited Master of Sports of Mongolia
Government Palace, Suhbaatar Square, Ulaanbaatar 15140, Mongolia

Regzhiibuugiin Nyam-Dorzh

President of Federation of the Mongolian National Wrestling, Honored Worker of Culture of Mongolia, Honorary figure of the twentieth century sports of Mongolia
Government Palace, Suhbaatar Square, Ulaanbaatar 15140, Mongolia

Sagaleev Andrey Sergeevich

DSc, Professor, Buryat State University
24a, Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia

In the article single combat is considered as the greatest phenomenon of culture of the Mongolian peoples, as part of which Buryats are regarded by many researchers. The religious, philosophical, cultural aspects of this competition are revealed. The data on ancient origin of the single combat have been presented on the basis of petroglyphs remained up to nowadays. It has been shown that the dance of eagle-winner in Transbaikalian Buryats arises upon the influence of Mongols, the southern neighbors. It is revealed that wrestling of different groups of Mongols had significant varieties in techniques including athletic clothes of competing wrestlers. The authors argue that there are some cultural and historical stages in the development of wrestling as well as the factors influencing on this process. On the whole it is stated that a rather dispassionate, reserved attitude to the results of the fight, the competition is characteristic for the athletes of Buryatia and Mongolia. And this does not indicate a lack of motivation activities, but emphasizes that the activities, actions and deeds are not determined by a short-term response to the success or failure, and by a deep ethnic cultural, ethnic genetic bases.

Keywords: ancient origin of single combat, religious, cultural aspects sources of single combat, national wrestling, varieties in traditional kinds of wrestling.

Борьба, как и другие жизненно важные умения и навыки, такие как ходьба, бег, плавание и др., является извечным спутником человечества, она не имеет ни географического, ни этнического центра. С древнейших времен она не имела альтернативы как социальная ценность и была фактором выживания, воспроизводства и развития человеческого рода. Борьба — составная часть традиционной культуры, этнической идентификации и исторической памяти. Неисчерпаемый материал о борьбе накоплен в различных отраслях человеческого знания: история, археология, антропология, этнография, фольклор, лингвистика, искусство, философия и т. д. Борьба — это значимый культурный атрибут каждой цивилизации. Есть народы с «отмершей» историей, но не было народов без борьбы [6].

О том, что борьба прошла длительный процесс развития свидетельствуют материалы археологических и этнографических исследований во всем мире. Например, А. Ф. Решетников, З. И. Рабецкая считают, что «следы» современной борьбы народов Прибайкалья уходят в эпоху неолита [7]. Истоки генезиса борьбы можно наблюдать в ритуалах, которые совершали древние люди. Источниковой базой о существовании борьбы в Прибайкалье являются петроглифы рек Ангары, Лены и озера Байкал. В них среди животных можно увидеть антропоморфные изображения человечков, борющихся между собой. Анализ стиля и сюжетов петроглифов приводит к разгадке одной из тайн возникновения борьбы в Прибайкалье. Петроглифы раскрыли возраст и зарождение борьбы, истоками которой явилась ритуальная борьба. Особый интерес представляет фигурка с птичьей головой. В этой связи отмечается, что в бурятских легендах встречается демоническое существо, женщина-птица — муу-шубуун «плохая птица». Встреча с ней грозит человеку гибелью. Муу-шубуун проклевывает череп человеку. Возможно, действительно муу-шубуун борется со своей жертвой. В ритуальной борьбе фигурку с птичьей головой представляет, скорее всего, шаман. Шаман и шаманизм сочетали в себе различные ипостаси: он своего рода жрец, знахарь рода и племени, хранитель традиций и родословной рода. Шаман играл главную роль в сохранении и поддержании физического состояния рода и племени, являлся своего рода учителем по физическому воспитанию. В ритуальной борьбе с потусторонними духами он воспроизводил те физические упражнения борьбы, которые впоследствии стали средствами физического воспитания при обучении своих сородичей. В начальный период своего зарождения борьба была ритуальным обрядом борьбы дня против ночи, борьбы добра против сил зла. Впоследствии из этого ритуала борьба стала одним из средств физической подготовки древних народов Прибайкалья.

Кроме утилитарного значения, элементы единоборства стали приобретать и состязательный характер. Все более целенаправленное их применение обусловило приобретение человеком специальных навыков, со временем превратившихся в ряд осмысленных действий — приемов, которые позволяли добиваться победы над физически более сильным противником. У каждого племени были свои эффективные приемы единоборства, секреты выполнения которых и условия протекания передавались по наследству из года в год. Впоследствии это стало решающим фактором при формировании границ национальных видов борьбы. В различных частях земного шара борьба имела свою динамику и отличные друг от друга формы развития. Но во все времена и у всех народов мира содержание борьбы служило одним из самых эффективных средств связи физического воспитания с военным обучением. Разновидности борьбы с элементами ударов руками, ногами, головой и различным оружием, а также удушениями, применялись в целях формирования сильного, выносливого, ловкого и смелого человека, способного защищать себя и своих соплеменников [4].

Нами выделены некоторые этапы эволюции бурятской национальной борьбы в культурно-историческом аспекте, и выявлены факторы, влияющие на этот процесс [10]. Отметим, что бурятская борьба своими корнями уходит в глубокую древность, о ее существовании свидетельствуют эпосы, устные народные сказания, письменные исторические и литературные источники — «Гэсэр», «Аламжи Мэргэн», «Аидурай Мэргэн», «Зугы Мэргэн хаанай Мижед хубуун», «Сагаадай Мэргэн» и др.

Б. С. Дугаров пишет, что картина иерархического устройства небесной общины и взаимоотношений ее членов показана в описании небесного праздника — надама (тэнгэрийн найр зугаа) в молькинском варианте главы Абай Гэсэра из 822 стихов [2]. Весной представители западной и восточной частей Неба встречаются на специально выбранном для проведения праздника месте. Богини-прародительницы произносят благопожелания в адрес присутствующих участников небесного праздника, после чего Эсэгэ Малан как старейшина небожителей объявляет о начале трех мужских состязаний (эрын гурбан наадан), куда входят борьба, стрельба из лука и конные скачки.

Старейшие из западных и восточных тэнгриев — Эсэгэ Малан и Асарангуй Хара — устраивают

показательное борцовское единоборство, тем самым подавая пример всем участникам тэнгрийских игрищ. От каждой из противоположных сторон выдвигаются по несколько кандидатур. Описанию борцовских поединков отводится 118 стихотворных строк с использованием образных сравнений и эпитетов, передающих физическую мощь соперников и накал их борьбы. Так, Хан Хормуста в единоборстве с Боо Хара уподобляются двум бодающимся быкам, глядящим друг на друга исподлобья, и двум быющим жеребцам, лязгающим зубами. Упоминаются некоторые борцовские приемы — захват под обе подмышки (хоёр хуга доогуурин гараа хэн абажа), подножка (мэргэн гохо) и т. д.

Исследуя проблемы этнической культуры бурят, С. Б. Болхосоев проанализировал правила и ритуальные действия в национальной борьбе (бухэ барилдаан), входящей в хур хар-бан — праздник, включающий в себя прежде всего соревнования в трех основных национальных видах спорта: стрельба из лука, борьба, конные скачки [1]. Фиксация танца орла-победителя у монголов позволяет предположить, что для бурят культ «орла» обладал элементом чужеродности, нежели для предшественников. Отмечается, что у забайкальских бурят танец орла-победителя появился под влиянием южных соседей — монголов. Поэтому предположено, что имитация полета птицы, скорее всего, впервые возникла у древнего населения Прибайкалья (до прихода бурят), а затем была заимствована бурятами. Соответственно в процессе формирования танца орла-победителя приняли участие «монголы» южных регионов. С. Б. Болхосоев опирается на сведения о том, что, согласно преданиям, монголы пришли из Монголии и вернулись туда обратно. Возможно, что предания и представления о них свидетельствуют о некой реальной этнической группе, связанной своим происхождением с Монголией. Они могут соотноситься с реальными мигрантами — босхулами, бежавшими во время войн Галдан-Бошокту хана и т. д. Однако подчеркивается, что вместо монголов в преданиях других групп бурят могут выступать сэгэнуты, сартулы, баргуты и др. Следовательно, реконструируемая корреляция между преданиями о «монголах» и бытованием танца орла-победителя в рамках культуры бурятского народа отражает, по мнению автора, реальный этнический процесс взаимодействия бурят и, вероятно, монголоязычных групп, которые выступают в фольклоре бурят как монголы.

Е. В. Павлов обращает внимание на такой ритуализированный элемент национальной борьбы как танец орла, который исполнял победитель [5]. Этот же танец исполняет победитель в монгольской борьбе, традиционно он интерпретируется как полет мифической птицы Гаруды, образ которой проник в культовую и мифологическую традиции монгольских народов (в том числе и бурят) вместе с буддизмом из Индии. Гаруда — сакральный персонаж, семантически соотнесенный с верхом (небом) солнцем, в мифах выступает противником нагов — змееподобных существ, населяющих воды и подземный мир. В мифологической традиции бурят Гаруда выступает противником чудовищного Змея — Абарга Могой. Победа Гаруды — акт, равнозначный космогоническому, побеждая, Гаруда вносит упорядоченность во Вселенную. Соответственно имитация борцом победного полета Гаруды равнозначна воплощению ее в победившем борце, победа которого, таким образом, реактуализирует победу над Змеем, угрожающим целостности космоса.

«Прагматическая» корреляция прослеживается и в том, что борьба является обязательным элементом регулярных ритуалов, проводимых в сакральных центрах социума, ассоциируемых с «центром мира» (тайлганы, обряды на обоо), которые могут являться обрядами календарного цикла. Подобные обряды семантически связаны с представлениями о старении/умирании мира (отсюда психологическая энтропия) и его регулярном возрождении в ритуалах календарных празднеств. Семантика борьбы как элемента регулярных жертвоприношений в этом аспекте наиболее прозрачна.

Однако отмечает автор, что в бурятской традиции образ Гаруды (Хан-Хэрдэг) остался малозначительным персонажем мифов и эпических произведений, подвергшимся сильной трансформации и контаминации (например, у бурят Предбайкалья). Поэтому у бурят специфическая для соответствующей подсистемы традиционной культуры ассоциация борьбы/победы с сотерическим актом сакрального прошлого основывалась на мифологии, не связанной с образом древнеиндийской Гаруды. У разных локальных этнических и этнотерриториальных субгрупп бурят ее «повторение — воспроизведение» увязывалось с образами добуддийских божеств, выступающих покровителями борцов и силачей (бухэ). В связи с этим Е. В. Павлов обращается к культовой традиции тункинских бурят, чтобы показать реализацию «воспроизведения» архетипа, предполагающего функциональную (в сотериологическом плане) соотнесенность борца и божества-сотера на этнолокальном уровне.

В культовой традиции тункинских бурят покровителем борцов выступает Хан-Шаргай-нойон, почитаемый в рамках ламаизированного культа пяти главных ханов Тунки под именем Бурхан-баабай. Тункинскими бурятами Хан-Шаргай-нойон традиционно считается главным божеством среди тункинских «спустившихся» божеств — хан-буумалов (хатов) Тунки, и стереотипично представляется

как воин-батор.

Функциональные аспекты в образе Хан-Шаргай-нойона находятся в корреляции с прагматикой адресованных ему обрядов, которые совершали тункинские буряты. Молебен совершался до и после важных событий, в том числе перед соревнованиями по борьбе (участниками или их родственниками, друзьями). Аналогичные по прагматике обряды совершали предбайкальские эхириты и кудинские булагаты (ранее и часть идинских булагатов), посвященные Ажарай-бухэ — главе ленских «хозяев» и предводителю «черных всадников». Следовательно, учитывая функцию покровительства Хан-Шаргай-нойоном борцам, автор полагает, что борец ассоциировал себя с божеством-сотером, повторяя его действия по защите космоса, а его победа в схватке повторяла победу над силами хаоса, которая реализовывалась в сюжетах, повествующих об этом божестве. В этой связи автор вновь обращается к «танцу орла». Орел традиционно считался символом Хан-Шаргая. Поэтому танец победившего борца в тункинской традиции мог связываться не с Гарудой, а с орлом — орнитоморфным символом победившего Хан-Шаргая. Таким образом, сам процесс схватки борцов, их победу можно интерпретировать как ритуал-«повторение» победы бога-сотера над силами, реактуализирующими хаос.

В статье Д. Цыбикдоржиева, отмечается, что борьба разных групп монголов имела значительные отличия, при этом наибольшая степень близости существует у боевого искусства ойратов и бурят, а халхаский стиль по правилам и форме сближается с южно-монгольским [8]. Ойраты и западные буряты боролись в кожаных штанах, но к концу XIX в. эта форма вытесняется простыми штанами у бурят, плисовыми трусами у ойратов и калмыков, при этом почти все группы ойратов и бурят использовали те или иные варианты пояса или кушака. Кожаные штаны до сих пор одевают бухэ Южной Монголии, но там борцовские штаны закрывают только внешнюю часть ног и надеваются поверх обыкновенных шаровар.

Ойраты и буряты, в отличие от халхасцев и южных монголов, не пользовались дзодоками, специальными куртками для борьбы. Ононские монголы XII в. также не использовали дзодок. Описания поединка знаменитого джургэнского Бури-бухэ и брата Чингисхана Бельгута в «Тайной истории монголов» и «Золотом своде» Лубсана Дандзана не содержат упоминаний об этом элементе формы борцов. У ойратов и бурят бухэ барилдаан понимался как комплекс приемов борьбы и рукопашного боя, а у халхасцев кулачный бой и барилдаан были дифференцированы, причем ударная техника считалась несколько более «низменным» делом. В хоринском и эхиритском фольклорах часто встречаются упоминания об ударах в область шеи. Автор предполагает, что также обстоит дело у аларских бурят, или хонгодоров, до XVI в. проживших среди халхасцев.

В другой своей работе Д. Цыбикдоржиев выделяет 2 традиционных вида борьбы, содержащих множество подвидов. Первый вид — это боевое искусство ойратов, части бурят и ононских монголов, характеризующее наличием в арсенале приемов, техник борьбы и рукопашного боя, а главное — правилом победы, по которому противник должен быть брошен, на землю спиной (иногда, возможно, туловищем). Второй вид распространен среди халхасцев, южных монголов и некоторых бурят. Для данного вида характерно почти полное отсутствие ударных техник, а основным правилом является принцип поражения в случае касания земли одной из трех зон — рукой от локтя и выше, ногой от колена и выше и туловищем с головой (касание ладонью или даже двумя ладонями в халхасском стиле не считается поражением) [9].

Также условно обозначены 2 вида: лесной и степной. Первый был популярен у лесных монголов, к которым относились предки ойратов, бурят и ононских монголов. Степные стили, ныне культивируемые повсеместно, раньше были достоянием скотоводов. Существовали переходные подвиды, сочетающие черты обоих больших видов. Так, хоринцы сочетали техники борьбы и боя, но принцип победы и поражения у них был общим со степняками, при этом хоринцы не использовали дзодок, обязательного атрибута борца в Халхе и Южной Монголии.

Периодически происходило взаимовлияние стилей, причем в последние века степные виды, считавшиеся более престижными, чаще влияли на ойрато-бурятские. У бурят встречаются правила «трех зон», хотя сохраняется представление о победе броском на спину или туловище. Современные ойраты Монголии культивируют халхаский барилдаан. В ритуальной части боевого искусства также есть различия. Поединки и турниры в степных стилях начинаются исполнением особого воинского танца дэвэх (монг. «расправлять крылья», «взмывать ввысь»), или танца орла, хотя борцы исполняли дэвэх, подражая той птице, от названия которой происходил титул бухэ. Сегодня в Халхе сохранились титулы «сокол» и «кречет» (в юношеских турнирах), хотя не так давно бытовали титулы бургэд «орел», харсага «ястреб», тас «орел-ягнятник» и др. С укреплением позиций ламаизма большинство старых

титулов, связанных с зоолатрическими, тотемными и шаманскими культурами, было утрачено, появились более близкие ламаизму титулы: арсалан — «лев», заан — «слон», общим символом и покровителем борьбы, заменившим орла, стал Гаруда — царь птиц из древнеиндийской мифологии. В лесных подвидах барилдаана существование титулов-тотемов не отмечено, хотя в эпосе постоянно встречаются герои с именами Сокол, Кречет, описание поединков включает сравнения с ястребами, коршунами и т. д.

Буряты знали воинские танцы, однако у них они, вероятно, имели своими прототипами подражание движениям других животных. Танец орла-победителя хоринцы называют самиаха, то есть дословно «танцевать, как в цапе», видимо, он распространился среди хоринцев сравнительно поздно. В старинных халхасских соло, прославлениях в честь борцов, приводятся сравнения бухэ с хищными птицами, тиграми, барсами, ирбисами. А в степном барилдаане хищники-пантеры не фигурируют. Возможно, что в данном случае имеет место отголосок влияния особенностей лесных стилей бухэ-барилдаана. В бурятском языке выражение «бар тулалдаан» (дословно «битва по-тигриному») означает «рукопашный бой», существует понятие «бар хусэтэнэй барилдаан» — «борьба с применением огромной силы». Сравнения с леопардами (барс), ирбисами (ирбэс или эрбэд), тиграми (бар пли эрээн гуреебэн — табуированное «пегий охотник») нередки в эпосе монголов. Сюжет о битве с исполинским тигром Орголи является одним из древнейших и исконных в монгольской «Гэсэриаде». Глава «Гэсэриады» о битве с тигром и частый мотив хоринских улигеров — схватка с кабаном, напоминают о культурных связях с восточномонгольским ареалом и даже с регионом приамурских, маньчжурских, корейских племен. Предки бурят, контактируя с тоба, киданями, а затем и тунгусами, наряду с другими элементами культуры, испытывали влияние восточных систем рукопашного боя. Ударные техники единоборств были известны и хунно-монголам. В древности «визитной карточкой» бухэ барилдаана были приемы воздействия на позвоночник, например, бросок животом на землю с последующим упором колена в хребет. Подобные техники могли зародиться в первую очередь у горнотаежных монголоязычных охотников, что было связано и с их особым отношением к позвоночнику, как «вместилищу» жизненной энергии.

Нами ранее отмечалось, что для спортсменов Бурятии и Монголии характерно весьма бесстрастное, сдержанное отношение к результатам поединка, соревнования. Это не свидетельствует о недостаточной мотивации деятельности, а подчеркивает, что деятельность, действия, поступки определяются не сиюминутным реагированием на успех или неуспех, а более глубокими этнокультурными, этногенетическими основаниями. Континуальность спортивных единоборств в их представлении проявляется в том, что они рассматривают спорт как непрерывный процесс, как образ жизни. Поэтому нет четкого водораздела между началом спортивной деятельности и ее завершением. Национальные виды борьбы, всероссийские и международные соревнования среди ветеранов позволяют продолжить активную спортивную деятельность вплоть до пожилого возраста. Это остается актуальным и в современных условиях, когда завершение спортивной деятельности в возрасте 23–25 лет создает немало проблем для личности и общества в целом [3].

Таким образом, анализ религиозных и культурно-исторических вопросов, связанных с бурятской борьбой, свидетельствует о том, что этот вид единоборства является одним из древнейших и величайших феноменов культуры бурятского народа на протяжении всей его этнической истории.

Литература

1. Болхосоев С. Б. Истоки ритуального танца борца-победителя // Буряты в контексте современных этнокультурных и этносоциальных процессов. Традиционная культура, народное искусство и национальные виды спорта бурят в условиях полиэтничности: сб. статей. — Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 2006. — Т. 1. — С. 268–274.
2. Дугаров Б. С. Эрын гурбан наадан в небесном прологе Гэсэриады // Буряты в контексте современных этнокультурных и этносоциальных процессов. Традиционная культура, народное искусство и национальные виды спорта бурят в условиях полиэтничности: сб. статей. — Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 2006. — Т. 1. — С. 191–197.
3. Калмыков С. В. Индивидуализация подготовки спортсменов-единоборцев в контексте культурных традиций Востока и Запада: дис. ... д-ра пед. наук. — М., 1994. — 60 с.
4. Нелюбин В. В., Миндияшвили В. В. Мастера большого ковра. — Красноярск, 1993. — 416 с.
5. Павлов Е. В. Архетип «повторения» в бурятской национальной борьбе и семантика образа божества — покровителя борцов у тункинских бурят // Буряты в контексте современных этнокультурных и этносоциальных процессов. Традиционная культура, народное искусство и национальные виды спорта бурят в условиях полиэтничности: сб. статей. — Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 2006. — Т. 1. — С. 205–212.
6. Петров Р. Борьба и цивилизация. — Красноярск, 1997.
7. Решетников А. Ф., Рабечкая З. И. Исторический путь возникновения и развития национальной борьбы на основе петроглифов Байкальского региона // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 8. Медицина, физкультура и

спорт. — 2007. — С. 213–216.

8. Цыбикдоржиев Д. Особенности региональных видов борьбы: история и этнография о национальной борьбе монгольских народов // Агентство спорта. — Улан-Удэ, 2007. — № 1. — С. 13–16.

9. Цыбикдоржиев Д. Тайга и великая степь в истории Бухэ барилдаана: история и этнография о национальной борьбе монгольских народов // Агентство спорта. — Улан-Удэ, 2007. — № 3. — С. 19–20.

10. Эволюция бурятской национальной борьбы как результат взаимовлияния культур Востока и Запада / Н. В. Абаев [и др.] // Вопросы теории и практики физической культуры и спорта: межвуз. сб. науч. тр. — Улан-Удэ, 1996. — С. 3–5.

References

1. Bolkhosev S. B. Istoki ritual'nogo tantsa bortsya-pobeditelya [The origins of wrestler-winner's ritual dance]. *Buryaty v kontekste sovremennykh etnokul'turnykh i etnosotsial'nykh protsessov. Traditsionnaya kul'tura, narodnoe iskusstvo i natsional'nye vidy sporta buryat v usloviyakh polietnichnosti — Buryats in the context of modern ethno-cultural and ethno-social processes. Traditional culture, folk art and national sports of Buryats in the conditions of multi-ethnicity*. V. 1. Ulan-Ude: Publishing and Printing Complex of ESSACA, 2006. Pp. 268–274.

2. Dugarov B. S. Eryn gurban naadan v nebesnom prologe Geseriady [Eryn Gurban naadan the heavenly prologue of Geseriada]. *Buryaty v kontekste sovremennykh etnokul'turnykh i etnosotsial'nykh protsessov. Traditsionnaya kul'tura, narodnoe iskusstvo i natsional'nye vidy sporta buryat v usloviyakh polietnichnosti — Buryats in the context of modern ethno-cultural and ethno-social processes. Traditional culture, folk art and national sports of Buryats in the conditions of multi-ethnicity*. V. 1. Ulan-Ude: Publishing and Printing Complex of ESSACA, 2006. Pp. 191–197.

3. Kalmykov S. V. *Individualizatsiya podgotovki sportsmenov-edinobortsev v kontekste kul'turnykh traditsii Vostoka i Zapada. Dis. ...d-ra ped. nauk* [Individualization of combatants' training in the context of Eastern and Western cultural traditions. Dr. ped. sci. diss.]. Moscow, 1994. 60 p.

4. Nelyubin V. V., Mindiashvili D. G. *Mastera bol'shogo kovra* [Masters of large carpet]. Krasnoyarsk, 1993. 416 p.

5. Pavlov E. V. Arkhetip «povtoreniya» v buryatskoi natsional'noi bor'be i semantika ob-raza bozhestva — pokrovitelya bortsov u tunkinskiykh buryat ["Reiteration" archetype in the Buryat national struggle and the semantics of wrestlers' patron deity among Tunka Buryats]. *Buryaty v kontekste sovremennykh etnokul'turnykh i etnosotsial'nykh protsessov. Traditsionnaya kul'tura, narodnoe iskusstvo i natsional'nye vidy sporta buryat v usloviyakh polietnichnosti — Buryats in the context of modern ethno-cultural and ethno-social processes. Traditional culture, folk art and national sports of Buryats in the conditions of multi-ethnicity*. V. 1. Ulan-Ude: Publishing and Printing Complex of ESSACA, 2006. Pp. 205–212.

6. Petrov R. *Bor'ba i tsivilizatsiya* [Wrestling and civilization]. International scientific-methodical conference on wrestling. Krasnoyarsk, 1997. Pp. 41–47.

7. Reshetnikov A. F., Rabetskaya Z. I. Istoricheskiy put' vznikoveniya i razvitiya natsional'noi bor'by na osnove petroglifov Baikal'skogo regiona [The historical path of national struggle origin and development on the basis of Baikal Region petroglyphs]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Buryat State University*. V. 8. 2007. Pp. 213–216.

8. Tsybikdorzhiev D. Osobennosti regional'nykh vidov bor'by [Features of regional wrestling] *Zhurnal Respublikanskogo agentstva po fizicheskoi kul'ture i sportu — Journal of the Republican Agency for Physical Culture and Sport*. 2007. No. 1. Pp. 13–16.

9. Tsybikdorzhiev D. Taiga i velikaya step' v istorii Bukhe barildaana [Taiga and the Great Steppe in Buhe barildaana history]. *Zhurnal Respublikanskogo agentstva po fizicheskoi kul'ture i sportu — Journal of the Republican Agency for Physical Culture and Sport*. 2007. No. 1. Pp. 19–20.

10. Abaev N. V. et al. Evolyutsiya buryatskoi natsional'noi bor'by kak rezul'tat vzaimovliyaniya kul'tur Vostoka i Zapada [Evolution of the Buryat national struggle as a result of Eastern and Western cultures interaction]. *Voprosy teorii i praktiki fizicheskoi kul'tury i sporta — Theory and Practice of Physical Culture and Sports*. Ulan-Ude, 1996. Pp. 3–5.

УДК 796.072

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-95-102

Теоретико-методологические положения востоковедных исследований в физической культуре и спорте

© Бадманямбугийн Бат-Эрдэнэ

член президиума Федерации монгольской национальной борьбы, член исполкома Национального олимпийского комитета Монголии, Герой труда Монголии, заслуженный мастер спорта Монголии
Монголия, 15141, г. Улан-Батор, площадь Сухэ-Батора, Дворец правительства
E-mail: b@parlament.mn

© Рэгжийбуугийн Ням-Дорж

президент Федерации монгольской национальной борьбы, заслуженный деятель культуры Монголии, почетный деятель спорта XX века Монголии.
Монголия, 15141, г. Улан-Батор, площадь Сухэ-Батора, Дворец правительства
E-mail: niamd@mail.ru

© Сагалеев Андрей Сергеевич

доктор педагогических наук, профессор кафедры спортивных дисциплин Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: sagands@mail.ru

В статье раскрываются теоретико-методические основы востоковедных исследований в физической культуре и спорте. Рассматриваются некоторые характеристики западных и восточных религий в аспекте физкультурно-спортивной деятельности. Отмечена особая роль Байкальского региона как связующего звена восточной и западной культур. При этом указывается о том, что научная разработка проблемы исследований в сфере физической культуры и спорта в аспекте Восток — Запад осуществляется всего лишь несколько десятков лет, что обусловило необходимость разработки теоретико-методологических основ исследований в физической культуре и спорте. Так, в 1990-х гг. научно-спортивная общественность впервые получила возможность ознакомиться с концепцией С. В. Калмыкова, обосновывающей необходимость взаимообогащения культур Востока и Запада в сфере физической культуры и спорта, подчеркивается ее актуальность. При этом теоретико-методологической основой изучения спортивной деятельности человека в контексте Восток — Запад являются различия в концептуальных подходах к решению проблемы индивидуального «Я» и субъектно-объектных отношений в западных и восточных школах. В качестве конкретизации авторами предложена сравнительная классификация различий Востока и Запада.

Ключевые слова: востоковедные исследования в физической культуре и спорте, Восток — Запад, западные и восточные религии, проблема индивидуального «Я», концепция С. В. Калмыкова.

Theoretical and Methodological Statements of Oriental Studies Researches in Physical Culture and Sport

Badmanyambugiin Bat-Erdene

member of the Federation Presidium of the Mongolian National Wrestling, member of the Executive Committee of the Mongolian Olympic Committee, Hero of Labor of Mongolia, Merited Master of Sports of Mongolia
Government Palace, Suhbaatar Square, Ulaanbaatar 15140, Mongolia

Regzhiibuugiin Nyam-Dorz

President of Federation of the Mongolian National Wrestling, Honored Worker of Culture of Mongolia, Honorary figure of the twentieth century sports of Mongolia
Government Palace, Suhbaatar Square, Ulaanbaatar 15140, Mongolia

Andrey S. Sagaleev

DSc, Professor, Buryat State University
24a, Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia

In the article the theoretical and methodological statements of oriental studies researches in physical culture and sport are revealed. Some features of western and oriental religions are considered in the aspect of physical culture and sports activities. The differences in classifications between West and East have been analyzed. The special role of the Baikal region has been noted as a connecting link of cultures of Eastern and Western cultures. At the same time it is specified that the scientific development of the research problem in the sphere of physical culture and sport in the aspect “East and West” is being working out only for a few decades that has conditioned a necessity for development of the theoretical and methodological fundamentals of the researches in physical culture and sport in the aspect “East and West”. Thus, two decades ago scientific and sports public for the first time had the opportunity to get acquainted with conception

of S.V. Kalmykov justifying the necessity for mutual enrichment of the East and the West cultures in the sphere of physical culture and sport. Its urgency is emphasized. And the theoretical and methodological fundamentals of the researches of the human sports activities in the context "East-West" conclude in the differences in the conceptual approaches to the solution of the problem of individual "Ego" and subject-object relations in the Western and Eastern schools. As a specification the author proposes a comparative classification of the differences between East and West.

Keywords: *oriental studies researches in physical culture and sport, East-West, western and oriental religions, problem of individual "Ego", conception of S. V. Kalmykov.*

В единстве и борьбе противоположностей отражается бытие человечества, взаимодействие, взаимообогащение народов и их культур.

В понятия «Восток» и «Запад» вкладывается различный смысл, здесь обнаруживаются их достаточная условность и отсутствие между ними четких границ. Некоторые исследователи выделяют в этой антитезе географический аспект, другие подчеркивают экономические особенности, третьи — политические. Часто понятиями «Восток» и «Запад» обозначают регионы, приблизительно совпадающие с Азией и Европой, на которые делится Евразийский континент, или развитые государства Европы и Америки — с одной стороны, и остальной мир — с другой [7; 9; 10; 11; 15].

Культуры Востока и Запада связывает общее с конкретным, и поэтому они выступают как специфическая форма общемировой культуры. При этом представляется актуальным и интересным взаимоотношение религиозно-философских, культурно-исторических, педагогических и психологических факторов [8; 9].

С XVII в. в трудах мыслителей и философов стали затрагиваться вопросы взаимодействия культур, однако рассуждения по этому поводу носили общий характер, в них признавалась закономерность преемственности как одно из главных условий заимствования культур. И только в XVIII в. была заложена философская основа исследования этой проблемы. О методологических изъясных теоретических построений западной истории и культурологии писали представители разных течений науки [7].

Сравнительный анализ культур Востока и Запада, опираясь на пространственно-временной аспект, осуществлен Е. Г. Хилтухиной [21]. Так, исследовано древнеиндийское понимание культуры через понятие «дхарма» и древнекитайское — через «даосизм» и «конфуцианство». При этом отмечается, что в XVIII в. понятие «культура» как таковое в этих государствах не существовало. Кроме того, автором рассмотрены представления о культуре в Древней Греции и Древнем Риме. В древнегреческом понимании искусство представляет собой порождение или вещественное создание предметов из самих себя, таких же, но не природных вещей, то есть искусство в определенной степени отождествляется с деятельностью. Культура Древнего Рима представляет собой органическое соединение греческой духовности и римской гражданственности.

Взаимодействие культур Востока и Запада можно рассматривать в контексте глобализации. В данном случае мы не рассматриваем различные вопросы, связанные с ее позитивными и негативными последствиями, в том числе угрозу для многообразия культур. В связи с этим заслуживает внимания идея «цивилизации третьей волны» американского социолога и философа Э. Тоффлера, который считает, что глобализации присущи кросс-культурные взаимодействия и каждой культуре будут доступны любые достижения других культур, но без засилья ценностей, которые не угодны конкретному культурному сообществу [17].

Культура тех рас, которые имели больше связей с другими расами, высокоразвита. Может быть им пришлось вступить в контакт с соседями под влиянием какой-то опасности, может быть все произошло случайно. Как бы там ни было, если бы этот контакт не состоялся, их культура пришла бы в упадок и либо совсем исчезла, либо ассимилировалась с другими культурами. У рас, не столкнувшихся ни с какими опасностями или угрозами и не имевших связей с другими расами, культура не получала стимула к развитию и поэтому осталась относительно отсталой [22].

Содержание и результаты многообразных межкультурных контактов во многом зависят от способности их участников понимать друг друга и достигать согласия, которое главным образом определяется этнической культурой каждой из взаимодействующих сторон, психологией народов, господствующими в той или иной культуре ценностями. В культурологии и культурной антропологии эти взаимоотношения получили название «межкультурная коммуникация», которая означает обмен между двумя или более культурами и продуктами их деятельности, осуществляемый в различных формах. Этот обмен может происходить как в политике, так и в межличностном общении людей в быту, семье, неформальных контактах. Культура — это характеристика сущности человека и форма его бы-

тия, связанная с чисто человеческой способностью целенаправленного преобразования окружающего мира, в ходе которого создается искусственный мир вещей, символов, а также связей и отношений между людьми. Все, что создано человеком или имеет к нему отношение, является частью культуры. Коммуникация и общение являются важнейшей частью человеческой жизни, а значит, и частью культуры. Таким образом, межкультурная коммуникация — это процесс взаимодействия между субъектами социокультурной деятельности, выраженный совокупностью разнообразных форм общения между индивидами и группами, принадлежащим к разным культурам посредством принятых в них знаковых систем, приемов и средств использования [11].

Запад придерживается принципа «иметь», то есть «обладать», Восток же — принципа «быть», что означает «существовать». Следовательно, под обладанием и бытием понимаются «не такие отдельные качества субъекта, а два основных способа существования, два разных вида самоориентации в мире, две различные структуры характера, преобладание одной из которых определяет все, что человек думает, чувствует и делает» [18, с. 53]. Поскольку картина мира у западного человека сконцентрирована вокруг индивидуального «Я», то весь окружающий мир рассматривается как объект его преобразовательной деятельности, и всякая деятельность протекает в жестких рамках отношений «субъект — объект» [8; 9].

В христианстве отношение к конфликтам и их крайним формам весьма сложно. Превратившись в государственную религию, христианская церковь в Римской империи и других государствах не могла не поддерживать ведение войн, а порой и сама была их организатором. Апогеем трансформации пацифизма раннего христианства в защиту насилия явились крестовые походы XI–XIV вв., в ходе которых захватнические цели прикрывались религиозными лозунгами борьбы против «неверных», освобождения «гроба Господня» и «Святой земли» (Палестины). В Новейшее время к идеям отрицательного отношения к насилию обращается как официальная католическая церковь, так и православная.

Самыми последовательными в оценке силовых и ненасильственных средств в мировоззрении и политике являются буддизм и индуизм. Основывающиеся на всеобщей любви людей, они не приемлют насилие, особенно войну. Буддисты исходят из Вселенской жертвы и первопричины бытия. Перенеся тяготы Вселенской катастрофы и социальных потрясений, люди осознали ненужность борьбы друг с другом, отказались от человеческих пороков и добровольно встали на путь благодеяния и служения Богу. Поэтому в буддизме нет резкого противопоставления добра и зла.

Вследствие этого во многих восточных религиях нет цельной концепции проблем войны и мира. Лишь появление оружия массового уничтожения побудило приверженцев буддизма высказать более определенно свое отрицательное отношение к войне. По их убеждению, преодолеть это зло можно, строя свою жизнь на любви к ближнему, поскольку ненависть не прекращается ненавистью, но с ее отсутствием она прекращается. В этом заключается нравственный подход к предотвращению социальных конфликтов. Кармический подход к недопущению конфликтов более характерен для индуизма. Он заключался в необходимости формирования положительной кармы общества, страны, которая состоит из индивидуальных карм [4]. Буддизм пользуется устойчивой репутацией самой гуманной в истории человечества религии, так как провозглашает принципы моральной ответственности человека за все деяния и необходимость сострадательного отношения к любому живому существу без исключения [2].

Слово «ненасилие» в европейских языках воспроизводит структуру санскритского слова «ахимса», обозначающего этическую позицию отказа от нанесения вреда живому. Ненасилие — не есть пассивное сопротивление, а активная позиция, представляющая собой деятельное выражение любви как духовного единения людей [5]. Для понимания ненасилия существенно не только то, что это отказ от насилия, но также и то, что такой отказ представляет собой способ разрешения общественных конфликтов, эффективное средство борьбы за социальную справедливость. Стратегия ненасилия требует большой решимости, мужества и терпения, чем насильственная борьба [15]. Как отмечает Л. А. Гусейнов, стратегия ненасилия — та новая и ближайшая духовная высота, которую предстоит «взять» человечеству, и оно может «взять» ее только объединенными усилиями [5].

Христианство в контрасте к античному язычеству и азиатским религиям не только утвердило дуализм человека и природы, но также объявило, что именно по воле бога человек эксплуатирует природу в собственных интересах. Христианская мораль ставит во главу угла человека, особо не останавливаясь на отношениях с природой и делая основной упор на отношениях человека к человеку, на моральных принципах взаимоотношений в человеческом обществе. Буддизм же, как и все древневосточные учения, рассматривает человека как микрокосм, частицу Вселенной, ее микромодель, а отсю-

да взаимозависимое отношение людей и окружающего мира. В буддийской философии необходимость достижения человеком гармоничного единства бытия, не расколотого на оппозиции, обуславливалась тем, что дихотомия «природного» и «культурного» начал рассматривалась как частный случай бинарного расчленения мира, искусственного разделения и противопоставления выделяемых частей друг другу и всему природному целому. Как и в случаях с другими оппозициями, основной причиной такого расчленения и противопоставления является «изначальное неведение», порождающее эмоциональную, психическую «омраченность», которая, в свою очередь, порождает все другие «заблуждения», вызывающие неудовлетворенность и страдание [1].

Основным признаком «неведения» является, согласно буддийскому учению о религиозном спасении (сотерология), представление о собственном «Я» как о независимой реальности, неизбежно приводящее к противопоставлению этого «Я» всему тому, что является «не-Я», то есть всему окружающему человека миру явлений, а также некоторым феноменам его собственной психики. Именно это индивидуальное «Я», воспринимаемое человеком как субъект познания и деятельности и в качестве такового воспринимающего весь окружающий мир как объект (или сумму объектов), создает дихотомическую модель субъектно-объектных отношений человека и природы, ибо если не будет субъекта как отдельного и тождественного самому себе образования, то, соответственно, не будет и противостоящего ему объекта. Такой подход в восприятии субъекта (человека) и объекта (другого человека или природы), познающего и познаваемого, творящего и творимого, показывает взаимообусловленность, взаимозависимость и относительность соотношения «природного» и «культурного» в буддийской экологической культуре, основанной на идее гармоничного единства субъектно-объектных отношений [2].

Утверждение о несуществовании индивидуального «Я» занимает в буддийской философии одно из центральных мест. Признание существования индивидуального «Я» буддисты связывают непосредственно с неведением (авидья). Из этого неведения и возникает понятие «существование индивидуальности», которое, увлекаясь бытием, будучи всецело охвачено вихрем жизни, создает привязанность к существованию. Для того чтобы твердо встать на путь спасения, буддист должен подавить в себе привязанность к иллюзорному бытию, а это можно сделать лишь в том случае, если индивид подлинно познал нереальность существования индивидуального «Я» [6].

В буддийской сотерологии человек рассматривался не как особое, стоящее над природой существо, а прежде всего как «представитель одного из «разрядов» всей совокупности «живых существ», вся жизнь которого, как и переход из одного состояния в другое, обусловлена действием общего для всех принципа «кармической ответственности». В этико-психологическом плане единственным отличием человека от других существ является то, что он единственный способен был осознать эту ответственность и реализовать в себе потенцию будды, достигая высшего состояния «освобождения» от кармического «воздаяния» или «возмездия». Иначе говоря, человек — это не «царь природы», навязывающий ей свою волю, а одно из бесчисленных «живых существ», правда, существо особое в том смысле, что оно одно обладает способностью к «просветлению» уже в данном состоянии [2].

Согласно буддизму, в частности его северной ветви тибетско-монгольской махаяны, утверждавшему в Центральной Азии так называемый обет бодхисаттвы, человеческие страдания в мире «смертей и рождении» представлялись неизбежными до тех пор, пока человек не преодолет свой эгоцентризм и не поможет другим живым существам обрести состояние будды [3].

Классификации различий Востока и Запада. В многочисленных сопоставлениях культур, проводимых разными исследователями, даются антиномичные характеристики Востока и Запада. Подобное антиномичное описание культур Востока и Запада получило основательную разработку в западном культуроведении. В качестве итога сравнительного анализа восточного и западного типов мышления эпохи Ренессанса М. А. Мамонова представила характеристики, составленные с учетом социокультурного контекста их формирования и последующей эволюции [11].

Критерии различий восточной и европейской культур на примере Китая и Европы описаны Чжэн Чжилян [22]: 1) соотношение логического и интуитивного в мышлении; 2) соотношение индивидуального и коллективного; 3) представления о гармонии и дисгармонии; 4) нравственные представления; 5) степень автономности индивида; 6) концепции добра и зла.

Определяя принципиальные различия между Западом и Востоком с позиций культурологического дискурса, В. Л. Кургузов отмечает, что анализ этих различий диктуется прежде всего тем, что они относятся к социокультурной сфере, которая является определяющей, конституирующей в наследственном ядре любой культуры, особенно применительно к ментальности, мировоззрению, религии и

идеологии, пониманию соотношения личности и общества, смыслу жизни и др. [11]. Учет этих принципиальных различий имеет исключительно важное значение для развития межкультурного диалога, межкультурной коммуникации в целом. С. В. Калмыков на примере даосско-буддийской субкультуры восточно-азиатского региона (в контексте проблемы влияния различных религиозно-философских учений на теоретические и практические основы восточно-азиатских единоборств) предложил сравнительную классификацию различий Востока и Запада [8; 9]. По мнению автора, предлагаемая схема может быть основанием для сравнительного анализа индивидуальных характеристик подготовленности квалифицированных спортсменов-единоборцев.

XXI в. должен определить сущность бытия России в условиях перехода в новое глобальное состояние — ноосферное развитие мировой культуры. В последнее десятилетие различные проблемы России стали изучаться весьма широко и с иных методологических позиций. Это является свидетельством закономерного возрастания научного интереса к России как стране, соединяющей Восток и Запад, обладающей огромным и еще неизведанным потенциалом возможностей дальнейшего культурно-исторического развития. Россия как «географическая страна» занимает огромную территорию и располагается на двух континентах: Европейском и Азиатском, простираясь от Балтийского моря до Тихого океана. Ее географическое положение и историческое развитие свидетельствуют о том, что проблема «Восток — Запад» является для России актуальной и важной, ведь в Российском государстве встречаются и соединяются два мира, два континента, два региона — Восток и Запад. Таким образом, Россия — единственная страна, где происходит соединение двух противоположных регионов, что дает ей преимущество в развитии мировой культуры [20].

Географическое положение, в силу которого Россия принадлежит как к Европе, так и к Азии, историческое прошлое, тесно связанное с судьбами Востока, уходящие в глубь веков политические, торговые и культурные контакты с азиатскими соседями вдоль растянутой на многие тысячи километров границы, сосуществование со времен Российской империи в рамках единой государственности народов с многочисленными этносами азиатского региона — все это издавна сказывалось на глубоким интересе отечественных исследователей к Востоку в целом, и его духовной культуре в частности [16].

Однако все же развитие русской культуры сопровождается постоянными конфликтами между западными и восточными элементами при неизменном сохранении своеобразия. Она не ассимилируется с Востоком и в то же время не во всем следует за Западом, а постоянно воспринимает новые идеи как с Востока, так и с Запада. Многие идеи западной и восточной культур в преобразованном виде становятся частью русской культурной традиции, основными чертами которой являются конфликтность и новаторство [23].

Проблема Восток — Запад являлась актуальной для многих русских исследователей, особенно тех, кто вынужден был уехать из России после 1922 г. Эта проблема, которая тесно и непосредственно переплетается с проблемой России, ее истинного пути и будущего, привлекла пристальное внимание группы представителей русской интеллигенции зарубежья, которая оформилась в 20-х гг. XX в. в г. Софии в особое течение, называемое евразийство. Их особенно волновало историческое место Российского государства, в частности то, как своеобразие России, ее двухкорневая основа скажутся на развитии ее духовного потенциала [19; 20]. Евразийство является мощным идейно-теоретическим течением XX в. в России. В его рамках сформулирована перспективная модель социокультурного устройства России и Евразии как метакультурной ценности [10].

Байкальский регион — регион, в который входят Бурятия, частично Читинская область и Иркутская область, а также северная часть Монголии. Это сравнимо с территориями Франции, Германии и Италии, вместе взятыми. На глобальное значение Трансбайкалья указывали русские космиты, в частности Н. К. Рерих. Именно здесь был выделен такой всемирно известный феномен, как «древнее темя Азии». Данный регион лежит в области пересечения наиболее важных геополитических мировых осей: мир христианский — мир буддийский Россия — Китай, Россия — Азиатско-Тихоокеанский регион и в целом Восток — Запад [12].

Байкальский регион является родиной многочисленных миграционных «взрывов», оказавших существенное влияние на обитателей всего Европейского континента. Здесь сложилась особая формация, характеризующаяся взаимодействием западной и восточной цивилизаций, мирным сожительством различных этносов; именно здесь исторически осуществлялся синтез разнородных традиций и укладов, кристаллизовывались культурные «веяния» Европы и Азии; здесь укоренились экологические и духовные ценности буддизма. Байкальский регион — сокровищница материальной и

духовной культуры Центральной Азии. На его территории существовали державы хуннов и монголов, каганаты жужжаней, тюрков, уйгуров и киданей, поддерживающие широкие международные связи как с Западом, так и Востоком, В контексте глобальных проблем современности Бурятия и сегодня занимает важное место как ворота России на Восток [12; 13].

З. П. Морохоева, говоря о специфике личности в культурах Востока и Запада, рассматривает ее сквозь призму бурятской культуры, в которой Восток и Запад постоянно встречаются и переплетаются [15]. Особенность Бурятии заключается в том, что по ее территории проходит граница культур Центральной Азии, Китая и России. И как раз здесь и обнаруживается условность деления на Восток и Запад. Если в Новое время для России Западом была Западная Европа, то в конце XIX — начале XX в. для Бурятии Западом была Центральная Россия, которая принесла сюда идею дискретности мира. В то же время ядро бурятской культуры оставалось чисто восточным.

Как уже отмечалось ранее, вопросы сопоставления и взаимодействия культур Востока и Запада изучаются на протяжении столетий. Однако научная разработка проблемы исследований в сфере физической культуры и спорта в аспекте Восток — Запад осуществляется всего лишь несколько десятков лет. Начало массового изучения элементов восточной физической культуры в нашей стране можно отнести к середине 80-х гг. XX в. Это обусловило необходимость разработки теоретико-методологических основ исследований в физической культуре и спорте в аспекте Восток — Запад. Так, в 1994 г. научно-спортивная общественность впервые получила возможность ознакомиться с концепцией С. В. Калмыкова, обосновывающей необходимость взаимообогащения культур Востока и Запада в сфере физической культуры и спорта [8; 9].

Актуальность концепции обусловлена потребностью научного изучения и экспериментального обоснования механизмов восточных систем психофизической подготовки, модификации и адаптации применительно к культурно-историческим условиям нашей страны, доминирующим в ней социально-психологическим типам личности. Сравнительный анализ подготовки спортсменов в восточных и западных системах дает обширную методологическую и эмпирическую базу для интеграции и взаимообогащения различных культурно-исторических традиций, что особенно важно для нашей страны, исторически сформировавшейся как межцивилизационный феномен, который развивается в условиях постоянного диалога и взаимодействия культур Востока и Запада.

Теоретико-методологической основой изучения спортивной деятельности человека в контексте Восток — Запад являются различия в концептуальных подходах к решению проблемы индивидуального «Я» и субъектно-объектных отношений. Так, в западных школах спорта основной упор делается на развитие дискурсивно-логического мышления, вербальную мотивацию действий, четкое осознание субъектом деятельности границ своего индивидуального «Я», в восточных же школах — на развитие интуиции и образно-чувственного восприятия, спонтанность и естественность реакции, отсутствие вербальной мотивации действий. Таким образом, наиболее важной, отличительной чертой восточной методологии индивидуализации подготовки единоборцев является отношение к проблеме индивидуального «Я», которая является центральной проблемой бытия во всех религиозно-философских учениях, заложивших методологические основы восточных единоборств (буддизм, даосизм, индуизм, конфуцианство и др.).

С. В. Калмыковым предложена сравнительная классификация различий Востока и Запада. Данная схема является основой сравнительного анализа индивидуальных характеристик подготовленности спортсменов, в том числе единоборцев.

В заключение следует отметить, что философско-религиозные, культурно-исторические, педагогические, психологические и другие исследования в аспекте Восток — Запад в физической культуре и спорте имеют большие перспективы в силу того, что многие достижения Востока в этой сфере все еще остаются малоизученными.

Литература

1. Абаева Л. Л., Абаев Н. В. Этноэкологические традиции и культура народов Центральной Азии // Интеллигенция: проблемы гуманизма народа, власти: тр. междунар. науч. конф. — Улан-Удэ, 1984. — Ч. 3. — С. 4–5.
2. Абаев Н. В., Абаева Л. Л. Особенности этноэкологических традиций народов региона Байкала // Стратегия устойчивого развития Байкальского региона. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. — С. 295–338.
3. Абаев Н. В., Нестеркин С. П. Человек и природа в чаньской (дзенской) культуре // Проблемы человека в традиционных китайских учениях. — М., 1983. — С. 71–82.
4. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология. — М.: Юнити, 1999. — 551 с.
5. Гусейнов А. А. Философия, мораль, политика. — М.: Академкнига, 2002.
6. Дандарон Б. Д. Теория шуны у мадхьямиков // Ступени. — 1991. — № 1. — С. 12–21.

7. Каган М. С., Хилтухина Е. Г. Проблема «Запад — Восток» в культурологии: взаимодействие художественных. — М.: Наука; Вост. лит-ра, 1994. — 160 с.
8. Калмыков С. В. Индивидуальность в спорте. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1993. — 104 с.
9. Калмыков С. В. Индивидуализация подготовки спортсменов-единоборцев в контексте культурных традиций Востока и Запада: дис. ... д-ра пед. наук. — М., 1994. — 60 с.
10. Кургузов В. Л. Восток — Россия — Запад: теория и практика межкультурной коммуникации. Очерки лекционного курса. — Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 2003. — 351 с.
11. Мамонова М. А. Запад и Восток: традиции и новации рациональности мышления. — М.: Изд-во МГУ, 1991. — 120 с.
12. Мантатов В. В. Концепция устойчивого развития как стратегия обеспечения безопасности жизни // Стратегия устойчивого развития Байкальского региона. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. — С. 7–20.
13. Мантатова Л. В., Мантатов В. В. Региональная стратегия устойчивого развития // Стратегия развития: ценности новой цивилизации. — Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2004. — С. 181–189.
14. Мантатова Л. В. Стратегия развития: Ценности новой цивилизации. — Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2004. — 242 с.
15. Морохоева З. П. Личность в культурах Востока и Запада: к постановке проблемы. — Новосибирск: Наука; Сиб. изд. фирма, 1994. — 206 с.
16. Степанянц М. Т. Восточная философия: восточный курс. Избранные тексты. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Вост. лит-ра РАН, 2001. — 511 с.
17. Тоффлер Э. Третья волна. — М.: АСТ, 1999. — 197 с.
18. Фромм Э. Иметь или быть. — М., 1986. — 238 с.
19. Хилтухина Е. Г., Хилтухина Е. А. Восток — Запад, или философия Всеединства русских мыслителей. — М.: Штрих-тон, 1997. — 128 с.
20. Хилтухина Е. Г. Философия Всеединства в контексте проблемы «Восток — Запад» русских. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2002. — 198 с.
21. Хилтухина Е. Г. Курс лекций по культурологии: учеб. пособие. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2003. — 234 с.
22. Чжэн Чжилян. Становление образования в контексте взаимодействия культуры Востока и Запада (на материале системы высшего образования в Китае): дис. ... канд. филос. наук. — Владивосток, 2006. — 159 с.
23. Ду Фэнчжоу. Русский характер. — Цзилинь, 1988. — 287 с.

References

1. Abaeva L. L., Abaev N. V. Etnoekologicheskie traditsii i kul'tura narodov Tsentral'noi Azii [Ethnoecological traditions and culture of the Central Asia peoples]. *Intelligentsiya: problemy gumanizma naroda, vlasti — Intelligentsia: the problems of people's humanism and power*. Proc. Int. sci. conf. Part 3. Ulan-Ude, 1984. Pp. 4–5.
2. Abaev N. V., Abaeva L. L. Osobennosti etnoekologicheskikh traditsii narodov regiona Baikala [Features of the Baikal region peoples' ethnoecological traditions]. *Strategiya ustoichivogo razvitiya Baikalskogo regiona — Strategy of the Baikal region sustainable development*. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 1998. Pp. 295–338.
3. Abaev N. V., Nesterkin S. P. Chelovek i priroda v chan'skoi (dzenskoi) kul'ture [Man and nature in the Chan (Zen) culture]. *Problemy cheloveka v traditsionnykh kitaiskikh ucheniyakh — Problems of person in traditional Chinese doctrine*. Moscow, 1983. Pp. 71–82.
4. Antsupov A. Ya., Shipilov A. I. *Konfliktologiya* [Conflict resolution studies]. Moscow: YuNITI, 1999. 551 p.
5. Guseinov A. A. *Filosofiya, moral', politika* [Philosophy, morality, politics]. Moscow: Akademkniga, 2002.
6. Dandaron B. D. Teoriya shun'i u madkh'yamikov [The Shunyi theory of Madhyamikas]. *Stupeni (Filosofskii zhurnal) — Steps (Philosophical Journal)*. 1991. No. 1. Pp. 12–21.
7. Kagan M. S., Khiltukhina E. G. *Problema «Zapad–Vostok» v kul'turologii: vzaimodeistvie khudozhestvennykh kul'tur* [The problem of East and West in cultural studies: interaction of artistic cultures]. Moscow: Nauka; Vostochnaya literatura, 1994. 160 p.
8. Kalmykov S. V. *Individual'nost' v sporte* [Individuality in sport]. Ulan-Ude: Buryat book publ., 1993. 104 p.
9. Kalmykov S. V. *Individualizatsiya podgotovki sportsmenov-edinobortsev v kontekste kul'turnykh traditsii Vostoka i Zapada. Dis. ...d-ra ped. nauk* [Individualization of combatants' training in the context of Eastern and Western cultural traditions. Dr. ped. sci. diss.]. Moscow, 1994. 60 p.
10. Kurguzov V. L. *Vostok–Rossiya–Zapad: Teoriya i praktika mezhkul'turnoi kommunikatsii* [East–Russia –West: Theory and Practice of Intercultural Communication]. Ulan-Ude: Publishing and Printing Complex of ESSACA, 2003. 351 p.
11. Mamonova M. A. *Zapad i Vostok: traditsii i novatsii ratsional'nosti myshleniya* [East and West: Traditions and Innovations of rational thinking]. Moscow: Moscow State University, 1991. 120 p.
12. Mantatov V. V. *Kontseptsiya ustoichivogo razvitiya kak strategiya obespecheniya bezopasnosti zhizni* [The concept of sustainable development as a strategy for life safety ensuring]. *Strategiya ustoichivogo razvitiya Baikalskogo regiona — Strategy of the Baikal region sustainable development*. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 1998. Pp. 7–20.
13. Mantatova L. V., Mantatov V. V. *Regional'naya strategiya ustoichivogo razvitiya* [Regional strategy of sustainable development]. *Strategiya razvitiya: Tsennosti novoi tsivilizatsii — Development strategy: a new civilization values*. Ulan-Ude: East Siberian State Technological University publ., 2004. Pp. 181–189.
14. Mantatova L. V. *Strategiya razvitiya: Tsennosti novoi tsivilizatsii* [Development strategy: a new civilization values]. Ulan-Ude: East Siberian State Technological University publ., 2004. 242 p.
15. Morokhoeva Z. P. *Lichnost' v kul'turakh Vostoka i Zapada: k postanovke problemy* [Personality in the cultures of East and West: to the problem]. Novosibirsk: Nauka; Siberian publ. company, 1994. 206 p.
16. Stepanyants M. T. *Vostochnaya filosofiya: Vostochnyi kurs*. [Oriental philosophy: Eastern course]. 2nd ed. Moscow: Vostochnaya literatura, 2001. 511 p.
17. Toffler A. *The Third Wave*. Bantam Books, 1980.

18. Fromm E. *To Have or to Be?* Harper & Row, 1976.
19. Khilgukhina E. G., Khiltukhina E. A. *Vostok–Zapad, ili filosofiya Vseedinstva russkikh myslitelei* [East–West, or Russian thinkers' philosophy of unity. Moscow: Shtrikhton, 1997. 128 p.
20. Khiltukhina E. G. *Filosofiya Vseedinstva v kontekste problemy «Vostok–Zapad» russkikh myslitelei* [Philosophy of unity in the context of Russian thinkers' East–West problem]. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 2002. 198 p.
21. Khiltukhina E. G. *Kurs leksii po kul'turologi* [The course of lectures on cultural studies]. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 2003. 234 p.
22. Zheng Chzhilyan. *Stanovlenie obrazovaniya v kontekste vzaimodeistviya kul'tury Vostoka i Zapada (na materiale sistemy vysshego obrazovaniya v Kitae). Dis. ... kand. filos. nauk* [Education formation in the context of East and West cultural interaction (based on materials of higher education system in China). Cand. philosophy sci. diss.]. Vladivostok, 2006. 159 p.
23. Du Fenchzhou. *Russkii kharakter* [Russian character]. Jilin: History and Culture, 1988. 287 p.

УДК 615.89+392

doi: 10.18097/1994–0866–2015–0–8–103–106

Из истории народного лечения закаменских бурят

© Балдоржиева Василиса Батомункуевна

аспирант кафедры теологии и религиоведения Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: bagz2010@mail.ru

В статье отмечается своеобразие народной медицины в горных условиях Закаменского района Республики Бурятия в начале XIX в. Она существовала и развивалась на всём протяжении истории человечества, совершенствуясь и обогащаясь, ее традиции передавались из поколения в поколение. Развитие народной медицины происходило в соответствии с природно-климатическими особенностями местности, например, сбор лекарственного растительного сырья осуществлялся в строго определенные времена года, посезонная заготовка в лечебных целях животных органов или продуктов их жизнедеятельности — с учетом их возраста и т. п. Она вобрала в себя существенный багаж рациональных знаний и приемов (лечебные средства растительного, животного и минерального происхождения, психологическое воздействие, гигиенические навыки). Народная медицина как неотъемлемая часть культуры закаменских бурят способствовала сохранению здоровья населения.

Актуальность изучения народной медицины обусловлена не только теоретическим, но и практическим значением, т. к. дает возможность использовать положительный опыт в области профилактики и лечения заболеваний в современной медицине, накопление которого происходило через познание окружающего мира.

Ключевые слова: народная медицина, природно-климатические условия, горный климат, лекарственные средства растительного и животного происхождения, Республика Бурятия, Закаменский район.

From History of Zakamensk's Buryats Traditional Treatment

Vasilisa B. Baldorzhieva

Research Assistant, Buryat State University

24a, Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The article notes the originality of traditional medicine in the mountains Zakamensk region (Republic of Buryat) at the beginning of the XIX century. It existed and evolved throughout mankind history. Improving and enriching its traditions were passed on from generation to generation. The development of traditional medicine came according to the climatic characteristics, such as the collection of medicinal plants at certain times of the year, seasonally harvesting of animals organs or their metabolic products for medical purposes, taking into account their age, etc. And it has absorbed essential fund of knowledge and practice (treatment of vegetable, animal and mineral origin, psychological impact, hygiene skills). Traditional medicine as an integral part of the culture of the Zakamensk's Buryats contributed to the preservation of public health.

The thematic justification of traditional medicine determine not only theoretical but also practical value because it enables the use of good practice in the prevention and treatment of diseases in modern medicine. Modern scientific medicine is practiced on a wide scale valuable experience of traditional medicine, which accumulation occurred through the cognition of the environmental.

Keywords: traditional medicine, natural and climatic conditions, mountain climate, drug products of plant and animal origin, Republic of Buryatia, Zakamensk district.

Закаменский район, расположенный в юго-восточной части Республики Бурятия, является одним из самых отдаленных и крупных агропромышленных районов республики. Территория характеризуется горным массивом высотой от 700 до 1 300 м над уровнем моря и тайгой (60 % территории района покрыто лесами), за что район называют горно-таежным. Протяженность района с запада на восток составляет более 300 км, а с севера на юг — более 150 км. Климат Закамны суровый, резко континентальный, местами характерна вечная мерзлота.

Этот район отличается наличием живописных гор, лесов, чистым воздухом, целебными источниками. Однако в то же время такой климат из-за низких температур воздуха, холодных зимних ветров способствует простудным и другим заболеваниям, хотя в целом горный климат, свежий воздух, обилие солнца, жизнедеятельность населения на природе, в движении, наличие душевного покоя — все это, естественно, в комплексе способствует оздоровлению. Здоровье населения формируется и поддерживается за счет благоприятных условий в повседневной жизни.

Характерной особенностью бурятского населения Закаменского района было то, что оно всегда жило довольно зажиточно, «обилие пушного зверя, разработка золота, а также чайный транзит, действовавший до 1897 года, давали населению существенный побочный заработок» [2, с. 38]. Этому, в

частности, способствуют богатые лесные растительные и животные ресурсы, наличие множества бальнеологических источников.

Буряты болезни делили на заразные и незаразные. К заразным они относили особо опасные инфекции (чума, оспа). В случае их подозрения принимались чрезвычайные меры, начиная от изоляции больных и вплоть до массовой откочевки из зараженной местности, оставляя больных с некоторым запасом провизии [1, с. 323]. Вероятно, данные автором способы борьбы с инфекцией использовались в исключительных случаях. В частности, спасала от эпидемии удаленность жилищ друг от друга — от юрты до юрты целые версты, идеальная изоляция юрт. По полевым источникам, изолированных больных одних никогда не оставляли, обязательно оставались ухаживающие на добровольной основе. Кроме того, лечение людей было построено на внушении, слепой вере в приемы врачующего, выздоравливали буквально вопреки лечению.

Известно, что буряты страдали следующими заболеваниями: сибирской язвой, чумой (*бодо*), часто встречалась горячка, местная лихорадка (*хулун убушун*), парша (*хаму*), брюшной тиф и оспа. Г. Р. Галданова считает, что наличие этих заболеваний обусловлено спецификой хозяйственной деятельности, особенностями быта и питания. Буряты знали и боялись признаков болезней, например, желтухи и других заразных заболеваний, они пытались их предотвратить. Другие заболевания заносились из других регионов, например, оспа [2, с. 91].

Действительно, болезни закаменские буряты связывали с резко континентальными природно-климатическими условиями, хозяйственной деятельностью (скотоводство), повседневной жизнедеятельностью, что predisполагало к переохлаждению организма, обморожениям, тепловым (солнечным) ударам. Ведение кочевого скотоводства могло привести к хроническим переутомлениям и всевозможным травмам. Были заболевания, связанные с нарушением питания. Из-за бытовых особенностей того времени у населения были распространены специфические заболевания, вызванные, например, такими возбудителями, как глисты (*санха хорхой*). Это обусловлено тем, что буряты традиционно питались слегка проваренным мясом и часто употребляли сырую свежую и замороженную печень животных.

Естественно, медицинские знания у населения основывались на хорошей осведомленности о ресурсах своего региона. С изменением окружающей среды (растительного и животного мира) менялись медицинские знания человека, приобретались новые.

Активное занятие охотой у закаменских бурят во многом способствовало формированию особых медицинских знаний, например, наблюдение за поведением животных, разделывание туш обогащало человека анатомическими знаниями. Различные части тела животных использовали в качестве лекарств, со временем стали изготавливаться лекарства животного происхождения.

Обращает на себя внимание специфика методов народной медицины закаменских бурят. В Закаменском районе было широко развито лечение на основе природных ресурсов. Приведем характерный пример из истории экспедиции геолога М. В. Бесовой, где проводником был известный следопыт и рудознатец, житель Закаменского района Шампи Ямпиллов. Однажды, идя замыкающим в цепочке, молодой геолог делал затесы и повредил топором ногу выше коленной чашечки. Ш. Ямпиллов, рассмотрев травмированную ногу, взял топор, удалился к близстоящей лиственнице, на которой торопливо начал срубить кору. Сделав нужный стес коры, он начал что-то выискивать в буйной растительности альпийского луга. Найдя нужные ему листочки, он вернулся к лиственнице и собрал на ней выступившую прозрачную смолу. После подошел к геологу, с силой сжал кожу, как бы склеив ее. Кровотечение прекратилось, нога была бережно забинтована. Наутро молодой геолог встал, и все продолжили путь, а травмированная нога даже не опухла, и в дальнейшем от раны осталась только белая полоска. Это наглядный пример эффективности народной медицины. Необходимо отметить, что смола лиственницы сибирской обладает противовоспалительным, противомикробным, анальгетическим действием [9]. Также смолу в народной медицине как целебное средство издавна использовали жители Приангарья [7]. В настоящее время из смолы лиственницы заводским путем получают терпентин, который используют как лечебное средство в виде мазей и пластырей при ревматизме и подагре [10]. К сожалению, сведения об использованном лекарственном растении утрачены, скорее всего, это было ранозаживляющим средством.

Накопленных практических способов лечения очень много. Из их состава можно выделить следующие: общеоздоровительные, природные, биоэнергетические, медитация и психотерапия, дыхательные упражнения, водолечение (питьевые аршаны, термальные, углекислые, родоновые ванны, ванны с травяными настоями), массаж, уринотерапия, лечение голодом и т. д.

Деление это весьма условно, т. к. отдельные способы лечения могут относиться не к одной, а нескольким группам, объединяя базовые принципы воздействия на организм. Например, большинство восточных методов влияют на энергетику человека; применяется рефлексотерапия на основе методов древней китайской медицины; биоэнергетические методы лечения ментальные, прижигание, окуривание, спелеотерапия.

Характерным лечением для жизнедеятельности населения Закаменского района является «обкладывание» бараном. При заболеваниях внутренних органов больного заворачивали в свежую, только что снятую шкуру этих животных. Перед этим больного обкладывают внутренними органами по принципу: сердце — на сердце, печень — на печень, почки — на почки и т. д. Больной должен был лежать до тех пор, пока шкура не остынет. Данный метод считался очень ответственным, так как неправильное выполнение было чревато осложнениями. Большое значение придавалось не только возрасту, полу и масти животного, но и времени года, когда проводилось лечение. По материалам С. Г. Жамбаловой: «если весной завертываешь, то надо дожидаться хорошего травостоя, цветения желтых цветов», «осенью процедуру делают на желтые листья» [3]. С научной точки зрения к объяснению механизма лечебного эффекта «обкладывания» можно подойти с позиции академика В. П. Казначеева и Л. П. Михайловой о так называемом «зеркальном цитопатетическом эффекте» [4]. Предполагается, что передача биологической информации в системе «клетка — клетка» является не первичным химическим механизмом, а следствием более сложных процессов, то есть индуцирующая клетка как источник и носитель сложного электромагнитного поля, порождаемая биохимическими процессами, постоянно направляет и управляет всей метаболической деятельностью клетки [6]. В результате проведенных опытов «экспериментально было установлено неизвестное ранее явление дистантных межклеточных электромагнитных воздействий между двумя культурами ткани при воздействии на одну из них факторов биологической, химической или физической природы с характерной реакцией другой (интактной) культуры в виде “зеркального” цитопатетического эффекта» [5].

В каждом хошуне Закаменского района врачевали местные костоправы (баряши), которые занимались массажем, вправлением вывихов костей в суставах, сопоставлением отломков костей и их фиксацией подручными средствами. Для того чтобы заниматься практикой баряша, претенденту приходилось проходить через многочисленные испытания и обряды. Приемы, которыми пользовались костоправы, можно обнаружить в современной медицине — травматологии, мануальной терапии, массаже [8]. Навыки костоправов и массажистов передавались по наследству. Большинство баряш этого района были профессионалами и эффективно лечили, тем самым пользовались у населения заслуженным уважением.

Специфика жизнедеятельности Закаменского района способствовала использованию в лечении молока и кисломолочных продуктов. Представляют большой интерес такие варианты лечения, как ванны из парного молока, кумыса, обертывание сметаной. Использовался растопленный жир медведя, барсука, волка, сурка-тарбагана, а также желчь этих животных. Широко применялись разные части животных — мускус кабарги, панты оленей, хвост, лапы и т. д. Сегодня, когда разрабатываются варианты пересадки органов животных человеку, в частности печени, можно смело сказать, что идея использования органов представителей животного мира для лечения характерна боро арга. Также наличие многочисленных целебных растений в районе, описанных ранее, позволяет широко использовать препараты, изготовленные из трав, кустов, деревьев. Помимо этого применялось и минеральное сырье, как то: каменное масло, полудрагоценные камни, золото, серебро, медь. Они имеются в районе в большом количестве.

Распространенной формой лечения являлся прием ванн в минеральных источниках, которым богат район. Выбор источника согласовывался с костоправами или шаманами и ламами. Не допускался спонтанный выбор источника для ванн, как сегодня принято, поскольку неправильный выбор источника мог привести к нежелательным последствиям.

Таким образом, в Закаменском районе имелся целый комплекс специфических народных методов лечения, основанных на особенностях горного климата, природно-климатических условий, питания, быта.

Литература

1. Буряты / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — М.: Наука, 2004. — С. 323 (Народы и культуры).
2. Галданова Г. Р. Закаменские буряты: историко-этнографические очерки (Вторая половина XIX — первая половина

XX в.). — Новосибирск, 1992. — С. 38, 91.

3. Жамбалова С. Г. Реминисценции кочевого образа жизни на фоне повседневных практик советского и постсоветского времени (устная история Г. Б. Тудиновой). — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. — С. 100.

4. Казначеев В. П., Михайлова Л. П. Сверхслабые излучения в межклеточных взаимодействиях. — Новосибирск, 1981. — С. 156.

5. Казначеев В. П., Шурин С. П., Михайлова Л. П. Открытие № 122. Дистантные межклеточные взаимодействия в системе двух тканевых культур // Офиц. бюл. Комитета по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР. — 1973. — № 19. — С. 3.

6. Назаров-Рыгделон В. Э., Бадараев Б. Д., Батуев Б. Б. Лекарственные средства животного происхождения тибетской медицины в свете явления «Зеркального цитопатического эффекта» // Рериховские чтения — 1984 г. К 110-летию Н. К. Рериха и 80-летию С. Н. Рериха: материалы конференции. — Новосибирск, 1985. — С. 147.

7. Федотов Н. П. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. — Томск, 1975. — С. 61.

8. Хамаганова Т. Простое лечение. Бурятская медицина становится популярной за пределами республики // Номер один. — 2013. — № 40. — 9 окт. — С. 25.

9. Лиственница сибирская [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.neboleem.net>.

10. Народные средства и народные рецепты [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.1000listnik.ru/>

References

1. *Buryaty* [The Buryats]. Moscow: Nauka, 2004. P. 323.

2. Galdanova G. R. *Zakamenskije buryaty: istoriko-etnograficheskie ocherki (Vtoraya polovina XIX — pervaya polovina XX v.)* [The Zakamensk Buryats: historical and ethnographic essays (Second half of 19th — first half of 20th century)]. Novosibirsk, 1992. Pp. 38, 91.

3. Zhambalova S. G. *Reministsentsii kochevogo obraza zhizni na fone povsednevnykh praktik sovetskogo i postsovetskogo vremeni (ustnaya istoriya G.B. Tudinovoi)* [Reminiscences of a nomadic way of life against the background of Soviet and post-Soviet everyday practices (G. B. Tudinova's oral history)]. Ulan-Ude: BSC SB RAS publ., 2013. P. 100.

4. Kaznacheev V. P., Mikhailova L. P. *Sverkhslabye izlucheniya v mezhkлетochnykh vzaimodeistviyakh* [Superweak radiation in cell-cell interactions]. Novosibirsk. 1981. P. 156.

5. Kaznacheev V. P., Shurin S. P., Mikhailova L. P. Otkrytie № 122. Distantnye mezhkлетochnye vzaimodeistviya v sisteme dvukh tkanevykh kul'tur [Opening No. 122. Distant intercellular interactions in the system of two tissue cultures]. *Ofitsial'nyi byullyuten' Komiteta po delam izobretenii i otkrytii pri Sovete Ministrov SSSR — Official Bulletin of Committee for Inventions and Discoveries under the USSR Council of Ministers*. 1973. No. 19. P. 3.

6. Nazarov-Rygdalon V. E., Badaraev B. D., Batuev B. B. *Lekarstvennye sredstva zhitovnogo proiskhozhdeniya tibetskoi meditsiny v svete yavleniya «Zerkal'nogo tsitopaticheskogo effekta»* [Tibetan medicinal products of animal origin in the light of "Mirror cytopathic effect" phenomenon]. *Rerikhovskie chteniya 1984 g. K 110-letiyu N. K. Rerikha i 80-letiyu S. N. Rerikha — Roerich readings of 1984. To the 110th ann. of N. Roerich and the 80th ann. of S. Roerich*. Proc. conf. Novosibirsk. 1985. P. 147.

7. Fedotov N. P. *Ocherki po istorii meditsiny i zdavookhraneniya Sibiri* [Essays on the History of Medicine and Public Health in Siberia]. Tomsk. 1975. P. 61.

8. Khamaganova T. *Prostoe lechenie. Buryatskaya meditsina stanovitsya populyarnoi za predelami respubliki* [Simple treatment. Buryat medicine is becoming popular outside the republic]. *Nomer odin — The number one*. No. 40. October 9, 2013. P. 25.

9. *Listvennitsa sibirskaya* [Siberian larch]. Available at: <http://www.neboleem.net>.

10. *Narodnye sredstva i narodnye retsepty* [Folk remedies and folk recipes]. Available at: <http://www.1000listnik.ru/>.

УДК 94 (517)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-107-110

Некоторые аспекты системы государственного управления Монголии в составе Цинской империи*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Монгольский мир в условиях взаимодействия России и Восточной Азии в XX–XXI вв.», проект № 15-21-03006

© **Батунаев Эдуард Владимирович**

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: batunaeveduard@mail.ru

В статье рассматривается процесс становления системы государственного управления в Монголии в составе Цинской империи. Анализируются военно-административные реформы, проводимые в Монголии, и их роль в централизованной политике Цинской империи. Автор справедливо считает, что маньчжурские правители использовали раздробленность страны и отсутствие единства действий монгольских феодалов. В результате военных походов и дипломатических интриг они сумели овладеть сначала Южной Монголией, а концу XVII века включить в состав Цинской империи Северную Монголию. В дальнейшем колонизационная политика Цинской империи приведет к росту национально-освободительного движения монголов и становлению монгольской государственности.

Ключевые слова: Монголия, Цинская империя, военно-административная реформа, аймак, Лифаньюань, экспансия, национально-освободительное движение.

Some Aspects of Public Administration of Mongolia in the Composition of Qing Empire

Eduard V. Batunaev

PhD, Research Worker at Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch

6, Sakhyanovoy Str., Ulan-Ude 670047, Russia

The article deals with the process of establishing a government system in Mongolia as part of the Qing Empire. The military-administrative reforms in Mongolia and their role in the centralized policy of the Qing Empire are analyzed. The author rightly believes that the Manchu rulers used the fragmentation of the country and the lack of unity of action Mongol feudal lords. As a result of military campaigns and diplomatic intrigues, they were first able to master the southern Mongolia, and by the end of the XVII century to include northern Mongolia into the Qing Empire. In the future colonization policy of the Qing Empire will lead to growth of the national liberation movement of the Mongols and the formation of Mongolian statehood.

Keywords: Mongolia, Qing Empire, military-administrative reform, aimag, Lifan Yuan, expansion, national liberation movement.

На рубеже XVI–XVII вв. началось объединение маньчжурских племен, вокруг племенного вождя Нурхаци. Маньчжоу (маньчжуры) — одно из многих южнотунгусских племен, населявших территорию Северо-Восточного Китая. Возникнув как военно-племенное объединение, государство маньчжуров развивалось и укреплялось за счет войн. Объектом завоеваний маньчжуров стали соседние племена и государства. Созданная империя Цин объединила под своим господством земли Китая, Маньчжурии, Монголии, Восточного Туркестана и Тибета. При этом внутривосточная обстановка в регионе благоприятствовала успеху маньчжурской экспансии. Монголия в то время переживала феодальную раздробленность, сопровождавшуюся междоусобицами, что ослабляло боеспособность монголов. Как справедливо отмечает в своей работе О. Латтимор: «Использование племен Внутренней Монголии в качестве своих союзников было одним из существенных факторов, способствовавших возвышению маньчжуров» [9, р. 8]. В этих условиях маньчжурские правители умело использовали раздробленность страны и отсутствие единства действий монгольских феодалов. В результате военных походов и дипломатических интриг они сумели овладеть сначала Южной Монголией, а концу XVII в. включить в состав Цинской империи Северную Монголию. В борьбе с монголами маньчжуры широко применяли тактику дробления сил противника и подчинения его по частям. Мань-

чжурский правитель Нурхацци говорил: «Монголы подобны этим облакам. Облака соберутся вместе — идет дождь. Монголы соберутся вместе — становятся войском. Если они рассеются, произойдет то же, что и с разошедшимися облаками, — дождь прекратится. Дождавшись, когда они рассеются, мы должны преследовать и хватать их» [3, с. 35].

По мнению В. С. Мясникова и Н. В. Шепелевой, «маньчжуры активизировались в тот момент, когда восточные монголы переживали процесс этнической дивергенции, который ранее привел к выделению и даже противостоянию групп, западномонгольской (ойраты) и восточномонгольской, а в начале XVII в. разделившей Восточную Монголию на Северную (Халха) и Южную Монголию» [6, с. 130].

В целом стоит отметить, что методы цинской дипломатии представляли собой сплав норм и методов, которые практиковались маньчжурской дипломатией (клятвы о союзе и дружбе, разобщение противника, использование в своих интересах одних против других), с нормами и правилами традиционной китайской дипломатии (пожалование императором титулов иноземным властителям, регулярная дань ко двору императора как знак вассальной зависимости иноземного правителя).

Вместе с тем китаецентристская идеология императоров «Срединного государства», заимствованная цинским маньчжурским правительством, служила основой внешней политики. Согласно этой концепции все страны, завоеванные династией Цин, рассматривались как данники, обязанные беспрекословно им подчиняться. Это приводило к обоснованию права Цинской империи на «усмирение» вооруженной рукой народов сопредельных стран, права на территориальные захваты. Так, в 1691 г. на Долоннорском съезде состоялось официальное включение Северной Монголии (Халхи) в состав Цинской империи. В XVI–XVII вв. самоназвание Внешней Монголии было Халха — семь халхаских хошунов. Поэтому названия «Внешняя Монголия» и «Халха» мы будем употреблять в нашем исследовании как синонимы.

С другой стороны, известный русский дипломат И. Я. Коростовец утверждает, что «значение съезда в Долонноре как акта, определившего юридический статус Монголии, представляется довольно спорным. Китайцы говорили, что сейм утвердил вассальную зависимость Монголии от Китая, а монголы — что на сейме если и была принесена присяга на верность, то она имела персональный характер и относилась лишь к маньчжурам, а не к китайскому правительству. Более того, решения сейма не были закреплены письменным актом, следовательно, здесь можно говорить о международно-правовом обычае, а не международном договоре» [5, с. 34]. В результате окончательного разгрома Джунгарского ханства во второй половине XVIII в. вся территория Монголии стала одной из окраинных частей Цинской империи. Интересно отметить, что историки по-разному подходят к вопросу покорения маньчжурами Монголии.

По мнению А. В. Попова, «Монголия интересовала маньчжурских правителей как возможный союзник, способный содействовать осуществлению их захватнических планов» [7, с. 90]. К союзу с монголами маньчжурских правителей мог подтолкнуть такой фактор, как сходство доктрин государственности, культурных традиций, которые, в свою очередь, отличались от соответствующих идеологических представлений традиционного Китая.

В то же время сюзеренитет маньчжурского хана монголы и китайцы понимали по-разному. Для монголов он означал не вхождение в чужое государство, а лишь очередной переход под власть более сильного хана. Китайцы же, наоборот, считали навечно подчинившимися любые народы, кто хоть раз признал сюзеренитет их правителя или просто прислал посольство, а подарки своему императору трактовали как дань.

Как справедливо отмечает Б. В. Базаров, «истощенные в междоусобной войне монголыязычные племена и народы вставали под знамена и стяги мощно поднимающихся государств. Двойной интерес заключался в том, что эти народы перестали нести в себе потенциал реальной угрозы и вместе с тем, вгрызаясь в отведенное им пространство, они превращались в мощную заставу на оголенных рубежах государства, образуя тем самым живой естественный заслон на огромном протяжении границы» [1, с. 28].

Вассальная зависимость монгольских ханов выражалась в выплате ежегодной дани в размере так называемых девяти белых. Нужно сказать, что в первоначальном понимании дань была в большей степени номинальной и считалось подношением младшего — старшему, низшего — высшему, символизировало преданность, почтение, уважение. В дальнейшем согласно императорскому указу кроме традиционной ежегодной дани из «девяти белых» была введена дань по состоянию от всех монгольских князей. С другой стороны, взамен за послушание и верность «монгольские феодалы полу-

чали от маньчжурского императора различные награды и вознаграждения (2000–2500 ланов) серебра и 26–40 кусков материи» [8, с. 351].

В конце XVIII — середине XIX в. цинскими властями на территории Монголии была проведена военно-административная реформа, вобравшая в себя все черты традиционной китайской системы власти. Они взяли на вооружение и в полной мере использовали китайскую бюрократическую систему управления государством. Маньчжуры сохранили прежнюю систему административно-территориального устройства Монголии, которая делилась на хошуны и аймаки. В 1692 г. маньчжуры разделили Внешнюю Монголию (Халху) на три аймака: аймак Тушету-хана, аймак Цецен-хана, аймак Дзасакту-хана. Кроме того, цинское правительство ликвидировало власть монгольских ханов, оставив им только ханские титулы. Как известно, одним из важнейших средств к ослаблению власти ханов и князей явилось дробление ханств и княжеств. В административно-территориальном отношении хошуны делились на сомоны, а последние, в свою очередь, — на баги. К этому времени количество хошунов значительно возросло. Так, в 1725 г. из аймака Тушету-хана был выделен особый, четвертый аймак — Сайн-Ноёна.

Во главе аппарата управления в Монголии стоял маньчжурский император, носивший титул богдыхана. Только он обладал исключительным правом присваивать или лишать монгольских князей их титулов и званий, назначать или смещать с государственных должностей. Центральным правительственным органом, осуществляющим высшую законодательную и административную власть над Монголией, была Палата внешних сношений (Лифаньюань).

В функции Лифаньюаня входило: издание законов, установление порядка наследования титулов, заведование выдачей денежного содержания, утверждение правил приезда ко двору в новогоднюю высочайшую аудиенцию, принесения правителями дани, установление правила сбора сеймов правителей внешних вассальных территорий, упорядочивание судопроизводства. В непосредственном подчинении Лифаньюаню находились императорские наместники — великий цзяньцзюнь (генерал-губернатор) с резиденцией в Улясутае, ведавший в том числе и делами двух западных аймаков (Дзасактуханского и Сайнноёнханского), а также два его помощника (амбаня), управлявшие двумя восточными аймаками (Тушетуханским и Цэцэнханским), с резиденцией в Урге. Также с 1762 г. была введена должность хэбэй-амбаня, который, в свою очередь, управлял пограничным округом из города Кобдо. Кроме того, маньчжурские правители установили для монгольских феодалов новые звания и табель о рангах. Сохранив титул ханов, они учредили шесть княжеских степеней, которым дали маньчжурские наименования. Им могли присваиваться следующие титулы: цин ван (князь 1-й степени), цзюнь-ван (князь 2-й степени), бэйлэ (князь 3-й степени), цзюнь-ван (князь 4-й степени), тушегун (князь 5-й степени), гун (князь 6-й степени) [2, с. 10].

В то же время внутреннее управление Северной Монголией было передано четырем сеймам, которым был придан организованный характер, но под управлением уже не ханов, а особых, избираемых из князей сейма старшин (даруг). В связи с этим ханы потеряли свое политическое влияние и ханский титул сохранился лишь как почетное звание. Причем каждый из четырех ханов Халхи (Дзасакту-хан, Тушету-хан, Цэцэн-хан, и Сайн-Ноён-хан) управляет с этого времени лишь своим личным хошуном и стоит наравне с прочими князьями Монголии. После покорения Джунгарии маньчжуры еще более подчинили Монголию своему влиянию. С этого времени Улясутайскому цзянь-цзюню (главнокомандующему войсками внешней Монголии. — Б. Э.) были переданы также функции надзора за гражданским управлением, в Кобдо и Урге были учреждены должности амбаней.

Таким образом, сложная система различий и привилегий должна была затруднить объединение монгольских князей и перевести их на положение чиновников, благополучие которых целиком зависело от расположения и милости императора. Как отмечает И. Я. Златкин, «все правители княжеств стали непосредственно подчиняться маньчжурскому императору, а ханы Халхи стали в один ряд с прочими правителями княжеств, пользуясь одинаковыми с ними правами и привилегиями» [4, с. 59]. Отсюда делаем вывод, что ранее независимые и обладавшие самостоятельностью монгольские князья и ханы вступили в вассальные отношения и стали подданными цинского императора. Монголия в составе маньчжурской империи была ее географической окраиной. Тем самым данный факт во многом определил, на наш взгляд, функции монголов по отношению к Цинской империи, главная из которых состояла в охране границ. Выполнению этой задачи были подчинены обязанности монголов: укомплектование людьми и скотом, содержание караулов и уртонов, выпас скота, принадлежащего императору, комплектование и снабжение армии в походе и на сборах. В начальный период цинского господства старая маньчжурская политика препятствовала проникновению в Монголию китайской торговой и земледельческой колонизации. Эти ограничения маньчжурского правительства,

вводимые в целях ограждения населения Монголии от торговой эксплуатации и экономического порабощения их китайцами, служили до второй половины 18-го столетия большим тормозом к оседанию последних севернее Великой Китайской стены.

Литература

1. Базаров Б. В. Чингисхан и исторические проблемы монголосферы // Чингисхан и судьбы народов Евразии: материалы междунар. науч. конф. (Улан-Удэ, 3–5 октября 2003 г.). — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2003. — С. 24–36.
2. Белов Е. А. Россия и Монголия в начале XX в. (1911–1919 гг.). — М.: Ин-т востоковедения РАН, 1998. — 235 с.
3. Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. — М.: Наука, 1974. — 193 с.
4. Златкин И. Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. — М.: Изд-во Вост. лит-ры, 1957. — 199 с.
5. Коростовец И. Я. От Чингисхана до Советской республики (краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени). — Улан-Батор: Эмгэнт, 2004. — 34 с.
6. Мясников В. С. Китай и Монголия // Китай и соседи в Новое и Новейшее время. — М., 1982. — С. 130.
7. Попов А. В. Китайская палата внешних сношений, маньчжурские наместники и аймачные власти в Халха-Монголии в середине XVIII — начале XIX в. // Историография и источниковедение стран Азии и Африки. — 1990. — № 13. — С. 189–202.
8. Шойжелов С. Монголия и Царская Россия // Новый Восток. — 1926. — № 13–14. — С. 351–363.
9. Lattimor O. *Nationalism and Revolution in Mongolia*. Leiden, 1955. — 330 p.

References

1. Bazarov B. V. *Chingiskhan i istoricheskie problemy mongolosfery* [Genghis Khan and historical problems of Mongolian sphere]. *Chingiskhan i sud'by narodov Evrazii — Genghis Khan and the fate of Eurasian nations*. Proc. Int. sci. conf. (October 3–5, 2003). P. 24–36.
2. Belov E. A. *Rossiya i Mongoliya v nachale XX v. (1911–1919 gg.)*. [Russia and Mongolia in the early 20th century (1911–1919)]. Moscow: RAS Institute of Oriental Studies, 1998. 235 p.
3. Ermachenko I. S. *Politika man'chzhurskoi dinastii Tsin v Yuzhnoi i Severnoi Mongolii v XVII v.* [Policy of Manchu Qing Dynasty in Northern and Southern Mongolia in the 17th century]. Moscow: Nauka, 1974. 193 p.
4. Zlatkin I. Ya. *Ocherki novoi i noveishei istorii Mongolii* [Essays on Modern and Contemporary history of Mongolia]. Moscow, 1957. 199 p.
5. Korostovets I. Ya. *Ot Chingiskhana do sovetsoi respubliki (kratkaya istoriya Mongolii s osobym uchetom noveishego vremeni)* [From Genghis Khan to the Soviet republic (a brief history of Mongolia with particular reference to modern times)]. Ulan-Bator: EMGENT, 2004. 34 p.
6. Myasnikov V. S. *Kitai i Mongoliya* [China and Mongolia]. *Kitai i sosedi v novoe i noveishee vremya — China and neighbors in modern and contemporary times*. Moscow, 1982. P. 130.
7. Popov A. V. *Kitaiskaya palata vneshnikh snoshenii, man'chzhurskie namestniki i aimachnye vlasti v Khalkha-Mongolii v seredine XVIII — nachale XIX v.* [The Chinese Chamber of External Relations, Manchu governors and aimak power in Khalkha Mongolia in the mid 18th — early 19th century]. *Istoriografiya i istochnikovedenie stran Azii i Afriki — Historiography and Chronology of Asian and African countries*. 1990. No. 13. Pp. 189–202.
8. Shoizhelov S. *Mongoliya i Tsarskaya Rossiya* [Mongolia and Tsarist Russia]. *Novyi Vostok — New East*. 1926. No. 13–14. Pp. 351–363.
9. Lattimor O. *Nationalism and Revolution in Mongolia*. Leiden, 1955. 330 p.

УДК 321

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-111-118

Континентальные цивилизации на международном уровне

© Нямаахуугийн Батжаргал

профессор-советник Института иностранных языков Монгольского государственного университета науки и технологий, председатель совета директоров Центра исследований разума «НГО», правовед, мастер-политолог

Бага тойруу 34, Сухэ-Баторский район, г. Улан-Батор, 14191, Монголия, тел. +710-976-11-324590,

<http://www.must.edu.mn>

E-mail: intel_bat@ yahoo.com, mon_mind_study@ yahoo.com

Евразийская политика континентальна, в этом она не сравнима с атлантической политикой Европы, так как существует большая разница между континентами и заокеанским пространством. Каждый момент времени XXI в. ведет к колоссальным перспективам цивилизации огромного Евразийского континента. Эта историческая идея (процесс) сосуществовала с нами во все времена, на протяжении всего двадцатого века и подтверждалась своей правдивостью в человеческой жизни в период возрождения каждой евразийской империи. В будущем евразийство сыграет огромную роль в определении развития всего мира и внесет значительный вклад в его процветание и возрождение. Для российского евразийства характерен перевод евразийской континентальности из сугубо географической в духовно-культурную плоскость.

Ключевые слова: Евразия, Евразийская концепция, геополитика, неоевразийство, континентальная политика, новая модель сотрудничества, интеграционный процесс, цивилизационная значимость.

Continental Civilizations and Cultures on the International Level

Nyamaahuugiyn Batjargal

Consulting Professor of the Institute for International Linguistics MUST, Head of the Board of Directors of Intellectual Study Center NGO, Lawyer, Political Scientist and Master

Mongolian University of Science and Technology, Main Campus of the MUST

Baga Toiruu 34, Sukhbaatar District, P.O. Box 46/520, Ulaanbaatar, Mongolia

Phone: +976-11-324590, <http://www.must.edu.mn>

Eurasian policy is continental and it is impossible to compare it with the Euro-Atlantic policy. Through every single moment of XXI century, the civilization and culture of the great Eurasian continent is being impressively driven to its promising future. This historical idea co-existed with through at all the times and the whole XX century, and it was proved every time that Eurasian empires magnificently demonstrated their renaissance. In the future, Eurasia will lead the international development in variety of aspects, and massively contribute on the global prosperities. Russian Eurasian idea pays more attention rather to mental, cultural aspects than to geographical ones.

Keywords: Eurasia, Eurasian concept, geopolitics, neo-urasim, continental policy, new model of integration, and significant of civilization.

Обитавший в степях Центральной Азии кочевой скотоводческий народ первым в истории мира создал империю гуннов (или сунну), просуществовавшую на протяжении периода I в. до н. э. — I в. н. э. На рубеже III–II вв. до н. э. империя гуннов объединила многие этносы Центральной Азии, Южной Сибири и Дальнего Востока, кочевники образовали племенные союзы, которые являлись первыми мощными степными империями Евразии. На наш взгляд, эти события и стали начальным этапом евразийской длительной цивилизации.

Начало агрессивной политики гуннов в этом регионе следует относить к III в. В историографии отмечается, что гунны появились не ранее V в. до н. э., когда их набеги на оседлое население северного Китая побудили китайцев начать строительство отдельных укреплений, которые впоследствии были объединены в Великую китайскую стену. После распада своей империи гунны распределились по племенам и существовали до возникновения Тюркской империи (V в. н. э.), постепенно присоединяясь к тюркам.

Империя гуннов [Крадин Н. Н. Империя Хунну. Владивосток: Дальнаука, 1996. 164 с. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Логос, 2001/2002. 312 с.] была первым в Центральной Азии крупным политическим объединением. История свидетельствует, что Великая евразийская степь после гуннов трижды объединялась с Тюркской, Монгольской и Российской империями, и каждый раз утрата рубежных ком-

муникационных функций (транзитной торговли и др.) приводила к гибели империй. Например, Монгольская империя обеспечивала торговые коммуникации между Востоком и Западом. Путь из Хан-Балыка (Пекина) был проложен в золотую ордынскую столицу Сарай и далее к черноморским торговым факториям, проданным опытным генуэзским и венецианским купцам, выступавшим посредниками в торговле с Европой. Таким образом, геополитическая задача контроля евразийского пространства в прошлом была обусловлена и ее геоэкономической функцией — сохранением транзитной торговли между Востоком и Западом.

В результате этнических контактов рождаются новые народы. В Евразийской концепции борьбы Леса и Степи особое внимание уделяется границе. Здесь просматривается аналогия с фундаментальными понятиями геополитики борьбы Суши и Моря, граница которых — «береговая зона» — служит их синтезом, форпостом освоения, включая колонизацию, заселение, хозяйственное освоение и изменение природной среды. В империях Хунну, Турции, Монголии главной опорой были монголы (степные кочевники Центральной Азии). Евразиец П. Н. Савицкий (1895–1968)¹ об этом писал: «Прежде всего укажем следующее: без «татарщины» не было бы России. Если сопряжение восточного славянства с туранством есть основной факт русской истории, если трудно найти великоруса, в жилах которого так или иначе не текла бы и туранская кровь, и если та же туранская кровь (от древних степных кочевников) в значительной мере течет и в жилах малороссов, то совершенно ясно, что для правильного национального самосознания нам, русским, необходимо учитывать наличие в нас туранского элемента, необходимо изучать наших туранских братьев».

Создатели евразийства филолог и историк князь Н. С. Трубецкой (1890–1938)², географ и геополитик П. Н. Савицкий (1895–1968), сын великого русского ученого-естествоиспытателя историк Г. В. Вернадский (1877–1973) [Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М.: Наука, 1981. 360 с.], философ и православный богослов Г. В. Флоровский (1893–1979)³, историк и философ права Н. Н. Алексеев (1879–1964)⁴ и другие интерпретировали Россию как самодостаточный культурно-исторический «континент». В основе евразийской доктрины лежат представления о России как об особом целостном культурно-географическом пространстве — «континенте Евразии» — наряду с собственно Европой и Азией. В результате многовекового движения на Восток Россия ассимилировала многие местные народы и приобрела новую социокультурную идентичность. Россия стала ни европейской и ни азиатской страной, а евразийским суперэтностом-государством. Петр Николаевич Савицкий так формулировал истоки Евразийской геополитической концепции: «Скажем прямо: на пространстве всемирной истории западноевропейскому ощущению моря, хотя и полярное, противостоит единственное монгольское ощущение континента: между тем в русских «землепроходцах», в размахе русских завоеваний и освоений — тот же дух, то же ощущение континента». Ученый подчеркивает особенности формирования России — Евразии: «Прежде всего укажем следующее: без «татарщины» не было бы России... Великое счастье Руси, что в момент, когда в силу внутреннего разложения она должна была пасть, она досталась татарам, и никому другому. Татары — нейтральная культурная среда, принимавшая «всяческих богов»... Если бы ее взял Запад, он вынул бы из нее душу...».

В конце XVIII в. вся территория Приднестровья (а в начале XIX в. Бессарабия с городом Бендеры и селом Кицканы) вошла в состав России и оставалась в ее составе вплоть до 1917 г. По мнению основоположника евразийства русского эмигранта Николая Трубецкого⁵, историческая Россия стала преемницей монархии Чингисхана. По его словам, распространение власти Москвы на значительные территории, некогда подвластные Орде, означали не что иное как «замену ордынского хана московским царем и перенесение ордынской ставки в Москву». Трубецкой считал, что этот процесс продолжался вплоть до 90-х гг. XX в., когда к СССР были присоединены Хива и Бухара, сохранявшие формальную самостоятельность от российских императоров, и когда на территории Монголии (спутниковой страны) была провозглашена социалистическая республика.

Распад Советского Союза оказался «величайшей геополитической катастрофой» XX в., ввергшей страну в цивилизационный кризис. Ошибочная политика бывшего президента РФ Б. Ельцина вызвала

¹ Савицкий П. Н. Континент Евразия. — М.: Аграф, 1997, <http://www.portal-slovo.ru>

² Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. — М., 1999.

³ Флоровский Г. В. Евразийский соблазн. <http://shaftseals.ru/florovsky/evraziistvo.html>

⁴ Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. — М.: Аграф, 1988.

⁵ Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. — М., 1999.

масштабные экономические и социальные потрясения (посторонний атлантический политик¹). Б. Ельцин терял время, отдаляясь от традиционной Концепции евразийства и «исторически испытанных друзей». Россия эту свою ошибку исправила вовремя. Современная Россия занимает ведущую роль в проведении политики евразийства. Это есть основная гарантия реализации самой преспективной концепции — объединения Евразии.

1. Евразийская концепция

Опубликованная в «Известиях» 4 октября 2011 г. статья Владимира Путина «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня» оказалась в фокусе внимания экспертов и журналистов. «Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом», — пишет тогдашний премьер-министр Владимир Путин. Сама по себе постановка такой задачи интересна. И, наверное, ее можно было бы всячески приветствовать, если бы не один нюанс. Вокруг каких ценностей и каких целей будет возникать этот «полюс»?

Нам видны евразийские перспективы возрождения всех стран этого региона и далее всего мира. Предстоящее пятое объединение Евразии будет резким поворотом к прогрессу.

В основе цивилизаций, как считает И. Б. Орлова², лежат три вида системообразующих связей: пространственные, простирающиеся на особенности природной среды, ландшафта; временные, формирующие общность исторического бытия, традиций, исторической памяти, широко понимаемой культуры, языка; социальные и социально-психологические, цементирующие суперэтническую общность при помощи формирования сопоставимых ценностно-нормативных механизмов, субъективного осознания общности, самоидентификации людей. В соответствии с этим определением Евразия, представляющая собой особую географическую, этническую, культурно-историческую целостность, может быть классифицирована как культурно-историческая система или евразийская цивилизация.

Академик Н. Н. Моисеев³ рассматривает цивилизацию как «совокупность форм существования человека на Земле, совокупность особенностей его активной деятельности, его духовного мира, его взаимоотношений с Природой, с другими людьми...».

Евразийская цивилизация — исторически изменчивая целостность, имеющая индоевропейские истоки и в настоящее время представляющая собой единство славянской, тюрко-монгольской и хуннской, арктической субцивилизаций. Это единство образовалось в результате многовековых взаимосвязей, совместной жизнедеятельности разных народов, сформировав многие общие черты их хозяйственной и культурной жизни, а также ментальности.

Н. А. Назарбаев⁴ подчеркнул: «Евразийская идея как теория была рождена в прошлом веке. Но уверен, что Евразийская идея как практика организации новой жизни будет воплощена в этом веке. Евразийство — одна из главных идей XXI века».

2. Современная действительность Евразии

Важную роль в гармонизации жизни мирового социума XXI в. призваны сыграть народы Евразийской цивилизации, геополитическим ядром которой стали Россия и Китай, представляющие собой центральное звено в объединении культур Запада и Востока.

В 2014 г. состоялся визит в Монголию Си Цзяньпина: «Это первый за 11 лет визит главы китайского государства в Монголию, а также второй специальный визит Си Цзяньпина в отдельное государство в качестве председателя КНР». По словам лидера КНР, это был «визит к родственникам и друзьям».

«Мы будем и в дальнейшем придерживаться внешней политики развития добрососедских отношений и партнерства с окружающими нас странами, которая принесет им гармонию, безопасность и процветание, — сказал Си Цзяньпин, — Мы будем настаивать на курсе дружбы, искренности, взаимной выгоды и инклюзивности в дипломатии соседства».

В ходе визита две страны решили продвигать создание зоны трансграничного экономического со-

---

¹ Американская стратегия XXI века // Атлантическая стратегия США. 3ys.ru/amerikanskaya-strategiya-...

² Орлова И. Б. Евразийская цивилизация. Социально-историческая ретроспектива и перспектива. М.: Норма, 1998. 280 с.

³ Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М.: Языки рус. культуры, 2000. 224 с.

⁴ Назарбаев Н. А. В сердце Евразии. Астана: Атамур, 2005.

трудничества. Кроме того, Китай и Монголия вывели свои отношения на уровень всестороннего стратегического партнерства. Очевидно, что у этого знаменательного визита лидера Китая в Монголию есть свои причины.

Си Цзяньпин, придя к власти в Китае, принял стратегию «Экономическая полоса Шелкового пути» и «Морской шелковый путь XXI века»¹. Первая стратегия в основном ориентируется на Центральную Азию и Ближний Восток, а вторая направлена на Юго-Восточную Азию и Южную Азию. Это охватывает Евразию в целом. Не случайно также и то, что через неделю после визита Си Цзяньпина Монголию посетил президент РФ В. В. Путин. Более того, перед саммитом ШОС, 11 сентября, в Душанбе состоялась встреча глав Китая, России и Монголии, которая стала первой многосторонней встречей между этими тремя государствами. Это свидетельствует о том, насколько важно сейчас региональное сотрудничество и для Монголии, и для России, и для КНР.

Для Монголии порты в Северном и Северо-Восточном Китае являются ближайшими и фактически единственными доступами к морю. Для России развитие Дальнего Востока — важная государственная стратегия, тем более что в условиях западных санкций ей все больше требуется экономическая поддержка Китая. Последний, в свою очередь, тоже реализует важную стратегию — «восстановление старой северо-восточной промышленной базы» на северо-востоке страны, граничащем с Дальним Востоком России и Монголией. Поэтому у трех стран есть заметное пересечение в сфере регионального сотрудничества. В результате во время встречи глав трех стран Си Цзяньпин отметил, что китайская сторона соединит «экономическую полосу Шелкового пути» Китая с Транссибирской магистралью России и инициативой «Степного пути» Монголии, а также создаст китайско-российско-монгольский экономический коридор. Это еще одна идея китайских лидеров о международном сотрудничестве на территории Евразии. Она показывает, что пространство проекта «Экономическая полоса Шелкового пути» будет расширяться, ее содержание включит не только китайско-среднеазиатское сотрудничество в северо-западном направлении, но и китайско-российско-монгольское сотрудничество в северо-восточном направлении.

Диалог между главами Китая, России и Монголии вне Центральной Азии открыл новую модель сотрудничества Северо-Восточной Азии². Сотрудничество между этими странами показывает переворот в международной политике в новой обстановке. Направление этого переворота прозвучало в речи участников диалога следующим образом.

Президент Монголии Ц. Элбэгдорж считает, что «Монголия имеет уникальное географическое расположение. Это единственная в мире страна, граничащая только с Китаем и Россией. Концепция внешней политики Монголии в качестве первоочередной задачи определяет дружественные отношения с двумя соседями. Думаю, для Монголии существуют две истины: во-первых, мы — соседи. Это бесспорная истина. Во-вторых, раз мы соседи, то у нас постоянно возникают вопросы, которые надо решать. Поэтому все эти вопросы мы должны решать с учетом интересов своего народа и с учетом интересов стран-соседей. Вообще равноправные отношения со всеми странами мира и есть политика Монголии... Монголия лежит на пути, соединяющем страны АТР и Европы. Самый короткий путь из Азии в Европу проходит через Монголию. Поистине в этом направлении для Монголии, России, Китая открываются огромные возможности. А пока мы эти возможности полностью не сумели использовать. У нас в железнодорожной отрасли используются старые советские стандарты колеи. У Монголии два соседа, поэтому она должна думать об их интересах. Но и у Монголии есть свои интересы. Железнодорожная колея, параллельная существующим железнодорожным линиям, должна им соответствовать. А дороги от месторождений могут иметь и другую ширину, это решается правительством через внесение вопроса в ВГХ, который уже рассматривал этот вопрос. У нас двое соседей, у каждого своя ширина колеи, поэтому мы должны вести гибкую политику. Все это должно быть отражено детально в государственной железнодорожной политике. У нас открытая система, мы не скрывали теневые стороны и недостатки, все аспекты проблемы наши граждане обсуждают открыто, все выражают свою точку зрения. Может быть, поэтому иногда мы теряем время. Но, и теряя время, мы тем не менее обсуждаем эти решения, которые получают гарантию исполнения, становятся всем понятны — в этом и преимущество. Инициатива «Шелкового пути» активно обсуждается среди нашего населения и уже реализуется. Из истории видно, что Монголия и Китай сыграли самую большую

¹ Фань Сюэсун: Китай и Монголия: новый уровень стратегического партнерства МГИМО. mgimo.ru/news/experts/document...

² Орос, Монгол, Хятадын гурвалжин:polit.mn/content/52587.htm

роль в «Шелковом пути» и сегодня без Монголии и Китая нельзя представить этот проект. Мы с Китаем имеем границу протяженностью 4 710 км. Однако Монголия серьезно отстает от ряда стран в вопросе строительства железнодорожных и автомобильных дорог, газо- и нефтепроводов. К тому же Монголия может производить и экспортировать электроэнергию...».

Си Цзяньпин отметил, что стратегия развития трех стран в большей степени совпадает. В России и Монголии китайская инициатива создания экономического пояса вдоль «Шелкового пути» встречена с одобрением. Существует возможность объединения инициативы российской стороны о трансевразийской железнодорожной магистрали и инициативы монгольской стороны о «Степной дороге», создания экономического коридора Китай — Россия — Монголия. Он предложил также исследовать возможность строительства трехсторонней трансграничной электрической сети и др.

Следующей стадией сотрудничества трех стран после диалогов стали состоявшиеся на днях российско-монгольско-китайские консультации на уровне заместителей министров иностранных дел. Россией была отмечена удовлетворенность динамичным развитием связей с Китаем и Монголией. «Объединяют протяженные границы, богатые исторические традиции, крепкая дружба народов, огромный потенциал и широкие перспективы практического сотрудничества, близость подходов к международным делам», — заявил заместитель главы МИД РФ Игорь Моргулов. В России удовлетворены динамичным развитием связей с Китаем и с Монголией, которых мы рассматриваем не только как наших ближайших соседей, но и как испытанных и надежных друзей. Консультации заместителей министров проводились во исполнение и в развитие договоренностей руководителей. Был обсужден широкий круг вопросов взаимодействия в торгово-экономической, гуманитарной и внешнеполитической областях и разработки конкретных проектов сторон и с Россией, Китаем и Монголией. Прежде всего это железная и автомобильная дороги, газопровод и поставки электроэнергии.

Все вышеперечисленное, несомненно, подтверждение тому, что «тепловоз» великой цивилизации Евразии уже тронулся.

На состоявшейся в Душанбе трехсторонней встрече российский лидер обратился к монгольскому коллеге с благодарностью за инициативу встречи в таком формате и вновь пригласил председателя КНР и президента Монголии посетить Москву во время торжественных мероприятий, посвященных 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Естественно, географическая близость Монголии, России и Китая определяет эволюционные процессы внешней политики на международной арене, и которые смогут послужить примером для других стран данного региона.

Можно с уверенностью утверждать, что международные связи Монголии, России и Китае являются официальным доказательством и становятся гарантией реализации всех евразийских преспектив, которые смогут сплотить вокруг себя мощные государства. Коротко остановимся на некоторых из них:

Китай имеет веские причины для сотрудничества с Монголией, одна из них — общая протяженная граница. Монголия экспортирует большую часть своего угля и меди в Китай. В 2014 г. в Китае планировалось импортировать около 300 миллионов тонн угля, 1/10 часть которого — из Монголии. По данным Info Mongolia, три монгольские угледобывающие компании подписали меморандум, обеспечивающий экспорт 1 млрд т угля китайской корпорации Shenhua Energy Group в ближайшие 20 лет. Китай был крупнейшим инвестором и торговым партнером Монголии в последние десять лет. Объем двухсторонней торговли вырос до \$6 млрд в 2013 г. (в 1994 г. всего \$120 млн), что составляет более половины общего объема внешней торговли Монголии. В рамках достигнутых договоренностей было решено объединить усилия по углублению сотрудничества в области развития транспортно-логистической системы, ориентированной на предоставление качественных и конкурентоспособных услуг в рамках ЕЭП.

По южному потоку Россия будет качать до 63 млрд кубометров газа в год. Трубопровод планировали проложить по дну Черного моря и вывести на сушу в болгарском порту Варна. Теперь те же объемы предполагается прокачивать по трубопроводу, который выйдет на сушу в Турции. Из них 14 млрд Турция будет оставлять себе, а остальное направлять в Европу. С 1 января 2015 г. Москва снизила на 6 процентов цену на природный газ для потребителей в Турции. Российско-турецкий двухсторонний товарооборот к 2023 г. будет повышаться до 100 млрд долларов.

Капиталовложения китайских инвесторов в РФ к 2020 году могут вырасти в 7 раз (в 2013 г. их объем составил \$4,08 млрд). Будет увеличиваться товарооборот к 2015 г. до \$100 млрд, а к 2020 г. — до \$200 млрд. Только на российской территории объем инвестиций в создание объектов добычи и транспортировки газа составит \$55 млрд. На востоке России будет создана масштабная газовая инфраструктура.

Только через три азиатские страны (Россия, Китай, Монголия) будет осуществляться значительная часть международной перевозки. И только в этой одной сфере сотрудничества создастся Евразийский коридор, который будет служить для всей мирной цивилизации.

Сегодня в научной и научно-популярной литературе часто звучит термин «азиатизация». Он обозначает идею, что в современном мире главенствующие позиции с нарастающей силой начинает занимать азиатский континент. Процесс этот очевиден и отчасти закономерен. Прежде ведущую роль в мире занимали европейские государства, а именно Запад представлял собой центр мировой политики, экономики и культуры. В исторической науке такое явление получило название «европоцентризм». К началу XXI в. приоритет сместился в направлении Востока. Сегодня азиатские страны способны предлагать миру самые передовые технологии в промышленности, науке, технике, культуре. Данный фактор в совокупности с «благоприятной ментальностью» азиатского народа (его трудолюбие, стремление к постоянному развитию) определяет цивилизационную значимость Азиатского региона на самом высоком уровне.

В современном мире взаимный интерес государств друг к другу усиливается, особенно в Азиатском регионе. Это связано с необходимостью развивать отношения международного сотрудничества на новом уровне. Для России в силу территориального соседства постоянными внешнеполитическими партнерами в Азии были и будут Монголия и Китай. Россия и Китай играют ведущую роль в интеграционных процессах на евразийском пространстве, что имеет также особое значение и для их культурно-цивилизационного, научно-образовательного и хозяйственно-экономического развития, повышает их международный авторитет и безопасность. Это, безусловно, стимулирует дальнейшую отработку интеграционных инструментов и механизмов, а также соответствующие научные исследования в различных областях, прежде всего в истории, геополитике и политологии в целом.

Литература

1. Амар А. Монголын товч түүх. — Улаанбаатар, 1989. — С. 189–207.
2. Бира Ш. Нууц товчоо бол Монголын түүх ба бичгийн соёлын агуу их дурсгал мон // Бира Ш. Монголын түүх, соёл, түүх бичлэгийн судалгаа. — Улаанбаатар, 2001. — С. 146–156.
3. Бира Ш. Чингисийн «Их засаг» хуулийн талаарх суулийн үеийн судалгааны дүнгээс // Бира Ш. Монголын түүх, соёл, түүх бичлэгийн судалгаа. — Улаанбаатар, 2001. — С. 256–262.
4. Богд баатар Биеэр дайлсан тэмдэглэл. — Улаанбаатар, 2010. — 222 с.
5. Горелик М. В. Ранний монгольский доспех IX — первая половина XIV в. // Археология, этнография и антропология Монголии. — Новосибирск, 1987. — 35 с.
6. Гумилев П. Н. Ритмы Евразии. — СПб., 2003. — 34 с.
7. Давыдова А. В. Иволгинское городище // Археологические памятники сюнну. Вып. 1. — СПб.: Фонд «Азиатика», 1995. — 287 с.
8. Давыдова А. В. Иволгинский могильник // Археологические памятники сюнну. Вып. 2. — СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. — 176 с.
9. Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. — М.: АРКТОГЕЯ—центр, 1999. — 928 с.
10. Жалан-Аажав С. Халх журам бол монголын хууль цаазны эртний дурсгалт бичиг («Халха Джирум» — памятник древнего монгольского права). — Улаанбаатар, 1958. — 115 с.
11. Жугдэр Ч. XV–XVIII зууны Монголын нийгэм-улс тор, гүн ухааны сэтгэлгээний хөгжлийн тойм. — Улаанбаатар, 1984. — 112 с.
12. Жугдэр Ч. Монголд феодализм тогтох үеийн нийгэм-улс тор, гүн ухааны сэтгэлгээ (эртнээс XIV зуун хүртэл). — Улаанбаатар, 2002. — 258 с.
13. Ишжамц Н. Монголд нэгдсэн тор байгуулагдаж монголд феодализм бүрэлдэн тогтсон нь (Создание единого государства и становление феодализма в Монголии). — Улаанбаатар, 2002. — 193 с.
14. Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. — 248 с.
15. Крадин Н. Н. Империя Хунну. — М.: Логос, 2002. — 312 с.
16. Лувсандорж Ш. Монголын нэгдсэн улс байгуулагдаж төр ёс бүрэн утгаараа төлөвшсөн нь. — Улаанбаатар, 2000. — 54 с.
17. Лувсанданзан. Алтан товч. — Улаанбаатар, 1990. — 192 с.
18. Марко Поло. Орчлонгийн элдэв сонин. — Улаанбаатар, 1987. — 163 с.
19. Майдар Д. Чингис хаан ба Монголын их гүрэн. — Улаанбаатар, 1990. — 164 с.
20. Миняев С. С. Кочевники Азии и эпоха сюнну // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. — СПб., 1994. — С. 64–66.
21. Овчинникова Б. Б. Взаимодействие культур в регионе расселения древних тюрков в VI–X вв. // Взаимодействие культур и цивилизаций. В честь юбилея В. М. Массона. — СПб., 2000. — С. 216–225.
22. Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии: сб. науч. тр. — Новосибирск, 1999. — 170 с.
23. Пржевальский Н.М. Монголия и страна тангугов. — М., 1946. — 287 с.
24. Пэрлээ Х. Хятан нар тэдний монголчуудтай холбогдсон нь. — Улаанбаатар, 1959. — 117 с.
25. Пэрлээ Х. Монголын хувьсгалын омнох түүх бичлэгийн асуудал (Вопросы дореволюционной монгольской историо-

графии). — Улаанбаатар, 1958. — 45 с.

26. Пэрлээ Х. Монгол тумний гарлыг тамгаар хайж судлах нь. — Улаанбаатар, 1976. — 267 с.

27. Савицкий П. Н. Ритмы монгольского мира // Русский разлив. Арабски истории: альманах. — Сер. II. Свод Bibliotheca Gumilevica. — М., 1996. — Вып. 31. — С. 574–616.

28. Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства // Русский мир: сб. — СПб., 2003. — С. 808–809.

29. Самозванцев А. М. «Артхашастра» Каутильи и проблема индийского государства // Древность: историческое знание и специфика источника. — М., 2000. — С. 115–120.

30. Санждорж М. Халхад Хятадын худалдаа, мөнгө хүүлэл нэвтрэн хөгжсөннь. — Улаанбаатар, 1963. — 108 с.

31. Трепавлов В. В. Система крыльев в Монгольской империи XIII в. // История и культура народов Центральной Азии. — Улан-Удэ, 1993. — С. 10–23.

32. Успенский В. И. Соперничество потомков Чингис-хана и Хасара в XIII–XIX вв. // Тюркские и монгольские письменные памятники. Текстологические и культуроведческие аспекты исследования. — М., 1992. — С. 102–109.

33. Шереметьев П. Б. Перевод с права мунгальского и калмыцкого народов // Опыт трудов Российского вольного общества при Императорском Московском университете. — М., 1771. — Т. III. — С. 216–279.

34. Юань-чао ми-ши. Секретная история монголов. — М., 1962. — Т. I. — С. 89.

35. «Юань-чао ми-ши» и первое полное русское издание текста и перевода этого памятника / публ. М. Ф. Чигринского, консультант И. В. Кульганек // Страны и народы Востока. — СПб., 1998. — Вып. XXIX. — С. 71–104.

36. Якубовский А. Ю. Монгольская империя // Исторический журнал. — 1940. — № 3. — С. 87–98.

37. Якубовский А. Ю. Из истории изучения монголов периода XI–XII вв. // Очерки по истории русского монголоведения. — М., 1953. — 204 с.

References

1. Amar A. *Mongolyn товч туух*. Ulaanbaatar, 1989. Pp. 189–207. (Mong.)

2. Bira Sh. Nuuts товчоо бол Монголын туух ба бичгийн соелын агуу их дурсгал мон. *Bira Sh. Mongolyn туух, соел, туух бичлэгийн судалгаа*. Ulaanbaatar, 2001. Pp. 146–156. (Mong.)

3. Bira Sh. Chingisiin «lkh zasag» khuuliin talaarkh суулин ueiin судалгааны дундгес. *Bira Sh. Mongolyn туух, соел, туух бичлэгийн судалгаа*. Ulaanbaatar, 2001. Pp. 256–262. (Mong.)

4. Bogd baatar *Bieer dailsan temdeglel*. Ulaanbaatar, 2010. 222 p. (Mong.)

5. Gorelik M. V. Rannie mongol'skie dospekhi XIV — pervoi poloviny XV v. [Early Mongolian armor of the 14th — the first half of 15th century]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Mongolii — Archaeology, Ethnology and Anthropology of Mongolia*. Novosibirsk, 1987. 35 p.

6. Gumilev P. N. *Ritmy Evrazii* [Rhythms of Eurasia]. St Petersburg, 2003. 34 p.

7. Davydova A. V. *Ivolginskoe gorodishche. Arkheologicheskie pamyatniki syunnu* [Ivolginsky settlement. Archaeological sites of the Xiongnu]. St Petersburg: Fund «Aziatika», 1995. V. 1. 287 p.

8. Davydova A. V. *Ivolginskii mogil'nik. Arkheologicheskie pamyatniki syunnu* [Ivolginsky burial. Archaeological sites of the Xiongnu]. St Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 1996. V. 2. 176 p.

9. Dugin A. *Osnovy geopolitiki. Geopoliticheskoe budushchee Rossii* [Basics of geopolitics. The geopolitical future of Russia]. Moscow: ARKTOGEYA-tsentr, 1999. 928 p.

10. Zhalan-Aazhav S. *Khalkh zhuram bol mongolyn khuul' tsaazny ertnii dursgalt bichig* ["Khalkha Dzhirum" as a monument of ancient Mongolian law]. Ulaanbaatar, 1958. 115 p. (Mong.)

11. Zhugder Ch. *XV-XVIII зууны Монголын нүгэм-улс тор, гун укхааны сетгелгэний khogzhliin toim*. Ulaanbaatar, 1984. 112 p. (Mong.)

12. Zhugder Ch. *Mongold feodalizm togtokh ueiin нүгэм-улс тор, гун укхааны сетгелгэе (ertnees XIV зуун khurtel)*. Ulaanbaatar, 2002. 258 p. (Mong.)

13. Ishzhamts N. *Mongold negdsen tor baiguulagdazh mongold feodalizm burelden togtson n'* [Creation of a single state and the formation of feudalism in Mongolia]. Ulaanbaatar, 2002. 193 p. (Mong.)

14. Konovalov P. B. *Khunnu v Zabaikal'e (pogrebal'nye pamyatniki)* [The Xiongnu in Transbaikal Region (funerary monuments)]. Ulan-Ude: Buryat book publ., 1976. 248 p.

15. Kradin N. N. *Imperiya Khunnu* [The Xiongnu Empire]. Moscow: Logos, 2002. 312 p.

16. Luvsandorz Sh. *Mongolyn negdsen улс баiguulagdazh төр ès byren utgaaraa төлөвшсөн n'*. Ulaanbaatar, 2000. 54 p. (Mong.)

17. Luvsandanzan. *Altan товч*. Ulaanbaatar, 1990. 192 p. (Mong.)

18. *Marko Polo. Orchlongiin eldev sonin*. Ulaanbaatar, 1987. 163 p. (Mong.)

19. Maidar D. *Chingis khaan ba Mongolyn ikh gyren*. Ulaanbaatar, 1990. 164 p. (Mong.)

20. Minyaev S. S. Kochevniky Azii i epokha syunnu [Nomads of Asia and the Xiongnu epoch]. *Vzaimodeistvie drevnikh kul'tur i tsivilizatsii i ritmy kul'turogeneza — Interaction of cultures and civilizations and cultural genesis rhythms*. St Petersburg, 1994. Pp. 64–66.

21. Ovchinnikova B. B. Vzaimodeistvie kul'tur v regione rasseleniya drevnikh tyurok v VI–X vv. [Interaction of cultures in the region of ancient Turks settlement in 6th–10th centuries]. *Vzaimodeistvie kul'tur i tsivilizatsii. V chest' yubileya V. M. Massona — Interaction of cultures and civilizations. In honor of V. M. Masson's anniversary*. St Petersburg, 2000. Pp. 216–225.

22. *Pamyatniki kul'tury drevnikh tyurok v Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii* [Cultural monuments of ancient Turks in Southern Siberia and Central Asia]. Novosibirsk, 1999. 170 p.

23. Przheval'skii N. M. *Mongoliya i strana tangugov* [Mongolia and the Tangugs country]. Moscow, 1946. 287 p.

24. Perlee Kh. *Khyatan nar tednii mongolchuudtai kholbogdson n'*. Ulaanbaatar, 1959. 117 p. (Mong.)

25. Perlee Kh. *Mongolyn khuv'sgalyn omnokh tuukh bichlegiin asuudal* [Issues of prerevolutionary Mongolian historiography]. Ulaanbaatar, 1958. 45 p. (Mong.)
26. Perlee Kh. *Mongol tumnii garlyg tamgaar khaizh sudlakh n'*. Ulaanbaatar, 1976. 267 p. (Mong.)
27. Savitskii P. N. Ritmy mongol'skogo mira [Rhythms of Mongolian world]. *Russkii razliv. Al'manakh «Arabeski istorii» — Russian flood. Almanac "Arabesques of History"*. Moscow, 1996. V. 31. Pp. 574–616.
28. Savitskii P. N. Geograficheskie i geopoliticheskie osnovy evraziistva [Geographical and geopolitical foundations of Eurasianism]. *Russkii mir — Russian world*. St Petersburg, 2003. Pp. 808–809.
29. Samozvantsev A. M. «Artkhashastra» Kautil'i i problema indiiskogo gosudarstva [Kautilya's "Arthashastra" and the problem of Indian State]. *Drevnost': istoricheskoe znanie i spetsifika istochnika — Antiquity: historical knowledge and the specifics of source*. Moscow, 2000. Pp. 115–120.
30. Sanzhdorzh M. *Khalkhad Khyatadyn khudaldaq, mөngө khyyel nevtren khөgzhsөnn'*. Ulaanbaatar, 1963. 108 p. (Mong.)
31. Trepavlov V. V. Sistema kryl'ev v Mongol'skoi imperii XIII v. [The system of wings in the Mongol Empire of 13th century]. *Istoriya i kul'tura narodov Tsentral'noi Azii — History and culture of the Central Asia peoples*. Ulan-Ude, 1993. Pp. 10–23.
32. Uspenskii V. L. Sopernichestvo potomkov Chingis-khana i Khasara v XIII-XIX vv. [Competition of Genghis Khan's and Hazar's heirs in the 13th–19th centuries]. *Tyurkskie i mongol'skie pis'mennye pamyatniki. Tekstologicheskie i kul'turovedcheskie aspekty issledovaniya — Turkic and Mongolian written monuments. Textual and cultural aspects of study*. Moscow, 1992. Pp. 102–109.
33. Sheremet'ev P. B. Perevod s prava mungal'skogo i kalmytskogo narodov [Translation from law of the Mungal and Kalmyk people]. *Opyt trudov Rossiiskogo vol'nogo obshchestva pri Imperatorskom Moskovskom universitete — Proceedings of Russian Free Society under Imperial Moscow University*. Moscow, 1771. V. 3. Pp. 216–279.
34. *Yuan"-chao mi-shi. Sekretnaya istoriya mongolov* [Yuan-chao mi-shi. The Secret History of the Mongols]. Moscow, 1962. V. 1. P. 89.
35. «Yuan"-chao mi-shi» i pervoe polnoe russkoe izdanie teksta i perevoda etogo pamyatnika ["Yuan-chao mi-shi" and the first complete Russian edition of this monument text and translation] *Strany i narody Vostoka — Countries and peoples of the East*. St Petersburg, 1998. V. 29. Pp. 71–104.
36. Yakubovskii A. Yu. Mongol'skaya imperiya [Mongol Empire]. *Istoricheskii zhurnal — History journal*. 1940. No. 3. Pp. 87–98.
37. Yakubovskii A. Yu. Iz istorii izucheniya mongolov perioda XI–XII vv. [From the history of the Mongols study in the period of 11th–12th centuries]. *Ocherki po istorii russkogo mongolovedeniya — Essays on the History of Russian Mongolian studies*.

УДК 327 (470+571+510)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-119-122

Образы России в Китае (по материалам опроса в городе Гуанчжоу)*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Геополитические образы регионов постсоветской России (Сибири и Дальнего Востока) в странах Северо-Восточной Азии», проект № 14-03-00439

© Буряев Дмитрий Игнатьевич

доктор исторических наук, директор Восточного института Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: railia@mail.ru

© Балданова Раджана Александровна

студент 5 курса Восточного института Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: radzhana1603@mail.ru

В статье исследуются существующие образы России в южной части КНР, по своим социально-экономическим и культурным характеристикам отличающейся от северных китайских провинций. Во-первых, жители южных провинций КНР имеют меньший опыт общения с россиянами. Во-вторых, исторически южане более ориентированы на связи с Западом, нежели с Россией. Среди южан преобладают такие характеристики России, как «военная угроза», «экономическая отсталость», «сильный лидер Путин». Данное исследование стало важным элементом, позволяющим провести сравнительный анализ существующих в Китае образов России. В основу статьи легли материалы, собранные авторами в ходе опроса жителей города Гуанчжоу летом 2014 г.

Ключевые слова: политические образы, российско-китайские отношения, образ России.

Images of Russia in China (according to the survey in Guangzhou city)

Dmitriy I. Buraev

DSc, Head of the Oriental Studies Institute, Buryat State University
4, Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

Radzhana A. Baldanova

student of the Oriental Studies Institute, Buryat State University
4, Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The article examines the current image of Russia in the southern part of China, according to their socio — economic and cultural characteristics differ from the northern Chinese provinces. First, residents of the southern provinces of China have less experience with the Russians. Second, historically Southerners are more focused on relations with the West than with Russia. Among Southerners characteristics such as Russian «military threat», «underdevelopment», «Putin is a strong leader» are dominated. Thus, this study is an important element that allows a comparative analysis of the existing images of Russia in China. This article is based on the materials collected by the author in a survey among residents of Guangzhou city in the summer of 2014.

Keywords: political imagery, Russian-Chinese relations, the images of Russia.

Тема российско-китайских отношений в последние годы становится все более актуальной. Россия и Китай имеют длительную историю взаимных контактов и одну из самых протяженных границ в мире. Две страны обоюдно предпринимают шаги в сторону укрепления сотрудничества, которые вышли на уровень «доверительного партнерства» в 1996 г., а затем и «стратегического партнерства» в 2007 г.

Согласно данным ГТУ КНР, в январе — сентябре 2014 г. российско-китайский товарооборот увеличился на 7,0 % до 70 777,7 млн дол., в том числе экспорт России в КНР — 31 381,4 млн дол. (+2,9 %), импорт из КНР — 39 396,3 млн дол. (+10,5 %). Темпы прироста товарооборота в сравнении с аналогичным периодом 2013 г. увеличились на 7,1 %, в основном за счет российского экспорта (+12,9 %) [6].

8 марта 2015 г. глава МИД КНР заявил, что для Китая сотрудничество с Россией является стратегическим, а условия для укрепления отношений между двумя странами дала дружба народов. «Мы

будем укреплять стратегическое сотрудничество по защите мира и безопасности в мире. Китайско-российские отношения не подвержены влиянию мировых потрясений, они не направлены против третьих стран, они характеризуются прочным взаимным доверием, стабильностью», — сказал Ван И [3].

Подобное стремительное развитие современных российско-китайских отношений делает актуальным вопрос — «Что о нас думает Китай?». У посещающих Китай россиян зачастую складывается впечатление, что китайцы очень хорошо относятся к России и имеют довольно ясное представление о ней и ее культуре. Но в ходе нашего исследования, проведенного на юге Китая в городе Гуанчжоу, стало очевидно, что мнение южных китайцев по этому вопросу несколько отличается от мнения их северных соотечественников. Это говорит о том, что образ России в Китае не един. Отсюда возникает закономерный вопрос — в чем причина подобной разницы между севером и югом Китая.

Для начала нужно разобраться, что такое образ и почему так важно, чтобы он был позитивным. На сегодняшний день глобализация стала важнейшей составляющей развития мира. Ей подвержены международные экономические, политические, научно-технологические, культурные и другие связи и отношения. Это приводит к интенсификации контактов между странами и народами, выстраивающими взаимные отношения в том числе на основе существующих образов. В связи с этим особую роль сегодня играет процесс формирования и трансформации данных образов. Государство, одержимое идеей территориального суверенитета, рискует утратить, по мнению Дж. Рамо, суверенитет над собственным образом. Политический образ представляет собой, с одной стороны, отражение реальных характеристик объекта восприятия, а с другой стороны — проекцию ожиданий субъекта восприятия, т. е. граждан. В политическом образе отражаются знания, представления, мнения, оценки, ожидания, эмоции, требования граждан к объекту восприятия. Образ страны определяет, какую репутацию приобретает государство в сознании мировой общественности в результате тех или иных действий. Для правительства, ориентированного на участие в международных соглашениях и договорах, репутация есть решающий ресурс, и самый важный аспект репутации — уверенность других участников в том, что данное государство сдержит свои будущие обязательства даже в особых ситуациях, когда это не совсем выгодно для него.

К факторам, оказывающим воздействие на формирование политических образов, относятся политико-культурные особенности, региональная специфика, исторический контекст, политический опыт, текущая социально-экономическая и политическая обстановка, конкретные события и СМИ.

Российско-китайская граница расположена на севере Китая. За годы интенсивных приграничных контактов с россиянами у северных китайцев сложилось ясное представление о России. Основной поток российских туристов в Китай и китайских туристов в Россию приходится именно на приграничные и близко расположенные районы. В Харбине, Шеньяне, Чаньчуне, Хух-Хото и в других северных городах находятся университеты, которые сотрудничают с российскими вузами и проводят активный студенческий обмен. Китайские студенты, среди которых изучение русского языка довольно распространенное и популярное явление, хорошо ознакомлены с российской культурой. Они приезжают на учебу в Россию и тем самым имеют возможность составить представление о нашей стране через призму собственных наблюдений и опыта.

В то же время в ходе опроса китайских студентов-южан на вопрос «Хотели бы вы изучать русский язык?» в основном отвечали следующим образом: *«Хочу. Вдруг русские опять станут сильными, вот тогда для работы будет плюс. А сейчас вы слабые». «Если только буду иметь контакт с Россией. Если нет, то его роль небольшая. Не могу сказать, что есть перспектива в изучении русского языка»* и т. п.* Это указывает на то, что в силу географической удаленности от России южные китайцы мало мотивированы на изучение русского языка и ставят в качестве приоритета изучение английского, что можно объяснить фактом компактного расположения западных компаний в Гонконге, Шенжене, Гуанчжоу и других открытых экономических районах на юге Китая.

Помимо географического положения есть и другие причины разницы в образе России в различных регионах Китая. Исторически в XX в. на севере страны находились базы коммунистов, находивших поддержку у СССР, а на юге заседал Гоминьдан во главе с Чан Кайши. Юг был оплотом буржуазных отношений и всегда довольно скептически относился к коммунизму и всему, что с этим ассоциировалось.

Как отмечает отечественный востоковед Сергей Лузянин, на образ России влияет история территориальных споров, уходящая корнями в отношения между царской Россией и Цинской империей [5]. Юридическая точка в этом вопросе была поставлена в 2005 г. [4], но эмоциональное напряжение со-

* Здесь и далее материалы опросов, проведенных автором в Гуанчжоу летом 2014 г.

храняется и подпитывает националистов в китайском обществе** [1]. На вопрос «Как вы относитесь к России в целом?» респонденты отвечали: *«Очень настороженно. Боюсь, что красные будут лезть в Китай. Раньше русским уже доводилось оккупировать большую часть Северного Китая во время династии Цин»*. *«Я больше волнуюсь, если в России к власти придет милитарист и диктатор»*. *«Я не контактировал с русскими, все, что я знаю о России, — из новостей. В наших СМИ Россия представлена как воинствующая нация»*.

На вопрос «Считаете ли вы Россию безопасной страной?» были получены следующие ответы: *«Нет, очень много террора. И могу только добавить, что мы ничего не можем узнать о России в Китае, в отличие от США. У них хорошая пропаганда, поэтому мы думаем, что лучше и безопасней жить в США»*. *«Не безопасная. Люди очень вспыльчивые. В интернете часто видел, как отморозки избивают людей ни за что»*. *«Не так безопасно, как в Китае»*.

Также довольно примечательно представление южан о социальном развитии России. На вопрос «Обеспокоены ли вы тем, что Россия станет супердержавой, угрожающей Китаю?» один из респондентов ответил: *«Не волнуюсь. Россия, даже несмотря на военное могущество, имеет слабый социальный уровень жизни, сверхдержавы не должны вкладывать деньги только в одну сферу в ущерб другим»*.

А на вопрос «Считаете ли вы Россию коррумпированной страной?» 24-летний программист ответил: *«Да, но это проблема всех стран третьего мира»*.

Благодаря российскому экспорту энергоресурсов «имеет место рост, но нет развития» — расхожее выражение, создающее России образ «нефтяного нувориша» и мешающее возрождающейся российской экономике завоевать доверие на мировом рынке. В восприятии многих людей на Западе Россия остается государством диктатуры, догм и коррупции, а ключевыми словами в ее имидже являются «олигархия», «мафия», «шпионы» и «скинхеды».

Что касается Китая, в целом представление о России у южан довольно стереотипное: на вопрос «Какие три слова ассоциируются у вас с Россией?» в основном отвечали: *«АК-47, холод, девушки, медведи, водка и Путин»*.

Образ постсоветской России в Китае неточный из-за нехватки качественной информации о России, это следствие малой активности российских источников информации. Долгие годы тема распада СССР находилась в КНР под цензурой. При организации информационной политики, направленной на китайское общество, России следует учитывать, что КНР имеет свои информационные каналы, а международные соц. сети (например, Facebook, Twitter, Вконтакте) и видеоканалы (Youtube) в Китае недоступны или непопулярны.

Из результатов проведенного опроса можно сделать следующие выводы. Кантонцы (южане) представляют Россию страной с сильной внешней политикой, способной бросить вызов Западу. На вопрос «Как вы относитесь к внешней политике России?» отвечали: *«Внешняя политика сильная. Россия бросает вызов западным странам. Никаких компромиссов»*. *«Жесткая политика. Ну что вы творите на Украине?»*, *«Воинствующая нация»* и т. д.

Только в одном вопросе «Что вы думаете о Путине?» мнения южан сошлись с северянами: *«В России очень много жестких людей, которые делают что-то удивительное и преподносят сурпризы, особенно Путин»*.

Личная популярность В. Путина — значительный фактор положительного имиджа России в Китае. Его образ включает черты харизматичного сильного лидера, способного предпринимать решительные действия. Жители КНР очень гордятся своей древней культурой и также высоко ценят, когда иностранцы проявляют к ней интерес. Так, поездка Владимира Путина в Шаолинский монастырь в 2006 г. вызвала настоящий ажиотаж в Китае [2].

Позитивный образ способен помочь России максимально эффективно разрешить международные конфликты и внушить оптимизм деловым партнерам. Негативный образ, напротив, затрудняет разрешение конфликтов и тормозит экономическое развитие. Настоящая великая держава становится мощной не в результате продажи миру рубашек или превращения в мировую перерабатывающую фабрику. Такая страна должна иметь потенциал культурного влияния на окружающий мир. Эта культурная сила проявляется, прежде всего, в том, сколько у нас имеется культурной продукции, пригодной для экспорта за рубеж, чтобы она сформировала у иностранного потребителя психологическую

** В китайском учебнике истории для 8-го класса сказано, что Российская империя отторгла у Цинской династии Китая в общей сложности 1,5 млн км² территории.

привязанность к ней. Но сейчас у нас нет ничего, что мы могли бы предложить на экспорт, мы намного отстали в этом от стран Запада и ряда азиатских стран (Японии, Южной Кореи, Сингапура). Из результатов нашего опроса стало очевидно, что китайская молодежь юга страны плохо осведомлена о культурных достижениях России в литературе, науке и других сферах. Учитывая, что культура может быть фактором развития экономического сотрудничества, необходимо продвигать в Китай наиболее выгодные образы российской культуры.

В целом для позитивного образа России должна наращивать «мягкую силу», то есть пропагандировать национальную культуру, создавать привлекательную поп-культуру для молодежи и активно продвигать это в Китае. Из-за того, что современная молодежь не знакома с российской культурой, она отдает предпочтение западной культуре. Также необходимо работать над созданием целостного позитивного образа России.

Литература

1. История Китая: Учебник. 8 класс. — Пекин: Народное издательство, 2007. — Т. 1. — С. 7–12. (Кит.: 课程教材研究所. 历史课程教材研究开发中心主编. 中国历史. 八年级. 上册. 人民出版社. 2007年. — 7–12页. [Kecheng jiaocai yanjiusuo. Lishi kecheng jiaocai yanjiu kaifa zhongxin zhubian. Zhongguo lishi. Baniianji. Shangce. Renmin chubanshe. 2007nian. — 7–12 ye]).
2. В. Путин стал первым из действующих мировых лидеров, который побывал в Шаолине [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао онлайн. — 2006. — 23 марта. — URL: <http://russian.people.com.cn/31521/4228736.html>
3. Ван И: объем торговли между КНР и РФ в 2015 году составит \$100 млрд [Электронный ресурс]. — URL: <http://ria.ru/east/20150308/1051465254.html>
4. Дополнительное соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной границе на ее восточной части заключено в Пекине 14 октября 2004 года, ратифицировано Федеральным Собранием РФ: федер. закон от 31 мая 2005 года № 52-ФЗ [Электронный ресурс] // Бюллетень международных договоров. — 2005. — № 7. — URL: http://www.mid.ru/BDOMP/spd_md.nsf/0/4FBD8AE628B4DC4344257CBD00281BC2
5. Лузянин С. Г. «Китайская мечта»: между геополитикой, национализмом и выживанием [Электронный ресурс] // МГИМО. — 2013. — 18 июля. — URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document240669.phtm>
6. Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации: [сайт]. — URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_ru_trade/

References

1. *Istoriya Kitaya* [History of China]. Beijing: People's Publishing House, 2007. V. 1. Pp. 7–12. (Chinese).
2. V. Putin stal pervym iz deistvuyushchikh mirovykh liderov, kotoryi pobывал v Shaoline [Vladimir Putin became the first of current world leaders who visited Shaolin]. «Zhen'min' zhibao onlain» — *People's Daily Online*. March 23, 2006. Available at: <http://russian.people.com.cn/31521/4228736.html>
3. *Van I: ob'em trgovli mezhd KNR i RF v 2015 godu sostavit \$100 mlrd* [Wang Yi: the trade volume between China and Russia will amount to \$ 100 billion in 2015. Available at: <http://ria.ru/east/20150308/1051465254.html>
4. *Dopolnitel'noe soglashenie mezhd Rossiiskoi Federatsiei i Kitaiskoi Narodnoi Respublikoi o rossiisko-kitaiskoi gosudarstvennoi granitse na ee vostochnoi chasti zaklyucheno v Pekine 14 oktyabrya 2004 goda, ratifitsirovano Federal'nym Sobranie RF (Federal'nyi zakon ot 31 maya 2005 goda № 52-FZ* [Supplementary Agreement between the Russian Federation and the People's Republic of China concerning the Russian-Chinese border in its eastern part was signed in Beijing on the 14th of October, 2004, and ratified by the Federal Assembly of the Russian Federation (Federal Law of May 31, 2005 No. 52-FZ)]. *Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov — Bulletin of international agreements*. 2005. No. 7. Available at: http://www.mid.ru/BDOMP/spd_md.nsf/0/4FBD8AE628B4DC4344257CBD00281BC2
5. *Luzyanin S. G. «Kitaiskaya mehta»: mezhd geopolitiko, natsionalizmom i vyzhivaniem "China Dream": between geopolitics, nationalism and survival. MGIMO — MSIR*. Available at: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document240669.phtm> (accessed July 18, 2013).
6. *Rossiisko-kitaiskoe trgovno-ekonomicheskoe sotrudnichestvo* [The Russian-Chinese trade and economic cooperation]. *Ofitsial'nyi sait Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii — The official website of the Russian Federation Ministry of Economic Development*. Available at: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_ru_trade/

УДК 94:008(579.5)+94(510)
doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-123-136

«Корейская волна» в Китае

© Гармаханов Мунко Цыденович

аспирант кафедры истории и регионоведения стран Азии Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: mahanobe@gmail.com

«Корейская волна» — культурный феномен, начавшийся в середине 1990-х годов, являет собой всплеск интереса в мире к культуре Республики Корея.

В статье дается его краткое описание как явления, имеющего непосредственное отношение к принципу «мягкой силы», как средства достижения экономических и политических целей. Рассмотрены влияние «корейской волны» на экономику и политику Китайской Народной Республики, история развития его популярности в Китае, отношение представителей китайских производителей культурного продукта к «корейской волне», проведен обзор проблемы трактовки «мягкой силы» разными учеными разных стран.

Ключевые слова: Республика Корея, «корейская волна», «мягкая сила», экспорт культуры, политика, феномен, Халлю, Китай.

«Korean Wave» in China

Munko Ts. Garmakhanov

Research Assistant, Buryat State University
4, Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

«Korean wave» is a cultural phenomenon that started in the mid-90s., which is a surge of worldwide interest to the culture of the Republic of Korea.

This article observes the «Korean Wave», as a phenomenon directly related to the principles of soft power as it means achieving economic and political goals. Also, in this article the author reviewed the effect of the Korean Wave to the economy and politics of China, gives a description of history of its popularity start in China. After that the article focuses on the impact of the Korean wave to China and to manufacturers of Chinese cultural content. And in the end of the article the author reviewed the problems of interpretation of Soft Power by different scientists in different countries.

Keywords: Republic of Korea, Korean wave, Soft Power, export of culture, politics, the phenomenon, The Hallyu, China.

«Корейская волна» — культурный феномен середины 1990-х годов, представляющий собой всплеск интереса в мире к культуре Республики Корея. Существует множество мнений о том, что именно явилось причиной его появления. К примеру, есть предположение, что корейская культура явилась успешной заменой увлечению японской, которая к началу 90-х переживала не самые лучшие времена и до сих пор находится в поисках нового пути развития. Популярны ранее самурайские фильмы, книги, наполненные философией дзен-буддизма и синтоизма, анимация и комиксы в стиле манга стали для аудитории, тянувшейся к экзотике, уже чем-то привычным и обыденным и потеряли большую часть своей привлекательности.

Термин «корейская волна», или Халлю (кор. 한류, кит. 韓流, транслит. Халлю), был придуман в Китае в середине 1990-х пекинскими журналистами, которых удивляла быстрорастущая популярность корейской индустрии развлечений и корейская культура в Китае. Изначально данный термин применялся исключительно по отношению к Китаю, так как никакой особой популярности в других странах корейская культурная продукция еще не снискала. Однако и сейчас, когда «корейская волна» прошла практически по всему миру, именно Китай остается главным импортером корейских фильмов, телесериалов и музыкальной продукции, примером чему может служить относительно недавняя сделка, когда права на показ телесериала «Пиноккио» были проданы китайскому сайту Youku Tudou за 280 000 долларов за эпизод [7]. И если учесть, что продолжительность данного телесериала составляет 20 эпизодов, то общая сумма сделки должна составить примерно 5 600 000 долларов США. В первую очередь данная сделка примечательна тем, что она является крупнейшей продажей прав на показ корейского телесериала в Китай. Во-вторых, права на показ купил не официальный телеканал, а медиапортал — сайт, зарабатывающий на встроенной и контекстной рекламе.

Разобрать причины популярности корейского кино в Китае несложно, если учесть, что китайский

кинематограф в конце 1990-х и в начале 2000-х испытывал определенные сложности, связанные со многими факторами. Это цензура континентального Китая, которая после возвращения Гонконга начинает распространяться и на продукцию этого города, азиатский финансовый кризис, перепроизводство при падении контроля качества и истощении возможностей привычных сценарных схем, высокий уровень видеопиратства в Восточной Азии. Учитывая все это, в Китае становится чрезвычайно популярной продукция американского производства. И конкурировать тогда с Голливудом могли лишь фильмы и сериалы из Японии, однако в этой стране производители кино испытывали определенный творческий кризис, который они не могут перебороть до сих пор.

Наиболее раннюю стадию развития Халлю, когда было возможным уверенно заявить о его существовании, росте и развитии, можно отнести к 1997 г., когда в телевизионный эфир был выпущен корейский сериал «What Is Love All About», который транслировался по государственному китайскому телевидению CCTV. Телесериал от MBC-TV «Ревность», импортированный в 1993 году в качестве первого популярного культурного продукта из Южной Кореи, лишь подготовил почву для Халлю в Китае. С тех пор корейская культура заметно увеличила процент своего присутствия в соседних азиатских странах и значительно глубже проникла туда в течение последних лет. В период с 2000 по 2002 год «корейская волна продвинулась в различных частях Азии, включая Юго-Восточную и Центральную Азию, и поэтому можно утверждать, что волна достигла стадии активного проникновения» [5].

Культура является важным элементом в создании национального имиджа. Улучшение имиджа с помощью национальной культуры в конечном счете оказывает положительное влияние на другие факторы, которые составляют национальный образ в целом, такие как политические, социальные и экономические факторы.

Но все же азиатские средства массовой информации утверждают, что «корейская волна» — это не двусторонние отношения с точки зрения культурного обмена, а односторонний приток корейской поп-культуры, который усиливает дисбаланс культурной индустрии в азиатском регионе [5]. По данным Korea Herald, «тайваньское правительство рассматривает возможность запрета на вещание иностранных телесериалов в прайм-тайм, мера, которая, похоже, направлена против популярности корейской драмы». Китайские СМИ начали призывать корейское правительство и промышленность к взаимным доверительным отношениям с ними и другими азиатскими странами в целях сохранения корейской волны [9].

Для Южной Кореи феномен Халлю стал явлением многоплановым и структурированным, своеобразной «мягкой силой», потому как с ним связаны государственная политика, идеология, бизнес, имидж страны и корейского народа. Однако Халлю в своей основе представляет собой южнокорейскую массовую культуру, состоявшую первоначально из кинофильмов, телесериалов, драм, поп-музыки, эстрады. Теперь она уже включает в себя иностранный туризм, модную одежду, бижутерию, галантерею, сувенирную продукцию и национальную пищу, включая острую маринованную капусту — кимчи, а также многое другое с лейблом Made in Korea. «Корейская волна» как цунами, молниеносно накрыла практически всю Юго-Восточную Азию, Японию, Китай, затем перешла на другие страны [6]. Поскольку Республика Корея считает Халлю своей «мягкой силой», то возникает вопрос, как к этому явлению относится Китай, от которого зависит крупная часть доходов от «корейской волны»?

Если обратиться к китайскому отношению к «мягкой силе» в целом, то наиболее значимой в Китае является трактовка, которую предложил влиятельный ученый Янь Сюэтун, возглавляющий Институт международных проблем университета Цинхуа. По мнению господина Янь Сюэтун, комплексная сила государства объединяет в себе «жесткую» и «мягкую силу», но не по принципу сложения, а как произведение обеих составляющих, и поэтому при отсутствии у страны либо «мягкой» либо «жесткой силы» общая сила государства равна нулю. «Мягкую силу» Янь Сюэтун определяет как «способность государства к политической мобилизации внутри и вовне» — это способность использовать материальные ресурсы, но сама по себе материальным ресурсом она не является [2].

Если рассматривать «корейскую волну», применяя вышеупомянутую логику, то является ли она «мягкой силой»? Несомненно, у Южной Кореи есть постоянная армия, действующая по принципу обязательного призыва мужского населения страны начиная с 20 лет, что продиктовано в первую очередь необходимостью защищаться от северного соседа — КНДР в случае начала военных действий. О возможности развития таких событий стоит помнить хотя бы потому, что после фактического окончания Корейской войны, мирный договор, который завершал бы войну де-юре, так и не был подписан. Это значит, что Корейский полуостров до сих пор официально находится в состоянии войны [1].

Но опять же, с другой стороны, не стоит забывать о постоянном влиянии США на Южную Корею, о чем свидетельствует присутствие военно-морской базы Чинхэ в местности Чангвон, недалеко от г. Пусан. И при этом не стоит забывать о том, что само разделение корейского полуострова явилось следствием противостояния США и СССР после Второй мировой войны. При всем ранее сказанном следует учитывать также и то, что Корейский полуостров с древних времен считается обеими сторонами — и Китайской империей, и Кореей — сателлитом Китая, частью китайского мира.

При всей сложности политической обстановки, как бы ни относились китайские политики к «корейской волне», в первую очередь наиболее заметным становится экономическое влияние Халлю на Китай, в связи с чем первые ответные шаги Китай принимает именно на данном поле действия.

Так, в прессе и официальных кругах Китая все чаще можно услышать реплики недовольства в связи с популярностью здесь южнокорейской поп-культуры. С момента, когда ажиотаж вокруг «корейской волны» достиг своего апогея, а именно в сентябре и октябре 2006 года, когда в Китае транслировался сериал «Тэчжангым», китайские партийные функционеры, знаменитости и СМИ начали проявлять открытое недовольство чрезмерным присутствием южнокорейской культуры на материке [10].

Например, китайский актер Чжан Голинь заявил, что Китай становится «гигантским импортером иностранной культуры» и смотреть корейские сериалы «равносильно тому, если бы мы распродавали нашу страну с молотка». Государственная администрация по радиовещанию, кино и телевидению Китая также заявила, что «Пекин стал слишком щедр на импорт южнокорейских телесериалов», и призвала к более строгому процессу отбора и цензуры импортируемой кинопродукции, предложив сократить эфирное время для корейских сериалов на 50 процентов [10].

Вскоре после того, как Центральное телевидение Китая (CCTV) заявило, что начнет постепенно сокращать время, выделенное для корейских телесериалов, за ним тут же последовало Пекинское телевидение, объявившее, что начнет выпускать в эфир больше мыльных опер из Гонконга и Тайваня [4].

Однако на данный момент нельзя с уверенностью сказать, что «корейская волна» в Китае пошла на резкий спад. И примером тому опять же может послужить сделка с китайским сайтом Youku Tudou на 280 000 \$. Развитие и распространение технологий в наше время начинают играть существенную роль в культуре большинства народов мира, и Поднебесная не стала исключением.

При этом все еще довольно остро стоит вопрос о том, будет ли Китай и дальше продолжать импортировать чрезвычайно популярную корейскую культурную продукцию, или Поднебесная будет ужесточать контроль в сфере развлечений, поддерживая отечественного производителя? Однозначного ответа на этот вопрос в современной историографии нет. Но эта тема становится все более актуальной и не только в Азии.

Литература

1. Асмолов К. Подведение итогов Корейской войны и вопрос мирного договора [Электронный ресурс]. — URL: <http://ru.journal-neo.org/2013/06/10/the-korean-war-and-the-peace-treaty-issue/> (дата обращения: 12.04.2015).
2. Янь Сюэту. Чжунго жуаньшили ю дай тигао («Мягкая сила» Китая ждет повышения) // Чжунго юй шицзе гуаньча. — Сянган. — 2006. — № 1. — С. 1.
3. Anti-Korean Wave backlash has political, historical causes. Korea Joong Ang Daily. JoongAng Ilbo (February 17, 2011).
4. Chen C. Seoul sisters. *South China Morning Post*. 2006. February 26.
5. Doobo S. Hybridity and the rise of Korean popular culture in Asia // *Media, Culture & Society*. 2006. 28 (1), P. 25–44. doi:10.1177/0163443706059278
6. Hyejung J. The Nature of Nationalism in the «Korean Wave»: A Framing Analysis of News Coverage about Korean Pop Culture. Conference Papers — National Communication Association, Retrieved from Communication & Mass Media Complete database. 2007.
7. Chosun Ilbo. «Cultural Exports to Post Record Due to Korean Wave». — URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2014/12/29/2014122901716.html (дата обращения 12.04.2015).
8. Kim K. Hallyu, Cultural Coexistence or Imperialism? // *The Korea Times*. 2006. February 7. P. 1–3.
9. (권호영, 김영수, «한류 확산을 위한 전략과 정책: 방송영상을 중심으로» 2009. 8 KOCCA 연구보고서 09-01 pp. 243–247).
- (정양례, 박정욱.(2004). 한류가 한국관광이미지에 미치는 영향에 관한 연구: 중국인들을 대상으로 한 인지적, 정서적 평가. 『관광경영학연구』, 8 (1), 319–336.)

References

1. Asmolov K. *Podvedenie itogov Koreiskoi voiny i vopros mirnogo dogovora* [Summary of the Korean War and the problem of a peace treaty]. Available at: <http://ru.journal-neo.org/2013/06/10/the-korean-war-and-the-peace-treaty-issue/> (accessed April 12, 2015).
2. Yan' Syuetun. Chzhungo zhuan'shili yu dai tigao [Soft power of China expects increase]. *Chzhungo yui shitsze guan'cha*. Siangan. 2006. No. 1. P. 1.
3. Anti-Korean Wave backlash has political, historical causes. *Korea JoongAng Daily*. *JoongAng Ilbo*. 2011. February 17.
4. Chen C. Seoul sisters. *South China Morning Post*. 2006. February 26.
5. Doobo S. Hybridity and the rise of Korean popular culture in Asia. *Media, Culture & Society*. 2006. No. 28 (1). Pp. 25–44. doi:10.1177/0163443706059278.
6. Hyejung J. *The Nature of Nationalism in the "Korean Wave": A Framing Analysis of News Coverage about Korean Pop Culture*. Conference Papers. National Communication Association, Retrieved from Communication & Mass Media Complete database, 2007.
- 7 Chosun Ilbo. *Cultural Exports to Post Record Due to Korean Wave*. Available at: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2014/12/29/2014122901716.html (accessed April 12, 2015).
- 8 Kim K. Hallyu, Cultural Coexistence or Imperialism? *The Korea Times*. 2006. February 7. Pp. 1–3.
9. 권호영, 김영수. 한류 확산을 위한 전략과 정책: 방송영상물을 중심으로. 2009. 8 KOCCA 연구보고서 09-01. Pp. 243-247.
10. 정양례, 박정옥한. [류가 한국관광이미지에 미치는 영향에 관한 연구: 중국인들을 대상으로 한 인지적, 정서적 평가]. *관광경영학연구*. 2004. No. 8 (1). Pp. 319–336.

УДК 39(510)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-127-130

Особенности материальной культуры орохонов Китая (на материале экспедиций)

© **Гомбоева Сарюна Владимировна**

старший научный сотрудник лаборатории по изучению языков и культур малочисленных народов Сибири, Монголии и Китая Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: sarunag@mail.ru

Статья посвящена проблеме сохранения и развития материальной культуры одного из малочисленных народов Китая — орохонов. Дана общая характеристика орохонов, которые на сегодняшний день являются малоизученной группой эвенков, проживающих в северной части Китая. По сравнению с остальными группами эвенков Китая орохоны имеют свои специфические особенности в языке, хозяйстве, материальной и духовной культуре. Главная задача статьи — выделить и описать характерные черты материальной культуры орохонов на основе двух полевых экспедиций (2009 и 2014 гг.). Основное внимание уделено пище, национальному костюму, традиционному жилищу и декоративно-прикладному искусству. По результатам исследования рассмотрены и выявлены определенные особенности материальной культуры орохонов, которые сохранились до наших дней.

Ключевые слова: материальная культура, орохоны, пища, одежда, жилище, декоративно-прикладное искусство.

Material Culture's Features of Orochon People of China (based on expeditions)

Saryuna V. Gomboeva

Senior Researcher at the Laboratory of Studying Languages and Cultures of Indigenous Peoples of Siberia, Mongolia and China Buryat State University
4, Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The article is devoted to the problem of saving and development of material culture of small numbered nation of China — the Orochens. It gives the general characteristics of insufficiently known group of Evenk, living in the North of China. In comparison with the other groups of Evenk people in China, the orochons have some specific features in language, housekeeping and culture. The main task is to find and describe Orochen characteristics in culture, according to the expedition data (2009, 2014). Meal, national costumes, traditional household and arts and crafts are observed. According to the research, still remaining characteristics of Orochen people's material culture are identified.

Keywords: material culture, Orochen people, food, clothing, housing, arts and crafts.

Материальная культура любого народа складывается на протяжении многих лет под влиянием определенных природных и географических условий, при этом являясь выражением национального характера того или иного этноса. Орохоны — это эвенки Китая, имеющие характерные особенности в языке, материальной и духовной культуре, на сегодняшний день малоизученный народ. Материальную культуру орохонов следует определять местом проживания, жилищем, пищей, украшениями, одеждой и утварью. Рассмотрим этническую специфику материальной культуры орохонов Китая, используя материалы полевых экспедиций в Эвенкийский хошун Автономного района Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики [2, с. 19–20].

Орохоны, также орочены (с кит.: 鄂伦春族; пиньинь — elunchūn zu) — это один из официально признанных малочисленных народов Китая, относится к тунгусо-маньчжурским народам. Самоназвание «орочон» переводится буквально как «человек на горном хребте» или «человек, приручивший оленя». Самые ранние записи про орохонов можно найти в летописях начального периода династии Цин (XVII век). В 51-й главе записей об основателях династии Цин «Цин Тайцзу Шилу» они впервые упоминаются под названием «эртунь». Следующие заметки находим во время правления императора Канси (1683 г.), их называют «элочунь». После этого практически во всех китайских источниках орохоны известны под современным названием «элуничунь» — 鄂伦春 [9]. Как считает известный исследователь эвенков Г. М. Василевич, название ороchon первоначально не было связано с оленями, а обозначало жителя местности Оро — одного из средних притоков Амура и его бассейна, т. е. имело дооленеvodческое происхождение [3, с. 71].

Орочоны проживают на Северо-Востоке Китая в горах Большого и Малого Хингана: в Автономном районе Внутренняя Монголия (Орочонский автономный хошун, городской уезд Чжаланьтунь, Морин-Дава-Даурский автономный хошун и хошун Арун-Ци) и в провинции Хэйлуцзян (уезды Тахэ, Хума, Сюнькэ и Цзяинь, а также городской округ Хэйхэ) [9].

Численность народа с 1911 по 1945 г. сократилась с 4 000 до 1 000 человек. К 1953 г. она достигла 2 250 человек. После образования Китайской Народной Республики численность орочонов стала потихоньку увеличиваться. На сегодняшний день орочоны входят в группу из 56 малочисленных этносов, по всекитайской переписи населения 2010 года их количество составляет 8 659 человек.

Издавна орочоны жили в тайге, занимаясь охотой и собирательством. Начиная с 1950-х гг. они меняют образ жизни, спустившись с гор, переходят на оседлый образ жизни, занимаются земледелием. В 1990-х гг. правительство Китая полностью запрещает охоту в горах Хингана, после этого охота как вид деятельности навсегда уходит из образа жизни орочонов, в связи с чем утрачиваются определенные навыки, которыми они славились. Китайское правительство начинает способствовать переходу орочонов от «отсталого» уровня жизни. Выделяются различные субсидии, которые идут на защиту леса, предоставляется бесплатное образование и здравоохранение, решаются вопросы с жильем, поощряя тем самым орочонов к оседлой жизни. За прошедшие годы орочоны освоили земледелие, стали сеять культуры с высокой экономической отдачей, такие как, например, древесный гриб, заниматься животноводством (разводят кур, уток, коров, овец) [1, с. 77].

Пища

В традиционный рацион питания орочонов входит мясо диких животных (косули, оленя, дикого кабана и других). Обработка мяса происходит разными способами — их запекают, варят, коптят и т. д. Сушеное мясо и мясо, сваренное в берестяной бочке, считаются одними из своеобразных блюд орочонов. Для разнообразия пищи орочоны издавна занимались собирательством. В пищу добавляли съедобные дикие травы, дикорастущие ягоды, злаки и фрукты. Со сменой образа жизни и с развитием земледелия доза потребления овощей и зелени постепенно возросла. Сейчас орочоны едят свинину, говядину или другое мясо в качестве заменителя, готовят обычные китайские блюда.

Народный костюм

Орочоны, которые постоянно меняли места своих стойбищ в поисках лучших промысловых угодий, носили костюмы, приспособленные к подвижному образу жизни. У них был свой своеобразный способ шитья одежды из кожи косули и оленьих шкур. Такая одежда очень хорошо приспособлена к зимним холодам в таежной глуши, являясь теплой, износостойкой и долговечной. Летом одевали короткую и тонкую одежду, осенью и зимой носили длинную и плотную. Национальный костюм орочона состоит из длинного халата на подкладке, меховых чулок, штанов, длинных наколенников, жилета, сшитых из кожи оленя или косули, также он включает кожаные перчатки, шубу и головной убор. Меховой халат шьется из шкуры оленя, которую добывают зимой. Мужские и женские халаты отличаются друг от друга. Мужской халат по длине доходит до колен, более свободный, завязывается кожаным ремнем. Женский костюм, наоборот, длиннее, его украшают своеобразной вышивкой и завязывают цветным расшитым поясом. Пуговицы как мужской, так и женской одежды расположены спереди и справа, а длинные разрезы — спереди и сзади или слева и справа, чтобы удобно было ездить на лошади. Пожилые орочоны в основном носят одежду, сшитую из шкур косули. Одежда орочонов мягкая, прочная, простая, теплая и удобная. Но самое главное — изящество одежды: большая часть деталей костюма расшита различными орнаментами, украшена воротниками из рысьих или лисьих шкур. Зимнюю верхнюю одежду украшают большими отворотами и каймой, а рукава отделывают тонкой кожей и вышивкой. Особенно богато расшивают цветными узорами верхнюю женскую одежду — кафтан, нагрудник, пуговицы. Эти части костюма превосходят количеством украшений — бахрома, обшивки из длинного козьего и собачьего меха, бисерные вышивки, могут использовать конский волос. Наиболее специфическими и уникальными являются головные уборы, повторяющие форму настоящей косульей головы, которые не только сохраняют тепло, но и являются хорошей маскировкой на охоте. При этом сверху на шляпы пришиваются два дополнительных ложных уха, как говорят орочоны, для того, чтобы замаскированного охотника не принял за оленя другой охотник [5, с. 83–86]. Говорят, чем больше ветвистых рогов у шапки, тем крепче у орочона семейные узы. Из шкуры косуль шили не только головные уборы, одежда, кожаные сапоги, но и постельное белье, спальные мешки, пакетики, сумочки для табака, пояса и другие аксессуары.

Традиционное жилище

Традиционное жилище ороочонов — конический чум. Зимой такие чумы обычно покрывали кожаными покрытиями или мехом диких животных. Летом обходились корьевыми или берестяными покрытиями. По размеру чум диаметром 5–6 метров, высота около 5. Основой чума является 2–4 вертикальных столба, связанных наверху, по бокам к ним приставляют 20–30 деревянных жердей. Вход в чум находится на южной или юго-восточной стороне. Центр чума считается местом для очага с котлом. Отверстие для освещения и выхода дыма находится наверху. Хозяин чума и старшие члены занимают северную часть чума, т. е. напротив входа, женщины и дети располагаются по бокам от входа. Все вещи, не нужные для жизни в чуме, хранятся снаружи во вьючных сумках и около чума [4, с. 120]. Зажиточные семьи чум отделяют шкурами зверей или матерчатými украшениями-апликациями, у остальных жилища могут быть украшены орнаментами, вырезанными из бересты. В зимнее время чум обычно ставится на том месте, где солнечно и нет ветра. В летнее время, наоборот, на вершине, в хорошо проветриваемом месте. С 1950-х гг. ороочоны начали переходить жить в деревянные дома, но продолжают использовать чумы во время походов в лес. Молодые семьи живут в новых современных домах из кирпича с черепичным покрытием.

Декоративно-прикладное искусство

В жизни ороочонов особое значение имеют народное ремесло: гравировка, занятие вышивкой и изготовление поделок из бересты. Все ороочоны, независимо от возраста являются большими умельцами по изготовлению берестяных изделий. На склонах Большого Хингана, где проживают ороочоны, широко распространена береза плосколистная. Каждый год в начале лета, когда березы сырые, ороочоны снимают бересту. Для того чтобы она выпрямилась и выровнялась, ее специально кладут под тяжелые предметы на три дня. Куски бересты соединяют с помощью сухожилий животных или конских волос. Для красоты на лицевых сторонах вырезают рисунок. Крупные куски идут обычно на изготовление ведер, сундуков и корзин, средние — на шляпы, миски, шкатулки, коробки и ковши, маленькие — на портсигары, чашки, коробочки для лекарств и многие другие вещи для нужды. Ороочоны умеют изготавливать из бересты не только предметы быта, но и лодки. Ороочонская берестяная лодка узкая и длинная: в ширину не превышает метра, а в длину обычно 5 метров. Из сосновой доски, загнутой с обеих сторон, делается каркас, а из одного большого куска бересты — киль и борта. Вся лодка делается без единого гвоздя. В такую лодку могут помещаться два-три человека [8]. Особенность берестяных изделий в том, что они просты, легки, долговечны и крепки.

Ороочонские гравировки делаются по дереву, кости или бересте, из которых берестяная самая уникальная и самобытная. В качестве рисунков обычно берут различные орнаменты, природные явления, цветы и т. д. После вырезания рисунок или узор окрашиваются в разные цвета, в которых доминируют желтый, красный или черный цвет. Гравировка по дереву осуществляется в основном на деревянных инструментах, например, на седлах, манках, чашках и деревянных мисках. Из кости делают фигурки животных, палочки для еды, перстни, пуговицы и другие изделия. Вышивка ороочонов делится на два вида: первый — это вырезка узоров из кусков кожи, которые затем сшиваются вместе, второй — это вышивка цветными нитками на изделиях из кожи. Рисунками вышивки служат различные национальные орнаменты, люди, растения и животные [6, с. 42]. Издавна ороочоны вышивали костюмными иглами и нитями из жил животных, позднее в обиход вошли современные металлические иглы и окрашенные шелковые нити.

В июне 2014 г. в городе Алихэ Ороочонского хошуна был открыт национальный музей ороочонов, где представлены элементы традиционной культуры ороочонов, выставлены старинные экспонаты, такие как посуда, украшения, виды головных уборов, одежда шамана, лук и стрелы, старые ружья и другие предметы быта, охоты и рыболовства, которые хорошо сохранились до наших дней.

Традиции каждого народа наиболее ярко и отчетливо проявляются именно в материальной культуре. Архаичные представления о мире довольно быстро сменяются современными. На сегодняшний день сохранение традиционной культуры — это первостепенная задача малочисленных народов мира.

На основе двух научных экспедиций, проведенных в апреле 2009 г. и в июне 2014 г., мы можем сделать вывод, что, несмотря на сегодняшнее изменение в жизни, ороочоны до сих пор сохраняют и развивают материальную культуру своего народа.

Литература

1. Абрамова Н. А., Беляева Е. В., Ерёмкина Т. А. Китайский этнос: от традиции к современности: учеб. пособие / Н. А. Абрамова; Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Читинский гос. ун-т» (ЧитГУ). — Чита : ЧитГУ, 2006. — 110 с.

2. Афанасьева Е. Ф. Эвенки Китая // Тунгусо-маньчжурские этносы в новом столетии: материалы всерос. конф. с междунар. участием (г. Улан-Удэ, 11 ноября 2009 г.). — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. — С. 11–21.
3. Василевич Г. М. Самоназвание ороchon, его происхождение и распространение // Известия СО АН СССР. — 1963. — Вып. 3, № 9. — С. 71–73.
4. Кочешков И. В. Тюрко-монголы и тунгусо-маньчжуры: Проблемы ист.-культур. связей на материале нар. декоратив. искусства XIX–XX вв. / Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока. — СПб.: Наука, 1997. — 173 с.
5. 最后的传说: 鄂伦春族文化研究/吴雅芝著, - 北京: 中央民族大学出版社, 2006.5
6. 达斡尔族、鄂温克族、鄂伦春族文化研究/毅松, 涂建军, 白兰著---呼和浩特: 内蒙古教育出版社, 2007. 7
7. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Орочоны>
8. URL: <http://arts.imextrade.ru/education/nationalities-of-china/21-china-elunchunzu/>
9. URL: <http://infokitai.com/orochony.html>

References

1. Abramova N. A., Belyaeva E. V., Eremkina T. A. *Kitaiskii etnos: ot traditsii k sovremennosti* [Chinese ethnicity: from tradition to modernity]. Chita: Chita State University, 2006. 110 p.
2. Afanas'eva E. F. Evenki Kitaya [Evenks of China]. *Tunguso-man'chzhurskie etnosy v novom stoletii — Tungus ethnic groups in the new century*. Proc. conf. with int. participation (Ulan-Ude, November 11, 2009). Ulan-Ude: Buryat State University publ., 2010. Pp. 11–21.
3. Vasilevich G. M. Samonazvanie orochoch, ego proiskhozhdenie i rasprostranenie [Self-consciousness of the oroqen people, its origin and dissemination]. *Izvestiya SO AN SSSR — Proc. USSR AS SB*. 1963. V. 3. No. 9. Pp. 71–73.
4. Kocheshkov I. V. *Tyurko-mongoly i tunguso-man'chzhury: Problemy istoriko-kul'turnykh svyazei na materiale narodnogo dekorativnogo iskusstva XIX-XX vv.* [Turko-Mongols and Tungus-Manchu: Problems of historical and cultural connections on the materials of folk decorative arts in the 19th–20th centuries]. St Petersburg: Nauka, 1997. 173 p.
5. 最后的传说: 鄂伦春族文化研究/吴雅芝著, - 北京: 中央民族大学出版社, 2006. No. 5.
6. 达斡尔族、鄂温克族、鄂伦春族文化研究/毅松, 涂建军, 白兰著---呼和浩特: 内蒙古教育出版社, 2007. No. 7.
7. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Орочоны>
8. Available at: <http://arts.imextrade.ru/education/nationalities-of-china/21-china-elunchunzu/>
9. Available at: <http://infokitai.com/orochony.html>

УДК 294.321

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-131-136

Ламрим как жанр тибетской буддийской литературы

© Дарибазарон Дарима Эрдэмовна

аспирант кафедры теологии и религиоведения Бурятского государственного университета

Россия 670000 г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: darima.daribazaron@gmail.com

В статье рассматривается особая категория тибетской буддийской литературы — ламрим, «этапы пути». На примере двух репрезентативных произведений показано, что ламрим представляет собой самостоятельный литературный жанр, определены его характерные признаки. Общеизвестным прототипом жанра является один из рассматриваемых в статье текстов — «Светоч на Пути к Пробуждению» Джово Атиши, индийского ученого-философа, ответственного за реформу тибетского буддизма в XI в. Пика своего развития жанр достигает в XIV–XV вв. с появлением классического произведения «Большое руководство по этапам Пути к Пробуждению» (Ламрим Ченмо) Чже Цонкапы, также рассматриваемого в статье. Выясняется, что основы жанра были заложены еще в Индии и его предтечей явились индийские буддийские тексты; развитие жанра продолжилось вплоть до середины XX в. в основном в форме комментариев на Ламрим Ченмо, многие из которых по праву можно считать яркими и самобытными представителями жанра.

Ключевые слова: ламрим, литература пути, тибетский буддизм, Ламрим Ченмо, Атиша, Цонкапа.

Lamrim as a Genre of Tibetan Buddhist Literature

Darima E. Daribazaron

Research Assistant, Buryat State University

24a, Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The article considers a specific category of Tibetan Buddhist literature called lamrim or 'stages of the path'. Taking as an example two representative texts the author contends that lamrim is actually an authentic literary genre with distinctive characteristics. Generally recognized prototype of the genre is «The Lamp for the Path to Enlightenment» by Jowo Atisha, an Indian philosopher responsible for reforming Buddhism in Tibet in 11th century. The genre reaches its peak in the 14-15th centuries when classic «The Great Treatise on the Stages of the Path to Enlightenment: The Lamrim Chenmo» was composed by Je Tsongkhapa. We find out that the genre has Indian origins, and its predecessors are actually Indian Buddhist texts; the development of the genre continues till mid-20th century mainly in the form of commentaries on «Lamrim Chenmo», many of which can be considered the most outstanding representatives of the genre.

Keywords: lamrim, path literature, Tibetan Buddhism, Lamrim Chenmo, Atisha, Tsongkhapa.

Любому интересующемуся буддизмом знакомо понятие *ламрим*, скорее всего благодаря широко известному произведению «Ламрим Ченмо» (*lamrim chenmo*) [1] Чже Цонкапы (*rje tsongkhapa*, 1357–1419), выдающегося тибетского ученого-философа, основавшего секту Гелуг (*dge-lugs*) тибетского буддизма. «Ламрим Ченмо» — сумма ламаистского учения в интерпретации Чже Цонкапы... своего рода библия Желтой Секты (*секта Гелугна* — прим. автора), на которую они постоянно ссылаются и цитируют в других трудах» [15, р. 37]. Благодаря невероятной популярности произведения само понятие *ламрим* стало ассоциироваться в первую очередь с «Ламрим Ченмо». Не всем известно, однако, что на самом деле *ламрим* представляет собой особый жанр буддийской литературы, который, несмотря на популярность отдельных его произведений, переведенных на многие языки, остается сравнительно малоизученным. Так, в сборнике «Тибетская литература: изучение жанров» под редакцией Х. Кобезона и Р. Джексона отдельной статьи, посвященной жанру ламрим, нет, поскольку «несмотря на его значимость», составителям сборника «не удалось найти необходимых материалов» [14, р. 33].

Определение жанра

Чтобы выяснить, о какого рода литературе идет речь, обратимся к этимологии понятия «ламрим»: в переводе с тибетского *лам* (*lam*) означает *путь, дорога, рим* (*rim*) — *ступень, этап, последовательность*; *lamrim*, таким образом, переводят как *ступени*, или *этапы, пути*.

В вышеупомянутом сборнике «Тибетская литература: изучение жанров» под текстами *ламрим* предлагается понимать произведения, являющиеся «...полноценным введением в духовный путь, объясняя его этапы через призму трех индивидуумов (*skyes-bu-gsum-gyi-lam-gyi-rim-pa*), начиная с более низкой мотивации индивидуумов первых двух типов (стремящихся к благоприятному перерождению и личному освобождению) до высшей личности Махаяны (стремящихся к состоянию Будды во благо всех живых существ). Тексты этого типа обычно заканчиваются кратким упоминанием тантры.

Появление жанра ламрим связывают с Атишей Дипамкарашриджняной (982–1054) и последователями основанной им традиции Кадам (*bka'-gdams*). Прототипом жанра является «Светоч на пути к Пробуждению» (*byang-chub-lam-sgron*) самого Атиши, а наиболее известными на сегодня текстами ламрим произведения Цонкапы» [14, p. 229].

Каждый жанр с точки зрения литературной самобытности характеризуется набором признаков — формальных и содержательных. Также, поскольку мы говорим о религиозных текстах, призванных удовлетворить определенные духовные потребности читателей, необходимо включить сюда функциональные признаки, а именно — каким образом появление текстов ламрим повлияло на индивидуума, общество и традиции.

Начнем с последних, поскольку именно им принадлежит определяющая роль в становлении этого жанра. Для отдельного индивидуума тексты ламрим стали практическим руководством на его духовном пути, подтверждением чему служит количество кратких ламримов, предназначенных для ежедневной медитации. На уровне общества тексты ламрим стали общепризнанной системой понятий, воззрений и практик, побуждающих к обучению, духовному развитию и, таким образом, формированию определенной культуры. В рамках традиции формирование жанра ламрим тесно связано с институционализацией и формированием школ тибетского буддизма. Так, «Светоч» Атиши стал авторитетным источником школы Кадампа, «Ламрим Ченмо» — школы Гелуг, «Драгоценное ожерелье освобождения» Гампопы — основным текстом вводного характера шести школ Кагью, основанных его учениками [13, p. 488–489].

Формальные и содержательные признаки жанра касаются в первую очередь содержания и структуры текстов. Мы рассмотрим их на примере двух наиболее известных текстов жанра — «Ламрим Ченмо» Чже Цонкапы и «Светоча на пути к Пробуждению» Атиши.

А. «Светоч на пути к Пробуждению» Атиши

Автор общепризнанного первоисточника жанра ламрим Атиша Дипамкарашриджняна (980–1052) был индийским пандита (ученым-философом), к заслугам которого относят проведение религиозных реформ в Тибете — устранение господствовавших в то время ложных представлений о тантрических практиках и возрождение там института монашества. Миссионерская деятельность Атиши в Тибете во многом обязана своим успехом «Светочу», называемому «манифестом реформы буддизма» [2, p. 347]. Текст изначально был написан на санскрите и переведен на тибетский самим автором в сотрудничестве с учеником Геве Лодро (*dge-ba'i-blo-gros*).

«Светоч» представляет собой поэму из 287 семислоговых строк в 68 четверостишиях, условно текст можно разделить на 2 части:

1. **Введение** — категоризация индивидуумов на 3 типа, так называемые низшая, средняя и высшая личности.

Низшая личность стремится минимизировать страдания, связанные с пребыванием в сансаре, т. е. обеспечить себе благоприятное перерождение в мире богов или людей и обезопасить себя от рождения в низших мирах — животных, голодных духов и существ ада — с помощью добродетелей и накопления благой кармы. Освобождение от сансары не является задачей низшей личности. Средние личности стремятся освободиться от страданий сансары путем достижения нирваны. Наконец, целью высших личностей является всеведение, состояние Будды, позволяющее освободить от страданий сансары не только себя, но и всех живых существ.

Второй и третий типы личностей — издревле известное разделение на практиков Хинаяны и Махаяны, соответственно. Атиша впервые включил в число духовных практиков индивидуумов первого типа, низших личностей.

2. Путь высшей личности.

Атиша практически не говорит о путях низшей и средней личностей, сразу переходя к описанию пути высшей личности:

- принятие прибежища в Трех Драгоценностях (Будда, Дхарма и Сангха),
- порождение бодхичитты, устремления к достижению состояния Будды во благо всех живых существ, что предполагает принятие обетов бодхисаттвы и их неукоснительного соблюдения,
- культивации нравственного поведения, медитативного сосредоточения и мудрости, шести парамит. Состояния Будды невозможно достичь без прямого постижения, которое, в свою очередь, опирается на однонаправленную концентрацию. Высшая мудрость, постигающая истинную природу существующего, уничтожает все эмоциональные и интеллектуальные омрачения. Атиша подчеркива-

ет, что принятие монашеских обетов служит катализатором на пути к Пробуждению.

В заключительной части текста говорится о том, что с помощью тантрических практик под руководством компетентного духовного наставника Пробуждения можно достичь в сравнительно короткий срок.

В. «Ламрим Ченмо» Чже Цонкапы

Колоссальный трактат Цонкапы насчитывает более 450 страниц. Весьма упрощенно структуру его можно представить следующим образом:

1. Практики низшей личности

- Вверение себя духовному наставнику, опоре пути.
- Размышление о драгоценном человеческом перерождении, непостоянстве и изменчивости существования, неизбежности смерти.

- Размышление о страданиях низших миров.

- Прибежище в Трех Драгоценностях — Будде, Дхарме и Сангхе.

- Размышление о законе причины и следствия (кармы).

2. Практики средней личности

- Страдания, присущие сансаре в целом, в т. ч. страдания высших миров.

- Причины сансары и путь освобождения: бесконтрольным перерождением в сансаре мы обязаны карме, которая, в свою очередь, создается нашими омрачениями. Для освобождения из сансарического круговорота нам необходимо следовать этическим нормам и самодисциплине, культивировать одностороннюю концентрацию и сохранять аналитическую медитацию.

3. Практики высшей личности

- Порождение бодхичитты, стремления достичь Пробуждения во благо всех живых существ; методы ее порождения, шесть парамит.

- Безмятежность.

- Проникновение.

Два последних раздела, посвященные двум высшим парамитам, очень объемны, и выдвигаемые в них положения, несмотря на чрезвычайно подробное объяснение, трудны для понимания. Однако именно в них и заключается выдающийся вклад Цонкапы в развитие буддийской мысли, философии и духовных традиций в целом, подтверждением чему является количество современных научных исследований, опирающихся на эти разделы «Ламрима Ченмо» [8; 9; 16].

«Безмятежность» описывает успокоение, как телесное, так и умственное, в противоположность волнению, а также рассматривает связь безмятежности и проникновения, различные факторы культивации безмятежности и т. д. При написании этого раздела Цонкапа опирается на взгляды Асанги, о чем свидетельствует множество цитат из «Абхидхарма-самуччая» и «Шравака-бхуми» из его работ. Цонкапа также ссылается на «Самдхи-ниромачана-сутра» и «Праджняпарамитападеша».

Раздел, посвященный проникновению, еще более объемный, и на него часто ссылаются как на отдельный труд под названием «Большое руководство по проникновению» (*lhag-mthong-chen-mo*). Здесь подробно говорится о двух уровнях понимания учения Будды — буквальном и интерпретируемом, а также двух истинах — относительной и абсолютной. В изложении теории пустоты в двух ее аспектах — опровержение независимого существования и постулирование взаимозависимого происхождения — Цонкапа следует взглядам Прасангики Мадхьямики, изложенной Нагарджуной и его последователями — Буддапалитой (V в.), Бхававивекой (VI в.) и Чандракирти (VII в.). Взгляды других философских школ им также рассматриваются и последовательно опровергаются.

В заключение говорится о том, что для дальнейшего духовного прогресса необходимо практиковать тантру. Здесь следует отметить, что на протяжении всего текста Цонкапа неоднократно упоминает, что экзотерическое учение Будды — Сутраяна или Парамитаяна — самым непосредственным образом связано с эзотерическим учением — Мантраяна или Ваджраяна.

С. Сравнение текстов

Несмотря на то, что различия в стиле и подробности описаний дали повод некоторым исследователям утверждать, что «эти два текста настолько отличаются друг от друга, что Ламрим Ченмо ни в коей мере нельзя считать комментарием на текст Атиши» [10, с. 128], очевидно, что структура «Ламрима Ченмо» Цонкапы, несомненно, заимствована из «Светоча» Атиши. Однако «Светоч», как мы заметили, очень краток, Цонкапа же описывает процесс обучения в мельчайших подробностях. Так, в «Светоче» не упоминается подготовительный этап, в Ламрима Ченмо четыре подготовительные

темы описаны самым подробным образом.

В «Светоч» путь Махаяны эксклюзивен для высшей личности, в то время как Цонкапа интерпретирует это положение по-своему: три вида личностей — это три этапа пути духовного развития, т. е. практики высшей личности включают в себя практики низшей и средней личностей.

Немаловажным является то, что тексты объединяет намерение авторов изложить важнейшие положения буддизма в одном произведении, предоставив, таким образом, практическое руководство желающим вступить на духовный путь.

Индийские аналоги текстов ламрим

Попытки систематизировать наставления Будды в одном тексте предпринимались еще до Атиши. Одной из первых таких попыток считается «Путь очищения» Буддхагхоши: «По мере развития буддизма роль сводных сочинений стала приобретать все большее значение в ответ на потребность синтезировать все увеличивающееся количество комментариев и пояснений к ранее написанным трудам. Эта потребность была практически удовлетворена с появлением в V веке «Пути очищения» — палийского трактата, авторство которого приписывается известному тхеравадинскому мыслителю Буддхагхоше. О всеобъемлющем масштабе этой работы можно судить по его названию: «висуддхи» означает «нирвана, состояние совершенной чистоты, свободной от каких-либо загрязненных описаний», путь, ведущий к этому очищению, получил название *Висуддхимага*» [17, р. 195].

К тому времени, когда буддизм Махаяны достиг пика своего развития в Индии (VIII в.), подобные краткие изложения пути стали нормой. Стили и способ изложения варьировались. Так, в некоторых текстах в определенной последовательности приводились цитаты из сутр и шастр, сопровождаемые пояснениями автора: «Собрание практик» (*Sikṣasamuccaya*) Ачарьи Шантидевы, «Собрание сутр» (*Sūtrasamuccaya*) Нагарджуны, «Путь бодхисаттвы» (*Bodhicaryavatara*) Шантидевы, «Этапы медитации» (*Bhavanakrama*) Камалашилы и «Праджняпарамитападеша» Ратнакарасанти, «Объяснение этапов пути Бодхисаттвы» (*Bodhisattvamargakramasamgraha*) Шакьяшрибхадры (1127–1225), «Этапы пути Махаяны» (*Mahayanapathakrama*) Субхагаваджры и «Путь победителей» (*Jinamargavatara*) Буддашриджняны (X–XI вв.). Между ними и тибетскими ламримами наблюдается поразительное сходство как содержания, так и структуры — объяснение четырех тем подготовительного этапа, необходимости опоры на духовного наставника, порождение стремления к Пробуждению и т. д.

Классификация буддийских практиков на три типа также имеет свою историю в индийской литературе. *Махападана-сутта* канона пали сравнивает людей различных интеллектуальных способностей с тремя видами лотосов: погруженные в пруд, вырастающие до поверхности воды и возвышающиеся над поверхностью воды, не загрязненные илом и нечистотами. В «Вимуттиматге» (*Vimuttimagga*) говорится: «Благословенный дал наставления о морали низшей личности, наставления о порождении устремления средней личности и наставления о высшей мудрости высшей личности». В литературе Махаяны разделение на три вида личностей можно найти в Уттаратантре (*Uttaratantra*), приписываемой Майтрее: «чистые, (частично) чистые и (частично) нечистые, / И абсолютно чистые / Называются соответственно / Живыми существами, бодхисаттвами и татхагатами». Асанга комментирует эту строфу в «Возвышенном знании великой колесницы к Спасению» следующим образом: «Три типа личностей — низшая, средняя и высшая — отличаются методами, приводящими к духовным реализациям. Личность первого типа не следует учению ни ради своего блага, ни во благо других, личность второго типа следует учению ради собственного блага, личность третьего типа практикует учение на благо себя и других». Сам Атиша говорит, что подобная классификация была заимствована им из «Абхидхармакошабхашья» Васубандху.

Прочие тибетские ламримы

Первыми тибетскими произведениями, заимствовавшими структуру «Светоча», принято считать тексты *тенрим* Нгог Лоден Шераба (1059–1109), к настоящему времени утерянные, и произведения его ученика Дролунгпы Лодро Чунгнэ «Этапы пути, ведущего к Драгоценному Учению Сугаты» и «Драгоценное украшение освобождения» Дакпо Лха Дордже (1079–1153). Другие произведения традиции Кадам — «Драгоценная гора Дхармы» Потовы Ринченсал (1027/1031–1105), «Синий сборник наставлений» Рог Шераба Гьямцо/Долпа Маршрува (1059–1131), «Красный сборник наставлений» Шаравы (1070–1141) и прочие тексты, которые обычно принято относить к жанру лоджонг (*blo-sbyong*, очищение сознания). В школе Сакья особого упоминания заслуживают «Три опыта» и «Освобождение от четырех привязанностей»; текст «Этапы практики Праджняпарамиты» Ронгтон Сакья Гьялцена описывает этапы пути, опираясь в основном на литературу Праджняпарамиты. Ламримом традиции Джонанг считается «Нектар наставлений на пути трех личностей, ведущей к Учению» Та-

ранатхи (1575–?); ньингмапинской традиции — относительно недавнее произведение «Слова моего драгоценного учителя» Дза Патрула Ринпоче (1808–1887).

Основным характерным признаком текстов ламрим является их высокое практическое значение, всеохватность и всеобъемлемость собранного в них материала. «Светоч», «Ламрим Ченмо» и другие произведения ламрим совершили почти невероятное, объединив все основные положения буддизма в практиках трех видов личностей. Формирование этого жанра оказало огромное влияние на дальнейшее развитие буддийской литературы, общества и тибетской цивилизации в целом. В основе традиции ламрим лежит классическая индийская модель, что еще раз подтверждает преимущество тибетского буддизма.

Джордж Ферштейн, исследователь восточных религий, говорит: «...я вынужден признать, что учения ламрим... потрясают меня своей всеохватностью. Эти учения... представляют собой систематическое изложение ключевых составляющих буддийского пути, здесь вы можете найти практически любое теоретическое положение, любую практику. Учения ламрим смело можно назвать совершенно уникальными в мировом масштабе. Стороннему наблюдателю эти учения могут показаться сухой схоластикой, однако стоит в них углубиться, и вы сможете оценить их практическую значимость. Они охватывают каждый аспект жизни, который может иметь какое-либо значение для духовной практики, и представляют невероятную ценность для серьезного практика на пути к внутреннему развитию и освобождению» [4, p. 125].

Литература

1. Чже Цонкапа «Большое руководство к этапам Пути Пробуждения» / пер. А. Кугявичюса; под ред. А. А. Терентьева. — СПб.: Нартанг, 2010. — 5 т. — 1 437 с.
2. Chattopadhyaya A. *Atisa and Tibet*. — Calcutta: Indian Publishers Studies, 1967. — 642 p.
3. Feurstein Georg. *The deeper dimension of Yoga: theory and practice*. — Shambhala Publications, 2003. — 435 p.
4. *gDams-ngag mdzod* / ed. by N. Lungtok, N. Gyaltsen. — New Delhi: International Academy of Indian Culture, 1963. — 12 vol. — 4238 p.
5. Higgins, David O. *The Tibetan Lam-rim Genre: A Comparative Study Focusing on Five Representative Texts*. A thesis for the degree of Master of Arts / Department of Far Eastern Studies, University of Saskatoon. — Saskatchewan, 1997. — 166 p.
6. Je Tsong kha pa. *The Great Treatise on the Stages of the Path to Enlightenment: The Lamrim Chenmo*. Vol. 1–3, transl. by Lamrim Chenmo Translation Committee, ed. by Joshua W.C. Cutler — Snow Lion Publications, 2000. — Vol. 1. — 434 p.; 2002 — Vol. 2. — 304 p.; 2004. — Vol. 3. — 295 p.
7. Magee William. *The Nature of Things: Emptiness & Essence in the Geluk World*. — Snow Lion Publications, Ithaca; N. Y. (USA), 1999. — 257 p.
8. Napper Elizabeth. *Dependent-Arising & Emptiness: A Tibetan Buddhist Interpretation of Madhyamika Philosophy Emphasizing the Compatibility of Emptiness & Conventional Phenomena*. Ph. D., University of Virginia, 1985. — 864 p.
9. Napper Elizabeth. *Ethics as the basis of a tantric tradition: Tsong kha pa and the founding of the dGe lugs order in Tibet / Changing Minds...* / ed. by Guy Newland. — Snow Lion, 2011. — 340 p.
10. Samuel Geoffrey Brian. *The Crystal Rosary: Insight and method in an anthropological study of Tibetan religion*. Dissertation submitted for Ph. D. degree at the University of Cambridge, January 1975. — 287 p.
11. Snellgrove D. *Indo-Tibetan Buddhism*. — Boston: Shambala, 1987. — Vol. 2. — 640 p.
12. *Tibetan literature studies in genre* / ed. by Cabezon, Jose Ignacio, Jackson, Roger R. — Snow Lion Publications, 1996. — 549 p.
13. Tucci Giuseppe. *The Religions of Tibet* / transl. from German & Italian by Geoffrey S. Allied Publishers Pvt. Ltd. 340 p.
14. Wayman Alex. *Calming the Mind & Discerning the Real; Buddhist Meditation & the Middle View, from the Lamrim Chenmo of Tsongkhapa*. — N. Y.: Columbia University Press, 1978. — 512 p.
15. Winternitz M. *History of Buddhist literature*. — New Delhi: Motilal Banarsidass, 1922. — Vol. 2. — 640 p.
16. *Wisdom of Kadam Masters*. Thupten Jinpa, tr. Boston, Wisdom Publications, 2013. — 232 p.
17. *Bla-chen kun-dga' rgyal-msthan. bka'-dgams kyi nman-par thar-pa bka'-gdams chos 'byung gsal-ba'i sgron-me* (Lechen Kunga Gyaltsen. *Lamp Illuminating Kadam Tradition*). — Lhasa, 2003. — 415 p.

References

1. Je Tsongkhapa. *The Great Treatise on the Stages of the Path to Enlightenment*. In 3 vol. Snow Lion, 2000–2014. (transl. from Tib.)
2. Chattopadhyaya A. *Atisa and Tibet*. Calcutta: Indian Publishers Studies, 1967. 642 p.
3. Feurstein G. *The deeper dimension of Yoga: theory and practice*. Shambhala Publications, 2003. 435 p.
4. *gDams-ngag mdzod*. Edited by N. Lungtok, N. Gyaltsen. In 12 v. New Delhi: International Academy of Indian Culture, 1963. 4238 p.
5. Higgins D. O. *The Tibetan Lam-rim Genre: A Comparative Study Focusing on Five Representative Texts*. A thesis for the degree of Master of Arts. Saskatchewan: Department of Far Eastern Studies, University of Saskatoon, 1997. 166 p.
6. Je Tsong kha pa. *The Great Treatise on the Stages of the Path to Enlightenment: The Lamrim Chenmo*. Translated by Lamrim Chenmo Translation Committee, edited by Joshua W. C. Cutler. Snow Lion Publications, 2000. V. 1. 434 p.; 2002. V. 2. 304 p.; 2004. V. 3. 295 p.

7. Magee W. *The Nature of Things: Emptiness & Essence in the Geluk World*. Ithaca, New York: Snow Lion Publications, 1999. 257 p.
8. Napper E. *Dependent-Arising & Emptiness: A Tibetan Buddhist Interpretation of Madhyamika Philosophy Emphasizing the Compatibility of Emptiness & Conventional Phenomena*. Ph. D. University of Virginia, 1985. 864 p.
9. Napper Elizabeth. *Ethics as the basis of a tantric tradition: Tsong kha pa and the founding of the dGe lugs order in Tibet. Changing Minds...* Edited by Guy Newland. Snow Lion, 2011. 340 p.
10. Samuel G. B. *The Crystal Rosary: Insight and method in an anthropological study of Tibetan religion*. Dissertation submitted for Ph. D. degree at the University of Cambridge, January 1975. 287 p.
11. Snellgrove D. *Indo-Tibetan Buddhism*. Boston: Shambala, 1987. V. 2. 640 p.
12. *Tibetan literature studies in genre*. Edited by Cabezon, Jose Ignacio, Jackson, Roger R. Snow Lion Publications, 1996. 549 p.
13. Tucci G. *The Religions of Tibet*. Allied Publishers Pvt. Ltd. 340 p. (transl. from Ger. & Italian)
14. Wayman A. *Calming the Mind & Discerning the Real; Buddhist Meditation & the Middle View, from the Lamrim Chenmo of Tsongkhapa*. NY: Columbia University Press, 1978. 512 p.
15. Winternitz M. *History of Buddhist literature*. New Delhi: Motilal Banarsidass, 1922. V. 2. 640 p.
16. *Wisdom of Kadam Masters. Thupten Jinpa, tr.* Boston: Wisdom Publications, 2013. 232 p.
17. *Bla chen kun dga' rgyal msthan. bka' dgams kyi rnam par thar pa bka' gdams chos 'byung gsal ba'i sgron me (Lechen Kunga Gyaltzen. Lamp Illuminating Kadam Tradition)*. Lhasa, 2003. 415 p.

УДК 902(5)

doi: 10.18097/1994–0866–2015–0–8–137–144

Контакты и взаимоотношения древних монголоязычных народов с предками тунгусо-маньчжуров и корейцев

© **Дашибалов Эрдэм Баирович**

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и регионоведения стран Азии Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4

E-mail: erdem10120@yandex.ru

В статье рассмотрены древние контакты и взаимоотношения монголоязычных народов группы дунху с предками тунгусо-маньчжуров и корейцев. Анализ имеющихся материалов позволяет говорить, что племена дунху в эпоху позднего бронзового и раннего железного веков проживали в Южной Маньчжурии и прилегающих районах Внутренней Монголии. Установлено, что в работах лингвистов высказывалось предположение о древней единой этнической общности, состоящей из предков тунгусо-маньчжуров и монголов. В статье приводятся аргументы, позволившие рассматривать общие истоки в формировании древних монголов, тунгусо-маньчжуров, корейцев.

Высказано предположение, что в глубокой древности эти народы составляли во многом близкородственные этносы, история которых протекала на землях южной Маньчжурии и Внутренней Монголии. Именно на этих территориях, в родственной близости с тунгусо-маньчжурами и предками корейцев и теснейшем взаимодействии с китайским этносом, происходило становление культуры и традиций древних монголов.

Ключевые слова: этногенез, археология, древние корейцы, древние монголоязычные народы, тунгусо-маньчжуры, Маньчжурия, Корея.

Contacts and Relationships of Ancient Mongols with the Ancestors of Manchu-Tungus and Koreans

Erdem B. Dashibalov

PhD, Senior Lecturer, Buryat State University

4, Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

This article describes the ancient contacts and relationships of ancient Mongols with the ancestors of Tungus peoples and Koreans. Analysis of the available materials suggests that the Tungus tribes in the late Bronze Age and early Iron Age lived in South Manchuria and the surrounding areas of Inner Mongolia. Linguists suggested that there was an ancient united ethnic group, consisting of the Tungus-Manchu's and Mongolian ancestors. The article's arguments allow us to consider common origins in the formation of ancient Mongols, Tungus Peoples, Koreans. The author suggested that in ancient times in the lands of southern Manchuria and Inner Mongolia these peoples were closely-related ethnic groups. Culture and traditions of the ancient Mongols also developed on this territory in close connection with Tungus-Manchues, Korean ancestors and in contacts with Chinese culture.

Keywords: ethno genesis, archaeology, ancient Koreans, ancient Mongols, Manchu-Tungus people, Manchuria, Korea

Древний этап истории монголоязычных народов связан с народами группы дунху, к которым восходит формирование всех последующих монголоязычных народов — ухуань, сяньби (мююн, тоба), кидани, шивэй. В настоящей статье мы рассмотрим контакты и взаимоотношения народов группы дунху с предками тунгусо-маньчжуров и корейцев.

С древним дунхуским этапом истории монгольских народов соотносится археологическая культура верхнего слоя Сяцзядянь. Раскопки памятников этой культуры выявили вполне оседлый уклад жизни предков средневековых монголов. На долговременных поселениях с богатым культурным слоем исследованы стационарные жилища типа землянок и полуземлянок, а также наземные постройки жилого и хозяйственного назначения. Основу хозяйства обитателей землянок составляло зерновое земледелие. Многочисленные находки костей домашних животных позволяют еще больше убедиться в прочной оседлости населения, оставившего культуру верхнего слоя Сяцзядянь. Больше всего обнаружено костных останков свиней и собак. Находки в большом количестве костей свиней — животных, не характерных для кочевого образа жизни, служат еще одним веским аргументом в пользу малоподвижности обитателей поселений.

Культура верхнего слоя Сяцзядянь характеризуется самостоятельным бронзолитейным производством. Ритуальные бронзовые сосуды отличаются высоким качеством литья и своеобразными чертами в форме и орнаменте, близкими к керамическим изделиям этой же культуры. Керамика представлена разнообразной посудой, в том числе триподами. Триподы являются типичной находкой, отражающей оседлый земледельческий пласт в древних культурах Северо-Восточного Китая.

Таким образом, наряду с кочевыми племенами дунху некоторые подразделения древних монголоязычных дунху в эпоху позднего бронзового и раннего железного веков проживали в южной Маньчжурии в долинах рек, впадающих в Желтое море (провинции Хэбэй, Ляонин и прилегающие районы Внутренней Монголии). Причем они были оседлыми земледельцами и разводили свиней и собак. Следовательно, образ жизни протомонголов особо не отличался от образа жизни живущих рядом тунгусо-маньчжуров и предков корейцев.

Общность культуры и быта протомонголов, корейцев и тунгусо-маньчжуров, а также их ближайшее соседство порождали тесные связи, нередко переходящие в более близкие отношения. С. А. Комиссаров говорит о единстве монгольского, тунгусо-маньчжурского и корейского языков в рамках алтайской языковой общности. Исследователь пишет: «...сам факт сохранения существенных элементов общности в эпоху бронзы — раннего железа может стать одним из оснований для локализации центра формирования алтайской языковой семьи на территории Маньчжурии и прилегающих областей» [8].

Изыскания специалистов свидетельствуют о ряде параллелей в корейском и монгольском языках. Монгольский ученый Б. Сумьяабаатар в монографии «К вопросу об этнолингвистических взаимоотношениях предков монголов и корейцев» на большом количестве материала аргументированно показал общность древних корней обоих народов. Проанализировав древнекорейские антропонимы, топонимы и этнонимы, а также лексику, зафиксированную в корейских и китайских исторических сочинениях, автор нашел много соответствий с монгольским языком. Древнекорейские антропонимы, названия титулов и чинов не только в фонетическом и смысловом, но и морфемно-структурном отношении сходны с монгольскими аналогами [19].

Протокорейская культура древнего Чосона сложилась в Южной Маньчжурии и Северной Корее на территории современных китайских провинций Ляонин, Гири и корейских провинций Пхенан, Хванхэ, Хамген, Канвон. В конце II — начале I тысячелетия до н. э. в Маньчжурии и на Корейском полуострове начали широко распространяться скрипковидные кинжалы из бронзы (известны также как кинжалы ляонинского или маньчжурского типа).

Скрипковидные кинжалы были типичным образцом церемониального вооружения бронзового века Корейского полуострова и Южной Маньчжурии. Это обычно короткие (до 40–50 см) бронзовые клинки, отличаются выпуклой нижней частью (похожей на деку струнного инструмента — отсюда и название), резко выделяющимися «зубцами» с обеих сторон посередине и постепенным сужением клинка к концу. Т-образная рукоятка часто орнаментирована меандрическим «громовым» узором. По внешнему виду такие кинжалы легко отличаемы от образцов современным им иньской, чжоусской и ордосской бронзы [14, с. 26].

Самые ранние образцы «скрипкообразных» мечей известны по южно-маньчжурским стоянкам рубежа II–I тыс. до н. э., в частности, по находкам в уезде Синцзинь, провинция Ляонин. В целом к V веку до н. э. большая территория Корейского полуострова (за исключением районов восточного побережья) входила в сферу влияния «культуры скрипкообразных кинжалов».

Определенная стандартизация в форме важнейшего ритуального предмета на большей части Корейского полуострова и южной части Маньчжурии, очевидно, свидетельствует о начале процессов становления единой культурной традиции и о консолидации в формировании маньчжуро-протокорейской этнокультурной общности [21]. Следует заметить, что не все исследователи считают скрипковидные кинжалы корейскими. Китайский археолог Цзинь Фэньи рассматривает их как принадлежность монголоязычных дунху и возражает корейским ученым, включающим в состав Чосона Ляодун и Ляоси. Японский археолог Акима также полагает, что скрипковидные кинжалы изготовляли дунху [9].

К культовым предметам можно отнести бубенцы и колокольчики различной формы. Они орнаментированы растительным узором, использовались для того, чтобы «отгонять» злых духов и «призывать» добрых. В целом традиция колокольчиков характерна для дальневосточных культур. Пхальджурены (колокольчики) также обнаружены в 1971 г. при раскопках стоянки Тэконни (уезд Хвасун, провинция Южная Чолла). Исследователи полагают, что во время шаманской церемонии вожди и

жрецы держали их в руке. Украшены эти предметы узором в виде солнечных лучей. Вызывает интерес тот факт, что близкие шестибубенчиковые колокольчики найдены в сяньбийских могилах Восточного Забайкалья и курумчинских погребениях Прибайкалья. Имеет определенное сходство планиграфия и архитектура корейских и курумчинских горных городищ [23].

В области жилищного строительства наземная часть полуземлянок «поднимается» и начинает распространяться подогреваемый пол (ондоль) — оригинальное техническое приспособление, которое является главной отличительной чертой традиционного жилища в маньчжурско-корейском культурном ареале. Стоит отметить, что этот вид технического приспособления не характерен для Китая.

Весь вышеописанный археологический комплекс был характерен для эпохи Древнего Чосона.

Исследователи рассматривают этническую историю древнего Чосона в русле общей истории алтайского суперэтноса. С этих позиций народ — носитель легенды о Тангуне жил в неолитическое время и принадлежал к палеоазиатам. Он был вытеснен из Сибири в маньчжуро-северокорейский регион, где около XII в. до н. э. был ассимилирован племенами алтайского происхождения, известными под этнонимом *емэк*. Они принесли с собой культуру гладкой керамики, бронзы, а позднее — раннего железа, стали создателями Древнего Чосона [24].

Эта картина в трудах других этнологов предстает как часть более широкой панорамы этнической истории маньчжуро-корейского региона. В конце I тыс. до н. э. она рисуется как неделимая этническая история ветви алтайских народностей, которая мигрировала в регион вместе со многими культурными достижениями, отразившимися в том числе в культуре металла и в хозяйстве.

Выделение в этом процессе собственно корейской линии относят к XII–X вв. до н. э., когда в Китае упрочилась династия Чжоу. Основной движущей силой этой эпохи называют постоянные миграции в регион алтайских народностей. Именно им приписывается ведущая роль в создании Древнего Чосона. Ряд исследователей отмечает значительное влияние хуннских объединений и других кочевых образований на процесс становления государственности в Древнем Чосоне [7; 29].

Образование Древнего Чосона связывается с формированием особого этноса — чосонцев, в котором центральная роль отводится народности *емэк*. *Емэк* является наиболее древним этнонимом, принадлежащим одной из корейских народностей. Правда, не до конца ясно положение с составными частями этого этнонима: в литературе встречаются по отдельности этнонимы *е* и *мэк* (например, в «Вэйчжи»), неизвестно, имеют ли они общий генезис и лишь позднее разделились или существовали самостоятельно, имея разное происхождение, а позднее слились воедино.

В китайских источниках сведения об этих народах противоречивы: в одном фрагменте «Вэйчжи» *е* отнесены к тому же этносу, что и когурё, в другом месте говорится, что они — потомки *мэк* [16]. Судя по «Ши цзину», в VIII в. до н. э. *мэк* жили на севере Китая по соседству с царствами ЯньЧжуй, т. е. где-то в северных частях провинций Шэньси и Хэбэй.

Возможно, что этноним чосон возник от наименования политического образования. Основу этноса чосон составил не иллюзорный этнический конгломерат «дунъи» («восточных варваров») китайских летописей, а этнос *мэк*, который вступил на этой территории во взаимодействие с этносом *е*. Поскольку зона распространения нового этноса *емэк* оказалась шире владений Чосона, чосонцы могут считаться ветвью *емэк*.

Этнос *е* считают носителем гребенчатой керамики, позднее — погребальных каменных насыпей, первыми восприимчивыми дольменов, создателями каменных кинжалов без насада и без рукоятки. Этносу *мэк* приписывается изготовление гладкой керамики, каменных погребальных ящиков, постройка дольменов, коротких «скрипкообразных» бронзовых мечей. Этнос чосон пытаются связать с дольменами северного типа, с каменными кинжалами с рукояткой, с каменными же наконечниками, наконец, с бронзовыми мечами с насадом.

Особую проблему в этнической истории полуострова этого периода представляют народы хан на юге (махан, чинхан, пёнхан). Несмотря на стойкое убеждение, что это племена южного происхождения, в письменных источниках упоминается о неоднократных переселениях с севера в эти районы.

Теперь рассмотрим этническую историю еще одного древнекорейского государства. Пуё (кит. Фуюй), по мнению многих корейских исследователей, является одним из государств, созданных древнекорейскими племенами в Южной Маньчжурии во второй половине I тыс. до н. э.

Е. И. Кычанов не согласен с мнением корейских историков о том, что Пуё было раннекорейским государством. Он пишет, что, кроме мифа об основателях, схожих в Пуё и Когурё, нет других доказательств этой точки зрения. Российский исследователь полагает, что Пуё (Фуюй) могло быть первым государством тунгусо-маньчжур [11, с. 72]. Здесь он поддерживает точку зрения Сиратори Куракити,

который полагал, что фуюйцы были тунгусами с примесью протомонгольского элемента. Имя основателя Тонмёна можно прочитать, как и тунгусо-маньчжурское «тонгмангга» — «хороший стрелок из лука». Е. И. Кычанов сопоставляет это имя также с монгольским словом «мэргэн».

Следует отметить, что, как и в Пуё, низшей социальной и административной единицей у монголоязычных ухуаней также было *ило*. Ило ухуаней — это объединение совместно кочующих и проживающих семей, связанных родственными узами. Высшие чиновники в Пуё носили титул «га». По мнению корейского исследователя Ли Бёндо, «га» сходно по происхождению, значению и звучанию с монгольским словом хан, хакан, каган, а также с древнекорейскими словами хан, канн, кам, кым и обозначало знатных людей, а еще раньше — племенных вождей [1, с. 92].

Выделение археологических памятников пуё связано с большими трудностями. По мнению ряда китайских и корейских археологов, к пуё следует отнести такие могильники, как Лаохэшэнь, Сичагоу, Шиюй и поселения Маошан, Лонтаншан [28]. Южнокорейский археолог Чжун Сук Бэ с пуё соотносит культуру ситунаншань в Маньчжурии [22, с. 13].

По легендам, основатель корейского государства Пуё (Тонмён) происходил из северной страны кочевников Кори (Гаоли). Ученые То Юхо и Хон Гимун название Когурё, особенно в варианте Корё, увязывают со страной Кори. Из этого мифического государства вели происхождение предки народов пуё и когурё [5]. По мнению Кан Инсука и Ли Джирина, государство Пуё (в частности, Северное Пуё находилось в верховьях реки Ляохе) и в разных источниках называлось по-разному — в том числе и Кориуг. Во второй половине I тысячелетия до н. э. там обитали дунху [1, с. 48]. Ли Кан считает, что в создании Когурё участвовали выходцы из Северного Пуё — народы группы дунху [3, с. 106]. Китайские исследователи поддерживают версию о том, что население Пуё (Фууй) могли составлять монголы [20, с. 81]. Этот материал говорит о большой близости исторических судеб монголоязычных дунху и древних корейцев.

Длинный и сложный путь прошла этническая общность когурёсцев. В мифах о происхождении когурёсцев ощущается родство когурё с пуё, а через них — с другими северными народами и с *e* — древним населением Маньчжурии. Эта двойственность проявилась и в сведениях китайских источников о происхождении когурё: одни отстаивают их прямое родство с пуё, другие не столь категоричны. «Вэйчжи» прямо утверждает, что *e* одного племени с когурёсцами: обе народности говорят на одном языке, живут по одинаковым законам и обычаям и только одеваются по-разному. Но вместе с тем когурёсцы рассматриваются как отдельное («отделившееся») племя пуё, изменившее одежду и обычаи, но сохранившее прежний язык [12, с. 231]. Сама двойственность объяснима: изначально в сложении когурёсцев участвовало несколько этносов. Северный элемент в этих мифах служит дополнительным аргументом в пользу концепции переселения на земли будущего Когурё кочевников из Северного Пуё — выходцев из этнической группы дунху.

Движение на юг из Пуё в Когурё, по-видимому, прошло несколько этапов. В этногенезе когурёсцев, возможно, участвовали палеоазиаты, жившие к северу от когурёсцев. Иконографический материал — фрески курганов — рисует когурёсцев как несомненных представителей большой монголоидной расы. Судя по фрескам у них желтоватая кожа, ярко выраженный эпикантус, черные прямые волосы, слабая растительность на лице. Среди прочих представителей этой расы их выделяют узкое длинное лицо, слегка выступающие скулы, слабая растительность на лице. Перечисленные признаки позволяют отнести их к маньчжуро-корейскому типу этой расы, что не противоречит и письменным данным. Не противоречат этому выводу и люди «европеоидного» типа на тех же фресках — со слабым эпикантусом, узким носом — типа, вполне уживающегося с классическим в рамках современных северных китайцев, корейцев и маньчжуров [6, с. 97].

В конце XIX в. В. Гриффис писал о миграциях, имевших место в юго-восточной Маньчжурии и Корее в последних веках до н. э.: «Между тем с севера в течение нескольких столетий двигались новые завоеватели: то были рослые, сильные люди монгольского типа, пришедшие с берегов р. Сунгари и основавшие несколько небольших самостоятельных государств к югу от этой реки. Главными основанными ими государствами были Фууй и Когурё» [4, с. 52]. Ряд исследователей отмечает наличие тесных связей между когурёсцами и сяньби. Например, изобретение стремян некоторые ученые приписывают когурёсцам [27], хотя появляются материалы, указывающие на более раннее появление стремян у сяньби. За небольшой срок стремяна от сяньбийцев были заимствованы когурёсцами. По мнению С. В. Комиссарова, данный факт указывает на то, что и в эпоху раннего средневековья сохранялась определенная историко-культурная общность, в рамках которой древние монголы развивались вместе с маньчжурами и корейцами [10].

Р. Ш. Джарылгасинова полагает, что северные племена Кореи находились в тесном контакте со своими соседями и многое восприняли из их культуры, оказав, в свою очередь, собственное влияние, а южные племена находились в тесном контакте со своими северными соседями. Вполне вероятно, что среди древнекорейских племен жили какие-то другие этнические группы, позднее ассимилированные пэкчесцами и силланцами. Большую роль на ранних этапах формирования древнекорейских племен играли переселения этнических групп с территории Китая. Это подтверждается сообщениями китайских летописей о наличии китайских слов в языке населения Пэкче и Силла. Передвижения «китайцев» на территорию Корейского полуострова происходили несколькими волнами, в разные периоды истории, с разных территорий Китая, разными путями (сухопутным через Ляодун и морским). Возможно, что это были даже различные этнические группы. Поселившись на территории Кореи, они сначала жили обособленно, сохраняли свой язык, свои обычаи. Со временем они ассимилировались с силланцами и пэкчесцами, восприняв их язык, но обогатив его частично своей лексикой [4].

Этническое и лингвистическое родство когурёсцев с другими древнекорейскими племенами может служить основанием для предположения об общности их происхождения. Изучение хозяйства, материальной и духовной культуры когурёсцев свидетельствует об их древних родственных связях с тунгусо-маньчжурскими народами. Так, не случайно описание «ымну» (илоу), в которых многие исследователи видят предков маньчжуров, помещено в китайских летописях «Саньгочжи» и «Хохуаньшу» среди разделов, посвященных характеристике древнекорейских племен. С глубокой древности древнекорейским племенам был известен термин мальгаль (мохэ), который первоначально означал одну из групп племени *e* — «восточных *e*», населявших территорию современной провинции Хамген. Все маньчжурские народы, начиная с мохэ, считали район Тхэбэксана (Чанбошаня) — район древнего расселения когурёсцев — своей прародиной.

В материальной и духовной культуре тунгусо-маньчжурских народов Приамурья и Приморья и ныне сохраняется много черт культуры когурёсцев. К их числу, например, относятся: в области жилища — устройство канов в виде идущих вдоль стены нар; в одежде — шаманский костюм; в религии — представление о дереве духов и почитание отдельных видов птиц и животных [4].

Все эти факты свидетельствуют об общности происхождения когурёсцев и тунгусо-маньчжурских народов.

Вместе с этим, очевидно, следует указать и на монгольское присутствие в регионе формирования предков корейцев и тунгусо-маньчжуров. При исследовании вопросов оседлости монголов большое значение приобретают работы В. С. Старикова, долгое время (1935–1955) жившего в Маньчжурии. Его исследования показали, что собственно китайское земледелие здесь является достаточно новым, так как китайцы освоили эти северные земли не очень давно. Вместе с тем земледельческие традиции в Маньчжурии имеют древние корни. Изучение земледельческих орудий и истории земледелия в этом регионе позволило В. С. Старикову провести неразрывную связь между собственно маньчжурским и, что очень важно, между монгольским земледелием. В. С. Стариков делает принципиально важный вывод о том, что земледелие в Маньчжурии «имеет прямую связь с глубокой древностью появления плуга у протомонголов, с непрерывностью занятия земледелием какой-то части монголов, несмотря на преобладание кочевого скотоводства» [17, с. 13–14]. Работами В. С. Старикова обоснован выдвинутый им вывод о Южной Маньчжурии как особом монголо-маньчжуро-корейском очаге древнего земледелия [18, с. 26, 27]. Аналогичный вывод был сделан и Н. В. Кюнером. Он также полагал, что Южная Монголия и Ляодун являлись независимым от Китая центром плужного земледелия монголов и маньчжуров [2, с. 132, 185].

Основной культурой, характерной для монгольского земледелия, было просо. Исследователями высказано мнение, что древние монголы были знакомы и с возделыванием риса. Кроме того, в Северо-Восточном Китае — территории расселения предков монголов дунху — известны находки сосудов для варки риса. Это позволяет думать об очень раннем, независимом от Китая знакомстве предков монголов и тюрков с культурой риса. Л. Л. Викторова делает еще одно интересное заключение. Так как рис относится к южным зерновым культурам, то, надо полагать, что часть монгольских народов сформировалась южнее ныне заселенной территории [2, с. 132, 192].

Многолетние работы Дальневосточной экспедиции под руководством А. П. Окладникова явились основанием гипотезы об отличном от китайского самостоятельном дальневосточном центре земледелия [25]. Вопросы происхождения земледелия у степных племен Забайкалья и Монголии также связаны с выводами, полученными в Дальневосточном регионе. А. П. Окладниковым было отмечено широкое и раннее распространение земледельческой культуры к востоку от Байкала. На это указывали остатки древних оросительных каналов, встречающиеся в речных долинах Селенги, Хилка и Бар-

гузина. В коллекциях местных краеведческих музеев известны находки земледельческих орудий — литые чугунные и кованые железные сошники. Среди забайкальских коллекций имеются и каменные орудия, связанные с земледелием. Следует обратить внимание на то, что сошники и лемехи, найденные в Бурятии и Агинских степях, однотипны орудиям, известным на Дальнем Востоке, в Северном Китае, Корее. Эти и другие материалы позволили А. П. Окладникову высказать идею о том, что в Северной Корее, Дунбэе, Монголии и Забайкалье в эпоху неолита и ранней бронзы существовала обработка земли плугом с применением тяглового животного. По его мнению, плуг и пахота с применением тягловой силы могли возникнуть именно в контактной зоне, на границе степи и плодородных лёссовых долин, где встречаются культуры мотыжных земледельцев Китая и степных обитателей Дунбэя и Монголии, освоивших лошадь и корову. Скотоводство насельников Северного Китая в эпоху бронзы имело своим естественным продолжением земледелие [15, с. 596]. Эти выводы подкрепляются работами В. Е. Ларичева, указывавшего на то, что древнейшие образцы плугов найдены в Маньчжурии, Внутренней Монголии и Корее, то есть за пределами собственно Китая [13, с. 121, 122].

В. С. Стариков показал, что Маньчжурия является древнейшим центром оседлой и городской культуры, и здесь местные традиции градостроительства развивались, в одних случаях соприкасаясь с китайскими архитектурными и планировочными нормами, а в других — совершенно независимо, опираясь на собственные изобретения и навыки [18]. Предстоит еще большая и кропотливая работа по выявлению особенностей оседлых поселений и городов и крепостных сооружений Внутренней Монголии и Дунбэя.

Таким образом, изложенный материал позволяет выдвинуть тезис о наличии тесных связей между предками древних монголов, тунгусо-маньчжуров и корейцев. Можно также предположить, что в глубокой древности эти народы составляли во многом близкородственные этносы, история которых протекала на землях южной Маньчжурии и Внутренней Монголии. Именно здесь, в родственной близости с тунгусо-маньчжурами и предками корейцев и теснейшем взаимодействии с китайским этносом, проходило становление культуры и традиций древних монголов.

Литература

1. Бутин Ю. М. Древний Чосон (историко-археологический очерк). — Новосибирск: Наука, 1982. — 330 с.
2. Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. — М.: Наука, 1980. — 224 с.
3. Воробьев М. В. Корея до второй трети VII века: Этнос, общество, культура и окружающий мир. — СПб.: Петербургское востоковедение, 1997. — 428 с.
4. Джарылгасинова Р. Ш. Когуресцы и их роль в сложении корейской народности // Советская этнография. — 1960. — № 5. — С. 42–57.
5. Джарылгасинова Р. Ш. Этноним когуре // Этнонимы. — М.: Наука, 1970. — С. 78–85.
6. Джарылгасинова Р. Ш. Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики. — М.: Наука, 1979. — 180 с.
7. Заднепровский Ю. А. Происхождение и этническая атрибуция срубных могил периода II в. до н. э. — II в. н. э. Северной Кореи // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. Сер. Истории, философии, филологии. — 1991. — № 1. — С. 53–61.
8. Комиссаров С. А. Комплекс вооружения культуры верхнего слоя Сячзядянь // Военное дело древнего населения Северной Азии. — Новосибирск, 1987. — С. 39–53.
9. Комиссаров С. А. Комплекс вооружения Древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. — Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1988. — 120 с.
10. Комиссаров С. А. Распространение стремлян (в контексте межэтнических контактов) // Вестник Новосибирского университета. — 2006. — Т. 5. — С. 20–23.
11. Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. — М.: Вост. лит-ра РАН, 1997. — 319 с.
12. Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. — М.: Вост. лит-ра, 1961. — 491 с.
13. Ларичев В. Е. Азия далекая и таинственная (очерки путешествий за древностями по Монголии). — Новосибирск: Наука, 1968. — 292 с.
14. Ли Ги Бэк. История Кореи: новая трактовка. — М., 2000. — 464 с.
15. Окладников А. П. Археология Северной, Центральной и Восточной Азии. — Новосибирск: Наука, 2003. — 664 с.
16. Пак М. Н. Описание корейских племен в начале новой эры (по «Сань-гочжи») // Проблемы востоковедения. — 1961. — № 1. — С. 115–138.
17. Стариков В. С. Земледельческие орудия лесостепных районов Восточной Азии (к истории земледелия на Дальнем Востоке): автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Л., 1966. — 17 с.
18. Стариков В. С. Современная культура китайцев в Маньчжурии, ее истоки и развитие: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Л., 1973. — 45 с.
19. Сумьябаатар Б. Монгол солонгос туургатны угсаа гарал, хэлний холбооны асуудалд (К вопросу об этнолингвистических взаимоотношениях предков монголов и корейцев). — Улаанбаатар, 1975. — 228 с.
20. Сунь Хун. Мохэ, бохайцы, чжурчжени // Древняя и средневековая история Восточной Азии. — Владивосток, 2001. — С. 80–89.
21. Тихонов В. М. История Кореи. Т. 1: С древнейших времен до 1876 года. — М.: Муравей, 2003. — 461 с.

22. Чжун Сук-Бэ. Древняя история Кореи // Лекции по истории Кореи. — М., 1997. — С. 4–21.
23. Dashibalov E. B., Dashibalov B. B. Mountain fortified settlements of Cisbaikalia and south Siberia and their similarities with Korean fortresses // Proceedings of the World Congress of Korean Studies. — Seoul, 2006. — Т. 1. — P. 483–487.
24. Kim Jung-bae. Formation of Korean people // Korea journal. — Seoul, 1975. — P. 12–16.
25. Kuzmin Y. Early Agriculture in Primorye, Russian Far East: New Radiocarbon and Pollen Data from Late Neolithic Sites // J. of Archaeological Science. — 1998. — 25. — P. 813–816.
26. Lee, Chung-kyu. The bronze dagger culture of Liaoning province and the Korean peninsula // Korea journal. — 1996. — Vol. 36, № 4. — P. 17–28.
27. Littauer M. A. Early stirrups // Antiquity. — 1981. — P. 99–105.
28. Pak Yangin. Archaeological evidence of Puyo society in Northeast China // Korea journal. — 1996. — Vol. 36, № 4. — P. 39–54.
29. Riotto M. Ancient Koreans and Xiongnu: What was the nature of their relationship // Journal of Northeast Asian History. — 2009. — Vol. 6, № 1. — P. 7–35.

References

1. Butin Yu. M. *Drevnii Choson (istoriko-arkheologicheskii ocherk)* [Ancient Chosun (historical and archaeological review)]. Novosibirsk: Nauka, 1982. 330 p.
2. Viktorova L. L. *Mongoly. Proiskhozhdenie naroda i istoki kul'tury* [Mongols. The origin of the people and the beginnings of culture]. Moscow: Nauka, 1980. 224 p.
3. Vorob'ev M. V. *Koreya do vtoroi treti VII veka: Etnos, obshchestvo, kul'tura i okruzhayushchii mir* [Korea till the second third of the 12th century: Ethnicity, society, culture and the environment]. St Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 1997. 428 p.
4. Dzharylgasimova R. Sh. Koguretsy i ikh rol' v slozhenii koreiskoi narodnosti [Koguryo and their role in the Korean nation formation]. *Sovetskaya etnografiya — Soviet ethnography*. 1960. No. 5. Pp. 42–57.
5. Dzharylgasimova R. Sh. Etnonim kogure [Koguryo ethnonym]. *Etonimy — Ethnonyms*. Moscow: Nauka, 1970. Pp. 78–85.
6. Dzharylgasimova R. Sh. *Etnogenez i etnicheskaya istoriya koreitsev po dannym epigrafiki* [Ethnogenesis and the ethnic history of Koreans according to epigraphy]. Moscow: Nauka, 1979. 180 p.
7. Zadneprovskii Yu. A. Proiskhozhdenie i etnicheskaya atributsiya srubnykh mogil perioda II v. do n. e. — II v. n. e. Severnoi Korei [The origin and ethnic attribution of carcass graves in North Korea of 2nd century BC — 2nd century AD]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR. Ser. Istoriya, filosofiya, filologiya — Proc. USSR AS SB. Ser. History, philosophy and philology*. 1991. No. 1. Pp. 53–61.
8. Komissarov S. A. Kompleks vooruzheniya kul'tury verkhnego sloya Syatszyadyan' [Weaponry complex of the Upper Xiajiadian culture]. *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoi Azii — Military affairs of the Northern Asia ancient population*. Novosibirsk, 1987. Pp. 39–53.
9. Komissarov S. A. *Kompleks vooruzheniya drevnego Kitaya. Epokha pozdnei bronzy* [Weaponry complex of ancient China. Late Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka, 1988. 120 p.
10. Komissarov S. A. Rasprostranenie stremyan (v kontekste mezhetnicheskikh kontaktov) [Spread of stirrups (in the context of inter-ethnic contacts)]. *Vestnik Novosibirskogo universiteta — Bulletin of Novosibirsk University*. 2006. V. 5. Pp. 20–23.
11. Kychanov E. I. *Kochevye gosudarstva ot gunnov do man'chzhurov* [Nomadic States from the Huns to the Manchus]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1997. 319 p.
12. Kyuner N. V. *Kitaiskie izvestiya o narodakh Yuzhnoi Sibiri, Tsentral'noi Azii i Dal'nego Vostoka* [Chinese data on the peoples of Southern Siberia, Central Asia and Far East]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1961. 491 p.
13. Larichev V. E. *Aziya dalekaya i tainstvennaya (ocherki puteshestvii za drevnostyami po Mongolii)* [Asia distant and mysterious (essays on travel for antiquities across Mongolia)]. Novosibirsk: Nauka, 1968. 292 p.
14. Li Gi Bek. *Istoriya Korei: novaya traktovka* [History of Korea: a new interpretation]. Moscow, 2000. 464 p.
15. Okladnikov A. P. *Arkheologiya Severnoi, Tsentral'noi i Vostochnoi Azii* [Archaeology of North, Central and East Asia]. Novosibirsk: Nauka, 2003. 664 p.
16. Pak M. N. *Opisanie koreiskikh plemen v nachale novoi ery (po «San'-gochzhi»)* [Description of Korean tribes at the beginning of new era (according to "Sanguozhi")]. *Problemy vostokovedeniya — Problems of Oriental studies*. 1961. No. 1. Pp. 115–138.
17. Starikov V. S. *Zemledel'cheskie orudiya lesostepnykh raionov Vostochnoi Azii (k istorii zemledeliya na Dal'nem Vostoke)*. *Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk.* [Agricultural implements of East Asia forest-steppe regions (the history of Far East agriculture). Cand. hist. sci. diss.] Leningrad, 1966. 17 p.
18. Starikov V. S. *Sovremennaya kul'tura kitaitsev v Man'chzhurii, ee istoki i razvitie: Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Modern culture of Chinese in Manchuria, its origins and development. Author's abstract of Dr. hist. sci. diss.]. Leningrad, 1973. 45 p.
19. Sum'yaabaatar B. *Mongol solongos tuurgatny ugsaa garal, khelni kholboony asuudald* [To the problem of ethno-linguistic relationship between ancestors of the Mongols and the Koreans]. Ulaanbaatar, 1975. 228 p. (Mong.)
20. Sun' Khun. Mokhe, bokhaisy, chzhurchzheni [Mohe, Fo-hai, Jurchens]. *Drevnyaya i srednevekovaya istoriya Vostochnoi Azii — Ancient and Medieval History of East Asia*. Vladivostok, 2001. Pp. 80–89.
21. Tikhonov V. M. *Istoriya Korei. T. 1: S drevneishikh vremen do 1876 goda* [History of Korea. V. 1: From the earliest times till 1876]. Moscow: Muravei, 2003. 461 p.
22. Chzhun Suk-Be. *Drevnyaya istoriya Korei* [The ancient history of Korea]. *Lektsii po istorii Korei — Lectures on history of Korea*. Moscow, 1997. Pp. 4–21.
23. Dashibalov E. B., Dashibalov B. B. Mountain fortified settlements of Cisbaikalia and south Siberia and their similarities with Korean fortresses. *Proceedings of the World Congress of Korean Studies*. Seoul, 2006. V. 1. Pp. 483–487.
24. Kim Jung-bae. Formation of Korean people. *Korea journal*. 1975. Pp. 12–16.
25. Kuzmin Y. Early Agriculture in Primorye, Russian Far East: New Radiocarbon and Pollen Data from Late Neolithic Sites. *J. of Archaeological Science*. 1998. No. 25. Pp. 813–816.

26. Lee Chung-kyu. The bronze dagger culture of Liaoning province and the Korean peninsula. *Korea journal*. 1996. V. 36. No. 4. Pp. 17–28.
27. Littauer M. A. Early stirrups. *Antiquity*. 1981. Pp. 99–105.
28. Pak Y. Archaeological evidence of Puyo society in Northeast China. *Korea journal*. 1996. V. 36. No. 4. Pp. 39–54.
29. Riotto M. Ancient Koreans and Xiongnu: What was the nature of their relationship. *Journal of Northeast Asian History*. 2009. V. 6. No. 1. Pp. 7–35.

УДК 93/99 (093) (515)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-145-148

Тибетские комментарии к «Чжуд-ши»

© Жабон Юмжана Жалсановна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: yumzhan@mail.ru

До настоящего времени в современной тибетологической литературе нет ясного представления о характере многочисленных письменных памятников тибетской медицины. Среди них особо выделяется большой корпус текстов, комментирующих практические и теоретические положения «Чжуд-ши». Эти комментаторские трактаты имеют огромное значение для понимания как общего развития тибетской медицины, так и ее частных аспектов, включая литературную и терминологическую традиции.

В статье говорится о различных типах комментариев к «Чжуд-ши» из тибетского фонда Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии. В частности, здесь рассматриваются обучающие тексты *деудрем* (rde'u 'grem), или *дондем* (sdong 'grem), *ньямыик* (nyams yig), разновидности комментариев *чендел* (mchan 'grel), *друдрел* ('bru 'grel) и *лхантаб* (lhan thabs), которые были составлены в тибетской медицинской традиции и получили широкое распространение в Монголии и Бурятии.

Ключевые слова: тибетская медицина, тибетские письменные источники, востоковедные исследования, история тибетской медицины, медицинские знания Центральной Азии, тибетология, история медицины, источниковедение.

Tibetan Commentaries on the *Rgyud Bzhi*

Yumzhana Zh. Zhabon

PhD, Senior Researcher at Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch.

6, Sakhynovoy Str., Ulan-Ude 670047, Russia

In modern Tibetological studies there is no clear understanding of the nature of numerous written sources of Tibetan medicine. Among them stands a large body of texts, commenting on the practical and theoretical positions of the *rGyud bzhi*. These explaining treatises are of great importance for our understanding of general development of Tibetan medicine and its specific aspects, including terminology and literary tradition.

This paper describes the various types of commentaries on the *rGyud bzhi* from the the Center of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies. In particular are considered educational texts *deudrem* (rde'u 'grem) or *dondem* (sdong' grem), *nyamyik* (nyams yig), *chendel* (mchan 'grel), *drudrel* ('bru 'grel) and *lhantab* (lhan thabs) commentaries which were compiled in the Tibetan medical tradition, and are widely used in Mongolia and Buryatia.

Key words: Tibetan medicine, Tibetan written sources, oriental studies, history of Tibetan medicine, medical knowledge of Central Asia, Tibetan studies, history of medicine, written sources.

Важным этапом в изучении общего культурного наследия народов Центральной Азии представляется исследование текстов тибетской медицины, имеющей большой ареал распространения: Монголия, Непал, Бутан, Пакистан, Индия, Китай и Россия. Несмотря на масштаб культурного влияния, многообразная медицинская литература Тибета, насчитывающая тысячи произведений, едва ли широко известна современному научному сообществу. До сих пор в зарубежной и отечественной исследовательской литературе нет ясного представления об объеме, структуре, жанрово-тематическом характере письменных памятников тибетской медицины, бытующих в истории традиционной культуры центральноазиатских народов.

Комплексный анализ тибетских, монгольских и бурятских медицинских текстов говорит о тесном взаимодействии центральноазиатских народов, об общности, типологическом сходстве их материальной и духовной культуры, литературных традиций. Известно, что на развитие тибетской медицины, особенно на начальном этапе, большое влияние оказали разные медицинские и мировоззренческие системы, вплоть до греческих традиций [9]. Но в первую очередь это касается Индии с ее богатейшей письменной культурой, которую восприняли тибетцы наряду с буддийской традицией. Так, после VII века, с приходом буддизма из Индии в Тибет, с обретения письменности и появления тибетской литературы [10] начала складываться и тибетская медицинская доктрина, апеллирующая к

принципам и понятиям буддийской философии. Именно через буддизм тибетцы познакомились с аюрведической медициной Индии. Аюрведа к тому времени находилась в самом расцвете и уже имела тысячелетнюю историю с высокоразвитой письменной традицией, которая основывалась на еще более ранних устных источниках, уходивших своими корнями к эпохе Вед.

Распространение буддизма в Тибете, а затем и в Монголии, Бурятии стимулировало развитие уникальной тибетской системы врачевания с ее обширной письменной традицией. Так, в данной статье репрезентативной основой для характеристики тибетских медицинских комментариев к «Чжуд-ши» послужили памятники письменности, хранящиеся в тибетском фонде Центра восточных рукописей и ксилографов (далее ЦВРК) Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, шифры хранения которых указаны здесь в скобках [5].

Если говорить в целом, то в тибетской традиции существовало деление всей научной литературы на две неравнозначные по объему группы: коренной текст (*тиб.* rtsa ba / *санскр.* mūla) и комментарии (*тиб.* 'grel pa / *санскр.* vĀtti). Подобное разделение было заимствовано тибетцами из индийской традиции комментирования основного текста по какой-либо научной отрасли. В Индии общим правилом написания комментаторских трактатов было наличие «коренного текста», содержащего основные правила, положения или афоризмы, большей частью в форме кратких стихов, рассчитанных для быстрого заучивания. К этим основным правилам впоследствии составлялись подробные комментарии и субкомментарии. Таков был порядок составления трактатов в индийской математике, грамматических трудах, в теории поэзии, в различных философских системах и т. д. Что касается медицины, то трактат Вагбхаты (VI в.) «Аштанга-хридая-самхиту» [2] относят к подобному роду «коренных текстов». В тибетской же медицине «коренным текстом» считался трактат «Чжуд-ши», написанный в стихотворной форме и сжато излагающий основные положения медицинской теории и практики. Отсюда все остальные сочинения, написанные после появления «Чжуд-ши» [8], считались лишь комментариями к нему. Для обозначения данного класса произведений тибетцы используют несколько характерных терминов, которые будут рассмотрены ниже.

Комментарии содержат подробные толкования «коренных текстов», трудных и неясных мест первоисточников согласно традициям соответствующих тибетских медицинских школ. Также практикуется такой жанр, как субкомментарий или «комментарий на комментарий». По числу текстов и их объему данная группа разъяснительных источников представляет собой самую значительную часть медицинской литературы Тибета. Как правило, в заглавиях подобных сочинений встречаются указания на комментаторский характер текстов: комментарий (*тиб.* 'grel pa / *санскр.* vĀtti, vivĀti), разъяснение (*тиб.* bshad pa) и т. д.

Вкратце остановимся на отдельных типах комментариев к «Чжуд-ши» и терминологических обозначениях, которые были разработаны в тибетской медицинской традиции и получили широкое распространение в Монголии и Бурятии.

В медицинской коллекции ЦВРК хранятся две копии текста *деудрем* (rde'u 'grem), переписанные от руки, которые содержат фрагмент «Тантры основ» — первого тома «Чжуд-ши». Один из них называется «Древо медицины» из «Тантры основ» (ТТМ-200), а второй: «Драгоценное ожерелье» — «древо медицины» из «Тантры основ» (ТТМ-211).

Спецификой тибетских обучающих текстов *деудрем* или *дондем* (sdong 'grem) является то, что на примере большого дерева, на котором растут 3 корня, 9 стволов, 45 ветвей, 224 листьев, 5 цветов, 3 плода и плод лекаря, разъясняют все теоретические и практические положения тибетской медицины [4, с. 270, 280–281]. Главным образом, они охватывают три последние главы «Тантры основ» и первую главу «Тантры объяснений». Согласно традиции, метод *дондем* — разъяснение медицинских аспектов по «древу» — впервые был показан Ютокпа Йонтен Гонпо Старшим. Современный тибетский исследователь Келсанг Тринле, излагая историю возникновения и развития *дондем*, отмечает инновационный характер методики, как уникальный подход, разработанный древними тибетскими врачами в преподавании медицины [6, с. 445–452].

О существовании в Тибете различных методик *дондем* свидетельствуют сведения колофонов указанных текстов *деудрем* коллекции. Согласно колофону, первый текст (ТТМ-200) написан в соответствии с традицией, принятой в медицинской школе монастыря Лавран в Восточном Тибете. А колофон второго текста (ТТМ-211) сообщает о соответствии данного *деудрем* с медицинскими наставлениями Гедун Друпа — личного врача двух Панчен-лам: Панчен-ламы V Лосанг Еше Пел Санпо (1663–1737) и Панчен-ламы VI Лосанг Пелден Еше Пел Санпо (1738–1780).

В коллекции ЦВРК хранится редкий трактат под названием «"Ньямйик" — практические заметки» (ТТМ-181). Он принадлежит перу второго иерарха тибетской медицинской школы Гонмен — Гонмен

Гончок Пендара (1511–1577). Обозначение текстов термином *ньямайик* (nyams yig), буквально означающего «записи (yig) из практики (nyams)», или «практические заметки», предполагает, что они отражают знания, полученные в результате экспериментов. По предположению Джанет Гьяцо, именно с XVI в., после выхода этой работы Гонмен Кончок Пендара начала развиваться тибетская медицинская литература жанра *ньямайик*. Основная цель составления подобного рода текстов, по ее мнению, заключалась в том, чтобы передать следующему поколению особый вид знаний, основанных на личном врачебном опыте [11, p. 86].

В одном экземпляре имеется в коллекции сочинение Дармо-менрампа Лосанг Чойдрака (1638–?), краткое название которого «Катренг» (ТТМ-191). Текст составлен в виде комментария *чендел* (mchan 'grel) к четвертому тому «Чжуд-ши», в которых пояснения, комментарии ('grel) даются в виде примечаний (mchan), вставленных в комментируемый текст. Текст состоит из 318 листов. Однако в тексте «Катренг» коллекции ЦВРК отсутствует значительное количество листов.

Следующим типом комментария является так называемый комментарий *друдрел* ('bru 'grel), где дается подробное и последовательное разъяснение ('grel) специально отобранных слов ('bru), трудных для понимания терминов и выражений «коренного текста». Существует сходный с ним комментарий *цикдел* (tshig 'grel) или «комментарий ('grel) в слово-слово (tshig)», подвергающий разбору все слова.

Перу Деси Сангье Гьяцо принадлежит самый крупный комментарий *друдрел* ко всем четырем томам «Чжуд-ши», известный под кратким названием «Вайдурья-нгонпо» (ТТМ-029) [3]. Вместе с тем к этому своему самому фундаментальному и обширному исследовательскому комментарию Деси Сангье Гьяцо сделал цветные иллюстрации (bris cha), изобразительно отражающие весь текстовый материал «Вайдурья-нгонпо» и композиционно полностью дублирующие «Чжуд-ши». Данные иллюстрации в научной среде получили название «Атласа тибетской медицины» [1]. Один экземпляр этого уникального «Атласа», который в прошлом служил в качестве наглядного пособия на медицинских факультетах бурятских монастырей, до сих пор хранится в Музее истории Бурятии в Улан-Удэ.

В тибетской литературной традиции существует термин *лхантаб* (lhan thabs) — «приложение, дополнение». Для полноты репрезентации некоторые работы требуют дополнительного материала, и к ним делаются «дополнения» *лхантаб*. Они дополняют текст недостающим материалом, восполняют то, что пытались выразить в оригинале, но оставили недосказанным, нереализованным до конца. Однако в тибетской медицинской литературе под *лхантабом* однозначно воспринимается именно трактат «Лхантаб» Деси Сангье Гьяцо [7].

Тексты, относящиеся к трактату «Лхантаб», самые многочисленные в медицинской коллекции ЦВРК и составляют 280 единиц хранения. Между тем, в зависимости от комплектности, многотомных или однетомных изданий, они занимают всего 32 шифра хранения. Эти тексты «Лхантаба» ЦВРК подразделяются на две группы. Первую группу представляет собственно сам текст «Лхантаба» (ТТМ-056) Деси Сангье Гьяцо, полное название которого звучит как: «Камфора *катпура*, устраняющая муки болей, и меч, разрубающий аркан преждевременной смерти» — дополнение «Лхантаб» к «Тантре наставлений». Тем не менее трактат более известен под своим кратким названием «Лхантаб». В соответствии с заглавием он представляет собой комментарий к третьему тому «Чжуд-ши» — «Тантре наставлений», составленный Деси Сангье Гьяцо в 1691 году. Однако в тибетской традиции «Лхантаб» в определенной степени воспринимается как дополнение к изданному им третьему тому «Вайдурья-нгонпо», упомянутому нами выше. Потому, очевидно, «Лхантаб» можно отнести к такому жанру медицинской литературы, как «комментарий на комментарий».

Во вторую группу входит так называемый «Лхантаб» из 17 томов или «Ченгьяп-лхантаб» (ТТМ-037), содержащий примечания, которые составил Чойдже Лосанг Вангьял (XVIII в.). Относительно основного текста «Лхантаба» данные примечания идут по ходу текста и вписаны более мелким шрифтом. «Ченгьяп-лхантаб» является классическим примером комментария *чендел*. Хотя «Лхантаб» был специально составлен для комментирования третьего тома «Чжуд-ши», он не столь строго соответствует главам данного тома, а имеет свою собственную нумерацию глав.

Следует отметить, что «Вайдурья-нгонпо», «Атлас тибетской медицины» и «Лхантаб» Деси Сангье Гьяцо остались непревзойденными образцами комментирования «Чжуд-ши», беспристрастно сочетающими весь положительный опыт предшествующих тибетских врачей, и до настоящего времени пользуются большим авторитетом, доверием у многих поколений тибетских, монгольских и бурятских лекарей. В свое время бурятским лекарям, например, разрешалось заниматься врачеванием только после полного и тщательного изучения «Чжуд-ши» наряду с вышеназванными текстами. Потому значение произведений, созданных Деси Сангье Гьяцо, в развитии тибетской, а также монгольской и бурятской медицинских школ трудно переоценить.

Известный текст монгольского ученого Лунрик Тендара (1842–1915) под названием «Намгьял-аруре-трэнва» (ТТМ-207) также представляет собой комментарий *друдзел* всех 156 глав «Чжуд-ши». Основными источниками комментария Лунрик Тендара послужили «Мейпо-шеллунг» Суркарва Лодро Гьялпо, «Вайдурья-нгонпо» и др. Ввиду большого спроса у лекарей «Намгьял-аруре-трэнва» и по сей день переиздается как в Тибете, так и в Монголии.

В заключение отметим, что анализ тибетских медицинских сочинений указывает на преемственность индийской медицинской традиции в Тибете, Монголии и Бурятии. Аюрведические трактаты, включенные в канон, явились прообразами формирования соответствующих им типов сочинений в тибетской медицинской литературе. Причем традиция получила последующее развитие, так как в тибетских источниках нами установлено три дополнительных типа: сочинения, посвященные истории древнеиндийской и тибетской медицины, специальные обучающие тексты, а также руководства по лечебным процедурам и диагностике, которые, возможно, появились под влиянием другой медицинской традиции. Изучение разновидностей памятников письменности тибетской буддийской медицины позволяет проследить проблему взаимовлияний различных письменных культур, определить региональные, этнокультурные особенности медицинской книжной традиции, понять всю глубину и широту историко-культурных взаимосвязей центральноазиатских народов и разработать новые подходы в области изучения текстов традиционной культуры.

Литература

1. Атлас тибетской медицины. — М.: Галарт, 1994. — 594 с.
2. Вагбхата. Аштанга-хридая-самхита (Pha khol. Yan lag brgyad pa'i snying po bsdu pa). — Peking: Arura, 2006. — Vol. 028. — P. 119–758.
3. Дэсрид Санчжай-чжамцо. Вайдурья онбо. — М.: Наука; Вост. лит., 2014. — 1286 с.
4. Ванду. Словарь медицинских терминов (Bod gangs can pa'i gso ba rig pa'i dpal ldan rgyud bzhi sogs kyi brda dang dka' gnad 'ga' zhih bkrol ba sngon byon mkhas pa'i gsung rgyun gYu thog dgongs rgyan zhes bya ba bzhugs so). — Мирик Педрунканг, 1983. — С. 270, 280–281.
5. Жабон Ю. Ж. Аннотированный каталог медицинской коллекции тибетского фонда ЦВРК ИМБТ СО РАН. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. — 242 с.
6. Келсанг Тринле. Происхождение и развитие тибетской медицины (sKal bzang 'phrin las. Bod kyi gso rig byung 'phel gyi lo rgyus). — Krung go'i bod kyi shes rig dpe skrun khang, 1997. — 481 с.
7. Санчжей Чжамцо. Практическое руководство по тибетской медицине Лхан-тхабс. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. — 224 с.
8. Чжуд-ши — канон тибетской медицины. — М., 2001. — 766 с.
9. Beckwith C.I. The Introduction of Greek Medicine into Tibet in the Seventh and Eight Centuries // Journal of the American Oriental Society 99.2 — New Haven, 1979. — P. 297–313.
10. Cabezón José Ignacio. Tibetan Literature: Studies in Genre. — Ithaka, New York: Snow Lion Publication, 1996. — 549 p.
11. Gyatso J. The Authority of Empiricism and the Empiricism of Authority: Tibetan Medicine and Religion on the Eve of Modernity // Comparative Studies of South Asia, Africa, and the Middle East 24.2, 2004. — P. 83–96.

References

1. Atlas tibetskoi meditsiny [Atlas of Tibetan medicine]. Moscow: Galart, 1994. 594 p.
2. Vagbkhata. *Ashtanga-khridaya-samkhita* (Pha khol. Yan lag brgyad pa'i snying po bsdu pa). Beijing: Arura, 2006. V. 28. Pp. 119–758.
3. Desrid Sanchzhai-chzhamtso. *Vaidur'ya onbo*. Moscow: Nauka; Vostochnaya literatura, 2014. 1286 p.
4. Vandu. *Bod gangs can pa'i gso ba rig pa'i dpal ldan rgyud bzhi sogs kyi brda dang dka' gnad 'ga' zhih bkrol ba sngon byon mkhas pa'i gsung rgyun gYu thog dgongs rgyan zhes bya ba bzhugs so* [Dictionary of medical terms]. Mirik Pedrunkang, 1983. Pp. 270, 280–281.
5. Zhabon Yu. Zh. *Annotirovanniy katalog meditsinskoi kollektzii tibetskogo fonda TsVRK IMBT SO RAN* [Annotated catalog of Tibetan foundation medical collection in Center of Oriental Manuscripts and woodcuts IMBTS RAS]. Ulan-Ude: SB RAS BSC publ., 2012. 242 p.
6. Kelsang Trinle. *sKal bzang 'phrin las. Bod kyi gso rig byung 'phel gyi lo rgyus* [Origin and development of Tibetan medicine]. Krung go'i bod kyi shes rig dpe skrun khang, 1997. 481 p.
7. Sanchzhei Chzhamtso. *Prakticheskoe rukovodstvo po tibetskoi meditsine Lkhan-tkhabs* [Practical guidance on Tibetan medicine Lhan-thabs]. Ulan-Ude: SB RAS BSC publ., 1997. 224 p.
8. *Chzhud-shi — kanon tibetskoi meditsiny* [Chzhud shi — canon of Tibetan medicine]. Moscow, 2001. 766 p.
9. Beckwith C. I. The Introduction of Greek Medicine into Tibet in the Seventh and Eight Centuries. *Journal of the American Oriental Society*. 1979. No. 99.2. Pp. 297–313.
10. Cabezón José Ignacio. *Tibetan Literature: Studies in Genre*. Ithaka, New York: Snow Lion Publication, 1996. 549 p.
11. Gyatso J. The Authority of Empiricism and the Empiricism of Authority: Tibetan Medicine and Religion on the Eve of Modernity. *Comparative Studies of South Asia, Africa, and the Middle East*. 2004. No. 24.2. Pp. 83–96.

УДК 291

doi: 10.18097/1994–0866–2015–0–8–149–155

Культовый декор Цугольского цокчен-дацана*

* Работа выполнена по гранту РФФИ № 14–18–00444 «Буддизм в социально-политических и культурных процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы»

© Жамсуева Дарима Санжиевна

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела философии, религиоведения и культурологии ИМБТ СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: darisan@rambler.ru

В статье рассматриваются особенности наружного декоративного убранства Цугольского цокчен-дацана, выявляется символика отдельных элементов буддийского декоративного искусства. Даны описания утраченных символов, таких как ганджир, жалсан, бумба, что позволяет определить особенности их культового предназначения, охарактеризовать своеобразие творчества бурятских мастеров.

Для буддийского декоративного искусства характерно использование обширного набора символических сюжетов — это отдельные божества, мистические образы, свирепые защитники. Живописные украшения, символы и эмблемы, которые задействованы при оформлении убранства бурятских дацанов, часто обозначают сложные предметы и понятия, что существенно отличает буддийские храмы от внешнего декора религиозных объектов других конфессий.

Ключевые слова: дацан, символика, культовое зодчество, религиозная атрибутика, буддизм в Бурятии, буддийская община, иконописная школа, наружное убранство.

The Cultic Ornament of Tsugolsky Dzogchen Datsan

Darima S. Zhamsueva

PhD in history, A/Professor, Senior Research fellow of the Department of Philosophy, Culture and Religious Studies Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

6, Sakhynovoy Str., Ulan-Ude 670047, Russia

In this article the author considers peculiarities of the outside ornament of the Tsugolsky dzogchen datsan exposing the symbolism of certain elements of Buddhist ornamental art. Descriptions of lost symbols, such as *gandzhir*, *zhalsan* and *bumba* are provided. This allows defining the specific features of their cultic use and characterizing the distinctiveness of the art of Buryat masters.

It is characteristic of Buddhist ornamental art to use a broad range of symbolic subjects, such as individual deities, mystical images, and furious guardians. Pictorial decorations, symbols and emblems used for the arrangement of ornamentation of Buryat datsans often denoted complex objects and notions. This considerably distinguishes the Buddhist temples from the outside ornaments of cultic architecture of other religious confessions.

Keywords: datsan, symbolism, church architecture, religious symbols, diary, datsan, Buddhist community, Buryat icon painting school, interior decoration.

Культура кочевых народов Сибири с давних пор была связана с этническими процессами в Центральной Азии. Буддизм, прошедший через культурную среду многих народов Азии, донес до бурятских степей элементы древней индийской цивилизации. Своеобразие народного бурятского искусства обусловлено не только традициями национальной эстетики, но и творческим освоением и переработкой различных культурных влияний.

Бурятская церковная архитектура начинается вместе с утверждением в России буддизма. С принятием буддизма, в частности его северного направления — ламаизма с культом ламы, его основных ритуальных, обрядовых и архитектурных элементов, бурятский народ одновременно позаимствовал сложную религиозную символику, восходящую к древнеиндийским, тибетским и другим традициям. Сложная система этой символики постепенно усваивалась мирянами, творчески перерабатывалась и проникала в их повседневный быт. Безусловно, вхождение бурят в состав Российского государства обусловило влияние русской крестьянской и городской культуры на их материальную и духовную культуру, в том числе и на развитие бурятского культового зодчества, скульптуры и иконописи. Вместе с тем это влияние прослеживается менее активно и носит слабовыраженный характер.

Символика в организации жизнедеятельности кочевников многообразна. С помощью условных предметов она выражает определенные идеи: может выступить в качестве призывания благополучия, предупреждения; может иметь охранное значение; являться определителем сословных различий и т. д.

Здание Цугольского дацана представляет собой наиболее монументальную, роскошно декорированную постройку, где прослеживаются китайские и тибетские архитектурные стили. Символические образы и декоративные элементы Цугольского дацана¹ отличаются разнообразием и многоплановостью: с одной стороны, их изображения играют служебную роль в общем декоративном ансамбле, с другой — в крупной скульптуре и в малых формах выступают в самостоятельном значении. Видимым олицетворением символических значений буддийского монастыря является цокченг-дацан, который заключает в себе сложный свод символических элементов.

Уникальность Цугольского дацана заключается в том, что в оформлении этого монастыря в полной мере отразилось самобытное художественное мастерство местных строителей, мастеров и художников. Особенность монументального ансамбля цокчен-дацана проявляется в творческой переработке архитектурно-художественных традиций буддийского искусства. Три его этажа также символичны — это три драгоценности буддизма: Будда, сангха и учение. Каждый символ, каждый орнамент имеют свое название и символическое значение и представляют собой своеобразные произведения искусства.

Особенно ярко это выражено в полихромии декора. Капитель портика украшена барельефом из мраморных плит, разделенных на три равные части, с изображениями божеств буддийского пантеона: Манжушри³, Майтреи⁴ и Белой Тары⁵, исполненными местным мастером Дульзоном Боролдуновым⁶. Причем капители оставлены в естественном благородном цвете белого мрамора. Мраморные плиты с изображением божеств также включены в состав третьего этажа «с барельефным изображением Арья-бало⁷ 1/3 аршина величины, на южной стороне юго-западного угла такое же изображение богини Маричи⁸ с запряженными свинками, на северной стороне — барельефное изображение этой же богини. На самой середине северной стены два таких же изображения: направо Падма-Самбхава⁹, налево Зонхава¹⁰ ... у северо-восточного угла такие же изображения упомянутой богини. В середине восточной стены — изображение богини Зеленой Тары, на южной стороне юго-восточного угла — богини Маричи¹¹. Все эти изображения, вырезанные на камне, исполнены неким ламой Шандива и отчасти бурятом-мирянником Дармой Аюшевым»¹².

На обеих лицевых сторонах портика прикреплены медные золоченые изображения вселенской ваджры¹³, по пять с каждой стороны.

Одним из украшений лицевой стороны храма является ажурная чугунная лестница, перила которой украшены решетчатыми культовыми элементами — фигурами львов-чакр. Лев — один из представителей «четырех всемогущих существ», непрменный атрибут наружных украшений монастырских зданий, применяется он, как правило, в форме литых или лепных работ или как произведение настенной живописи. В цугольском варианте он изображен в виде закрытой орнаментальной композиции по типу «облачного узора».

В буддизме лев является важным символом Будды, одним из имен которого стало Шакьясимха, т. е. «Царь рода Шакьев». Речь Будды иногда называют «Львиный рык», что символизирует превосходство его учения над всеми другими доктринами. Будду часто изображают на троне, который несут на спине восемь львов, которые представляют восемь великих бодхисаттв. Белый снежный лев с большой гривой — национальный символ Тибета. Его изображение можно увидеть на тибетском государственном флаге, на печатях и штампах, на монетах и банкнотах, на значках и личном гербе Далай-Ламы. На танках часто изображают пару снежных львов, играющих на вершине снежной горы. Снежный лев нередко изображается рядом с йогином. Эзотерический смысл этого заключается в том, что духовная реализация йогины подобна льву: грива символизирует обладание тайными учениями, взгляд в пространство — отречение от мирского, а способность снежного льва прыгать с одной вершины на другую указывает, что йогин обрел абсолютную свободу¹⁴.

Другой распространенный вид декоративного элемента лестницы — чакра¹⁵, в обрамлении облачных узоров символически изображает небесную сферу. Этот барельефный узор является одной из разновидностей обрамляющих декоративных элементов, предназначение которого, как можно предположить, заполнение пустоты, прерывание однообразной нити декоративных элементов, и в то же время выступает как целая композиция, выполненная в литье. Лестница изготовлена по эскизам и формам местных мастеров и отлита в Петровском Заводе.

Конек крыши цокчен-дацана увенчан по центру универсальным охранным знаком храма — ганджиром, имеющим «вид цветка лотоса, в котором находится конусообразный священный сосуд бум-

ба¹⁶, оканчивается в виде верхушки повторным изображением маленькой бумбы»¹⁷. Символическое значение ганджира — он воплощает могущество буддийского учения. По обеим сторонам ганджира установлены жалсаны¹⁸. Жалсан и бадан являются особыми видами знамен, а также предметами, подносимыми бурханам в знак уважения и почитания. Жалсан также является символом победы. Детали верхнего пояса жалсана Цугольского дацана украшены барельефной композицией мифических существ и священных, благословенных предметов (аналога не наблюдается в бурятских дацанах). Одними из фрагментов жалсана являются три символических буддийских изображения мифических существ, первый из которых был изображен в виде восьмиконечного мифического существа с телом льва и головой гаруды, держащего в клюве еще не раскрывшийся бутон лотоса, с четырьмя лапами льва, двумя лапами и двумя крыльями гаруды, который может лететь по небу, бежать по земле. Второй символ изображает мифическое существо с телом улитки, заключенное в раковине, со слоноподобной головой водяного чудовища, у которой имеется длинный загнутый вверх хобот и тонкие загнутые вверх бивни, из раскрытой пасти торчит грозный клык, перед ушами торчат лентовидные рога с тупым концом. Третьим изображается существо с телом и хвостом рыбы, головой бобра или выдры. Другим фрагментом жалсана является барельефная композиция из восьми благословенных предметов культа: «драгоценный зонт», «золотая рыба», «волшебный кувшин с главными сокровищами», раскрывшийся лотос (бур. падма), «драгоценная правовинтовая белая раковина», «узел бесконечного счастья», «стяг победителя» (или символ победы высокородных, высокочтимых), «золотое колесо», или хорло (бур.), как одно из волшебных средств передвижения святых.

Художественное решение этих символических предметов отличается многообразием пластического выражения, в котором органично соединены отточенность и «найденность» формы, свидетельствует о поразительной энергии и свободе творческой фантазии бурятских мастеров. В подобных малых архитектурных формах, для которых характерна зримость фантастических образов, мифологическое осмысливается реалистично и обретает гармоническую определенность.

Ближе к краям конька симметрично расположены чинтамани — камни исполнения желаний (в буддийской мифологии камень (кристалл), принадлежащий Авалокитешваре).

Конструктивную прочность здания «оберегают» такие символы, имеющие защитную для религии функцию, как изображение голов водяных чудовищ, украшающих верх опор, которые частично сохранились. При нашем посещении цокчен-дацана у них отсутствовали позолоченные рога и золотые усики. Причем «голова водяного чудовища» установлена только на приподнятых углах крыши верхнего этажа, как бы дополняя барельефное изображение на жалсане и первенствующую ее роль. Как элемент архитектурного декора он не фиксируется ни в одном из бурятских дацанов, которые, как правило, применяли дулэ (бур.) «крыло» — стилизованное изображение руки с пальцами, держащими волшебную драгоценность чинтамани. С конца «крыла» свисали серебряные колокольчики, несущие охранный смысл и издававшие под дуновением ветра мелодичный звон, который якобы изгонял злых духов. Такие же символические элементы «крыла» в Цугольском дацане были применены на углах крыш нижних этажей. На крыше портика помещен один из главных символов буддизма — чакра, или Колесо Учения¹⁹, по бокам которого — пара газелей.

Также существенным отличием Цугольского дацана являются не применяемые в практике оформления других бурятских дацанов шесть колонн портика, выполненные из профильного глазурованного зеленоватого кирпича.

На уровне второго этажа боковые стороны южного фасада стены храма украшены двумя большими рельефными мистическими буддийскими монограммами Намчжу вандан. Монограмма была выполнена из меди и покрыта густой позолотой. Эта формула «десяти могуществ» представляет собой мистическую монограмму и является одним из самых сильных символов. Она распространена в буддийском мире так же широко, как и шестисложная мантра «Ом мани падме хум». Очертания Намчжу вандана состоят из санскритских знаков-слогов «ха, кша, ма, ла, ва, ра, я», причудливо сплетенных в единое целое; над ними расположены стилизованные изображения: пламя мудрости, диск солнца и серп луны. Цвета, в которые они окрашены, имеют также символический смысл. Обычно буддисты, не знакомые с мистическими практиками, носят этот амулет, веря, что он будет оберегать их от опасностей и жизненных невзгод.

В частности, форма Намчжу вандана легла в основу орнамента окон и дверей дацана, попеременно переплетаясь со свастикой. Буддисты верят, что свастика является признаком просветления и вечности, символом эзотерического учения Будды. Четыре конца на изображении свастики обозначают четыре качества: беспристрастность, сострадание, любовь и радость.

На северной стене цокчен дацана расположена композиция Белого Старца (бур. Цагаан Убу-

гун)¹⁹ — символа долголетия. Он является представителем местных духов, которые охраняют храмы и даруют долголетие служителям культа.

В наружном культовом декоре использовались не только буддийские мотивы. В частности, это проявляется в том, что одним из наиболее излюбленных украшений являются «неведомые звери», фантастические или мифические изображения драконов, львов, быков, птиц, других диких и домашних животных. Так, например, львиные маскароны оформляли двери храмов вторых и третьих этажей, львиные кариатиды украшали различного рода постаменты и сидалища. Стилизованной головой льва со свисающими из пасти гирляндами жемчужин, напоминающего больше водяное чудовище, был украшен декоративный чугунный «бойпур» — сосуд для возжигания священных трав, отлитая в Петровск-Забайкальском заводе по модели зурачина Джалсарая Дамьянова.

Таким же многоплановым было использование мотива дракона и в культовом, и в бытовом оформлении. Образ тигра редко выходил из рамок культового искусства и мифологии.

К символическим действиям охраны культовых сооружений относится дорожка (бур. горо) кругового обхода вокруг монастыря, на которой располагаются навесы с хурдэ²⁰, которые служат опознавательными знаками очищенной ритуалом земли. Кроме того, ряды навесов с хурдэ располагались непосредственно у входа в монастырь и вокруг храмов. Ритуал хождения вокруг дацана имеет назначение создавать силой мысли зону охраны, совмещаясь с действием вращения хурдэ, как бы материализует его тем самым. К декоративным символическим элементам относятся также ступы (бур. субурганы)²¹, обязательные части монастырского комплекса, расположенные не только на территории, но и за ее пределами. Считается, что ступы обладают магической силой, очистительной силой от различных пороков и помогают развить добродетели. В начале XX в. Цугольском дацане, по данным Г.-Д. Нацова, насчитывалось 11 субурганов²².

Культовый декор Цугольского дацана составляют декоративные элементы, символические предметы, образуя целую систему, имеющую определенную символическую сущность и смысл религиозных канонов. Цугольский цокчен-дацан обладает сложной символикой и собственной самобытной линией культового зодчества. Бесчисленные скульптурные и живописные изображения богов, богинь, канонические тексты, разнообразная церемониальная утварь, библиотека, постройки для хранения молитвенных объектов и т. д. вкуче с архитектурой храмового комплекса создают неповторимый ансамбль буддийского искусства.

Примечание

¹ Цугольский дацан, действующий буддийский монастырь. Расположен в с. Цугол Могойтуйского р-на Читинской обл. Основан в 1826 г. бурятскими родами харгана, хуацай и галзут, входил в число наиболее значительных монастырей Забайкалья. Именно ему принадлежит приоритет в развитии основных направлений школ богословия — цанит и тибетской медицины — манба. Главный соборный храм — Цокчен-дацан — одна из вершин архитектурного мастерства бурятских зодчих. Первоначально существовал как войлочный дуган близ хр. Урдунуй, затем, после ходатайства прихожан 1826 г. и разрешения начальника Нерчинского округа от 1827 г., построены деревянные здания главного дугана: сумэ Найдан (1827), сумэ Майдари, Дэмчок, Гунриг (1931). Из них родовыми аймачными сумэ были: Найдан и Дэмчок — зуун харгана; Гунриг — зуун хуацай; Махагала — галзут. Далее формируются дуганы, общие для всего прихода. Таким образом, сумэ, кроме цокчен-дугана, первоначально являлся Майдари дуган, основанный в 1831 г. Есть сведения о том, что с 1831 по 1836 г. шла постройка 3-этажного деревянного здания, на хурал освящения которого собралось более 200 лам и 3 тыс. прихожан. Как выглядело это здание — неизвестно. 1-е стационарное здание цокчен-дугана Цугольского дацана (1854) — трехглавое, квадратное в основании, одноэтажное. С сер. 1850-х гг. по 1864 г. велась переписка прихожан с генерал-губернатором Восточной Сибири о строительстве каменного здания цокчен-дугана. В 1864 г. генерал-губернатор М. С. Корсаков разрешил постройку дугана по чертежу, утвержденному в этом же году. Строительство было завершено в 1869 г., но в 1887 г. дацан сгорел. В 1889 г. здание восстановлено. Строителем сгоревшего и восстановленного цокчен-дугана был лама (шанзодба) Цугольского дацана Шойбон Намсараев. С 1890-х гг. в цокчен-дугане проводились перестройки (1893, 1914). Общеприходскими храмами, кроме цокчен-дугана, были сумэ Майдари, дуганы цанит-дацана (сумэ Аюши), где располагалась философская школа и манба-дацана (сумэ Оточи), где располагалась медицинская школа. Известны 3 чертежа сумэ Аюши (1897, 1901, 1910). Чертежи 1901 и 1910 гг., скорее всего относятся к аймачным сумэ Аюши рода барун-харгана. Чертеж 1897 г. изображает квадратное одноэтажное здание типичной конфигурации для школ чойра других бурятских дацанов. Майдари-сумэ располагался севернее главного храма, приблизительно на одной линии с цанит-дацаном. Построен в 1831 г., по проекту 1897 г. выстроено 2-этажное здание с железной крышей на каменном фундаменте. Манба-дуган — каменное 2-этажное здание. История его основания длительная и неясная. В 1866 г. цугольцам не разрешили построить молитвенный дом во имя бога Оточи, но, вероятно, оно построено и оформлено в 1877 г. как дар агинского тайши Т. Тобоева в память его сына — ламы Цугольского дацана Г.-Ж. Тугултурова. Здание было сырым, поэтому ламы ходатайствовали о разрешении сделать деревянную пристройку. Проект датирован 1914 г., но фактически здание построено раньше. В конце XIX в. перестраиваются аймачные сумэ Дэмчок, Гунриг, в 1913 г. род галзут основал свое аймачное сумэ Махагала. В 1911 г. построено сумэ Арья Балаа для хурала маани. Философская школа чойра или цаннит при Цугольском дацане создана в 1845 г., но первоначально не имела специального здания, занятия проходили в аймачном сумэ Найдан. Строительство отдельного здания чой-

ра-дацана утверждено в 1897 г. Закрыт в 1930-е гг. В 1989 г. Цугольский дацан открыт заново. В 2001 г. после реставрации стал действовать главный соборный храм.

² Цокчен (тиб. tshogs chen, букв. «большое собрание») — главный соборный храм.

³ Манжушри (Манджушри) (тиб. 'jam dpal) — один из 8 великих бодхисаттв (святых Махаяны). Считается воплощением мудрости всех будд. Он дарует понимание, мудрость, овладение Учением, силу истолкования, красноречие и память. Он главный защитник и покровитель астрологов. Манджушри также почитается как покровитель искусств и наук. В искусстве буддизма Манджушри изображают как прекрасного шестнадцатилетнего принца. Часто он держит в левой руке стебелек цветка голубого лотоса. На цветке покоится одно из писаний Праджняпарамита, которое связано с пониманием Праджны, или мудрости. Огненным мечом в правой руке он побеждает невежество.

⁴ Майтрей — Майдари (бур.). Культ бодхисаттвы Майдари, почитавшегося как Грядущий Будда, имел широкое распространение в Забайкалье.

⁵ Санскр. Тара, тиб. sgröl ma (dolma), букв. «спасительница». Саган и Ногон Дара Икэ — белая и зеленая Тары — Дара-эхэ (от санскр. tara и монг. еке) — популярный женский образ в пантеоне буддийской мифологии. В тантризме супруга (юм) бодхисаттвы Авалокитешвары. Непальская и китайская принцессы, жены царя Сронцзангампо, считались воплощениями этих Тар, первая — белой, вторая — зеленой.

⁶ АВ ИВР РАН. Ф. 87. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

⁷ Арья Балаа (бур.) — Авалокитешвара — «Владыка взирающий» — бодхисаттва, воплощение великого сострадания всех будд. Он почитается как защитник религии и сам представлен в буддийском пантеоне в различных формах — своих эманациях, нирманах (spul ba). [См., напр., Древо собрания, 1997, с. 95; Монгол Зураг, 1986, № 28, 71].

⁸ Маричи (тиб. odser chenma), букв. Мерцающий огонёк, Луч света — одно из проявлений бодхисаттвы Тары, супруга идама Хаягривы.

⁹ Падма-Самбхава (Бадма Самбава) (бур.) — Падмасамбхава (VIII в.) — великий индийский йог и реализатор. Согласно Будону, он был приглашен в Тибет царем Тисрондэцаном, чтобы обуздать сильных тибетских божеств и духов, препятствующих распространению буддизма. Падмасамбхава покорил почти всех тибетских божеств и духов, сделал их Дамжанами (dam can, сокращ. dam tshig can, букв. «обладающий обетом») — давший обет защищать религию Будды и оказывать ей покровительство. Он основал первую в Тибете духовную традицию (систему, секту) Ньинмапа (gnying ma pa, букв. «старая») [3, с. 252; 9, с. 355]. Падмасамбхава считается духовным покровителем Тибета. Полагают, что он, согласно своему обещанию, посещает Тибет каждое десятое число лунного месяца. В эти дни ему обычно делают подношения и т. д. «Красношапочными», в широком смысле, называют все тибетские системы, не относящиеся к «желтошапочной», а в узком смысле — традицию Ньинмапа.

¹⁰ Зонхава (бур.) — Цзонхава (tsong kha pa). Цзонхава (1357–1419) — известный тибетский религиозный деятель, основатель духовной традиции «желтошапочников» — Гелугпа (dge lugs pa, букв. «система блага»), получившей большое распространение в Центральной Азии. Имел двух главных учеников — Джалцаб-Дармаринчена и Хайдуб-Гэлэгбалсана. Главой школы является настоятель монастыря Ганден.

¹¹ АВ ИВР РАН. Ф. 87. Оп. 1. Д. 26. Л. 45.

¹² АВ ИВР РАН. Ф. 87. Оп. 1. Д. 27. Л. 160.

¹³ Ваджра — это санскритское слово (тиб. rdo rje / санскр. vajra букв. «владыка камней) обозначает «алмаз», а также особый ритуальный жезл, формы которого разнообразны. Он обычно символизирует метод (санскр. упайа), великое блаженство и т. д. [8, с. 25–26].

¹⁴ <http://www.kunpendelek.ru/library/buddhism/base/symbols-of-buddhism/2684/>

¹⁵ Чакра (санскр. cakra) — это колесо с восемью спицами, сосредоточение мистической силы и абсолютной завершенности. Символ совершенства в буддизме [8, с. 163–164].

¹⁶ Бумба (тиб. bum pa / санскр. kalasha / бур. бумба) — кувшин. В ритуальной буддийской практике обычно используются два вида кувшинов, изготавливаемых из разных сплавов, серебра и т. д.: 1) кувшин без носика, который называется «кувшином деяния» (las kyu bum pa) и используется для превращения помещенной в него воды в аршан, изгоняющий злых духов; 2) кувшин с носиком, который называется кувшином «полной победы» (gnam rgyal gyi bum pa) и используется для превращения помещенной в него воды в аршан, обладающий очистительным действием и применяемый при совершении ритуалов «омовения» бурхана (khrus gsol), «омовения местности» (для очищения местности, оскверненной несоответствующими деяниями человека — рубкой деревьев и т. д.), внешнего и внутреннего «омовения» индивида, у которого возникли серьезные проблемы (byabs khrus — «жабтуй»).

¹⁷ АВ ИВР РАН. Ф. 87. Оп. 1. Д. 26. Л. 5.

¹⁸ Жалсан (тиб. rgyal mtshan) и бадан (ba dan) букв. «знак победы», санскр. дхваджа. Обычно жалсаны делают из меди, по форме они представляют цилиндры с доньшком и крышкой. В Тибете, например, жалсаны устанавливались на высоких местах, откуда, как замечает Позднеев, и пошло их название «знак победителя». Это шест, на котором сверху расположен «цилиндр» из материи без дна, боковая сторона состоит из расположенных горизонтально трех полос трех цветов (белого, красного, синего). У жалсана, в отличие от бадана, «цилиндр» внизу разрезан по вертикали на три части. Маленькие и большие баданы и жалсаны часто подвешиваются (без шестов) в алтарях.

¹⁹ Композиция Белого Старца Цугольского дацана представлена более искусно и имеет глубокую содержательную сторону, состоящую из следующих компонентов: на переднем плане Саган Убугун, Цагаан Убугун (бур.) — символ долголетия, пребывающий при монастыре как представитель местных духов, который охраняет храмы и дарует свое долголетие служителям культа. Барельеф представляет старичка, сидящего в углублении пещеры, с бесконечно добрым лицом, доверчивой улыбкой и наивным взглядом широко открытых глаз. Композиция сказочного мира изображена среди гор, каменных утесов, на берегу речки, возле дерева и над ними возносится к небу Будда, на левой стороне — два благородных оленя, а на правой — два благородных лебедя. Это окружение шести мифологических существ одушевленного мира и шести существ неодушевленного мира. Первые шесть, отличающиеся своим долголетием из сферы одушевленного мира, составляют Аюша-бурхан (Ади-Будда), два благородных оленя, два благородных лебедя и сам шестой — Белый старец. Другие шесть долговечных существ из сферы неодушевленного мира составляют камень, деревья, водная стихия, земля, горы, небо. По обеим

сторонам Белого старца в подковообразных формах изображены барельефы крылатых драконов и огня. Дракон как хозяин водной стихии, одолевающий огонь, охраняет здание от пожара. Противопожарное значение приписывается изображению окаменевшего пламени. Вся композиция раскрашена яркими тонами красок.

Сказочная мечта о цветущей жизни здесь выражена конкретно и просто: земля должна быть обильна зеленью, цветами и плодами, а живые существа — безбедно плодиться и размножаться, чтобы наполнить мир жизнью и счастьем благополучия. Гармония бытия здесь строится на утверждении жизни в ее простой и главной основе, в чем и заключается глубокая народность трактовки сюжета. В данном случае нами не рассмотрена его семантика.

²⁰ Хурдэ представляет собой круглый или восьмигранный цилиндр, диаметр и высота которого может колебаться от первых десятков сантиметров до 1,5–2 метров. Посередине этого цилиндра и через оба его дна проходит вертикальная железная ось, к нижнему концу этой оси приделывается металлическая или деревянная ручка, служащая для удобства вращения оси, а вместе с нею и цилиндра. Хурдэ имеет сверху отверстие, в середину его закладывают несколько тысяч отдельных листов, сплошь исписанных мантрами, а иногда и целые религиозные сочинения. Назначение хурдэ состоит в том, чтобы каждый верующий мог повернуть его, т. е. общепринято считать, что вращение хурдэ равняется прочтению всех тех молитв, которые в них заложены. Причем сколько раз прокрутить цилиндр, столько раз прочитана молитва. А. М. Позднеев в «Очерках буддийских монастырей...» (с. 26–27), ссылаясь на рассказ тибетского ламы Чойдона, объясняет первоначальное происхождение вращения хурдэ. В Тибете перед дверьми храма вкапывался столб, на котором были написаны молитвы, подлежащие чтению перед входом в храм для тех богомольцев, которые не знали из наизусть. В больших монастырях, где собиралось много народа и где внутри верующим неудобно обходить вокруг столба, чтобы прочитать все написанное на нем, такие столбы делались вращающимися. Прочитав написанное на одной стороне столба, поворачиваешь его на другой; чем больше раз прочтешь, тем достойнее вступишь в храм. Отсюда сама собою делается понятная мысль о вращении хурдэ. Время придало ему новое значение и изобрело новые формы. Также они соединяют в себе значение пограничных знаков, принадлежащих монастырю. Таким образом, хурдэ еще служат опознавательными знаками очищенной ритуальной земли.

²¹ Субурган — обязательная часть монастырского комплекса не только на территории, но и за ее пределами. В архитектуре буддийский космос предстает в форме ступы (субургана), каждый элемент которой несет семантическую нагрузку, соотнося религиозную символику с ритуальными действиями индивида. В каждой буддийской стране имеются свои варианты и особенности в постройке ступ, но везде они представляют один из основных объектов почитания, так как традиционно ступа была местом захоронения мощей буддийских святых. Три части ступы — основание, колоколообразный купол и наверху со шпилем — символизируют три сосуда бытия: камалоку, рупалоку и арупалоку, т. е. символизируют три сосуда бытия: мир желаний, мир имеющих форму и мир не имеющих форм. Шпиль — символ мирового дерева на вершине горы Меру, являющийся центром мироздания. В свою очередь, каждая из этих частей делится на несколько составляющих, структурное описание которой описано у А. М. Позднеева, но в пределах этой архитектурной схемы возможны варианты. Служа изображением священных предметов, должны напоминать о славных событиях из истории буддизма, субурганы являются для буддистов такими же предметами чествования, как и бурханы, или божества. Таким образом, семантика субургана в буддизме представляет собой сложную, строго канонизируемую систему, знание которой помогает понять принципы построения как произведений буддийского искусства, так и канонических текстов. Семантически структуру ступы можно осмыслить по-разному, так, в экзотерическом понимании субурган символизирует пять элементов, на которые распадается человеческое тело после смерти (куб, шар, полусфера, треугольник, сваямбху), последовательно располагающихся друг над другом и символически воспроизводящих один из элементов Вселенной (макрокосма) в том их наборе, который принят в буддизме: в основании этого сооружения лежит массивный блок, являющийся прообразом твердости земли и символизирующий элемент «земля» (эмблема земли — квадрат). Над фундаментом находится шар, символизирующий элемент «вода» (символ круг). Затем идет коническая часть субургана, подобная языку пламени, которая символизирует элемент «огонь» (символ — треугольник). Полусфера, находящаяся на конической части и напоминающая перевернутый купол неба, символизирует элемент «воздух» (символ — полукруг). Увенчивается все сооружение вытянутой каплей, представляющей элемент «небо» (символ — точка). Такая пятичленная структура субургана является пространственной горизонтальной моделью Вселенной. Те же геометрические фигуры, расположенные вертикально в той же последовательности, изображают и человека (микрокосм), вернее те его центры (чакры), в которых с точки зрения практики йоги сконцентрировано управление его психикой и физиологией. Последовательное подавление в себе этих центров приближает человека к высшей стадии созерцания — растворении себя в космическом абсолюте, именуемом в одних тантрийских школах Адибуддой, в других — Ваджрасаттвой. Техника прохождения через эти состояния описана как в практических руководствах по йоге, так и в научной литературе, т. е. в эзотерическом смысле субурган символизирует постепенный путь к просветлению и достижению нирваны. В буддийской мифологии ступа связана не только с историей распространения и развития буддизма, но и с предсказаниями.

²² ГАРБ. Ф. 248. Оп. 3. Д. 155. Л. 47.

Литература

1. Базар Барадин. Дневники по бурятским дацанам / предисл., примеч., глоссарии Д. С. Жамсуевой. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. — 208 с.
2. Буддийская живопись Бурятии. — Улан-Удэ: Нютаг, 1995. — 211 с.
3. Будон Ринчендуб. История буддизма (Индия и Тибет): пер. с тиб. и англ. — СПб.: Евразия, 1999. — 336 с.
4. Жамсуева Д. С. Цугольский дацан. Историческая энциклопедия Сибири. — Новосибирск, 2009. — Т. 3. — С. 357.
5. Минерт Л. К. Памятники архитектуры Бурятии. — Новосибирск: Наука, 1983. — 192 с.
6. Цултэм Н. Монгольская национальная живопись: «Монгол зураг». — Улан-Батор: Гос. изд-во, 1986. — 32 с.: 192 табл. ил.
7. Позднеев А. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. — СПб., 1887. — 492 с.
8. Символы буддизма, индуизма, тантризма. — М.: Золотой Век, 1999. — 216 с.
9. Цыбиков Г. Ц. Избранные труды: в 2 т. — Новосибирск: Наука, 1991. — Т. 1, 2.

10. Щербатской Ф. И. Избранные труды по буддизму. — М.: Наука, 1988. — 428 с.

References

1. Baradin B. *Dnevniky po buryatskim datsanam* [Diaries of Buryat datsans]. Ulan-Ude: SB RAS BSC publ., 2013. 208 p.
2. *Buddiiskaya zhivopis' Buryatii* [Buddhist pictorial art in Buryatia]. Ulan-Ude: Nyutag, 1995. 211 p.
3. Budon Rinchendub. *Istoriya buddizma (Indiya i Tibet)* [History of Buddhism (India and Tibet)]. St Petersburg: Evraziya, 1999. 336 p. (transl. from Tib. and Engl.)
4. Zhamsueva D. S. *Tsugol'skii datsan. Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Tsugolsky datsan. Historical encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk, 2009. V. 3. P. 357.
5. Minert L. K. *Pamyatniki arkhitektury Buryatii* [Architectural monuments of Buryatia]. Novosibirsk: Nauka 1983. 192 p.
6. Tsultem N. Mongol'skaya natsional'naya zhivopis' [Mongolian national pictorial art]. *Mongol zurag*. Ulaanbaatar, 1986. 32 p.
7. Pozdneev A. *Ocherki byta buddiiskikh monastyrei i buddiiskogo dukhovenstva v Mongolii v svyazi s otnosheniem sego poslednego k narodu* [Essays on life of Buddhist monasteries and the Buddhist clergy in Mongolia in connection with their attitude to the people]. St Petersburg, 1887. 492 p.
8. *Simvoly buddizma, induizma, tantrizma* [The symbols of Buddhism, Hinduism, Tantrism]. Moscow: Zolotoi Vek, 1999. 216 p.
9. Tsybikov G. Ts. *Izbrannye trudy* [Selected works]. In 2 v. Novosibirsk: Nauka, 1991.
10. Shcherbatskoi F. I. *Izbrannye trudy po buddizmu* [Selected works on Buddhism]. Moscow: Nauka, 1988. 428 p.

УДК 94(5)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-156-160

О дате рождения Чингисхана

(по материалам средневековых источников и исследованиям современных авторов)

© **Золхоев Борис Валентинович**кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Бурятии Бурятского государственного университета
670000, ул. Смолина 24а, Улан-Удэ, Россия

E-mail: boriszkhoev@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы, связанные с установлением даты рождения основателя Монгольской империи Чингисхана. Главное внимание уделено рассмотрению оснований и доводов в пользу официальной версии года его рождения — 1162 год. На основе сравнительного анализа содержания монгольских исторических летописей «Алтан Тобчи», «Эрдэнийн Тобчи» и «Шара Туджи», а также таких письменных памятников, как «История династии Юань», «Сборник летописей» Рашид ад-Дина, выделен ряд положений, которые можно рассматривать в качестве дополнительных доказательств в подтверждение официальной версии. Подробно освещаются обстоятельства и особенности исторической ситуации, сопровождавшие создание средневекового китайского летописного памятника «История династии Юань», а также его значения в определении хронологии событий, связанных с монгольской историей.

Ключевые слова: Чингисхан, дата рождения, Монголия, Китай, история, летописи.

The Date of Birth of Genghis Khan

(based on the medieval sources and studies of modern researchers)

Boris V. Zolkhoev PhD in history, A/Professor, Buryat State University
24a, Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia

This article discusses issues related to the establishment of the date of birth of the founder of the Mongol Empire of Genghis Khan. The main attention is paid to the grounds and arguments in favor of the official version of his birth year — 1162. Based on a comparative analysis of the content of Mongolian historical annals «Altan Tobči», «Erdeni-yin Tobči» and «Šir-a Tu'uji», as well as those annals as «History of the Yuan», «Compendium of Chronicles» by Rashid al-Din highlighted a number of provisions that may be considered as additional evidence to support the official version. Expands upon the circumstances and the particular historical situation that accompanied the creation of medieval Chinese chronicle «History of the Yuan» as well as its importance in determining the chronology of events related to the Mongolian history.

Key words: Genghis Khan, date of birth, Mongolia, China, history, annals.

В китайских исторических источниках указывается, что Чингисхан умер в возрасте 66 лет [1]. В этих же документах сообщается, что родился он в 1162 году. В «Истории династии Юань» и других летописных источниках, приводимых исследователями династии Цин, также подтверждаются эти сведения [2].

Тем не менее в Персии Махмуд Газан, хан Ильханата и прямой потомок рода Великого хана, контролировавшего также и династию Юань, поручил своему Великому Визирю, Рашид ад-Дину, написать небезызвестный «Сборник летописей» («Джами ат-таварих»). В последнем сообщается, что Чингисхан умер в возрасте 72 лет, что означает, что родился он в таком случае в 1155 г. [3].

Поскольку «Сборник летописей» во многом опирается на монголоязычный летописный памятник «Алтан Дэбтэр» («Золотая Книга»), являющийся важнейшим источником для исследователей монгольской истории, историки не могли упустить из виду это обстоятельство.

В конце правления династии Цин китайский дипломат по имени Хун Цзун написал сочинение «Исправленная история династии Юань», основывавшееся, главным образом, на «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина. В своей работе Хун Цзун также соглашается с доводами в пользу того, что Чингисхан родился в 1155 г. и, более того, посвящает этому вопросу специальный раздел [4]. С того времени, когда Хун Цзун ввел в научный оборот Китая «Сборник летописей», снабдив его собственным письменным исследованием, и вплоть до последних десятилетий именно данная теория являлась в большинстве случаев господствующей среди китайских исследователей, занимавшихся монгольской историей [5]. В Советском Союзе также немало ученых поддерживали это мнение [6]. В 1938 году Поль Пеллио выдвинул теорию, согласно которой Чингисхан родился в 1167 г. и некоторая часть ис-

следователей приняла ее.

В этой небольшой статье мы попытаемся разобраться в некоторых доводах официальной или наиболее часто встречающейся версии о том, что Чингисхан родился в 1162 году.

В «Истории династии Юань» в разделе «Основные записи о Тайцзу «Великом предке» (т. е. Чингисхане) написано: «В 22-й год (год дингхай, 1227 г.) седьмого месяца в день жэнь-у Тайцзу заболел. В день чжичоу он умер в ханской ставке в возрасте 66 лет» [7].

В прошлом оценка «Истории династии Юань» была во многом отрицательной. Это связано с тем, что ее составители торопились поскорее закончить работу, вследствие чего она представляла собой «нагромождение доступных на тот период материалов, без какого-либо четкого порядка» [8]. Иными словами, составители летописи осуществили лишь компиляцию исторических материалов, относящихся к Юаньской династии, не имея даже времени на то, чтобы отредактировать или унифицировать транслитерацию. Например, цинский историк Чжан Сюэчэнь подверг критике ее раздел «Основные записи»: «История династии Юань» насчитывает 203 тома, из которых более 100 представляют собой самостоятельные летописи или трактаты. Даже не приступив к ее чтению, ясно, что структура ее не совершенна» [9].

Критика подобного рода свидетельствует о том, что «История династии Юань» была составлена в основном путем компиляции цитат из официальных сводов законов и распоряжений юаньских властей, а также других документов той эпохи.

Историческими источниками для раздела «Основные записи» являлись так называемые «Правдивые записи». В соответствии с «Историей династии Юань» Ван И впервые собрал и использовал «Правдивые записи» в 1262 г. и первый проект китайского издания летописи был подготовлен к 1286 г. В то время еще были живы люди, видевшие Чингисхана при жизни. Кроме того, «Правдивые записи» всегда рассматривались правителями каждой династии как наиболее важные, современные описываемой эпохе сведения, в связи с чем они, вероятно, представляли собой наиболее надежный источник жизнеописания императоров.

В сочинении Тао Цзуньи (1320–1399), историка эпохи поздней династии Юань (1260–1368) и ранней династии Мин, присутствует упоминание, идентичное таковому же в «Истории династии Юань»: «на третий год правления периода Баоцинь династии Сун, в год дингхай (1227) Тай Цзу умер в день ичжоу седьмого месяца, в возрасте 66 лет» [10].

Указанная работа Тао Цзуньи вышла в свет в последние годы правления династии Юань, т. е. до составления официальной ее хроники. Поэтому автор не мог почерпнуть эту информацию из «Истории династии Юань». Тао Цзуньи являлся рядовым историком, поэтому маловероятно, что он мог иметь непосредственный доступ к запретным «Правдивым записям», хранившимся во дворце. Это доказывает, что письменное упоминание о том, что «Чингисхан умер в возрасте 66 лет», содержалось не только в «Правдивых записях» до завершения работы над «Историей династии Юань», но оно также было хорошо известно и представителям юаньской придворной знати, особенно той ее части, что была связана с государственными архивами.

Кроме того, в источнике «Шэн-у цинь-чжэн лу («Записи о личных походах Священно-воинственного [Чингиса]») содержится следующее повествование: «В год гуйхай (1203) Чингисхан нанес поражение Он-хану. Зимой того года хан охотился в местности Тэмэгэн-хэгэр. Хану было 42 года. В то время найманский Таян-хан отправил своего посланника Йехунана для заключения союза с онгутским дигид-хури (правителем) Ала-Кушем, наставляя его словами: «Дошло до меня, что кто-то на востоке провозгласил себя ханом. Как может быть там два правителя! Я надеюсь, что ты выступишь правым крылом нашего войска и вместе мы выпустим стрелы из наших луков!» [11].

Принимая во внимание этот отрывок, можно предположить, что если Чингисхану было 42 года в год гуйхай (1203), то это хорошо согласуется с тем, что он прожил 66 лет и умер в год дингхай (1227). Если же сравнить содержание «Записей о личных походах Священно-воинственного [Чингиса]» со «Сборником летописей», то станет ясным, что последний, будучи основанным на летописи «Алтан Дэбтэр», как и «Записи о личных походах Священно-воинственного [Чингиса]», опираются на один и тот же источник. Иными словами, «Записи о личных походах Священно-воинственного [Чингиса]» представляют собой китайский перевод «Алтан Дэбтэр». Приводимый фрагмент, с одной стороны, говорит о том, что был, по-видимому, источник даже более ранний, чем «Правдивые записи», подтверждавший, что Чингисхан родился в 1162 г., а с другой стороны, он указывает на то, что Рашид ад-Дин, вероятно, мог не упоминать отдельные хронологические сведения, содержащиеся в «Алтан Дэбтэр», чтобы не нарушать высказанное им мнение о том, что Чингисхан прожил 72 года.

Помимо существующих китайских первоисточников, некоторые документы на монгольском языке также содержат идентичную информацию.

Во-первых, среди них необходимо упомянуть хорошо известную летопись «Эрдэнийн Тобчи» Саган Сэцэна, относящуюся к 1662 г., в которой говорится: «В год жэньу (1162) Оэлун Учжин принесла Есугей Багатуру мальчика... В период своего детства он носил имя Тэмучжин... Он умер в 12-й день седьмого месяца года дингхай (1227) в возрасте 66 лет» [12].

В «Эрдэнийн Тобчи» перечисляются семь источников, на которые она опирается, один из которых доступен нам и сегодня — это летопись «Шара Туджи» («Желтая Летопись»). Аннотированное ее издание носит название «Великая Желтая Летопись происхождения древних Монгольских Ханов». В нем говорится: «В возрасте 66 лет Чингисхан умер в 12-й день седьмого месяца в Год Огненной Свиньи (год дингхай, 1227 г.) в Сися (Тангутское государство)» [13].

Также существует и «Алтан Тобчи» («Золотая Летопись»), которая появилась ранее «Эрдэнийн Тобчи» и исследователи полагают, что «Эрдэнийн Тобчи» ссылается на нее. В последней также указывается, что «Чингисхан родился в год жэньу (1162 г.)» [14].

Летописный памятник «Алтан Тобчи» Лубсан Данзана принадлежит к другому типу исторических документов на монгольском языке и имеет особую ценность, поскольку непосредственно восходит к монголоязычной хронике «Тайная история монголов» («Сокровенное сказание монголов»). В этой работе также сообщается, что Чингисхан родился в год жэньу и «умер в год дингхай в 12-й день седьмого месяца в возрасте 66 лет» [15].

Хотя наиболее ранние монгольские документы, перечисленные выше, были созданы не ранее XVII в., нельзя с уверенностью сказать, что они воспроизводили или имели какую-либо связь с китайскими историческими работами, написанными после «Истории династии Юань». Основанием для этого может быть следующее:

1. Несмотря на то, что «Шара Туджи» и «Алтан Тобчи» были составлены в конце правления династии Мин, принимая во внимание довольно ограниченные китайско-монгольские культурные контакты в период царствования Мин, весьма маловероятно, что их составители могли использовать какие-либо китайские документы после утверждения династии Мин.

2. В содержательном плане в летописи «Эрдэнийн Тобчи», как и в более ранних сочинениях, не присутствуют признаки копирования из «Истории династии Юань».

3. В «Истории династии Юань» сообщается, что Чингисхан умер в день чжичоу седьмого месяца. В монгольских исторических документах также указывается, что он умер в 12-й день седьмого месяца. Научные календарные вычисления приводят нас к совпадению этих дат. Даже если допустить, что авторы перечисленных монгольских летописей могли прочесть «Историю династии Юань», то установить, что день чжичоу седьмого месяца приходится на 12-й день седьмого месяца, было бы для них весьма затруднительно.

4. Монгольские письменные памятники обычно ссылаются на тибетские исторические хроники, однако авторам последних, вероятно, было бы сложно использовать китайские летописные источники эпохи династии Мин. Например, тибетское сочинение «Разъяснение того, что должно быть известно», которое оказало серьезное влияние на «основные идеи, композицию и стиль изложения» таких текстов, как «Эрдэнийн Тобчи» и других памятников, было написано для сына Хубилай Хана Чинкима придворным учителем» [16]. Следовательно, даже если отдельные монгольские летописи, согласующиеся с китайскими документами, почерпнули что-либо опосредованно из Тибета, то эти тибетские источники могли принадлежать авторству лам династии Юань, которые впоследствии служили в центральной части Китая.

Помимо собственно письменных источников, сведения о дате рождения Чингисхана содержатся в надписях на стеле Чокту Тайцзи, которая была воздвигнута в год дерева и мыши (год цзяцзи, 1624 г.). В конце надписи имеется пояснение: «Установлено спустя 464 года после рождения Чингисхана в год воды и лошади (год жэньу, 1162 г.)» [17].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что монголоязычные исторические хроники либо самостоятельно установили дату рождения Чингисхана, либо непосредственно опирались на имевшиеся в их распоряжении исторические документы династии Юань, либо опирались на сочинения тибетских лам, имевших отношения с правителями Юань.

По-видимому, упомянутые монгольские летописи и китайские летописи, составляющие «Историю династии Юань», основывались на различных источниках, однако пришли к одинаковому заключению.

Литература

1. History of the Yuan, ch. 1, «Basic Annals of Taizu», p. 23; Tao Zongyi, South Village Records Compiled after Returning to the Farm, ch. 1 (Beijing: Zhonghua Book Company, 1959); Record of the Personal Campaigns of the Holy Warrior, Collated and Annotated in Posthumous Papers of Wang Guowei, pp. 28, 43; Sagang Sečen, Erdeni-yin Tobči (Precious Summary), Chinese annotated edition reprint (Beijing: Zhonghua Book Company, 1962), ch. 3, p. 6, ch. 4, p. 6. Erdeni-yin Tobči (Precious Summary), Harvard-Yenching Institute, Scripta Mongolica II, part II, pp. 64, 108; part III, pp. 56, 95; part IV, pp. 68, 108 (Harvard University Press, 1956).
2. Shao Yuanping, History of the Yuan, Classified Compilation, ch. 1 (block printing by Sao Ye Shan Fang, 1795), p. 10a; Wei Yuan, History of the Yuan, New Compilation, ch. 1 (block printing by Shen Wei Tang, 1905), p. 2b; Zeng Lian, Yuan Documents, ch. 1 (block printing by Cenhyi Tang, 1911), ch. 1, p. 13a.
3. Рашид ад-Дин. Сборник летописей / пер. с перс. О. И. Смирновой, ред. проф. А.А. Семенова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1, кн. 2.
4. Yuan History Translated and Corrected (block printing by Lu Runxiang, 1897), ch. 1a, pp. 9b, 10a, ch. 1b, p. 24a; appendix «A Study of the Age of Taizu», ch. 1b, pp. 35, 36.
5. Ke Shaomin, New History of the Yuan, pp. 6606-9 (Kaiming Book Company, 1936), and Textual Research on New History of the Yuan, ch. 2, p. 1b, ch. 3, p. 11a; Tu Ji, Historical Records of the Mongols, ch. 1, p. 18a, ch. 2, p. 1a, ch. 3, p. 31b; Feng Chengjun, Biography of Chinggis Khan, p. 24; Yu Yuan'an, Biography of Chinggis Khan, p. 9, and Outline of Inner Mongolian History, p. 26; Tao Ketao, Outline of the Development of Inner Mongolia, p. 28.
6. Бартольд В. В. Сочинения. Т. I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — М.: Наука, 1963. — С. 459; Владимирцов Б. Я. Чингисхан. — Берлин — Пг. — М.: Изд-во З. И. Гржебина, 1922 г. — С. 20, 158; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. — М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — С. 45.
7. History of the Yuan, Bona Edition, ch. 1, p. 23a.
8. Shao Jinhan. The South of the River Catalog. 42a, the entry «Yuan History», in Liu Sisheng, compiler, Collectanea from the Studio of Accumulated Learning.
9. «Writing at Random» in Posthumous Papers of Zhang Xuecheng, Miscellaneous Notes (Wuxing: Liu family block printing).
10. Tao Zongyi. South Village Records Compiled after Returning to the Farm, ch. 1, the entry «The Orthodox Succession of the Emperors» (Beijing: Zhonghua Book Company, 1959).
11. Wang Guowei, Record of the Personal Campaigns of the Holy Warrior, Collated and Annotated in Posthumous Papers of Wang Guowei. P. 28b, 43.
12. Sagang Sečen, Erdeni-yin Tobči (Precious Summary), Chinese annotated edition, ch. 3, p. 6b, ch. 4, p. 6b. reprint (Beijing: Zhonghua Book Company, 1962); Sagang Sečen, Erdeni-yin Tobči (Precious Summary), Harvard-Yenching Institute, Scripta Mongolica II, part II, pp. 64, 108; part III, pp. 56, 95; part IV, pp. 68, 108 (Harvard University Press, 1956).
13. «Шара туджи» — монгольская летопись XVII века / сводный текст, пер., введение и примеч. Н. П. Шастиной. — М.; Л., 1957. — С. 128, 136.
14. Kobayashi Takashiro. The Golden Chronicles of Mongols. — The Classic of Mongolian Nationality, p. 26 Japanese translation of the «Altan Tobči» (Tokyo: Seikatsusha, 1941).
15. «Altan Tobči», new edition of a new Mongolian translation (Ulaanbaatar, 1957). P. 20, 158.
16. Chen Yinke. The Šes bya rab gsa (Clarification of What Should be Known) and the Erdeni-yin Tobči // Bulletin of the Institute of History and Philology, Academia Sinica. (1931) vol. 2, no. 3.
17. Damdinsüring Će. Mongrol uran ĳ okiyal-un degeĳ i ĳ arun bilig orusibai. — Ulan-Bator, 1959. — P. 278.

References

1. History of the Yuan. *Basic Annals of Taizu*. Ch. 1. P. 23; Tao Zongyi. *South Village Records Compiled after Returning to the Farm*. Beijing: Zhonghua Book Company, 1959. Ch. 1; *Record of the Personal Campaigns of the Holy Warrior, Collated and Annotated in Posthumous Papers of Wang Guowei*. Pp. 28, 43; Sagang Sečen. *Erdeni-yin Tobči (Precious Summary)*. Chinese annotated edition reprint. Beijing: Zhonghua Book Company, 1962. Ch. 3. P. 6; Ch. 4, P. 6; Erdeni-yin Tobči (Precious Summary). *Scripta Mongolica II*. Harvard University Press, 1956. Part II. Pp. 64, 108; Part III. Pp. 56, 95; Part IV. Pp. 68, 108.
2. Shao Yuanping. *History of the Yuan. Classified Compilation*. Sao Ye Shan Fang, 1795. Ch. 1. P. 10a; Wei Yuan. *History of the Yuan. New Compilation*. Shen Wei Tang, 1905. Ch. 1. P. 2b; Zeng Lian. *Yuan Documents*. Cenhyi Tang, 1911. Ch. 1. P. 13a.
3. Rashid al-Din. *Sbornik letopisei* [Collection of Histories]. Moscow; Leningrad: USSR AS publ., 1952. V. 1. Bk. 2. Pp. 74, 75, 84, 107, 233, 246, 247. (transl. from Pers.)
4. *Yuan History Translated and Corrected*. Lu Runxiang, 1897. Ch. 1a. Pp. 9b, 10a; Ch. 1b. Pp. 24a; appendix "A Study of the Age of Taizu". Ch. 1b, Pp. 35, 36.
5. Ke Shaomin. *New History of the Yuan*. Kaiming Book Company, 1936. Pp. 6606–6609, and *Textual Research on New History of the Yuan*. Ch. 2. P. 1b; Ch. 3. P. 11a; Tu Ji. *Historical Records of the Mongols*. Ch. 1. P. 18a; Ch. 2, P. 1a; Ch. 3, P. 31b; Feng Chengjun. *Biography of Chinggis Khan*. P. 24; Yu Yuan'an. *Biography of Chinggis Khan*. P. 9, and *Outline of Inner Mongolian History*. P. 26; Tao Ketao. *Outline of the Development of Inner Mongolia*. P. 28.
6. Bartold V. V. *Sochineniya. T. I. Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya* [Works. V. 1. Turkestan in the era of Mongol invasion]. Moscow: Nauka, 1963. Pp. 459; Vladimirtsov B. Ya. *Chingiskhan* [Genghis Khan]. Berlin – Peterburg – Moskow: Z. I. Grzhebin publ., 1922. Pp. 20, 158; Grekov B. D., Yakubovskii A. Yu. *Zolotaya Orda i ee padenie* [The Golden Horde and its fall]. Moscow – Leningrad: USSR AS publ., 1950. P. 45.
7. *History of the Yuan*. Bona Edition. Ch. 1. P. 23a.
8. Shao Jinhan. *The South of the River Catalog*, 42a, the entry "Yuan History", in Liu Sisheng, compiler, *Collectanea from the Studio of Accumulated Learning*.
9. *Posthumous Papers of Zhang Xuecheng, Miscellaneous Notes*. Wuxing: Liu family publ. (writing at random).

10. Tao Zongyi. *South Village Records Compiled after Returning to the Farm*. Ch. 1; the entry "The Orthodox Succession of the Emperors". Beijing: Zhonghua Book Company, 1959.
11. Wang Guowei. *Record of the Personal Campaigns of the Holy Warrior, Collated and Annotated in Posthumous Papers of Wang Guowei*. Pp. 28b, 43.
12. Sagang Sečen, *Erdeni-yin Tobči (Precious Summary)*. Chinese annotated edition. Ch. 3. P. 6b; Ch. 4. P. 6b. Beijing: Zhonghua Book Company, 1962 (reprint); Sagang Sečen. *Erdeni-yin Tobči (Precious Summary)*. *Scripta Mongolica II*. Harvard University Press, 1956. Part II. Pp. 64, 108; Part III. Pp. 56, 95; Part IV. Pp. 68, 108.
13. «*Shara tudzhi*» — *mongol'skaya letopis' XVII veka* [«*Shara tudzhi*» Mongolian chronicle of the 17th century]. Moscow–Leningrad, 1957. Pp. 128, 136. (transl. from Mong.)
14. Kobayashi Takashiro. *The Golden Chronicles of Mongols — The Classic of Mongolian Nationality*. P. 26. Tokyo: Seikatsusha, 1941. (Japanese transl. of "Altan Tobči")
15. *Altan Tobči*. New edition of a new Mongolian translation. Ulaanbaatar, 1957. Pp. 20, 158.
16. Chen Yinke. "The Šes bya rab gsa (Clarification of What Should be Known) and the Erdeni-yin Tobči". *Bulletin of the Institute of History and Philology, Academia Sinica*. 1931. V. 2. No. 3.
17. Damdinsürүng Će. *Mongrol uran j okiyal-un degej i j arun bilig orusibai*, Ulaanbaator, 1959. P. 278.

УДК930(571.54)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-161-164

Архивные документы по истории хозяйства бурят XIX века

© Маншеев Доржа Михайлович

доктор исторических наук, доцент кафедры истории и регионоведения стран Азии Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4

E-mail: dorzham@mail.ru

В статье рассмотрены архивные документы, характеризующие развитие хозяйства бурят в XIX в. В работе проанализированы документы Национального архива Республики Бурятия, Государственного архива Иркутской области, Архива востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской академии наук, Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук. Выявлено, что наиболее информативными являются годовые отчеты и статистические сведения степных дум. Они дают комплексное представление о хозяйстве бурят. В них содержатся сведения о природных условиях, численности и составе населения в бурятских ведомствах, их налогообложении; материалы по скотоводству, земледелию, охоте, рыболовству, ремеслам, промыслам, частным предприятиям, торговле и другим видам деятельности бурят. Показано, что в архивах степных дум наряду с однотипными имеются редкие документы, в которых отражены значимые события, происходившие в экономике бурят.

Ключевые слова: буряты, хозяйство, архивные источники, скотоводство, земледелие, охота, рыболовство, ремесла, промыслы, зерно, скот.

Archival Documents on the History of Buryat's Economy of the XIX century

Dorzha M. Mansheev

DSc, A/Professor, Buryat State University

4, Ranzhurova Str., 670000, Ulan-Ude, Russia

The article deals with the archival documents revealing the development of the economy of Buryatia in the XIX century. This paper analyzes the documents of the National Archives of the Republic of Buryatia, the State Archives of the Irkutsk region, the Archives of the Orientalists of the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. It is revealed that the annual reports and Stepnyi doom's statistics are the most informative. They provide a comprehensive picture of Buryat's economy. They contain information about the natural conditions, the size and composition of the population in the Buryat departments, of taxation; materials for animal husbandry, farming, hunting, fishing, crafts, private enterprises, trade and other activities. It is shown that in the Stepnyi doom's archives along with the same type there are rare documents, which reflect the significant events that took place in the economy of the Buryats.

Keywords: Buryats, economy, archival sources, animal husbandry, farming, hunting, fishing, crafts, crafts, grain and cattle.

Основными источниками при реконструкции хозяйства бурят XIX в. служат письменные документы из фондов степных дум, которые отложились в Национальном архиве Республики Бурятия (г. Улан-Удэ). В архиве отложились документы 11 степных дум: Балаганской (ф. 3), Аларской (ф. 6), Кудинской (ф. 1), Верхоленской (ф. 4), Ольхонской (ф. 12), Тункинской (ф. 171), Кударинской (ф. 5), Баргузинской (ф. 7), Селенгинской (ф. 2), Хоринской (ф. 8), Агинской (ф. 129).

С момента основания в степных думах внедряется единая унифицированная система документации и делопроизводства по различным аспектам хозяйственной деятельности бурятских ведомств. В фондах степных дум преобладают дела о посеве и урожае хлеба, овощей и трав. Доминирование материалов по земледелию является общей характерной чертой для всех фондов бурятских степных дум. Преобладание документов по земледелию связано с жестким контролем государства за развитием хлебопашества среди бурят.

В фондах бурятских ведомств Предбайкалья изобилуют материалы по христианизации бурят. Крещеные буряты получали различные льготы в налогообложении. Христианизация способствовала оседанию бурят и их приобщению к земледелию.

Наиболее информативными являются годовые отчеты и статистические сведения степных дум. В виде комплексных отчетов они имеются в фондах всех бурятских степных дум. В Годовых отчетах и Статистических сведениях анализируется состояние всех отраслей экономики, они дают комплексное представление о хозяйстве бурят. В них содержатся сведения о природных условиях, численности и составе населения в бурятских ведомствах, их налогообложении; материалы по скотоводству,

земледелию, охоте, рыболовству, ремеслам, промыслам, частным предприятиям, торговле и другим видам деятельности бурят. Информация представлена в виде таблиц и комментариев к ним. Комплексные отчеты бурятских ведомств свидетельствуют об увеличении значения земледелия и скотоводства и уменьшении роли домашних промыслов, охоты, а в ряде случаев и рыболовства. Они позволяют проследить процесс интеграции бурятского хозяйства в экономику России, в ходе которого у бурят формируется и развивается единая экономическая система.

При исследовании истории хозяйства бурят важными являются договоры на поставку бурятами шерсти, зерна и муки и прочей продукции в казенные и частные предприятия, действовавшие в Иркутской губернии и Забайкальской области.

В документах степных дум второй половины XIX в. появляются данные об отхожих промыслах, о найме бурят на срочные и сезонные работы, о ремесленниках и зачатках промышленности в бурятских ведомствах.

В архивах степных дум наряду с однотипными имеются редкие документы, в которых отражены значимые события, происходившие в экономике бурят. В фонде Балаганской степной думы имеются копии указов и распоряжений правительства по расширению посевов зерна и картофеля в бурятских ведомствах. Так, в 1836 г. был опубликован Указ Императорского величества о расширении посевов зерна [1], а в 1842 г. — Указ о расширении посевов картофеля [2]. Следствием этих указов был быстрый рост посевов зерна и картофеля во всех бурятских ведомствах.

В фонде Аларской степной думы сохранилось предписание иркутского земского исправника Аларской степной думе (1851 г.) о том, чтобы инородцы имели двойной запас семян зерна и овощей на случай неурожая [3]. Предписание земского исправника было направлено на то, чтобы в случае неурожая расширение посевных площадей не прекращалось.

Документы Кудинской степной думы за 1831 и 1871 гг. наглядно иллюстрируют зависимость скотоводства бурят от состояния земледелия. Периодические неурожай, происходившие в Кудинском ведомстве, становились причинами уменьшения численности скота, так как население было вынуждено продавать свой скот для выплаты податей и повинностей. Ухудшение экономической ситуации приводило к росту смертности бурятского населения [4].

Кризисные явления, происходившие в экономике Верхоленского ведомства в начале 1880-х гг., привели к развитию многочисленного воровства скота. В материалах архива Верхоленской степной думы обнаружен документ, содержащий факт воровства скота и невозможность решить эту проблему без внедрения российских уголовных законов среди верхоленских бурят [5]. Требованием времени была необходимость применения российских законов у бурят.

В архиве Ольхонской степной думы сохранилась «Инструкция о переселении государственных крестьян» [6], опубликованная Министерством государственных имуществ в 1844 г. и разосланная по бурятским ведомствам. Посредством этой инструкции государство юридически закрепило возможность заселения казенными крестьянами земель, находившихся во владении бурят.

Архив Тункинской степной думы сохранился лишь начиная со 2-й половины XIX в. В материалах Тункинской степной думы имеются сведения о торговле тункинских бурят с Монголией. Согласно документам, товарооборот 1886 г. трех тункинских торговцев составил 13 000 р., а рентабельность продаж составила 171 %. Эти документы подтверждают выделение из среды тункинцев крупных предпринимателей, обменивавших в Монголии российские товары промышленного производства на скот [7].

В ночь на 1 января 1862 г. в Кударинском ведомстве произошло стихийное бедствие. Из-за землетрясения 6 836 (36 %) десятин хозяйственных земель Кударинского ведомства ушла под воды Байкала. Результаты этой катастрофы негативно сказались на производящем хозяйстве (скотоводстве и земледелии) кударинских бурят, часть которых была вынуждена покинуть породные земли. Подробная информация о событиях землетрясения и его последствиях имеется в Сведениях о благосостоянии бурят и годовом отчете о производительных силах Кударинской степной думы за 1862 г. [8].

Бескормица скота, длившаяся около десяти с лишним лет, вынудила часть баргузинских бурят откочевать в соседние Читинский и Нерчинский округа. Откочевки баргузинцев продолжались с 1870 по 1875 г. 6 марта 1875 г. для предотвращения откочевки бурят баргузинским окружным исправником было дано предписание степной думе поставить караулы на реках Иките и Ине. Подробности откочевки баргузинских бурят содержатся в Деле Баргузинской степной думы о выкочевке баргузинских бурят в Читинский и Нерчинский округа (1875 г.) [9].

Интересен список наименований бурятских родов Селенгинского ведомства [10]. Анализ этого списка убеждает исследователя в том, что половина селенгинских бурят были выходцами из Предбайкалья, привнесшими в Забайкалье культуру полуоседлого хозяйства.

В статистическом отчете Хоринской степной думы за 1851 г. имеется скрупулезный анализ деятельности экономической деятельности хоринских бурят, начиная со скотоводства и заканчивая птицеводством [11].

В фонде Агинской степной думы сохранился материал о найме агинских бурят «на извозные операции, производимыя на верблюдах по системам реки Амур» [12]. Верблюды были незаменимы при перевозке грузов на дальние расстояния. В 1870-х гг. верблюдов активно использовали как транспортное средство при освоении Россией Амурского края, что привело к увеличению их числа в ведомстве агинских бурят.

В Государственном архиве Иркутской области (далее — ГАИО) наибольшую ценность для нашей темы представляют фонды Главного управления Восточной Сибири (ф. 24), Канцелярии иркутского генерал-губернатора (ф. 25) и Иркутского губернского управления (ф. 32). Материалы этих фондов содержат решения российского правительства по распространению и развитию российской экономической модели в бурятских ведомствах.

В фонде Главного управления Восточной Сибири (ГУВС) имеются дела о хлебных магазинах Иркутской губернии и Забайкальской области [13], о выдаче хлебных ссуд бурятам [14], о ярмарках в бурятских ведомствах [15].

Архив Канцелярии иркутского генерал-губернатора содержит дела о правилах охоты и звериного промысла [16], о разработке проекта ветеринарной части [17], о сравнении кочевых инородцев по платежу податей с крестьянами [18], о поземельном устройстве сельского населения Иркутской и Енисейской губерний [19].

В фонде Иркутского губернского управления сохранились документы о работе ветеринарного отделения: годовые отчеты отделения и ветеринарных врачей; дела об эпизоотиях и мерах борьбы с ними, об устройстве боен в губернии, прогоне скота и провозе продуктов животноводства из Монголии, Забайкальской области и Западной Сибири [20].

В материалах Архива востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (далее — АВ СПбФ ИВ РАН) имеется копия Высочайшего повеления Императора Петра II за 1729 г. о присвоении хоринскому зайсану Шодою звания тайши, предоставлении ему ежегодного жалования и льгот его семье за верную и усердную службу Российскому государству в деле разграничения русско-китайской границы [21]. Этот документ служит ярким примером того, что при освоении Бурятии государство искало опору в рядах элиты бурятского общества. Подобные повеления (грамоты) щедро раздавались аристократии забайкальских бурят, в значительно меньшей мере это практиковалось в Предбайкалье. Дело в том, что в XVIII в. государству было нелегко контролировать бурят Забайкалья, ведущих кочевой образ жизни, поэтому царское правительство шло на такую традиционную уступку, применяемую большинством оседло-земледельческих государств по отношению к кочевникам в начальный период освоения их земель.

Также в Архиве востоковедов есть работа К. С. Безносикова «О бурятах и тунгузах пограничного казачьего войска» [22]. Работа написана чернилами в форме отчета и датируется 1855–1856 гг. В ней содержатся материалы о пограничной службе предбайкальских бурят, тунгусов и монголов, перешедших на службу России, а также имеются краткие сведения о хозяйстве забайкальских бурят.

В фонде П. Л. Шиллинга (ф. 56) сохранились «Генеральная ведомость о состоянии Хоринского общества в 1835 году» и «Краткая ведомость о состоянии Селенгинского ведомства в 1831 г.» [23].

В фонде А. М. Позднеева (ф. 44) отложился рукописный вариант Обычного права селенгинских бурят, составленный в 1823 г. [24], который позволяет проследить трансформацию хозяйства селенгинских бурят в первой четверти XIX в.

Земельная политика царского правительства в Забайкалье отражена в документах «Прошение забайкальских бурят Приамурскому генерал-губернатору Корфу об обмежевании их земель» и «Отказе в прошении забайкальским бурятам» (1888) [25].

В документах Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (далее — АРАН СПбФ) хранится рукопись А. П. Окладникова «Археологические исследования на Ангаре», в которой есть сведения о торговле бурят [26]. Также в архиве академии наук сохранилась «Записка о положении землеустроительных дел у кудинских бурят», написанная известным ученым Б. Э. Петри, которая была адресована правительству. В ней автор на основе анализа хозяйства кудинских бурят обосновывает недопустимость размежевания и изъятия бурятских земель в пользу переселенцев из Центральной России [27].

Литература

1. НАРБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 208.
2. НАРБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 334.
3. НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 112.
4. НАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 76. 1779.
5. НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1638. Л. 234.
6. НАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 54.
7. НАРБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 241.
8. НАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 749.
9. НАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1754.
10. НАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 53.
11. НАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1084.
12. НАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3098, Л. 79.
13. ГАИО. Ф. 24. Оп. 7. К. 1287. Д. 197; К. 1282. Д. 90; К. 1823. Д. 378.
14. ГАИО. Ф. 24. Оп. 7. К. 1288. Д. 208.
15. ГАИО. Ф. 24. Оп. 2. К. 1332. Д. 135.
16. ГАИО. Ф. 25. Оп. 8. К. 685. Д. 23.
17. ГАИО. Ф. 25. Оп. 8. К. 680. Д. 3.
18. ГАИО. Ф. 25. Оп. 7. К. 629. Д. 682.
19. ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. К. 916. Д. 14.
20. ГАИО. Ф. 32. Оп. 10. Д. 3-28.
21. АВ СПбФ ИВ РАН. Р. II. Оп. 1. Ед. хр. 31.
22. АВ СПбФ ИВ РАН. Р. II. Оп. 1. Ед. хр. 2.
23. АВ СПбФ ИВ РАН. Ф. 56. Оп. 1. Ед. хр. 37, 40.
24. АВ СПбФ ИВ РАН. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 233.
25. АВ СПбФ ИВ РАН. Р. II. Оп. 1. Ед. хр. 8, 11.
26. АРАН СПбФ. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 82.
27. АРАН СПбФ. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 86.

References

1. *NARB* [National Archive of the Buryat Republic]. F. 3. Op. 1. D. 208.
2. *NARB* [National Archive of the Buryat Republic]. F. 3. Op. 1. D. 334.
3. *NARB* [National Archive of the Buryat Republic]. F. 6. Op. 1. D. 112.
4. *NARB* [National Archive of the Buryat Republic]. F. 1. Op. 1. D. 76, 1779.
5. *NARB* [National Archive of the Buryat Republic]. F. 4. Op. 1. D. 1638. L. 234.
6. *NARB* [National Archive of the Buryat Republic]. F. 12. Op. 1. D. 54.
7. *NARB* [National Archive of the Buryat Republic]. F. 171. Op. 1. D. 241.
8. *NARB* [National Archive of the Buryat Republic]. F. 5. Op. 1. D. 749.
9. *NARB* [National Archive of the Buryat Republic]. F. 7. Op. 1. D. 1754.
10. *NARB* [National Archive of the Buryat Republic]. F. 2. Op. 1. D. 53.
11. *NARB* [National Archive of the Buryat Republic]. F. 8. Op. 1. D. 1084.
12. *NARB* [National Archive of the Buryat Republic]. F. 129. Op. 1. D. 3098. L. 79.
13. *GAIO* [State Archive of the Irkutsk region]. F. 24. Op. 7. C. 1287. D. 197; C. 1282. D. 90; C. 1823. D. 378.
14. *GAIO* [State Archive of the Irkutsk region]. F. 24. Op. 7. C. 1288. D. 208.
15. *GAIO* [State Archive of the Irkutsk region]. F. 24. Op. 2. C. 1332. D. 135.
16. *GAIO* [State Archive of the Irkutsk region]. F. 25. Op. 8. C. 685. D. 23.
17. *GAIO* [State Archive of the Irkutsk region]. F. 25. Op. 8. C. 680. D. 3.
18. *GAIO* [State Archive of the Irkutsk region]. F. 25. Op. 7. C. 629. D. 628.
19. *GAIO* [State Archive of the Irkutsk region]. F. 25. Op. 9. C. 916. D. 14.
20. *GAIO* [State Archive of the Irkutsk region]. F. 25. Op. 9. D. 14.
21. *AV SPbF IV RAN* [Archive of Orientalists of St. Petersburg branch of the Oriental studies Institute RAS]. R. 2. Op. 1. Storage unit 31.
22. *AV SPbF IV RAN* [Archive of Orientalists of St. Petersburg branch of the Oriental studies Institute RAS]. R. 2. Op. 1. Storage unit 2.
23. *AV SPbF IV RAN* [Archive of Orientalists of St. Petersburg branch of the Oriental studies Institute RAS]. F. 56. Op. 1. Storage units 37, 40.
24. *AV SPbF IV RAN* [Archive of Orientalists of St. Petersburg branch of the Oriental studies Institute RAS]. F. 44. Op. 1. Storage unit 233.
25. *AV SPbF IV RAN* [Archive of Orientalists of St. Petersburg branch of the Oriental studies Institute RAS]. R. 2. Op. 1. Storage units 8, 11.
26. *ARAN SPbF* [Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch]. F. 142. Op. 2. Storage unit 82.
27. *ARAN SPbF* [Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch]. F. 44. Op. 1. Storage unit 86.

УДК 951.02

doi: 10.18097/1994–0866–2015–0–8–165–171

Великий канал как путь к объединению Севера и Юга Китая при династии Суй (581–618 гг.)

Марханова Татьяна Фридриховна

переводчик в ООО «Бест Плюс»

Россия, 670033, г. Улан-Удэ, ул. Пищевая, 19

E-mail: tatiyaba@mail.ru

В статье рассмотрены главные секции, составляющие Великий канал, это каналы Тунцзи, Хань, Цзянань и Юнцзи, построенные при втором императоре династии Суй Ян-ди (604–617 гг.). Вместе с этим рассмотрен еще один канал, появившийся по указу первого императора династии Суй Вэнь-ди, канал Гуаньтун. Указываются даты создания секций Великого канала. Показаны роль и место этих каналов в период династии Суй, а именно их путь к интеграции Севера и Юга Китая. Рассмотрено стратегическое значение каждого из каналов. Приводятся сведения о неоднозначной дате открытия канала Тунцзи. В заключение приводится их дальнейшее влияние на развитие Китая при последующих династиях. Также прилагаются карты, на которых показаны маршруты этих каналов.

Ключевые слова: Великий канал, Тунцзи, Хань, Цзянань, Юнцзи, Гуаньтун, Ян-ди, династия Суй, Цзычжи Тунцзянь, Северный Китай, Южный Китай.

The Grand Canal as a Unification Way of the North and South China during the Sui Dynasty (581–618)

Tatiana F. Markhanova

a translator in the “Best plus” company

19, Pishhevaya Str., Ulan-Ude 670033, Russia

This article describes the main sections that make up the Grand Canal, a channel Tongji, Han, Jiangnan and Yongji, which were built under the second Sui emperor Yang-di (604–617). At the same time, one more canal is considered, Guantong Canal, which was appeared by decree of the first emperor of Sui dynasty Wen-di. Creation date of the Grand Canal's sections are pointed out. Showing the role and place of these channels during the Sui Dynasty, that is their way to the integration of the North and South China. The strategic importance of each channel are considered. Providing an information about the controversial opening date of Tongji Canal. In conclusion, adducing as well as their subsequent influence on China's development under following dynasties. Also accompanying maps, which shows the routes of these channels.

Keywords: the Grand Canal, Tongji, Han, Jiangnan, Yongji, Guantong, Yang-di, Sui dynasty, Zizhi Tongjian, North China, South China.

Династия Суй (кит. упр. 隋, пиньинь: Sui; 581–618) — китайская династия, объединившая страну после продолжительного периода смуты. Осуществила ряд социально-экономических реформ и крупных строительных проектов. Один из двух монументальных строительных проектов Великий канал (карта 1) рассматривается в качестве наиболее дорогостоящего проекта, когда-либо предпринятого при династии Суй. Он имел важное стратегическое значение с длительным и глубоким влиянием на экономику династий Суй и Тан.

Второй император династии Суй Ян-ди (604–617 гг.) много строил, и все, что он задумывал, отличалось большим размахом. Так, в первый же год его царствования началось строительство сразу нескольких огромных каналов, которые должны были связать различные речные системы. В их числе был Великий канал, протянувшийся от Лояна (столица династии Суй при Ян-ди) до Цзянду (пров. Цзянсу) и соединивший между собой две главные китайские реки — Янцзы и Хуанхэ. При строительстве этого канала в полной мере использовались старые русла рек и естественные реки, но из-за желания Ян-ди передвигаться на «ладье-драконе», канал необходимо было продалбливать очень глубоко, иначе он не прошел бы. Подробно этот флот описывается в работе Кирилла Резникова «Запросы плоти: Еда и секс в жизни людей». С завершением строительства Великого канала Ян-ди соорудил флот из двух тысяч ладей и отправился по нему в плавание. Самыми прекрасными были десять «ладей-драконов». Каждая ладья 90 метров длиной и 15 метров высотой имела четыре палубы. Каюты были облицованы нефритом и украшены золотом. Мебель покрывали шкуры тигров, медведей и леопардов. На «ладьях-драконах» помещались жены и наложницы, музыканты и шуты. Пятьсот ладей

второго ранга везли прислугу и провиант. Замыкали движение эскадры тысячи ладей третьего ранга. На них плыли министры, военачальники, монахи, послы, ученые, евнухи. Ян-ди имел четкие понятия о ценности подданных [11]. Итак, такой обширный и сложный проект, как строительство канала, Ян-ди требовал выполнить за чрезвычайно короткое время. Огромный объем земельных работ был выполнен при этом в поразительно короткие сроки. Работы начались с марта и длились до августа 605 г. Это было чудо человеческого творения. Конечно, это чудо творения ценой жизни нескольких сотен человек. Несмотря на то, что некоторые предприятия Ян-ди (строительство каналов и дорог, реконструкция и укрепление в 607–608 гг. Великой стены) были нужными и полезными начинаниями, сам подход к их осуществлению был глубоко порочным. На стройки, без учета времени сельскохозяйственных работ и установленные законом сроки отбытия трудовой повинности, сгонялись миллионы крестьян. Многие из них гибли от тяжелого труда, голода и ужасных условий жизни. Непосильные налоги разоряли население. В довершение к этим бедам Ян-ди начал в 611 г. войну против северокорейского царства Когурё.

Одной из характерных особенностей Лояна было прагматичное местоположение своих складов в непосредственной близости от основных водных каналов, что свидетельствует об остром осознании Ян-ди жизненно важной роли водного транспорта в экономике города. В самом деле, при Ян-ди Лоян превратился в центр беспрецедентной общенациональной системы транспортировки воды, которая стала известна как Великий канал.

Перед тем как Ян-ди пришел к власти, его отец построил первый стратегический водный путь в 584 г. при династии Суй — канал Гуантун 廣通梁 длиной более триста ли (191 км), связывая Дасинчэн с областью Гуантун на востоке, где река Вэй втекала в Хуанхэ. Практическая необходимость в этом канале возникла из-за образовавшегося ила в реке Вэй. Этот канал служил в качестве альтернативного маршрута для транспортировки стратегических товаров и сопровождения резервного зерна, созданного на северокитайской равнине и в провинции Гуаньчжоу. Созданный Ян-ди Великий канал был гораздо более стратегического назначения. Он состоял из двух систем: 1. Южная система, которая двигалась из восточного Лояна до юго-восточного течения реки Хуай 淮, далее достигала Цзянду и Юхан (Ханчжоу) в нижней части долины Янцзы; 2. Северная система, которая простиралась от северо-востока Лояна к местности Чжуо (Пекин) [6, с. 29].

Канал Тунци 通濟梁 (605–611 гг.)

В качестве первого стратегического водного пути южной системы, построенной при Ян-ди, Тунци связал Лоян с рекой Хуай. Джозеф Недхам дает наиболее полное количество каналов на английском языке в своей работе «Гражданское строительство и морское дело», написанное в сотрудничестве с Ван Лин и Лу Вэйцзян (1971 г.) [10, с. 306–308].

Канал состоял из двух секций: восточной и западной. Восточная секция известна как река Бянь 汴水 или канал Бянь 汴梁 в Танское время. Длина восточной части может быть оценена ссылкой танского поэта Бай Цюи 白居易 к расстоянию между Хуанхэ и Хуайхэ — 1 300 ли, или 728 км [7, 427. 4708].

Западная часть Тунци возникла при слиянии рек Луо 洛 и Гу 穀. Оттуда она проходила на восток в Хуайи 懷義, район в юго-западном углу города. Он продолжал свой курс на восточные и северные районы, далее попадал в реку Луо, что в районе Янцин 延慶 в северо-восточном углу Лояна. Курсируя в восточные районы, река Луо попадала в Хуанхэ на востоке. Далее на востоке, ответвляясь от Хуанхэ с города Баньчжу 板渚, начинает свое движение на юго-восток, проходит Сюньи 浚義 (Кайфэн) и Юнцю 雍丘 (Район Ци) и Сунчэн 宋城/Лян (южнее Шанцю). Ученые разделяют маршрут канала между Сунчэном и Хуай. Одни думают, что в Сунчэне канал пошел на юг и соединился с рекой Хуай в месте района Сы 泗 (к северу от Сюи 盱眙). Этот аргумент основывается прежде всего на докладе танского писателя Ли Ао 李翱, который путешествовал по каналу Тунци в 808 г. и записал свои остановки в районе Сы, прежде чем он доехал до реки Хуай [4, 3000a].

Есть версия, согласно которой после Сунчэна канал продолжался на восток и присоединился на северо-востоке реки Сы к Пэнчэну 彭城 (район Сючжоу). Река Сы в дальнейшем соединялась с рекой Хуай на юге (карта 2). Об этом свидетельствуют записи танского ученого Ли Цифу 李吉甫 и сунского историка Сым Гуана и его коллег [5, 5. 137].

Синолог Пань Юн утверждает, что согласно официальным данным проект длился в общей сложности сто семьдесят один день, трудно было завершить его за такой короткий период, если бы Ян-ди не использовал существующие водные каналы [6, с. 30–31]. Так, река Сы основывалась на древней траншее Хун 鴻溝. Построенная еще в доцинское время, траншея Хун впервые была создана путем отклонения реки Хуанхэ к северу от Синяня 滎陽. Со временем она превратилась в многоканальную систему и через свои многочисленные притоки связалась с Хуанхэ и Хуайхэ. Маршрут реки Сы следовал по одному из притоков траншеи Хун, которая шла к юго-востоку от Сюньи через Сунчэньи в конце концов соединялась с рекой Сы в Пэнчэне. Известная как Река Бянь 汴水 из периода Шести династий, ее также называли Старая Река Бянь в позднее время [10, с. 269–270, 306–308].

Укороченный маршрут через реку Сы, а также маршрут через город Сюи шли параллельно к юго-западу, трудно было определить, какой из них действительно канал Тунцзи, — приходит к выводу Пань Юн после исследования Суйско-танских каналов в 1984 г. [6, с. 34]. Возможно, Ян-ди применил удлиненный маршрут, потому что он расположил крупные дворцовые комплексы (Дулян) вблизи Сюи и на его южном конце.

Проект начался по приказу Ян-ди в третьем месяце 605 года, но возникают споры по дате окончания. Многие ученые считают восьмой месяц того же года, когда Ян-ди в качестве императора отправился в свое первое южное путешествие по воде, как дату окончания строительства канала [9, с. 177]. Тем не менее на обратном пути, в четвертом месяце 606 года, транспорт Ян-ди изменился, с корабля он пересел на карету в Ицюэ 伊阙, местность к югу от Лояна, далекая от канала [8, 606. 5624]. Этот факт ясно показывает, что в то время канал Тунцзи пока не работал.

Во время своего второго южного путешествия, который начался в третьем месяце 610 года, Ян-ди был замечен в Дунпине (к востоку от Юньчэн, пров. Шаньдун, Ян-ди утвердил начальника Дунпина во время этого путешествия) [1, 65. 1538], места более отдаленного, чем Ицюэ. Эта запись наводит на мысль, что к началу 610 г., канал Тунцзи также еще не был готов к использованию. Только на обратном пути своего второго путешествия во втором месяце 611 г. Ян-ди поплыл по каналу в первый раз [2, с. 533–534].

После того как канал Тунцзи открылся, Ян-ди сразу сел на свой корабль в Лояне, посадив туда наложниц, принцев, чиновников, конвой, и устремился на юг в Цзянду, в свое знаменитое путешествие на Юг. Таким образом, Суйский канал Тунцзи также считался Императорским каналом.

Канал Хань 汗溝 (605 г.)

От реки Хуай в городе Шаньян 山陽 (ныне Хуайань) великий канал пошел в южном направлении. Согласно Цзычжи Тунцзянь (資治通鑑 Помогающее в управлении всепронизывающее зеркало), Ян-ди, начав строительство этого канала (карта 3) в 605 г., завершил его за этот год при помощи более чем ста тысяч рабочих [8, 180. 5618]. Уже существовало два водных маршрута из Хуай к реке Янцзы. Один из них был канал Хань периода Весны и Осени, протекавший к юго-востоку от Хуай в озеро Шэян 射陽, далее проходил через озеро Боджи 博芝, а затем примыкал к озеру Фаньян 樊良, что на юго-западе. Канал продолжал свой курс на юг от озера Фаньян и в итоге соединялся с Янцзы. Условно называется как канал озера Шэян. Второй маршрут был канал Восточный Хань, или «прямой маршрут». Происходил из реки Хуай в Шаньяне, затем проходил на юг к озеру Фаньян, где он в итоге соединялся с каналом озера Шэян. В Суйские времена как Вэнь-ди, так и Ян-ди построили каналы между реками Хуай и Янцзы, используя существующие водные пути. Канал Вэнь-ди назывался траншеей Шаньян 山陽溝, канал Ян-ди назывался траншеей Хань 汗溝. Имеется множество споров относительно точной идентификации Суйских каналов. Согласно одной из точек зрения, Ян-ди лишь отстроил заново канал своего отца, который был создан, в свою очередь, на основе уже существующего канала периода Весны и Осени. Другая точка зрения идентифицирует прямой путь (канал Восточная Хань) в реку Янцзы. И канал через озеро Шэян и прямой канал начали функционировать в Суйское время [6, с. 38–39]. Благодаря каналу Хань Цзянду стал одной из систем Великого канала. После смерти Ян-ди был похоронен в районе Ханьцзян 邗江区 (район в городском округе Янчжоу) [6, с. 40–41].

Канал Цзянань 江南河 (610 г.)

В качестве последнего крупного расширения на юг Ян-ди задумывает строительство следующего канала. Канал Цзянань начался с юга Янцзы в Цзинкоу 京口 (ныне Чжэньцзян 鎮江). Он продвигался на Юг минуя Цюэ 曲阿 (ныне Даньян 丹阳) и Цзиньлин 晋陵 (ныне Чанчжоу 常州), обходя озеро Тай через Уси и У 吳 (близ Сучжоу) и заканчивался в местности Юйхан 餘杭 (Ханчжоу). Цзянань прорывали более 800 ли (407 км) в длину и более 10 чжан (23,55 м) в ширину, начав в 610 г. (в Цзичжи-Тунцзянь 資治通鑑 внесена запись 12 месяца 610 г.) [8, 181. 5652]. Ян-ди мог использовать новый канал, чтобы посещать и контролировать область Юйхан, но территориальные амбиции поманили его пойти по Великому каналу в обратном направлении. Во втором месяце 611 г. он был в пути на север для подготовки к войне против Когуре [8, 181. 5653].

Канал Юнцзи 永濟梁 (608 г.)

Для включения района Хэбэй в эту новую транспортную систему в первый месяц 608 г. Ян-ди начал строить самый длинный участок Большого канала Юнцзи, с общей протяженностью более 2000 ли (1,018 км) [8, 181. 5636]. Для завершения проекта инженеры Ян-ди снова использовали существующие водные каналы и улучшили их. Две реки имели решающее значение для начальной стадии проекта: река Цинь 沁水, начинающаяся с области Шаньси, и река Цин 清水 (река Вэй), курсирующая от центра северо-востока Хэнани. Первым шагом было прорыть канаву с рекой Цин от нынешнего-Учжи к Хуанхэ. Вторым шагом было установить взаимосвязь между Цин и Учжи с Цинь на востоке. Канал распространил свое влияние далеко на севере до Пекина. Для Ян-ди стратегическое значение Юнцзи заключается в его потенциале вторжения Ян-ди в Когурё. Возможно, Ян-ди намеревался использовать его как маршрут снабжения военного арсенала и другого оборудования (про канал Юнцзи см. Цзичжи-Тунцзянь 資治通鑑) [8, 181. 5636].

Таким образом, если сложить все длины каналов Тунцзи (1 430 ли), Юнцзи (2 000 ли), Цзянань (800 ли) и Хань (примерно 400 ли) мы получим 4 630 ли или 2 357 км как общая протяженность Великого канала Ян-ди (запись о расстоянии от Чжуо (Пекин) до Цзянду в 3000 ли см. Цзичжи-Тунцзянь 資治通鑑) [8, 181. 5653]. С точки зрения только величины это было, несомненно, величайшей навигационной системой, когда-либо предпринятой одним правителем в средневековой эпохе. Канал Тунцзи и Хань являлись транспортной артерией между севером Китая и реками Хуай и Янцзы, или между севером и югом Китая в общем. Так, это событие представляет собой глубокое проникновение на юг в Цзянань. Канал Юнцзи на севере привел к государству Когурё, таким образом, территория для военных завоеваний находилась в пределах легкой досягаемости. Очевидно, что четыре канала, которые составляли Великий канал, были результатом стратегического планирования. В конечном счете эта национальная транспортная система привела к более тесной экономической интеграции севера и юга и внесла значительный вклад в историческую трансформацию, через которую экономический центр Китая переместился с выращивания пшеницы на севере Китая к пышному региону выращивания риса в низовьях реки Янцзы.

При оценке исторического значения основных строительных проектов нельзя игнорировать факт чрезмерных трудовых и финансовых расходов, которое понесло государство. Тем не менее нельзя отрицать, что одной из его наиболее устойчивых проектов — Великий канал — существенно облегчил экономический рост в послесуйское время для будущего поколения. Писатель поздней династии Тан Пи Жисю 皮日休 выразил противоречивые чувства к этим дорогим проектам:

Таким образом, прорывая реки Ци 淇 и Бянь 汴, рассекая горы Тайхан (на пятый месяц 607 г. Ян-ди мобилизовал взрослых мужчин из более чем десяти командных составов, чтобы проложить путь через гору Тайханшань для дороги к округу Бин) [1, 3. 68], Ян-ди нанес невыносимые страдания на людей, находящихся при Суй. Тем не менее [все эти проекты] предоставили бесконечную выгоду для населения Тан. В настоящее время в дополнение к девяти рекам реки Ци и Бянь обеспечивают доступ к рыбной торговле на территории государства Чжуо [Пекин], что на Севере, и осуществляют поставки из Цзянду. Преимущества огромны в самом деле! Эти ранние достижения являются монументальными. Тем не менее это не потребовало ни одного [танского] работника, чтобы перевозить плетеные корзины [грунта], ни одного [танского] солдата, чтобы проштробить опасные места. Разве не правда, что Небеса благопритстествовали нам с помощью деспотической Суй [3, 797. 8363b].

Канал Тунци при династии Суй миновал династию Тан, Пять династий, династии Сун, Ляо, Западная Ся, Цзинь, Юань, в общем восемь династий, а также поддерживало сообщение морским путем 720 лет. В период династии Южная Сун (1127–1279) вслед за смещением политического центра на Юг перевозка податного хлеба водным путем Тунцилиан постепенно ослабевала, к тому же с каждым годом уменьшалось ведение дно углубительных или землечерпальных работ, русло канала постепенно засорялось илом, что привело к засыханию канала. Во времена правления династий Юань, Минь, Цин императорский двор отремонтировал Великий канал и в дальнейшем русло пришло в порядок. В наши дни Великий канал с Пекина напрямую продвигается к Ханчжоу и Сучжоу, современный Пекинско-Ханчжоуский Великий канал по сравнению с обходным путем Лоянского Великого канала Суй-Тан сократился на более чем 900 километров.

Таким образом, при династии Суй Великий канал привел к значительной переориентации культурных, экономических и политических сфер Востока и Юга страны. Великий канал превратился в стратегический путь Севера и Юга, необходимое для существования центрального двора.

Литература

1. 魏徵 Вэй Чжэн (дин. Тан). 隋书 Книга Суй. — Пекин: Изд-во Чжунхуа, 1973. 65.1538.
2. 翁俊雄 Вэй Цзюньсюн. 隋代均田制研究 Исследование системы равных полей при династии Суй. 1995, 533-34.
3. 董浩 Дон Гао. 全唐文 Литература времен династии Тан. — Пекин: Изд-во Чжунхуа, 1983, 797.8363b.
4. 李翱 Ли Ао (дин. Тан). 来南錄 Записки о пришествии на Юг. 3000a.
5. 李吉甫 Ли Цифу (дин. Тан). 元和郡县图志 Карта области Юаньхэ. — Пекин: Изд-во Чжунхуа, 1983, 5.137.
6. 潘鏞 Пань Юн. 隋唐时期的运河和漕运 Великий канал и перевозка податного хлеба водным путем при Суй-Тан. — Сиань: Изд-во Саньцин, 1987.
7. 彭定求 Пэн Динцю. 全唐诗 Поэзия времен династии Тан. — Пекин: Изд-во Чжунхуа, 1960. 427.4708.
8. 司马光 Сыма Гуан. 资治通鑑 Помогающее в управлении всепронизывающее зеркало. — Пекин: Изд-во Чжунхуа, 1956.
9. 韩隆福 Хань Лунфу. 隋炀帝评传 Критическая биография Суйского Ян-ди. — Ухань: Изд-во Уханьского университета, 1992. — С. 177.

Источники на английском языке

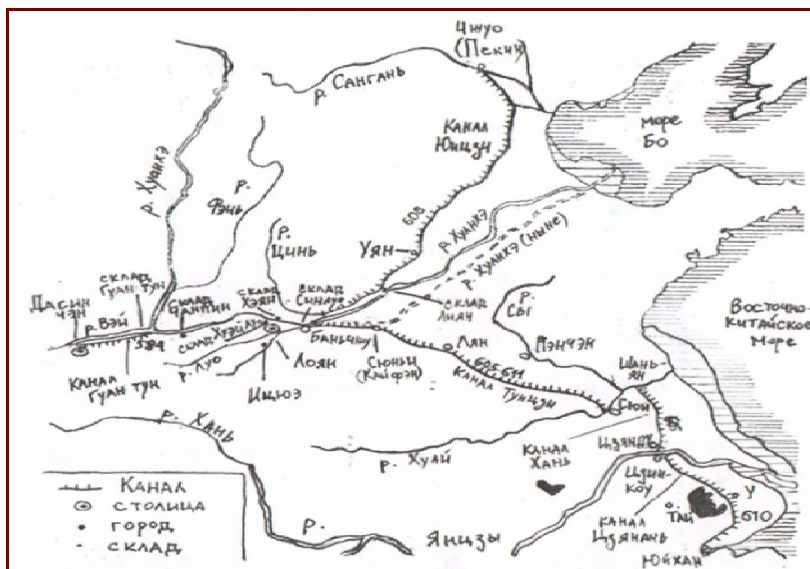
10. Needham, Joseph, with Wang Ling and Lu Gwei-djen. *Science and Civilisation in China*. Vol. 4: Physics and Physical Technology, Part 3: Civil Engineering and Nautics. — Cambridge: Cambridge University, 1971.

Электронные ресурсы

11. Резников К. Ю. Запросы плоти. Еда и секс в жизни людей [Электронный ресурс] // Императорские забавы. — URL: http://samlib.ru/r/reznikow_k_j/zaprosiglava8.shtml (дата обращения: 18.03.2015).

References

1. Wei Zheng (din. Tang). *隋书* [Book of Sui]. Beijing: Zhonghua, 1973. (Chinese)
2. Wei Tszunyun. *隋代均田制研究* [Study of the Equal fields system during the reign of Sui Dynasty]. 1995. Pp. 533–534. (Chinese)
3. Don Gao. *全唐文* [Literature of Tang Dynasty]. Beijing: Zhonghua, 1983. 797.8363b. (Chinese)
4. Li Ao (din. Tang). *来南錄* [Notes on advent to the South]. 3000a. (Chinese)
5. Lee Tszifu (din. Tang). *元和郡县图志* [Map of Yuanhe]. Beijing: Zhonghua, 1983. 5.137. (Chinese)
6. Pan Yong. *隋唐时期的运河和漕运* [Grand Canal and transportation of bread tribute by water during the Sui-Tang]. Xi'an: Santsin, 1987. (Chinese)
7. Peng Dintsyu. *全唐诗* [Poetry of Tang Dynasty]. Beijing: Zhonghua, 1960. 427.4708. (Chinese)
8. Sima Guang. *资治通鑑* [Pervasive mirror helping in managing]. Beijing: Zhonghua, 1956. (Chinese)
9. Han Lunfu. *隋炀帝评传* [Critical biography of Sui Yang di]. Wuhan: Wuhan Univ. publ., 1992. P. 177. (Chinese)
10. Needham J. with Wang Ling and Lu Gwei-djen. *Science and Civilisation in China*. V. 4: Physics and Physical Technology. Part 3: Civil Engineering and Nautics. Cambridge: Cambridge University, 1971.
11. Reznikov K. Yu. *Zaprosy ploti. Eda i seks v zhizni lyudei* [Requests of flesh. Food and sex in people's lives]. *Imperatorskie zabavy – Imperial fun*. Available at: http://samlib.ru/r/reznikow_k_j/zaprosiglava8.shtml (accessed March 18, 2015).

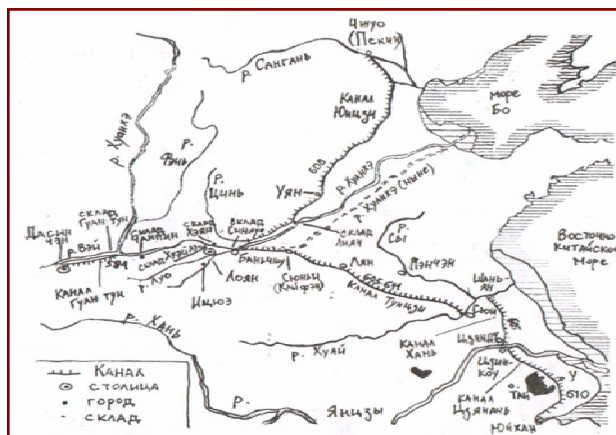

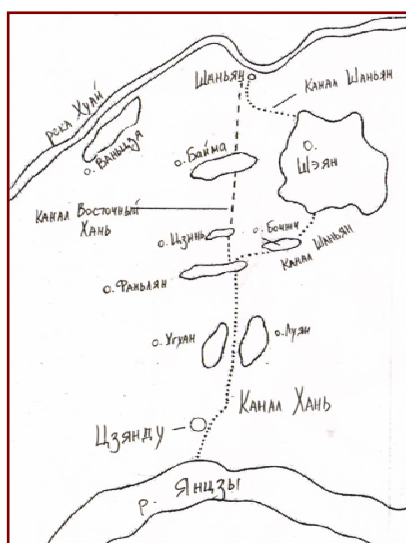
Карта 1. Великий канал

Склад Чанпин 昌平倉
 Склад Гуантун 廣通倉
 Склад Хэян 河陽倉
 Склад Хуэйлуо 回/迴洛倉
 Склад Лиян 黎陽倉
 Склад Синлуо 興洛倉
 Канал Тунцзи 通濟梁
 Канал Цзянань 江南河
 Канал Гуантун 廣通梁
 Канал Хань 邗溝
 Река Цинь 沁水
 Река Сангань 桑乾水
 Река Луо 洛水
 Река Сы 泗水
 Река Вэй 渭水
 Река Фэнь 汾水
 Река Хуай 淮水
 Река Янцзы 長江

Река Хуанхэ 黃河
 Река Хань 漢水
 Баньчжу 板渚
 Дасинчэн 大興城
 Юйхан 餘杭
 Цзянду 江都
 Цзинькоу 京口
 Озеро Тай 太湖
 Лян 梁
 Лоян 洛陽
 Пэнчэн 彭城
 Шаньян 山陽
 Уян 武陽
 Сюньи 浚儀
 Сюи 盱眙
 Ицзоэ 伊闕
 Канал Юнцзи 永濟梁

Карта 2. Канал Тунцзи при династии Суй (маршрут через реку Сы)

Карта 3. Канал Хань

УДК 94 (510+470)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-172-182

Гуманитарные и экологические риски использования труда мигрантов в сельском хозяйстве России (на примере сотрудничества с КНР)

© **Муратшина Ксения Геннадьевна**

кандидат исторических наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Россия, 620026, Екатеринбург, а/я 314

E-mail: ksenia-kgm@mail.ru

Статья посвящена проблеме привлечения к сельхозработам в РФ мигрантов из КНР. Анализируются основные черты и последствия китайской сельхозмиграции. Стремясь получить максимальную прибыль, российские и китайские предприниматели используют экологически опасные средства и культивируют незаконные методы и формы эксплуатации рабочих. Это подрывает национальную продовольственную безопасность. Также конкуренция со стороны китайских рабочих приводит к разорению отечественных фермеров и создает социальную напряженность, ухудшает климат российско-китайских отношений. Данные проблемы необходимо решать путем усовершенствования правовой среды, более активного участия органов государственной власти в обеспечении контроля за качеством сельхозпродукции и рынком рабочей силы. Исследование основано на обработке широкого круга источников.

Ключевые слова: РФ, КНР, сельское хозяйство, миграция, экологические проблемы, социальная напряженность.

Human and Environmental Risks of the Use of Migrant Labour in Russia' Agriculture (on example of cooperation with the PRC)

Ksenia G. Muratshina

PhD, Assistant Lecturer, Ural Federal University named after B. N. Yeltsin
postbox 314, Ekaterinburg 620026, Russia

The article deals with the problem of Chinese migrant labour in farming industry in Russia. Key features and consequences of Chinese labour migration are analysed. In an effort to maximize their profits, Russian and Chinese entrepreneurs use environmentally hazardous facilities and cultivate illegal methods and forms of exploitation of workers. This undermines national food security. Competition from Chinese workers leads to the ruin of local farmers and creates social tensions, worsen the climate of Russian-Chinese relations. These issues need to be solved by improving the legal environment, more active involvement of public authorities in monitoring the quality of agricultural products and labor markets. The research is based on the analysis of a significant amount of information sources.

Keywords: Russian Federation, People's Republic of China, farming industry, migration, ecological damage, social tensions.

Роль сельского хозяйства в развитии Россией своей экономики и в сотрудничестве с зарубежными странами постоянно растет. Обеспечение продовольственной безопасности при дефиците ресурсов, росте экологических проблем и нестабильности международной обстановки становится одним из главных аспектов национальной безопасности. Любые проекты сотрудничества в этой сфере требуют тщательного изучения и оценки эффективности. Вопрос миграции в данном аспекте — один из центральных и самых болезненных. В сотрудничестве России и ее регионов с Китаем в области сельского хозяйства в последние годы именно он вышел на первый план.

Сельскохозяйственная трудовая миграция типична для стран с большой внутренней демографической и промышленной нагрузкой на экономику и окружающую среду, как в случае с КНР. Основные выгоды — стабильная, с хорошей выручкой занятость части своего населения за пределами страны и возможность получить новые экономические рычаги в отношениях с принимающей страной. У самих мигрантов цель — как можно больше заработать. Точных оценок дохода КНР от трудовой миграции в Россию нет, но, например, в 2011 г. китайские физические лица перечислили из РФ в КНР 122,7 млрд р. [13].

Казалось бы, немалую выгоду должна иметь от дешевой рабочей силы и принимающая страна. Мы часто слышим, что китайские тепличники помогают решить проблему круглогодичного обеспечения россиян овощами по доступной цене. Но на практике нам не удалось найти документов с экономическим расчетом, во что в целом государству и населению обходятся круглогодичные дешевые овощи, выращиваемые мигрантами.

Чаще всего китайских работников легально и нелегально используют российские предприниматели. До 2015 г. они получали или перекупали квоты на мигрантов; с переходом на систему патентов механизм меняется, но смысл остается прежним. Предприниматели арендуют землю у крупных хозяйств или являются собственниками. Для большинства главное — не столько обеспечить овощами население, сколько заработать. Иногда землю берет в аренду китайская инвестиционная компания, реже — отдельные граждане КНР, прошедшие все российские административные инстанции и получившие разрешение на работу. Главная цель для них — получить как можно большую прибыль.

Подобная практика, действующая по всей стране от Приморья, Сибири, Урала до западных областей, Подмосковья (даже там примерно треть овощей в закрытом грунте выращивается мигрантами из КНР [49]), позволяет арендатору указывать производителем своей продукции не себя и не китайских сельхозрабочих, а собственника земли или оптовую овощебазу, куда свозится продукция и откуда ее забирают по договорам магазины. То есть покупатель не информируется о производителе. Прибыль получают и арендодатели, и предприниматели, у которых выручка несоизмерима с затратами, так как китайские граждане работают за относительно низкую зарплату и живут в теплицах или рядом в условиях, не пригодных для нормального существования. Китайцы за сезон, как показывает, например, опыт Новосибирской области, зарабатывают столько, что небольшая семья в китайской провинции может безбедно прожить год [53].

Такая практика неприемлема для российских фермеров. Редкий из них, живущих, как правило, тут же, на своей земле, по соседству с семьями родственников, знакомых, мечтающий расширить дело и оставить детям, будет обращаться с ней как заезжие тепличники: применять опасные для здоровья людей химикаты, ускоряющие рост и созревание овощей, улучшающие их внешний вид; истощать почву до состояния дальнейшей ее непригодности. Именно эти факторы обеспечивают китайцам высокие урожаи.

Приведем примеры. Первыми, кто столкнулся с рискованной деятельностью китайских овощеводов, были приграничные регионы. В Приморском крае в Уссурийском городском округе в 2012 г. Россельхознадзор выявил применение китайскими тепличниками запрещенных пестицидов на площади 15 га [34]. В Партизанском районе в районе сел Новицкое и Сергеевка в 2011 г. проверка выявила в образцах почвы в одном случае более чем двукратное превышение ПДК таких химикатов, как пендиметалин и прометрин, в другом восьмикратное — ипродина, в третьем девятикратное превышение нормы содержания пендиметалина [32]. Выявление нарушений не привело к прекращению бизнеса. Предприниматели выплатили штрафы, китайцев обязали очистить почву, нелегалов депортировали, но на следующий год все повторилось.

В Иркутской области помимо превышения ПДК опасных химикатов имели место случаи покраски незрелых помидоров неизвестным китайским пищевым красителем [23, 38]. В Хакасии в 2013 г. органы власти по многочисленным жалобам жителей поселков Ташеба и Сахарный проверили китайские теплицы. Было выявлено отравление почвы, превышение ПДК мышьяка, нитратного азота и фтора. Нитратный азот вызывает рак желудка, отрицательно влияет на нервную и сердечно-сосудистую системы, отравление фтором ведет к раку костей, заболеваниям почек и эндокринной системы, тяжелым поражениям головного мозга. Накопление мышьяка в организме ведет к раку кожи, печени, легких, оказывает разрушительное действие на сосуды и ЦНС [47].

На Урале китайские тепличники хозяйствуют легально и нелегально. В 2009 г. в Алапаевском районе Свердловской области китайцы без разрешения выращивали овощи на 100 га с применением химикатов для ускорения созревания [50]. В 35-тонной партии капусты, выращенной в Алапаевском районе, были обнаружены способные причинить смертельный вред здоровью гексахлорциклогексан и дельтаметрин. Прокуратура возбудила административное дело, но владелец теплиц жил в Китае [21]. По данным областного Минсельхоза, в 2011 г. китайцами было выращено в теплицах 12 тыс. т овощей, но эти цифры в 5–10 раз меньше реальных. В отчетах указывается, что в теплицах вырастает от 1,5 до 8 кг овощей с «квадрата». На практике объем достигает 15 кг за счет применения неизвестных химикатов из КНР. Те же нарушения выявили в Режевском районе в 2012 г. [29]. В 2014 г. Россельхознадзор зафиксировал высокий уровень химикатов хлороталонила, пиридабена и квинтозена на нескольких тысячах га сельхозземель, обрабатываемых гражданами КНР, в Сысертском и Режевском округах. Специалисты не раз указывали на опасность для здоровья и жизни токсического эффекта накопления опасных химикатов в овощах [42]. Министр сельского хозяйства Свердловской области М. Копытов признался: власть с китайскими тепличниками бороться «не в состоянии» [62].

В 2012 г. пресс-служба Россельхознадзора сообщила, что «китайские овощеводы привозят посе-

ной материал овощных культур без каких-либо опознавательных знаков, семена могут быть модифицированными или зараженными вредными организмами. Высеянные семена не относятся к сортам, используемым на территории РФ и внесенным в Государственный реестр селекционных достижений» [7], а значит, не проходят никаких проверок.

Повсеместным стало загрязнение земель отходами сельхозпроизводства китайских тепличников. В Приморском крае в 2011 г. на «китайских» угодьях обнаружили перемешанную с почвой полиэтиленовую пленку, автомобильные покрышки, отходы сельхозпроизводства и бытового потребления [24]. Эти же нарушения выявлены в 2012 [28] и 2013 гг. [31]. Разложение полиэтилена идет более 100 лет с выделением канцерогенных соединений, а земля становится непригодна ни для какой деятельности. С грунтовыми водами ядохимикаты могут распространяться на огромные расстояния, а при сжигании попадают в воздух.

В Красноярском крае после многочисленных выявленных нарушений [14, 17, 35] въезд и ввоз китайских рабочих для привлечения их к работе в овощеводстве был в 2012 г. запрещен. Из 12 тыс. га обследованных краевым Россельхознадзором угодий, использовавшихся китайскими овощеводами, за 2011 г. почти половина признаны загрязненными, а более 1 тыс. га имеют степень чрезвычайного загрязнения и непригодны для использования [4]. Однако в 2013 г. повторные проверки силами Россельхознадзора и УФМС показали, что китайцы вновь работают на арендованных участках, попав на территорию края либо нелегально, либо по квотам на строителей, жестянщиков или стекольщиков [45].

Очень сложная обстановка сложилась в Челябинской области, куда с 2005 г. только по официальным заявкам приезжают как минимум по 500 китайских сельхозмигрантов в год и работают тысячи нелегалов, въехавших по квотам на строительных рабочих. Тысячи гектаров заняты китайскими теплицами и посадками в открытом грунте в Еткульском, Аргаяшском, Красноармейском и других районах. Проблемы те же — масштабное и неконтролируемое использование ядохимикатов, несанкционированные свалки, уничтожение плодородного слоя почвы и т. д. [22], нарушения санитарно-эпидемиологических норм, миграционного законодательства, правил эксплуатации жилых помещений [3].

Практически во всех регионах хозяйствования китайских граждан создается социальная напряженность, страдает экологическая обстановка. В Забайкальском крае в селе Шишкино жители заметили, что у воды появился необычный привкус, а коровы и овцы начали болеть. Причиной оказалась оросительная система китайских теплиц, из-за установки которой химикаты, использовавшиеся ими, попадали в каналы и реку [65]. В Свердловской области жители села Башкарка вынуждены были обратиться в прокуратуру из-за захламления китайцами берегов местной реки и вырубки «516 сосен и 8 берез» [39]. В Челябинской области в 2010 г. китайцами было практически уничтожено озеро Кривое в районе деревни Потапово, в нем сильно загрязнена вода [22]. В 2012 г. жители еще двух сел обратились с жалобами в надзорные органы, так как от воды из деревенских прудов стали умирать гуси. Как выяснилось, китайцы в этих водоемах «разводили удобрения» [63].

Китайская сельскохозяйственная миграция влияет и на уровень криминогенной обстановки. Так, в 2008 г. в Свердловской области в поселке Белоярский три тепличника из КНР избили палками милиционеров, попытавшихся проверить у них документы [43]. В Челябинской области имели место конфликты между китайцами и местными жителями, а теплицы поджигались [8]. В 2009 г. были случайно обнаружены посадки китайскими фермерами конопли [36]. В Свердловской и Челябинской областях были зафиксированы случаи распространения среди китайских сельхозрабочих туберкулеза (в том числе открытой формы) и венерических заболеваний [22, 37].

Схожие проблемы, схемы и последствия хозяйствования китайцев — в Дагестане [12], Краснодарском крае [33], Волгоградской [5], Московской [49], Тюменской [56], Пензенской [25] областях. Резюмируем: продукция китайских хозяйств опасна для здоровья россиян, а способы обработки земли несут вред природным экосистемам. С точки зрения экономики очевиден прямой ущерб российским аграриям: демпинг цен за счет сравнительно низкой оплаты труда и использования завезенных контрабандой из КНР удобрений. Закупочные же цены оптовиков для всех одинаковы [26]. Многие китайские хозяйства к тому же работают в теневом секторе и не платят, в отличие от российских, налоги.

Российско-китайские двусторонние документы с конца 2000-х гг. все чаще включают сельское хозяйство в перечень приоритетных направлений сотрудничества. Такой пункт содержится в Совместном заявлении по итогам встречи на высшем уровне в Москве 2009 г. [60], в Совместном заявлении о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия 2012 г. [58]. Совместное заявление РФ и КНР о новом этапе отно-

шений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия 2014 г. говорит о намерении «расширять сотрудничество в области сельского хозяйства, улучшая условия для торговли сельхозпродукцией и инвестиций в области агропромышленного комплекса, поддерживая взаимодействие сельскохозяйственных предприятий двух стран» [59].

Путь к реализации намеченного начинается в министерствах и региональных администрациях — от их позиции и зависят конечные результаты. Минсельхоз Челябинской области еще в 2009 г. выразил поддержку руководителям сельхозпредприятий, использующим китайскую рабочую силу [10]. Министр сельского хозяйства Забайкальского края Л. Гарголло в 2009 г. выразила готовность оказать «содействие» предпринимателям, собирающимся строить плодо- и овощеперерабатывающие цеха при завозе всего сырья из КНР (!) [11]. Губернатор Пензенской области В. Бочкарев заявил представителям КНР: «Мы готовы предложить значительные площади для производства продуктов питания». Обсуждалась возможность создания совместных предприятий по производству мяса и выращиванию овощей и фруктов в закрытом и открытом грунтах [48]. Заметим, что о качестве и требованиях Санэпиднадзора речи не шло.

Министр сельского хозяйства РФ Н. Федоров в 2013 г. в интервью китайским журналистам заявил, что России «интересен богатый опыт Китая по выращиванию овощей, картофеля, фруктов и ягод», процитировав китайскую поговорку, в контексте практики звучащую весьма двусмысленно: «Дружная семья и землю превратит в золото» [15]. Возникают вопросы: а нужен ли такой опыт России с ее тысячелетними традициями хозяйствования, где огород и сад — часть повседневной, бытовой культуры? Неужели до федерального уровня не доходят реальные факты хозяйствования китайских граждан на российских землях, вызывающие возмущение в обществе?

В то же время мы можем назвать регионы, в которых власти наводят в этой сфере порядок. В Хакасии в 2013 г. глава республики В. Зимин создал рабочую группу по борьбе с незаконным китайским овощеводческим бизнесом, был проведен масштабный снос китайских теплиц [2], а в 2014 г. при полной поддержке местных жителей были уничтожены все китайские теплицы в Усть-Абаканском районе [9]. В Краснодарском крае глава администрации Северского района А. Джарим лично участвует в проверке деятельности китайских тепличников. «Мы за то, чтобы сохранить плодородие кубанских земель и за безопасную продукцию», — считает он [33].

Представляется, что причины инертного отношения властей к проблеме, во-первых, заключаются в том, что формально все идет «в рамках правил»: предприниматели получают разрешения и формально ничего не нарушают, а когда внеплановая проверка выявляет применение опасных для здоровья людей веществ и их наличие в продукции, выплачиваются штрафы, «меняется» китайская бригада. При отсутствии непосредственных жалоб осуществлять плановые проверки хозяйства по закону [64] можно не чаще, чем раз в три года. Во-вторых, высокие урожаи китайских мигрантов или поставки их продукции из соседних областей позволяют местным органам власти рапортовать о стабильном уровне обеспеченности продуктами питания [18] при несравнимо меньших затратах, чем если бы пришлось строить хорошо оборудованные хозяйства, трудоустраивать местных жителей, платить им конкурентоспособную зарплату, внедрять современные агротехнологии, восстанавливать и строить заново овощехранилища и т. д.

Сейчас положение в сельском хозяйстве многих областей иначе как гибельным не назовешь. В 2009 г. был обнародован доклад дальневосточного НИИ экономики, организации и планирования АПК Россельхозакадемии: только с 2007 по 2009 г. занятость населения в сельском и лесном хозяйстве Хабаровского края сократилась на 42,1 %, на 100 сельских жителей приходится 45 с доходами ниже уровня бедности. Предприятия, обеспечивавшие людей работой на своей земле, исчезли. «Корень зла, — говорит директор чудом уцелевшей «Зари», — в диспаритете цен на наш продукт и на составляющие себестоимости — горючее, энергию, запчасти, технику, стройматериалы. Цены реализации несопоставимы... Краю нужна программа, которая помогла бы создать благоприятные условия для людей, желающих жить в селах и работать. Может, пойти на то, чтобы, как раньше, с долей государственных средств строить социальное жилье — давать его в рассрочку на десять лет, человек отработал — отдавать в частную собственность. Хорошо бы это закрепить в федеральных программах. Параллельно нужно развивать сектор личных подсобных хозяйств, чтобы люди начали работать на земле, зарабатывать, воспитывать детей, обучать их. Необходимо, чтобы в селе работник имел зарплату не ниже 30 тыс. руб.» [1]. Схожая картина и в Забайкальском крае, где, по данным местной Общественной палаты, доля населения, живущего за чертой бедности, составляет 18,8 % [57]. Отметим, что порой российским фермерам открыто отказывают в аренде полей, заявляя, что работа китай-

ских хозяйств предпочтительна, поскольку они больше платят за аренду [30]. Стоит ли говорить о том, что российские хозяйства не смогут без господдержки конкурировать с китайским овощеводством?

Правительство КНР целенаправленно поддерживает своих граждан, занимающихся овощеводством на территории РФ, беспроцентными ссудами [30] и открыто высказывает недовольство при сокращении Россией квот [41]. В дипломатическом лексиконе КНР появился термин «трудовое сотрудничество». По словам директора Департамента Восточной Европы и Центральной Азии МИД КНР Чжан Ханьхуэя, «упорядоченное трудовое сотрудничество является важной составной частью двустороннего сотрудничества... С каждым годом увеличивается численность китайцев, которые отправляются в Россию на работу, они работают в сферах строительства, сельского хозяйства и лесопереработки, это... положительно влияет на социально-экономическое развитие России. Большинство китайцев, работающих в России, соблюдают законы России и проявили себя очень достойно... Китай готов дальше усиливать... политическую пропаганду, поощрять трудовые силы на легальный выезд за рубеж, на повышение бдительности против мошенничества... С другой стороны, китайская сторона готова усиливать с российской стороной информационные обмены, заставлять российскую сторону строго наказывать и бороться с теми действиями, которые наносят вред законным правам и интересам китайских трудящихся» [19]. Как видим, китайская сторона довольна «достойной» помощью своих сельхозрабочих России и при этом позволяет себе высказывать озабоченность тем, что российская сторона недостаточно оберегает права и интересы китайских граждан на своей территории.

С помощью СМИ в КНР формируется общественное мнение по проблеме: «Огромные площади неиспользуемых земель не приносят [России] никакой выгоды» [54]; «Дальний Восток России малонаселен, ей трудно самостоятельно развивать этот регион» [20]. Используется также термин «совместное развитие» [52]. Осенью 2012 г. «Жэньминь Жибао» опубликовала примечательную статью «Китайская овощная продукция должна быть на русских столах», в которой приводится в пример история китайской предпринимательницы, добившейся успешного развития своего сельхозпроизводства в РФ. Подробно говорится о «трудностях»: получение санитарных книжек и продвижение не выращивавшейся ранее массово в РФ сои [66]. Невольно возникает вопрос: «Почему одно из двух сотрудничающих государств позволяет себе судить, что «должно быть на столе» у другого в условиях равноправного стратегического партнерства?»

Порой интересы китайских фермеров защищают целые предпринимательские организации и российские должностные лица. Так, в Красноярском крае после обнуления квот на китайских мигрантов в овощеводстве в 2012 г. была развернута целая информационная кампания, руководило которой ООО «Ассоциация китайских производителей». Заместитель ее директора, представитель РФ Н. Василенко заявил, что альтернативой китайским теплицам якобы является в условиях нежелания местного населения работать на земле лишь импорт из КНР и стран Средней Азии [27].

В связи с этим мы можем разве что вспомнить о законопослушных руководителях российских фермерских хозяйств, которые с горечью признаются: «Бывают порывы отчаяния, хочется тоже нанять китайцев, чтобы они выращивали овощи на моей земле. Но жалко землю» [30]; о разработанной Бурятской государственной сельхозакадемией программе по развитию овощеводства в регионе с организацией «семейных теплиц» [55], о сотнях и тысячах работающих на родной земле с любовью и уважением к ней российских крестьян и фермерах. Что касается желания работать, то в августе 2014 г. было объявлено, например, что Амурская область в случае, если только единственному крупному конкуренту нелегального овощеводческого бизнеса — кооперативу «Тепличный» — удастся получить господдержку, готова отказаться от поставок овощей и фруктов из Китая [6], а значит, и рост конкуренции местным недобросовестным овощеводам тоже не за горами.

Подведем итог. Каждая сторона решает посредством использования труда китайских мигрантов свои задачи: КНР обеспечивает занятость своего населения; РФ получает синоминутную выгоду для недобросовестных предпринимателей и серьезнейшие угрозы продовольственной безопасности, здоровью населения, окружающей среде и работе своих собственных фермеров, которые не только не могут сбыть на внутреннем рынке качественную продукцию по соответствующей цене, но и страдают от экологических последствий деятельности конкурентов из Китая и дискредитации самого института фермерства и российского сельского хозяйства в целом. Сотрудничество в этой сфере создает социальную напряженность в российских регионах, что не ведет к укреплению взаимопонимания народов. КНР на государственном уровне отслеживает ситуацию с работой своих граждан в РФ и использует все средства, от дипломатического нажима и пропаганды до лоббизма, чтобы развивать это

направление.

Определенные варианты решения проблемы находятся в юридической области. Использование труда мигрантов в сельском хозяйстве входит в сферу контроля таких сегментов законодательства, как регулирование деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, миграционное законодательство, имущественное право. В случае нарушений, как упоминалось ранее, выплачиваются незначительные по сравнению с прибылью штрафы, замечания поверхностно устраняются в заданный срок, а нелегальные мигранты попросту депортируются, после чего владелец предприятия может вновь набирать их по квотам на иностранную рабочую силу. После перехода на систему патентов с 2015 г. ситуация может поменяться к лучшему: регионы должны выдавать ограниченное число разрешений, а в целом Минтруд сократил квоты на иностранцев в сфере строительства и овощеводства на 50 % [61].

Наверное, стоит тщательно проанализировать ситуацию в новых сложившихся геополитических и экономических условиях, чтобы понять, насколько вообще этично и целесообразно привлекать иностранную рабочую силу в сфере своего сельхозпроизводства при колоссальных гуманитарных и экологических рисках, с одной стороны, и неизбежном в условиях экономической стагнации росте безработицы — с другой. Известно, что в регионах РФ идут сокращения на производствах, банкротства предприятий. Например, в Свердловской области в зоне риска сразу несколько крупных производств [40, 44, 51]. Возможно, сельское хозяйство — та сфера, положение в которой быстрее, чем в других, можно исправить в нынешних условиях, при условии продуманной политики.

Что касается вариантов изменений законодательства и регулирования такого проблемного аспекта, как сельхозмиграция и работа иностранных, в нашем случае — китайских предприятий на российской земле, при условии детального определения обоснованности привлечения иностранной рабочей силы в принципе, то, на наш взгляд, требуется целый комплекс мер. Во-первых, это развитие института экспертизы, аналогичного промышленному, для любых совместных проектов. Во-вторых, необходимо предусмотреть специальные режимы контроля за подобными производствами. Наконец, важнейшим фактором является обеспечение потребителей надлежащей информацией о производителях продукции. В частности, в ст. 8 Закона о защите прав потребителей [16] говорится о «праве на информацию об изготовителе (исполнителе, продавце) и о товарах (работах, услугах)», а ст. 10 — о необходимости указывать «сведения об основных потребительских свойствах товаров (работ, услуг), в отношении продуктов питания — сведения о составе (в том числе наименование использованных в процессе изготовления продуктов питания пищевых добавок, биологически активных добавок), информация о наличии в продуктах питания компонентов, полученных с применением генно-инженерно-модифицированных организмов» и «адрес, фирменное наименование изготовителя».

Представляется, что в нынешних условиях продовольственная безопасность государства — следовательно, и здоровье его граждан, защита и поддержка своих товаропроизводителей — находится только в его руках. Ст. 41 Конституции РФ гарантирует каждому «право на охрану здоровья», ст. 42 — «право на благоприятную окружающую среду». Лишь при условии планомерной работы государства по развитию собственного агропромышленного комплекса и применения необходимых мер, некоторые варианты которых мы рассмотрели, иностранное участие, а тем более привлечение иностранных работников в данной сфере может перейти во взаимовыгодную и безопасную плоскость.

Литература

1. Бедная деревня // Сельская новь. 7.02.2011. Портал Законодательной Думы Хабаровского края. URL: <http://duma.khv.ru/?doc=270113925> (дата обращения: 17.09.2014).
2. В Бурятии исчезли абаканские помидоры, которые ранее активно поставлялись в республику из Хакасии // RB03.ru — Портал Республики Бурятия. 4.12.2013. URL: http://rb03.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=57761 (дата обращения: 17.09.2014).
3. В Еткульском районе проверили китайцев. Обнаружены нарушения // ИА «Новый регион». 23.03.2011. URL: <http://www.nr2.ru/chel/325298.html> (дата обращения: 5.11.2012).
4. В Красноярском крае обнулили квоту на ввоз китайских рабочих, занятых на выращивании овощей // Интерфакс-Сибирь. 30.05.2012. URL: <http://interfax-russia.ru/Siberia/main.asp?id=318329&sec=1664> (дата обращения: 17.09.2014).
5. В Николаевском районе Волгоградской области РФ задержано более 70 мигрантов из Китая // Жэньминь Жибао. 25.05.2013. URL: <http://russian1.people.com.cn/31519/8257829.html> (дата обращения: 8.10.2013).
6. В Приамурье намерены отказаться от овощей и фруктов из Китая // Вести. 23.08.2014. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1913755> (дата обращения: 17.09.2014).

7. В Челябинской области китайские овощеводы выращивают неизвестно что // Федеральный репортер. 20.07.2012. URL: <http://fedrep.ru/page/v-chelyabinskoi-oblasti-kitaiskie-ovoshchevody-vyrashchivayut-neizvestno-chto> (дата обращения: 1.07.2014).
8. В Челябинской области сгорели китайские теплицы // УралПресс. 28.09.2012. URL: <http://uralpress.ru/news/2012/09/28/v-chelyabinskoj-oblasti-sgoreli-kitajskie-teplicy> (дата обращения: 5.11.2012).
9. В Хакасии уничтожены все китайские теплицы // Агентство информационных сообщений «АИС» (Хакасия). 9.04.2014. URL: <http://vg-news.ru/n/108577> (дата обращения: 17.09.2014).
10. Глава челябинского минсельхоза: «Пусть придут хоть 100 тыс. китайцев, главное — чтобы работали по закону» // Информационное агентство «URA.ru». 26.06.2009. URL: <http://ura.ru/content/chel/26-06-2009/news/1052099103.html> (дата обращения: 16.09.2014).
11. Гости «Чита.ру». Министр сельского хозяйства Любовь Гарголло // Читинский городской портал «Чита.ру». URL: <http://guest.chita.ru/gargollo/> (дата обращения: 16.09.2014).
12. Дагестанцы сожгли теплицы китайских фермеров на 60 млн рублей // ИА «ФедералПресс». 11.03.2014. URL: http://nr2.com.ua/News/world_and_russia/dagestansy-sozhgli-teplitsy-kitajskih-fermerov-na-60-mln-rublej-67480.html (дата обращения: 9.09.2014).
13. Денежные переводы перешли границу // Коммерсант. 2012. 14 июля.
14. Депутаты Красноярского заксобрания выявили нарушения в китайских теплицах // ИА ФедералПресс. 25.03.2009. URL: http://old.fedpress.ru/federal/econom/ritail/id_134647.html (дата обращения: 17.09.2014).
15. Есть все предпосылки для расширения российско-китайского сотрудничества в агросфере — министр сельского хозяйства РФ Н. Федоров // Жэньминь Жибао. 14.05.2013. URL: <http://russian1.people.com.cn/31519/8243094.html> (дата обращения: 15.06.2013).
16. Закон РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 N 2300-1 // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/popular/consumerism/37_1.html#p161 (дата обращения: 21.10.2014).
17. Земли китайских теплиц под Красноярском оказались токсичными // Информационный портал «Info.Sibnet.ru». 2.02.2010. URL: <http://info.sibnet.ru/?id=282884> (дата обращения: 17.09.2014).
18. Информация по самообеспеченности Хабаровского края продовольственными товарами // Министерство сельского хозяйства и продовольствия Хабаровского края. URL: http://msh.khabkrai.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1193:2014-09-03-00-36-34&catid=92:2014-09-03-00-28-41&Itemid=456 (дата обращения: 16.09.2014).
19. Китай и Россия поддерживают активные контакты и взаимодействие, способствуя здоровому развитию в сфере трудового сотрудничества // Жэньминь Жибао. 21.01.2012. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7711791.html> (дата обращения: 16.09.2014).
20. Китай и Россия продвигают сотрудничество на Дальнем Востоке // Жэньминь Жибао. 29.04.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/8612740.html> (дата обращения: 10.08.2014).
21. Китайская грЯДка // Аргументы и факты — Урал. — 2012. — № 35. — С. 36.
22. Китайская капуста // Эксперт-Урал. 28.06.2010. URL: <http://www.expert-ural.com/archive/25-426/kitayskaya-kapusta.html> (дата обращения: 16.09.2014).
23. Китайские овощеводы выращивают огурцы в Приангарье, применяя хлороталонил // Актуальные новости Иркутска. 27.06.2011. URL: <http://irkutsk.sibnovosti.ru/business/152941-kitajskie-ovoshchevody-vyrashchivayut-ogurtsy-v-priangare-primenuya-hlorotalonil> (дата обращения: 1.07.2014).
24. Китайские овощеводы «гробят» сельхозугодья Приморья // Информационно-аналитический портал «ДВ-РОСС». 20.05.2011. URL: <http://trud-ost.ru/?p=82502> (дата обращения: 1.07.2014).
25. Китайские овощеводы добиваются рекордных урожаев на пензенской земле // Вести-Пенза. 9.08.2007. URL: <http://penza.rfn.ru/news.html?id=5143> (дата обращения: 16.09.2014).
26. Китайские овощеводы довели амурских фермеров до грани разорения // Портал «Деревня-online.ru». URL: <http://derevnyaonline.ru/news/1761> (дата обращения: 1.07.2014).
27. Китайские овощеводы жалуются на запрет работать в Красноярском крае // Информационный портал «СибНовости. Самые актуальные новости Красноярска». 11.07.2012. URL: <http://krsk.sibnovosti.ru/society/199082-kitajskie-ovoshchevody-zhaluyutsya-na-zapret-rabotat-v-krasnoyarskom-krae> (дата обращения: 1.07.2014).
28. Китайские овощеводы загрязнили 84 гектара пахотных земель в Приморье // ИА ФедералПресс-Дальний Восток. 9.07.2012. URL: http://fedpress.ru/news/ecology/news_envir/kitaiskie-ovoshchevody-zagryaznili-84-gektara-pakhotnykh-zemel-v-primore (дата обращения: 9.09.2014).
29. Китайские овощеводы не жалели пестицидов // Областная газета. — 2012. — 23 окт.
30. Китайские овощеводы-нелегалы самовольно захватывают поля // Агрофорум. Новости сельского хозяйства. 15.08.2011. URL: <http://agroforum.ru/viewtopic.php?f=153&t=53440> (дата обращения: 1.07.2014).
31. Китайские овощеводы привели в негодность 26 га пахотных земель Приморья // ИА «Без формата». Новости г. Владивостока. URL: <http://vladivostok.bezformata.ru/listnews/priveli-v-negodnost-26-ga-pakhotnih-zemel/11221764/> 29.04.2013. (дата обращения: 1.07.2014).
32. Китайские овощеводы продолжают травить приморцев // Новости радиостанции «Радио-Лемма» (Приморье). 29.09.2011. URL: http://radiolemma.ru/index.php?Itemid=125&catid=52:priroda&id=5144:himiya&option=com_content&view=article (дата обращения: 1.07.2014).
33. Китайские теплицы — взять под контроль // Муниципальное образование «Северский район Краснодарского края». 27.06.2013. URL: <http://www.sevadm.ru/2013/06/27/kitajskie-teplicy-vzjat-pod-kontrol.html> (дата обращения: 17.09.2014).
34. Китайские фермеры выращивали овощи в Приморье на пестицидах // ИА «Без формата». Новости г. Владивостока. URL: <http://vladivostok.bezformata.ru/listnews/virashivali-ovoshi-v-primore-na-pestitsidah/5450812/> 19.07.2012. (дата обращения: 9.09.2014).
35. Китайские фермеры должны оставить свои теплицы в Березовском районе // Новости Прима-ТВ. 5.05.2011. URL:

- <http://www.newstube.ru/media/kitajskie-fermery-dolzny-ostavit-svoji-teplicy-v-berezovskom-rajone> (дата обращения: 9.09.2014).
36. Китайские фермеры перешли на коноплю // Вести. 11.08.2009. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?cid=17&id=308809> (дата обращения: 9.09.2014).
37. Китайские фермеры устроили свалку на российской территории // Новости Mail.ru. 17.07.2013. URL: <http://news.mail.ru/economics/13939731/> (дата обращения: 9.09.2014).
38. Крашенные помидоры «выросли» в китайских теплицах // Областная газета (Иркутск). 15.07.2011. URL: <http://www.ogirk.ru/news/2011-07-15/pomidors.html> (дата обращения: 17.09.2014).
39. Лес рубят — палочки летят // Областная газета. — 2012. — 3 окт.
40. Массовое увольнение не исключено: «Трансмашхолдинг» переводит заказы с завода в Екатеринбурге на площадки в другие регионы // E1 — Городской портал Екатеринбурга. 21.10.2014. URL: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-413249-section_id-158.html (дата обращения: 21.10.2014).
41. МИД Китая попенял России на квоты для трудовых мигрантов // Газета «Взгляд». 19.04.2012. URL: <http://vz.ru/news/2012/4/19/575222.html> (дата обращения: 5.12.2012).
42. На Среднем Урале в тепличных хозяйствах нашли опасные химикаты // Новости Mail.ru. 11.07.2014. URL: <http://news.mail.ru/inregions/ural/66/incident/18844059/?frommail=1> (дата обращения: 11.07.2014).
43. На Среднем Урале трое китайцев избили милиционеров палками // ИА «Новый регион». 26.06.2008. URL: <http://www.nr2.ru/ekb/184147.html> (дата обращения: 14.04.2013).
44. На «Уральском компрессорном заводе» началась подготовка к сокращению сотрудников // E1 — Городской портал Екатеринбурга. 14.10.2014. URL: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-412857.html (дата обращения: 14.10.2014).
45. Несмотря на запреты, китайские овощеводы вновь разбили парники в Красноярске // Муниципальная газета г. Красноярск «Городские новости». 8.04.2013. URL: <http://www.gornovosti.ru/tema/srez/nemotrya-na-zaprety-kitayskiye-ovoshchevody-vnov-razbili-parniki-v-krasnoyarske36685.htm> (дата обращения: 17.09.2014).
46. «Овощи с начинкой» предлагают потребителям некоторые овощеводы // Аргументы и факты. — 2013. № 34. URL: <http://www.krsk.aif.ru/health/medicine/102137> (дата обращения: 1.07.2014).
47. Пензенская область и КНР могут приступить к реализации совместных проектов в сельском хозяйстве, образовании и в сфере высоких технологий // Министерство сельского хозяйства Пензенской области. 19.06.2014. URL: <http://www.mcx-penza.ru/news/3999/> (дата обращения: 16.09.2014).
48. Поднебесный помидор. Китайские фермеры в России: зло или благо? // Московский комсомолец. — 2014. — 15 авг.
49. Под Нижним Тагилом китайцы «захватили» земли для выращивания рассады овощей // ИА «Новый регион». URL: <http://www.nr2.ru/ekb/331815.html> (дата обращения: 14.04.2013).
50. Предновогодний подарок: градообразующее предприятие в Асбесте готовится к сокращению сотрудников с 1 января // E1 — Городской портал Екатеринбурга. 2.10.2014. URL: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-412226.html (дата обращения: 2.10.2014).
51. Развитие Дальнего Востока России — возможности и вызовы для Китая // Жэньминь Жибао. 26.07.2012. URL: <http://russian1.people.com.cn/31518/7888948.html> (дата обращения: 8.10.2013).
52. Рак от помидоров // ИА «НГС-Новости» (Новосибирск). 10.06.2013. URL: <http://news.ngs.ru/more/1193967/> (дата обращения: 17.09.2014).
53. Россия готовится к сдаче в аренду земель на Дальнем Востоке страны // Жэньминь Жибао. 1.02.2012. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7716732.html> (дата обращения: 7.02.2012).
54. Семейные теплицы вместо китайских овощей // БайкалПресс.ру. 29.07.2009. URL: <http://baikalpress.ru/number1/2009/30/002016.html> (дата обращения: 17.09.2014).
55. Сибирские муфтии озабочены наплывом китайцев // Islamnews.ru. 28.11.2012. URL: <http://www.islamnews.ru/news-137337.html> (дата обращения: 8.10.2013).
56. Сколько нищих в Забайкалье: обзор краевых СМИ // Читинский городской портал «Чита.ру». 27.06.2014. URL: <http://review.chita.ru/62605/> (дата обращения: 16.09.2014).
57. Совместное заявление РФ и КНР о дальнейшем углублении российско-китайских отношений всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия // Официальный сайт Президента России. 5.06.2012. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1230 (дата обращения: 19.12.2012).
58. Совместное заявление РФ и КНР о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия // Официальный сайт Президента России. 20.05.2014. URL: <http://события.президент.рф/справки/1642> (дата обращения: 20.05.2014).
59. Совместное китайско-российское заявление об итогах встречи на высшем уровне в Москве /полный текст/ // Официальный сайт Министерства иностранных дел КНР. 18.06.2009. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/gb/t568465.htm> (дата обращения: 25.01.2011).
60. Студотрядом — по гастарбайтеру // Аргументы и факты. — 2015. — № 6. — С. 5.
61. Уральские овощеводы вынуждены продавать капусту вчетверо дешевле // Агро — XXI. Новости сельского хозяйства. 12.09.2013. URL: <http://www.agroxxi.ru/zhurnal-agromir-xxi/novosti/kitaiskie-fermery-obrushili-sverdlovskii-rynok-ovoshei.html> (дата обращения: 9.09.2014).
62. Утка по-пекински // ИА «Новый Регион». 14.08.2012. URL: <http://www.nr2.ru/chel/399357.html> (дата обращения: 5.11.2012).
63. Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (с изменениями и дополнениями) // Правовая система «ГАРАНТ». http://base.garant.ru/121642472/#block_200 (дата обращения: 17.09.2014).
64. Читинский ветнадзор проверяет деятельность китайских огородников // Вести. 1.06.2012. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=810115> (дата обращения: 17.09.2014).
65. 让中国芽苗菜「走上」俄罗斯餐桌 / Жан Чжунго я мяо цай «цзоушан» Элосы цаньчжо (Китайская овощная продукция должна быть на русских столах) // Жэньминь Жибао. 26.11.2012. URL: <http://chinese.people.com.cn/GB/n/2012/1126/c42309-19698173.html> (дата обращения: 8.10.2013).

References

1. Bednaya derevnya [Poor village]. *Sel'skaya nov' — Rural novelty*. February 7, 2011. Portal of Khabarovsk Krai Legislative Duma. Available at: <http://duma.khv.ru/?doc=270113925> (accessed September 17, 2014).
2. V Buryatii ischezli abakanskiye pomidory, kotorye ranee aktivno postavlyalis' v respubliku iz Khakassii [Abakan tomatoes, which had been actively delivered from Khakassia, were disappeared in Buryatia]. *RB03.ru. Portal Respubliki Buryatiya — RB03.ru. Portal of the Buryat Republic*. December 4, 2013. Available at: http://rb03.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=57761 (accessed September 17, 2014).
3. V Etkul'skom raione proverili kitaitsev. Obnaruzheny narusheniya [The Chinese were checked in Etkul'skiy district. Irregularities had been found]. *Novyi region — New Region*. March 23, 2011. Available at: <http://www.nr2.ru/chel/325298.html> (accessed November 17, 2014).
4. V Krasnoyarskom krae obnuli kvotu na vvoz kitaiskikh rabochikh, zanyatykh na vyrashchivani ovoshchei [In the Krasnoyarsk Krai quota for entry of Chinese workers engaged in cultivation of vegetables was zeroed]. *Interfaks-Sibir' — Interfax-Siberia*. May 30, 2012. Available at: <http://interfax-russia.ru/Siberia/main.asp?id=318329&sec=1664> (accessed September 17, 2014).
5. V Nikolaevskom raione Volgogradskoi oblasti RF zaderzhano bolee 70 migrantov ikh Kitaya [In the Nikolaevskiy district of Russian Volgograd Oblast more than 70 migrants from China were detained]. *Zhen'min' Zhibao — Renmin Ribao*. May 25, 2013. Available at: <http://russian1.people.com.cn/31519/8257829.html> (accessed October 8, 2013).
6. V Priamur'e namereny otkazat'sya ot ovoshchei i fruktov iz Kitaya [In the Amur region are going to abandon the fruits and vegetables from China]. *Vesti — News*. August 23, 2014. Available at: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1913755> (accessed September 17, 2014).
7. V Chelyabinskoi oblasti kitaiskie ovoshchevody vyrashchivayut neizvestno chto [In the Chelyabinsk Oblast Chinese growers cultivates something unknown]. *Federal'nyi reporter — Federal Reporter*. July 20, 2012. Available at: <http://fedrep.ru/page/v-chelyabinskoi-oblasti-kitaiskie-ovoshchevody-vyrashchivayut-neizvestno-chto> (accessed July 1, 2014).
8. V Chelyabinskoi oblasti sgoreli kitaiskie teplitsy [In the Chelyabinsk Oblast Chinese greenhouses were burned]. *UralPress*. September 28, 2012. Available at: <http://uralpress.ru/news/2012/09/28/v-chelyabinskoy-oblasti-sgoreli-kitaiskie-teplitsy> (accessed November 5, 2012).
9. V Khakassii unichtozheny vse kitaiskie teplitsy [In Khakassia all Chinese greenhouses were destroyed]. *Agentstvo informatsionnykh soobshchenii «AIS» (Khakassiya) — Agency of informational messages «AIS» (Khakassia)*. April 9, 2014. Available at: <http://vg-news.ru/n/108577> (accessed September 17, 2012).
10. Glava chelyabinskogo minsel'khoza: «Pust' priedut khot' 100 tys. kitaitsev, glavnoe — chtoby rabotali po zakonu» [The head of Chelyabinsk Ministry of Agriculture: "Let come even 100 thousand Chinese, the main thing is that they should work according to the law"]. *Informatsionnoe agentstvo «URA.ru» — Information Agency «URA.ru»*. June 26, 2009. Available at: <http://ura.ru/content/chel/26-06-2009/news/1052099103.html> (accessed September 16, 2014).
11. Gosti «Chita.ru». Ministr sel'skogo khozyaistva Lyubov' Gargollo [“Chita.Ru” Guests. Minister of Agriculture Lyubov Gargollo]. *Chitinskii gorodskoi portal «Chita.ru» — Chita city's portal “Chita.Ru”*. Available at: <http://guest.chita.ru/gargollo/> (accessed September 16, 2014).
12. Dagestantsy sozhgli teplitsy kitaiskikh fermerov na 60 mln rublei [Dagestanians burned greenhouses of Chinese farmers on 60 million rubles]. *IA FederalPress*. March 11, 2014. Available at: http://nr2.com.ua/News/world_and_russia/dagestantsy-sozhgli-teplitsy-kitajskikh-fermerov-na-60-mln-rublej-67480.html (accessed September 9, 2014).
13. Denezhnye perevody pereshli granitsu [Remittances have crossed the border]. *Kommersant*. June 14, 2012.
14. Deputaty krasnoyarskogo zaksobraniya vyyavili narusheniya v kitaiskikh teplitsakh [Deputies of Krasnoyarsk Legislative Assembly revealed irregularities in Chinese greenhouses]. *IA FederalPress*. March 25, 2009. Available at: http://old.fedpress.ru/federal/econom/ritail/id_134647.html (accessed September 17, 2014).
15. Est' vse predposylki dlya rasshireniya rossiisko-kitaiskogo sotrudnichestva v agrosfere — ministr sel'skogo khozyaistva RF N. Fedorov [There are all prerequisites for expansion of the Russian-Chinese cooperation in agricultural sphere — Russian Agriculture Minister N. Fyodorov]. *Zhen'min' Zhibao — Renmin Ribao*. May 14, 2013. Available at: <http://russian1.people.com.cn/31519/8243094.html> (accessed June 15, 2013).
16. Zakon RF "O zashchite prav potrebiteli" ot 07.02.1992 N 2300-1 [Law of the Russian Federation No. 2300-1 "On Protection of Consumer Rights" of February 7, 1992]. *Konsul'tantPlyus — Consultant plus*. Available at: http://www.consultant.ru/popular/consumerism/37_1.html#p161 (accessed October 21, 2014).
17. Zemli kitaiskikh teplits pod Krasnoyarskom okazalis' toksichnymi [Lands of Chinese greenhouses near Krasnoyarsk were toxic]. *Informatsionnyi portal «Info.Sibnet.ru» — Informational Portal «Info.Sibnet.ru»*. February 2, 2010. Available at: <http://info.sibnet.ru/?id=282884> (accessed September 17, 2014).
18. Informatsiya po samoobespechennosti Khabarovskogo kraya prodovol'stvennymi tovarami [Information on Khabarovsk Krai self-sufficiency in food products]. *Ministerstvo sel'skogo khozyaistva i prodovol'stviya Khabarovskogo kraya — The Ministry of Agriculture and Foodstuffs of Khabarovsk Krai*. Available at: http://msh.khabkrai.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1193:2014-09-03-00-36-34&catid=92:2014-09-03-00-28-41&Itemid=456 (accessed September 16, 2014).
19. Kitai i Rossiya podderzhivayut aktivnye kontakty i vzaimodeistvie, sposobstvuyaya zdorovomu razvitiyu v sfere trudovogo sotrudnichestva [China and Russia maintain active contacts and cooperation, contributing to healthy development in the field of labor cooperation]. *Zhen'min' Zhibao — Renmin Ribao*. January 21, 2012. Available at: <http://russian.people.com.cn/95181/7711791.html> (accessed September 16, 2014).
20. Kitai i Rossiya prodvigayut sotrudnichestvo na Dal'nem Vostoke [China and Russia promote cooperation in the Far East]. *Zhen'min' Zhibao — Renmin Ribao*. April 29, 2014. Available at: <http://russian.people.com.cn/31518/8612740.html> (accessed August 10, 2014).
21. Kitaiskaya grYaDka [Chinese toxic garden]. *Argumenty i Fakty*. 2012. No. 35. P. 36.

22. Kitayskaya kapusta [Chinese cabbage]. *Ekspert-Ural — Expert-Ural*. June 28, 2010. Available at: <http://www.expert-ural.com/archive/25-426/kitayskaya-kapusta.html> (accessed September 16, 2014).
23. Kitaiskie ovoshchevody vyrashchivayut ogurtsy v Priangar'e, primenyaya khlorotalonil [Chinese growers cultivate cucumbers in Priangarye using chlorothalonil]. *Aktual'nye novosti Irkutsk — Latest News of Irkutsk*. June 27, 2011. Available at: <http://irkutsk.sibnovosti.ru/business/152941-kitayskie-ovoshchevody-vyrashchivayut-ogurtsy-v-priangare-primenyaya-hlorotalonil> (accessed July 1, 2014).
24. Kitaiskie ovoshchevody «grobyat» sel'khozogod'ya Primor'ya [Chinese growers "ditch" farmland of Primorye]. *Informatsionno-analiticheskii portal «DV-ROSS» — Information-analytical portal "DV-ROSS"*. May 20, 2011. Available at: <http://trud-ost.ru/?p=82502> (accessed July 1, 2014).
25. Kitaiskie ovoshchevody dobivayutsya rekordnykh urozhav na penzenskoi zemle [Chinese growers achieve record harvests at the lands of Penza]. *Vesti-Penza — News-Penza*. 08/09/2007. Available at: <http://penza.rfn.ru/mnews.html?id=5143> (accessed September 16, 2014).
26. Kitaiskie ovoshchevody doveli amurskikh fermerov do grani razoreniya [Chinese growers have brought Amur farmers to the brink of ruin]. *Portal «Derevnya-online.ru» — Portal "Village-online.ru"*. Available at: <http://derevnyaonline.ru/news/1761> (accessed January 07, 2014).
27. Kitaiskie ovoshchevody zhaluyutsya na zapret rabotat' v Krasnoyarskom krae [Chinese growers complain about the ban to work in Krasnoyarsk Krai]. *Informatsionnyi portal «SibNovosti. Samye aktual'nye novosti Krasnoyarska» — Informational portal "SibNovosti. The most topical news of Krasnoyarsk"*. July 11, 2012. Available at: <http://krsk.sibnovosti.ru/society/199082-kitayskie-ovoshchevody-zhaluyutsya-na-zapret-rabotat-v-krasnoyarskom-krae> (accessed July 1, 2014).
28. Kitaiskie ovoshchevody zagryaznili 84 gektara pakhotnykh zemel' v Primor'e [Chinese growers have contaminated 84 hectares of arable land in Primorye]. *IA Federal Press. Dal'nii Vostok — IA Federal Press. Far East*. July 9, 2012. Available at: http://fedpress.ru/news/ecology/news_envir/kitaiskie-ovoshchevody-zagryaznili-84-gektara-pakhotnykh-zemel-v-primore (accessed September 9, 2014).
29. Kitaiskie ovoshchevody ne zhaleli pestitsidov [Chinese growers haven't spared pesticides]. *Oblastnaya gazeta — Regional Newspaper*. October 23, 2012.
30. Kitaiskie ovoshchevody-nelegaly samovol'no zakhvatyvyayut polya [Chinese illegal growers occupied the fields without permit]. *Agroforum. Novosti sel'skogo khozyaistva — Agroforum. News of Agriculture*. August 15, 2011. Available at: <http://agroforum.ru/viewtopic.php?f=153&t=53440> (accessed July 1, 2014).
31. Kitaiskie ovoshchevody priveli v negodnost' 26 ga pakhotnykh zemel' Primor'ya [Chinese growers brought into disrepair 26 hectares of arable lands in Primorye]. *IA «Bez formata» Novosti g. Vladivostoka — IA "No Format". News of Vladivostok*. Available at: <http://vladivostok.bezformata.ru/listnews/priveli-v-negodnost-26-ga-pakhotnykh-zemel/11221764/> April 29, 2013 (accessed July 1, 2014).
32. Kitaiskie ovoshchevody prodolzhayut travit' primortsev [Chinese growers continue to poison Primorye]. *Novosti radiostantsii «Radio-Lemma» (Primor'e) — News of "Radio-Lemma" radio station (Primorye)*. September 29, 2011. Available at: http://radiolemma.ru/index.php?Itemid=125&catid=52:prroda&id=5144:himiya&option=com_content&view=article (accessed July 1, 2014).
33. Kitaiskie teplitsy — vzyat' pod kontrol' [Chinese greenhouses should be taken under control]. *Munitsipal'noe obrazovanie Sevskii raion Krasnodarskogo kraja — The municipality Sevsky district of Krasnodar Krai*. June 27, 2013. Available at: <http://www.sevadm.ru/2013/06/27/kitajskie-teplitsy-vzjat-pod-kontrol.html> (accessed September 17, 2014).
34. Kitaiskie fermery vyrashchivali ovoshchi v Primor'e na pestitsidakh [In Primorye Chinese farmers grew vegetables on pesticides]. *IA «Bez formata». Novosti g. Vladivostoka — IA "No Format". News of Vladivostok*. July 19, 2012. Available at: <http://vladivostok.bezformata.ru/listnews/virashchivali-ovoshi-v-primore-na-pestitsidakh/5450812/> (accessed September 9, 2014).
35. Kitaiskie fermery dolzhny ostavit' svoi teplitsy v Berezovskom raione [Chinese farmers have to leave their greenhouses in Berezovsky district]. *Novosti Prima-TV — Prima-TV News*. May 5, 2011. Available at: <http://www.newstube.ru/media/kitajskie-fermery-dolzhny-ostavit-svoi-teplitsy-v-berezovskom-raione> (accessed September 9, 2014).
36. Kitaiskie fermery pereshli na konoplyu [Chinese farmers have switched to cannabis]. *Vesti — News*. August 11, 2009. Available at: <http://www.vesti.ru/doc.html?cid=17&id=308809> (accessed September 9, 2014).
37. Kitaiskie fermery ustroili svalku na rossiiskoi territorii [Chinese farmers arranged a dump on the territory of Russia]. *Novosti Mail.ru — Mail.ru News*. July 17, 2013. Available at: <http://news.mail.ru/economics/13939731/> (accessed September 9, 2014).
38. Krashenye pomidory «vyrosli» v kitaiskikh teplitsakh [Colored tomatoes "grown up" in the Chinese greenhouses]. *Oblastnaya gazeta (Irkutsk) — Regional Newspaper (Irkutsk)*. July 15, 2011. Available at: <http://www.ogirk.ru/news/2011-07-15/pomidors.html> (accessed September 17, 2014).
39. Les rubyat — palochki letyat [Wood is chopped — sticks are flyed off]. *Oblastnaya gazeta — Regional Newspaper*. October 3, 2012.
40. Massovoe uvol'nenie ne isklucheno: «Transmashholding» perevodit zakazy s zavoda v Ekaterinburge na ploshchadki v drugie regiony [The mass layoffs are not excluded: "Transmashholding" takes orders from the factory in Yekaterinburg to other regions]. *E1. Gorodskoi portal Ekaterinburga — E1. Municipal portal of Yekaterinburg*. Available at: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-413249-section_id-158.html (accessed October 21, 2014).
41. MID Kitaya popenyal Rossii na kvoty dlya trudovykh migrantov [Chinese Foreign Ministry complained to Russia about quotas for migrant workers]. *Gazeta «Vzglyad» — Newspaper "Vzglyad"*. April 19, 2012. Available at: <http://vz.ru/news/2012/4/19/575222.html> (accessed December 5, 2012).
42. Na Srednem Urale v teplichnykh khozyaistvakh nashli opasnye khimikaty [In the Middle Urals in greenhouses were found hazardous chemicals]. *Novosti Mail.ru — Mail.ru News*. July 11, 2014. Available at: <http://news.mail.ru/inregions/ural/66/incident/18844059/?frommail=1> (accessed July 11, 2014).
43. Na Srednem Urale troe kitaitsev izbili militsionerov palkami [In the Middle Urals three Chinese beat policemen with sticks]. *IA «Novyi region» — IA "New Region"*. June 26, 2008. Available at: <http://www.nr2.ru/ekb/184147.html> (accessed April 14, 2013).
44. Na «Ural'skom kompressorom zavode» nachalas' podgotovka k sokrashcheniyu sotrudnikov [At "Ural Compressor Plant" preparations for redundancy have been started]. *E1. Gorodskoi portal Ekaterinburga — E1. Municipal portal of Yekaterinburg*. October 14, 2014. Available at: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-412857.html (accessed October 14, 2014).

45. Nesmotrya na zaprety, kitaiskie ovoshchevody vnov' razbili parniki v Krasnoyarske [Despite the ban, the Chinese growers again installed greenhouses]. *Munitsipal'naya gazeta g. Krasnoyarska «Gorodskie novosti» — Krasnoyarsk municipal newspaper "City News"*. April 8, 2013. Available at: <http://www.gornovosti.ru/tema/srez/nesmotrya-na-zaprety-kitayskiye-ovoshchevody-vnov-razbili-parniki-v-krasnoyarske36685.htm> (accessed September 17, 2014).
46. «Ovoshchi s nachinkoi» predlagayut potrebitelyam nekotorye ovoshchevody [Some growers offer consumers "vegetables with fillings"]. *Argumenty i Fakty*. — 2013. No. 34. Available at: <http://www.krsk.aif.ru/health/medicine/102137> (accessed July 1, 2014)
47. Penzenskaya oblast' i KNR mogut pristupit' k realizatsii sovmeystnykh proektov v sel'skom khozyaistve, obrazovanii i v sfere vysokikh tekhnologii [Penza Oblast and PRC may begin to implement joint projects in agriculture, education and high-tech]. *Ministerstvo sel'skogo khozyaistva Penzenskoi oblasti — Penza Oblast Ministry of Agriculture*. June 19, 2014. Available at: <http://www.mcx-penza.ru/news/3999/> (accessed September 16, 2014)
48. Podnebesnyi pomidor. Kitaiskie fermery v Rossii: zlo ili blago? [Tianxia tomatoes. Chinese farmers in Russia: bad or good?]. *Moskovskii komsomolets — Moscow Komsomol*. August 15, 2014. Available at: <http://www.mcx-penza.ru/news/3999/> (accessed August 15, 2014).
49. Pod Nizhnim Tagilom kitaitisy «zakhvatili» zemli dlya vyrashchivaniya rassady ovoshchei [Near Nizhny Tagil the Chinese "seized" land for growing seedlings of vegetables]. *IA «Novyi region» — IA "New Region"*. Available at: <http://www.nr2.ru/ekb/331815.html> (accessed April 14, 2013).
50. Prednovogodnii podarok: gradoobrazuyushchee predpriyatie v Asbeste gotovitsya k sokrashcheniyu sotrudnikov s 1 yanvarya [The Pre-New Year gift: a city-forming enterprise in Asbest prepare to staff reduction from January 1]. *E1. Gorodskoi portal Ekaterinburga — E1. Municipal portal of Yekaterinburg*. Available at: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-412226.html (accessed October 2, 2014)
51. Razvitiye Dal'nego Vostoka Rossii — vozmozhnosti i vyzovy dlya Kitaya [Development of the Russian Far East — opportunities and challenges for China]. *Zhen'min' Zhibao — Renmin Ribao*. July 26, 2012. Available at: <http://russian1.people.com.cn/31518/7888948.html> (accessed October 8, 2013).
52. Rak ot pomidorov [Cancer from tomatoes]. *IA «NGS-Novosti» (Novosibirsk)*. June 10, 2013. Available at: <http://news.ngs.ru/more/1193967/> (accessed September 17, 2014).
53. Rossiya gotovitsya k sdache v arendu zemel' na Dal'nem Vostoke strany [Russia is preparing for the lease of land in the Far East]. *Zhen'min' Zhibao — Renmin Ribao*. February 1, 2012. Available at: <http://russian.people.com.cn/95181/7716732.html> (accessed February 7, 2012)
54. Semeinye teplitsy vmesto kitaiskikh ovoshchei [Family greenhouses instead of Chinese vegetables]. *BaikalPress.ru*. July 29, 2009. Available at: <http://baikalpress.ru/number1/2009/30/002016.html> (September 17, 2014).
55. Sibirskie muftii ozabocheny naplyvom kitaitsev [Siberian muftis concerned about the Chinese influx]. *Islamnews.ru*. December 28, 2012. Available at: <http://www.islamnews.ru/news-137337.html> (accessed October 8, 2013)
56. Skol'ko nishchikh v Zabaikal'e: obzor kraevykh SMI [How many beggars are in the Transbaikal region: an overview of regional mass media]. *Chitinskii gorodskoi portal «Chita.ru» — Chita city portal "Chita.Ru"*. June 27, 2014. Available at: <http://review.chita.ru/62605/> (accessed September 17, 2014).
57. Sovmestnoe zayavlenie RF i KNR o dal'neishem uglublennii rossiisko-kitaiskikh otnoshenii vseob"emlyushchego ravnopravnogo doveritel'nogo partnerstva i strategicheskogo vzaimodeistviya [Joint Statement of the Russian Federation and the PRC on further deepen of Chinese-Russian relations of comprehensive equitable trustful partnership and strategic interaction]. *Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossii — Official site of the Russian President*. June 5, 2012. Available at: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1230 (accessed December 19, 2014).
58. Sovmestnoe zayavlenie RF i KNR o novom etape otnoshenii vseob"emlyushchego partnerstva i strategicheskogo vzaimodeistviya [Joint Statement of the Russian Federation and the PRC on a new stage of comprehensive relations of partnership and strategic interaction]. *Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossii — Official site of the Russian President*. May 20, 2014. Available at: <http://sobytiya.prezident.rf/spravki/1642> (accessed May 20, 2014).
59. Sovmestnoe kitaisko-rossiiskoe zayavlenie ob itogakh vstrechi na vysshem urovne v Moskve [Joint Chinese-Russian statement on outcome of the summit meeting in Moscow]. *Ofitsial'nyi sait Ministerstva inostrannykh del KNR — Official site of the China Ministry of Foreign Affairs*. June 18, 2009. Available at: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/gb/t568465.htm> (accessed January 25, 2011)
60. Studotryadom — po gastarbaiteru [Student squad against guest workers]. *Argumenty i Fakty*. 2015. No. 6. S. 5.
61. Ural'skie ovoshchevody vyzhdeny prodavat' kapustu vchetvero deshevle [Ural growers are forced to sell cabbage four times cheaper]. *Agro-XXI. Novosti sel'skogo khozyaistva Agro-21. News of Agriculture*. September 12, 2013. Available at: <http://www.agroxxi.ru/zhurnal-agromir-xxi/novosti/kitaiskie-fermery-obrushili-sverdlovskii-rynok-ovoshei.html> (accessed September 9, 2014).
62. Utka po-pekinski [Peking Duck]. *IA «Novyi Region» — IA "New Region"*. August 14, 2012. Available at: <http://www.nr2.ru/chel/399357.html> (accessed November 5, 2012).
63. Federal'nyi zakon ot 26 dekabrya 2008 g. № 294-FZ "O zashchite prav yuridicheskikh lits i individual'nykh predprinimatelei pri osushchestvlenii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i munitsipal'nogo kontrolya" (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Federal law of December 26, 2008 No. 294-FZ "On protection of legal entities and individual entrepreneurs in the exercise of state control (supervision) and municipal control (with amendments and additions)]. *Legal system «GARANT»*. Available at: http://base.garant.ru/12164247/2/#block_200 (accessed September 17, 2014).
64. Chitinskii vetnadzor proveryaet deyatelnost' kitaiskikh ogorodnikov [Chita veterinary supervision monitor the work of Chinese gardeners]. *Vesti — News*. June 1, 2012. Available at: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=810115> (accessed September 17, 2014)
65. 让中国芽苗菜“走上”俄罗斯餐桌 [Chinese vegetable products should be on Russian tables]. *Zhen'min' Zhibao — Renmin Ribao*. November 26, 2012. Available at: <http://chinese.people.com.cn/GB/n/2012/1126/c42309-19698173.html> (accessed October 8, 2013). (Chinese)

УДК 94

doi: 10.18097/1994–0866–2015–0–8–183–187

Первые переводы «Шан шу» на европейские языки (XVI–XVIII вв.)

© Стеженская Лидия Владимировна

научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН

Россия, 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32

E-mail: stezh@rambler.ru

Одним из актуальных направлений мирового Китаеведения является изучение конфуцианской классики, в том числе истории ее исследования в Европе и переводов на европейские языки. До появления полного перевода «Канона истории» («Шан шу» или «Шу цзина») на французский язык в 1770 г. появляются частичные переводы этого памятника. Первым был перевод отрывка из синкретического памятника «Мин синь бао цзянь» доминиканским монахом Хауном Кобо, увидевший свет в 1590 г. Иезуитский миссионер Мартино Мартини в 1658 г. в своей «Истории Китая...» поместил сведения о первых (в том числе мифологических) правителях Поднебесной, изложив некоторые сюжеты «Шан шу». Габриэль де Магальяеш продолжил эту традицию, в своей книге 1688 г. подтвердив надежность текстов «Шан шу» для построения хронологии китайской истории. В 1711 г. вышел в свет перевод на латинский язык конфуцианского «Четверокнижия», в котором упоминаются «Шан шу» и ее персонажи. Особенности, источники и назначения различных переводов «Шан шу» описаны в данной статье.

Ключевые слова: «Шан шу», «Шу цзин», переводы «Шу цзина» на европейские языки, европейские миссионеры в Китае, Антуан Гобиль, Хуан Кобо, Мартино Мартини, Габриэль де Магальяеш, Филипп Купле, Франсуа Ноэль.

The First «Shang Shu» Translations into European Languages (XVI–XVIII centuries)

Lydia V. Stezhenskaya

research fellow, Institute of Far Eastern Studies, Moscow,

32, Nakhimovsky av., 117997 Moscow, Russia

At the moment one of the most important and topical areas of the world sinology is the studying of the Confucian classics, including The Book of Documents, the history of their research in Europe and translations into European languages. Until the full translation of The Book of Documents into French in 1770 two centuries before that appears partial translation of this monument. The first was the translation of a passage from syncretic monument «Min Xin Bao Jian» by a Dominican monk Juan Cobo. This translation was published in 1590. A Jesuit missionary Martino Martini in 1658, in his «History of China...» put information about the first (including mythological) rulers of the ancient China, outlining some stories from «Shang shu». Gabriel de Magalhães continued this tradition in his book «A new history of China...» (1688), confirming the reliability of the «Shang shu» texts to build a chronology of Chinese history. In 1711 was published a complete translation to Latin language of Confucian «Si shu», and «Shang shu» and its heroes were often mentioned.

Features, sources and destination of various translations are described in this article.

Keywords: Shang shu, Shu jing, translations of Shu jing into European languages, European missionaries in China, Antoine Gaubil, Juan Cobo, Martino Martini, Gabriel de Magalhães (Megaillans), Philippe Couplet, François Noël.

«Шан шу» (в русском переводе «Книга документов», «Канон истории») — древнекитайская каноническая конфуцианская книга, которая дошла до нашего времени в основном в виде записи обращений, приказов и клятв древнекитайских правителей, а также обращений и поучений к ним от их советников. «Шан шу» лежит в начале древнейшей письменной истории китайского народа. Традиционно считалось, что первая глава «Шан шу» «Установления Яо» была записана уже во времена этого легендарного императора в XXIV в. до н. э. Еще до начала нашей эры настолько древняя датировка первых глав «Шан шу» вызывала сомнения, что позже нашло подтверждение, однако некоторые главы раздела «Чжоуские писания» по особенностям языка и в сопоставлении с синхронными эпиграфическими текстами современные исследователи относят к XI в., что сохраняет за «Книгой документов» право называться одной из древнейших китайских книг.

И в Средние века, и в наши дни «Шан шу» остается по-прежнему значимой для Китая и получает современное осмысление. Она привлекает к себе внимание многих исследователей и переводчиков, как китайских, так и европейских. Одним из наиболее интересных вопросов исследования «Шан шу»

является появление первых европейских переводов и толкований этого древнекитайского памятника.

История европейских переводов «Шан шу» начинается в XVI в. Первый, на французский язык, перевод Антуана Гобиля (Antoine Gaubil, 1689–1759) был опубликован только в 1770 г., но до этого времени существовало великое множество частичных переложений текста «Канона истории», ее отдельных глав или отрывков, в научных работах и популярных изданиях встречались цитаты из «Шан шу» на европейских языках. Самыми ранними были неполные миссионерские переводы, которые стали исторической прелюдией к появлению первого полного перевода 1770 г.

Европу и Китай в течение многих столетий связывал Великий Шелковый путь, который пролегал из Средиземноморья через Центральную Азию во внутренние области Средней Империи. Порою на этом пути возникали трудности с доставкой товара, вызванные завоеваниями и политическими неурядицами в тех землях, по которым он проходил. Во второй половине XIV в. Средняя Азия и прилегающие районы были ареной различных войн, сопровождавших создание державы Тимура. В 1453 г. под ударами турок пала Византийская империя. Все это заставляло искать другие морские пути в Китай. В 1488 г. португальский мореплаватель Бартоломеу Диаш первым из европейцев обогнул Африку с юга и таким образом открыл морской маршрут на восток в Индию и Китай.

Христофор Колумб при поддержке испанской короны отправился в противоположном направлении, на запад, и в 1492 г. открыл Америку. Сначала папской буллой 1493 г., а потом и договором 1494 г. между двумя могущественными морскими державами того времени, Португалией и Испанией, были поделены сферы будущих колониальных приобретений. Всё, что было известно и будет найдено к западу от «папского меридиана» (46° з.д.), отходило к Испании, а Португалия была вольна распоряжаться всем, что лежало к востоку от него. Так португальцы дошли до полуострова Малакка (в составе современной Малайзии) и обосновались на нем в 1511 г., а к 1557 г. португальским торговцам удалось взять в аренду маленький остров Макао (ныне п-ов Аомэнь) в устье реки Чжуцзян. Перебравшийся из Португалии на службу в Испанию Магеллан через пролив, который теперь носит его имя, прошел сквозь Южную Америку, вышел из Атлантического океана в Тихий, пересек его и в 1521 г. прибыл на остров Себу (в составе совр. Филиппин). В 1571 г. испанцы передвинулись севернее на остров Лусон, сделав своей основной базой Манилу.

Португальцы и испанцы с территорий своих колоний вели активную торговлю с минским Китаем. Иногда они бывали какое-то непродолжительное время в Китае, но селиться там им не разрешалось. Вместе с торговцами, военными и чиновниками в колонии прибыли католические миссионеры, которые и составили самые первые описания вновь открытого Китая. В 1583 г. монахи из ордена иезуитов итальянцы Микеле Руджери (Michele Ruggieri, 1543–1607) и Маттео Риччи (Matteo Ricci, 1552–1610) получили разрешение поселиться и построить церковь в южной провинции Гуандун. Так было положено начало католическому миссионерству в Китае и изучению Китая непосредственно на месте.

В 1575 г. испанский миссионер-августинец Мартин де Рада (Martín de Rada, 1533–1578) в составе испанской делегации, приглашенной в Китай, побывал в провинции Фуцзянь и привез из своей поездки книги по древней истории Китая [Historia..., 1586. P. 137; The history..., 1853. P. 135]. Сведений о том, какие именно это были книги и была ли среди них «Шан шу», нет. Главной задачей для миссионеров на первых порах было овладение китайским языком. Поэтому знакомство со столь сложной по тексту книгой не могло произойти сразу. Католические проповедники из Иезуитского ордена в Китае ориентировались на использование конфуцианства в качестве переносчика христианства на китайскую почву. Предполагалось, что, заимствуя внешние, нерелигиозные по своей природе, конфуцианские формы, христианство прорастет через них в качестве нового религиозного сознания.

Обучение китайскому языку миссионеров-иезуитов было организовано по типу традиционного конфуцианского образования и начиналось с усвоения текстов «Четверокнижия» [Megailans, 1688. P. 82]. При этом иероглифы заучивались в южном варианте стандартного произношения, которое было характерно для бывшей главной минской столицы Наньцзина [Ruggieri, Ricci, 2001. P. 49–50]. Это собрание неоконфуцианских текстов было переведено М. Руджери и М. Риччи на латинский язык около 1593 г. и предназначалось для публикации в Европе. Понятно, что так или иначе они должны были затронуть в своем комментарии и вопросы «Шан шу», которая цитируется в «Четверокнижии» [Конфуцианское «Четверокнижие», 2004]. Однако этот перевод не был издан и сейчас числится среди утраченных.

Приоритет первого европейского частичного перевода «Чтимой книги» на кастильский (испанский) язык должен принадлежать доминиканскому монаху Хуану Кобо (Juan Cobo). В отличие от миссионерской практики иезуитов он выбрал для перевода простонародную книгу синкретического

характера, в которой были представлены изречения конфуцианского, буддийского и даосского толка. Судя по транскрипции заглавия книги «Бэнсим по кам» («Драгоценное зеркало просветления сердца» 《明心寶鑑》, в стандартном произношении «Мин синь бао цзянь») и имен китайских мыслителей в переводе Х. Кобо, он познакомился с книгой, читавшейся филиппинскими китайцами на миньяньском (фуцзяньском) диалекте разговорного языка. Перевод был выполнен около 1590 г. в Маниле на Филиппинах. В 1592 г. был подготовлен чистовик рукописи параллельных текстов испанского перевода и китайского оригинала, а в 1595 г. книга была преподнесена доминиканцами в дар наследнику испанского престола будущему королю Филиппу III. Х. Кобо принадлежит также заслуга самых ранних переводов на китайский язык христианских сочинений и знакомства китайцев с европейскими научными достижениями своего времени, особенно в области астрономии [Chen, 2003; Cervera, 1998; Alvarez-Taladriz, 1940. Pp. 657–664; Arnaiz, 1939. P. 657–664]. Китайский оригинал «Мин синь бао цзянь» использовался для обучения иероглифике и представляет собой собрание подобранных по 20-ти темам относительно коротких выдержек из известных книг. В переводе Кобо имеются пять цитат из «Шан шу». Эта замечательная во многих отношениях книга была вновь переведена на испанский язык в XVII в., а потом переводилась и на другие европейские и азиатские языки [Майоров. Драгоценное зеркало..., 2008. С. 170–174; Его же. Петербургские ксилографы..., 2001. С. 174–175].

В XVII в. миссионеры-иезуиты уже значительно лучше владели китайским языком и лучше знали свою «страну пребывания». Одним из главных вопросов, который привлек особое внимание в Европе, стала хронология древнекитайской истории. В 1658 г. иезуитский миссионер итальянец Мартино Мартини (Martino Martini, 1614–1661) опубликовал первую часть своей «Истории Китая...» в 10 главах, а точнее, хронологию китайских правителей с древности до начала нашей эры. В число множества описанных правителей Древнего Китая входило и большинство персонажей «Чтимой книги», начиная с императора Яо и кончая чжоуским Пин-ваном [Martini, 1658. Pp. 11–13, 24–42, 58–63, 69–74, 77–94]. Для некоторых из них М. Мартини приводил отрывки из «Шу цзина» (который он называл Xuking) в своем латинском переводе. Однако среди этих «переводов» немалую часть составляли просто пересказы, и не собственно текстов «Шан шу», а толкований и комментариев. Как можно судить по его замечаниям, иногда они принадлежали неким «китайцам-христианам». Для перевода и в этом случае выбирались легкочитаемые тексты.

Десятью годами позже португальский миссионер-иезуит Габриэль де Магальяеш (Gabriel de Magalhães [во фр. транскрипции: Megailans], 1610–1677) в своей работе, которая увидела свет только в 1688 г. на французском языке, высказался о полной надежности текстов «Шу цзина» (Xu Kin) для достоверной хронологии. Он считал, что записи были сделаны «секретарями» правителей одновременно с представленными в них событиями. Книга же, по его мнению, была составлена Конфуцием из остатков таких записей. Упомянув шесть частей в составе «Шу цзина», Г. де Магальяеш имел в виду официальный неоконфуцианский текст с комментарием Цай Чэня. Однако в другом месте в качестве комментатора конфуцианских книг он называет и Чжан Цзюйчжэна (Chām Kiù Chim) [Megailans, 1688. Pp. 59–60, 65, 82]. Этот наставник малолетнего минского императора Ванли (1573–1620) помимо множества прочих своих популярных работ написал также очень простой и понятный учебный комментарий к «Шу цзину» — «Прямые объяснения к “Канону записей”» («Шу цзин чжи цзе» «書經直解»), опубликованный в начале 1570-х гг. То, что иезуитские миссионеры в Китае преимущественно пользовались текстами «Чтимой книги» с комментариями Чжан Цзюйчжэна и Цай Чэня, названия которых начинались словами *шу цзин* (у Цай Чэня изначально только *шу*, слово *цзин* было добавлено позже), определило и привычное название этой классической книги «Шу цзин» в Европе, хотя в самом Китае ее значительно чаще называли и называют «Шан шу».

В 1687 г. в Париже вышла книга «Китайский философ Конфуций...», составленная группой иезуитов под руководством выходца из испанских Нидерландов (совр. Бельгия) Филиппа Купле (Philippe Couplet, 1622/1623–1693), которая должна была показать в Европе характерные черты китайского сознания и тем самым послужить обоснованием «аккомодации», которую иезуиты использовали в своей проповеднической деятельности в Китае. Эта сравнительно успешная практика подвергалась нападкам миссионеров других католических орденов и постепенно стала центром так называемого «спора о ритуалах» [Дубровская, 2000. С. 160–187]. Издание было знаменательно, прежде всего публикацией латинских переводов трех первых книг конфуцианского «Четверокнижия» (кроме последней книги «Мэн-цзы»), но важную ее часть составили и монография Купле «Предварительное

замечание» и две «Хронологические таблицы китайской монархии», корректировавшие и продолжавшие хронологию М. Мартини. Первая таблица начиналась правлением Желтого императора (а не Фу Си, как у Мартини) в 2697 г. до н. э. и продолжалась до 1 г. до н. э.; вторая включала период от 1 г. н. э. до 1683 г.

Как и в работе Магальяша, у Купле в «Предварительном замечании» давался обзор классических китайских книг, в том числе и «Шу цзина» (*Xucim* и *xu-kim*), который он называл «царской книгой» (*liber Regius*), возможно, соотнося это название с китайским «Шан шу». Уже это обстоятельство послужило причиной многочисленных упоминаний «Чтимой книги», ее исторических лиц и ссылок на ее содержание, однако ее присутствие на страницах книги Купле в значительной степени определялось еще и тем, что он поставил задачу показать, что у древних китайцев имелось понятие единого Бога. Именно в «Шан шу» неоднократно говорится о Шанди (*Xamti*, *Supremus Imperator*; *Верховный Предок*) и Тянь (*Tien*, *coelum*; *Небо*), которые Купле представлял разными наименованиями одного и того же Бога. Контексты употребления данных слов в тексте «Шан шу» не отличаются разнообразием, чтобы из них выводилось содержание понятия, поэтому Ф. Купле практически везде излагает не сам канонический текст, а комментарий к нему.

Полный латинский перевод «Четверокнижия» вышел в Праге в 1711 г. Его составитель и один из переводчиков иезуит-валлон Франсуа Ноэль (*François Noël*, 1651-1729) перевел на латинский язык «Мэн-цзы», а также дополнительно к «Четверокнижию» еще две другие конфуцианские книги. Издание Ф. Ноэля состоялось тогда, когда «Общество Иисуса» стало терять расположение папского престола. Дополнительные пояснения в этом издании были сокращены, тем не менее осталось немало упоминаний «Шан шу» и ее персонажей.

Изучение миссионерами-иезуитами Китая, конечно, не ограничивалось представленными ранее книгами. Однако в свое время именно эти книги привлекли к себе наибольшее внимание. В них оказался последовательно представлен круг проблем, которые были предметом рассмотрения в учении фигурализма (фигуризма) и стали поводом к публикации частичного, а затем и полного перевода «Шан шу» в XVIII в.

Литература

1. Дубровская Д. В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775). — М.: «Крафт+», Изд-во Ин-та востоковедения РАН, 2000. — 256 с.
2. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сышу») / пер. с кит и коммент. А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова, Л. С. Переломова и др. — М.: Восточная литература РАН, 2004. — 431 с.
3. Майоров В. М. Драгоценное зеркало просветленного сердца // Вопросы истории. — 2008. — № 5. — С. 170–174.
4. Майоров В. М. Петербургские ксилографы «Мин синь бао цзянь» // Модернизация и традиции: материалы XXVI междунар. конф. по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. — С. 174–175.
5. Alvarez-Taladriz, J. L. Dos Notas sobre la Embajada del Padre Juan Cobo // Monumenta Nipponica. Tokyo: Sophia University, 1940. — Vol. 3. — Pp. 657-664.
6. Arnaiz, Gregorio. Observaciones sobre la Embajada del Dominico P. Juan Cobo // Monumenta Nipponica. Tokyo: Sophia University, 1939. — Vol. 2. — Pp. 657-664.
7. Cervera, Josi Antonio. Scientific and Cultural Relations between Spain and China through The Philippines: Fray Juan Cobo and his Works in Astronomy // 8th International Conference on the History of Science in China. — Berlin, 1998.
8. Chen, Matthew Y. Unsung Trailblazers of China-West Cultural Encounter // *Ex / Change: Newsletter of Centre for Cross-Cultural Studies (CCS)*. Hong Kong: City Univ. of Hong Kong, 2003. Issue No 8.
9. Historia de las cosas mas notables ritos y costumbres del gran reyno dela China: sabidas assi por los libros de los mesmos chinas, como por relación de Religiosos, y otras personas que han estado enel dicho Reyno / Hecha y ordenado por el muy R. P. Maestro fray Ioã Gonçalez de Mendoça, dela Orden de S Augustin y penitenciario Apostolico, a quien la Magestad Catholica em bio con su Real carta, y otras cosas para el Rey de aquel Reyno, el Año. 1580. Barcelona: Joan Pablo Manescal, 1586.
10. The history of the great and mighty kingdom of China and the situation thereof / Compiled by the padre Juan Gonzalez de Mendoza. [English] tr. of R. Parke. Ed. by G. T. Staunton. Vol. 1. L.: Hakluyt Society, 1853. — Vol. 1.
11. Martini Martini. Sinicae historiae decas prima. Res à origine ad Christum natum in extremâ Asiâ, sine Magno Sinarum Imperia gestas complexa. Monachii: Typis Lucae Straubius, impensis Joannis Wagnerus Civis, 1658.
12. Megailans, Gabriel. A new history of China: containing a description of the most considerable particulars of that vast empire / Done out of French. L.: Printed for Thomas Newborough, 1688.
13. Ruggieri, Michele; Ricci, Matteo. Dicionário Português-Chinês / Ed. John W. Witek. Lisboa: Biblioteca nacional Portugal; Macau: Instituto Português do Oriente; San Francisco: Ricci Institute for Chinese-Western cultural History, University of San Francisco, 2001.

References

1. Dubrovskaya D. V. *Missiya uezuitov v Kitae. Matteo Richchi i drugie (1552–1775)* [Jesuit Mission in China. Matteo Ricci and others (1552–1775)]. Moscow: «Kraft+», Institute of Oriental Studies RAS, 2000. 256 p.
2. *Konfutsianskoe «Chetveroknizhie» («Syshu»)* [Confucian "Four Books" ("Syshu")]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2004. 431 p. (transl. from Chinese)
3. Maiorov V. M. Dragotsennoe zertsalo prosvetlennogo serdtsa [Precious mirror of an enlightened heart]. *Voprosy istorii — Problems of history*. Moscow, 2008. No. 5. Pp. 170–174.
4. Maiorov V. M. Peterburgskie ksilografy «Min sin' bao tszyan'» [Petersburg xylographs "Bao Jian Ming Blue"]. *Modernizatsiya i traditsii — Modernization and traditions*. 26th Int. conf. on chronology and historiography of Asian and African countries. St. Petersburg State University, 2011. Pp. 174–175.
5. Alvarez-Taladriz J. L. Dos Notas sobre la Embajada del Padre Juan Cobo. *Monumenta Nipponica*. Tokyo: Sophia University, 1940. V. 3. Pp. 657–664. (Spanish)
6. Arnaiz G. Observaciones sobre la Embajada del Dominico P. Juan Cobo. *Monumenta Nipponica*. Tokyo: Sophia University, 1939. V. 2. Pp. 657–664. (Spanish)
7. Cervera J. A. Scientific and Cultural Relations between Spain and China through the Philippines: Fray Juan Cobo and his Works in Astronomy. 8th *International Conference on the History of Science in China*. Berlin, 1998.
8. Chen M. Y. Unsung Trailblazers of China–West Cultural Encounter. *Newsletter of Centre for Cross-Cultural Studies (CCS)*. Hong Kong: City Univ. of Hong Kong, 2003. No. 8.
9. *Historia de las cosas mas notables ritos y costumbres del gran reyno dela China: sabidas assi por los libros de los mesmos chinas, como por relación de Religiosos, y otras personas que han estado enel dicho Reyno / Hecha y ordenado por el muy R. P. Maestro fray Joã Gonçalez de Mendoça, dela Orden de S Augustin y penitenciario Apostolico, a quien la Magestad Catholica em bio con su Real carta, y otras cosas para el Rey de aquel Reyno, el Año. 1580*. Barcelona: Joan Pablo Manescal, 1586. (Spanish)
10. *The history of the great and mighty kingdom of China and the situation thereof*. Compiled by the padre Juan Gonzalez de Mendoza. [English] tr. of R. Parke. Ed. by G. T. Staunton. L.: Hakluyt Society, 1853. V. 1.
11. Martini M. *Sinicae historiae decas prima. Res à origine ad Christum natum in extremâ Asiâ, sine Magno Sinarum Imperia gestas complexa*. Monachii: Typis Lucae Straubius, impensis Joannis Wagnerus Civis, 1658.
12. Megailans G. *A new history of China: containing a description of the most considerable particulars of that vast empire*. Done out of French. L.: Printed for Thomas Newborough, 1688.
13. Ruggieri M., Ricci M. *Dicionário Português-Chinês* / Ed. John W. Witek. Lisboa: Biblioteca nacional Portugal; Macau: Instituto Português do Oriente; San Francisco: Ricci Institute for Chinese-Western cultural History, University of San Francisco, 2001.

УДК 902.3, 902.21

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-188-195

Палеолит Селенги на территории России и Монголии (перспективы исследований)

© **Ташак Василий Иванович**

кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,

Россия, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: tv1960@mail.ru

Река Селенга — крупнейшая водная артерия Монголии и Западного Забайкалья (Россия). Человек селился на берегах этой реки начиная с эпохи палеолита. Первые исследования каменного века Западного Забайкалья начинаются с открытия и изучения стоянок каменного века, расположенных на берегах Селенги. В настоящее время в российской части долины Селенги известно несколько десятков археологических местонахождений эпохи палеолита, но раскопки проводились только на некоторых из них. Акцент исследований палеолита в Западном Забайкалье сместился на берега притоков Селенги. На территории Монголии в настоящее время ведётся активное исследование памятников палеолита, но так же, как и в Забайкалье, по притокам Селенги.

Целью данной статьи является показ перспективности изучения палеолита в долине Селенги и ввод в научный оборот ряда палеолитических местонахождений на её берегах, выявленных в ходе российско-монгольской экспедиции 2008 г.

Ключевые слова: археология, палеолит, мезолит, археологическая культура, Западное Забайкалье, Монголия, река Селенга

The Palaeolithic of the Selenga River at the Territory of Russia and Mongolia (Possibility of Investigations)

Vasily I. Tashak

PhD in history, main scientific researcher of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch.

6, Sakhynovoy Str., Ulan-Ude 670047, Russia

The Selenga River is the major waterway of Mongolia and Western Transbaikal (Russia). The people settled on the shores of this river from the Paleolithic epoch. The first investigations of Western Transbaikal Stone Age had begun with discovering and researching situated on the Selenga River shores sites dated to the Stone Age. At the present days there are known a few tens of archeological sites in the Russian part of the Selenga River valley, but only some of them were excavated. The focus of the Western Transbaikal Palaeolithic research shifted on the branches of tributaries of the Selenga River.

The article is aimed to demonstrating promising prospects of investigations in the Selenga River Valley and to introducing into scientific use a set of Paleolithic sites on its branches revealed in the course of the Russian-Mongolian expedition in 2008.

Keywords: archeology, Palaeolithic, Mesolithic, archaeological culture, Western Transbaikal, Mongolia, the Selenga River.

Селенга — крупнейшая водная артерия Монголии и Западного Забайкалья (Россия). В бассейне этой реки сосредоточено большое количество археологических объектов, хронологически покрывающих огромный промежуток времени — от палеолита до позднего средневековья. Именно на берегах Селенги осуществляются одни из первых археологических экспедиций в Западном Забайкалье. В конце XIX века село Усть-Кяхта, расположенное на правом берегу Селенги, на юге Западного Забайкалья (недалеко от современной границы с Монголией), становится известным в археологических кругах России. Здесь были собраны одни из первых археологических коллекций Забайкалья. Обилие древних стоянок и могильников различных эпох, сосредоточенных в окрестностях села, привлекало сюда первых исследователей средневековья, железного, бронзового и каменного веков Забайкалья.

В то время раскопок стоянок практически не было. Раскопочными методами в основном изучались бронзовый и железный века. Коллекции артефактов каменного века пополнялись в ходе подъемных сборов материалов на древних поселениях с разрушенными или разрушающимися культурными горизонтами. Количество находок было значительным, что и позволило констатировать сам этап каменного века на территории Забайкалья, а затем и сделать первые выводы о развитии материальной культуры и человека каменного века в регионе [7].

В дальнейшем, до начала второй половины XX века, археологические материалы каменного века, собранные на берегах Селенги, в первую очередь в окрестностях Усть-Кяхты, являлись основой изучения палеолита Забайкалья. Только со второй половины XX в. на берегах Селенги начинаются ис-

следования палеолита на основе раскопочных работ, но в это время ареал археологических исследований на территории Забайкалья значительно расширился и палеолитические местонахождения с берегов Селенги стали отходить на второй план в палеолитоведении Забайкалья.

Начало систематического изучения каменного века Монголии относится к большой комплексной экспедиции Р. Ч. Эндрюса 1922–1925 гг. Сама экспедиция в первую очередь имела палеонтологическую направленность, но одним из главных направлений экспедиции был поиск древнейшего человека [16; 6; 9]. Кроме того, в составе экспедиции работал Н. К. Нельсон — штатный археолог, который собрал богатую археологическую коллекцию и дал её первое описание [18]. Вместе с тем эта экспедиция обследовала преимущественно южные и восточные районы современной Монголии и не касалась долины Селенги.

Только со второй половины XX в. происходит многократное усиление исследований палеолита на территории Монголии [8; 9]. В 1990-е и в начале 2000-х гг. продолжают активно работать российско-монгольские экспедиции. Периодически экспедиция расширяется до более обширного международного состава, например, российско-монгольско-американская [3]. Несмотря на значительное расширение экспедиционных исследований, в том числе и направленных на изучение палеолита, непосредственно на берегах Селенги такого усиления не происходит.

Целью данной статьи является рассмотрение изученности палеолита по берегам Селенги на территории России (Республика Бурятия) и перспектив изучения палеолита по берегам Селенги в Монголии на основе разведочных работ 2008 г.

Как уже отмечалось, систематические исследования каменного века на территории Забайкалья начались в конце XIX в. в нескольких десятках километров от монгольской границы, тогда ещё границы с Китайской империей, в окрестностях с. Усть-Кяхта, на берегах Селенги. Но масштабным раскопкам на берегах Селенги впервые подвергся другой археологический памятник, содержащий палеолитические материалы. Этим памятником оказался многослойный объект Ошурково, расположенный на северной окраине села Ошурково (отсюда и название) и более чем в 200 км севернее границы Монголии. По оценке первооткрывателя А. П. Окладникова, это многослойный памятник с неолитическим материалом в верхнем слое и мезолитическими и палеолитическими материалами в трёх культурных горизонтах [7]. Ещё один археологический объект с палеолитическими или мезолитическими культурными горизонтами раскапывался в конце 70-х гг. XX в. под общим руководством А. П. Окладникова. Этот объект, расположенный на окраине с. Усть-Кяхта, получил наименование Усть-Кяхта-3. В ходе его раскопок было получено большое количество каменных артефактов, датируемых финальным плейстоценом. В археологической периодизации Усть-Кяхта-3 относится к финальному палеолиту или мезолиту. Материалы этого памятника могли оказаться эталонными для характеристики указанного периода в Западном Забайкалье, но не считая нескольких упоминаний в литературе [9; 1], эти материалы до сих пор не опубликованы. Довольно обширный свод материалов Усть-Кяхты-3 приведён в диссертационном исследовании В. И. Ташака [11].

Только с начала 1990-х гг. были возобновлены систематические исследования палеолита на берегах Селенги под руководством В. И. Ташака. В это время раскапывается открытый в 1989 г. многослойный памятник финального плейстоцена Усть-Кяхта-17 [10; 14]. Усть-Кяхта-17 во многом оказалась идентичной Усть-Кяхте-3, что позволило говорить о ярком проявлении и ядре распространения выразительной археологической культуры, которая в общих чертах была описана ещё Г. Ф. Дебецем как селенгинская [2]. Поскольку археологические материалы Усть-Кяхты-17 и Усть-Кяхты-3 в основном соответствовали по описанию тем, что были Г. Ф. Дебецем отнесены к селенгинской культуре, то было предложено оставить именно это наименование и для новых археологических материалов [13].

Помимо Усть-Кяхты-17 на правом берегу Селенги были открыты памятники Усть-Кяхта-13, 14, 15 — это обширные по площади местонахождения с палеолитическими материалами, залегающими на склонах присклоновых шлейфов хребта Хангай [14]. На данных местонахождениях были поставлены разведочные шурфы, в которых также были обнаружены разрозненные археологические материалы. Исследования местонаждений Усть-Кяхта-13 — 15 показали перспективность поиска палеолитических памятников на удалении от берега и на высоких отметках относительно р. Селенги. Кроме того, работа на этих местонахождениях показала, что на берегах Селенги перспективен и поиск более древних стоянок палеолита, нежели Усть-Кяхта-17 и Усть-Кяхта-3, датируемых в пределах 13–11 тыс. л. н.

Новые перспективы в плане изучения вопросов хронологии и культурной принадлежности позднеплейстоценовых стоянок в районе с. Усть-Кяхта намечались при более тщательном исследовании

на местонахождении Усть-Кяхта-16 (Подчерная). Памятник расположен в 4 км северо-восточнее села, в 550 м от правого берега р. Селенги, на присклоновом шлейфе, рассеянном глубоким сезонным водотоком. В 1997–1998 гг. здесь проводились шурфовочные и раскопочные работы.

В целом индустрия Усть-Кяхты-16 своеобразна и имеет четко выраженные отличия от индустрии производства каменных орудий на Усть-Кяхте-17 [12]. Время функционирования стоянки-мастерской предварительно возможно определить в пределах позднего этапа каргинского потепления — начала сартанского похолодания, что подтверждается находками артефактов в третьем слое субаэральных пылеватых песков. Возраст этого слоя древнее финальной стадии последнего похолодания. Археологический материал памятника также не противоречит подобным выводам, т. е. относится к раннему верхнему палеолиту и началу среднего этапа верхнего палеолита.

Археологическое местонахождение Били, изучавшееся под руководством В. И. Ташака в 2000 г., расположено на левом берегу Селенги, но в пределах видимости с. Усть-Кяхта [15]. Этот объект, предварительно датируемый финалом палеолита (мезолита) — ранним неолитом, интересен тем, что его археологические материалы представляют самостоятельную линию развития, а не демонстрируют преемственности с материалами наиболее близких по хронологии памятников Усть-Кяхта-17 и Усть-Кяхта-3.

В целом на данном этапе исследований каменного века на берегах Селенги, в пределах Российской Федерации, известно несколько десятков археологических местонахождений, относящихся к эпохе палеолита. Из них менее десятка подверглось исследованию с применением раскопочных работ, по объёму выходящих за пределы разведочных шурфов. Наиболее изученной в результате раскопок оказалась эпоха, датируемая финалом палеолита, мезолитом, — селенгинская археологическая культура. Основу этих данных составляют материалы раскопок Усть-Кяхты-3, Усть-Кяхты-17 и Ошурково. Более ранние этапы палеолита на берегах Селенги известны по подъёмным материалам и материалам раскопок Усть-Кяхты-16. Но здесь этот этап изучен значительно хуже, чем по данным с берегов крупных и малых рек, входящих в бассейн Селенги.

Систематические исследования палеолита на территории Монголии начинаются с масштабных раскопок древнего поселения Мойлтын ам в 1960 г., расположенного на берегу р. Орхон, недалеко от монастыря Эрдэни-Дзу и древнего Каракорума [9]. В течение последующих 20 лет изучение палеолита Монголии проходит в тесном сотрудничестве советских и монгольских исследователей под общим руководством А. П. Окладникова. С 1990-х гг. масштабные исследования палеолита Монголии осуществляются в рамках российско-монгольских и российско-монгольско-американских экспедиций, возглавляемых А. П. Деревянко. При этом разведочному археологическому обследованию подвергались территории Гоби, Монгольского Алтая, юго-восточных районов Монголии.

Раскопочные работы, связанные с изучением палеолита Монголии развернулись в долинах рек, входящих в бассейн Селенги. В 2000-е гг., кроме российско-монгольских здесь стали работать экспедиции с увеличенным международным составом. Сама долина Селенги и ближайшие к ней небольшие долины оказались за пределами разведанных масштабных раскопок. Наиболее крупные раскопочные работы проводились в разные годы на таких местонахождениях, как Орхон-1, Орхон-7 [4], Толбор-4, Толбор-15 [5]. Орхон-1 и Орхон-7 расположены на берегу р. Орхон, недалеко от местонахождения Мойлтын ам и на большом удалении от берегов Селенги. Серия местонахождений Толбор находится значительно ближе к долине Селенги — по берегам небольшого правого притока с одноимённым названием.

На левобережье крупного левого притока Селенги Эгийн Гол французскими исследователями начиная 1999 г. выявлен ряд местонахождений, получивших наименование Дурулж (Доролж). На местонахождении Дурулж-1 проводились масштабные раскопочные работы [17].

В целом археологические материалы, обнаруженные на указанных памятниках, дают исследователям возможность проследить развитие материальной культуры древнего человека на значительном временном отрезке — от поздней фазы среднего палеолита до финальной стадии позднего палеолита. Основываясь только на результатах раскопочных работ последних двух десятилетий, предпринятых на берегах селенгинских притоков на территории Монголии, можно говорить о перспективности изучения палеолита непосредственно в долине Селенги.

Правильность таких выводов была подтверждена в 2008 г. работой российско-монгольской экспедиции «Селенга без границ». Непосредственное руководство полевыми работами экспедиции осуществлял С. В. Данилов. Маршрут экспедиции был намечен по долине Селенги, там, где это возможно, начиная от её истока и до границы с Российской Федерацией. При этом надо отметить, что работа

экспедиции началась сразу от Улан-Батора, поскольку путь к верховьям Селенги представлял значительный интерес в плане археологии. Задачи, решаемые проектом, были обширны: охват максимального количества археологических памятников по пути следования экспедиции, а также этнографические исследования. Одной из задач экспедиции ставился поиск новых археологических объектов, а также оценка их перспективности для изучения. Поиск палеолитических местонахождений являлся частью этой обширной задачи.

В ходе проведения экспедиционных работ было обнаружено более двух десятков местонахождений каменного века. В данной работе даётся характеристика местонахождений, выявленных непосредственно в долине реки Селенги или в долинах притоков и падей, в непосредственной близости к её берегам.

Местонахождение палеолитического материала Дэлгэр-Мурэн в местности Олон голын бильчир. Археологический объект расположен на правом берегу реки Дэлгэр-Мурэн в 950 — 1000 м западнее её правого берега и в 1400 м на север, северо-запад от места слияния рек Дэлгэр-Мурэн и Идэр-Гол и формирования истока Селенги.

Палеолитический материал фиксируется на присклоновых шлейфах крайних западных отрогов хребта Булнай Нуру, спускающихся к месту истока Селенги. С севера проходит русло небольшой речки Бугэйин-Гол, впадающей с запада в Дэлгэр-Мурэн. Концентрация палеолитических артефактов приходится на северную часть крупного могильника, состоящего из нескольких керексуров и расположенного между склонами отрога и берегом Дэлгэр-Мурэна.

Всего на местонахождении собрано 9 артефактов, среди которых один нуклеус, один фрагмент призматической пластины и 7 отщепов. Нуклеус клиновидный, торцовый, монофронтальный. Оформлен, по всей видимости, на плоскостном нуклеусе или заготовке, подготовленной как плоскостной нуклеус, что типично для селенгинской индустрии, выделенной на материалах Усть-Кяхты-17 и Усть-Кяхты-3 [11; 13; 14]. Клин торцового нуклеуса представлен остатками ударной площадки плоскостного нуклеуса. Ударная площадка клиновидного нуклеуса оформлена в манере, типичной для селенгинской техники, — скошена от одной латерали к другой серией мелких сколов и подправлена только по краю фронта. На торце негативы микропластинчатых снятий.

Отщепы представлены 7 экземплярами, 2 из которых крупные. На одном из отщепов оформлено долотовидное изделие с вогнутым лезвием. Изделие короткое. Подобного типа орудия известны в Подзвонкой. Второе изделие изготовлено из плоского широкого отщепа, на коротком крае которого мелкой ретушью оформлено лезвие скребла.

В целом материалы этой стоянки имеют одинаковую степень патинизации — сильную — и, вероятно, относятся к ранней стадии развития культуры с селенгинской технологией. Пластины — ровные и тонкие в сечении относительно ширины, встречаются, точнее, характерны для усть-кяхтинских памятников. Долотовидное изделие короткой формы характерно для более ранних стадий верхнего палеолита и пока в материалах возрастом 12–13 тыс. л. н., здесь орудия такого типа узкие. При этом этот артефакт не патинизирован и дефлирован в очень малой степени. Возможно, часть материала разновременная, но в большинстве археологические материалы местонахождения Бугэйин следует рассматривать в рамках селенгинской индустрии, предположительно её раннего этапа — около 17–15 тыс. л.н.

Местонахождение палеолитического материала Хошогийн-Овор расположено на левобережье р. Селенга, в 500 м севернее протоки и в 22,5 км на северо-восток от истока Селенги. В плане геоморфологии участок представлен зоной контакта горных склонов, окаймляющих левобережье реки, и обширных подгорных шлейфов, протянувшихся в южном направлении.

Здесь обнаружено 11 артефактов: 1 нуклевидное изделие (тщательно подготовленный контрфронт как у леваллуазских нуклеусов); девять отщепов и проксимальный фрагмент крупной пластины. Все артефакты с поверхностью разной степени дефляции, преобладает очень сильная дефляция.

В целом археологические материалы этого местонахождения малопригодны для полноценного определения их культурной и хронологической принадлежности. Тем не менее проксимальный фрагмент крупной и массивной пластины, характерной для памятников раннего этапа верхнего палеолита, а также заготовка нуклеуса, предположительно леваллуазского, и сильная дефляция поверхности артефактов позволяют предварительно рассматривать данное местонахождение как ранневерхнепалеолитическое.

Местонахождение палеолитического материала Далхын-Чуло расположено в 8,5 км на северо-запад от населенного пункта Их-Уул, на левобережье р. Селенга. Палеолитические артефакты найдены на западном краю обширной западины, полуцирком вдавшейся в гористый борт по левобе-

режью Селенги. Ближе к восточной оконечности западины находится современное культовое место Далхын-Чуло, представляющее собой крупный камень. Возможно, это каменное изваяние, но оно так плотно обмотано полотнищами ткани (хадаками), что разглядеть его форму не представляется возможным. Расстояние от культового места до места сбора артефактов 950 в северо-восточном направлении.

Здесь собрано всего 2 артефакта, но оба орудия. Первое — фрагмент краевого скребла на крупной пластине. Сохранилась дистальная часть пластины: длина 8,5 см; ширина 1,8 см. Дистальный конец остроконечный, подправленный крупными сколами и дополнительно ретушированный. Полностью ретуширован правый край, левый край ретуширован только в дистальной зоне (острие). Пластина изготовлена из зеленоватого сырья, типичного для селенгинских памятников типа Усть-Кяхта-16, и сильно патинизирована (на спинке до белого цвета), дефляция умеренная.

Второе изделие — это скребло-нож на овальном отщепе. На дорсальной поверхности частично сохранилась галечная корка. Негативы сколов, оформляющих дорсальную поверхность, поперечные продольной оси. Ретушь дорсальная, краевая, разнофасеточная. Оба орудия не характерны для финального палеолита, но могут быть рассмотрены в рамках культуры Усть-Кяхты-16, где встречаются подобные артефакты. Другими словами, данный памятник предварительно может быть отнесен к начальному этапу верхнего палеолита. Эти выводы предварительные, но сохранность материала: сильная патинизация и умеренная дефляция, не противоречит им.

Местонахождение палеолитического материала Их-Уул-2 расположено в 1,9 км северо-западнее населённого пункта Их-Уул, на возвышенности, через которую проходит дорога, ведущая на запад от Их-Уула. Артефакты собраны в 50 м севернее дороги, рядом с керексурами.

Артефакты — всего 13 экземпляров. В их числе 1 массивный первичный отщеп, 1 обушковый скол, 2 первичных отщепов, 6 небольших отщепов, 1 отщеп, типологически напоминающий асимметричный леваллуазский скол, 2 пластины с неровными краями и огранкой. Поверхность большинства артефактов сильно дефлирована и патинизирована.

Морфологически артефакты нехарактерны для селенгинских памятников финального палеолита. Предварительно их можно датировать ранним этапом верхнего палеолита.

Местонахождение палеолитического материала Их-Уул-1 расположено в 0,9 км на запад от населённого пункта Их-Уул и в 30 м на север от левого берега Селенги. Здесь наблюдаются разветвленные песчаные поверхности, на которых и были собраны археологические материалы.

Всего 6 артефактов: 2 пренуклеуса, оформленных на гальках; 1 фрагмент пренуклеуса; 3 отщепов. Пренуклеусы типичны для селенгинских финальнопалеолитических памятников: ударные площадки, скошенные к контрфронт, оформлены несколькими крупными сколами с последующей подработкой края мелкими сколами. Начало скалывания ориентировано на естественное ребро угловатых галек. Этот набор дополняет обломок пренуклеуса такого же типа.

На одном из отщепов оформлено орудие — по одному продольному и поперечному краям нанесена стелющаяся краевая вентральная ретушь.

Как уже указывалось, пренуклеусы с наметившимся расщеплением типичны для селенгинской индустрии. Изделия с вентральной ретушью для этой индустрии единичны.

Местонахождение археологического материала Намнангийн (название дано по названию небольшого горного хребта, у южного подножия которого находится археологический памятник) расположено в 40 км на запад от населённого пункта Хутаг, в 200 м от левого берега Селенги. Артефакты собраны на поверхности подгорного шлейфа, с запада ограниченного скальным массивом, подходящим непосредственно к берегу реки. Восточнее наблюдается широкая пойма Селенги, заросшая кустарником и деревьями.

Всего собрано 13 артефактов. Из них 1 торцовый нуклеус, оформленный на первичном отщепе; 1 мелкий обломок бифаса; 11 отщепов. Торцовые нуклеусы на отщепов и бифасы нехарактерны для селенгинской индустрии, но находят аналогии с материалами Усть-Кяхты-16. Исходя из этого, предварительно, материалы Намнангийна могут быть отнесены к поздней фазе раннего верхнего палеолита, ранней фазе среднего этапа верхнего палеолита.

Местонахождение палеолитического материала Арсалан-Тологой (Львиная голова) расположено в 10 км на запад (с небольшим отклонением на север) от сомонного центра Хутаг-Ундер. В этом месте долина Селенги сильно расширяется и от горных склонов к её берегу протянулись протяжённые и пологие шлейфы, поверхность которых во многих местах раскопана. Ближе к южному краю шлейфа, с севера на юг, протянулась невысокая каменистая грива, состоящая из низких (вместе с за-

дернованным основанием не более 5 м) базальтовых останцов. Эта каменная грива и называется Арсалан-Тологой. В её южной части собран археологический материал. От места концентрации артефактов около 1 км в юго-восточном направлении до средневекового уйгурского городища Бий-Балык.

Всего на памятнике собрано 30 артефактов. Из них 2 нуклеуса, 3 массивных скола, 6 крупных отщепов, 6 средних отщепов, 6 мелких (в том числе подсчитывались фрагменты), 4 фрагмента пластин, 2 фрагмента продольных, треугольных в сечении сколов.

На одном из крупных отщепов оформлено скребло. Ретушь дорсальная краевая регулярная. Занимает часть продольного края и поперечный. Данное орудие по характеру нанесения ретуши очень похоже на одно из орудий местонахождения Далхын-Чуло. В нем наблюдается бифасиальная обработка.

Два скола переоформлены в торцовые нуклеусы для микропластин. Первый — это фрагмент крупного отщепа, его частично сохранившийся край ретуширован, край плоскости слома подработан как у нуклеуса. Сколы направлены на дорсальную поверхность. Вся дорсальная поверхность сильно патинизирована, в том числе негативы сколов подправки. С одного края этого отщепа снята микропластина. Дефляция дорсальной поверхности близка к средней.

Второе изделие оформлено на проксимальном фрагменте пластины. Края пластины ретушированы крупной дорсальной ретушью. После поломки край слома был оформлен крутой крупной ретушью в прямое поперечное лезвие с последующей подработкой рабочей кромки. Затем эта кромка была снята микропластинчатым снятием. Патинизация поверхности сильная. Дефляция умеренная, до средней.

Нуклеусы: первый — по форме подпризматический, одноплощадочный, монофронтальный; второй — плоскостной, монофронтальный, одноплощадочный. На одном краю оформлено ребро, что характерно для плоскостных нуклеусов Забайкалья. Форма овальная. На фронтальной поверхности негатив скола — овального отщепа. Дефляция поверхности плоскостного нуклеуса сильная. Дефляция поверхности призматического нуклеуса от среднего до сильного.

Предварительно данное местонахождение может быть датировано поздней фазой раннего верхнего палеолита.

Долина р. Селенги, крупнейшей реки Монголии и Западного Забайкалья, служила транспортной артерией для многих культур и народов, что ярко иллюстрируется многочисленными археологическими памятниками, оставленными здесь начиная от бронзового века и до позднего средневековья. Что касается каменного века и особенно эпохи палеолита, то на современном этапе исследований произошли определённые сдвиги в области открытия новых палеолитических местонахождений и накопления фактического материала. Тем не менее в настоящее время большинство систематически изучаемых объектов палеолита локализуются в группах или предстают одиночными, рассредоточившись по притокам Селенги. Непосредственно на берегах Селенги наиболее изученными являются памятники финала палеолита, входящие в селенгинскую культуру. Детально изучена эта культура на территории России и совершенно не изучена на территории Монголии. Остаются без ответа вопросы о направлении движения различных археологических культур начиная от среднего до финального палеолита.

По результатам работ экспедиции 2008 г. обозначились перспективы исследований палеолита непосредственно на берегах Селенги. Возможно, изучение местонахождения Дэлгэр-Мурэн с археологическими материалами, характерными для селенгинской группы памятников, позволит проследить пути миграций носителей этой культуры и определить её истоки. Ряд местонахождений с материалами, характерными для раннего этапа верхнего палеолита, позволит связать на обширной территории локальные группы памятников и отдельные памятники, известные в бассейне Селенги.

Литература

1. Асеев И. В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. — Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2003. — 208 с.
2. Дебец Г. Ф. Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья // Изв. ассоц. науч.-иссл. ин-тов при физико-матем. фак-те МГУ. — 1930. — Т. 3, № 2а. — С. 151–169.
3. Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1995 г. / Деревянко А. П. [и др.]. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. — 328 с.
4. Деревянко А. П., Кандыба А. В., Петрин В. Т. Палеолит Орхона. — Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2010. — 384 с.
5. Развитие технологических традиций изготовления орудий в каменных индустриях раннего этапа верхнего палеолита Северной Монголии (по материалам стоянок Толбор-4 и -15) / А. П. Деревянко [и др.] // Археология, этнография и антропо-

логия Евразии. — 2013. — № 4. — С. 21–37.

6. Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч. 1. Азия и проблема родины человека (история идей и исследования). Новосибирск: Наука, 1969. — 390 с.

7. Окладников А. П. Палеолит Забайкалья. Общий очерк // Археологический сборник. — Улан-Удэ: БурГИЗ, 1959. — Вып. 1. — С. 2–26.

8. Окладников А. П. Новое в изучении древнейших культур Монголии (по работам 1960 г.) // СЭ. — 1962. — № 1. — С. 83–90.

9. Окладников А. П. Палеолит Центральной Азии. Мойлтын-ам (Монголия). — Новосибирск: Наука, 1981. — 406 с.

10. Ташак В. И. Усть-Кяхта-17 — многослойное поселение на р. Селенге // Культуры и памятники эпохи камня и ранне-го металла Забайкалья. — Новосибирск: Наука, 1993. — С. 47–64.

11. Ташак В. И. Палеолит и мезолит юга Бурятии: дис. канд. ист. наук. — Улан-Удэ, 1995. — 175 с.

12. Верхний палеолит Усть-Кяхты в свете новых исследований // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. — С. 195–204.

13. Ташак В. И. Торцовые клиновидные нуклеусы Западного Забайкалья в позднем палеолите и мезолите // Каменный век Южной Сибири и Монголии: теоретические проблемы и новые открытия. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. — С. 59–73.

14. Ташак В. И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. — 130 с.

15. Ташак В. И. Стоянка Били: поздний мезолит — ранний неолит на юге Бурятии // Известия лаборатории древних технологий. — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005б. — Вып. 3. — С. 135–148.

16. Эндриус Р. Ч. По следам первобытного человека. Экспедиция в Центральную Азию. — Л.: Изд-во П. П. Сойкин, 1927. — 111 с.

17. Jaubert J., Bertran P., Fontugne M., Jarry M., Lacombe S., Leroyer C., Marmet E., Taborin Y., Tsogtbaatar B., Brugal J. P., Desclaus M., Poplin F., Rodière J., Servelle C. Le Paléolithique supérieur ancien de Mongolie: Dörölj 1 (Egiin Gol). Analogies avec les données de l' Altaï et de Sibérie // Acts of the XIVth UISPP Congress, University of Liège, Belgium, 2–8 September 2001. Section 6: Le Paléolithique Supérieur. Oxford, 2004. P. 225–241.

18. Nelson N. C. The Dune Dwellers of the Go-bi // Natural History. 1926b. Vol. 26 (May-June). No. 3. P. 246–251.

References

1. Aseev I. V. *Yugo-Vostochnaya Sibir' v epokhu kamnya i metalla* [South-Eastern Siberia in the era of rock and metal]. Novosibirsk: Institute of Automation and Electrometry SB RAS publ., 2003. 208 p.

2. Debets G. F. Opyt vydeleniya kul'turnykh kompleksov v neolite Pribaikal'ya [The experience of cultural complexes allocation in the Neolithic Baikal region]. *Izvestiya assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov v pri fiziko-matematicheskoy fakul'tete MGU — Proc. of scientific research institutes association under Physics and Mathematics Faculty of Moscow State University*. V. 3. No. 2a, 1930. Pp. 151–169.

3. Derevyanko A. P., Olsen D., Tsevendorzh D., Petrin V. T., Zenin A. N., Krivoshepin A. I., Rivs R. U., Devyatkin E. V., Myl'nikov V. P. *Arkheologicheskie issledovaniya Rossiisko-Mongol'sko-Amerikanskoi ekspeditsii v Mongolii v 1995 g.* [Archaeological research of the Russian–Mongolian–American expedition to Mongolia in 1995]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS publ., 1996. 328 p.

4. Derevyanko A. P., Kandyba A. V., Petrin V. T. Paleolit Orkhona [Paleolithic Orkhon]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS publ., 2010. 384 p.

5. Derevyanko A. P., Rybin E. P., Gladyshev S. A., Gunchinsuren B., Tsybankov A. A., Olsen D. Razvitie tekhnologicheskikh traditsii izgotovleniya orudii v kamennykh industriyakh rannego etapa verkhnego paleolita Severnoi Mongolii (po materialam stoyanok Tolbor-4 i -15) [Development of technological toolmaking traditions in stone industries of the Upper Palaeolith early stage in northern Mongolia (based on sites Tolbor-4 and -15)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazi — Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2013. No. 4. Pp. 21–37.

6. Larichev V. E. *Paleolit Severnoi, Tsentral'noi i Vostochnoi Azii. Ch. I. Aziya i problema rodiny cheloveka (istoriya idei i issledovaniya)* [Paleolithic North, Central and East Asia. Part I. Asia and the problem of human homeland (the history of ideas and research)]. Novosibirsk: Nauka, 1969. 390 p.

7. Okladnikov A. P. Paleolit Zabaikal'ya. Obshchii ocherk [Paleolithic Transbaikalian region. General outline]. *Arkheologicheskii sbornik — Archaeological collection*. Ulan-Ude: BurGIZ, 1959. V. 1. Pp. 2–26.

8. Okladnikov A. P. *Novoe v izuchenii drevneishikh kul'tur Mongolii (po rabotam 1960 g.)* [New in the study of Mongolian ancient cultures (based on the works of 1960)]. SE. 1962. No. 1. Pp. 83–90.

9. Okladnikov A. P. *Paleolit Tsentral'noi Azii. Moyl'tyn-am (Mongoliya)* [Paleolithic Central Asia. Moyl'tyn am (Mongolia)]. Novosibirsk: Nauka, 1981. 406 p.

10. Tashak V. I. Ust'-Kyakhta-17 — mnogoslnoie poselenie na r. Selenge [Ust-Kyakhta-17 — multi-settlement on the Selenga river]. *Kul'tury i pamyatniki epokhi kamnya i rannego metalla Zabaikal'ya — Cultures and monuments of the Stone Age and Early Metal of Transbaikalian region*. Novosibirsk: Nauka, 1993. Pp. 47–64.

11. Tashak V. I. *Paleolit i mezolit yuga Buryatii. Dis. ...cand. ist. nauk* [Palaeolithic and Mesolithic south of Buryatia. Cand. hist. sci. diss.]. Ulan-Ude, 1995. 175 p.

12. Verkhniy Paleolit Ust'-Kyakhty v svete novykh issledovaniy [Upper Paleolithic Ust-Kyakhta in the light of new studies]. *Paleoekologiya pleistotsena i kul'tury kamennogo veka Severnoi Azii i sopredel'nykh territorii — Pleistocene paleoecology and culture of the Stone Age in North Asia and neighboring territories*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS, 1998. Pp. 195–204.

13. Tashak V. I. Tortsovye klinovidnye nukleusy Zapadnogo Zabaikal'ya v pozdnem paleolite i mezolite [Mechanical wedge-shaped cores of Western Transbaikal region in the late Paleolith and Mesolith]. *Kamennyi vek Yuzhnoi Sibiri i Mongolii: teoreticheskie problemy i novye otkrytiya — Stone Age of South Siberia and Mongolia: theoretical problems and new discoveries*. Ulan-Ude: BSC SB RAS publ., 2000. Pp. 59–73.
14. Tashak V. I. *Paleoliticheskie i mezoliticheskie pamyatniki Ust'-Kyakhty* [Paleolithic and Mesolithic sites of Ust-Kyakhta]. Ulan-Ude: BSC SB RAS publ., 2005. 130 p.
15. Tashak V. I. Stoyanka Bili: pozdnii mezolit — rannii neolit na yuge Buryatii [Bili site: Late Mesolith — Early Neolith of south Buryatia]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii — Proc. of Ancient technologies laboratory*. Irkutsk: Irkutsk State Technical University publ., 2005b. V. 3. Pp. 135–148.
16. Endryus R. Ch. Po sledam pervobytnogo cheloveka [On the trail of prehistoric human]. *Ekspeditsiya v Tsentral'nuyu Aziyu — The expedition to Central Asia*. L.: P. P. Soikin publ., 1927. 111 p.
17. Jaubert J., Bertran P., Fontugne M., Jarry M., Lacombe S., Leroyer C., Marmet E., Taborin Y., Tsogtbaatar B., Brugal J. P., Desclaus M., Poplin F., Rodière J., Servelle C. Le Paléolithique supérieur ancien de Mongolie: Dörölj 1 (Egiin Gol). Analogies avec les données de l' Altaï et de Sibérie. *Acts of the XIVth UISPP Congress*. University of Liège, Belgium, September 2–8, 2001. Section 6: Le Paléolithique Supérieur. Oxford, 2004. Pp. 225–241.
18. Nelson N. C. *The Dune Dwellers of the Go-bi. Natural History*. 19266. V. 26 (May–June). No. 3. Pp. 246–251.

УДК 391/393 (510)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-196-201

Типы захоронений и некоторые погребальные обряды как источники изучения этногенеза дауров*

*Статья написана при финансовой поддержке гранта РФНФ № 15-21-03004 «Монголоязычные этносы северо-востока Китая: история, культура, язык»

© **Цыбенов Базар Догсонович**

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: bazar75@mail.ru

Статья посвящена изучению захоронений в земле, кремации и воздушных захоронений у дауров. В начале работы изучены специальные глаголы даурского языка, обозначающие смерть человека. Выяснено, что средневековым и современным даурам были присущи захоронения в земле. Изучение парных погребений дауров показывает их взаимосвязь с киданями. С другой стороны, не исключается вероятность позднего появления парных захоронений, вызванного китайским влиянием. Исследование жертвоприношения петуха по случаю смерти человека и использования пшена в погребальном обряде показывает глубокую связь с земледелием и оседлой культурой. Выяснено, что кремация не была характерна для дауров. Кремация отдельных категорий людей была вызвана особыми представлениями о загробном мире и боязнью распространения эпидемических заболеваний. Поминальный обряд «ясу барибай» свидетельствует о былой традиции вторичных захоронений и связан с монголоязычными народами. Отмечено сходство в оплакивании умерших у дауров и шивэй. Воздушные захоронения детей у дауров связаны с погребальным обрядом тунгусо-маньчжурских народов. Последующее захоронение останков, вероятно, восходит к киданьской традиции.

Ключевые слова: дауры, погребения, способы, обряды, кремация, воздушные захоронения, гипотезы, кидани, шивэй.

Types of Tombs and Some Funeral Rites as Sources for the Study of the Daur's Ethnogenesis

Bazar D. Tsybenov

PhD in History, Research Fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

6, Sakhynovoy Str., Ulan-Ude 670047, Russia

The article is devoted to the study of the graves in the ground, cremation graves and air burials of the Daur's. The author has studied special verbs denoting the death of a person. In the middle and modern ages, the Daur's dead were buried in the ground. Husband and wife were buried in one grave. These graves are very similar to Khitan burial. However, these graves could appear later, when the Daur's began to collaborate with the Chinese. When a man died, the cock was also sacrificed. The use of the cock and millet in a funeral ceremony shows ancient relation with agriculture and sedentary culture. As it has been discovered, that the Daur's usually didn't cremate their dead. Cremation of certain categories of people was caused by particular notions of the afterlife and the fear of the spread of epidemic diseases. A memorial rite «yasu baribai» (to keep the bone) shows forgotten traditions of secondary burials and associated with Mongolian-speaking peoples. The mourning of the Daur's and medieval Shiveys had similarities. Air children's burials are associated with the burial rite of the Tungus-Manchu peoples. The subsequent burial of the remains probably dates to the Khitan tradition.

Keywords: Daur's, burial, methods, rites, cremation, air burial, hypothesis, Khitans, Shiveys.

Обряды жизненного цикла продолжают оставаться в российском востоковедении одними из малоизвестных аспектов духовной культуры даурского народа. Комплексное исследование обрядов и обычаев дауров с позиций этнологии, фольклористики и лингвистики может способствовать решению проблемы происхождения и этнокультурной истории. В настоящей работе мы решили сузить рамки изучения особенностями погребальной обрядности дауров и на основе материалов К. Стюарта, Мунгэнтуйа и других исследователей проследить связи с вероятными этническими предшественниками.

Изучение погребальной обрядности уместно начать с анализа слов даурского языка, связанных с определением понятия смерти или умирания. Как известно, общим для всех монголоязычных народов является глагол «ükebe» (умер). Однако дауры, равно как монголы и буряты, стараются не использовать данное слово в отношении умершего человека, полагая, что оно в силу своей простоты и

резкости не может охарактеризовать факт человеческой смерти. Поэтому в зависимости от возраста покойного дауры используют специальные глаголы. Например, если покойный был человеком преклонного возраста, то употребляют слово «*burqan bolbei*» (стал божеством; возвысился); пожилым или средних лет — «*nasu nügǰibe*» (скончался; почил). В случае смерти молодого человека или ребенка употребляют словосочетание «*dutaγu amiduraba*» (не полностью прожил; не успел пожить); младенца — «*toγtaγu tayılaysan ügei*» (досл. «не смог удержаться и раскрыться»). Когда умирает шаман, дауры говорят: «*sahiyǰusan-u mandal-du γarba*» (досл. «вознесся к гению-хранителю») [15, с. 318; 14, с. 91]. Вышеотмеченные слова имеют синонимы в обрядовой лексике монгольских народов. Хотя делать выводы о полном сходстве преждевременно, поскольку в данном случае речь идет о словах хайларского диалекта, представители которого на протяжении примерно трех веков проживают в соседстве с монгольскими этническими группами (баргутами, олетами, бурятами). Поэтому для получения более полного представления о глаголах со значением «умирать; скончаться» необходимо в дальнейшем исследовать бутхаский и цикикарский диалекты даурского языка.

Обратимся далее к рассмотрению типов погребений, характерных для дауров. Современные дауры, как и все народы Китая, умерших кремируют. Крематории располагаются рядом с крупными населенными пунктами. Например, один из них находится в 13 км к северо-востоку от г. Хайлар (отсюда известное в регионе выражение про умерших: «отправился на 13-й км») [8]. После кремации останки выдают в специальных урнах. Родственники или близкие увозят их на родину и погребают на старом кладбище или в месте, где завещал покойный. По некоторым данным, кремация обходится дорого, поэтому некоторые жители сельских местностей продолжают хоронить умерших в земле [8]. Ранее, до конца XX — начала XXI в., для погребений дауров в большинстве случаев была характерна ингумация или захоронение в земле. Единичными были случаи кремации и воздушные захоронения, хотя до начала XX в. эти типы погребений, характерные для особых категорий умерших, встречались достаточно часто.

Захоронения в земле, согласно археологическим материалам, были присущи средневековым даурам — носителям владимировской археологической культуры Приамурья XIII–XVII вв. [2]. Традиция ингумации умерших сохранилась и после переселения дауров на территорию Западной Маньчжурии, в долину р. Нонни. Первоначально каждая патронимическая группа (*мокон*) имела свое кладбище (*хуаран*), обычно располагавшееся на возвышенности (горном склоне, холме). Впоследствии, с ростом населения, появились семейные кладбища. Супружеские пары хоронили в одной могиле, женщина находилась с левой стороны от мужчины [16, с. 15]. Близость к ним обнаруживают аналогичные погребения киданей. В киданьском могильнике конца XI — начала XII в. (местность Гаолигэ, уезд Шуанляо, пров. Гирин) были обнаружены парные захоронения супругов. В могиле умершего мужчины слева от него оставляли место для будущего погребения его жены [5, с. 45]. Сходство отмеченных парных погребений дополняет фактическую базу киданьской гипотезы происхождения дауров. Вместе с тем подобных захоронений, насколько нам известно, не выявлено на территории распространения владимировской культуры, в долине верхнего течения Амура и в междуречье Амура и Зеи. Если средневековые дауры (население владимировской культуры) являются потомками киданей, то очевидно, что в Приамурье должны иметь место явно выделяющиеся из общей массы парные погребения супругов. Однако, по имеющимся данным, таковых не обнаружено. Поэтому на данный момент можно лишь предположить, что парные супружеские погребения появились гораздо позже, в XVIII — начале XIX в. под влиянием смешанного маньчжуро-китайского населения. Как известно, по обычаям китайцев, вдов обычно хоронили в могиле с мужем. Маньчжуры, учитывая ускоренные темпы их ассимиляции китайцами, вполне могли перенять и особенности погребальной обрядности. В целом наше предположение построено лишь на одном сообщении о погребении китайских вдов с мужьями, и для получения полной картины необходимо узнать местоположение женщины по отношению непосредственно к супругу. Данное обстоятельство выглядит немаловажным, поскольку имеется и корейская традиция парного погребения супругов, где женщина находится с правой стороны от мужчины.

К особенностям погребальной обрядности дауров следует отнести погребение куска дерева рядом с могилой мужчины — холостяка [16, с. 14]. По другим данным, рядом с холостяком погребалось символическое подобие женщины [15, с. 323]. Поскольку в обрядности монгольских народов, киданей, подобных случаев не зафиксировано, можно предположить, что корни даурского обряда погребения холостяка и имитации женщины (жены) уходят в сторону непосредственных соседей дауров — чжурчжэней. Известно, что в Приморье, в долине Партизанска, при исследовании чжурчжэньского

захоронения было обнаружено деревянное изображение человека [6, с. 100]. Было ли оно надлено антропоморфными чертами женщины, находилось ли оно рядом с костяком или же это было захоронение символического подобия пропавшего без вести человека, предстоит еще выяснить. Тем не менее кажется неслучайным сходство дауров и чжурчжэней в изготовлении деревянных изображений человека и последующем их погребении. Однако проведение прямой этногенетической взаимосвязи между даурами и чжурчжэнями представляется невозможным в силу существенных языковых различий. Даурский язык, несмотря на серьезную долю заимствований из тунгусо-маньчжурских языков, в основе своей (включая местоимения, числительные, большую часть общеупотребительной лексики) все же более близок к монгольским языкам. Поэтому в данном случае нужно полагать, что мы имеем дело с фактом тесного культурного взаимодействия соседних народов.

Малоисследованным является также даурский обряд жертвоприношения петуха по случаю смерти человека. Когда кто-нибудь умирал, согласно обычаю, тотчас убивали петуха. По представлениям дауров, души покойного и петуха вместе отправлялись в страну Эрлиг-хана (другое название — Ирму-хан. — Ц.Б.). По дороге петух собирает зерна, растроченные покойником в бытность его живым [15, с. 319]. Известно также, что когда в силу разных причин переносили прах из могилы в другое место, то в прежнюю могилу клали пшено и погребали в ней живого петуха, которые были подношением духам — хозяевам местности. Как и на настоящих похоронах, возжигали также ладан и проводили обряд поклонения (*кит.* коу-тоу). Указанная церемония проводилась для того, чтобы выкупить прах у божества земли [16, с. 14]. Если человек умирал вдали от своей родной местности и его хоронили в «чужой» земле, вместе с гробом закапывали живого петуха, выказывая этим признательность местным духам [15, с. 323]. Использование петуха и пшена в погребальном обряде, несомненно, связано с земледелием и оседлой культурой. Этот обычай неизвестен кочевым монгольским народам. Не знают его и тунгусо-маньчжурские этнические группы. Исключение могут составить маньчжуры, похоронно-погребальная обрядность которых изучена недостаточно. На данный момент сведений об использовании петуха в погребальной обрядности соседних земледельческих народов — маньчжуров, китайцев, корейцев — нами не обнаружено. Поэтому можно говорить о том, что данный обычай присущ только даурам. Из этнографии народов мира известно, что обряд заклания курицы или петуха имеет место в похоронно-поминальной обрядности закамских удмуртов, мордвы, хантов и манси, марийцев. Однако он является обрядом выкупа крови умершего у духа смерти [12, с. 10], поэтому в корне отличается от обряда дауров. На данный момент мы можем лишь констатировать, что отчетливо прослеживаются совершенно разные смысловые нагрузки указанных обрядов. Дальнейшее детальное изучение вопроса, связанного с жертвоприношением петуха в погребальной обрядности дауров, поможет ответить на актуальные вопросы этногенеза дауров.

Наряду с захоронениями в земле вплоть до середины XX в. имели место случаи кремации умерших. Кремации подвергались шаманы и женщины, умершие при родах. Сжигали также умерших от черной оспы и других эпидемических болезней; погибших от удара молнии; умерших в отдаленной местности; а также разложившиеся тела или части тела [15, с. 323; 16, с. 14; 13, с. 252]. Место кремации находилось за пределами деревни, и по всей вероятности, было удалено от кладбища, поскольку имеются данные о запрете погребать прах кремированных на общем кладбище рода или патронимической группы [15, с. 323]. Прах шаманов погребался спустя несколько лет в месте, которое шаман выбирал перед смертью [16, с. 14]. По другим данным, его [прах. — Ц.Б.] развеивали над вершиной горы, на которую шаман в бытность живым и здоровым указывал в качестве последнего пристанища [15, с. 323]. В целом обряд кремации не был характерен для дауров и практиковался в определенных случаях. Известно, что монголы также сжигали тела самоубийц в исключительных случаях, без совершения особых обрядов [9, с. 132]. Обряд кремации был распространен среди эвенков-солонгов и западных бурят. По наблюдениям Д. Позднеева в конце XIX в., «тела умерших солонгов большей частью сжигают, а пепел собирают в кожаные мешки, которые привешивают к ветвям деревьев» [7, с. 232-233]. Западные буряты, как известно, также проводили обряд кремации в отношении как умерших шаманов, так и рядовых бурят [11, с. 219; 10, с. 184]. Из вышесказанного можно отметить, что способ погребения у солонгов существенно отличался от даурского, а сходство кремации дауров и западных бурят проявляется лишь в трупосожжении шаманов. Надо полагать, что кремация женщин, умерших при родах, и ряда других отмеченных категорий у дауров было вызвано особыми представлениями о родах и роженицах, душах умерших, а также боязнью распространения эпидемических заболеваний. Подобные же представления, очевидно, были характерны и для части населения владимирской культуры Верхнего Приамурья. Например, при раскопках из 60 захоронений было вскрыто лишь одно трупосожжение [2, с. 85].

О сохранении древней традиции захоронения у дауров свидетельствует поминальный обряд под названием «ясу барибай», устраиваемый в честь старейшин, проживших долгую жизнь. Такие поминки продолжительностью от 2 до 3 дней проводились по истечении трех лет после похорон. Сыновья, дочери и близкие родственники надевали траурные одежды; изготавливали из бумаги изображения человека, лошади, денег; закалывали скот. Сделанные из бумаги подношения и кости заколотых животных привозили к месту погребения старейшины, сжигали и закапывали [15, с. 324]. В данном обряде интерес вызывает само название обряда — «ясу барибай», что в буквальном смысле означает «взять в руки кости; держать кости». По всей видимости, этот термин отражает некогда забытую традицию вторичных захоронений, когда по истечении определенного количества времени родственники покойного собирали его останки. Эта версия о возможном существовании вторичных захоронений хорошо согласуется с данными Д. П. Болотина о том, что около 29 % изученных захоронений владимировской культуры относятся к вторичным. Останки в таком случае погребались двойкой: 1) хаотично; рассредоточено по дну погребальной конструкции; 2) компактно; по всей видимости, клали останки в мешок. Черепа умерших были направлены в южном направлении, а тазовые кости — на север [2, с. 85; 3, с. 7]. Южная ориентация вторичных погребений свидетельствует о тунгусском пласте в этногенезе дауров в отличие от монгольских захоронений, где наблюдается противоположная (северная) ориентация [3, с. 12]. Маловероятно, что обряд «ясу барибай» у дауров мог появиться в результате ассимиляции эвенков, поскольку обнаруживаются лингвистические и этнографические параллели, свидетельствующие об общемонгольской основе данного обряда. На первый взгляд, наиболее близкие параллели обнаруживаются в погребальной обрядности западных бурят, которые на третий день после кремации покойника проводили обряд под названием «яһа барьха» (собирать кости). Собирали оставшиеся от сожжения кости, остатки от оружия и других предметов, складывали в берестяное лукошко и закапывали в землю на месте сожжения. Как отмечал М. Н. Хангалов, «это выражение сохранилось и сегодня, хотя обычай сжигать покойников уже почти совсем вывелся; так в настоящее время называют обычай поминать покойника на третий день пиром» [10, с. 185]. У современных монголов и восточных бурят такого обряда не зафиксировано, хотя встречаются словосочетания «яһа бариха хун» или «яс баригч», обозначающие людей, которые, по определению буддийского монаха — ламы, могут прикасаться к телу умершего, например, чтобы положить его в гроб. В данном случае наблюдается значительная трансформация изначального способа погребения, произошедшая под влиянием буддийской религии. Из средневековых народов подобное собирание останков умерших было характерно для киданей и, вероятно, для шивэй. Кидани устраивали воздушные захоронения на деревьях в горах. Через три года собирали кости и сжигали их [1, с. 74-75]. Есть мнение, что кидани погребали останки в земле, не делая могильных насыпей [4, с. 240]. О шивэй известно лишь, что трупы умерших они располагали в «большом балагане» (на специальном помосте, построенном на дереве). Траур длился три года, и четыре раза в год они устраивали поминки [1, с. 76]. Как мы указали, реконструкция типов погребения у дауров также может быть сведена сначала к воздушному захоронению, затем к кремации останков и их погребению. Таким образом, можно наметить вероятную связь между погребениями дауров и киданей. Однако наблюдаются различия в оплакивании покойников: если у киданей тот, кто плачет по умершему отцу или матери, считается слабым [1, с. 74-75], то дауры оплакивали умерших 4 раза в год: 1) собственно на похоронах; 2) на следующий день после похорон; 3) по истечении 100 суток; 4) в первую годовщину. В обряде оплакивания дауры, вероятно, схожи с шивэй. Проследить другие параллели в погребальной обрядности дауров и шивэйцев представляется невозможным ввиду отсутствия данных о дальнейшей судьбе воздушных захоронений шивэй. Таким образом, обращение к даурскому обряду «ясу барибай» выявляет ряд новых моментов, разгадка которых способна во многом приблизить нас к разрешению проблемы происхождения дауров.

Даурам были известны и воздушные захоронения с последующим погребением останков в земле. Тела детей, умерших от черной оспы и кори, укладывали на деревянный настил, в корзину или трехногий табурет, и помещали на деревьях, растущих у подножия гор. Для этих целей изготавливали также деревянный помост, закреплявшийся на деревьях [16, с. 14; 15, с. 323]. Подобные захоронения среди ветвей или в дуплах деревьев имеют место в погребальной практике многих народов (нанайцев, ульчей, орочей, удэгейцев, корейцев, якутов). Нганасаны хоронили детей в дощатом ящике, установив его на четырех столбах или привязав к ветвям дерева [6, с. 119]. Поскольку такие захоронения были в основном характерны для тунгусо-маньчжурских и финно-угорских народов, можно говорить об эвенкийском (солонском) влиянии на погребальный обряд дауров. Хотя существенным отличием

воздушных захоронений дауров от других было то, что по истечении 100 дней родственники приходили на место захоронения и собирали останки ребенка. Затем погребали в том же месте [16, с. 14; 15, с. 323]. Таким образом, наличие вторичного обряда, совершаемого у подножия гор, возможно, свидетельствует об истоках, восходящих к киданьской погребальной традиции. О позднем монгольском влиянии, вероятно, свидетельствуют последующие факты, когда, в случае хорошей сохранности трупа ребенка, его помещали в суму, наполненную сладостями, и оставляли на перекрестке дорог или у реки [16, с. 15]. Как известно, монголы хоронили детей, умерших до 3 лет, по особым правилам. В небольшой кожаный или матерчатый мешок помещали тело одетого ребенка и еду (чай, вареное мясо, пенки, сушеный творог). Привязав мешок к торокам, всадник выезжал на большую дорогу или на перекресток, где «терял» мешок с трупом ребенка [9, с. 132]. Подобные «потери» трупов умерших людей были характерны для бурят и баргутов.

Таким образом, обращение к типам захоронений и отдельным погребальным особенностям выявляет перспективные в плане изучения этногенеза дауров направления. Выяснено и требует дальнейшего изучения сходство терминов дауров и монгольских народов, применявшихся по отношению к покойному. В большинстве случаев для даурских погребений, как показывают данные, была характерна ингумация или захоронение в земле. Реже встречались кремации и воздушные захоронения. Имевшие место парные супружеские погребения, возможно, свидетельствуют о киданьском происхождении, в то же время нельзя исключать и возможность их более позднего появления, связанного с влиянием смешанного маньчжуро-китайского населения. Погребение мужчины-холостяка вместе с символическим подобием женщины, вероятно, указывает на культурное взаимодействие предков дауров с соседними народами, в частности с чжурчженями. Изучение погребального обряда с жертвоприношением петуха и положением в могилу пшена выявляет несомненную взаимосвязь с земледелием и оседлой культурой. Анализ имеющихся источников, позволяет сделать вывод, что данный обряд присущ только даурам. В то же время поминальный обряд «ясу барибай» связан с обрядностью монгольских и монголоязычных народов и отражает, на наш взгляд, некогда забытую традицию вторичных захоронений, восходящую к племенам киданей и шивэй.

Литература

1. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.:Л., 1950. — Т. 2.
2. Болотин Д. П. Владимировская культура позднего средневековья в Приамурье // Проблемы этнокультурной истории Дальнего Востока и сопредельных территорий. — Благовещенск, 1993. — С. 84–105.
3. Болотин Д. П. Этнокультурная ситуация на Верхнем Амуре в эпоху позднего средневековья (XIII–XVII вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1995. — 17 с.
4. Воробьев М. В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). — Владивосток: Дальнаука, 1994. — 410 с.
5. Ивлиев А. Л. Погребения киданей // Центральная Азия и соседние территории в Средние века. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 42–63.
6. Медведев В. Е. Культура амурских чжурчженей. Конец X–XI век (по материалам грунтовых могильников). — Новосибирск: Наука, 1977. — 223 с.
7. Описание Маньчжурии (с картой) / сост. в канцелярии министра финансов под ред. Дм. Позднеева. — СПб.: Типогр. Ю. Н. Эрлих, 1897. — Т. 1. — 620 с.
8. Полевые материалы автора (*дневники международных этнографических экспедиций и научных командировок в Хулун-Буирский аймак Автономного района Внутренняя Монголия и провинцию Хэйлуцзян КНР, совершенных в 2007, 2011, 2012 гг.*)
9. Тангад Д. Заметки о похоронных обычаях в западных районах МНР // Традиционная обрядность монгольских народов. — Новосибирск: Наука, 1992. — С. 127–133.
10. Хангалов М. Н. Собрание сочинений: в 3 т. / под ред. Г. Н. Румянцева. — Улан-Удэ: Республиканская типография, 2004. — Т. 1. — 508 с.
11. Хандагурова М. В. Погребальная обрядность усть-ордынских бурят // Исследования молодых ученых в области археологии и этнографии. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. — С. 218–230.
12. Яфаева Г. М. Похоронно-поминальная обрядность прибельской группы восточных марийцев // Вестник Челябинского государственного университета. — 2014. — № 12 (341). Вып. 60. История. — С. 8–13.
13. Caroline Humphrey and Urgunge Onon. Shamans and Elders. Experience, knowledge, and power among the Daur Mongols — Oxford: Clarendon press, 1996.
14. Local conditions and customs of the Daur ethnic group / Text and photographs by Aola Sailin. — Beijing: China Pictorial Publishing House, 1997. — 104 с.
15. Mōnggōntuyaya. Dayur ündüsüten-ü orošiyulya-yin yosun-u jang uyile-yin tuqai tobči ögülekü ni // Erdem šinjilgen-ü ögülel-ün tegüberi. — Kūkeqota: Öbür Mongyol-un suryan kümüjil-ün keblel-ün qoriy-a, 2002. — С. 318–326.
16. Stuart K., Li Xuwei and Shelear. China's Dagur Minority: Society, Shamanism, and Folklore // Sino-Platonic Papers. Number 60. December, 1994. — Philadelphia: Department of East Asian Languages and Civilizations University of Pennsylvania, 1994.

References

1. Bichurin N. Ya. *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena* [Collection of data on the peoples of Central Asia in ancient times]. V. 2. Moscow; Leningrad, 1950.
2. Bolotin D. P. Vladimirovskaya kul'tura pozdnego srednevekov'ya v Priamur'e [Vladimirovskaya culture of the late Middle Ages in Amur region]. *Problemy etnokul'turnoi istorii Dal'nego Vostoka i sopredel'nykh territorii — Problems of ethnic and cultural history of the Far East and adjacent territories*. Blagoveshchensk, 1993. Pp. 84–105.
3. Bolotin D. P. *Etnokul'turnaya situatsiya na Verkhnem Amure v epokhu pozdnego srednevekov'ya (XIII–XVII veka)*. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk [Ethno-cultural situation in Upper Amur in the late Middle Ages (13th–17th centuries). Author's abstract diss. Cand. hist. sci. Novosibirsk, 1995. 17 p.
4. Vorob'ev M. V. *Man'chzhuriya i Vostochnaya Vnutrennyaya Mongoliya (s drevneishikh vremen do IX v. vklyuchitel'no)* [Manchuria and Eastern Inner Mongolia (from ancient times to the 9th century inclusive). Vladivostok: Dal'nauka, 1994. 410 p.
5. Ivliev A. L. Pogrebeniya kidanei [Khitans burials]. *Tsentr'al'naya Aziya i sosednie territorii v srednie veka — Central Asia and neighboring territories in the Middle Ages*. Novosibirsk: Nauka, 1990. Pp. 42–63.
6. Medvedev V. E. *Kul'tura amurskikh chzhurchzenei. Konets X-XI vek (po materialam gruntovykh mogil'nikov)* [Culture of Amur Jurchens. The end of the 10th–11th century (based on materials of subterranean grave fields)]. Novosibirsk: Nauka, 1977. 223 p.
7. *Opisanie Man'chzhurii (s kartoi)* [Description of Manchuria (with map)]. St Petersburg: Yu. N. Erlikh's printing house, 1897. 620 p. V. 1.
8. *Field data of the author* (diaries of international ethnographic expeditions and research trips in Hulun-Buirsky aimag of Inner Mongolia Autonomous Region and PRC Heilongjiang Province, committed in 2007, 2011, 2012).
9. Tangad D. *Zametki o pokhoronnykh obychayakh v zapadnykh raionakh MNR* [Notes on funeral customs in the western regions of Mongolia]. *Traditsionnaya obryadnost' mongol'skikh narodov — Traditional rituals of the Mongolian peoples*. Novosibirsk: Nauka, 1992. Pp. 127–133.
10. Khangalov M. N. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. In 3 v. Ulan-Ude: Republican Printing House, 2004. 508 p.
11. Khandagurova M. V. Pogrebal'naya obryadnost' ust'-ordynskikh buryat [Funeral ritualism of Ust-Orda Buryats]. *Issledovaniya molodykh uchenykh v oblasti arkheologii i etnografii — Research of young scientists in the field of archeology and ethnography*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS publ., 2001. Pp. 218–230.
12. Yafaeva G.M. Pokhoronno-pominal'naya obryadnost' pribel'skoi gruppy vostochnykh mariitsev [Funeral and memorial rites of Eastern Mari's pribelskaya group]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya — Bulletin of Chelyabinsk State University. History*. 2014. No. 12 (341). V. 60. Pp. 8–13.
13. Caroline Humphrey and Urgunge Onon. *Shamans and Elders. Experience, knowledge, and power among the Daur Mongols*. Oxford: Clarendon press, 1996.
14. *Local conditions and customs of the Daur ethnic group*. Text and photographs by Aola Sailin. Beijing: China Pictorial Publishing House, 1997. 104 p.
15. Mönggöntuyaya. Dayur ündüsüten-ü oroşiyulya-yin yosun-u jang uyile-yin tuqai tobči ögülekü ni. *Erdem şinjilgen-ü ögülek-ün tegüberi*. Kükęqota: Öbür Mongyol-un suryan kümüjil-ün keblel-ün qoriy-a, 2002. Pp. 318–326.
16. Stuart K., Li Xuewei and Shelear. China's Dagur Minority: Society, Shamanism, and Folklore. *Sino-Platonic Papers*. No. 60. December, 1994. Philadelphia: Department of East Asian Languages and Civilizations University of Pennsylvania, 1994.

УДК 1(031)+221

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-202-209

Религиозно-философский дискурс о душе и теле в эпоху Лю Сун (420–479 гг. н. э.)

(по материалам сочинения буддиста-мирянина Чжэн Сяньчжи

«Рассуждения о бессмертии души»)

© **Цыренов Чингис Цыбикдоржиевич**

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела философии, религиоведения и культурологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: chts17@mail.ru

В статье рассмотрено малоизвестное и малоизученное китайское буддийское сочинение «Шэнь бу ме лунь», написанное буддийским мыслителем и высокопоставленным сановником при династиях Восточная Цзинь и Лю Сун по имени Чжэн Сяньчжи (郑鲜之 364-427 гг. н. э.). В нем нашла свое отражение придворная религиозно-философская полемика периода Южных и Северных династий вокруг синобуддийского тезиса «о бессмертии души» (шэнь бу ме лунь 神不灭论). Автором предложена реконструкция понятийного аппарата исследуемого сочинения, а также приблизительная дата создания «Шэнь бу ме лунь». Установлено, что «Шэнь бу ме лунь» написано под влиянием китайского раннесредневекового учения даосского толка под названием сюаньсюэ (玄学 «учение о сокровенном»). Выполнен перевод основных тезисов сочинения.

Ключевые слова: душа и телесная форма, огонь и хворост, принцип -ли (理), Ван Би (226–249, 王弼), Го Сян (252–312 郭象), наличие (有) и отсутствие (无).

Religious and Philosophical Discourse Concerning a Soul and a Body in the LIU SONG Period (420–479 AD)

(based upon the essay of buddhist-layman Zheng Xianzhi «The discourses on immortality of soul»)

Chinghis Ts. Tsyrenov

PhD in History, junior researcher of the Department of Philosophy, Religion and Culturology of Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch.

6, Sakhynovoy Str., Ulan-Ude 670047, Russia

The article describes a little-known and little-studied Chinese buddhist essay «Shen bu mie lun» written by a Buddhist thinker and high-ranking official of Eastern Jin and Liu Song dynasties named Zheng Xianzhi (郑鲜之 364-427 AD.). In this essay was reflected the court religious and philosophical controversy of Southern and Northern Dynasties period around Sino-Buddhist thesis «of the immortality of the soul» (shen bu mie lun 神不灭论). The author proposed the reconstruction of the conceptual system of the researched essays, as well as the approximate date of the creation of «Shen bu mie lun». It was found that the «Shen bu mie lun» was written under the influence of the Chinese Taoist Xuanxue teaching (玄学 «mysterious teaching»). The translation of the main theses of essay is given.

Keywords: Soul and body, fire and firewood, principle-li (理), Wang Bi (226–249, 王弼), Guo Xiang (郭象, 252–312), presence-you (有) and absence-wu (无).

Крестьянское восстание «желтых повязок» (184–204 гг. н. э.) и крах империи Поздняя Хань (25–220 гг. н. э.) кроме всех прочих последствий привели к ослаблению идеологических позиций конфуцианства как официальной идеологии китайского государственной системы. Влияние даосизма и даосских сект как идейной основы крестьянских восстаний в этот период, напротив, значительно возросло, в III в. н. э. возникло даосское учение сюань-сюэ (玄学, Учение о Сокровенном), на основе которого позже возникло идейно-политическое течение фэн лю (风流, «ветер и поток»). Проникший ранее в китайское общество буддизм также стал очень востребованным учением в условиях нарастающего хаоса и междоусобиц периода Южных и Северных династий. Многие даосы и конфуцианцы-традиционалисты, пытаясь ограничить растущее влияние буддизма среди аристократии и в массах, организовывали диспуты при дворах правящих династий. Их критика была направлена на базовые буддийские положения (как их понимали китайские мыслители), а именно на тезис о бессмертии души человека после смерти тела.

Вместе с тем необходимо отметить, что определенная часть конфуцианской элиты восприняла буддийское учение и выступила в защиту нового вероучения. Одним из таких конфуцианцев был видный сановник-интеллектуал Чжэн Сяньчжи (364–427 гг. н. э.), второе имя — Даоцзы. Известно, что он был выходцем из семьи высокопоставленного чиновника и занимал важные административные и военные посты при дворе южных династий (Восточная Цзинь (317–420 гг. н. э.) и Лю Сун (420–479 гг. н. э.)). Чжэн Сяньчжи считается одним из ведущих апологетов буддизма наряду с лушаньским патриархом Хуэйюанем (334–416 гг. н. э.) и придворным историографом Шэнь Юэ (441–513 гг. н. э.). Примечательно то, что Чжэн Сяньчжи упоминается в сборнике буддийских коротких рассказов (сяошо) лянского сановника Ван Яня (ок. 450 — после 500 гг. н. э.) под названием «Вести из потустороннего мира». В этом рассказе («Предсмертное слово Чжэн Сяньчжи») приводится эпизод, когда Чжэн Сяньчжи, обращаясь к самым знатным особам династии Лю Сун, призывает их верить в буддийский закон воздаяния:

«Срок моей жизни истек давно. Мне надлежало покинуть сей мир многим раньше. К счастью, в последние годы я проникся верой в закон Будды. Благодаря милосердным поступкам и благим делам, составившим мои религиозные заслуги, кончина моя была отсрочена на несколько лет. Ибо воздаяние, будь оно скрытым или явным, преследует вас как тень и эхо! Отриньте же суетные устремления и прикиньте сердцем к Великому закону! [1, с. 156].

Основные философские идеи Чжэн Сяньчжи отражены в его сочинении «Шэнь бу ме лунь» («Рассуждения о бессмертии души»), которое является важным источником сведений об истории развития и взаимодействия религиозно-философских концепций раннесредневекового Китая.

Актуальность избранной темы обусловлена тем, что философские концепции данного сочинения важны для понимания специфики процесса интеграции буддийского вероучения в китайскую социокультурную среду. Изучением данного сочинения в отечественной научной литературе занимались такие отечественные ученые, как Л. Н. Меньшиков, Е. А. Торчинов, А. И. Кобзев и М. Е. Кравцова [6, с. 599]. Краткое изложение некоторых идей этого произведения приводится в статье Т. Г. Сторчевой [2, с. 90–94; 3]. В западной научной литературе необходимо отметить немецкого ученого Вальтера Либенталя [10, с. 346–354], который выполнил полный перевод всего сочинения на английский язык. Из китайских ученых можно назвать Лю Лифу и Ху Юна [8, с. 120–124], которые дали краткую характеристику идей, изложенных в «Шэнь бу ме лунь». Цель нашей статьи заключается в анализе текста «Шэнь бу ме лунь» и реконструкции его понятийного аппарата на основе перевода тезисов сочинения.

М. Е. Кравцова отмечает, что Чжэн Сяньчжи был первым из мирян — последователей буддизма, продолжившим разработку тезиса Хуэйюаня о «бессмертии души» [6, с. 599]. Как известно, текст сочинения «Шэнь бу ме лунь» сохранился в буддийской антологии «Хунминцзи» («Собрание сочинений, светоч истины распространяющих», цюань 5) [11], составленной китайским монахом Сэнью в 515–519 гг., а также в официальном жизнеописании Чжэн Сяньчжи в «Книге [об эпохе] Сун» («Сун шу», цюань 64), написанной буддийским мыслителем и литератором Шэнь Юэ (441–513) в 487–494 гг. Добавим к этому, что текст «Шэнь бу ме лунь» и краткая биография Чжэн Сяньчжи сохранились также и в собрании «Цюань шан гу сань дай цинь-хань саньго лючао вэнь» (раздел 7, «Полное собрание сочинений эпохи Сун» («Цюань Сун вэнь», цюань 25) [12, с. 599], составленном известным цинским филологом Янь Кэцзюнем (1762–1843). При этом следует отметить, что в тексте «Шэнь бу ме лунь» по Янь Кэцзюню противоречивых фрагментов и ошибок переписчиков гораздо меньше, чем в версии Сэнью. При переводе фрагментов «Шэнь бу ме лунь» мы опирались на версию Янь Кэцзюня.

Точная дата создания «Шэнь бу ме лунь» неизвестна, но тот факт, что это сочинение вошло в состав сборников, посвященных династии Лю Сун («Сун шу» и «Цюань Сун вэнь»), дает основание полагать, что оно было создано в сунский период жизни Чжэн Сяньчжи, т. е. в промежутке между 420 и 427 годами.

Хронологические рамки нашего исследования охватывают III–VI вв. н. э. и отражены в таблице 1. Кроме Чжэн Сяньчжи в таблицу 1 мы включили сторонников буддизма — лушаньского патриарха южного буддизма Хуэйюаня («Мин баоин лунь» и др.), монаха-отшельника Цзун Бина («Минфо лунь» и др.), придворного историографа и монаха Сэнью (составителя антологии «Хунминцзи» и др.) и сановника-литератора Ван Яня, а также противника буддизма — конфуцианца Хэ Чэнтяня («Да син лунь»). Помимо буддистов и конфуцианцев в таблицу 1 включены представители двух направлений учения сюаньсюэ («учение о сокровенном»), первое направление («почитающее отсутствие») представлено Хэ Янем и Ван Би, второе («почитающее наличие») — Сян Сю и Го Сяном. Все вышеперечисленные мыслители, как будет показано ниже, оказали определенное влияние на идеи сочинения Чжэн Сяньчжи.

Таблица 1

		Ван Би (226–249) Хэ Янь (190–249)						
		Вэй (220–264)		Сев. дин.	Сев. Вэй (386–534)	Позд. Цинь (384–417)		
Вост. Хань	Трое- царствие	Шу (261–263)	Зап. Цзинь (265–316)					
		У (222–280)	Го Сян (252–312)	Южн дин.	Вост. Цзинь (317–420)	Лю Сун (420–479)	Южн. Ци (479–502)	Лян (502–557)
			Сян Сю (227–300)		Хуэйюань (334–416)			Ван Янь (ок. 450 — после 500)
					Чжэн Сяньчжи (364–427)			
					Хэ Чэнтянь (370–447)		Сэнью (445–518)	
					Цзун Бин (375–443)			

Сочинение «Шэнь бу ме лунь» построено в традиционной форме диалога сторонника и противника буддизма. Оппонент буддиста выдвинул 5 возражений против тезиса о «бессмертии души». Все эти возражения часто использовались лидерами антибуддийской пропаганды во времена Чжэн Сяньчжи. Буддист ответил на все возражений противника буддизма и одержал верх в этой полемике.

В самом начале «Шэнь бу ме лунь» делается выпад против учений Конфуция и Чжоу-гуна, из-за которых сложилось расхожее заблуждение, согласно которому душа прекращает свое существование одновременно со смертью телесной формы человека. Далее автор заявляет о своем намерении рассеять все эти заблуждения и выражает надежду на то, что убеждаемые смогут осознать буддийскую истину. Он выдвигает несколько важных тезисов по проблеме сущности души, а также аргументы, подтверждающие истинность заявленных тезисов. Краткое изложение всего сочинения приводится в приложении к статье.

На основе перевода и историко-философского анализа текста «Шэнь бу ме лунь» мы составили таблицу 2, в которой реконструированы основные философские понятия, использованные сторонником и противником буддизма.

Таблица 2

Отсутствие 无у		Наличие 有ю	
отсутствие вещей 无物 у (wú wù)		наличие вещей 有物 ю (yǒu wù)	
безначальное 无始 ши (wú shǐ)		имеющее начало 有始ю ши (yǒu shǐ)	
покой 静цзин		движение 动дун	
корень 本бэнь		верхушка 末мо	
таинственное 妙мяо		грубое 粗цу	
душа 神шэнь	принцип, идея 理ли	телесная форма 形син	

Установлено, что система категорий сторонника буддизма (наличие и отсутствие, корень и ветви, покой и движение и т. д.) заимствована у знаменитого комментатора «Даодэ цзина» Ван Би (226–249 гг. н. э.). Высшей категорией у Ван Би было «отсутствие» (потенциальное бытие), из которого возникало «наличие» (проявленное бытие).

Противник буддизма основывается на учении известного комментатора «Чжуанцзы» Го Сяна (252–312 гг. н. э.), который, в противоположность Ван Би, утверждал, что главной категорией является самодостаточное «наличие», а «отсутствие», трактуемое как «ничто», никак не может порождать наличие». Эта понятийная оппозиция является отправным пунктом всех философских построений обоих участников полемики. Вопрос о взаимодействии учения *сюаньсюэ* и китайского буддизма подробно рассмотрен Л. Е. Янгутовым [12, с. 69–76].

Рассмотрим подробно каждую категориальную оппозицию.

1. Категории «отсутствие»-у и «наличие»-ю представляют собой главную понятийную оппозицию в рассуждениях участников полемики в «Шэнь бу ме лунь». Остальные категории, используемые оппонентами, раскрывают конкретное содержание указанной оппозиции и являются её коррелятами. Их можно разделить на те, что относятся к сфере отсутствия (душа, таинственное, огонь, корень, отсутствие вещей, безначальное и покой), и те, что относятся к сфере наличия (телесная форма, грубое, хворост, верхушка, наличие вещей, имеющее начало, движение).

2. Понятийные оппозиции «наличие вещей» и «отсутствие вещей» и «безначальное» и «имеющее начало». Термин «отсутствие вещей» впервые встречается в «Даодэцине» (раздел 14), затем его использовал Ван Би («Лаоцзы чжу»), а также Хуэйюань («Монах не должен почитать императора»). Чжэн Сяньчжи использовал данный термин для обоснования своего тезиса о том, что мудрость и глупость являются атрибутом бесконечно перерождающихся душ. Его оппонент утверждал, что мудрость и глупость заключены в физическом теле человека, а не в душе:

*Когда душа находится в телесной форме,
то проявляется её способность понимания,
когда телесная форма опирается на душу,
то проявляется его функция.*

Душа следует за телесной формой.

Поэтому существует мудрость и глупость.

Мудрость и глупость не заключены в душе.

А душа используется телесной формой.

Так было всегда, бесчисленное количество раз. [8, с. 303].

В ответ на эти рассуждения Чжэн Сяньчжи использовал философские и исторические аргументы. Философские аргументы в пользу того, что мудрость и глупость заключены в душе, сводятся к следующим моментам:

*Ведь если уже существуют вещи,
то уже невозможно управлять ими,
Только тогда, когда еще отсутствует вещи,
можно вернуть все вещи к истоку].*

*Если [у событий] уже есть начало,
то невозможно повлиять исход [событий].*

*Только когда [у событий] еще нет начала,
то исход и начало неисчерпаемы.*

Все это обусловлено принципом [8, с. 304].

В данном фрагменте Чжэн Сяньчжи не использует термины *мудрость* и *душа*, вместо них он говорит о стадии, когда «вещи еще отсутствуют», на которой можно «вернуть все вещи к истоку». Он подчеркивает приоритет «отсутствия» над «наличием». При этом мудрость здесь понимается как то, что относится к сфере отсутствия (у), и только она способна управлять вещами и событиями, так как она появилась прежде всех вещей и способна управлять ими до проявления этих вещей в мире «наличия» в конкретных формах. Очевидно, эти рассуждения восходят к концепциям «Даодэцина», они согласуются также с идеями Ван Би (圣人无, «Мудрец воплощает в себе отсутствие», «Лаоцзы чжу»). Можно сказать, что мудрость в данном фрагменте рассматривается в практическом плане («управление вещами»).

Исторические аргументы основаны на примерах древних совершенномудрых правителей Яо и Шуня. Если мудрость и глупость заключены в телесной форме, то они должны передаваться через тело к детям, Но исторические примеры не подтверждают это предположение:

«[Мудрец] Яо породил [сына] Даньчжу. [Даньчжу] был жесток и не ведал о гуманности и долге. [Обычный человек] Гу-соу породил [мудрого сына] Шуня».

В приведенных рассуждениях доказываем, что мудрость не является атрибутом телесной формы, так как дети мудрецов бывают глупыми (сын мудреца Яо по имени Даньчжу оказался глупым), тогда как у обычных людей иногда рождаются мудрыми (обычный человек Гу-соу породил мудрого сына по имени Шунь). Это очень сильный аргумент в пользу того, что мудрость и глупость заключены в душе человека, а не в его телесной форме. Противник буддизма не нашел никаких возражений против исторических аргументов сторонника буддизма.

3. Категории «покой»-цзин и «движение»-дун упоминаются в рассуждениях буддиста лишь один раз:

«Хотя движение и покой и поддерживают друг друга, но утонченное и грубое различаются своими истоками».

В философской системе Ван Би категория «покой» характеризуется как атрибут «отсутствия», а категория «движение» — как атрибут «наличия», он считал, что «покой» является исходным состоянием бытия, а «движение» вторично по отношению к «покою». Исходя из этого, смысл данного фрагмента можно интерпретировать следующим образом — хотя «отсутствие» и «наличие» поддерживают друг друга, но душа и телесная форма имеют разные истоки.

4. Оппозиция «корень»-бэнь и «верхушка»-мо. Данная пара категорий также играет важную роль в философии Ван Би. В своем сочинении «Лаоцзы чжу» («Комментарий к Лаоцзы», раздел 40) он выдвинул известный тезис «отсутствие — это корень [наличия]». У Чжэн Сяньчжи эти категории упоминаются в контексте спора об истоках мудрости и глупости:

«Если начинать познание корня с верхушки, то движение утратит порядок».

5. Душа-шэнь и телесная форма-син. Данная понятийная оппозиция осмысливается метафорическим образом, который восходит к ханьским мыслителям Хуань Таню (桓譚, 43 г. до н. э. — 28 г. н. э.) и Ван Чуноу (王充, ок. 27 -104 гг. до н. э.), через сравнение души и тела с огнем и хворостом. Примечательно то, что между душой и телесной формой, Чжэн Сяньчжи расположил категорию «ли» («принцип»):

«Принцип -ли искуснее телесной формы -син, а душа -шэнь утонченнее принципа -ли» [8, с. 297].

В ответ на тезис противника буддизма о неразрывной связи между телесной формой и душой, из которого следует то, что в момент смерти тела душа также прекращает свое существование, сторонник буддизма приводит следующие рассуждения:

«Хотя огонь и порождается хворостом, но они не являются его основой.»

«Огонь берет начало в самом себе» [8, с. 300].

Далее буддист апеллирует к древнекитайской мифологии:

«Если [огонь] зависит от хвороста и только потом проявляется, то не была ли еще до [изобретателя огня] Суйжэня идея принципа добычи огня» [8, с. 300].

В данном фрагменте выдвигается оригинальная идея, согласно которой идея принципа добычи огня уже существовала априорно до первого исторического факта добычи огня, и поэтому её существование не привязано к конкретному горючему материалу (хворост). Таким же образом и душа человека существовала априорно и не привязана к конкретной телесной форме. В этом заключается одна из особенностей системы доказательств бессмертия души, выказанная в сочинении Чжэн Сяньчжи. Рассуждения Чжэн Сяньчжи по этой проблеме можно представить в таблице 3.

Таблица 3

		神 Душа-шэнь
	理 Принцип-ли	
形 телесная форма-син		
		火理 принцип добычи огня- хо ли
	火 Огонь-хо	
薪 Хворост-синь		

Таким образом, Чжэн Сяньчжи дополнил оппозицию «душа» — «телесная форма» новой категорией «ли» и построил иерархию этих понятий по убывающей: «душа» — «принцип-ли» — «телесная форма».

Помимо рассмотренных выше категорий Чжэн Сяньчжи затрагивает и вопрос о феномене жизни как биологическом явлении. Он рассматривает его как бесконечный круговорот зарождения, завершения и возрождения жизни. Чжэн Сяньчжи использует элементы натурфилософии и уподобляет круговорот жизни круговороту воды и огня в природе:

*«Цветение и увядание, расцвет и упадок,
смерть и жизнь сменяют друг друга.
Они подобны воде и огню, которые питают
все живое и не истощаются.
Здесь мы видим завершение и возрождение жизни.
одна телесная форма исчерпывается,
другая телесная форма рождается.
Живые существа не зарождаются сами по себе,
она поддерживается совокупностью
всего живого (чжун шэн).
Разве природа огня не учитывает вещи,
а принцип воды не следует пустоте?
Поэтому никакая вещь не может исчерпать [её]» [8, с. 300].*

В данном фрагменте можно выделить такие категории, как «живые существа», «совокупность всего живого», «природа огня», «принцип воды» и «пустота». Огонь направлен на то, что подвержено горению, вода направлена то, что ничем не заполнено. В этом же пассаже упомянуто сочетание «цзы шэн» (самозарождение), которое является одной из важнейших философских категорий Го Сяна. Он считал, что все живые существа возникли путем «самозарождения», без участия какой-либо высшей сущности («у гэ цзы шэн» — «каждая вещь самозарождается»). Сторонник буддизма опровергает правомерность данной категории и заявляет, что все живые существа зародились от «совокупности всего живого» (чжун шэн).

В ходе доказательства тезиса о «бессмертии души» буддист упомянул учение о космогенезе, оно представлено в следующем фрагменте:

*«Великий предел — это мать двух начал.
Два начала — это корень всей тьмы вещей.
Тот великий предел — всего лишь частицы
первозданного эфира Вселенной и только.
[Частицы эфира] могут претерпевать различные превращения,
но целостность единого при этом не меняется.
Таким же образом душа-шэнь и дух-лин
проходят через наличие и отсутствие» [8, с. 299].*

Данные рассуждения можно представить в графическом виде (табл. 4)

Таблица 4

1	2	3	4
浑元 Хунь-юань Первозданный хаос Вселенной	太极 Тайцзи Великий предел	两议 Лян и Два начала (Небо и Земля)	万物 Вань у Вся тьма вещей

В дополнение к вышеизложенному необходимо отметить, что обоснование выдвинутых тезисов буддиста и его оппонента иногда носит противоречивый, нелогичный или незавершенный характер, в некоторых пассажах логические связи между отдельными аргументами отсутствуют.

К таким же выводам приходит и китайский ученый Лю Лифу [7, с. 121]. Так, например, одно из рассуждений сторонника буддизма в сочинении Чжэн Сяньчжи выглядит следующим образом:

*«Мышцы и кости — это то, чем [тело] воспринимает физическую боль.
Ногти и волосы — это то, где прекращается восприятие [боли].
Почему это так?
Разве мышцы и кости — это не то, что считается жизнью,
а ногти и волосы разве являются корнем жизни?
Если жизнь находится в корне, то можно понять, что [жизнь] существует,
Если же жизнь — в ветвях, то можно понять, что [жизнь] прекратилась» [8, с. 297].*

Таким образом, можно подвести следующие итоги. Во-первых, установлено, что религиозно-философская аргументация в «Шэнь бу ме лунь» построена на близком к буддизму мистическом учении даосского толка под названием «сюань-сюэ». При этом сторонник буддизма стоит на позициях

Ван Би, а его оппонент придерживается взглядов Го Сяна. Чжэн Сяньчжи творчески развил буддийский тезис Хуэйюаня о «бессмертии души», основываясь на исторических и философских аргументах. Таким образом, можно сказать, что Чжэн Сяньчжи внес значительный вклад в пропаганду и распространение буддийского учения в китайском обществе.

Во-вторых, тот факт, что аргументация участников полемики построена на основе терминологии учения сюаньсюэ, говорит о том, что данное учение сохраняло свои позиции в китайском обществе вплоть до начала V в. н. э.

В-третьих, исходя из того, что сочинение «Шэнь бу ме лунь» включено китайскими историографами в сборники, относящиеся к эпохе Лю Сун, выдвинуто предположение о датировке создания данного сочинения в пределах между 420 и 427 годами, так как именно эти годы жизни Чжэн Сяньчжи пришлось на династию Лю Сун.

Следует подчеркнуть, что в понимании и интерпретации отдельных понятий сочинения «Шэнь бу ме лунь» все еще остается много вопросов. Для того чтобы ответить на них, необходимы дальнейшие историко-философские исследования и переводы данного сочинения.

Приведем основные тезисы синобуддийского сочинения Чжэн Сяньчжи «Шэнь бу ме лунь»:

Введение автора-буддиста	
<p>Ныне многие считают, что тело и душа погибают одновременно. Это связано с тем, что пределом мудрости считаются Чжоу-гун и Конфуций.</p> <p>1. Принцип-ли выше телесной формы, душа выше принципа-ли. Телесная форма груба, а душа утонченна. Телесная форма — это внутренние органы, 4 конечности и 7 отверстий. Вместе они обеспечивают жизненные функции организма. Телесная форма связана с дыханием, а душа — с мышлением. Утонченная душа не может погибнуть вместе с грубой телесной формой.</p>	
Краткое изложение тезисов противника буддизма	Краткое изложение тезисов сторонника буддизма
<p>1. Хотя телесная форма груба, а душа утонченна, и они различаются своими истоками, но они соотносятся как «наличие» и «отсутствие». А основой «наличия» для человека является жизнь. Так может ли душа жить после прекращения жизни, как основы «наличия»? Душе негде пребывать после смерти тела.</p>	<p>1. «Цветение и увядание, расцвет и упадок, смерть и жизнь сменяют друг друга. Подобно воде и огню, которые питают все живое и не истощаются. Здесь мы видим завершение и возрождение жизни. одна телесная форма исчерпывается, другая телесная форма рождается. Живые существа не зарождаются сами по себе, они поддерживаются совокупностью всего живого (<i>чжун шэн</i>). Разве природа огня не учитывает вещи, а принцип воды не следует пустоте? Поэтому никакая вещь не может исчерпать [её]. Великий предел — это мать двух начал. Два начала — это корень всей тьмы вещей. Тот великий предел — всего лишь частицы первозданного эфира Вселенной и только. [Частицы эфира] могут претерпевать различные превращения, но целостность единого при этом не меняется. Таким же образом душа-шэнь и дух-лин проходят через наличие и отсутствие».</p>
<p>2. Никогда еще не было, чтобы душа и телесная форма расходились в чем-то друг с другом. Если это так, то жизнь души и телесной формы прерывается одновременно.</p>	<p>2. Душа и телесная форма подобна огню и хворосту. Идея принципа добычи огня была еще до [изобретателя огня] Суйжэня. Таким же образом душа существовала еще до появления телесной формы. Хотя огонь и порождается хворостом, но они не являются его основой. Огонь берет начало в самом себе.</p>
<p>3. По какому принципу конкретная душа вселяется в конкретную телесную форму?</p>	<p>3. Душа и телесная форма сочетаются естественным образом (<i>цзы жань</i>), подобно ходу четырех времен года в отношении ко всей тьме вещей.</p>
<p>4. Хворост не имеет стремления к конкретной порции хвороста, а огонь не имеет стремления коснуться конкретной порции хвороста. Поэтому их сочетания неисчерпаемы. Огонь, который перекидывается на другие порции хвороста, не тот, что горел в предыдущих порциях хвороста.</p>	<p>4. Если [душа] использовала эту жизнь для совершения добра или зла, то разве душа сама не сделает все возможное для спасения этой телесной формы?</p>

5. Когда душа находится в телесной форме, то проявляется её способность понимания, когда телесная форма опирается на душу, то проявляется его функция. Душа следует за этой телесной формой. Поэтому бывает мудрость и глупость. Мудрость и глупость не заключены в душе.

5. Ведь принцип-ли безначален и бесконечен, таинственен и безграничен. Всегда рождается и всегда превращается. Счастье и несчастье сменяют друг друга, все это порождено спонтанной естественностью (*цзыжань*). Так называемая мудрость воистину должна иметь начало. Так называемый ум (*цун-мин*) берет начало в глазах и ушах. [Но] сущность глаз и ушей не заключены в уме (*цун-мин*). Так называемая мудрость и глупость воистину реагируют на то, что имеет начало. Можно понять, что происхождение мудрости и глупости связано с безначальным. [Мудрец] Яо породил [сына] Даньчжу. [Даньчжу] был жесток и не ведал о гуманности и долге. [Обычный человек] Гусоу породил [мудрого сына] Шуня.

Литература

1. Ван Янь. Вести из потустороннего мира // Ван Янь-сю. Предания об услышанных мольбах (Гань ин чжуань) / пер. с кит., вступ. статья и примеч. М. Е. Ермакова. — СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. — С. 156.
2. Сторчевая Т. Г. Спор о «бессмертии души» (шэнь бу ме) в Китае (IV–VI вв.) // Общество и государство в Китае : материалы XVIII науч. конф. — М., 1987. — Ч. 1. — С. 90–94.
3. Сторчевая Т. Г. Возвращаясь к спору о «бессмертии души» в Китае // Тезисы докладов научной конференции. — М., 1990. — Ч. 1.
4. Торчинов Е. А. Китайская картина мира и буддизм (к вопросу о характере взаимодействия культур Китая и Индии) // История философии, культура и мировоззрение. К 60-летию профессора А. С. Колесникова. — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. — С. 202–217.
5. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. — М.: Изд-во вост. лит-ры, 2007. — Т. 2. Мифология. Религия. — С. 574–575.
6. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. — М.: Изд-во вост. лит-ры, 2006. — Т. 1. Философия. — С. 599.
7. Лю Лифу. Хун дао мин цзяо: «Хунминцзи». Исследование. — Пекин, 2004.
8. Лю Лифу, Вэй Цзяньчжун, Ху Юн. «Хунминцзи». Исследование и коммент.: в 2 т. — Пекин, 2013. — Т. 1. — 510 с.
9. Zheng Xianzhi: «Shen bu mie lun» by: Walter Liebenthal in: «The Immortality of the Soul in Chinese Thought». Monumenta Nipponica 8, no ½ (1952): 346-354.
10. Хунминцзи 弘明集 / сост. Сэнью. В 14 цз. // Тайсё синсю Дайдзюкё. Т. 52. № 2102.
11. Цюань Сун вэнь 全宋文 (Полное собрание сочинений [династии] Сун) цюань 25 // Янь Кэцзюнь Цюань шан-гу саньдай Цинь-Хань, Сань-го, Лю-чао вэнь (Полное [собрание] литературы глубокой древности, трех [первых] эпох, [династий] Цинь и Хань, Троецарствия и шести династий).
12. Янгутов Л. Е. Традиции праджняпарамиты в Китае. — Улан-Удэ, 2007. — С. 69–76.

References

1. Wang Yan. Vesti iz potustoronnego mira [News from underworld]. *Predaniya ob uslyshannykh mol'bakh (Gan' in chzhuan')* — *Tradition of heard pleas (Gan Ying Zhuan)*. St Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1998. 368 p. P. 156. (transl. from Chinese)
2. Storchevaya T. G. Spor o «bessmertii dushi» (shen' bu me) v Kitae (IV-VI vv.) [Dispute about "a soul immortality" (shen bu me) in China (4th–6th centuries)]. *XVIII nauchnaya konferentsiya "Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae"* — 18th sci. conf. "Society and State in China". Moscow, 1987. Part 1. Pp. 90–94.
3. Storchevaya T. G. Vozvrashchayas' k sporu o «bessmertii dushi» v Kitae [Returning to the dispute about "a soul immortality" in China]. *XX nauchnaya konferentsiya "Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae"* — 20th sci. conf. "Society and State in China". Part 1. Moscow, 1990.
4. Torchinov E. A. Kitaiskaya kartina mira i buddizm (k voprosu o kharaktere vzaimodeistviya kul'tur Kitaya i Indii) [The Chinese view of the world and Buddhism (about the nature of Chinese and Indian cultures interaction)]. *Istoriya filosofii, kul'tura i mirovozzrenie. K 60-letiyu professora A.S. Kolesnikova — The history of philosophy, culture and worldview. To the 60th anniversary of Professor A. S. Kolesnikov*. St Petersburg: St. Petersburg Philosophical, 2000. Pp. 202–217.
5. *Dukhovnaya kul'tura Kitaya. T. 2. Mifologiya. Religiya* [Spiritual Culture of China V. 2. Mythology. Religion]. In 5 v. Moscow: Vostochnaya literatura, 2006. 869 p. Pp. 574–575.
6. *Dukhovnaya kul'tura Kitaya. T. 1. Filosofiya* [Spiritual Culture of China V. 1. Philosophy]. In 5 v. Moscow: Vostochnaya literatura, 2006. 727 p. P. 599.
7. Liu Lifu. *Khun dao min tszyao: «Khunmitszi»*. Beijing, 2004. (Chinese)
8. Liu Lifu, Wei Jianzhong, Hu Yong. «Khunmitszi». In 2 v. Beijing, 2013. V. 1. 510 p. (Chinese)
9. Liebenthal W. Zheng Xianzhi: "Shen bu mie lun". *The Immortality of the Soul in Chinese Thought. Monumenta Nipponica* 8. 1952. No. ½. Pp. 346–354.
10. 弘明集 [Hunmitszi]. In 14 tsz. *Taise sinsyu Daidzoke*. V. 52. No. 2102. (Chinese)
11. Sun Quan Wen 全宋文 (Polnoe sobranie sochinerii [dinastii] Sun [Complete collection of Song's [dynasty] writings]. *Yan' Ketszyun' Tsyuan' shan-gu san-dai Tsin'-Khan', San'-go, Lyu-chao ven' — Full [collection of] antiquity literature of [first] three eras, [dynasties] Qin and Han, Three Kingdoms and Six Dynasties*. V. 25. (Chinese)
12. Yangutov L. E. *Traditsii pradžnyaparamity v Kitae* [Traditions of Prajnaparamita in China]. Ulan-Ude, 2007. Pp. 69–76.

УДК 330.101(510)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-210-215

Статистический мониторинг всестороннего построения общества «сяокан» (малое благоденствие)

© **Шохоев Эдуард Климентьевич**

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и регионоведения Восточного института Бурятского госуниверситета

Россия, 670000 г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4

E-mail: shohoev@bsu.ru

В статье представлены статистические данные Китайской Народной Республики, отражающие процесс всестороннего построения общества «сяокан» на протяжении 2000-2010 гг. В основном данные представлены по шести крупным областям: экономическое развитие, социальная гармония, качество жизни, демократия и право, культура и образование, ресурсы и охрана окружающей среды. Статистические показатели в этих областях обладают различной амплитудой подъема, к тому же имеются и существенные региональные различия. Главная цель этого вида мониторинга — сбор и передача набора показателей социальной и экономической статистики, необходимого для эффективного анализа явлений в политической, экономической, социальной и других сферах Китая. Статистические данные позволяют выявить особенности всестороннего построения общества «сяокан» и наметить перспективы достижения заветной цели для большинства китайского народа.

Ключевые слова: общество «сяокан», «малое благоденствие», статистика, экономическое развитие, качество жизни, окружающая среда.

The Statistical Monitoring of the Comprehensive Process of «Xiaokang» (Little Prosperity) Society Building

Eduard Kl. Shokhiev

PhD in history, A/Professor, Buryat State University

4, Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

This article presents the statistical data of China, reflecting the comprehensive process of building a society «Xiaokang» during the period 2000-2010. Basically, data is presented in six major areas: economic development, social harmony, quality of life, democracy and law, culture and education, resources and environmental protection. Statistical indicators in these areas have different amplitude rise, moreover, there are significant regional differences. The main purpose of this monitoring is collecting essential indicators of social and economic development. These indicators are required for the effective analysis of the political, economic and social situation in China. The statistics allows to reveal the main features of a «Xiaokang» society and outline the prospects for achieving the cherished goal for the majority of the Chinese people.

Keywords: «Xiaokang» society, «little prosperity», statistics, economic development, quality of life, environment.

Термин «сяокан» — «小康» (малый достаток, средняя зажиточность, малое благоденствие) [прим. 1] представляет собой основную концепцию, в полной мере объясняющую отличительные особенности китайского общества. Более 2000 лет назад это слово объясняло один из китайских идеалов общества, в котором люди трудились для процветания своей семьи и государства, были зажиточны и жили в гармонии с окружающей средой.

В конце 1970-х гг. китайское правительство поставило перед собой цель построения общества «сяокан», соответствующего национальным условиям Китая. Было решено увеличить ВВП к 1990 г. в два раза для того, чтобы искоренить нехватку продовольствия и одежды («解决温饱问题») и в четыре раза к 2000 г. для повышения уровня жизни народа до уровня «сяокан», который был достигнут после 20 лет напряженных усилий.

С самого начала нового века Китай перешел на новый этап создания общества «сяокан», китайское правительство установило новые цели в области социально-экономического развития в период с 2000 по 2020 г. — всестороннее построение общества «сяокан» («全面建设小康社会») для всего китайского населения. Характерными чертами этого периода являются ускоренное экономическое развитие, расширение демократии, развитие передовых технологий, образования и культуры, гармоничное общество, высокий уровень жизни, более эффективное использование ресурсов и благоприятных природных условий. Поставленная цель охватывает широкий спектр областей, так как она отражает понятия ориентации человека, научного развития, сбалансированного развития общества и экономи-

ки, производства и жизни, демократии и права, науки, образования и культуры, ресурсов и окружающей среды.

Для оценки прогресса Китайской Народной Республики и мониторинга продвижения строительства общества «сяокан» была создана система статистических показателей мониторинга всестороннего построения общества «сяокан», известная как система индикаторов «сяокан».

Как с точки зрения статистики отображать достижения и перспективы всестороннего построения общества «сяокан», где «экономика еще более развитая, демократия еще более здоровая, наука и образование еще более прогрессивные, культура еще более процветающая, общество еще более гармоничное, жизнь народа еще более обеспеченная (зажиточная)», как создать статистическую систему мониторинга всестороннего построения общества «сяокан» — все эти вопросы являются актуальными для всех слоев общества, а также являются основной обязанностью органов статистики КНР.

Начиная с 2003 г. «Система статистических показателей мониторинга всестороннего построения общества “Сяокан”», ставшая основной задачей государственного Статистического управления КНР, является главной задачей Научно-исследовательского института статистики КНР.

Статистический мониторинг всестороннего построения общества «сяокан» начал разрабатываться в 2003 г. и был разослан территориальным управлениям статистики для представления отчета данных, который состоит из 23 показателей в шести основных отраслях:

- экономическое развитие;
- социальная гармония;
- качество жизни;
- демократия и право;
- культура и образование;
- ресурсы и охрана окружающей среды.

На протяжении трех лет начиная с 2008 г. проводился мониторинг, отчеты по которому печатались как внутренние документы Статистического управления КНР. В 2011 г. были впервые открыто опубликованы.

Однако из-за совершенствования системы статистических показателей мониторинга всестороннего построения общества «сяокан», а также из-за существующих достаточно больших различий в разных областях, таких как уровень социально-экономического развития, географическое положение, природные ресурсы и окружающая среда, комплексные реальные показатели с 2000 г. могут отражать только собственные обстоятельства развития и не могут полностью сопоставимы с разными регионами.

Кроме того, наличие различных источников, использование разных методов подсчета и разных величин может приводить не всегда к корректным статистическим данным, которые будут использоваться при фактическом сопоставлении.

Статистический мониторинг — это система получения количественных характеристик, а именно статистических показателей и коэффициентов о различных сторонах жизни общества. Главная цель этого вида мониторинга — сбор и передача некоторого набора показателей социальной и экономической статистики, необходимого для эффективного анализа явлений в политической, экономической, социальной и других сферах [2].

Всестороннее построение общества «сяокан» — это цель, к которой необходимо стремиться в начальные 20 лет XXI в., установленная XVI съездом КПК.

В соответствии с предложенным «Проектом статистического мониторинга всестороннего построения общества “Сяокан”», НИИ статистики государственного статистического управления КНР и территориальные исследовательские департаменты статистики осуществили статистический мониторинг процесса всестороннего построения общества «сяокан» во всем Китае и различных регионах за период 2000–2010 гг.

Результаты демонстрируют, что за годы 10-й и 11-й пятилеток с 2000 по 2010 г. под руководством ЦК КПК и Госсовета КНР Китай старательно преодолел влияние многочисленных неблагоприятных факторов, таких как мировой финансовый кризис, повышение себестоимости производства, эпидемия «атипичной пневмонии», невиданные холода и землетрясения, селевые потоки, а также долговые кризисы европейских стран и др. В экономическом строительстве Китай добился больших успехов, различные социальные программы ускоренно развивались, уровень жизни народа постоянно повышался, ситуация с экологическим строительством и охраной окружающей среды постепенно улучшалась.

Весь Китай и его регионы достигли значительного прогресса на пути всестороннего построения общества «сяокан».

Согласно статистическим данным, в 2010 г. реальный показатель [прим. 2] всестороннего построения общества «сяокан» достиг 80,1 %, по сравнению с 2000 г. увеличился на 20,5 %, ежегодный средний прирост составил 2,05 %. Реальные показатели шести основных областей всестороннего построения общества «сяокан» — экономическое развитие, социальная гармония, качество жизни, демократическое законодательство, культура и образование, ресурсы окружающей среды — также имели сравнительно большой рост (табл. 1).

Таблица 1

Реальные показатели шести основных областей всестороннего построения общества «сяокан» Китая в 2000-2010 гг., %

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Всестороннее построение общества «сяокан»	59,6	60,7	61,8	63,0	64,8	67,2	69,9	72,8	74,7	77,5	80,1
Экономическое развитие	50,3	52,2	54,4	56,3	58,2	60,6	63,4	66,6	69,1	73,1	76,1
Социальная гармония	57,5	59,6	57,1	56,3	59,9	62,8	67,6	72,1	76,0	77,7	82,5
Качество жизни	58,3	60,7	62,9	65,5	67,7	71,5	75,0	78,4	80,0	83,7	86,4
Демократия и право	84,8	82,6	82,5	82,4	83,7	85,6	88,4	89,9	91,1	93,1	93,6
Культура и образование	58,3	59,1	60,9	61,8	62,2	63,0	64,1	65,3	64,6	66,1	68,0
Ресурсы и охрана окружающей среды	65,4	64,6	66,3	67,2	67,7	69,5	70,6	72,6	75,2	76,8	78,2

1. Экономическое развитие было успешным, реальные показатели увеличились с 50,3 в 2000 г. до 76,1 % в 2010 г.

Экономическое развитие включает в себя пять индикаторов, таких как ВВП на душу населения, доля расходов на R&D (НИОКР — научные исследования и опытно-конструкторские разработки) в ВВП, доля добавленной стоимости третьего сектора экономики (*общее название для вспомогательных отраслей, отраслей сферы обслуживания, для производственных отраслей, потребительской сферы*) в ВВП, удельный вес городского и сельского населения, уровень зарегистрированной безработицы. Вышеперечисленные индикаторы отображают картину экономического развития с точки зрения экономического роста, технических инноваций, промышленной структуры, демографической структуры и занятости.

Согласно данным мониторинга, в 2010 г. реальный показатель в экономическом развитии Китая составил 76,1 %, по сравнению с 2000 г. прирост 25,8 %, ежегодный средний прирост составил 2,58 %.

Исходя из пяти показателей мониторинга, в 2010 г. ВВП на душу населения составил 2992 юаня (в ценах того года), в сопоставимых ценах увеличение произошло по сравнению с 2000 г. в 2,56 раза, среднегодовой прирост за 10 лет составил 9,8 %, реальный показатель впервые превысил 60 % и достиг 64 %; удельный вес расходов на НИОКР в ВВП достиг 1,76 %, по сравнению с 0,90 % в 2000 г. произошел рост почти в 2 раза, реальный показатель — 70,4 %; удельный вес добавленной стоимости третьего сектора экономики в ВВП достиг 43,1 %, по сравнению с 39,0 % в 2000 г. прирост составил 4,1 %, реальный показатель — 86,2 %; удельный вес городского и сельского населения составил 49,95 %, по сравнению с 36,22 % в 2000 г. увеличение произошло на 13,73 %, реальный показатель — 83,3 %; уровень безработицы постоянно сохраняется в рамках обозначенной цели, реальный показатель — 100 %.

При этом необходимо помнить, что ВВП Китая растет очень быстро и сегодня занимает второе место в мире, а ВВП Китая на душу населения отстает на 100 позиций. Инвестиционная политика Китая направлена на поддержание и стимулирование технических инноваций, которые являются важным показателем измерения технического уровня и силы страны. Для дальнейшего развития всей структуры экономики Китай должен ускорить индустриализацию, давая приоритет развитию информационной экономики. Несмотря на быстрый рост доли городского населения, Китай находится в процессе ускоренной урбанизации, хотя сельское население по-прежнему составляет большинство населения Китая.

2. Уровень социальной гармонии постепенно улучшается, реальный показатель повысился с 57,5 в 2000 г. до 82,5 % в 2010 г.

Социальная гармония включает в себя пять показателей мониторинга, таких как коэффициент Джини (基尼系数 — показатель дифференциации доходов населения [прим. 3]), соотношение доходов городских и сельских жителей, коэффициент различий экономического развития регионов, степень охвата населения основным социальным обеспечением (страхованием) и коэффициент соотношения полов выпускников высшей ступени средней школы, которые в основном отражают степень гармонии социального развития.

Согласно данным мониторинга, в 2010 г. реальный показатель Китая в области социальной гармонии достиг 82,5 %, по сравнению с 2000 г. увеличился на 25,0 %, ежегодный средний прирост составил 2,5 %. Исходя из пяти показателей мониторинга, в 2010 г. коэффициент Джини почти превысил 0,412 — показатель 2000 г., реальный показатель — 79,8 %; соотношение доходов городских и сельских жителей (доходы сельских жителей приняты за единицу) составило 3,45, по сравнению с 2,85 в 2000 г. увеличился на 0,60, реальный показатель — 70,3 %; коэффициент различий экономического развития регионов составил 50,95, по сравнению с 68,74 % в 2000 г. снизился приблизительно на 18,0 % и уже достиг намеченной цели; степень охвата населения основным социальным обеспечением достигла 65,6 %, по сравнению с 13,3 % в 2000 г. увеличился на 52,3 %, реальный показатель — 72,8 %; коэффициент соотношения полов выпускников высшей ступени средней школы составил 99,25 %, по сравнению с 110,64 % в 2000 г. сократился на 11,39 %, реальный показатель — около 100 %.

В настоящее время коэффициент Джини городского и сельского населения Китая можно отдельно вычислить на основании исходных данных исследования доходов и расходов жителей, прописанных в городах и селах, но из-за того, что исследования жителей городов и деревень все еще не интегрированы, еще невозможно непосредственно на основании материалов исследования жителей, проживающих в городах и деревнях Китая, рассчитать коэффициент Джини, можно только предположительно рассчитать на основании материалов отдельных исследований доходов и расходов жителей, прописанных в городах и селах.

Большой разрыв между городскими и сельскими доходами является одним из признаков, который показывает дисбаланс экономического развития Китая. Уменьшение неравенства доходов городских и сельских жителей является одной из целей всестороннего построения общества «сяокан».

Коэффициент различий экономического развития регионов — это коэффициент изменчивости, получаемый посредством подсчета ВВП на душу населения 31-го региона всего Китая (города, районы, провинции). Он отражает различия экономического развития между разными регионами страны: чем значение больше, тем степень различий экономического развития между регионами выше, в противном случае наоборот.

Степень охвата населения Китая основным социальным обеспечением указывает на соотношение между количеством населения, уже участвующим в пенсионном обеспечении, и количеством населения, которое должно участвовать по установленным показателям социальной политики.

3. Качество жизни народа значительно выросло, реальный показатель повысился с 58,3 % в 2000 г. до 86,4 % в 2010 г.

Качество жизни включает в себя пять статистических показателей, таких как среднедушевые доходы, находящиеся в непосредственном распоряжении после уплаты налогов, коэффициент Энгеля [прим. 4], полезная площадь жилых помещений в среднем на душу населения, показатель смертности детей младше пяти лет и показатель средней продолжительности жизни, главным образом отражают ситуацию с переменами в развитии жизни населения. Согласно данным мониторинга, в 2010 г. реальный показатель Китая в области качества жизни составил 86,4 %, по сравнению с 2000 г. увеличился на 28,1 %, ежегодный средний прирост составил 2,81 %, среди показателей в шести основных областях масштаб роста реального показателя самый большой.

Исходя из пяти показателей мониторинга, в 2010 г. среднедушевые доходы, находящиеся в непосредственном распоряжении, оцениваются в 10046 юаней (в неизменных ценах 2000 г.), увеличение произошло в 2,73 раза, реальный показатель составил 67,0 %, однако разница в доходах городского и сельского населения достаточно большая; коэффициент Энгеля составляет 38,4 %, по сравнению с показателем 45,6 % в 2000 г. снизился на 7,2 % и уже достиг намеченной цели; полезная площадь жилых помещений в среднем на душу населения достигла 27,0 м², по сравнению с площадью в 19,0 м² в 2000 г. увеличилась на 8,0 м² и уже достигла намеченной цели; показатель смертности детей младше пяти лет составляет 16,4 %, по сравнению с 39,7 % в 2000 г. снизился на 23,3 %, реальный показатель достиг 73,2 %; средняя продолжительность жизни составила 73,5 года, по сравнению с 71,4 в 2000 г.

увеличилась на 2,1 года, реальный показатель достиг 98,0 %.

Жилищные условия являются важным показателем уровня жизни людей. С началом реформ в Китае жилищные условия были значительно улучшены, что особенно показательно в сельской местности. При этом выбирая полезную площадь, нельзя не учитывать качество жилья. Дома в сельской местности Китая, состояние которых ниже стандартов железобетонных, кирпичных или деревянных конструкций, не должны учитываться.

4. Показатель «демократия и право» постепенно укрепляется, реальный показатель с 84,8 % в 2000 г. вырос до 93,6 % в 2010 г. Показатель «демократия и право» включает в себя два статистических показателя, таких как удовлетворенность гражданами своими демократическими правами и показатель общественной безопасности [прим. 5]. Согласно данным мониторинга, в 2010 г. реальный показатель в области демократии и права составил 93,6 %, по сравнению с 2000 г. увеличился на 8,8 %, ежегодный средний прирост достиг 0,88 %. Результаты исследования наглядно демонстрируют, что удовлетворенность гражданами своими демократическими правами составила 82,0 %, по сравнению с показателем 60,0% в 2000 г. увеличился на 22 %, реальный показатель достиг 91,1 %; принимая 2000 год за базовый период, показатель общественной безопасности рассчитывается комплексно из 4-х областей — общественный порядок, безопасность движения, безопасность жизни и производственная безопасность, реальный показатель в 2010 г. достиг 95,6 %.

5. Образование и культура уверенно развиваются, реальный показатель с 58,3 % в 2000 г. увеличился до 68,0 % в 2010 г. Образование и культура включают в себя три контрольных индикатора — удельный вес добавленной стоимости индустрии культуры в ВВП, удельный вес расходов на культуру, просвещение и развлечения в потребительских расходах семьи и средний срок получения образования, в основном отображают обстоятельства развития в области образования и культуры.

Согласно данным мониторинга, в 2010 г. реальный показатель образования и культуры Китая составлял 68,0 %, по сравнению с 2000 г. увеличился на 9,7 %, в среднем годовое повышение составило 0,97 %. По данным контрольных индикаторов, индустрия культуры Китая продолжает сохранять высокие темпы роста, в особенности начиная с 2008 г. Стабильный рост индустрии культуры обладает рядом преимуществ: общие расходы на ее развитие сравнительно низкие, отсутствие негативного влияния на окружающую среду, добавленная стоимость достаточно высокая и т. п. В 2010 г. удельный вес добавленной стоимости индустрии культуры в ВВП составлял примерно 2,75 %, по сравнению с 2000 г. увеличился почти на 1 %, реальный показатель составил 55,0 %.

Удельный вес расходов населения на культуру, образование и развлечения в 2010 г. составил 10,22 % от потребительских расходов семьи, по сравнению с 11,68 % в 2000 г. снизился на 1,46 %, реальный показатель составил 63,9 %; средний срок получения образования для населения старше 15-ти лет по предварительным расчетам составляет 8,64 года, по сравнению с показателем 7,79 в 2000 г. увеличился на 0,85 года, реальный показатель составил 82,3 %.

На пути всестороннего построения общества «сяокан» Китай должен сосредоточить внимание на уровне образования всего населения. По сравнению с другими странами мира Китай значительно сократил уровень неграмотности, в то время как образование всего населения по-прежнему отстает.

6. Ресурсы и охрана окружающей среды, динамика этого показателя за годы 10-й и 11-й пятилеток положительная, реальный показатель увеличился с 65,4 % в 2000 г. до 78,2 % в 2010 г.

Ресурсы и охрана окружающей среды включает в себя три контрольных индикатора — потребление энергии на единицу ВВП, показатель площади обрабатываемых земель и показатель качества окружающей среды, в основном отражает ситуацию с использованием ресурсов и результаты охраны окружающей среды.

Согласно данным мониторинга, реальный показатель Китая в области ресурсов и охраны окружающей среды в 2010 г. составлял 78,2 %, по сравнению с 2000 г. увеличился на 12,8 %, среднегодовое повышение составило 1,28 %. Благодаря повсеместной реализации политики «экономии энерго-ресурсов и уменьшения выбросов» потребление энергии на единицу ВВП в 2010 г. уже снизилось до 1,21 т топливного эквивалента по углю на 10 000 юаней [прим. 6], по сравнению с 1,47 т топливного эквивалента по углю на 10 000 юаней в 2000 г. снизилось на 17,6 %, реальный показатель составил 69,5 %. Если рассматривать показатель площади обрабатываемых земель в 2000 г. как базовый показатель, то в 2010 г. он составил 94,5 % [прим. 7]. Показатель качества окружающей среды [прим.] достиг 76,7 %, по сравнению с 59,2 % в 2000 г. увеличился на 17,5 %, реальный показатель — 76,7 %.

По уровню объема природных ресурсов на душу населения Китай отстает от среднемировых показателей. Только за счет снижения потребления энергии и экономии ресурсов Китай может соответст-

водить темпам быстрого экономического развития. Кроме того, снижение потребления энергии является фактически одним из основных мер защиты и улучшения окружающей среды, что очень важно в целом для страны. Китай также должен соблюдать самые строгие меры в области охраны пахотных земель. Перед ним поставлена цель достижения динамического равновесия общего числа пахотных земель и пропорциональности реквизиций и компенсации, так как Китай страна с большим населением и скудными земельными запасами.

Вышеупомянутые показатели статистического мониторинга представляют различные аспекты развития Китая с разных точек зрения и представляют собой всеобъемлющую основу для оценки социальных и экономических улучшений.

Статистический мониторинг позволяет сделать оценку прогресса Китая во всестороннем построении общества «сяокан» в период с 2000 по 2010 г. в соответствии с показателями в шести основных областях. Результаты показывают, что китайская экономика быстро развивается. Качество жизни людей значительно улучшилось, социальные мотивы были повышены и процесс всестороннего построения общества «сяокан» неуклонно продвигается вперед. Вполне вероятно, что Китай сможет достичь цели всестороннего построения общества «сяокан» к 2020 г.

Примечания

1. В данной статье не ставится задача объяснить различия между этими понятиями. Однако автором сделан выбор в пользу определения «малое благоденствие» на основе этимологии этого термина, связанности его с формированием благоприятного морального климата и традиционности перевода для отечественной синологии.

2. Реальный показатель всестороннего построения общества «сяокан» — это фактическое значение отдельных показателей мониторинга, разделенный на нормативное значение. Реальный показатель в 60 % указывает на полный «сяокан», а 100 % указывает на всесторонний «сяокан», также можно сказать, что процесс всестороннего построения общества «сяокан» начинается с 60 %, а его конечная точка — 100 %.

3. Коэффициент Джини является главным показателем, который отражает степень различий в распределении доходов жителей. Его экономическое содержание — в доходах всех жителей используется соотношение между существующим неравномерным распределением части доходов к общему доходу, поэтому его самое большое значение равно «1» (единице), а самое маленькое равно «0» (нулю). Первое значение выше выражает абсолютное неравенство в распределении доходов между жителями, т. е. 100 % доход принадлежит только одному человеку, второе значение отражает абсолютное равенство в распределении доходов между жителями, т. е. доход каждого человека полностью одинаковый.

4. Доля расходов на еду относительно общих расходов семьи на потребление. Чем меньше это число, тем лучше благосостояние семьи.

5. Показатель общественной безопасности — это сводный индекс, который отражает положение с общественной безопасностью. Указывает на общую ситуацию изменений в нескольких важных областях общественной безопасности (общественный порядок, безопасность движения, безопасность жизни, производственная безопасность и т.п.) в определенный период времени. Среди них для общественного порядка применяется показатель коэффициента уголовных преступлений на 10 000 человек; для безопасности движения используется показатель смертности в транспортных происшествиях на 10 000 человек (дорожное сообщение, водный транспорт, железнодорожный транспорт, авиасообщение), для безопасности жизни применяется показатель смертности при пожарах на 10 000 человек, для производственной безопасности показатель смертности при производственных травмах на 10 000 человек.

6. В ценах 2000 года.

7. Показатель площади обрабатываемых земель — это соотношение площади обрабатываемых земель за базовый период к площади обрабатываемых земель за отчетный период. Если площадь обрабатываемых земель увеличивается, то соотношение превышает 100 %, если площадь обрабатываемых земель уменьшается, то соотношение меньше 100 %.

8. Качество окружающей среды — это совокупный показатель, который включает в себя основные достоинства и недостатки водной среды, атмосферной среды, почвенной среды, экологической среды, геологической среды, ситуацию с шумовыми помехами. Из-за ограничений статистических данных по окружающей среде, расчеты показателей качества окружающей среды в настоящее время временно формируются из факторов водной среды атмосферной среды и озеленения.

Литература

1. 中国全面建设小康社会蓝测报告。 - 北京, 2011.
2. Экспертно об экономике [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eexperts.ru/ecos-662-2.html>
3. Барский К. М. Что такое сяокан? // Восток. — 1992. — № 5. — С. 44–51.

References

1. 中国全面建设小康社会蓝测报告。 - 北京, 2011. (Chinese)
2. *Ekspertno ob ekonomike* [Experts about economy]. Available at: <http://www.eexperts.ru/ecos-662-2.html>
3. Barskii K. M. Chto takoe syaokan? [What is Xiaokang?]. *Vostok — The East*. 1992. No. 5. Pp. 44–51.

УДК930 (517.3)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-8-216-220

Исследование кожаных доспехов и шлемов периода Монгольской империи в современной монголоведной историографии

© **Эрдэнэбат Данзангийн**

аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета

Россия, 670000 г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4

E-mail: munkhuutower@gmail.com

В статье рассмотрен комплекс защитного вооружения монгольского воина периода империи Чингисхана в монгольской исторической, этнографической науке. Дан краткий анализ основных работ монгольских ученых по рассматриваемой тематике. По мнению некоторых зарубежных ученых, после столкновений с монголами европейскими воинами были заимствованы отдельные виды наступательного и оборонительного вооружения монголов, подтолкнувшие процесс усовершенствования рыцарских доспехов и шлемов. Монголы в первую очередь занимались изготовлением луков и стрел, кривых сабель, доспехов, которые были удобны при использовании на скаку. Вместе с тем они обращали внимание и на бытовые нужды, строили подводы для юрт, в которые запрягают 3-4 или больше голов крупного рогатого скота, обычные подводы.

Ключевые слова: вооружение, шлем, панцирь, историография, монголы, кочевник

Study of Leather Armour and Helmet from the Age of the Mongol Empire in the Contemporary Mongolian Studies Historiography

Erdenebat D.

Research Assistant, Department of World and National history, Buryat State University

4, Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The article investigates the historical and ethnographic studies concerning an armature complex of Mongolian empire period in Mongolian. Author gives a brief analysis of Mongolian studies on the problem. According to some foreign scholars, European soldiers borrowed certain types of offensive and defensive weapons of Mongols after clashes with them. It precipitated the process of improving the knight's armor and helmets. Mongols primarily had produced such weapon as bows and arrows, sabres and armors, which were convenient for use for chavelry. However, they paid attention to the construction of facilities for everyday needs, such as carts for yurts, which were harnessed in 3-4 or more bulls

Keywords: armour and weapon, helmet, hauberk, historiography, Mongols, nomad

Военное дело монголов, создавших невиданную в мировой истории евразийскую державу в XIII–XVI вв., основывалось на боевых традициях монголо-тюркоязычных кочевников восточной части Центральной Азии периода древности и средневековья. Комплекс вооружения монголов соответствовал, а зачастую превосходил общий уровень его развития в кочевом мире в эпоху развитого средневековья. Монгольское оружие и защитный комплекс воина по мере расширения завоеваний огромных территорий Евразии чингисидами становятся образцом для заимствования, определяя основные направления вооружения во всем кочевом и западном мире.

Следует отметить, что в мировой монголоведной историографии, помимо трудов самих монгольских историков, уделялось недостаточное внимание производству, технике изготовления монгольских доспехов и шлемов, всего комплекса вооружения монгольских воинов.

Изменения методологической базы этнографических исследований на рубеже XX–XXI вв. в самой Монголии, пересмотр роли кочевников в мировой истории в востоковедных науках, в том числе в среде российских ученых, обусловили необходимость с новых методологических позиций проследить эволюцию монгольского комплекса вооружения, а также, опираясь на научные достижения в области изучения вооружения монгольских туменов, проанализировать военные успехи чингисидов в создании огромной империи «Монгол Их Улс», показать положительные и негативные стороны эволюции вооружения кочевников Великой Степи.

Актуальным в современной мировой ориенталистике является то, что, по мнению некоторых зарубежных ученых, после столкновений с монголами европейскими воинами были заимствованы отдельные виды наступательного и оборонительного вооружения монголов, подтолкнувшие процесс усовершенствования рыцарских доспехов и шлемов, который также необходимо всесторонне проанализировать. Безусловно, большое значение имело заимствование одного из видов пластинчатых панцирей с внутренним креплением пластин, от которого ведут свое происхождение русский куяк и за-

падная бригантина. Развитие доспехов как защитного вооружения на Ближнем и Среднем Востоке мы рассматриваем как местный вариант эволюции монгольского доспеха.

В период монгольских завоеваний широкое распространение в военном деле получает конский доспех. В то же время нельзя не отметить, что существенным новшеством в военном деле для кочевников средневековья было освоение монголами осадной техники в Китае, способствовавшей завоеванию оседло-земледельческих государств.

Необходимо признать, что военное дело монголов по уровню развития вооружений, форме военной организации, развитию военного искусства было наивысшей точкой эволюции в военной сфере жизнедеятельности в кочевом обществе. XIII в. для монголов был периодом, когда происходили этносоциальные процессы, характеризующиеся формированием народных традиций, языка монгольского народа, истоки которых уходят к временам империи Хунну. Ярким примером такой идентификации был комплекс защитного и наступательного вооружения. Кожаные доспехи и шлемы отражали воинские звания и различия воинов, были вершиной защитной одежды того времени. Поэтому значение и ценность кожаных доспехов и шлемов монголов до сих пор считаются большим историко-этнографическим наследием, которым восхищаются во всем мире. Комплекс вооружения чингисидов из Монголии, через Россию, Китай, Маньчжурию, Тибет, Японию, Корею распространялся во всем мире. Совершенствуясь, он был унаследован как самый главный вид боевых защитных одежд. Этот комплекс защитного и наступательного вооружения сохранился в музеях многих государств, входивших в орбиту государства чингисидов. Эти раритетные вещи стали интересными экспонатами и ценными предметами исследования современных ученых различного направления: историков, этнографов, дизайнеров одежды и других специалистов. И этот факт является гордостью монгольской национальности и этнических меньшинств монголоязычного мира.

Несомненно, кожаные одежды и изделия были самыми подходящими в кочевой жизни монголов. С рождения ребенка кожаные вещи являлись неотъемлемой частью монгольского этномира. В кожаные вещи, в первую очередь овчину, пеленались новорожденные, в кожаной одежде росли монгольские дети. В то же время и взрослые люди предпочитали кожаные одежды, носили накидки из волчих и козьих шкур и других животных. Все эти предметы быта и одежды применялись в зависимости от четырех сезонов природы. Изделия из кожи защищали тела воинов, играли главную роль при ведении боевых действий, становились неотъемлемым предметом погребальной одежды.

К концу XII — началу XIII в. с развитием производительных сил и под влиянием более культурных соседей — кочевых скотоводческих племен — начался процесс разложения первобытнообщинного строя у лесных монголоязычных племен. Основное богатство монгольских скотоводческих племен (татар, кэрэитов, найманов и других) составляли мелкий и крупный рогатый скот и лошади. Верблюдов было мало. Овцы играли у монголов первостепенную роль.

О роли лошади в жизни кочевников китайский историк Мэн Хун писал: «Татары рождаются и вырастают в седле и на лошади; они сами собой научаются сражаться, потому что их жизнь круглый год проводится на охоте». Лошадь являлась средством передвижения, лошадь была боевым товарищем в походе, на войне и в облавной охоте, наконец, лошадь давала молоко, из которого монголы готовили кумыс. Монголы-кочевники и скотоводы могли вести свое хозяйство лишь в обстановке перекочевков, причем летники и зимники того или иного племени были точно определены. Направление перекочевков определялось составом стад: что подходило овцам, не подходило для лошадей. Кочевали монголы куренями (кольцом)».

В конце XII — начале XIII в. в степях Монголии почти завершился процесс перехода от доклассового общества к раннефеодальному. Мы сознательно оставляем в стороне дискуссионную методологическую проблему в кочевниковедении, характеризующуюся признанием или отсутствием у кочевников феодальных отношений, анализируемых в работе Н. Н. Крадина и Т. Д. Скрынниковой в работе «Империя Чингис-хана» (глава «Сущность проблематики: кочевники и теории истории»).

В каждом монгольском племени уже существовал могущественный слой кочевой знати — нойоны. Рашид ад-Дин в «Сокровенном сказании» приводит много фактов, подтверждающих то, что монголы-кочевники в этот период имели в составе почти всех племен богатых скотоводов, степную скотоводческую знать — нойонов. Система нойонатства имела свою структуру, обозначаемую титулами. А именно: «багатур» — богатырь, «сэчэн» — мудрый, «мэргэн» — меткий стрелок, «билгэ» — мудрый, «букэ» — силач». Часто они носили титулы, заимствованные у других народов или принятые от китайских императоров. Носителей этих титулов определяли по комплексу наступательного и защитного вооружения, особым отметкам и символам в одежде.

Для успешного ведения войн кочевникам была необходима мощная военная организация. Исследователям удалось подметить интересное обстоятельство: степень централизации кочевников прямо пропорциональна величине соседней земледельческой цивилизации.

Кожаные изделия, кожаные доспехи и шлемы монгольских воинов, которые использовались, когда они властвовали над половиной мира, сформировав Монгольскую империю, стали национальной гордостью монголов и являются ценным наследием в истории завоеваний Ойкумены монголами. Этим определяется гордость монгольского народа, это легендарное наследие необходимо передавать будущим поколениям.

Существует большой комплекс исследовательских работ монгольских и зарубежных ученых, которые изучали кожаные доспехи, шлемы, оружие, в том числе луки и саадак (сумка для хранения стрел) периода Монгольской империи.

В ходе эволюционного развития, непрерывных войн между племенами, группами племен и прочими людьми стали изготавливать из шкур животных одежды, которые защищали их от врагов во время войн. При анализе комплекса работ монгольских и иностранных учёных необходимо сделать вывод о том, что со временем кожаные изделия тех времен изнашивались, исчезали, но основной комплекс вещей нашел подробное отражение в рисунках и ремесленных работах того времени. Эти материалы со временем стали неоценимыми. Кроме того, ученые проводят свои исследования, основываясь на этих оставшихся артефактах, приходя к определенным выводам и заключениям. Этому посвящен ряд исследований монгольских и зарубежных учёных, где раскрываются основные материалы о культуре кожаной одежды и кожаных изделий, о доспехах и шлемах монгольского народа [1].

Изучение национальных исторических, традиционных кожаных доспехов и шлемов и есть часть вклада, которую внес монгольский народ в исследование этнографии, культуры и цивилизации человечества. Кожаные доспехи и шлемы не только неразрывно связаны с историей Монголии, но они также показывают особенное уникальное наследие культуры Великой империи кочевников.

Весь этот комплекс материалов развивается как отдельная научная линия в монголоведении, представляя историю древности и средневековья через богатые традиции истории кочевых народов. Монголы с ранних времен принимали законы о воинских одеждах и соблюдали эти законы внутри подвластных государств. Династия Хунну, которая сформировала первое государство на земле монголов, соблюдала собственные законы о государственности и об одеждах. Великие монгольские императоры Чингисхан, Мункэ, Хубилай устанавливали стиль кожаных доспехов и шлемов в воинской одежде, узаконивая их по воинским званиям и различиям.

Воинская культура, которую оставили монголы в истории человечества, использование монголами кожаных доспехов и шлемов, в целом кожаных изделий в XIII в. и ранее изучил доктор Х. Нямбуу, который подробно описал эти процессы в большой работе «История национальных одежд Монголии» [2]. Доктор Х. Нямбуу в своем исследовании проанализировал соблюдение закона «О воинской одежде», принятого с древних времен в истории национальной одежды Монголии. Отмечая особенности вооружения монголов, он пишет: «...Луки Хун были двух типов: легкие и тяжелые, кроме этого, также были традиции применять доспехи для лошадей» [2]. Этот тезис подтверждает положение о том, что монголы защищали доспехами не только своих воинов, но и своих лошадей. Это соответствовало кочевому образу жизни и мышлению монголов, для которых лошадь (среди пяти видов скота, обожествляемых ими) находилась на первом месте.

В исследованиях учёных, которые изучали искусство и культуру древних государств Центральной Азии, выявленных на основании археологических находок, анализируется процесс развития искусства изготовления кожаных одежд и изделий [3].

Доктор исторических наук Монголии Д. Майдар в книге «Чингисхаан и Монгольская империя», проанализировав иностранные источники, отражающие государственную деятельность Чингисхана, уделил большое внимание культуре кочевнической жизни. Ученый подробно описал использование воинами кожаных доспехов и шлемов, процессы изготовления этих воинских атрибутов [4]. В исследовательской книге «Наследие Чингисхана» доктор Ж. Саруулбуян отмечал, что «доспехи коней легкие и не мешают, когда они ходят в атаку. Делают их из мягких шкур, кожи, войлока и железа, как делают из этих же материалов доспехи для богатырей. Принцип тот же. Для лба, колена и голени имеются отдельные компоненты защиты» [5]. Этот пример является существенным примером в оценке защитных вооружений монголов и их изготовления. Ж. Саруулбуян сделал вывод, что защитные доспехи для коня были скрупулезно продуманными.

Иностранные исследователи, монгольские ученые, особенно академик Б. Ринчин, пишут, что все ценные материалы исследования «составят несколько десятков подвод». В 1961 г. известный учёный, археолог Ц. Доржсүрэн проводил исследования 43 захоронений времен эпохи Хунну и, основываясь на исследованиях наших и иностранных учёных, написал книгу «Северные Хунну». Это первая ценная научная работа, подготовленная с использованием археологических исследований об империи Хунну.

Особенностью монгольской жизнедеятельности было то, что они готовили из продуктов животноводства не только доспехи и шлемы, но и луки со стрелами. Монголы жили кочевой жизнью, благодаря животным номады производили почти все, что было нужно для жизни: бытовые изделия, детали для производства оружия, защитные доспехи и шлемы, чем стоит гордиться. С другой стороны, эти все вещи не только увязываются друг с другом, но и взаимно дополняются. Способность монголов стрелять далеко из лука, изготовленного из материалов животного происхождения, сухожилий различных животных, увековечена на знаменитом камне Чингисхана.

Известный историк, учёный Ш. Нацагдорж отмечал: «Тот факт, что наши мудрые старцы нас учили на протяжении истории тому, что если бы не было скота и пастухов, то не было бы монголов, и это было политикой с глубоким смыслом, с дальним прицелом и связано с независимостью нации» [6].

Монгольские учёные подсчитали, сколько нужно металла для экипировки одного воина, количество требуемого железа для подготовки доспехов, шлемов, стремени седла, амгай для уздечки, напильников для заточки различных наконечников стрел, секателя кремния. Вычислили примерное количество людей, которые будут работать в кустарном ремесленном производстве, и констатировали, что возможности взять извне необходимое количество железных материалов были ограниченными [6].

Историк А. Дамдинсүрэн писал, что «монголы в XIII в. могли 4–6 лошадей, защищенных железными пластинчатыми доспехами, запрягать в упряжку» [7]. В то же время во время правления Угэдэй хана много поддержки было оказано ремесленному производству этих изделий. Монголы в первую очередь занимались изготовлением луков и стрел, кривых сабель, доспехов, которые были удобны при использовании на скаку. Вместе с тем они обращали внимание на бытовые нужды, строили подводы для юрт, в которые запрягают 3–4 или больше голов крупного рогатого скота, обычные подводы [6]. Учёный из Внутренней Монголии Намсрай в работе «Галдан бошгот» подробно описал воинское оружие, доспехи, шлемы войска Зюнгар ханства [8].

Во время правления императора Хубилая модели кожаных одежд, доспехов и шлемов монгольского воина были различные для каждого вида и подразделения войск, например, десятник, сотник, тысячник, десятитысячник — по подразделениям, снайпер-стрелок, караульный, копьедержатель, последователь, спутник, дистанционные дозоры, воин правого и левого фланга, южного и северного фланга, стражник, агент, разведчик или ночной лазутчик — по родам и видам деятельности. Имелись также различия по цветам, знакам различия. Поэтому доспехи и шлемы монгольских воинов являются огромным наследием и требуют дальнейших исследований. Кожаные доспехи и шлемы, ставшие ценными памятниками и наследием истории Монголии, дошедшие до нашего времени, впитали элементы быта, разум монголов на каждом этапе истории этноса.

Литература

1. Амар А. Краткая история Монголии. — Улан-Батор, 1934. — Т. 1; Армянские источники о Монголии. — М., 1962; Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — М., 1963. — Т. 2; СПб., 1900. 2-е изд.; Его же. История изучения Востока в Европе и России. — Л., 1925; Его же. Сочинения. — М., 1968. — Т. 4-5; Его же. Очерки изучения Семиречья. — М., 1923. — Т. 2, ч. 1; Бира Ш. Монгольская тибетоязычная историческая литература. — Улан-Батор, 1960; Бира Ш. Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. — Улан-Батор, 1974; Нямбуу Х. История национальных одежд Монголии. — Улан-Батор, 2002; Таскин В. С. Материалы по истории ухуанцев и сяньби // Дальний Восток и соседние территории в Средние века. — Новосибирск, 1980; Сүхбаатар Г. К вопросу об этнической принадлежности хуннов (сюнну) // Проблемы Дальнего Востока. — М., 1976; Цэвээндорж Д. Новые данные по археологии Хунну (по материалам раскопок 1972–1977 гг.) // Древние культуры Монголии. — Новосибирск, 1985; Руденко С. И. Культура алтайцев — наследница древней цивилизации кочевников Центральной Азии // Этнографическое обозрение. — 2000. — № 5; Новгородова Э. А. Древняя Монголия (некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). — М., 1989; Ишжамц Н. Культуры, религия, обряды Сяньби Нирун, Тоба // История Монголии (с античных времен до середины XII в.). — Улан-Батор, 2003. — Т. 1; Гумилев Л. Н. История народа Хунну. — Кн. 1. — М., 2002.; Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. — М., 1980; Майдар Д. Чингисхан и Монгольская империя. — Улан-Батор, 1990.
2. Нямбуу Х. История национальных одежд Монголии. — Улан-Батор, 2002. — 320 с.
3. Таксин Е. И. Материалы по истории ухуанцев и сяньби // Дальний Восток и соседние территории в Средние века. — Новосибирск, 1980; Сүхбаатар Г. К вопросу об этнической принадлежности хуннов (сюнну) // Проблемы Дальнего Востока. — М., 1976; Мөн түүний Сяньби. — Улаанбаатар, 1971; Цэвээндорж Д. Новые данные по археологии Хунну (по материалам

раскопок 1972–1977 гг.) // Древние культуры Монголии. — Новосибирск, 1985; Руденко С. И. Культура алтайцев — наследница древней цивилизации кочевников Центральной Азии // Этнографическое обозрение. — 2000. — № 5; Новгородова Э. А. Древняя Монголия (некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). — М., 1989; Ишжамц Н. Культуры, религия, обряды Сяньбы Нирун, Тоба // История Монголии (с античных времен до середины XII в.). — Улан-Батор, 2003. — Т. 1; Гумилев Л. Н. История народа Хунну. — Кн. 1. — М., 2002; Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. — М., 1980.

4. Майдар Д. Чингисхан и Монгольская империя. — Улан-Батор, 1990. — С. 22.
5. Саруулбуян Ж. Боевые кони Чингисхана. Наследие Чингисхана. — Улан-Батор, 2012. — С. 139.
6. Нацагдорж Ш. История Монголии. — Улан-Батор, 1994. Т. 2.
7. Дамдинсурэн А. История монгольского оружия. — Улан-Батор, 1995. — С. 115.
8. Намсарай. Галдан бошгот. — Улаанбаатар, 2011. — С. 21-23.

References

1. Amar A. Kratkaya istoriya Mongolii [A Brief History of Mongolia]. *Armyanskie istochniki o Mongolii — Armenian sources about Mongolia*. Moscow, 1962; Bartol'd. V. V. *Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya* [Turkestan in the era of Mongol invasaion]. Moscow, 1963, V. 2; Bartol'd. V. V. *Istoriya izucheniya Vostoka v Evrope i Rossii* [The history of Oriental studies in Eastern Europe and Russia]. Leningrad, 1925; Bartol'd V. V. *Sochineniya* [Writings]. Moscow, 1968. V. 4–5; Bartol'd. V. V. *Ocherki izucheniya Semirech'ya* [Essays of Semirechye studying]. Moscow, 1923. V. 2. Part 1.; Bira Sh. *Mongol'skaya tibetoyazychnaya istoricheskaya literatura* [Mongolian historical literatura in Tibetan]. Ulaanbaatar, 1960; Bira Sh. *Rol' kochevykh narodov v tsivilizatsii Tsentral'noi Azii* [The role of the nomadic peoples in civilization of Central Asia]. Ulaanbaatar, 1974; Nyambuu Kh. *Istoriya natsional'nykh odezhd Mongolii* [The history of Mongolian national clothes]. Ulaanbaatar, 2002; Taskin V. S. *Materialy po istorii ukhuantsei i syan'bi* [Materials on the history of Wuhuan and Xianbi]. *Dal'nyi Vostok i sosednie territorii v srednie veka — The Far East and neighboring territories in the Middle Ages*. Novosibirsk, 1980; Sykhbaatar G. K. *voprosu ob etnicheskoj prinadlezhnosti khunnov (syunnu)* [To the problem of Huns (Xiongnu) ethnicity]. *Problemy Dal'nego Vostoka — Problems of the Far East*. Moscow, 1976; Tseveendorzh D. *Novye dannye po arkhologii Khunnu (Po materialam raskopok 1972–1977)* [The new data on the Huns archeology (According to the excavations of 1972–1977)]. *Drevnie kul'tury Mongolii — Ancient cultures of Mongolia*. Novosibirsk, 1985; Rudenko S. I. *Kul'tura altaitsev — naslednitsa drevnei tsivilizatsii kochevnikov Tsentral'noi Azii Xiongnu* [Culture of the Altai people — a heritage of Central Asian nomads Xiongnu ancient civilization]. *Etnograficheskoe obozrenie — Ethnographic Review*. 2000. No. 5; Novgorodova E. A. *Drevnyaya Mongoliya (Nekotorye problemy khronologii i etnokul'turnoi istorii)* [Ancient Mongolia (Some problems of chronology and ethno-cultural history)]. Moscow, 1989; Ishzhamts N. *Kul'tury, religiya, obryady Syan'by Nirun, Toba* [Cultures, religions, rituals of Sianbi Nirun, Toba]. *Istoriya Mongolii (S antichnykh vremen do serediny XII veka) — History of Mongolia (From ancient times till the middle of the 12th century)*. Ulaanbaatar, 2003. V. 1; Gumilev L. N. *Istoriya naroda Khunnu* [History of the Huns people]. Moscow, 2002. Bk 1; Viktorova L. L. *Mongoly. Proiskhodzhenie naroda i istoki kul'tury* [Mongols. The origin of the people and culture]. Moscow, 1980; Maidar D. *Chingiskhan i Mongol'skaya imperiya* [Genghis Khan and the Mongol Empire]. Ulaanbaatar, 1990.
2. Nyambuu Kh. *Istoriya natsional'nykh odezhd Mongolii* [History of Mongolian national clothes]. Ulaanbaatar, 2002. 320 p.
3. Nyambuu Kh. *Istoriya natsional'nykh odezhd Mongolii* [History of Mongolian national clothes]. Ulaanbaatar, 2002. P. 26
4. Taskin V. S. *Materialy po istorii ukhuantsei i syan'bi* [Materials on the history of Wuhuan and Xianbi]. *Dal'nyi Vostok i sosednie territorii v srednie veka — The Far East and neighboring territories in the Middle Ages*. Novosibirsk, 1980; Sykhbaatar G. K. *voprosu ob etnicheskoj prinadlezhnosti khunnov (syunnu)* [To the problem of Huns (Xiongnu) ethnicity]. *Problemy Dal'nego Vostoka — Problems of the Far East*. Moscow, 1976; *Men tyunii Syan'bi*. Ulaanbaatar, 1971 (Mong.); Tseveendorzh D. *Novye dannye po arkhologii Khunnu (Po materialam raskopok 1972–1977)* [The new data on the Huns archeology (According to the excavations of 1972–1977)]. *Drevnie kul'tury Mongolii — Ancient cultures of Mongolia*. Novosibirsk, 1985; Rudenko S. I. *Kul'tura altaitsev — naslednitsa drevnei tsivilizatsii kochevnikov Tsentral'noi Azii Xiongnu* [Culture of the Altai people — a heritage of Central Asian nomads Xiongnu ancient civilization]. *Etnograficheskoe obozrenie — Ethnographic Review*. 2000. No. 5; Novgorodova E. A. *Drevnyaya Mongoliya (Nekotorye problemy khronologii i etnokul'turnoi istorii)* [Ancient Mongolia (Some problems of chronology and ethno-cultural history)]. Moscow, 1989; Ishzhamts N. *Kul'tury, religiya, obryady Syan'by Nirun, Toba* [Cultures, religions, rituals of Sianbi Nirun, Toba]. *Istoriya Mongolii (S antichnykh vremen do serediny XII veka) — History of Mongolia (From ancient times till the middle of the 12th century)*. Ulaanbaatar, 2003. V. 1.; Gumilev L. N. *Istoriya naroda Khunnu* [History of the Huns people]. Moscow, 2002. Bk 1; Viktorova L. L. *Mongoly. Proiskhodzhenie naroda i istoki kul'tury* [Mongols. The origin of the people and culture]. Moscow, 1980.
5. Maidar D. *Chingiskhan i Mongol'skaya imperiya* [Genghis Khan and the Mongol Empire]. Ulaanbaatar, 1990. P. 22.
6. Saruulbuyan Zh. *Boevye koni Chingiskhana, Nasledie Chingiskhana* [War horses of Genghis Khan, Genghis Khan's Heritage]. Ulaanbaatar, 2012. Pp.139.
7. Natsagdorzh Sh. *Istoriya Mongolii* [History of Mongolia]. Ulaanbaatar, 1994. V. 2.
8. Natsagdorzh Sh. *Istoriya Mongolii* [History of Mongolia]. Ulaanbaatar, 1994. V. 2. P. 57.
9. Damdinsyren A. *Istoriya mongol'skogo oruzhiya* [History of Mongol weapons]. Ulaanbaatar, 1995. P.115.
10. Natsagdorzh Sh. *Istoriya Mongolii* [History of Mongolia]. Ulaanbaatar, 1994. V. 2. P. 149.
11. Namsrai. *Galdan boshgot*. Ulaanbaatar, 2011. Pp. 21–23. (Mong.)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Бадагаров Ж. Б. Имя числительное в дагурском и бурятском языках	3
Бадмацыренова Н. Б. Категории модуса в монгольском языке	9
Бадмацыренова Н. Б. Уступительное наклонение в монгольских языках	13
Бальжинимаева Б. Д. Термины, обозначающие инструментарий дарханов в монгольских языках	15
Биликова М. З., Шахаева А. А. Характеристика разносистемных языков с позиций типологии моделей лексикализации Л. Талми (на примере бурятского, китайского и турецкого языков)	23
Бухоголова С. Б. Языковой сдвиг и современная языковая ситуация у новых баргутов КНР	26
Васильева Д. Н.-Д., Батодариева С. С. Личные имена монголов и бурят	30
Васильева Д. Н.-Д., Токтохоева А. Б. Развитие семантики слов монгольского языка на материале имен прилагательных из романа Ш. Нацагдоржа «Болор толь»	35
Ван Чуньюэ. Практическое исследование по подготовке к экзамену HSKK за рубежом	40
Гуань Ичунь, Гуань Яньцин. Экспериментальное исследование тонов односложных иероглифов в чанчуньском наречии	45
Дамдинова Б.-Х. В. Китаизмы в морфологическом способе образования слов в монгольских языках	50
Дашеева В. В. Явление табуизации в некоторых традиционных антропонимиконах восточных народов	54
Жанцанова М. Г., Карнапольцева А. П. Буддийские мотивы в творчестве Кобаяси Иссы (1763–1827)	60
Кулач Эртугрул. Компаративные послелогои в бурятском и турецком языках	64
Мункуева Н. С. Грамматические средства выражения видовых значений в современном корейском языке	67
Отгонтуул Тогтох, Ха Ин Хва. Словообразование образных и подражательных слов в корейском и монгольском языках	73
Сторожук А. Г. Драконья дева в китайских верованиях и литературных описаниях	80

ИСТОРИЯ. ФИЛОСОФИЯ

Актамов И. Г., Бадмацыренов Т. Б. Монгольская молодежь и политика: виртуальное измерение национальной безопасности	85
Бадманямбугийн Бат-Эрдэнэ, Рэгжийбуугийн Ням-Дорж, Сагалеев А. С. Единоборство как феномен этнокультуры монгольских народов	89
Бадманямбугийн Бат-Эрдэнэ, Рэгжийбуугийн Ням-Дорж, Сагалеев А. С. Теоретико-методологические положения востоковедных исследований в физической культуре и спорте	95
Балдоржиева В. Б. Из истории народного лечения закаменских бурят	103
Батунаев Э. В. Некоторые аспекты системы государственного управления Монголии в составе Цинской империи	107
Батжаргал Нямаахуугийн. Континентальные цивилизации на международном уровне	111
Бураев Д. И., Балданова Р. А. Образы России в Китае (по материалам опроса в городе Гуанчжоу)	119
Гармаханов М. Ц. «Корейская волна» в Китае	123
Гомбоева С. В. Особенности материальной культуры орохонов Китая (на материале экспедиций)	127
Дарибазарон Д. Э. Ламрим как жанр тибетской буддийской литературы	131

Дашибалов Э. Б. Контакты и взаимоотношения древних монголоязычных народов с предками тунгусо-маньчжуров и корейцев	137
Жабон Ю. Ж. Тибетские комментарии к «Чжуд-ши»	145
Жамсуева Д. С. Культовый декор Цугольского Цокчен-дацана	149
Золхоев Б. В. О дате рождения Чингисхана (по материалам средневековых источников и исследованиям современных авторов)	156
Маншеев Д. М. Архивные документы по истории хозяйства бурят XIX века	161
Марханова Т. Ф. Великий канал как путь к объединению Севера и Юга Китая при династии Суй (581–618)	165
Муратшина К. Г. Гуманитарные и экологические риски использования труда мигрантов в сельском хозяйстве России (на примере сотрудничества с КНР)	172
Стеженская Л. В. Первые переводы «Шан шу» на европейские языки (XVI–XVIII вв.)	183
Ташак В. И. Палеолит Селенги на территории России и Монголии (перспективы исследований)	188
Цыбенев Б. Д. Типы захоронений и некоторые погребальные обряды как источники по изучению этногенеза дауров	196
Цыренов Ч. Ц. Религиозно-философский дискурс о душе и теле в эпоху Лю Сун (420–479 г. н. э.) (по материалам сочинения буддиста-мирянина Чжэн Сяньчжи «Рассуждения о бессмертии души»)	202
Шохоев Э. К. Статистический мониторинг всестороннего построения общества «сяо-кан» (малое благоденствие)	210
Эрдэнэбат Данзангийн. Исследование кожаных доспехов и шлемов периода Монгольской империи в современной монголоведной историографии	216

CONTENTS

PHILOLOGY

Badagarov J. B. Numerals in Dagur and Buryat	3
Badmatsyrenova N. B. Modus Categories in the Mongolian Language	9
Badmatsyrenova N. B. Concessive Mood in the Mongolian Languages	13
Balzhinimaeva B. D. Terms Denoting Darhan's Tools in Mongolian Languages	15
Bilikova M. Z., Shakhaeva A. A. Characteristics of Different System Languages in Lexicalization Patterns of Talmy's Typology (Buryat, Chinese, Turkish languages)	23
Buchogolova S. B. Language Shift and Modern Language Situation at the New Barguts of China	26
Vasilieva D. N.-D., Batodarieva S. S. Personal Names of the Mongols and Buryats	30
Vasilieva D. N.-D., Batodarieva S. S. Study of Development of the Word's Semantics in Mongolian Based on Adjectives in Sh. Natsagdorj's Novel «Bolor Toli»	35
Wang Chunyue. Practice Research of HSKK Training abroad	40
Guan Yichun, Guan Yanqing. Phonetic Experiment on the Changchun Dialect Pronunciation of Individual Words	45
Damdinova B.-Kh. V. Sinoisms in Morphological Method for Word Formation in the Mongol Languages	50
Dasheeva V. V. «Taboo» in Some Eastern Nations' Traditional Anthroponomical Systems	54
Zhantsanova M. G., Karnapoltseva A. Buddhist Motifs in the Haiku-poems of Issa Kobayashi (1763–1827)	60
Kulach Ertugrul. Comparative Postpositions in Modern Buryat and Turkish Languages	64
Munkueva N. S. Grammatical Forms Expressing Aspectual Meanings in Modern Korean	67
Otgontuul Togtoh, Ha In Hua. Word Formation of Onomatopoeia and Mimetic Words in Korean and Mongolian	73
Storozhuk A. G. Dragon Lady in Chinese Beliefs and Literary Descriptions	80

HISTORY. PHILOSOPHY

Aktamov I. G., Badmatsyrenov T. B. Mongolian Youth and Politics: the Virtual Dimension of the National Security	85
Badmanyambugiin Bat-Erdene. Regzhiibuugiin Nyam-Dorzh. Sagaleev A. S. Single Combat as a Mongolian Nations Ethnic Culture Phenomenon	89
Badmanyambugiin Bat-Erdene, Regzhiibuugiin Nyam-Dorzh, Sagaleev A. S. Theoretical and Methodological Statements of Oriental Studies Researches in Physical Culture and Sport	95
Baldorzhieva V. B. From History of Zakamensk's Buryats Traditional Treatment	103
Batunaev E. V. Some Aspects of Public Administration of Mongolia in the Composition Qing Empire	107
Nyamaahuugiyn Batjargal. Continental Civilizations and Cultures on the International Level	111
Buraev D. I., Baldanova R. A. Images of Russia in China (According to the Survey in Guangzhou City)	119
Garmahanov M. Ts. «Korean Wave» in China	123
Gomboeva S. V. Material Culture's Features of Orochon People of China (Based on Expeditions)	127
Daribazaron D. E. Lamrim as a Genre of Tibetan Buddhist Literature	131
Dashibalov E. B. Contacts and Relationships of Ancient Mongols with the Ancestors of Manchutungus and Koreans	137
Zhabon Y. Zh. Tibetan Commentaries on the <i>Rgyud Bzhi</i>	145
Zhamsueva D. S. The Cultic Ornament of Tsugolsky Dzogchen Datsan	149
Zolkhoev B. V. The Date of Birth of Genghis Khan (Based on the Medieval Sources and Studies of Modern Researchers)	156
Mansheev D. M. Archival Documents on the History of Buryat's Economy of the XIX century	161

Markhanova T. F. The Grand Canal as a Unification Way of the North and South China During the Sui Dynasty (581–618)	165
Muratshina K. G. Human and Environmental Risks of the Use of Migrant Labour in Russia' Agriculture (on Example of Cooperation with the PRC)	172
Stezhenskaya L. V. The First «Shang shu» Translations into European Languages (XVI–XVIII centuries)	183
Tashak V. I. The Palaeolithic of the Selenga River at the Territory of Russia and Mongolia (Possibility of Investigations)	188
Tsybenov B. D. Types of Tombs and Some Funeral Rites as Sources for the Study of the Daur's Ethnogenesis	196
Tsyrenov Ch. Ts. Religious and Philosophical Discourse Concerning a Soul and a Body in the LIU SONG Period (420–479 AD)	202
Shokhiev E. K. The Statistical Monitoring of the Comprehensive Process of «Xiaokang» (Little Prosperity) Society Building	210
Erdenebat D. Study of Leather Armour and Helmet from the Age of the Mongol Empire in the Contemporary Mongolian Studies Historiography	216

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА

Вестник БГУ включен в подписной каталог Роспечати за № 18534 и Перечень изданий Российской Федерации, где должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

На основании постановления заседания Ученого совета БГУ за № 10 от 28 мая 2009 г. в «Вестнике БГУ» в 2015 г. публикуются статьи по следующим направлениям:

1. Педагогика (январь)

гл. ред. Дагбаева Нина Жамсуевна – тел. 21-04-11; 44-23-95

эл. адрес: vestnik_pedagog@bsu.ru

2. Экономика. Право (февраль)

гл. ред. Атанов Николай Иванович – тел. 21-37-44

эл. адрес: vestnik_econom@bsu.ru

3. Химия, физика (март)

гл. ред. Хахинов Вячеслав Викторович – тел. 43-42-58

эл. адрес: khakhinov@mail.ru

4. Биология, география (март)

гл. ред. Доржиев Цыдып Заятуевич – тел. 21-03-48

эл. адрес: vestnik_biolog@bsu.ru

5. Психология, социальная работа (апрель)

гл. ред. Базарова Татьяна Содномовна – тел. 21-26-49

эл. адрес: decspf@mail.ru

6. Философия, социология, политология, культурология (апрель)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

7. История (май)

гл. ред. Митупов Константин Батомункич – тел. 21-64-47

эл. адрес: vestnik_history@bsu.ru

8. Востоковедение (май)

гл. ред. Бураев Дмитрий Игнатьевич – тел. 44-25-22

эл. адрес: gailia@mail.ru

9. Математика, информатика (июнь)

гл. ред. Булдаев Александр Сергеевич – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_bsu_math@rambler.ru

10. Филология (сентябрь)

гл. ред. Имixelова Светлана Степановна – тел. 21-05-91

эл. адрес: 223015@mail.ru; map1955@mail.ru

11. Романо-германская филология (сентябрь)

гл. ред. Ковалева Лариса Петровна – тел. 21-17-98

эл. адрес: klp@bsu.ru, khida@mail.ru

12. Медицина, фармация (октябрь)

гл. ред. Хитрихеев Владимир Евгеньевич – тел. 44-82-55

эл. адрес: vestnik_medicine@bsu.ru

13. Физкультура и спорт (октябрь)

гл. ред. Гаськов Алексей Владимирович – тел. 21-69-89

эл. адрес: gaskov@bsu.ru

14. Философия, социология, политология, культурология (ноябрь)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

15. Теория и методика обучения (декабрь)

гл. ред. Очиров Михаил Надмитович – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_method@bsu.ru

Требования к оформлению статей, представляемых в «Вестник БГУ»

Отбор и редактирование публикуемых статей производятся редакционной коллегией из ведущих ученых и приглашенных специалистов.

В «Вестник БГУ» следует направлять статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны и значимостью. Каждая статья имеет УДК, а также письменный развернутый отзыв (рецензию) научного руководителя или научного консультанта, заверенный печатью. Рецензенты должны являться признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и иметь в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

Автор статьи обязан заключить лицензионный договор о предоставлении неисключительных прав на использование созданного им произведения (статьи) ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет». Образец лицензионного договора представлен на сайте БГУ.

Общие требования	Тексты представляются в электронном и печатном виде. Файл со статьей может быть на дискете или отправлен электронным письмом. На последней странице – подпись автора(ов) статьи. Название статьи и аннотация даются и на английском языке. Аннотация (авторское резюме) должна заключать от 100 до 250 слов. После аннотации дать ключевые слова (не менее семи слов) на русском и английском языках. Несоответствие между русскоязычным и англоязычным текстами не допускается. Выполнить транслитерацию русского текста литературы латиницей
Электронная копия	Текстовый редактор Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97). В имени файла указывается фамилия автора
Параметры страницы	Формат А4. Поля: правое – 15 мм, левое – 25 мм, верхнее, нижнее – 20 мм
Форматирование основного текста	С нумерацией страниц. Абзацный отступ – 5 мм. Интервал – полуторный
Гарнитура шрифта	Times New Roman. Обычный размер кегля – 14 пт. Список литературы и аннотация – 12 пт
Объем статьи (ориентировочно)	Краткие сообщения – до 3 с., статьи на соискание ученой степени кандидата наук – 8–12 с., на соискание ученой степени доктора наук – 10–16 с. Название статьи должно содержать не более 10 слов
Сведения об авторах	Указываются фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность и место работы, страна, адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы, e-mail (на русском и английском языках)

• Список литературы – все работы необходимо пронумеровать, в тексте ссылки на литературу оформлять в квадратных скобках.

• Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются. Все статьи проходят проверку в системе «Антиплагиат. ВУЗ».

• Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией выпуска «Вестника БГУ». Корректурa авторам не высылается, присланные материалы не возвращаются.

• Статьи принимаются в течение учебного года.

• Допустима публикация статей на английском языке, сведения об авторах, название и аннотацию которых необходимо перевести на русский язык.

• Формат журнала 60x84 1/8.

• Рисунки и графики должны иметь четкое изображение. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее 300 dpi. Диаграммы, рисунки, графики должны прилагаться отдельными файлами, чтобы издательство имело возможность ввести в них правки. Математические формулы в текстах должны быть выполнены в MathType. Если работа содержит примеры на старославянском языке или языках народов, то отправить соответствующие символы.

Стоимость обработки 1 с. (формата А4) для преподавателей БГУ составляет 200 р., для остальных – 400 р. Для аспирантов – бесплатно.

Адрес: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, Издательство БГУ.

Факс (301-2)-21-05-88

Оплата производится при получении счета от бухгалтерии БГУ.